

С Е К Т Ы
Х Л Ы С Т О В Ъ И С К О П Ц О В Ъ .

СО Ч И Н Е Н І Е

Константина Кутепова.

2033

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1882.

дина: „О скопческой ереси“, изданномъ въ 1845 году (по изд. Кельсиева 110—116 стр. Сбор. прав. свѣд. о раск. III т. Лондонъ. 1862 г.). Упомяная о хлыстахъ, Надеждинъ ограничивается только краткимъ указаніемъ на сущность догматическаго ученія хлыстовъ. Въ 1848 г. послѣдовало изданіе „Указа императрицы Анны Іоанновны св. Синоду“ въ „Чтен. общ. ист. и др. рос.“ VI кн. 66—74. Указъ этотъ относится ко времени пераго громаднaго слѣдствія о московскихъ хлыстахъ, случившагося въ 1733—1734 гг. и сообщаетъ свѣдѣнія отчасти относительно ученія и культа хлыстовъ, отчасти же и историческія, относящіяся къ тому времени. Указъ импер. Анны Іоанновны, впрочемъ, напечатанъ былъ ранѣе, именно въ 1830 г. въ „Полн. Собр. Зак. Рос. Имп.“ въ IX т. Съ 1848 по 1858-й годъ не было ни одного спеціального сочиненія, а равно не было ни одной статьи, посвященной предмету изученія хлыстовской секты. Статьи И. М. Добротворскаго, помѣщенныя въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1858 г. 1 и 2 ч. и за 1860 г. 3 ч. были первымъ опытомъ научнаго изслѣдованія хлыстовщины. Съ этого времени въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ появляется рядъ статей, посвященныхъ тому же предмету и разсматривающихъ его съ разныхъ сторонъ; появляются даже опыты „изслѣдованія“ секты, издаются матеріалы, относящіяся къ этому предмету; изученіе секты, повидимому, становится достояніемъ науки. Все, что до сего времени извѣстно въ печати по предмету изслѣдованія хлыстовской секты можетъ быть раздѣлено по своему достоинству и значенію для изслѣдователя на два рода: на источники и пособія.

Соотвѣтственно съ предметами, которые составляютъ содержаніе источниковъ, послѣдніе могутъ быть раздѣлены на двѣ группы; въ однихъ налагается внутренняя сторона хлыстовской секты или, по крайней мѣрѣ, по преимуществу; въ другихъ же—внѣшняя. Къ первой группѣ относятся:

1) Пѣсни или такъ называемые духовные распѣвцы хлыстовъ, которые поются обыкновенно послѣдними во время радѣній. Составленіе распѣвцевъ принадлежитъ пророкамъ, которые обязаны каждый разъ во время радѣній составлять, импровизировать „пѣснь нову Господеву“. Помимо своего литературнаго достоинства, которое безъ сомнѣнія принадлежитъ пѣснямъ, онѣ представляютъ богатый и въ нѣкоторыхъ случаяхъ единственный источникъ при изученіи секты хлыстовъ. Во многихъ изъ нихъ можно находить множество догматическихъ и нравственныхъ мыслей, а также относящихся къ бытовой сторонѣ хлыстовъ, къ культу и исторіи. Правда, эти мысли большею частію выражены отрывочно, недоконченно и притомъ въ различныхъ пѣсняхъ; но, будучи сведены и сгруппированы, онѣ могутъ составить нѣчто цѣлое и законченное относительно извѣстнаго предмета. Значеніе пѣсней, какъ источника при изученіи секты, повышается еще и потому, что при скудости другихъ источниковъ онѣ являются какъ бы первоисточникомъ. Кромѣ того, пѣсни суть свободныя, непринужденныя произведенія хлыстовъ, въ которыхъ они изливаютъ свои мысли и чувства такъ, какъ они на самомъ дѣлѣ мыслятъ и чувствуютъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи превосходство пѣсней какъ источника надъ официальными показаніями хлыстовъ, какія они давали въ разное время и разнымъ официальнымъ лицамъ, не можетъ подлежать сомнѣнію. Тогда какъ официальные показанія хлыстовъ отличаются въ большинствѣ случаевъ неискренностію и потому невѣрностію, въ пѣсняхъ ихъ, напротивъ, можно находить больше искренности и правдивости. Впрочемъ, нужно замѣтить, что не всѣ пѣсни могутъ быть признаны одинаково источникомъ при изученіи секты хлыстовъ. При господствовавшемъ во времена Александра I-го мистицизмѣ многіе изъ лицъ образованныхъ, принадлежавшихъ къ знатному происхожденію, увлекшись хлыстовскими радѣніями, также

сопровождали послѣднія пѣніемъ духовныхъ распѣвцевъ. Таково было общество Татариновой. Многіе изъ членовъ ея общества занимались составленіемъ духовныхъ пѣсень, которыя и употреблялись во время радѣній. Таковы были: Дубовицкій, Поповъ, Дабзинъ, Кошелевъ и нѣкоторые другіе. Такъ какъ эти лица на самомъ дѣлѣ не принадлежали къ обществу хлыстовъ и не раздѣляли ученія послѣднихъ, то понятно, что и въ распѣвцахъ, составленныхъ ими, нельзя найти хлыстовскаго ученія, за исключеніемъ развѣ ученія о радѣніяхъ и о пророческомъ достоинствѣ cadaго. Впослѣдствіи, распѣвцы, составленные въ обществѣ Татариновой, перешли къ хлыстамъ, которые пѣли ихъ съ не меньшимъ увлеченіемъ, мало обращая вниманіе на содержаніе и интересуясь по преимуществу внѣшнею, литературною стороною. Само собою понятно, что такого рода распѣвцы, хотя бы случалось брать ихъ непосредственно у самихъ хлыстовъ, не могутъ служить источникомъ при изложеніи собственно хлыстовской доктрины. Такихъ распѣвцевъ въ сборникѣ Н. Барсова помѣнено нѣсколько, таковы: №№ 15, 38, 40, 86 и др. Признаки, на основаніи которыхъ можно отличить распѣвецъ, принадлежащій кому-либо изъ членовъ Татарин. общества, по нашему мнѣнію, могутъ быть двухъ родовъ: внутренніе и внѣшніе. Первые относятся къ содержанію распѣвца, вторые же—къ внѣшней его формѣ. Въ распѣвцѣ, принадлежащемъ кому-либо изъ членовъ Татарин. общества, болѣею частію передается содержаніе какого-либо евангельскаго событія и притомъ въ духѣ праславномъ. Точно также распѣвецъ, принадлежащій кому-либо изъ членовъ Татарин. общества, всегда почти отличается нѣкоторою литературною обработкою стиха. Ни того, ни другаго нельзя встрѣтить въ распѣвцахъ собственно хлыстовскихъ; въ нихъ всегда можно найти какую-либо частную мысль, избличающую происхожденіе всего распѣвца отъ хлыстовъ.

Важное значеніе пѣсенъ, какъ источника при изученіи секты хлыстовъ, признавалось и признается всѣми писателями о хлыстовской сектѣ. Вслѣдствіе этого, съ самаго начала изученія хлыстовской секты стали заботиться о собираніи ихъ. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени не существуетъ въ литературѣ полнаго сборника собственно хлыстовскихъ пѣсенъ; сборники же, сдѣланные Добротворскимъ въ его изслѣдованіи: „Люди божіи“⁽¹⁾ и Варсовымъ: „Духовные стихи людей божіихъ“⁽²⁾, будучи не полны, не отдѣляютъ собственно хлыстовскихъ пѣсенъ отъ скопческихъ. Смѣшеніе пѣсенъ хлыстовскихъ и скопческихъ понятно; собиратели ихъ, очевидно, полагаютъ, что при существенномъ сходствѣ хлыстовской и скопческой сектъ и пѣсни той и другой секты поются одинаково какъ хлыстами, такъ и скопцами. Утверждая, что секта скопцовъ есть отдѣльная, существенно отличная отъ секты хлыстовъ, мы вмѣстѣ съ этимъ не признаемъ и того предположенія, что будто бы всѣ духовные распѣвцы безразлично употребляются какъ въ обществѣ хлыстовъ, такъ и въ обществѣ скопцовъ. Можно еще допустить, что скопцы, дѣйствительно, употребляютъ пѣсни хлыстовскія, но никакъ нельзя допустить, чтобы и хлысты также употребляли пѣсни собственно скопческія. Последнія по своему содержанію имѣютъ специфическій, принадлежащій только скопческому ученію, характеръ; при самомъ бѣгломъ чтеніи можно почти безошибочно опредѣлить, какаѧ пѣсня принадлежитъ скопцамъ и какаѧ хлыстамъ. Въ скопческихъ пѣсняхъ всегда почти можно найти указаніе или на „страды“ лжеискупителя, или на „чистоту“, проповѣдуемую имъ, или на „Петербургъ“, какъ мѣсто славнаго пребыванія его, на „Иркутскъ“, какъ мѣсто его странствованія, на

(1) Люди божіи. Казань. 1869 г. 101—200 стр.

(2) Духов. стихи людей божіихъ. Сиб. 1870.

„Суздаль“, какъ мѣсто его заключенія и проч. Всѣ эти мысли чужды хлыстовскому ученію; отсюда понятно, что и пѣсни съ такимъ содержаніемъ никакъ не могутъ быть употребляемы хлыстами. Отдѣливъ, такимъ образомъ, пѣсни, принадлежащія собственно скопцамъ и обществу Татариновой; мы все-же получаемъ весьма значительную цифру пѣсенъ хлыстовскихъ (около 200), разбросанныхъ въ двухъ поименованныхъ сборникахъ, въ книгѣ Надеждина (Сбор. Кельсиева III т. Прил. 29. 92) и въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ то: въ „Чтен. Общ. ист. и древ.“ за 1872 г. въ кн. 1 и 3 и за 1873 г. въ кн. 1, въ „Тул. Еп. Вѣд.“ за 1867 г. №№ 23 и 24 и проч.

2) Записка Сергѣева: „Изъясненіе раскола, именуемаго христовщина или хлыстовщина“. Записка эта была представлена Сергѣевымъ въ св. Синодъ въ 1809 году и составляетъ результатъ его наблюденія и изученія секты хлыстовъ, въ которой онъ самъ пребывалъ въ теченіи шести лѣтъ. Въ ней обстоятельно и съ достаточною полнотою излагается ученіе хлыстовъ о Лицѣ І. Христа и о хлыстовскихъ лжехристахъ; есть, далѣе, указанія на культъ хлыстовъ и на нѣкоторыя черты изъ быта послѣднихъ. Важность и значеніе записки Сергѣева, какъ источника, можно вполне видѣть только при чтеніи статьи: „Русскій престонародный мистицизмъ“ г. Барсова, который первый воспользовался ея содержаніемъ, такъ какъ существующія два изданія этой записки въ „Чтен. Общ. ист. и др. рос.“ (1873 г. I. V. 31—38 стр. и 1874 г. 3. V. 62 стр.) хотя и пополняютъ одно другое, но въ нихъ многого не достаесть, что помѣщено г. Барсовымъ въ его статьѣ.

3) Прекраснымъ пополненіемъ сочиненія Сергѣева можетъ служить рядъ статей Преображенцева, обратившагося изъ секты людей божіихъ. Состоя долгое время въ сектѣ хлыстовъ и будучи жаркимъ послѣдователемъ ея ученія, Преображенцевъ, благодаря

случайнымъ обстоятельствамъ, обратившимъ его вниманіе на исповѣдуемое имъ ученіе и особенно на безнравственную жизнь его согласниковъ, созналъ, наконецъ, полную несостоятельность этого ученія и жизни, оставилъ общество хлыстовъ, присоединившись къ православной церкви, и рѣшился письменно изложить исторію своей жизни въ этомъ обществѣ. Первые его статьи носятъ названіе: „Исповѣдь обратившагося раскольника (изъ секты людей божіихъ)“⁽¹⁾ и заключаютъ въ себѣ изложеніе обрядовой стороны: о принятіи въ секту, о здравіи именинника, поминовеніяхъ и милостыни; послѣдніе три разказа суть единственные, не встрѣчающіеся ни въ одномъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ сочиненій о хлыстахъ. Второю рядъ статей, самый длинный и существенно важный, имѣетъ оглавленіе: „Дополнительныя свѣдѣнія къ исповѣди обратившагося раскольника изъ секты людей божіихъ“⁽²⁾. Здѣсь кромѣ обрядовой стороны, которая занимаетъ видное мѣсто, есть также указаніе и на ученіе хлыстовъ, преимущественно о церкви. Изложеніе обрядовъ и именно радѣній имѣетъ особенный интересъ потому, что авторъ говоритъ о нихъ въ связи съ тѣми тайными душевными мотивами, которые побуждаютъ хлыстовъ собираться на радѣнія и принимать въ нихъ живое участіе. Но особенно важнымъ представляется намъ въ этомъ довольно обширномъ ряду статей разказъ автора о своей жизни въ сектѣ хлыстовъ, о положеніи провинившихся дѣвухекъ и вообще о религіозно-нравственномъ состояніи общества хлыстовъ. Этотъ послѣдній отдѣлъ „исповѣди“ Преображенцева займетъ видное мѣсто при изложеніи нами внутренняго быта хлыстовскаго общества. Наконецъ, третій рядъ статей „Духовные

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. №№ 6—8.

(2) Тамъ же, №№ 17, 18, 20—22; 1868 г. №№ 6—8; 1869 г. №№ 9—12, 20, 22—24.

стихи хлыстовъ“ заключаетъ въ себѣ изложеніе 16-ти пѣсенъ ⁽¹⁾.

Ко второй группѣ источниковъ принадлежатъ: 1) „Основатели секты „людей божіихъ“—іжехристы Сусловъ и Проконій Лупкинъ“. (Православ. Обзор. 1862 г. № 8. 324—328 стр.). 2) „Данная сороковыхъ годовъ XVIII стол. для исторіи тайной бесѣды святыхъ отецъ“. Тамъ же. 444—457 стр.

Первая замѣтка вызвана статьею г. Добротворскаго въ Правосл. Собесѣдникѣ за 1858 г. 1 кн. и составляетъ дополненіе къ ней о жизни и дѣятельности первыхъ основателей секты; вторая же написана по поводу первой и въ дополненіе ей и касается времени 1745 и 1746 годовъ, когда была снаряжена коммиссія для изслѣдованія хлыстовской секты въ Москвѣ.

3) Напечатанный въ сочиненіи Пеликана правительственный документъ, относящійся ко времени сороковыхъ же годовъ XVIII столѣтія ⁽²⁾. Документъ этотъ весьма важенъ въ томъ отношеніи, что подтверждаетъ предполагавшееся до этого времени существованіе у хлыстовъ обряда причащенія тѣломъ и кровію младенцевъ.

4) Исторія Министерства внутр. дѣлъ. Варадинова. Спб. 1853 г. VIII т. Хотя въ этомъ сборникѣ есть свѣдѣнія, относящіяся къ внутренней сторонѣ хлыстовской секты, но они такъ неважны и незначительны, что ихъ можно игнорировать. Историческія же свѣдѣнія, заключающіяся въ этой книгѣ, могутъ имѣть значеніе особенно въ виду крайней скудости этихъ свѣдѣній вообще.

Главнѣйшія между существующими въ настоящее время пособіями по предмету изслѣдованія хлыстовской секты суть слѣдующія:

⁽¹⁾ Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. №№ 23—24.

⁽²⁾ Суд. мед. изслѣд. скопчества. Спб. 1875 г. 2-е изд. 114—121 стр.

1) „Люди божіи, русская секта такъ наз. духовныхъ христіанъ“. Изслѣдованіе И. Добротворскаго. Казань. 1869 г. (1).

2) „Русскій престопаодный мистицизмъ (сообщеніе, читанное въ этнографическомъ отдѣленіи Император. русск. географич. общества, 13 мая 1869 г.) Н. Барсова. Христ. Чтен. 1869 г. Сентябрь. 418—481 стр.

3) „Новѣйшіе изслѣдователи русскаго раскола“ Е. Барсова (рецензія на кн. Реутскаго: „Люди божьи и скопцы“). Правосл. Обзор. 1873 г. Январь. 126—162 стр.

4) „Тайныя секты“ Мельникова. Русск. Вѣсти. 1868 г. № 5. 5—70 стр.

5) „Бѣлые голуби“ его же. Русск. Вѣсти. 1869 г. № 3. 312—388 стр.

и 6) „Люди божьи и скопцы“, историч. изслѣд. Н. В. Реутскаго, Москва. 1872 г.

Не представляя каждое въ отдѣльности изъ названныхъ сочиненій полнаго изложенія исторіи, ученія и культа секты хлыстовъ, каждое изъ нихъ можетъ служить дополненіемъ другаго. Краткія историческія свѣдѣнія, сообщаемыя Добротворскимъ, значительно дополняются историческими свѣдѣніями, сообщаемыми Мельниковымъ и Реутскимъ. Догматическое ученіе, изложенное Н. Барсовымъ на основаніи записки свящ. Сергѣева, находитъ себѣ дополненіе въ статьяхъ Е. Барсова и особенно Мельникова въ его „Бѣлыхъ голубяхъ“. Нравственное ученіе о „таинственной смерти и воскресеніи“, обстоятельно изложенное Добротвор-

(1) Главы, введшія въ сочиненіе Добротворскаго, напечатаны были первоначально въ «Правосл. Собесѣд.» за 1858 и 1860 годы, но не съ такою полнотою, въ какой онѣ явились въ отдѣльномъ изданіи ихъ. Кромѣ того, къ этимъ главамъ присоединены новый отдѣлъ хлыстовскихъ и скопческихъ пѣсень съ объясненіями каждой изъ нихъ. Объясненія эти могутъ отчасти руководить при изложеніи догматическаго, нравственнаго и обрядоваго ученія хлыстовъ.

скимъ, дополняется Мельниковымъ. Культъ, подробно изложенный Добротворскимъ, дополняется, хотя и незначительно, статьею Мельникова.

Степень научнаго достоинства каждаго изъ названныхъ сочиненій и отсюда значеніе ихъ для изслѣдователя—неодинаковы. Тогда какъ Добротворскій, Н. Барсовъ и Е. Барсовъ разсматриваютъ секту хлыстовъ съ научной точки зрѣнія, стремятся опредѣлить и выяснить сущность своеобразнаго ученія и культа хлыстовъ и произнести о нихъ такое или иное заключительное слово, Мельниковъ и Реутскій вовсе чужды этихъ качествъ. Въ частности, трудъ Добротворскаго имѣетъ особенное значеніе для насъ по обстоятельному изложенію нравственнаго ученія хлыстовъ о таинственной смерти и таинственномъ воскресеніи, а также по не менѣе обстоятельному изложенію обрядовой стороны. Трудъ Н. Барсова, кромѣ того, что изъ него можно заимствовать нѣкоторыя мысли изъ записки Сергѣева, важенъ по тѣмъ общимъ выводамъ, которые представилъ Барсовъ въ концѣ своей статьи. Трудъ Е. Барсова есть, можно сказать, первый и единственный опытъ чисто научнаго анализа религіозно-нравственнаго міросозерцанія хлыстовъ. Въ этомъ же трудѣ находится подробное и, по нашему мнѣнію, вполне обстоятельное опроверженіе ходячей гипотезы о происхожденіи хлыстовскаго ученія отъ Кульмана. Что касается сочиненій Мельникова и Реутскаго, то они могутъ имѣть значеніе только при изложеніи исторіи хлыстовъ. Ученіе же и культъ въ первомъ изъ этихъ сочиненій представлены въ высшей степени непослѣдовательно, разбросанно и неопредѣленно; во второмъ-же можно находить то и другое только съ большимъ трудомъ.

Общій недостатокъ, свойственный всѣмъ шести выписаннымъ нами сочиненіемъ, есть совершенное игнорированіе ими одного изъ важнѣйшихъ источниковъ по предмету хлыстовской секты и, именно, пѣсенъ. Вслѣдствіе этого, самымъ лучшимъ изъ этихъ

сочиненій недостаетъ той полноты, какая возможна при изложеніи ученія и быта хлыстовъ. Поэтому, да- лѣе, вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо другихъ болѣе полныхъ источниковъ, во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ нѣтъ даже и намековъ на бытовую сторону изучае- маго нами общества хлыстовъ, которая можетъ быть понятою только при изученіи духовныхъ респѣвцевъ хлыстовъ. Кромѣ этого весьма важнаго недостатка ни въ одномъ изъ названныхъ сочиненій не замѣча- ется даже и попытки къ какой либо систематизаци ни догматическаго, ни тѣмъ болѣе нравственнаго уче- нія хлыстовъ. Между тѣмъ, такая систематизація возможна, по крайней мѣрѣ, относительно ученія догма- тическаго.

Существуютъ въ литературѣ и другія пособія по предмету изученія хлыстовской секты. Изъ послѣд- нихъ видное мѣсто занимаютъ:

1) Статя г. Кельсіева: „Святорус. двоевѣры“ (1), и преимущественно первая ея часть. Въ ней авторъ сообщаетъ разсказъ хлыстовской богини Авдотьи объ обрядѣ причащенія тѣломъ и кровію младенцевъ, а также и грудью дѣвицы. Во второй части той же статьи заключаются собственные соображенія автора о вѣрованіяхъ и обрядахъ хлыстовъ. По автору, ис- точникъ и начало всѣхъ вѣрованій и обрядовъ божі- ихъ людей находятся, съ одной стороны, въ восточ- номъ богомилствѣ, а съ другой—въ язычествѣ, ко- торое до сего времени живетъ еще между русскими простолюдинами.

2) „Къ вопросу о людяхъ божіихъ“ (Правосл. Собесѣд. 1870 г. 1 кн. 15—30 стр.) И. Добротвор- скаго. Эта замѣтка г. Добротворскаго вошла, какъ приложение, и въ отдѣльное изданіе его сочиненія „Люди божіи“.... Вызванная вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній, возникшихъ между Добротворскимъ и

(1) Заря. 1869 г. № 10, 1—30 стр. и № 11, 1—36 стр.

Мельниковымъ, писавшими о хлыстахъ почти одновременно, названная статья важна въ двухъ отношеніяхъ. Во 1-хъ она констатируетъ на несомнѣнныхъ основаніяхъ фактъ существованія у хлыстовъ обряда моленія предъ чаномъ, соединеннаго съ бичеваніемъ и во 2-хъ, хотя и несправедливо, какъ намъ кажется, подвергаетъ сомнѣнію другой фактъ изъ религиозной жизни хлыстовъ, еще болѣе важный, именно обрядъ причащенія тѣломъ и кровію.

3) „Умственные направленія русскаго раскола“ Щапова. Дѣло. 1867 г. №№ 10, 11 и 12.

4) „Вліяніе протестантства на образованіе хлыстовской, духоборческой и молоканской сектъ“ И. Соколова. Странн. 1880 г. Январь. 96—112 стр.

Обѣ статьи посвящены изслѣдованію одного спеціального вопроса о происхожденіи секты хлыстовъ. При этомъ нужно замѣтить, что послѣдняя изъ двухъ статей составляетъ небольшой отрывокъ изъ сочиненія того же автора: „Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XII вв. М. 1880 г.

Менѣе важное значеніе для насъ имѣетъ слѣдующій рядъ статей, на которыя, однако, приходилось намъ сослаться въ своемъ сочиненіи, какъ на источникъ:

1) „Хлысты въ тамбовской губерніи, называющіеся богомолами или постниками“. Тамб. Еп. Вѣд. 1862 г. № 5. 203—214 стр.—Статья эта вошла цѣликомъ въ „Вѣлы голуби“ Мельникова. Изъ нея можно заимствовать свѣдѣнія о состояніи хлыстовщины въ тамбовской губерніи—ея распространеніи, ученіи и культѣ.

2) „Замѣтки о хлыстовской и скопческой сектъ“ А. Р—скаго. День. 1864 г. № 24. „Замѣтки“ касаются главнымъ образомъ бытовыхъ сторонъ жизни хлыстовъ и важность „замѣтокъ“ въ этомъ отношеніи—несомнѣнна.

3) „За Кавказомъ“. Отеч. Зап. 1867 г. № 6. 482 стр. и „Народныя преступленія и несчастія“—тамъ

же 1869 г. № 4. Максимова. Первая статья Максимова замѣчательна особенно потому, что въ ней собраны нѣкоторые устные рассказы народа о культѣ и жизни хлыстовъ; вторая—потому, что въ ней авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о религіозно-нравственномъ состояніи сибирскихъ хлыстовъ и скопцовъ, которыхъ онъ имѣлъ случай наблюдать.

4) „Опытъ историческаго обозрѣнія мистическихъ сектъ въ Россіи“ Протопопова. Труды Кіев. Д. Ак. 1867 г. № 10. 89—119 стр. Коротко излагается исторія, ученіе и культъ хлыстовъ.

5) „Монтаны“ (¹) В. Калатузова. Эпоха. 1864 г. № 7. Кромѣ того, что авторъ этой статьи указываетъ новыя мѣстности существованія хлыстовъ, онъ представляетъ въ своей статьѣ и нѣчто новое относительно ученія хлыстовъ, напр. объ Искупителѣ, и относительно ихъ быта. Въ 1865 г. эта статья въ извлеченіи была помѣщена въ Тул. Еп. Вѣд. № 13-й подъ тѣмъ же заглавіемъ съ прибавленіемъ при этомъ 10-ти пѣсень. Въ 1870 г. она снова была перепечатана въ Сам. Еп. Вѣд. №№ 16, 18—19, 21 и 23 со многими, впрочемъ, измѣненіями и дополненіями подъ названіемъ „О сектѣ монтанской въ селѣ Дубовомъ Уметѣ, самар. уѣзда“.

6) „О монтанской сектѣ въ пригородѣ Ерыклинскѣ, ставропольскаго уѣзда“ свящ. Вратскаго. Сам. Еп. Вѣд. 1875 г. № 15. Въ этой замѣткѣ свящ. Врат-

(¹) Такъ называютъ хлыстовъ въ нѣкоторыхъ приволжскихъ губерніяхъ и преимущественно въ самарской. Что подъ именемъ монтанъ нужно разумѣть здѣсь хлыстовъ—въ этомъ, кромѣ сходства ученія и культа первыхъ съ ученіемъ и культомъ послѣднихъ, убѣждаетъ и свѣдѣтельство Преображенцева. Послѣдній рассказываетъ, что одинъ его товарищъ, находясь въ нижегородской губерніи, былъ, между прочимъ, на бесѣдѣ у монтанъ и убѣдился, что «религіозная тайная бесѣда совершается у нихъ такъ же, какъ и у людей божіихъ, т. е. одинаковое пѣніе, радваніе и жемурничество» (Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 22. 273—274 стр.). И, вообще, сходствія между хлыстами и такъ наз. монтанами совершаются безпрепятственно и часто (см. напр. Сборн. Кельс. II вып. 82 стр.).

скаго заключаются интересныя свѣдѣнія относительно радѣній хлыстовъ, послѣ радѣльнаго стола и о такъ наз. „божіихъ судахъ“.

7) „Ванька Каинъ“. Древ. и Нов. Россія. 1876 г. III, № 11. Въ этой статьѣ излагаются историческія свѣдѣнія о московскихъ хлыстахъ, относящіяся ко времени втораго слѣдственнаго дѣла о нихъ.

8) „Люди божіи въ оренбургской епархіи“ свящ. Словохотова. Оренб. Еп. Вѣд. 1880 г. №№ 18—24. По отсутствію признаковъ, на основаніи которыхъ можно было бы причислить „Оренбургскихъ людей божіихъ“ къ дѣйствительнымъ хлыстамъ, статья свящ. Словохотова не можетъ служить ни источникомъ, ни пособіемъ при изученіи секты хлыстовъ.

9) „Балашевскіе хлысты“. Перм. Еп. Вѣд. 1869 г. 417 стр.

10) „Хлысты“. Ворон. Еп. Вѣд. 1871 г. 727 стр. и 1872 г. № 11. 495 стр.

11) „Къ исторіи вѣрованій и нравовъ нашихъ сектантовъ“. Сам. Еп. Вѣд. 1867 г. № 10. 266 стр.

12) „Страшное событіе“. Орлов. Еп. Вѣд. 1867 г. № 22. (Сообщаются свѣдѣнія объ Акулинѣ Тимошеевнѣ—хлыстовской богородицѣ новаго времени).

Въ настоящее время вѣрованія, обряды и бытъ секты хлыстовъ стали составлять предметъ беллетристической литературы. Такъ, Мельниковъ въ своемъ замѣчательномъ романѣ „На горахъ“ сообщаетъ очень много свѣдѣній изъ внутренней стороны секты хлыстовъ (Рус. Вѣст. 1875 г., 1876, 1877, 1879 и 1880 гг.). Еще болѣе заслуживаетъ вниманія повѣсть Захеръ-Могоха „Пророчица“ по тому спокойствію и безпристрастію, какія составляютъ отличительныя качества этого писателя. Авторъ „Пророчицы“ заимствуетъ свой сюжетъ изъ быта тарговицкихъ хлыстовъ и сообщаетъ прекрасныя свѣдѣнія о томъ важномъ значеніи, какое имѣютъ пророчицы и богородицы въ хлыстовскихъ корабляхъ (Нива. 1880 г. №№ 3, 4, 5....).

О скопчествѣ стали писать сравнительно рано. Первая книга „О скопцах“ издана была въ 1819 г. въ Петербургѣ и принадлежит Пилецкому, одному изъ членовъ общества Татариновой. Достоинство и значеніе этой книги легко можно видѣть изъ того, что митрополитъ Филаретъ, въ то время бывшій архіепископомъ ярославскимъ, отказался распространить ее между подвѣдомственнымъ ему клиромъ („Изъ воспоминаній покойнаго митр. Филарета“. Правосл. Обзор. 1868 г. 26 т. 520 стр.).... Въ 1845 году издана была замѣчательная для своего времени книга Н. Надеждина: „Исслѣдованіе о скопческой ереси“. На книгу Надеждина можно смотрѣть, какъ на результатъ трудовъ дѣйствовавшей въ то время комиссіи о скопцахъ подъ предѣлательствомъ Липранди. Книга Надеждина издана была въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, по предположенію Н. Барсова — въ 50-ти экземплярахъ (Христ. Чт. 1869 г. Сентябрь. 427 стр.). Впослѣдствіи, благодаря В. Кельсіеву, она снова была издана уже въ Лондонѣ въ 1862 г. и вошла въ третій томъ его „Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ“ (1—240 стр. и „Приложенія“ 1—92 стр.). Со времени пераго изданія „Исслѣдованія“ Надеждина до 60-хъ годовъ въ русской литературѣ не встрѣчается печатныхъ сочиненій о скопчествѣ. Съ 60-хъ годовъ обнаруживается стремленіе къ изученію скопческой секты, выразившееся въ многочисленномъ рядѣ статей и нѣсколькихъ специальныхъ изслѣдованій. Но главное, что особенно составляетъ важное приобрѣтеніе науки — это, безъ сомнѣнія, изданіе множества матеріаловъ о скопчествѣ, которые до сего времени хранились въ разныхъ архивахъ и составляли предметъ не для всѣхъ доступный. Однимъ изъ ревностѣйшихъ собирателей матеріаловъ о скопчествѣ былъ П. И. Мельниковъ, который издалъ имѣвшійся у него матеріаль

въ „Чтен. Общ. ист. и др. рос.“ за 1872 годъ I—IV кн. и за 1873 г. I кн. Огромную массу матеріала (всего 1,104 стр.) Мельниковъ раздѣлилъ на пять отдѣловъ, предпославъ каждому изъ нихъ краткое предисловіе и снабдивъ каждый изъ нихъ собственными замѣчаніями какъ въ текстѣ, такъ особенно подѣ строками. Нельзя сказать, чтобы дѣленіе матеріала о скопчествѣ, принятое Мельниковымъ, было удачное и служило къ облегченію пользованія имъ. Собиратель матеріаловъ, строго придерживаясь хронологіи, сообразно съ послѣднею раздѣлилъ и свой матеріалъ; исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ второй и третій отдѣлы. Очевидно, такое дѣленіе отнюдь не можетъ облегчить труда изслѣдователя. Что касается до предисловій и примѣчаній, то относительно первыхъ нужно сказать, что кромѣ перечня имѣющаго войти въ извѣстный отдѣлъ, они не содержатъ въ себѣ почти ничего. О вторыхъ же должно замѣтить, что, при очевидномъ достоинствѣ и значеніи нѣкоторыхъ, большая часть ихъ составляетъ неоднократное повтореніе уже разъ сказаннаго; нѣкоторыя же изъ послѣднихъ обнаруживаютъ въ авторѣ крайнюю нетерпимость къ убѣжденіямъ и взглядамъ другихъ (для примѣра см. Чтен. въ Общ. ист... 1872 г. 2. 191 стр. 51 примѣч.). Кромѣ Мельникова въ изданіи матеріаловъ участвовали и другіе; такъ напр. Толстой. Шульгинъ и др., о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Изданные въ настоящее время матеріалы о скопчествѣ составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ при изученіи скопческой секты во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ они не могутъ быть строго разграничены по внутреннему ихъ содержанію, такъ какъ въ одномъ и томъ же показаніи скопца, въ одномъ и томъ же донесеніи его, въ одной и той же официальной запискѣ можно встрѣтить и исторію, и ученіе и культъ. Поэтому, оставивъ этотъ способъ дѣленія источниковъ, какъ неудобный, мы можемъ раздѣлить

ихъ по роду ихъ происхожденія и, именно, на три группы, къ которымъ мы присоединимъ новую четвертую группу, заключающую въ себѣ матеріалъ болѣе или менѣе уже обработанный. Такое дѣленіе источниковъ важно въ томъ отношеніи, что оно, какъ увидимъ, отчасти опредѣляетъ сравнительное достоинство и значеніе заключающагося въ каждой группѣ матеріала.

Къ первой группѣ относятся всѣ тѣ письменныя произведенія скопцовъ, которыя составлены ими добровольно, помимо всякаго посторонняго вмѣшательства. По своему достоинству и значенію для изучающаго внутреннюю сторону скопческой секты матеріалъ, заключающійся въ этой группѣ, долженъ занимать первое мѣсто, такъ какъ только въ этихъ произведеніяхъ скопцы откровенно и искренно высказываютъ свои мысли и желанія. Къ этой группѣ относятся:

1) Пѣсни скопцовъ. До настоящаго времени еще не существуетъ сборника собственно скопческихъ пѣсенъ; послѣднія разбросаны въ разныхъ книгахъ, какъ-то: въ книгѣ Надеждина можно насчитывать ихъ до 25⁽¹⁾, у Н. Барсова—до 5-ти⁽²⁾, у Добро-творскаго до 20-ти⁽³⁾, у Мельникова болѣе 50-ти⁽⁴⁾, у Шебальскаго—3⁽⁵⁾ и проч. Сравнительно съ пѣснями хлыстовъ пѣсни скопческія представляютъ меньше матеріала для уясненія ученія и быта скопцовъ. Большая часть ихъ имѣетъ своимъ содержаніемъ одну мысль о второмъ пришествіи лжеискупителя и лжецаря Селиванова; къ этой мысли присоединяются разныя историческія обстоятельства изъ

(¹) Сбор. Келье. Ш. Пѣсни.

(²) Духов. стихи люд. бож. Спб. 1870 г.

(³) Исслѣдованіе. Казань. 1869 г.

(⁴) Чт. въ Общ. ист... 1872 г. I, II, III и 1873 г. I въ разныхъ матеріалахъ о окочечствѣ.

(⁵) Рус. Старина. 1878 г. Іюль. 466—474 стр.

жизни основателя скопческой секты, которая также служить предметом многих писемъ, относящихся къ ней. 2) Произведения самого основателя скопческой секты, т. е. ереси: „Послание“ и „Страды“ (и двѣнадцать писемъ, писанныхъ имъ къ свящ. Сергѣеву). Послание и писма суть не что иное, какъ нравственные увѣщанія, основанныхъ на болѣе или менѣе истинныхъ, но въ скопческими правилами. Отсюда, значеніе ихъ, какъ источявляющихъ великое и они могутъ только опредѣлять нравственный образъ самого основателя скопческой секты. 3) „Послание“ въ первый разъ было издаво въ Надеждинымъ въ приложеніи къ его изслѣдованію; въ „Сборникѣ“ Кельсера оно также вошло (III вып. 17—26 стр.). Въ издѣніи, въ 1868 году оно въ видѣ независимой нѣсколькихъ формъ было напечатано въ „Истор. мнѣніи“ вродь въ VII (т. 140—168 стр.). Наконецъ, въ 1864 году „Послание“ издаво было Толстымъ въ Чтен. Об. ист. и др. рос.“ (1864 г. 4. V. 66—90), но только съ соединеніемъ съ „Страдами“ (Текстъ „Послания и Страды“, напечатанный Толстымъ по отзыву Мельникова. (Мат. въ общ. мѣст. 1872 г. VI. 141 стр.); есть самый вѣрный. Вслѣдствіе всего, мы въ своемъ сочиненіи ссылались на это изданіе „Послания и Страды“. Писма въ количествѣ двухъ изданій были первоначально Надеждинымъ, и потомъ вошли въ „Обрѣзку“ Кельсера (III 26—28 стр.) и наконецъ напечатаны Мельниковымъ (Мат. въ общ. мѣст. 1872 г. 24—181—182 стр.). „Страды“, изданные отдѣльно, суть не что иное, какъ повѣствованіе (о тѣхъ приключеніяхъ) какъ и писмъ въ своей жизни основатель скопческой секты до возвращенія разв. Сибирь. Такими образомъ „Страды“ могутъ имѣть характеръ историческаго документа при изложеніи первоначальной исторіи скопческой секты. Къ сожалѣнію, изложеніе событій въ нихъ до того перепутано, до того темно, какъ это мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что доискаться на основаніи ихъ исторической правды трудно и даже невозможно. Отдѣльное изданіе „Страды“ помѣщено

въ приложеніи къ тому же издѣванію. Писемлина, которое вошло и въ „Сборникъ“ Кельсена. (III. 1т. 16 стр.). П. Мельниковъ издалъ первую редакцію „Страды“, которая отличается какъ по долготѣ, такъ и по оглавленію. Последнее читается такъ: „спрадашій сѣтъ, делаянаго государя бабюшкыт странствованій интрудоуи дражайшаго вышого искушителя ии вселенскаго уунтыя оглашенія“. (Чтѣ въ общ. 1872 г. 31 V. 1421—154 стр.).

Второе издание в 1872 г. (31 V. 1421—154 стр.)

9) Множественность официальныхъ донесеній, которыя подавались скопцами въ разное время и равнымъ образомъ и учрежденіямъ. Первое по времени послѣ донесеніе принадлежитъ камернеру Елизанскому, который въ 1804 году на имя Новосильцева представилъ свой проектъ объ учрежденіи въ Россіи демократическаго образа правленія въ приложеніи „Чести и вѣстия, на чести оубѣство утверждается“. То и другое имѣютъ значение только для характеристики состоянія оубѣства того времени, когда они писаны были. Изданіе того и другого документа принадлежитъ Липранди, который напечаталъ ихъ въ „Чтѣ общ. листъ за 1867 г. 4. V. 66—82 стр.“

4) „Донесеніе о скопцкѣ государственнаго крестьянина донскомой губерніи, галицкаго уѣзда, слободы Успенской, Ивана Андреевича, поданное императору Александру Павловичу 16 февр. 1825 г.“ (Чтѣ въ общ. 1872 г. 31 V. 295—314 стр.). По обстоятельству эти и, главное, по важности правоваго донесеніе Андреевича занимаетъ видное мѣсто въ числѣ истомниковъ по предмету ученія, культа и быта скопцовъ. По словамъ Баранова, „рукопись Андреевича написана очень четко и чисто, мелкимъ, почеркомъ, почти безъ грамматическихъ ошибокъ не только въ отнесеніи правильнаго письма, словъ, но даже и въ отнесеніи знаковъ препинанія. Если сообразить такой наружный видъ рукописи съ содержаниемъ ея, то нельзя не убѣдиться, что Андреевичъ былъ человекъ очень грамотный и начитанный“ (Ист. мин. вв. дѣл. VIII. 267 стр.).

5) „Письмо“ и „Второе прошеніе“ закавказскихъ скопцовъ объ освобожденіи скопческаго искупителя, поданныя ими въ 1842 году на имя майора Пышкина. Будучи буквально сходны между собою „Письмо“ и „Второе прошеніе“ служатъ однимъ изъ многочисленныхъ доказательствъ того положенія, что скопцы всегда вѣрили и вѣрятъ въ своего искупителя и царя Петра III-го Ѳеодоровича, который, по ихъ убѣжденію, гдѣ то скрывается и скоро долженъ занять законно-принадлежащій ему русскій престолъ (Чтен... 1873 г. 1. V. 210—214 стр.).

6) Нѣкоторымъ пополненіемъ „Письма“ и „Второго прошенія“ закавказскихъ скопцовъ служатъ „Свѣдѣнія о Селивановѣ, доставленныя въ министерство внутреннихъ дѣлъ тобольскимъ купцомъ Василиемъ Поповымъ“ въ его двухъ письмахъ къ министру внут. дѣлъ графу Перовскому въ 1843 году. Свѣдѣнія эти касаются вѣры скопцовъ въ скорый политическій переворотъ (Чтен... 1872 г. 3. V. 154—155 стр.).

7) Съ января прошедшаго 1881 года одинъ изъ сосланныхъ въ Закавказье скопцовъ началъ печатаніе своего разсказа подъ названіемъ: „Голосъ изъ могилы живыхъ мертвецовъ“ (Журн. роман. и погѣстей, изд. „Недѣли“). По извѣщенію редакціи журнала, разсказъ этотъ довольно обширный. Цѣль печатаемаго разсказа, по словамъ самого автора-скопца, есть „спасеніе другихъ, увлекающихся наружностію скопческой секты“. Сознавши всю нелѣпость скопческаго ученія и культа, авторъ-скопецъ, по его признанію, желаетъ „представить на судъ человѣческой именно тѣ стороны скопческой жизни, которыя ускользаютъ отъ посторонняго наблюдателя“... (№ 1. 2 стр.). Судя по первой статьѣ автора-скопца, можно надѣяться, что послѣдній, дѣйствительно, представитъ въ своихъ эпизодическихъ разсказахъ многое такое изъ жизни скопцовъ, что до послѣдняго времени составляло предметъ догадокъ. Однако, нельзя не замѣтить, что онъ нерѣдко сообщаетъ и о такихъ случаяхъ домашней жизни скоп-

цовъ, которые вовсе не могутъ характеризовать скопцовъ, именно какъ скопцовъ.

Ко второй группѣ источниковъ относятся тѣ многочисленныя письменныя показанія скопцовъ, которыя они представляли разнымъ правительственнымъ лицамъ и учреждениямъ по требованію послѣднихъ. Понятно, этого рода показанія хотя и могутъ служить значительнымъ источникомъ при изслѣдованіи скопческой секты, но достоинство и значеніе ихъ умалывается уже потому, что эти показанія—официальныя, въ которыхъ можетъ заключаться отчасти правда, отчасти преднамѣренная ложь. Послѣдняя черта проглядываетъ вездѣ, гдѣ скопцы говорятъ о своемъ оскотленіи, т. е. о времени, мѣстѣ и о другихъ обстоятельствахъ, сопровождающихъ совершеніе оскотленія. Отсюда, пользование этимъ по количеству громаднымъ источникомъ при изученіи скопческой секты можетъ быть только критическое. — Къ этой группѣ относятся:

1) Весьма важное и единственное въ своемъ родѣ „Показаніе крестьянина Ивана Гаврилова“, данное имъ въ 1797 году. Оно положительно и опредѣленно рѣшаетъ вопросъ, бывший до этого времени только предметомъ предположеній, именно: вопросъ о дѣйствительномъ бѣгствѣ основателя скопческой секты изъ Сибири (Чтен... 1872 г. З. V. 46—48 стр.).

2) Таково же не менѣе важное въ историческомъ отношеніи „Показаніе фельдфебеля Николая Иванова“, данное имъ въ 1846 году. Историческія свѣдѣнія, сообщаемыя въ этомъ показаніи относятся ко времени счастливаго и вполне спокойнаго пребыванія скопческаго лжеискупителя въ Петербургѣ въ домѣ Котрова. Важно это показаніе особенно потому, что знакомитъ съ характеромъ внутренняго быта скопческаго общества этого времени (Чт... 1872 г. З. V. 202—210).

3) „Показаніе“ унтеръ-офицера Дениса Архипова, данное имъ въ 1835 году. — Сообщаетъ весьма

важныя историческія свидѣнія о Шиловъ въ то время, когда послѣдній находился въ рижской црѣности (Тамъ же; 190—195 стр.).

4) „Показаніе“ крестьянина Сергія Салтыкова, данное имъ въ 1806 году. — Знакомитъ съ состояніемъ около того времени скопчества въ Москвѣ и, именно, въ домъ купца Колесникова или Масона (Тамъ же. 219—222 стр.).

5) „Показаніе“ дезертира Василія Вудылина о скопцахъ. — 8—11 февр. 1829 года. Кроме историческаго значенія, это показаніе имѣетъ особенную важность при описаніи домашняго окарба въ домахъ скопцовъ, а также въ вопросъ объ отношеніяхъ скопцовъ между собою, отдѣляемыхъ другъ отъ друга большимъ географическимъ пространствомъ (Тамъ же. 4. V. 78—92 стр.).

6) „Показанія“ соловецкіихъ скопцовъ въ числѣ девяти, представленныя ими архимандриту Соловецкаго монастыря Досиею въ 1826—1827 г. (Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. V. 53—111 стр.). Изъ всѣхъ этихъ показаній заслуживаютъ вниманія показанія Кудимова, Солоновича и отчасти Овчинникова по полнотѣ и въ которой обстоятельности изложенія главнѣйшихъ пунктовъ догматическаго ученія скопцовъ, именно: о Лицѣ Иисуса Христа, о лжехристѣ и лжецарѣ Селивановѣ и о второмъ пришествіи Сына Божія. Что касается до показаній прочихъ скопцовъ, то они по своей краткости и совершенной безсодержательности не представляютъ никакого интереса.

Къ третьей группѣ источниковъ относятся всѣ извѣстные до этого времени въ печати правительственные документы о скопцахъ, какъ то:

1) Указы и распоряженія гражданскаго правительства и указы и опредѣленія духовной власти. Этого рода документовъ издано весьма много (Чтен... 1872 г. 3. V. 35—45; 50—58; 210; 231—240 стр.; Тамъ же 1873 г. 4. V. 155—158; 162—169; 192—193; 205—206; 224—239 стр. Тамъ же 1872 г. 4. V.

89; 147—49; 92—97; 100—101 стр.). Значеніе ихъ
 вещь чисто историческое; при помощи ихъ можно со-
 ставить болѣе или менѣе полную исторію правитель-
 ственныхъ отношеній въ скопцамъ въ разное время.
 Съ другой стороны, многие изъ нихъ, особенно отно-
 сящіяся въ первому десятилѣтію существованія скоп-
 ческой секты, могутъ служить единаго рода яркими
 ключами при разрѣшеніи разныхъ сомнительныхъ
 историческихъ вопросовъ, встречающихся при
 изслѣдованіи исторіи оконченой секты. Онъ аттестуе-
 т... (2) Не менѣе важныя являются „Выписки изъ дѣлъ
 о скопцахъ“, заключающія въ себѣ разноглаголю-
 щія записки, изложенія. Изъ допросовъ скопцамъ,
 частную переписку между официальными лицами,
 рапорты, отношенія и проч. и проч. (Чтен. 1872 г. т.
 3. V. 195—202; 222—231; 241—294 стр.; Тамъ же
 4. V. 39—47; 50—78; 99—100; 101—139 стр.; Тамъ
 же 1873 г. т. V. 158—162; 169—205; 206—224 стр.).
 Значеніе д. этого рода „Выписокъ“ изъ правитель-
 ственныхъ бумагъ тоже, что и указовъ и распоряже-
 ній правительства. При этомъ, тамъ какъ во многихъ
 „Выпискахъ“ представлено рядъ показаній полюд-
 ныхъ (для примѣра см. Чтен. 1872 г. т. IV. 122—
 139 стр.) и такъ какъ эти показанія въ большинстве
 случаевъ касаются обстоятельствъ, совершившихся
 совершенно до окончанія, то, очевидно, значеніе этихъ
 „Выписокъ“, какъ источника, увеличивается сравни-
 тельно съ первыми правительственными документами.
 Четвертую группу источниковъ составляютъ много-
 численныя официальныя записки, составленныя въ
 разное время правительственными лицами на основа-
 нии архивныхъ дѣлъ и представленныя въ органы
 правительственныя учрежденія. Юзъ нимъ относятся
 1) „Записка, составленная отъ Кондратія Селиванова въ
 министерствѣ внутр. дѣлъ, на основаніи архивныхъ дѣлъ,
 въ 1857 году“ д. 11 около 170 стр. (Чтен. 1872 г. т. IV. 122—
 139 стр.) 2) „Сказаніе и пѣсни отъ Кондратія Селиванова
 (Чтен. въ общ. ист... 1872 г. т. 8; V. 59—144 стр.) 3)

Объ записки, говоря объ одномъ и томъ же лицѣ, пополяютъ одна другую. Первая сообщаетъ краткія историческія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности основателя скопческой секты; вторая сообщаетъ свѣдѣнія о томъ же самомъ предметѣ, заимствованныя изъ „Страдъ“, преданій скопцовъ и ихъ пѣсенъ. Такой систематическій сводъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности основателя скопческой секты, не смотря на его неполноту и въ нѣкоторыхъ случаяхъ невѣрность, служить не маловажнымъ пособіемъ при изученіи исторіи скопческой секты въ первые 48 лѣтъ ея существованія.

3) „Записка объ Александрѣ Ивановичѣ Шиловѣ“, составленная въ 1843 году и потомъ дополненная въ 1857 году. Въ историческомъ отношеніи записка эта неудовлетворительна. Кромѣ неполноты, свойственной ей, въ ней заключаются нѣкоторыя историческія погрѣшности, напр. о происхожденіи Шилова (Чтен. въ об. 1872 г. 3. V. 182—189 стр.). Прекраснымъ дополненіемъ къ этой запискѣ служатъ: „Сводъ свѣдѣній изъ разныхъ дѣлъ“, составленный Мельниковымъ (Тамъ же 179—181 стр.) и обнародованныя Шульгинымъ новыя свѣдѣнія о Шиловѣ („Для исторіи русскихъ тайныхъ сектъ въ концѣ оубнадцатаго вѣва“. Заря. 1871 г. № 5. 29—46 стр.); послѣднія свѣдѣнія о Шиловѣ напечатаны и Мельниковымъ (Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1. V. 6—29 стр.). Въ первомъ излагаются легендарныя сказанія о Шиловѣ, имѣющія важное значеніе для характеристики этой замѣчательной въ исторіи скопчества личности. Вторыя же повѣствуютъ о жизни и дѣятельности этого скопческаго „предтечи“ въ рижской крѣпости, а также объ отношеніяхъ, существовавшихъ въ это премя между Александромъ Шиловымъ и его племянникомъ Иваномъ Шиловымъ и о пропагандированіи послѣднимъ скопчества около Павловска, Петербургской губерніи. Важность и значеніе этихъ свѣдѣній, сообщенныхъ Шульгинымъ, особенно увеличиваются отъ того, что

они проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на исторію возвращенія изъ Сибири скопческаго лжебога, его явленія въ Петербургѣ и потомъ быструю возвышенія и организацию имъ многолюднаго скопческаго корабля.

4) „Записки изъ дѣлъ и записокъ о Грозовѣ“, составленныя Мельниковымъ. Повѣствуютъ о жизни и дѣятельности „перваго апостола отца-искупителя“. При отсутствіи другихъ источниковъ объ этой также замѣчательной личности въ исторіи скопчества, записки Мельникова имѣютъ важное значеніе (Чтен... 1872 г. 3. V. 314—381 стр.).

5) „Записка о значеніи Селиганова и другихъ лицъ въ скопческой ереси“, — составлена въ 1843 году Н. Надеждинымъ (Чтен... 1872 г. 3. V. 163—168 стр.).

6) „Записка о вѣрованіяхъ и обрядахъ скопцовъ“, — составлена въ 1844 году Далемъ (Чтен... 1872 г. 3. V. 168—173 стр.).

7) „Выписка изъ дѣлъ о вѣрованіяхъ и обрядахъ скопцовъ“. Ею же; составлена въ 1843 году (Тамъ же 173—176 стр.).

Всѣ три записки представляютъ весьма скудный и ограниченный матеріалъ по предметамъ, которыхъ онѣ касаются.

8) „Записки о скопцахъ, представленныя министромъ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскимъ въ государственный совѣтъ и комитетъ министровъ“ — числомъ четыре (Чтен... 1873 г. 1. V. 240—262 стр.). Одна записка принадлежитъ Далю; три прочія изданы подъ редакціею Н. Надеждина. Касаясь разныхъ вопросовъ — вопроса о причинахъ распространенія скопчества и о способахъ къ прегражденію этого распространенія (вторая записка), о различіи и сходствѣ скопческой и хлыстовской сектъ (четвертая записка) и проч., записки не представляютъ ничего особенно важнаго по этимъ предметамъ. Кроме этого, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчаются ошибочныя мнѣнія и заключенія; таково мнѣніе о началѣ скопческой секты на Руси (252 стр., см. еще: 254, 260 стр. и др.).

в) (рис. 9) «Записка о законности вѣдѣній противъ скопцовъ» издаваема «Свода законовъ»; представлена в Дарлемъ въ 1845 году (Чтен. 1872 г. т. 4, кн. VI, стр. 21—28, Истр. Тамъ же в 1873 г. кн. 1. Моей—объяср.) о томъ какъ писаны были Кн. той же четвертой группы историческѣ по предмету скопчества. Принадлежатъ: «Сводъ законовъ» (рис. 10); «Сводъ вѣдѣній по скопческой ереси» изъ «Сводъ вѣдѣній по скопческой ереси» П. Мельникова (Чтен. 1872 г. 2, кн. 39—205 стр.); Наконецъ, «Сводъ вѣдѣній по скопчеству», какъ и на рукописномъ изданномъ тѣмъ же Мельниковымъ материаламъ о «Скопческой ереси», «Сводъ» Мельникова, хотя много повторяетъ изъ того что сказано въ четырехъ прочихъ отдѣлахъ, но онъ истинно также сообщаетъ очень много новаго; не встрѣчая подобнаго въ этихъ отдѣлахъ. Сообразно съ количествомъ предметовъ, которыхъ «Сводъ» касается, послѣдній раздѣленъ на 51 главу. Главныя эти главы (вѣдѣній) преемственной послѣдовательности не подчиняются какому либо заранѣе намѣченному «Собирающему» плану; состоятъ съ главою догматическаго содержанія (можно встрѣтить главу о брачномъ содержаніи (гл. 19 и 20) или свѣдѣніи (гл. 45 и 46) и т. д.). Нельзя также сказать, чтобы «Сводъ» этотъ касался всѣхъ пунктовъ ученія и быта скопцовъ; онъ атомъ «Сводъ» опущены такія важныя пункты изъ догматическаго ученія скопцовъ, какъ напр.: ученіе о скопцовой «Семействѣ»; какъ о царѣ, ученіе о второмъ «Славномъ пришествіи» Сына Божія, которое, по мнѣнію скопцовъ, уже совершилось; и наконецъ изъ нравственнаго ученія. При томъ, и въ пунктахъ, какихъ касается этотъ «Сводъ», исполнены съ неодинаковою полнотою и обстоятельностью; таковы напр. тл. 33 и 34. Одна же глава, ко наперво (въ вѣдѣніи) вообще не относится къ предмету изученія скопчества; такова именно 45 глава, въ которой описывается «о штрафномъ судѣхъ скопцовъ» на основаніи двухъ пѣсень. Эти послѣднія не имѣютъ положительнаго ничего скопческаго; онѣ какъ намъ кажется, принадлежатъ къ бытамъ и отъ нихъ какъ вѣдѣній перенесли

и въ скопцахъ. Что это действительно такъ, въ этомъ достаточно можно убѣдиться, если мы обратимъ вниманіе на ученіе скопцовъ о страшномъ судѣ. Здѣсь мы увидимъ, что страшный судъ, по повятію скопцовъ, будетъ состоять изъ дѣвъ обвиненія людей: божіихъ во грѣхахъ, дровъ уста предковъ и учителей, какъ полагаетъ собиратель матеріаловъ, но дѣвъ много и другихъ. Какъ бы то ни было, хотя „Сводъ свѣдѣній“ Мельникова не можетъ служить влѣблемъ къ Ирѣнію, въ кнѣ догматическѣхъ, управленнѣхъ и обрядовѣхъ вопросовъ оскопчества, хотя онъ, далѣе, далеко неудовлетворителенъ ашполотѣхъ въ вопросахъ, которыя нынѣ изяснены, отѣмъ не менѣе онъ можетъ служить стѣкаторнѣю пособіемъ въ при изученіи оскот скопцовъ. Волѣе удовлетворительно, по нашему мнѣнію, выполнены главы 26-я о сравненіяхъ въ оскотскую ересь въ 29-мъ объ обрядахъ и радніяхъ. Важное значеніе для исследователя оскотской ереси можетъ имѣть послѣдняя 31-я глава, гдѣ сообщаются „разныя свѣдѣнія оскопсесвѣдѣній и преимущественно относящаяся къ быту скопцовъ, описаніе оскотской ереси (гл. 31)“. „Открытіе тайностей, или: обвиненіе ереси скопцовъ, или: оскотскіи образъ богомленія и тайныя обряды ереси скопцовъ, написанное въ 1824 году и представленное въ свѣтъ Скопцъ кнѣ в ропаціалнаго Оловенца по іудикотыри, даримандритомъ Досифеемъ Нѣмчиновымъ“. Это сочиненіе есть результатъ и обобщеніе свѣдѣній, добытыхъ Досифеемъ, отъ находившихся по въ его вѣдѣніемъ скопцовъ. Сравнительно съ повзаніями, послѣднихъ оно представляетъ мало новаго (Чтеніа, 1872 г. В. 11. № 111—174 стр. 21—22) и „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. Вспраціоннаго МНД въ Сиб. 1862 года. Въ этомъ сборникѣ привилегіи и распоряженій по расколу, гдѣ гдѣ дѣлается свѣдѣній о оскотцахъ. Хотя эти свѣдѣнія (членъ въ войнѣ) и въ іудикотыри нивъ нихъ важны въ томъ отношеніи, что касаются времени, послѣднѣ 1843 года, т. е. въ франки, когда описываются издачныя Мельниковымъ матеріалы оскопчества.

Обширность изданнаго въ настоящее время матеріала, его разнообразіе, обнимающее всѣ стороны скопческой секты, какъ отдѣльной религіозно-нравственной и политической общины, далеко не находятъ надлежащаго соотвѣтствія себѣ въ существующей литературѣ пособій по предмету изслѣдованія скопчества. Можно безъ ошибки сказать, что, по крайней мѣрѣ, двѣ трети изъ изданнаго матеріала не были извѣстны самымъ лучшимъ специалистамъ по этому предмету, т. е. Надеждину и Пеликану. Вообще же нужно замѣтить, что не смотря на то, что изученіе секты скопцовъ началось сравнительно рано, не смотря даже на то, что литература пособій по предмету изслѣдованія скопческой секты по количеству листовъ превосходитъ количество самыхъ матеріаловъ, научное изученіе секты со времени Надеждина подвинулось очень незначительно. Насколько, въ самомъ дѣлѣ, это изученіе неудовлетворительно, — объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ весьма выразительный фактъ, что еще до настоящаго времени не установился окончательно вопросъ: есть ли секта скопцовъ, отдѣльная отъ сходной съ нею секты хлыстовъ или же она тождественна съ послѣднею и отличается только однимъ внѣшнимъ признакомъ — осконченіемъ?

Въ многочисленномъ ряду существующихъ въ литературѣ о скопцахъ пособій первое мѣсто, безъ сомнѣнія, принадлежитъ трудамъ Надеждина и Пеликана. „Изслѣдованіе о скопческой ереси“ Надеждина рассматриваетъ послѣднюю съ разныхъ сторонъ; оно рассматриваетъ секту въ историческомъ отношеніи, въ религіозно-нравственномъ, обрядовомъ, общественномъ, политическомъ, присоединяя небольшой трактатъ о физиологій осконченія. По обширной эрудиціи, принадлежащей этому сочиненію, по многочисленности фактовъ, сообщаемыхъ въ немъ, по жѣткости выводовъ и обобщеній, свойственныхъ автору, сочиненіе послѣдняго по всей справедливости пользовалось заслуженною популяритію и уваженіемъ въ средѣ

лицъ, принимавшихъ участіе въ многочисленныхъ судебныхныхъ процессахъ о скопцахъ. Однако, при всемъ нашемъ уваженіи къ этому сочиненію, мы не можемъ не замѣтить здѣсь, что сочиненіе Надеждина крайне полемическаго характера; оно чуждо того спокойствія и хладнокровія, которыя должны составлять отличительныя качества всякаго научнаго изслѣдованія. При томъ, сочиненіе Надеждина для настоящаго времени потеряло уже свое значеніе; оно не полно и отличается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ важными недостатками и погрѣшностями. Въ частности, историческая часть сочиненія Надеждина въ виду изданныхъ въ настоящее время матеріаловъ положительно неудовлетворительна. Тоже самое нужно сказать и о догматической сторонѣ; въ ней авторъ сообщаетъ самыя краткія свѣдѣнія изъ ученія скопцовъ о лжехриствѣ и лжецарѣ Селивановѣ и о второмъ пришествіи І. Христа. Волѣе удовлетворительно и полно представлены образы скопцовъ и общественное и политическое значеніе скопцовъ въ государствѣ.

„Судебно-медицинскія изслѣдованія скопчества“. 2-е изд. Спб. 1875 г. Е. Пеликана. Не смотря на специальное назначеніе этого замѣчательнаго въ настоящее время сочиненія, сочиненіе Пеликана имѣетъ весьма важное значеніе для всякаго вообще, интересующагося скопческой сектой. Кромѣ исторической части, которая, впрочемъ, имѣетъ значеніе только при общемъ обзорѣніи скопчества въ древнія времена, сочиненіе Пеликана служитъ важнымъ пособіемъ при изученіи внутренняго быта общества скопцовъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія записка Бажанова о приемахъ совращенія въ секту, какіе практикуются скопцами. Далѣе, немаловажное значеніе имѣетъ также физиологическая сторона оскотленія и радѣній, особенно вслѣдствіе отсутствія другихъ сочиненій по этому предмету (*).

(*). Существуетъ, правда, попытка объяснить радѣнія съ физиологической стороны. Попытка эта принадлежитъ В. Андрееву, но она не-

Нелзя, наконецъ, не упоминуть и о таблицахъ, приложенныхъ въ сочиненіи; въ нихъ сообщаются интересныя числовыя данныя о количествѣ случаевъ невяротныхъ покаяній, снощовъ и скопчихъ о своемъ оскотленіи, о способахъ оскотленія и проч.; заслуживаютъ вниманія также карты, наглядно представляющія географическое распредѣленіе скопчества въ Россіи въ разные періоды.

Кромѣ сего двухъ специальныхъ изольдованій о скопчествѣ есть еще два, также спеціальныя, изольдованія. Это тѣ „Люди божіи и скопцы“ Реутскаго и „Опытъ изольдованія скопческой секты въ симбирской губерніи“ А. П. Крыжина. О первомъ изъ этихъ изольдованій произнесъ весьма справедливое сужденіе Е. Нарсовъ въ известной намъ своей статьѣ: „Новѣйшіе изольдователи русскаго раскола“ (Цар. Обозр. 1873 г. Февр. 311—337 стр.). Сочиненіе Реутскаго действительно, даже въ историческомъ отношеніи, мало удовлетворительно; и догматическаго, ученія и ученія нравственнаго въ немъ почти вовсе нѣтъ. „Опытъ изольдованія“ Крыжина, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ намъ въ полномъ видѣ. Мы имѣемъ только краткое извлеченіе изъ этого сочиненія, представленное въ „Изв. Импер. рус. географ. общества“ (1866 г. Цѣт. К-отд. 22—24 стр.). Какъ можно заключить изъ этого извлеченія, авторъ писалъ своей „Опытъ изольдованія“ на основаніи личныхъ наблюденій надъ скопцами симбирской губерніи; народныхъ сказаній объ этихъ сектантахъ и, наконецъ, пользуясь историческими данными, почерпнутыми имъ изъ архивныхъ дѣлъ. Уже одно перечисленіе источниковъ, на основаніи которыхъ писаны своей „Опытъ изольдованія“ Крыжинъ, говоритъ въ пользу автора и заставляетъ предполагать, что сочиненіе Крыжина, насколько имъ интересно, настолько же и важно въ научномъ отношеніи.

(1) (2) (3) (4) (5) (6) (7) (8) (9) (10) (11) (12) (13) (14) (15) (16) (17) (18) (19) (20) (21) (22) (23) (24) (25) (26) (27) (28) (29) (30) (31) (32) (33) (34) (35) (36) (37) (38) (39) (40) (41) (42) (43) (44) (45) (46) (47) (48) (49) (50) (51) (52) (53) (54) (55) (56) (57) (58) (59) (60) (61) (62) (63) (64) (65) (66) (67) (68) (69) (70) (71) (72) (73) (74) (75) (76) (77) (78) (79) (80) (81) (82) (83) (84) (85) (86) (87) (88) (89) (90) (91) (92) (93) (94) (95) (96) (97) (98) (99) (100)

удачна (Расколъ и его значеніе въ народн. русск. исторіи. Сиб. 1870 г. 379—384 стр.).

ни. Изъ извлеченія также узнаемъ, что авторъ „Оцита изслѣдованія“ задается мыслию провести аналогію между ученіемъ нашихъ скопцовъ и ученіемъ Сведенборга, Millenium'a и спиритизма и доказать на основаніи этого заимствованіе нашими скопцами своего ученія изъ Греціи и Болгаріи.

Не богатая спеціальными изслѣдованіями литература по предмету изученія скопчества представляеть огромный арсеналь статей. Изъ послѣднихъ по научному достоинству и обработкѣ матеріала заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія:

1) „Новѣйшіе изслѣдователи русскаго раскола“ Е. Барсова, рецензія на книгу Реутскаго: „Люди божіи и скопцы“. Авторъ старается доказать то положеніе, что скопчество, не будучи самостоятельной сектою, есть не болѣе какъ хлыстовскій монашескій орденъ. Съ этимъ мнѣніемъ мы не можемъ согласиться, о чемъ и скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Важность этой статьи для насъ состоитъ въ томъ, что въ ней можно найти рядъ выписокъ изъ подспудной хлыстовской и скопческой литературы.

2) „Замѣтка о скопцахъ“ М. И. Венюкова, читанная въ отдѣленіи этнографій. (Изв. Импер. рус. географ. общ. 1873 г. IX т. 1 отд. 42—47 стр.). Въ этой замѣткѣ Венюковъ представилъ рядъ любопытныхъ статистическихъ данныхъ о географическомъ распредѣленіи скопчества по губерніямъ въ Европ. Россіи, о количествѣ скопцовъ изъ cadaго сословія, о возрастахъ, въ какихъ скопцы сдѣлались извѣстными правительству, о количествѣ самооскопленныхъ и оскопленныхъ другими лицами и проч. Статистика обнимаетъ періодъ времени отъ 1805 до 1871 года. Впрочемъ, какъ замѣчаетъ самъ авторъ, „имѣющіяся данныя обнимаютъ лишь тѣ случаи, которые были открыты юстиціею и подвергались врачевнымъ опредѣленіямъ“.

3) „Опытъ историческаго обозрѣнія мистическихъ сектъ въ Россіи“ Протопопова. Тр. Кіев. д. ак. 1867 г.

Апрѣль. 333—365 стр. Въ общей формѣ излагается исторія, вѣроученіе и правоученіе скопцовъ.

4) „Основаніе и характеръ скопческой ереси“ И. М. Добротворскаго и Н. И. Ивановскаго; изложеніе экспертизы на судѣ по дѣлу о скопцѣ Невѣровѣ и др. Прав. Соб. 1875 г. II. 151 стр.

5) „Бѣлые голуби“ П. Мельникова. Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 388—416 стр. и № 5. 244—294 стр. Матеріаль, заключающійся въ этой статьѣ, есть историческій. Авторъ не чуждъ нѣкоторыхъ ошибочныхъ мнѣній; такъ онъ утверждаетъ, что скопцы отличаются отъ хлыстовъ „единственно физическимъ уродованіемъ тѣла, составляя съ ними одну и ту же секту“.

6) Менѣе историческаго матеріала заключается въ статьѣ Дмитревскаго: „Скопецъ Андрей Селивановъ и основныя положенія ученія его“. Черниг. Еп. Вѣд. 1868 г. № 23; 1869 г. № 7—8; 23—24; 1871 г. № 7. Впрочемъ, авторъ этой статьи имѣлъ свою цѣлю объяснить происхожденіе секты скопцовъ, которое, по его мнѣнію, должно лежать въ ученіи богомиловъ.

7) „Святोरусскіе двоевѣры“ (Отеч. Зап. 1867 г. № 10. 583—619 стр.) и

8) „Свѣдѣнія о скопцахъ“ (извлеченіе изъ чтенія Кельсіева въ Импер. рус. географ. общ.) (Совр. листокъ 1867 г. № 82).

Обѣ эти статьи Кельсіева сообщаютъ весьма интересныя свѣдѣнія изъ жизни и быта галацкихъ скопцовъ, которыя удалось ему получить отъ послѣднихъ. Есть въ этихъ статьяхъ и собственныя мнѣнія Кельсіева, съ которыми нельзя согласиться, но объ нихъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Представимъ теперь въ заключеніе обзора литературы по предмету изслѣдованія скопчества перечень нѣкоторыхъ статей мелкаго содержанія, на которыя намъ приходилось ссылаться въ своемъ сочиненіи.

1) „О великороссійскихъ безоповскихъ расколахъ въ Закавказьѣ“ В. Толстаго (Чт. въ общ. ист.... 1864 г. 4. V. 51—65 стр.).

2) „Скопцы въ Якутской области“. Совр. извѣст. 1877 г. № 157. Находятся краткія свѣдѣнія о жизни якутскихъ скопцовъ и ихъ вредномъ значеніи для туземцевъ.

3) „Калужской губерніи скопцы; ихъ вѣроученіе и правоученіе“. Калужск. Еп. Вѣд. 1871 г. №№ 2, 13—14; 1872 г. №№ 1 и 2.

4) „Новое дѣло о скопцахъ“. Тул. Еп. Вѣд. 1872 г. №№ 5—6.

5) „Скопческая ересь“. Пенз. Еп. Вѣд. 1876 г. № 23; 1877 г. № 1.

6) „Замѣтка къ статьѣ о скопческой ереси“. Тамъ же 1877 г. № 4.

7) „О моршанскихъ скопцахъ“. Нижег. Еп. Вѣд. 1869 г. № 1.

8) „Нѣчто о скопцахъ“. Совр. Извѣст. 1869 г. № 196.

9) „Скопческія секты въ таврической губерніи въ 1865 году“. Москов. Вѣд. 1869 г. №№ 51, 52 и 54.

и 10) Оренбург. Еп. Вѣд. 1881 г. № 1. 32—43 стр. Четыре замѣтки свящ. Коблова о скопцахъ.

Около послѣдняго времени появилось, какъ извѣстно, такъ называемое „новоскопчество“, т. е. появились такіе агитаторы въ средѣ скопцовъ, которые будто бы отвергали необходимость физическаго оскотленія, утверждая, что для спасенія человѣка необходимо только воздержаніе отъ всякаго сношенія съ женщинами. Обстоятельство это было причиною появленія нѣсколькихъ специальныхъ сочиненій о скопцахъ съ новымъ направленіемъ. Главнѣйшія между этими сочиненіями суть слѣдующія:

1) „Послѣднее движеніе въ современномъ скопчествѣ“ Н. Сахарова (Хр. Чт. 1877 г. Сент.—Окт. 400—447 стр.). Статья эта излагаетъ внѣшнюю исторію „новоскопчества“ съ достаточною полнотою и обстоятельностью. При отсутствіи другихъ сочиненій по этому предмету, статья Сахарова можетъ быть названа первоисточникомъ.

2) Дополненіемъ статьи Сахарова служитъ статья Сырку, помѣщенная въ томъ же Христ. Чт. за 1879 г. Янв.—Февр. Въ этой своей статьѣ Сырку излагаетъ первоначальную исторію занесенія и распространенія скопчества въ Румыніи, говоритъ также и о внутреннемъ его состояніи тамъ. Такимъ образомъ, статья Сырку имѣетъ такое же важное значеніе первоисточника при изложеніи исторіи новоскопчества, какъ и предшествующая статья Сахарова.

3) „О скопческомъ ученіи по послѣднимъ о немъ извѣстіямъ“ Гурія, еп. таврическаго. Симферополь. 1877 г. Сочиненіе еп. Гурія первоначально было напечатано въ Тавр. Еп. Вѣд. (1877 г. №№ 3, 5, 7, 10, 11, 13—14, 16, 18—19 и 20). Не смотря на значительный объемъ сочиненія преосвящ. Гурія (184 стр.), изложеніе ученія „новоскопчества“ занимаетъ въ немъ только 13 стр. (8—20); остальная часть сочиненія посвящена частію изложенію исторіи скопчества въ таврической губерніи (1—7 стр.), но главнымъ образомъ подробному разбору главнѣйшихъ пунктовъ ученія „новоскопчества“ (21—184 стр.).

4) „Движеніе впередъ въ сектѣ скопцовъ“ А. Забѣлина. Древн. и Нов. Россія 1878 г. 1. № 2. 130—138 стр. Статья, не представляющая ничего новаго сравнительно съ предшествовавшими двумя сочиненіями, можетъ имѣть интересъ и значеніе при рѣшеніи общаго вопроса о причинахъ распространенія у насъ скопчества и о мѣрахъ противъ этого зла.

5) „Путевыя замѣтки“. Москов. Вѣд. 1873 г. № 198. Авторъ замѣтокъ, случайно сошедшійся съ Лисинымъ, новымъ лжеискупителемъ и лжецаремъ скопцовъ, на парадѣ, сообщаетъ краткія свѣдѣнія о характерѣ Лисина и объ его надеждахъ, которыя онъ высказывалъ своему собесѣднику (автору) по поводу тревожнаго состоянія галацкихъ скопцовъ.

Обозрѣніе литературы изучаемаго нами предмета приводитъ насъ, такимъ образомъ, къ тому вполне справедливому выводу, что не смотря на болѣе, чѣмъ двухвѣковое существованіе хлыстовской секты и на столѣтнее—скопческой, научное изученіе той и другой секты еще оставляетъ желать многого. До настоящаго времени ни та, ни другая секта не подвергалась еще полному и всестороннему научному изслѣдованію одного какого либо писателя, исключая развѣ Надеждина. Между тѣмъ, литература собственно источниковъ по предмету этихъ двухъ сектъ настолько обширна и разнообразна, что дозволяетъ сдѣлать болѣе полное изслѣдованіе о нихъ. Отсюда, наша задача состоитъ въ томъ, чтобы, воспользовавшись всѣмъ извѣстнымъ намъ до настоящаго времени матеріаломъ и научными пособіями по предмету хлыстовской ископческой сектъ, изложить въ возможной полнотѣ, ясности и опредѣленности: 1) исторію той и другой секты (при этомъ, предварительнo изложенія исторіи секты хлыстовъ, мы обратимъ вниманіе на вопросъ о происхожденіи этой секты; предварительнo изложенія секты скопцовъ расскажемъ кратко исторію скопчества вообще); 2) ученіе (къ нему непосредственно будетъ примыкать и быть) и 3) культъ. Эти стороны изучаемаго нами предмета составятъ, такимъ образомъ, три отдѣла въ нашемъ сочиненіи. Каждую изъ намѣченныхъ нами сторонъ мы намѣрены разсматривать совмѣстно по отношенію къ той и другой сектѣ, т. е. сначала мы изложимъ исторію хлыстовской ископческой сектъ, потомъ ученіе и т. дал. Такой способъ изслѣдованія той и другой секты, естественный, основывающійся на внутренней и внѣшней генетической связи, существующей между этими двумя сектами, имѣетъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что, излагая совмѣстно ученіе хлыстовъ и скопцовъ, а равно и культъ, намъ будетъ легче и удобнѣе показать, съ одной стороны, сходство, а съ другой—различіе между тою и другою сектою и от-

сюда уже вывести заключеніе о самостоятельности и отдѣльности скопческой секты. Это послѣднее обстоятельство важно въ виду существующихъ въ литературѣ мнѣній о совершенной тождественности двухъ изучаемыхъ нами сектъ.

ИСТОРИЯ СЕКТЫ ХЛЫСТОВЪ.

При общемъ взглядѣ на исторію хлыстовской секты нельзя не видѣть, что послѣдняя, соотвѣтственно мѣрамъ правительства — снисходительнымъ или строгимъ, то, повидимому, увеличивалась въ числѣ послѣдователей, то сокращалась. Такимъ образомъ, въ столѣтній періодъ времени отъ 1631 по 1732 гг. хлыстовщина, не подвергавшаяся почти ни одному слѣдственному розыску и преслѣдованію, успѣла охватить собою четыре губерніи: владимірскую, костромскую, нижегородскую и московскую и утвердилась въ этихъ губерніяхъ весьма прочно. Слѣдственное дѣло 1732—1734 гг. на нѣкоторое время парализовало успѣхъ хлыстовской секты въ Москвѣ, но и здѣсь, благодаря энергической дѣятельности главнѣйшихъ агитаторовъ хлыстовщины, укrywшихся отъ суда, хлыстовщина снова появляется и достигаетъ въ своемъ развитіи еще большихъ размѣровъ; бывшія же преслѣдованія имѣли результатомъ своимъ занесеніе ея въ мѣстности, гдѣ она еще не была извѣстна; такимъ образомъ, появляются хлысты въ губерніяхъ: ярославской, петербургской и во многихъ другихъ. Возникшее въ 1745 г. новое слѣдственное дѣло о московскихъ хлыстахъ и тянувшееся до 1752 года имѣло своимъ послѣдствіемъ тоже самое явленіе, т. е. хлыстовщина снова заносится въ мѣстности, еще не зараженные ею. Нравственная деморализація хлыстовскихъ кораблей, которая стала извѣстной правительству особенно въ 1747 году и которая съ окончаніемъ слѣдствія надъ хлыстами не только не уви-

чтожилась, но еще болѣе увеличилась въ мѣстахъ глухихъ и отдаленныхъ отъ центра Россіи, вызвала въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія реакцію со стороны болѣе строгихъ ревнителей ученія Данилы Филиппова, выразившуюся въ появленіи новой изувѣрной секты — скопческой. Съ этого времени хлыстовщина отходитъ уже на задній планъ; правительство и общество обращаютъ все вниманіе на фактъ физическаго уродства новыхъ сектантовъ, мало интересуясь исторіею и ученіемъ сродныхъ съ ними хлыстовъ. Отсюда, съ половины прошлаго столѣтія и по настоящее время мы имѣемъ только нѣкоторые отдѣльные эпизоды изъ исторіи хлыстовъ, не имѣющие между собою никакой исторической связи и не могущіе поэтому составить дѣйствительной исторіи хлыстовской секты. Принимая, такимъ образомъ, во вниманіе главнѣйшіе моменты изъ исторіи правительственныхъ отношеній къ хлыстамъ, мы можемъ и самую исторію хлыстовской секты раздѣлить на три отдѣльныя главы. Первая глава (1631—1734 гг.) будетъ обнимать первоначальное возникновеніе хлыстовщины, распространеніе ея и развитіе до перваго слѣдственнаго дѣла о московскихъ хлыстахъ включительно. Вторая (1734—1752 гг.) — появленіе новыхъ хлыстовскихъ кораблей въ Москвѣ и другихъ мѣстностяхъ, закончившееся новымъ слѣдственнымъ дѣломъ о хлыстахъ. Третья, наконецъ, (1752—1880 гг.) будетъ заключать въ себѣ обзоръ отдѣльныхъ фактовъ изъ исторіи хлыстовщины болѣе или менѣе замѣчательныхъ, сдѣлавшихся извѣстными правительству.

I.

1631—1734 гг.

Данило Филипповъ, первый организаторъ хлыстовской секты, былъ, какъ полагаютъ, крестьянинъ юрсеваго уѣзда, отданный въ солдаты, но потомъ

бѣжавшій изъ военной службы (1). О жизни и дѣятельности Данилы Филиппова мы не имѣемъ историческихъ свѣдѣній и то, что извѣстно о немъ заимствуется изъ преданій хлыстовъ (2). Изъ этихъ преданій очевидно, что мѣстомъ первоначальной дѣятельности Данилы Филиппова была владимірская губернія и, именно, муромскій уѣздъ. Здѣсь, на горѣ Городинѣ, по легендѣ хлыстовъ, Данило Филипповъ объявилъ себя „саваоомъ“, „превышнимъ богомъ“ и „богатымъ гостемъ“; здѣсь же онъ обозначилъ путь своей сектантской дѣятельности, потопивъ всѣ имѣвшіяся у него церковныя книги въ Волгѣ, какъ ненужныя и бесполезныя для человѣка и объявилъ, что для спасенія человѣка необходимо соблюденіе 12-ти заповѣдей, которыя онъ получилъ отъ самого Бога. Заповѣди эти слѣдующія:

(1) Добротворскій 7 стр.

(2) На основаніи такой скудости источниковъ о жизни и дѣятельности перваго организатора хлыстовской секты гг. Реутскій (85 стр.) и Соколовъ (Стран. 1880 г. Янв. 97—98 и 106 стр.) даже отрицаютъ дѣйствительное существованіе Данилы Филиппова и считаютъ его мнѣшескою личностію. Намъ кажется, впрочемъ, что Данило Филипповъ, какъ и его ближайшій спутникъ—Сусловъ, дѣйствительно существовали и были первыми основателями хлыстовской секты. Такъ заставляютъ думать рассказы хлыстовъ про своего лжесавоаа и перваго лжехриста. Изъ этихъ рассказовъ очевидно, что Данило Филипповъ въ отношеніи къ Суслову игралъ роль какъ бы отца и наставника и имѣлъ съ нимъ частыя свиданія; даже предъ смертію своею Данило Филипповъ, какъ передаютъ хлысты, посѣтилъ домъ Суслова, когда послѣдній жилъ въ Москвѣ. Отсюда, было бы непослѣдовательно и несправедливо на основаніи однихъ и тѣхъ же рассказовъ хлыстовъ признавать существованіе одного лица (въ данномъ случаѣ—Суслова) и отрицать существованіе другаго (Данилы Филиппова), потому что тотъ и другой представляются тѣсно связанными между собою не только относительно предмета проповѣди, но и въ отношеніи историческомъ; отрицающее существованіе Данилы Филиппова, необходимо допустить и несуществованіе Суслова, но этого-то послѣдняго и не дѣлаютъ названные нами исследователи хлыстовской секты. Между тѣмъ, глубокая вѣра хлыстовъ и ихъ уваженіе къ Данилѣ Филиппову служатъ новымъ доказательствомъ того положенія, что подъ мнѣшескою личностію лжесавоаа скрывается дѣйствительное лицо, которому принадлежитъ первое зерно хлыстовской ереси.

1) Азъ есмь богъ, пророками предсказанный, сошелъ на землю для спасенія душъ человѣческихъ. Нѣтъ другаго бога, кромѣ меня.

2) Нѣтъ другаго ученія. Не ищите его.

3) На чемъ поставлены, на томъ и стойте.

4) Храните божьи заповѣди и будете вселенныя ловцы.

5) Хмѣльнаго не пейте, плотскаго грѣха не творите.

6) Не женитесь, а кто женатъ, живи съ женою, какъ съ сестрою. Неженимые не женитесь, женимые разженитесь.

7) Скверныхъ словъ и сквернословія не говорите.

8) На свадьбы и крестины не ходите, на хмѣльныхъ бесѣдахъ не бывайте.

9) Не воруйте. Кто единую копѣйку украдетъ, тому копѣйку положить на томъ свѣтѣ на темя, и когда отъ адскаго огня она растопится, тогда только тотъ человѣкъ прощеніе приметъ.

10) Сии заповѣди содержите въ тайнѣ, ни отцу, ни матери не объявляйте, кнутомъ будутъ бить и огнемъ жечь—терпите. Кто вытерпитъ, тотъ будетъ вѣрный, получить царство небесное, а на землѣ духовную радость.

11) Другъ къ другу ходите, хлѣбъ соль водите, любовь творите, заповѣди мои храните, бога молитесь.

12) Святому духу вѣрьте (').

Это было, какъ обыкновенно полагаютъ, въ 1631 году. Спустя нѣкоторое время послѣ своего религіознаго самозванства Данило Филипповъ прибылъ въ костромскую губернію и устроилъ свое пребываніе въ деревнѣ Старой, находящейся въ 25 верстахъ отъ Костромы, въ домѣ своего брата Θεодора Филиппова. Нужно полагать, что ученіе Данилы Филиппова нашло себѣ многихъ послѣдователей, такъ что на по-

(') Рус. Вѣст. 1868 г. № 5 32—33 стр.

ваго проповѣдника и на его „божій домъ“, куда приходили прозелиты Данилы Филиппова, было обращено вниманіе со стороны властей и другихъ лицъ. Вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства онъ мало сидѣлъ дома, но большею частію бродилъ по сосѣднимъ губерніямъ — владимірской и нижегородской, распространяя въ нихъ свое ученіе. Впослѣдствіи, онъ даже перенесъ свой „божій домъ“ изъ деревни Старой въ самую Кострому, которая съ того времени стала „горнимъ Іерусалимомъ“ и „верховною стороною“ (1). Въ то время, когда Данило Филипповъ успѣшно распространялъ свою проповѣдь, про него, рассказываютъ хлысты, свѣдалъ патріархъ Никонъ и сталъ его преслѣдовать; преслѣдовалъ 30-ть лѣтъ, пока, наконецъ, не поймалъ его у Макарія нижегородскаго. Привезши въ Москву, онъ посадилъ Данилу Филиппова въ темницу. „И стала мгла по всей землѣ, продолжаютъ хлысты; и столько была мгла по всей землѣ, сколько сидѣлъ въ темницѣ Данило Филипповъ. И освободили его, и отпустили въ Кострому, въ „верховную сторону“ (2). Нелѣпость этого разсказа хлыстовъ очевидна сама собою, такъ какъ извѣстно, что патріаршество Никона началось съ 1652 года и продолжалось до 1658 г., между тѣмъ какъ изъ легенды хлыстовъ видно, что гоненіе на Данилу Филиппова началось ранѣе 1649 г. и продолжалось, далѣе, столько времени, сколько ни одинъ русскій патріархъ не занималъ кафедры. Какъ бы то ни было, изъ этого разсказа можно вывести одно только правильное заключеніе, что успѣхъ проповѣди Данилы Филиппова обратилъ вниманіе начальства и, вѣроятно, проповѣдникъ не избѣжалъ нѣкотораго наказанія, будучи посаженъ, дѣйствительно, въ какое либо темничное заключеніе. Будучи освобожденъ, онъ сно-

(1) Рус. Вѣст. 1868 г., № 5. 32 стр.

(2) Реутскій. 76—77 стр.

ва еще съ большею энергією сталъ распространять свое ученіе и въ это время приобрѣлъ себѣ дѣятельнаго помощника въ лицѣ Ивана Тимоѣевича Суслова, который теперь замѣнилъ его вполнѣ.

Сусловъ былъ родомъ изъ владимірской губерніи, муромскаго уѣзда, деревни Максаковой. По сказанію хлыстовъ, онъ родился за 15-ть лѣтъ до объявленія Давилою Филипповымъ себя „господомъ-саваоомъ“; значить, принимая 1631 годъ годомъ самозванства Филиппова, можно полагать, что Сусловъ родился около 1616 года. Рожденіе Ивана Тимоѣевича хлысты обставляютъ чудесами. По ихъ сказанію, Иванъ Тимоѣевичъ родился отъ столѣтнихъ стариковъ Тимоѣея и Ирины Нестеревой. По своемъ рожденіи, Иванъ Тимоѣевичъ долго оставался безъ крещенія, потому что священникъ, видя въ странномъ рожденіи Ивана Тимоѣевича нѣчто сверхъестественное, отказался совершить надъ нимъ обрядъ крещенія; къ тому же никто не соглашался быть воспріемникомъ новорожденнаго. Долго старикъ, отецъ новорожденнаго, бродилъ по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, стараясь отыскать воспріемника сыну и священника, который окрестилъ бы послѣдняго. Наконецъ, спустя уже долгое время, старику удалось отыскать только одного воспріемника; этотъ послѣдній и совершилъ надъ новорожденнымъ обрядъ крещенія; присутствовавшій же при этомъ обрядѣ священникъ до того былъ изумленъ, что не понималъ, что дѣлалось около него, а когда пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что онъ находится подъ лавкой на церковной паперти ⁽¹⁾. До самой смерти своихъ родителей, послѣдовавшей чрезъ 30 лѣтъ послѣ рожденія Ивана Тимоѣевича, послѣдній жилъ безвыходно въ ихъ домѣ; потомъ же онъ поселился въ деревнѣ Михайлицахъ, владимірской губерніи, вдалеко отъ извѣстной горы Городины. Отсюда,

(1) Обротовскій, 9 стр.

спустя три года, позвалъ его къ себѣ въ деревню Старую Данило Филипповичъ, который и далъ ему „божество“, повелѣвъ ему идти на проповѣдь.

Съ этого времени, т. е. съ 1649 года, ученіе Данилы Филиппова пріобрѣло еще большій успѣхъ. Иванъ Тимоѣевичъ, какъ можно заключать на основаніи легендарныхъ разсказавъ о его страданіяхъ, не меньшій былъ религіозный фанатикъ, чѣмъ самъ Данило Филипповъ; при этомъ, онъ былъ весьма находчивъ и изобрѣтателенъ въ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни; обладалъ способностію кудесничества, чѣмъ не мало удивлялъ толпу и привлекалъ къ себѣ. Возвратившись въ Михайлицы, Иванъ Тимоѣевичъ ревностно началъ распространять свое ученіе между односельчанами и жителями окрестныхъ селъ. Успѣхъ былъ полный: скоро у него появились 12 апостоловъ, такихъ же фанатическихъ приверженцевъ новаго ученія, какъ и онъ самъ,—и даже богородица. Во главѣ этихъ лицъ Иванъ Тимоѣевичъ и отправился теперь въ сосѣднюю нижегородскую губернію. Прежде всего онъ появился въ селѣ Павловѣ - Перевозѣ (горбатовскаго уѣзда, на правомъ берегу Оки), отстоявшемъ, по свидѣтельству Дмитрія Ростовскаго, отъ Нижняго верстахъ въ 60-ти. Спустившись внизъ по Окѣ къ Волгѣ, Иванъ Тимоѣевичъ пошелъ съ своею проповѣдію далѣе внизъ по Волгѣ, прибылъ въ село Работки, нынѣшняго макарьевскаго уѣзда, отстоявшее отъ Нижняго верстахъ въ 50-ти, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ проходилъ гораздо далѣе. Вездѣ, куда ни приходилъ Иванъ Тимоѣевичъ, онъ находилъ полную вѣру себѣ и своему ученію; чтобы болѣе очаровать невѣждъ-мужиковъ, онъ пускался нерѣдко на хитрости; такъ было, между прочимъ, въ Работкахъ. Здѣсь, по свидѣтельству св. Дмитрія Ростовскаго, находилась „на брезѣ рѣки церковь пуста и ветха“. Въ то время, когда собирались въ нее многочисленныя поклонники Ивана Тимоѣевича, послѣдній „аки христосъ“ выходилъ изъ алтаря „и зряшеса на главѣ

его нѣчто велико обверчено по подобію вѣнца на иконахъ пишемаго, и нѣкія малыя лица красныя по подобію птицъ летаху около главы его, ихъ же глаголють быти херувимы....; сѣдшу же ему, вси людіе, тамо собравшіися, падше поклонишася тому до земли, аки истинному христу.... Въ молитвѣ же взываху къ нему, овѣи, Господи помилуй мя, глаголюще; овѣи же: о Создателю нашъ помилуй насъ. Онъ же къ нимъ пророческая нѣкая словеса глаголаше, сказующи, что будетъ, каковое воздуха премѣненіе, и утверждаше ихъ вѣрити въ онъ несумѣнно“ (1).

Само собою понятно, что такія безумныя дѣйствія самозванца Суслова и цѣлыя скопища праздныхъ и фанатичныхъ людей не могли укрыться отъ взора мѣстнаго начальства. Правда, мы не имѣемъ историческихъ свидѣтельствъ о преслѣдованіяхъ Суслова и его послѣдователей, но что эти преслѣдованія были, въ этомъ удостовѣряютъ рассказы самихъ хлыстовъ. По свидѣтельству послѣднихъ, Суслова и его сорокъ послѣдователей схватили въ селѣ Погостѣ (вѣроятно въ нижегородской губерніи), подвергли розыскамъ и пыткамъ съ цѣлію узнать сущность проповѣдуемаго ими ученія; такъ какъ, однако, этой цѣли не достигли, то, наказавъ ихъ кнутомъ, отправили въ Москву. Здѣсь, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, подвергъ пыткамъ Суслова и его послѣдователей самъ патріархъ Никонъ; но и въ этомъ случаѣ ничего отъ обвиняемыхъ не узнали. Поэтому, дѣло о Сусловѣ передано было боярину Морозову, но онъ, „понявъ святость и божество Ивана Тимоѣевича“, отказался производить надъ нимъ слѣдствіе подъ предлогомъ болѣзни. Тогда Иванъ Тимоѣевичъ отданъ былъ въ руки князя Одоевскаго, который долго пыталъ его огнемъ сначала на Житномъ дворѣ (въ Кремлѣ), потомъ на Красной площади, гдѣ и прика-

(1) «Розыскъ». 18 гл. 3 ч. 28 л.

залъ распять его на кремлевской стѣнѣ, около Спасскихъ воротъ. Распятый Иванъ Тимоѣевичъ испустилъ свой духъ, но на третій день воскресъ и явился въ подмосковномъ селѣ Похрѣ. Тутъ снова онъ былъ взятъ, битъ кнутомъ и снова былъ распятъ на крестѣ на томъ же самомъ мѣстѣ, у Спасскихъ воротъ; съ него содрали кожу, но одна изъ ученицъ его покрыла тѣло чистой простыней и эта простыня превратилась въ новую кожу. Иванъ Тимоѣевичъ и въ этотъ разъ умеръ, но также въ третій день воскресъ и снова началъ проповѣдывать свое ученіе, называя себя „богочеловѣкомъ“, а также „стародубскимъ христомъ спасителемъ“ (¹). Объ этомъ двукратномъ распятіи Ивана Тимоѣевича хлысты такъ поютъ:

„Послушайте любезные,
Вы господняго ученія...,
Сына божьяго мученья,
Его мучили вездѣ,
Распинали на крестѣ
Пречистыя его мощи;
Распинали его дважды“ (²).

Описанныя нами страданія лжехриста Суслова должны были происходить въ періодъ времени отъ 1655—1670 г. Въ 1672 г. Сусловъ, рассказываютъ хлысты, снова былъ взятъ для допроса, но былъ освобожденъ вмѣстѣ съ другими узниками, по случаю благополучнаго рожденія Петра I-го. Съ этого времени, говорятъ хлысты, Иванъ Тимоѣевичъ поселился окончательно въ Москвѣ и жилъ въ ней 30 лѣтъ (до 1702 г.) весьма спокойно подъ именемъ „темнаго богатыня“. Въ Москвѣ онъ имѣлъ собственный домъ въ 3-й мѣщанской улицѣ, называвшійся „домомъ божіимъ“ (³), также „сіонскимъ“ (⁴) и „новымъ Іеруса-

(¹) Добротворскій, 11—12 стр. Тр. К. д. ак. 1867 г. № 10. 96 стр. и Рус. Вѣст. 1868 г. № 5, 38 стр.

(²) Духов. стихи люд. бож. Барсова. № 20. 31—32 стр.

(³) Рус. Вѣст. 1868 г. № 5. 38 стр.

(⁴) Добротворскій, 13 стр.

лимомъ“ (1), куда собирались послѣдователи Суслова для совершенія своихъ моленій.

Не придавая исторической вѣроятности разсказамъ хлыстовъ о страданіяхъ лжехриста Суслова, о его двукратной смерти и двукратномъ воскресеніи, можно, однако, съ полною вѣроятностію допустить, что Сусловъ, дѣйствительно, не разъ попадался въ руки правосудія, но всякій разъ, благодаря, съ одной стороны, своей изворотливости, а съ другой—сочувствію и денежной помощи своихъ единомышленниковъ, избавлялся отъ заслуженнаго имъ наказанія. Сами хлысты не скрываютъ этой дѣйствительной причины спасенія своего лжехриста. По словамъ пѣсни:

„Стали гости между собою сглядываться,
Золотой казной стали складываться,
Выкупать стали, выручать
И на волю выпускать“....

Или еще:

„Про отца вѣрны спознали,
Скорымъ скоро побѣжали,
У іудеевъ упрошали,
Тайной казной откупали“ (2).

Такимъ образомъ, не страданія и божество мнимаго Христа Суслова, а золото и старанія его послѣдователей освобождали его отъ наказаній.

Пройдя трудный и продолжительный путь борьбы съ правительствомъ, Сусловъ, наконецъ, успѣлъ пріютиться въ Москвѣ и здѣсь, съ обычною энергіею и фанатизмомъ, сталъ распространять свое ученіе. Почва, на которой теперь сѣялъ плевелы своего ученія Сусловъ, была не менѣе воспріимчива, чѣмъ и въ предѣлахъ владимірскихъ, костромскихъ и нижегородскихъ. По отсутствію официальныхъ свѣдѣній, трудно, конечно, съ точностію опредѣлить, какъ широко рас-

(1) Тр. Кіев. д. ак. 1867 г. № 10. 96 стр.

(2) Добротворскій, № 3. 118 стр. Н. Барсовъ, № 20, 32 стр.

пространилась хлыстовщина въ Москвѣ во времена Сулова. Основываясь, однако, на преданіяхъ хлыстовъ, съ одной стороны, и на нѣкоторыхъ официальныхъ извѣстіяхъ, относящихся по преимуществу къ позднѣйшему времени—съ другой, можно съ вѣроятностію утверждать, что развитіе хлыстовщины шло прогрессивно и масса послѣдователей ея все болѣе и болѣе увеличивалась въ своемъ числѣ. Такъ, изъ преданій хлыстовъ извѣстно, что уже въ 1699 году слухъ о счастливой и благополучной жизни Ивана Тимоѣевича достигъ до Данилы Филиппова, который поэтому и прибылъ въ Москву; тутъ то, рассказываютъ хлысты:

„Не два солнышка скатилися,
Тутъ два гостя ликовалися:
Гость Данило Филипповичъ,
Гость Иванъ, сударь, Тимоѣевичъ;
Въ одно они мѣсто съединилися,
Другъ другу они поклонилися“ (¹)....

Далѣе, изъ тѣхъ же преданій хлыстовъ извѣстно, что скоро по смерти Данилы Филиппова, или, по сказанію хлыстовъ, по вознесеніи его на небо, правительствомъ, узнавъ о быстромъ распространеніи хлыстовской секты въ Москвѣ, подвергло какъ самого Сулова, такъ и его послѣдователей, новому преслѣдованію. Суловъ вслѣдствіе этого вынужденъ былъ бѣжать и скитался въ разныхъ мѣстахъ „лѣтъ шестнадцать“; возвратился потомъ въ Москву, построилъ новый домикъ противъ прежняго, въ которомъ, проживъ годъ, а по нѣкоторымъ „три“, „скончался плотію на сотомъ году своей жизни“ (²), „показавъ примѣръ терпѣнія и благочестія на землѣ“ (³). Хотя преданіе хлыстовъ о томъ, что Суловъ съ 1700 года

(¹) Лоботворскій, № 4. 110 стр.

(²) Тамъ же, 13 стр. Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 41 стр.

(³) Тр. К. д. ак. 1867 г. № 10. 97 стр.

скитался „шестнадцать лѣтъ“ и не выдерживаетъ исторической критики, такъ какъ извѣстно, что уже въ 1710 году въ домѣ Суслова, находившемся между Щабаловской и Донской улицами близъ Донскаго монастыря, происходило большое собраніе съ радніемъ⁽¹⁾, но то можно допустить съ вѣроятностію, что спокойствіе Суслова и его единомышленниковъ могло быть нарушено вмѣшательствомъ въ ихъ религіозныя дѣла правительства, которое, можетъ быть, снова обратило свое вниманіе на быстро распространяющуюся хлыстовщину. Наконецъ, позднѣйшія официальные разслѣдованія (въ 1733 г.) также показываютъ, что многіе изъ московскихъ монастырей были заражены хлыстовщиной еще во времена Суслова и несомнѣнно при его дѣятельномъ участіи. Такъ извѣстно, что во времена Суслова хлыстовщина проникла въ женскій Никитскій монастырь; здѣсь представительницами ея были старицы Аграфена Теодорова и Матрена Иванова. Далѣе, хлыстовщина существовала въ Ивановскомъ женскомъ монастырѣ, въ которомъ главную роль играла Анна Иванова, жена Лупкина (въ мірѣ Акулина Иванова)⁽²⁾. Ко времени же Суслова нужно отнести занесеніе хлыстовщины и въ Варсонофьевскій женскій монастырь, гдѣ распространяла и утверждала хлыстовщину бѣлица Анна Михайлова при дѣятельномъ пособіи Марьи Ивановой Шигиной, крестьянки села Павлова-Перевоза, нижегородской губерніи⁽³⁾.

Такимъ образомъ, какъ можно судить на основаніи приведенныхъ нами фактовъ, хлыстовщина во времена Суслова приобрѣла значительный успѣхъ въ Москвѣ. Сусловъ умеръ въ 1716 году и погребенъ былъ при церкви Николы въ Грачахъ. Впрочемъ, ста-

(1) Реутскій, 27—28 стр.

(2) Тамъ же.

(3) Рус. Вѣст. 1868 г. № 5. 47 стр.,

раніями своихъ приверженцевъ тѣло его скоро перенесено было въ женскій Ивановскій монастырь, гдѣ надъ могилою его устроили памятникъ съ надписью надъ нимъ, что подъ этимъ памятникомъ „погребень святой угодникъ Божій“. Могила эта и памятникъ долго чествовались хлыстами, пока въ 1739 году, по повелѣнію императрицы Анны Іоанновны, трупъ Суслова вмѣстѣ съ трупомъ другаго христа Прокопія Лупкина не былъ выкопанъ изъ земли „черезъ палачей, вывезенъ въ поле, сожженъ и развѣянъ по воздуху“ (¹).

Память о лжесаваоѣ Данилѣ Филипповѣ и о первомъ лжехристѣ Сусловѣ до сего времени составляетъ предметъ благоговѣнія хлыстовъ. Дни, въ которые случилось съ ними что либо особенное, хлысты празднуютъ торжественно; такъ, они празднуютъ день Покрова Пресв. Богородицы, такъ какъ, по ихъ преданію, въ этотъ день будто бы умеръ Данило Филипповъ (²). Мѣста, прославленныя какими либо событіями изъ жизни и дѣятельности Данилы Филиппова и Суслова, почитаются хлыстами святыми и они нерѣдко, поэтому, совершаютъ странствованія съ цѣлію поклониться имъ; такъ они ходятъ въ село Кріушино, гдѣ будто-бы погребень лжесаваоѣ; ходятъ, далѣе, въ Кострому и деревню Старую, какъ мѣстности, ознаменованныя пребываніемъ въ нихъ Данилы Филиппова (³); посѣщаютъ, наконецъ, и Спасскія ворота, гдѣ будто бы дважды распинали лжехриста Суслова, а также и церковь св. Николы въ Грачахъ, какъ мѣсто первоначальнаго погребенія Суслова (⁴). Не меньшимъ благоговѣніемъ со стороны хлыстовъ пользуются

(¹) Прав. Обзор. 1862 г. № 3. 326 стр.

(²) Добротворскій, 14 стр. Впрочемъ, по другому преданію известно, что Данило Филипповъ умеръ или вознесся на небо 1 января 1700 года; поэтому, добавляют хлысты, и стали считать съ этого дня новый годъ. Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 39 стр.

(³) Реутскій, 82 стр.

(⁴) Добротворскій, 14 стр.

ся и вещи, употреблявшіяся лже-саваоомъ и лже-христомъ при ихъ жизни. Такъ, столъ, за которымъ, по преданію хлыстовъ, бесѣдовали Данило Филипповъ и Иванъ Тимоѣевичъ въ то время, когда послѣдній жилъ въ Москвѣ, сохранялся у хлыстовъ до 1845 г.; въ этомъ году столъ былъ взятъ и поступилъ въ кабинетъ раскольничьихъ вещей (¹). По свидѣтельству г. Реутскаго, въ одномъ московскомъ хлыстовскомъ семействѣ до послѣдняго времени сохранялись: коврикъ, платокъ, кресло, скамейка и другія вещи, бывшія въ употребленіи во времена Данилы Филиппова и Суслова (²).

Дѣятельность Суслова въ Москвѣ продолжалъ Прокопій Даниловъ Лупкинъ, преемникъ перваго въ званіи „христа“. Существуетъ преданіе, что будто бы Лупкинъ былъ сынъ Данилы Филиппова. О Лупкинѣ достоверно извѣстно слѣдующее. Онъ былъ стрѣльцомъ и участвовалъ въ двухъ походахъ противъ Азова. По возвращеніи изъ послѣдняго азовскаго похода въ Москву, Лупкинъ вмѣстѣ съ другими своими товарищами скоро отправленъ былъ въ Нижній Новгородъ для водворенія; причиною этого былъ извѣстный заговоръ стрѣльцовъ противъ Петра I-го. Въ Нижнемъ Лупкинъ жилъ до 1710 года; въ этомъ году, вслѣдствіе особаго указа, Лупкинъ и другіе его товарищи, проживавшіе въ Нижнемъ, снова были вызваны въ Москву для поступленія, очевидно, въ военную службу; однако, отъ этой послѣдней онъ былъ освобожденъ „за падучею болѣзнію“ и ему было позволено снова отправиться въ Нижній. Достоверно неизвѣстно, остался ли Лупкинъ въ Москвѣ или же отправился въ Нижній. Есть основаніе думать, что Лупкинъ остался въ Москвѣ, ибо извѣстно, что до 1715 года онъ успѣлъ не только ознакомиться съ хлыстовщи-

(¹) Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 39 стр. 1 примѣч.

(²) Исследование его, 82 стр.

ною, но даже, какъ увидимъ, дѣятельно и съ большимъ успѣхомъ распространялъ ее въ селеніяхъ около Углича (нынѣ ярослав. губерн.); далѣе, извѣстно также, что въ 1714 году Лупкинъ, дѣйствительно, былъ въ Москвѣ ⁽¹⁾; наконецъ, въ пользу предположенія о томъ, что Лупкинъ остался въ Москвѣ послѣ 1710 года говорить и то обстоятельство, что въ Москвѣ жили жена Лупкина, его сынъ и племянникъ ⁽²⁾; очевидно, остаться Лупкину въ Москвѣ значило тоже, что оставаться въ своемъ домѣ, въ своемъ семействѣ. Если, такимъ образомъ, предположеніе о томъ, что послѣ 1710 года Лупкинъ уже болѣе не жилъ въ Нижнемъ, а находился въ Москвѣ, вѣрно, то, значитъ, онъ имѣлъ возможность въ теченіи шести лѣтъ познакомиться съ Суловымъ. Хотя мы не имѣемъ достовѣрныхъ извѣстій о существованіи между Суловымъ и Лупкинымъ близкихъ отношеній, но, принимая во вниманіе, съ одной стороны, что по христорогій хлыстовъ Лупкинъ получилъ свое преемство отъ Сулова, а съ другой—что такому знакомству благопріятствовали обстоятельства,—такъ какъ жена Лупкина еще въ 1710 году, какъ извѣстно, участвовала въ радѣніи, бывшемъ у Сулова,—можно допустить, что сношенія эти могли быть, и повели къ тому, что Лупкинъ сдѣлался достойнымъ преемникомъ Сулова на поприщѣ хлыстовской пропаганды.

Усвоивъ хлыстовское ученіе въ кораблѣ Сулова, Лупкинъ, желая, очевидно, играть такую же роль, какую игралъ Суловъ, объявилъ себя „христомъ“ и окружилъ себя „апостолами“. Это было, нужно полагать, около 1714 года. Въ 1715 г. Лупкинъ пропагандированъ уже хлыстовское ученіе въ селеніяхъ, расположенныхъ по рѣкамъ Волгѣ и Улеймѣ, въ угличскомъ уѣздѣ, ярославской губерніи. Слухъ о вновь

(1) Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 42 стр.

(2) Реутскій. 27—28 стр. Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 43—44 стр.

появившейся сектѣ скоро распространился и дошелъ до архимандрита угличскаго Покровскаго монастыря Андроника, который въ 1717 году доносилъ Ростовскому епископу Досиею, что „въ отчинѣ Воскресенскаго монастыря въ деревнѣ Харитоновѣ, въ домѣ крестьянина Еремѣя Бурдаева поймано имъ, архимандритомъ, раскольниковъ мужеска пола 11 и женска 10, и въ томъ числѣ одинъ московскій стрѣлецъ Прокопій Лупкинъ“ (¹). Стало также извѣстнымъ, что хлыстовщина распространилась въ деревнѣ Данильцовѣ въ нынѣшнемъ рыбинскомъ уѣздѣ; здѣсь во главѣ хлыстовъ находились крестьяне Никита Сахарниковъ и Иванъ Васильевъ. Хотя схваченные хлысты вмѣстѣ съ Лупкинымъ и были приведены въ Угличское духовное правленіе, гдѣ ихъ даже допрашивали о сущности исповѣдуемаго ими ученія, но, по равнодушію къ возникшему дѣлу епископа Досиея, который къ тому же въ слѣдующемъ 1718 году былъ казненъ за участіе въ дѣлѣ царицы Авдотьи Θεодоровны (²), они оставлены были безъ наказанія и отпущены по домамъ. Вслѣдствіе этого и Прокопій Лупкинъ также оставилъ угличскій уѣздъ и снова прибылъ въ Москву.

Въ Москвѣ, какъ извѣстно, къ этому времени хлысты лишились своего христа Сулова, умершаго въ 1716 году. Поэтому, Лупкину теперь открытъ былъ путь занять мѣсто Сулова въ его кораблѣ. Последнее удалось сдѣлать Лупкину скоро. Въ 1717 году онъ первоначально поселился въ домѣ своего племянника, крестьянина Ивана Θεодорова Большаго—Соколова, по вѣрѣ также хлыста (³), но, вѣроятно, въ этомъ же году, а быть можетъ и нѣсколько позже, онъ переселился въ домъ Сулова, гдѣ и былъ признанъ

(¹) Пол. собр. закон. Рос. Импер. съ 1649 г. IX т. № 6.613. 391 стр.

(²) Прав. Обзор. 1862 г. № 8. 325 стр.

(³) Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 43 стр.

преемникомъ Суслова. Въ домѣ Суслова Лупкинъ находился до 1723 года; здѣсь оказывали ему большое содѣйствіе старицы Анна, Вѣра и Матрена, чудовскій іеромонахъ Варлаамъ и Алексѣй Трофимовъ ⁽¹⁾. Въ домѣ Суслова въ это время нерѣдко происходили большія собранія хлыстовъ. Руководителемъ и главою всѣхъ этихъ собраній былъ всегда самъ Прокопій Лупкинъ. Вотъ что, между прочимъ, говорилъ на слѣдствіи 1745 года Варлаамъ Ѳедотовъ объ уваженіи къ Лупкину и о той роли, какую послѣдній игралъ въ средѣ хлыстовъ. „А послѣ чинимаго злодѣянія, т. е. послѣ причащенія хлѣбомъ и квасомъ, показывалъ Варлаамъ Ѳедотовъ, усмотрѣлъ онъ, Варлаамъ, и прочіе согласники, что идетъ Прокопій Лупкинъ, для котораго вскочили съ лавокъ, и замахали руками, и закричали всѣ громогласно: „царь! царь!“, почитая его, яко Христа, и подходя къ тому Лупкину всѣ бывшіе люди, и онъ, Варлаамъ, съ великимъ страхомъ, которому, перекрестясь, кланялись по единому человѣку порознь въ ноги и цѣловали его руку.... Во время верченія, т. е. радвнїа, Лупкинъ говорилъ: „царь великій, богъ великій!“, а о комъ оно было говорено и въ какой силѣ, замѣчаетъ Варлаамъ, того не показано имъ“ ⁽²⁾. Въ 1723 году Лупкинъ приобрѣлъ собственный домъ за Яузой, въ Таганкѣ, куда онъ переселился,—и съ этого времени до самой смерти, послѣдовавшей въ 1732 году, Лупкинъ никуда не отлучался и жилъ весьма спокойно. О жизни и дѣятельности Лупкина въ это время мы имѣемъ весьма немного свѣдѣній. Извѣстно только, что домъ Лупкина имѣлъ значеніе центральнаго пункта для всѣхъ московскихъ хлыстовъ; сюда стекались хлысты въ извѣстное время для совершенія своихъ радвнїй и для поклоненія своему Христу; такъ было напр. въ 1726 году, когда къ Луп-

(1) Реутскій, 32 стр.

(2) Прав. Обзор. 1862 г. № 8. 455 стр.

(3) Реутскій, 34—35 стр.

кину собралось много монаховъ и монахинь по случаю „привода“ новаго члена въ общество хлыстовъ. Извѣстно также, что въ домѣ Лупкина во время радѣній совершались гнусный развратъ и отвратительный обрядъ причащенія тѣломъ и кровію младенцевъ (¹). Значительное пособіе въ дѣлѣ распространенія хлыстовщины оказывали въ это время Лупкину проживавшіе въ его домѣ Семень и Игнатій Шигины съ дѣтьми, недавно переѣхавшіе изъ села Павлова-Перевоза и братья Осиповы Сергѣй и Димитрій. Изъ этихъ лицъ особеннымъ расположеніемъ со стороны Лупкина пользовался Сергѣй Осиповъ. Лупкинъ, какъ обнаружилось на слѣдствіи въ 1747 году, назначалъ его даже въ своего преемника (²). Лупкинъ умеръ

(¹) Реутскій, 35 стр.

(²) Пеликанъ, 117 стр. — О Сергѣе Осиповѣ извѣстно слѣдующее. Онъ, по его показанію, до слѣдствія о хлыстахъ въ 1733 году ходилъ на сборища хлыстовъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Трофимовымъ, крестьяниномъ села Воробьевыхъ Горъ; отъ него, между прочимъ, онъ получилъ небольшую часть пшеничнаго хлѣба, въ которомъ, по словамъ Трофимова, запечено было младенческое сердце и кровь. Трофимовъ наставлялъ Осипова, чтобы онъ въ то время, когда на сборищахъ будутъ готовить хлѣбъ, отдѣлилъ $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{4}$ долю полученнаго хлѣба и, растерши ее, всыпалъ бы въ тѣсто; по испеченіи же хлѣба, онъ долженъ разрѣзать его на мелкіе кусочки и потомъ раздать овионъ согласникамъ. Осиповъ такъ и поступилъ; раздавая кусочки хлѣба, онъ при этомъ говорилъ: «принимайте оный хлѣбъ и воду вмѣстѣ тѣла и крови Господня, понеже оный хлѣбъ печенъ, также и въ воду положено младенческое сердце съ кровію». Впослѣдствіи Осиповъ и самъ сталъ готовить такое причащеніе. Ходя на собранія къ Лупкину, онъ познакомился съ ростовской дѣвкой Матреной Игнатьевой, къ которой, по словамъ Осипова, онъ «возымѣлъ знаемость» и потому взялъ ее къ себѣ въ домъ. Проведши съ нею, такимъ образомъ, четыре года, Осиповъ прижилъ сына, котораго, окрестивъ по своему обряду, онъ на осьмой день закололъ складнымъ ножикомъ. Вынувъ сердце и выпустивъ кровь, Осиповъ высушилъ то и другое и потомъ въ соединеніи съ этимъ веществомъ сталъ готовить хлѣбы. Приготовивъ, такимъ образомъ, пять небольшихъ хлѣбовъ, Осиповъ четыре изъ нихъ употребилъ на двухъ происходившихъ въ то время сборищахъ; а пятый отдалъ строителю Богословской пустыни Димитрію, впослѣдствіи разстригъ Гусеву (Тамъ же, 118—119 стр.).

9 ноября 1732 года, а 12-го числа этого же мѣсяца съ честію былъ погребенъ въ Ивановскомъ дѣвичьемъ монастырѣ рядомъ съ Иваномъ Тимоѣевичемъ Сусловымъ. О смерти Лупкина хлысты рассказываютъ слѣдующее. „Въ день смерти, говорятъ хлысты, въ его домѣ находилось множество его послѣдователей; во время „корабельнаго“ радѣнія въ святой кругъ съ небесныхъ круговъ слетѣли безплотные духи: ангелы, архангелы, серафимы, херувимы и вся сила небесная и вознесли Христа Лупкина при множествѣ свидѣтелей на небо“ (1). Иначе говоря, Лупкинъ умеръ во время неистовыхъ круженій.

Распространеніе хлыстовщины въ Москвѣ во времена Лупкина совершалось съ большимъ успѣхомъ и съ большею систематичностію, чѣмъ какъ это было при Суловѣ. Этому обстоятельству много содѣйствовали, по нашему мнѣнію, родственныя связи Лупкина. У послѣдняго были жена, сынъ, племянникъ и два брата, всѣ эти лица были преданы до фанатизма хлыстовскому ученію, большинство изъ нихъ пользовалось значительнымъ вліяніемъ въ обществѣ хлыстовъ и большинство изъ нихъ, наконецъ, жило и дѣйствовало въ разныхъ мѣстахъ Москвы; очевидно, такимъ образомъ, что условія для распространенія ереси были самыя благоприятныя. Въ разсматриваемое нами время хлыстовщина, кромѣ извѣстныхъ трехъ монастырей: Никитскаго, Ивановскаго и Варсонофьевскаго, куда она проникла еще во времена Сулова, охватила еще пять монастырей: Симоновъ, Высокопетровскій, Новодѣвичій, Чудовъ и Богословскую пустынь (2).

(1) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5. 324 стр.

(2) Г. Мельниковъ полагаетъ, что въ данное время хлыстовщина проникла въ Вознесенскій и Рождественскій монастыри; въ первомъ изъ нихъ насаждала ее Марья Босая, неизвѣстная по своему происхожденію, а во второмъ іеромонахъ Провѣ и инокиня Евпраксія (Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 47—49). Намъ кажется, что мнѣніе г. Мельникова о Марьѣ Босой, Провѣ и Евпраксіи, какъ о приверженцахъ хлыстовскаго ученія и

Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ ученіе и обряды хлыстовщины процвѣтали. Въ Ивановскомъ монастырѣ дѣятельность Акулины Ивановны, жены Лупкина, съ успѣхомъ продолжала инокиня этого монастыря Анастасія, въ мѣрѣ Агаѣя Карпова. Она слыла за богородицу не только въ Ивановскомъ монастырѣ, но признавалась таковою отъ всѣхъ хлыстовъ, какъ московскихъ, такъ и иногороднихъ. Популярность ея имени и уваженіе къ ней хлыстовъ были велики. Этому не мало содѣйствовалъ нищій старикъ Якимъ Игнатьевъ, проживавшій въ Ивановскомъ монастырѣ. Онъ, ходя по Москвѣ, разглашалъ, что въ Ивановскомъ монастырѣ есть святая и богоугодная старица Настасья, которая всякаго приходящаго къ ней учить

какъ о распространителяхъ этого ученія въ двухъ названныхъ монастыряхъ — ошибочно и основано на томъ только предполагаемомъ имъ ранѣе (стр. 45—46) положеніи, что всѣ вообще кликуши и юродивые были хлыстами — ни болѣе, ни менѣе. Между тѣмъ, очевидно, такое предположеніе само по себѣ невѣрно. Въ рассказѣ же Мельникова о трехъ названныхъ лицахъ мы не находимъ ничего такого, что могло бы, дѣйствительно, характеризовать ихъ, какъ послѣдователей хлыстовскаго ученія и то, что сообщено о нихъ, можетъ характеризовать ихъ только или какъ юродствующихъ и кликушъ, или же какъ приверженцевъ старины. Дѣйствительно, Босая была юродивою и кликушею; о ней Мельниковъ рассказываетъ слѣдующее: «однажды, говоритъ онъ, Босая предъ выписомъ Евангелія завизжала, стала ломать себѣ руки, закинула назадъ голову и, трясясь всѣмъ тѣломъ, начала вертѣться». Въ послѣднемъ г. Мельниковъ усматриваетъ «обыкновенный пріемъ хлыстовскихъ радѣній» (48 стр.); намъ кажется, что это обыкновенный пріемъ кликушъ и лицъ, подверженныхъ нервнымъ припадкамъ. Тоже самое должно сказать и объ Евпраксіи. Что касается до Прова, то онъ былъ, очевидно, фанатичный приверженецъ старопечатныхъ книгъ и двуперстнаго сложенія (стр. 48), — слѣд. былъ раскольникъ, но не хлыстъ. Точно также мало вѣроятно предположеніе Мельникова и о томъ, что будто бы иконоборцы — Тверитиновъ, Ивановъ, Максимовъ и др., формально открыты въ Москвѣ въ 1713 г., были также хлыстами или близки къ нимъ (стр. 50). Нельзя также причислить къ хлыстамъ и князя Евима Мещерскаго, проживавшаго въ селѣ Косьюдемьянскомъ, какъ полагаетъ Мельниковъ (53—57 стр.); Мещерскій былъ ни болѣе ни менѣе, какъ мистически настроенный человекъ.

„отъ священнаго писанія“. Простаки вѣрили словамъ старика и толпами шли къ святой старицѣ. Послѣдняя, понятно, наставляла ихъ въ правилахъ хлыстовской ереси и потомъ приглашала на свои собранія, гдѣ нерѣдко успѣвала окончательно завлечь любопытныхъ въ свою секту (¹). Извѣстно также преданіе, переданное крестьяниномъ Иваномъ Андреяновымъ въ его донесеніи императору Александру I-му, характеризующее то уваженіе, какимъ инокиня Анастасія пользовалась отъ своихъ послѣдователей. По этому преданію, послѣдователи ученія Настасьи не иначе называли себя, какъ послѣдователями „вѣры Настасьи Карповой“ и что, далѣе, такое показаніе, данное на судѣ, могло избавить виновныхъ отъ наказанія; такъ какъ, по словамъ отставнаго солдата Ивана Петрова—скопца, „царь царя не судить“ (²); такимъ образомъ, Настасья Карпова признавалась чѣмъ-то въ родѣ царицы. Живя въ Ивановскомъ монастырѣ, Настасья Карпова собирала къ себѣ въ келью многочисленныхъ послѣдователей хлыстовщины—мужчинъ и женщинъ, свѣтскихъ и монашествующихъ и здѣсь съ неистовствомъ предавалась радѣніямъ. Сборища эти имѣли даже азартный и нерѣдко безнравственный характеръ; такъ, многіе во время радѣній били себя палками и цѣпами, нѣкоторые же предавались въ это время разврату. На слѣдствіи 1793 года, между прочимъ, выяснилось, что у самой Настасьи Карповой, на чердакѣ ея кельи, находилась кровать, подъ которой спрятана была постель; при этомъ, одна старица при допросѣ созналась, что вслѣдствіе смѣсительнаго ночлега мужчинъ и женщинъ, происходившихъ нерѣдко въ келью Настасьи Карповой, она прижила ребенка (³). Само собою по-

(¹) Реутскій, 32 стр.

(²) Чтен. въ общ. ист.... 1872 г. 2. V. 42 стр.

(³) Поля. собр. зак. Рос. Имп. съ 1649 г. IX т. № 6,613.
392—393 стр.

нѣтву, что первенство на этихъ сборищахъ принадлежало самой Настасьѣ Карповой. Впослѣдствіи, когда именно—неизвѣстно, Настасья Карпова отстроила новый домъ для сборищъ подѣ дѣвичьимъ монастыремъ въ Кочкахъ. Здѣсь оказывала ей содѣйствіе при совершеіи радѣній старица Есеіръ⁽¹⁾. Кромѣ Настасьи Карповой, содержавшей въ своей кельѣ нѣчто въ родѣ хлыстовскаго корабля, въ Ивановскомъ монастырѣ была и другая старица, которая также собирала въ свою келью хлыстовъ и хлыстовокъ. Это была Марья Трофимова. На двухъ радѣніяхъ, бывшихъ въ ея кельѣ, участвовалъ, между прочимъ, іеромонахъ Варлаамъ Оедотовъ, какъ онъ сознался на слѣдствіи 1745 года⁽²⁾.

Въ монастырѣ Варсонофьевскомъ дѣятельно пропагандировала хлыстовское ученіе блаженный монастырь Марѳа Павлова въ союзѣ съ крестьяниномъ сельца Воробьевыхъ горъ Алексѣемъ Трофимовымъ, о которомъ мы уже упоминали выше. Здѣсь также, какъ и въ Ивановскомъ монастырѣ, образовался цѣлый хлыстовскій корабль; сборища его происходили частію въ кельѣ Марѳы Павловой, частію же въ домѣ московскаго купца-хлыста Степана Яковлева за Пречистенскими воротами. Главную роль на этихъ сборищахъ играла сама Марѳа Павлова, которая даже слыла въ своемъ кораблѣ „богородицей“⁽³⁾. Въ Симоновъ монастырь хлыстовщина занесена была и распространена сыномъ Прокопія Лупкина Спиридономъ Лупкинымъ, поступившимъ въ этотъ монастырь въ 1713 году съ именемъ Серафима. Искусно поставивъ себя въ отношеіи къ архимандриту Симонова монастыря, Спиридонъ Лупкинъ успѣшно пропагандировалъ хлыстовщину между монахами, но, съ другою

⁽¹⁾ Реутскій, 32—33 стр.

⁽²⁾ Прав. Обзор. 1862 г. № 8. 454 стр.

⁽³⁾ Реутскій, 33 стр.

стороны, будучи не замѣчаемъ въ этомъ преступномъ дѣлѣ, онъ снискалъ себѣ большое довѣріе со стороны архимандрита, который даже въ 1721 году сдѣлалъ его экономомъ монастыря. Это послѣднее обстоятельство, возвысивъ положеніе Лупкина въ средѣ монашествующихъ, дало ему еще большую возможность распространять и утверждать между послѣдними хлыстовщину. Симоновскій монастырь сдѣлался даже нѣкотораго рода разсадникомъ хлыстовщины; отсюда, между прочимъ, получила свое начало хлыстовщина Высокопетровскаго монастыря. Въ послѣднемъ на поприщѣ распространенія хлыстовщины прославились іеромонахи Филаретъ, въ мѣрѣ, Ѳеодоръ Муратинъ, и Тихонъ, въ мѣрѣ—Тимоей Струковъ—оба дворяне и оба единовременно перешедшіе сюда изъ Симонова монастыря (¹). О Новодѣвичьемъ монастырѣ извѣстно только то, что здѣсь во главѣ хлыстовщины стояли монахини: Татьяна, Стефанида, двѣ Анны, Февронія и Матрена (²). Въ Чудовомъ монастырѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на поприщѣ распространенія и утвержденія хлыстовщины прославились монахи Юсафъ и просвирникъ Варлаамъ (³). Въ Богословской пустыни распространялъ и утверждалъ хлыстовщину строитель Димитрій Есимовъ, въ мѣрѣ Данила Гусевъ (⁴) въ сообществѣ съ Кириллою Алексѣевымъ, человекомъ неизвѣстнаго происхожденія и званія.

Кромѣ монастырей хлыстовщина въ данное время распространилась и между мірянами. Между послѣдними находились даже такіе, которые содержали дома для хлыстовскихъ сборищъ. Такимъ именно былъ крестьянинъ Яковъ Фроловъ. Онъ первоначально находился въ Варсонофьевскомъ монастырѣ, гдѣ прини-

(¹) Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 44—45 стр.

(²) Тамъ же, 47 стр.

(³) Прав. Обзор. 1862 г. № 8. 451—452 стр.

(⁴) Пелликанъ. 119 стр.

малъ дѣятельное участіе въ собраніяхъ хлыстовъ, происходившихъ въ этомъ монастырѣ. Впослѣдствіи, въ 1729 году, онъ, въ союзѣ съ другимъ крестьяниномъ Андреемъ Касьянковымъ и крестьянкой Макеевой, купилъ особый домъ въ Рогожской Ямской слободѣ, за Яузой, въ которомъ онъ и поселился. По замѣчанію г. Реутскаго, „фроловскій домъ былъ первымъ въ правительственныхъ бумагахъ извѣстнымъ опытомъ хлыстовской общины, въ которой мужчины и женщины проживали совместно“ (*). Это замѣчаніе Реутскаго едва-ли справедливо, такъ какъ извѣстно, что и въ Ивановскомъ монастырѣ было тоже самое. Кромѣ дома Якова Фролова хлыстовскія сборища происходили еще въ домѣ парусной преображенской фабрики Лаврентія Ипполитова; на одномъ изъ этихъ сборищъ участвовалъ и извѣстный іеромонахъ Варлаамъ Ѳедотовъ (*).

Такимъ образомъ, ко времени смерти Лупкина хлыстовщина въ пространственномъ отношеніи распространилась шире; къ этому времени явились шесть домовъ, гдѣ совершались хлыстовскія радѣнія и прочія безобразія: два дома Суслова, которые не теряли своего значенія и послѣ его смерти, домъ Лупкина, Настасьи Карповой, Фролова и Лаврентія Ипполитова. Трудно, конечно, опредѣлить, каково было число послѣдователей хлыстовской секты; можно думать, однако, что число это было значительно; такъ, въ 1733 г. было привлечено къ слѣдствію 78-человѣкъ (*), да не отыскано было не малое число оговоренныхъ; къ нимъ должно присоединить еще вовсе неизвѣстныхъ правительству, которыхъ также было не меньше привлеченныхъ къ слѣдствію.

Въ то время, когда хлыстовщина развивалась такъ быстро въ Москвѣ, надъ нею въ первый разъ

(* Реутскій, 33—34 стр.

(* Прав. Обзор. 1862 г. № 8. 454 стр.

(* Реутскій, 38 стр.

разразилась страшная гроза, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ казнь однихъ хлыстовъ и ссылку другихъ. Виновникомъ этой грозы былъ Семень Карауловъ, промышлявшій въ Москвѣ разбоемъ и имѣвшій съ шайкой своей главное пребываніе подь каменнымъ мостомъ чрезъ Москву рѣку. Явившись въ 1732 г. къ графу Салтыкову и, повинившись предъ нимъ въ производимыхъ имъ съ товарищами разбояхъ, Карауловъ сказалъ, что „въ Москвѣ имѣются четыре дома, въ которыхъ-де чинятся непотребности и собираются въ праздники по ночамъ разныхъ чиновъ люди, старцы, старицы и проч. и изъ нихъ-де нѣкоторые выбираются начальниками, и садятся въ преднихъ мѣстахъ, а прочіе по лавкамъ, и проходя-де имъ кланяются въ землю, и цѣлуютъ у нихъ руки, и собирая деньги отдають, а другіе-де изъ нихъ пророчествуютъ“ (1). Салтыковъ отнесся къ этому открытію Караулова съ полнымъ вниманіемъ: онъ немедленно сдѣлалъ нужныя распоряженія, и по указаніямъ Караулова и другаго раскаявшагося хлыста, крестьянина ярославской губерніи и уѣзда, Ивана Безпалаго, схвачено было 78 хлыстовъ (2). Произведенъ былъ первый допросъ, изъ котораго обнаружилось, что главною наставницею у московскихъ хлыстовъ была Настасья Карпова въ сообществѣ съ двумя другими стариками и старцемъ, что, далѣе, эти наставницы и наставникъ приходившихъ къ нимъ людей „прельщали лживыми пророчествами“, и что, наконецъ, эти лица вмѣсто причастія св. таинъ подавали своимъ послѣдователямъ рѣзанный кусками хлѣбъ и квасъ, иногда, вмѣсто послѣдняго—воду (3). Назначена была особая комиссія для отысканія послѣдователей вновь откры-

(1) Полн. собр. зак. Рос. Импер. съ 1649 г. IX т. № 6,613. 390 стр.

(2) Реутскій, 38 стр.

(3) Полн. собр. зак. Рос. Импер. съ 1649 г. IX т. № 6,613. 390 стр.

той „богомерзкой ереси“. Комиссія, кромѣ захваченныхъ уже 78 человекъ, отыскала еще множество разнаго рода людей, принадлежавшихъ къ хлыстовщинѣ. Замѣчательно, что многіе изъ хлыстовъ добровольно являлись въ комиссію и объявляли себя принадлежавшими къ сектѣ. Въ то время, когда число виновныхъ все болѣе и болѣе увеличивалось, Салтыковъ увѣдомилъ объ открытіи новой ереси Сенатъ, который въ свою очередь сообщилъ объ этомъ открытіи Синоду. Въ послѣднемъ учреждена была „высшая комиссія“ для изслѣдованія тайнъ ученія и богослуженія „богомерзкой ереси“, состоявшая изъ архіепископовъ: Оеофана новгородскаго, Леонида сарскаго, Питирима нижегородскаго, графа Остермана, князя Черкаскаго и генерала Ушакова ('). Московская слѣдственная комиссія, окончивъ розыски, представила главныхъ виновниковъ ереси въ Петербургъ. Изъ числа этихъ главныхъ виновниковъ болѣе другихъ замѣчательны: инокини Ивановскаго монастыря Анастасія, Анна и Александра; іеромонахи Высокопетровскаго монастыря: Филаретъ и Тихонъ и эконномъ Симоновскаго монастыря Серафимъ. Всѣмъ этимъ лицамъ и многимъ другимъ, представленнымъ въ Петербургъ, высшая петербургская комиссія сдѣлала нѣсколько допросовъ. То, что узнано было комиссіею отъ хлыстовъ, заключалось въ двѣнадцати пунктахъ. Изъ этихъ послѣднихъ очевидно, что уже въ это время основной характеръ хлыстовщины опредѣлился довольно ясно; вмѣсто богослуженія, совершаемаго въ православной церкви, хлысты употребляли радѣнія или круженія, что называли „крещеніемъ духомъ“, въ противоположность крещенію водою, совершаемому въ православной церкви; эти радѣнія они сопровождали разными грубыми самоистязаніями и самобичеваніями. Отношеніе ихъ къ православной церкви

(') Полн. собр. зак. Рос. Импер. съ 1649 г. IX т. № 6,613. 391 стр.

и ея тайнствамъ было враждебное; хлысты хулили законный бракъ, вмѣняя его въ скверну; вмѣсто же брака допускали незаконное сожитіе мужчинъ и женщинъ⁽¹⁾.

Въ октябрѣ 1733 года состоялся приговоръ о послѣдователяхъ хлыстовской секты: По этому приговору трое, признанные виновнѣе всѣхъ другихъ, именно: инокиня Анастасія и іеромонахи Тихонъ и Филаретъ, по разстриженіи и лишеніи сана двухъ послѣднихъ, были казнены на Сытномъ рынкѣ въ Петербургѣ чрезъ отсѣченіе головъ. Другіе, признанные менѣе виновными, были разосланы въ отдаленные монастыри съ утверженіемъ тамъ надъ ними строгаго надзора, чтобы, какъ говорилось въ опредѣленіи комиссіи, „изъ того монастыря никогда никуда ихъ не выпускать, и писемъ ни къ кому писать не давать, и къ нимъ никого, такожь и ихъ между собою видѣться отнюдь не допускать“⁽²⁾. Такимъ образомъ, отправлены были въ Введенскій дѣвичій монастырь, тобольской епархіи: инокиня Анна, старицы Екатерина Ларионова, Авдотья Михайлова, Акулина Яковлева и др. Симоновскій экономъ Серафимъ, въ мірѣ Спиридонъ Лупкинъ, по наказаніи кнудомъ, назначенъ былъ въ ссылку въ Охотскій острогъ; однако, прибывъ въ Екатеринбургъ, онъ далѣе этого мѣста не отправился и жилъ въ Екатеринбургѣ въ качествѣ бобыля до 1744 года; въ этомъ же году онъ прибылъ въ Москву, но вслѣдствіе возникшаго тутъ новаго слѣдствія о хлыстахъ въ 1745 году, скрылся изъ Москвы, и что съ нимъ было послѣ этого—неизвѣстно⁽³⁾.

Полагая совершенно справедливо, что казню и ссылкою главныхъ представителей хлыстовской секты послѣдняя не уничтожится, св. Синодъ съ цѣлію „пре-

⁽¹⁾ Полн. собр. зак. Рос. Импер. съ 1649 г. IX т. № 6.613. 392—393 стр.

⁽²⁾ Тамъ же, 393 стр.

⁽³⁾ Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 65 стр.

сѣченія и искорененія той богопротивной ереси“ въ своемъ письменномъ докладѣ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ предлагалъ: „не соизволить ли она распубликовать во всей Россійской Имперіи отъ Синода указами, дабы оной богопротивной ереси участницы... явились въ Синодъ въ Петербургѣ и Москвѣ съ объясненіемъ вины своей безъ боязни, но съ полной надеждой на прощеніе“? При этомъ Синодъ просилъ, чтобы императрица назначила „опредѣленный терминъ“ для явки, спустя который неявившіеся, но послѣ какъ нибудь открытые, послѣдователи этой ереси „должны быть наказуемы со всею строгостію законовъ“. На это предложеніе Синода послѣдовала резолюція: „въ такой силѣ напечатать указы, публиковать, опредѣляя срокъ по генварь мѣсяцъ предбудущаго 1735 года“. Жители отдаленныхъ губерній, а именно: кievской, казанской, астраханской, тобольской и многихъ другихъ обязывались по этому указу являться къ мѣстнымъ архіереямъ; жители же С.-Петербурга и Москвы, а равно мѣстностей близкихъ къ этимъ двумъ городамъ, въ Синодъ. По указу, явившихся велѣно было допрашивать обо всемъ обстоятельно, записывать показанія ихъ и доносить въ Синодъ, отпускать безъ притѣсненій, но обязывать подпиской впредь участниками ереси не быть ⁽¹⁾. Не смотря на такія угрозы со стороны правительства ослушникамъ и снисходительность къ раскаявшимся, ни одинъ изъ хлыстовъ не явился добровольно ни къ архіереямъ, ни въ Синодъ ⁽²⁾. Тѣ, которые остались въ Москвѣ, не замедлили возобновить свои собранія; другіе же, убѣжавшіе изъ Москвы, стали распространять хлыстовщину въ разныхъ губерніяхъ, гдѣ они находили себѣ временный пріютъ.

⁽¹⁾ Полн. собр. зак. Рос. Импер. съ 1649 г. IX т. № 6,613. 393—395 стр.

⁽²⁾ Пелляканъ, 114 стр.

1733—1752 гг.

Едва окончились казни и ссылки хлыстовъ, какъ до свѣдѣнiя Теофана Прокоповича дошло извѣстiе о существованiи могилъ первыхъ лжехристовъ хлыстовской секты Суслова и Лупкина, находившихся, какъ извѣстно, въ Ивановскомъ монастырѣ. Теофанъ Прокоповичъ немедленно же далъ совѣтнику Топильскому предписанiе, которымъ повелѣвалось ему произвести осмотръ могилъ Суслова и Лупкина и о результатахъ этого осмотра немедленно же сообщить ему. Топильскiй, дѣйствительно, осмотрѣлъ могилы и нашель: надъ могилою Лупкина былъ только-что отстроены новый памятникъ съ надписью на немъ о святости погребеннаго; вблизи могилы Лупкина находилась могила Суслова; памятникъ надъ этою послѣднею могилою былъ уже сравненъ съ землею и надпись, находившаяся на немъ и гласившая о святости погребеннаго, была снесена и рѣдлана въ стѣну церковной трапезы, находившейся недалеко отъ могилы; могилу окружалъ рядъ фруктовыхъ деревьевъ и все небольшое пространство, занимаемое могилою и деревьями было огорожено рѣшеткой съ дверцами. Объ этихъ немногихъ, но тѣмъ не менѣе важныхъ свѣдѣнiяхъ, Топильскiй сообщилъ Теофану Прокоповичу, который въ свою очередь передалъ разсмотрѣнiе ихъ Синоду. Члены Синода, справедливо полагая, что похороненiе тѣлъ ересеначальниковъ при церквахъ и притомъ съ памятниками сдѣлано послѣдователями ихъ съ цѣлю распространить въ народѣ убѣжденiе, что умершие не только не были ересеначальниками, но „были и святости нѣкоей общники“, отнесли дѣло о могилахъ лжехристовъ къ числу богохульныхъ и потому уголовныхъ. Поэтому, рѣшивъ въ 1736 году памятникъ надъ могилою Лупкина, садикъ, окружающiй могилу Суслова, и надпись о его святости, находя-

пущенъ въ стѣнѣ церковной трапезы уничтожить, члены Синода передали исполненіе своего приговора Сенату (¹). Сенатъ, согласно съ первой статьей Уложенія царя Алексѣя Михайловича о наказаніяхъ богохульниковъ, рѣшилъ: „закопанные въ московскомъ Ивановскомъ монастырѣ трупы богопротивныхъ ересеучителей и еретиковъ Прокопія Лупкина и Ивана Суслова, выкопавъ чрезъ палачей и, вывезши въ поле, учинить съ ними по указамъ“, т. е. вѣроятно сжечь и пепелъ развѣять по воздуху (²).

Въ то время, когда производилось слѣдствіе о могилахъ Суслова и Лупкина, другіе хлысты и въ другихъ мѣстахъ уже совершали свои радѣнія. Такъ было въ фроловскомъ домѣ за Музой въ Рогожской части, въ Чудовомъ монастырѣ и въ Богословской пустыни. Сборища хлыстовъ въ домѣ Фролова были возстановлены, благодаря, съ одной стороны, дѣятельности Якова Фролова, а съ другой — дѣятельности Нестера Иванова и Андрея Касьянкова; къ этимъ лицамъ присоединился извѣстный уже намъ Сергѣй

(¹) Собр. пост. по части раскола въ вѣдом. св. Синода. 1. 312—316 стр. См. въ Рус. Вѣстн. 1868 г. 5. 68 стр.

(²) Тамъ же, 360 стр. См. въ Рус. Вѣстн. 68 стр. — Г. Мельниковъ, по поводу открытія трупа въ домѣ Андреяна Петрова — христа людей божіихъ въ 1713 году, высказываетъ предположеніе, что этотъ трупъ былъ трупомъ Ивана Тимофеевича Суслова, похищенный хлыстами въ 1739 г., т. е. въ то время, когда его надлежало сжечь «по указамъ» (Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5. 329 стр.). Г. Реутскій сомнѣвается въ истинности предположенія г. Мельникова и полагаетъ, повтому, что трупъ, найденный въ домѣ Андреяна Петрова, былъ не Ивана Суслова, а кого-либо другаго (71 стр.). Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ, принимая во вниманіе значительную продолжительность времени, протекающаго отъ года смерти Суслова; Сусловъ умеръ, какъ извѣстно, въ 1716 году; слѣдов. къ 1745 году было уже 28 лѣтъ; трудно поэтому предположить, чтобы трупъ Суслова въ теченіи такого времени могъ сохраниться только съ нѣкоторыми поврежденіями. Итакъ, необходимо допустить, что трупъ Суслова вмѣстѣ съ трупомъ Лупкина былъ, дѣйствительно, сожженъ согласно съ распоряженіемъ Сената и это было исполнено въ 1739 году.

Осиповъ. Этотъ послѣдній въ своемъ показаніи, дающимъ имъ въ 1747 году, между прочимъ, говоря о двухъ такихъ сборищахъ, происходившихъ въ домѣ Якова Фролова, сообщаетъ, что они происходили въ нарочно устроенномъ погребѣ и во время ихъ онъ раздавалъ согласникамъ только-что приготовленные имъ куски хлѣба, испеченные въ соединеніи съ кровію и младенческимъ сердцемъ (¹). Тоже самое и около этого же времени, по показанію Осипова, происходило въ Богословской пустыни, гдѣ сборищемъ управляли строитель Димитрій Евимовъ и Кириллъ Алексѣевъ, и во многихъ другихъ мѣстахъ (²). Въ Чудовскомъ монастырѣ собранія хлыстовъ были возстановлены дѣятельными стараніями Варлаама просвирника и Варлаама іеромонаха, въ то время бывшаго только монахомъ. Послѣдній, какъ показалъ онъ на слѣдствіи 1745 года, убѣжавъ отъ слѣдствія 1733—1734 гг., поступилъ первоначально въ Богословскую пустынь; принявъ здѣсь монашество, онъ перешелъ въ Чудовъ монастырь и здѣсь въ сообществѣ съ просвирникомъ Варлаамомъ снова предался хлыстовскому ученію и участвовалъ въ двухъ сборищахъ, бывшихъ въ кельѣ просвирника Варлаама. По своему происхожденію іеромонахъ Варлаамъ былъ сынъ крестьянина дворцоваго села Измайлова, приселка Ивановскаго, московкой губерніи и уѣзда. Онъ былъ человѣкъ грамотный; въ секту хлыстовъ вступилъ приблизительно въ 1726 году и былъ увлеченъ въ нее монахомъ Чудова монастыря Юсафомъ. Не смотря, однако, на то, что Варлаамъ всецѣло принадлежалъ хлыстовщинѣ и былъ горячимъ распространителемъ ея, онъ, какъ мы уже видѣли, принялъ монашескій чинъ; впослѣдствіи, въ 1742 году, онъ былъ посвященъ воронежскимъ епископомъ Львомъ въ іеродиако-

(¹) Пелликанъ, 119 стр.

(²) Тамъ же.

на, а въ 1744 году—въ іеромонаха—грузинскимъ епископомъ Іосифомъ. Въ 1745 году Варлаамъ вмѣстѣ съ другими хлыстами подпалъ подъ слѣдствіе, былъ нѣсколько разъ допрашиваемъ, но неизвѣстно, какова была его судьба послѣ слѣдствія (*). О двухъ сборищахъ въ кельѣ просвирника Варлаама, на которыхъ присутствовалъ самъ Варлаамъ, по отсутствію документовъ, можно сказать только то, что они, по свидѣтельству самого Варлаама, признавались „истинными и небогопротивными, но душеспасительными и бесѣдою тайною святыхъ отецъ“ (**). Участникомъ этихъ сборищъ, кромѣ двухъ Варлаамовъ, былъ еще Иванъ Башмашниковъ, игравшій роль пророка. На одномъ изъ этихъ сборищъ даже совершался торжественный „приводъ“ новаго прозелита (*). Такимъ образомъ, на основаніи этихъ скудныхъ свѣдѣній о состояніи хлыстовщины въ Чудовомъ монастырѣ можно отчасти полагать, что оно было цвѣтущимъ.

Говоря о лицахъ, окружавшихъ лжехриста Лупкина въ то время, когда послѣдній жилъ за Яузой, въ Таганкѣ, мы замѣтили, что Лупкинъ прочилъ въ преемника себѣ крестьянина Сергѣя Осипова. Желаніе и стремленіе Лупкина, однако, не осуществилось; Сергѣй Осиповъ не былъ признанъ московскими хлыстами за Христа и не пользовался, поэтому, тѣмъ уваженіемъ и тою популярностію, какихъ домогался онъ самъ и чего желалъ его ближайшій покровитель—Лупкинъ. Причина этой неудачи заключалась въ томъ, что въ Москвѣ послѣ извѣстнаго слѣдствія о хлыстахъ 1733—1734 гг. выдвинулась изъ среды хлыстовъ личность, которая своею таинственною загадочностію и юродствомъ заинтересовала не только всѣхъ московскихъ хлыстовъ, но даже и не-хлыстовъ

(*) Прав. Обзор. 1862 г. № 8. 451—452 стр.

(**) Добротворскій, 23 стр.

(*) Прав. Обзор. 1862 г. № 8. 453 стр.

и притомъ знатныхъ по своему происхожденію. Этой-то таинственной личности и суждено было наслѣдовать Лупкину въ званіи Христа, по крайней мѣрѣ, по единогласному воззрѣнію хлыстовъ. Это былъ неизвѣстный до сего времени крестьянинъ Андрей или Андреянъ Петровъ,—по мнѣнію г. Мельникова, изъ села Брасова, орловской губерніи, сѣвскаго уѣзда ⁽¹⁾.

Можно предполагать, что Андреянъ Петровъ ознакомился съ ученіемъ и бытомъ хлыстовъ еще до слѣдствія 1733—1734 гг. Скрывшись отъ слѣдствія, онъ, спустя малое время послѣ 1734 года, выступилъ на сцену хлыстовской дѣятельности и уже въ 1740 году ⁽²⁾ въ его домѣ, находившемся у Сухаревой башни въ Москвѣ, происходили многолюдныя собранія хлыстовъ. Андреянъ Петровъ выступилъ на поприще своей дѣятельности съ новымъ, до этого времени не встрѣчавшимся у прежнихъ лжехристовъ тактомъ и направленіемъ: онъ принялъ на себя маску юродства, сдѣлался молчальникомъ и всегда что-то прозрѣвалъ въ будущемъ, т. е. онъ усвоилъ себѣ всѣ тѣ качества, которыя такъ дорого цѣнились людьми непосредственной, безотчетной вѣры и благочестія. Путь, избранный Андреяномъ Петровымъ, былъ самый удачный по своимъ послѣдствіямъ. Немного прошло времени, а объ Андреянѣ Петровѣ, какъ о „блаженномъ юродѣ“, „безъ словъ предсказывающемъ будущее“, заговорили уже многіе въ Москвѣ. Не только хлысты, но и не хлысты и изъ послѣднихъ не только люди простые, низкіе по происхожденію, но и люди, считавшіеся образованными, люди, далѣе, высокаго происхожденія, стали мало по малу стекаться къ дому у Сухаревой башни съ тѣмъ, чтобы увидѣть новаго „блаженнаго“ и получить отъ него предсказа-

⁽¹⁾ Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5. 328 стр.

⁽²⁾ По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ 1740 году уже было собраніе хлыстовъ въ домѣ Андреяна Петрова. Это собраніе описано г. Рутскимъ. Наслѣд. его, 52 стр.

ніе. Княжна Дарья Хованская и Чаадаева, стреми-
 шіяся и тщетно искавшія „истинной вѣры“, про-
 слышавъ о существованіи какой-то таинственной вѣ-
 ры, проповѣдуемой Андреяномъ Петровымъ, полюбо-
 пытствовали узнать о сущности послѣдней и съ этою
 цѣлію пріѣзжали въ домъ Андреяна Петрова. Хотя
 Андреяну Петрову самому лично не удалось совра-
 тить любопытствовавшихъ знатныхъ бырынь, такъ
 какъ, вѣроятно, онъ не обладалъ краснорѣчіемъ,
 увлекательностію и тактомъ убѣждать другихъ, но
 то, чего не могъ исполнить онъ самъ, то исполнили
 другіе. Хованская соображена была въ хлыстовскую
 секту крестьяниномъ села Ворсмы Иваномъ Чочетки-
 нымъ, иначе Бѣлымъ, а Чаадаева строителемъ Бого-
 словской пустыни Димитріемъ (¹). Съ другой сторо-
 ны, слава объ Андреянѣ Петровѣ, какъ о прорица-
 телѣ и о челоувѣкѣ святой жизни, пущенная между
 московскими жителями, отворила ему двери многихъ
 знатныхъ домовъ въ Москвѣ. Такъ, Андреянъ Пет-
 ровъ имѣлъ входъ въ домъ графа Шереметьева, кня-
 гини Черкасской, графини Головкиной и др. и вездѣ
 въ нихъ былъ принимаемъ съ честью (²). Само собою
 понятно, уваженіе и почтеніе къ „блаженному“ не-
 обходимо сопровождались разнаго рода веществен-
 ными дорогими подарками со стороны поклонниковъ
 Андреяна Петрова. Дѣйствительно, какъ обнаружила
 слѣдственная комиссія 1745 года, въ домѣ Андреяна
 Петрова найдено было много дорогихъ иконъ въ зо-
 лотыхъ и серебряныхъ ризахъ и кіотахъ, множество
 фарфоровой и хрустальной посуды, ковры, ружья,
 масса разнаго рода платья, бѣлья и ин. др. (³). У
 Андреяна Петрова явились лошади, экипажи, чело-
 увѣкъ десять прислуги; устройство самаго дома отли-

(¹) Реутскій, 63—65 стр.

(²) Тамъ же, 42 стр.

(³) Тамъ же, 67 стр.

чалось роскошью и изяществом; стѣны одной комнаты были обиты богатыми для того времени обоями фабрики Затрапезнаго (¹) и проч. Такимъ образомъ, благодаря страсти къ диковинкамъ, юродамъ и блаженнымъ, знатные московскіе люди того времени, сами того не зная и не вѣдая, созидали за Сухаревой башней хлыстовскій „божій домъ“, „новый Иерусалимъ“ и основывали одинъ изъ главнѣйшихъ тогдашнихъ хлыстовскихъ кораблей.

Значеніе Андреяна Петрова въ исторіи хлыстовской секты, безъ сомнѣнія, было велико. Благодаря его вліянію, хлыстовщина окончательно утвердилась въ Варсонофьевскомъ монастырѣ. Въ послѣднемъ почти всѣ, во главѣ съ игуменьей, перешли въ хлыстовщину; здѣсь же Андреянъ Петровъ пріобрѣлъ на собственныя деньги три кельи, которыя служили какъ бы центральными пунктами для всѣхъ прочихъ келій этого монастыря (²). Домъ Андреяна Петрова служилъ общимъ средоточіемъ, куда стекались всѣ московскіе хлысты и даже, какъ обнаружилось слѣдствіемъ 1747 года, хлысты болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Такъ Григорій Артамоновъ, учитель и пророкъ Θεодоровскаго Переяславль-залѣскаго монастыря, нерѣдко бывалъ на собраніяхъ Андреяна Петрова (³). Во время всѣхъ собраній, происходившихъ въ домѣ Андреяна Петрова, послѣдній всегда сохранялъ первенство и принималъ торжественно божескія почести отъ своихъ послѣдователей.

Такимъ образомъ, можно положительно сказать, что благодаря энергической дѣятельности главныхъ агитаторовъ хлыстовской секты: Фролова, строителя Дмитрія, двухъ Варлаамовъ и въ особенности благодаря дѣятельности Андреяна Петрова, къ 1740 году

(¹) Реутскій, 42 стр. Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5. 328 стр.

(²) Реутскій, 43—44 стр.

(³) Целиканъ. 116—117 стр.

хлысты успѣли возстановить въ Москвѣ порядокъ, нарушенный слѣдствіемъ 1733—1734 годовъ. Хлысты теперь предались своему ученію и въ особенности пропагандѣ этого ученія, а также неистовымъ круженіямъ, еще съ бблшимъ азартомъ и фанатизмомъ. Въ данное время до 1745 года хлыстовщина, кромѣ извѣстныхъ намъ осьми монастырей, куда она проникла при предшествовавшихъ двухъ лжехристахъ, охватила пять новыхъ монастырей московскихъ и подмосковныхъ, именно: Егорьевскій, Рождественскій, Страстной, Николаевскій и Перервинскій. Хлыстовщина даже успѣла найти послѣдователей себѣ въ средѣ бѣлаго духовенства; такъ, извѣстны приверженцы ея: свящ. Петръ Васильевъ съ семействомъ и пономарь Казанскаго собора Димитрій Еѣимовъ ⁽¹⁾. Очевидно, такимъ образомъ, что корень для развитія и распространенія хлыстовщины остался нетронутымъ при производствѣ слѣдствія о хлыстахъ 1733—1734 гг.; хлыстовщина, не смотря на то, что она подверглась страшнымъ гоненіямъ, преслѣдованіямъ и многіе хлысты подверглись ссылкамъ и даже казнямъ, продолжала развиваться, увеличиваться болѣе и болѣе въ своемъ числѣ. Были, конечно, причины, которыя способствовали произрастанію этого самого по себѣ дикаго и сумасброднаго ученія съ неменѣе дикимъ и сумасброднымъ культомъ. Кромѣ общихъ причинъ, которыя могутъ быть приводимы въ объясненіе этого вопроса, т. е. невѣжества, которое всегда было присуще русскому народу, не исключая, конечно, большинства монашествующихъ, и нѣкоторой, далѣе, привлекательности богослужебнаго культа хлыстовщины, такъ нравящагося человѣку неразвитому и склонному къ разнаго рода духовной экзальтаціи и видѣніямъ, въ данномъ случаѣ вопросъ этотъ имѣетъ болѣе ближайшее объясненіе и, именно, въ той слѣпой, фанатической привязанности многихъ хлыстовъ этого вре-

(1) Реутскій, 44 стр.

мени къ своему учению и культу, которая такъ рельефно выразилась во взглядѣ ихъ на своихъ братьевъ и сестеръ по сектѣ, подвергшихся въ 1733—1734 гг. разнаго рода наказаніямъ. „Всѣхъ согласниковъ своихъ, говорилъ о себѣ Сергѣй Осиповъ на слѣдствіи 1747 года, которые по прежнимъ слѣдствіямъ были сосланы или казнены, онъ, Осиповъ, почиталъ за страдальцевъ и угодниковъ божіихъ“⁽¹⁾. Тоже самое показывалъ о себѣ на слѣдствіи 1745 года и Варлаамъ Ѳедотовъ, который также сосланныхъ и казненныхъ хлыстовъ почиталъ „за святыхъ и мучениковъ“⁽²⁾. Казнь Настасьи Карповой глубоко врѣзалась въ память хлыстовъ, которые еще до сихъ поръ помнятъ „о страданіяхъ св. мученицы Настасьи Карповны“. Объ этихъ мнимыхъ страданіяхъ хлысты такъ поютъ:

„Ведутъ красную дѣвицу,
Свѣтъ Настасьюшку Карповну,
У ней ноженьки были скованы,
Очи ясныя платкомъ завязаны,
Ужъ ведутъ ее два полка солдатъ,
Къ тому дворцу государеву,
Къ государынѣ Аннѣ Ивановнѣ“....

Далѣе въ пѣснѣ излагается разговоръ Настасьи Карповой съ Анной Ивановной, сущность котораго состоитъ въ томъ, что государыня будто бы спросила у Настасьи: „какой вѣрѣ она вѣруетъ и которому Богу молится?“ Спрошенная отвѣчала, что она тогда скажетъ про это, когда государыня „вышлетъ своихъ вѣрныхъ слугъ“. Анна Ивановна разгнѣвалась и приказала посадить грубянку „въ темну темницу, подъ красное окошечко, что на Неву рѣку“. Находясь здѣсь, продолжаетъ пѣсня, Настасья простила всѣхъ и каждого, только „одну государыню Анну Ивановну не простила“. Клятва, положенная Настасьею на госу-

(1) Пелikanъ, 119 стр.

(2) Добротворскій, 22 стр.

дарыню, повѣствуютъ хлысты, исполнилась скоро.
Отрубили голову Настасьѣ, а

„Черезъ три дня померла непрощеная
Государыня Анна Ивановна,
Утроба у нея лопнула“ (1).

Все эти и подобные имъ факты ясно свидѣтельствуютъ, что послѣдователи хлыстовской секты глубоко были убѣждены въ истинности проповѣдуемаго ими ученія и образа богомоленія. Отсюда, никакія ссылки и казни не въ состояніи были уничтожить секту въ ея корнѣ; ссылка и казнь однихъ хлыстовъ послужили сѣменемъ для появленія другихъ и притомъ болѣе фанатичныхъ. Дѣйствительно, какъ обнаружилъ слѣдствіе 1745—1752 гг., число хлыстовъ въ Москвѣ не только не ограничилось, но увеличилось въ три раза; на самомъ дѣлѣ, конечно, болѣе.

Прочвѣтая и увеличиваясь въ числѣ въ самой Москвѣ, хлыстовщина въ данное время быстрыми шагами стала распространяться и въ другихъ губерніяхъ, ближайшихъ и отдаленныхъ. Распространителями хлыстовской секты въ этихъ мѣстностяхъ естественно были тѣ липа, которые вслѣдствіе страха наказаній покинули въ 1733—1734 гг. Москву и принуждены были искать себѣ осядлости болѣе спокойной и безопасной. Такимъ образомъ, послѣ слѣдствія о хлыстахъ въ 1733—1734 годахъ пропагандисты хлыстовской секты появляются въ нижегородской губерніи, куда убѣжали на время братья Семень и Игнатій Шигины и Иванъ Бѣлый или Четкинъ; они поселились въ горбатовскомъ уѣздѣ въ селахъ Павловѣ и Воремѣ (2). Далѣе, пропагандисты хлыстовской секты появляются въ ярославской губерніи. Здѣсь на поприщѣ распространенія хлыстовщины подвизался крестьянинъ Василій Соплинъ, родомъ

(1) Чтен. въ общ. вст.... 1872 г. 2. V. 43—44 стр.

(2) Полн. собр. зак. Рос. Импер. IX т. № 6,613. 391 стр.

и въ ярославокаго уѣзда, деревни Поздѣвки. Убѣжавъ изъ Москвы, гдѣ онъ жилъ до 1783 г., Соплинъ объявилъ себя христомъ и сталъ распространять хлыстовщину въ своей деревнѣ, а равно и въ ближайшихъ къ ней: Никольской, Данильцовой и т. д. Скоро, такимъ образомъ, въ ярославскомъ уѣздѣ образовался цѣлый корабль съ христомъ Соплинымъ и богородицей Афросиньей Ивановой во главѣ (¹). Наконецъ, пропаганда хлыстовщины проникла и въ Петербургъ. Здѣсь распространялъ хлыстовщину московскій купецъ Иванъ Чуркинъ, который, убѣжавъ отъ слѣдствія и, прибывъ въ Петербургъ, завелъ сапожную мастерскую и, повидимому, даже отрекся отъ хлыстовскаго ученія, такъ какъ вступилъ въ законный бракъ. Скоро, однако, въ 1740 году, въ бытность по своимъ дѣламъ въ Москвѣ, Чуркинъ сошелся съ лжебогородицей Авдотьей Прокофьевной, которую и привезъ въ домъ въ Петербургъ. Бросивъ жену, Чуркинъ въ союзѣ съ Авдотьей Прокофьевной снова предался ученію хлыстовъ и сталъ распространять его между своими знакомыми и родными. Спустя малое время, у Чуркина образовался цѣлый корабль; къ нему принадлежали братъ Чуркина Герасимъ, жена, Алексѣй Ивановъ—работникъ мастерской Чуркина и др. Въ этомъ кораблѣ, какъ обнаружилось слѣдствіемъ 1745—1752 гг., совершалось даже причащеніе тѣломъ и кровію младенцевъ. Такъ, перваго ребенка, рожденнаго женою Чуркина по вступленіи въ секту, онъ собственноручно закололъ и по хлыстовскому обычаю приготовилъ въ соединеніи съ кровію и сердцемъ младенца нѣсколько хлѣбовъ, которые и употреблялъ для причащенія своихъ согласниковъ (²).

Кромѣ трехъ названныхъ нами мѣстностей, гдѣ хлыстовщину распространяли московскіе выходцы

(¹) Реутскій, 48 стр.

(²) Тамъ же, 52 стр.

хлысты. въ разсматриваемое нами время слѣды хлыстовской секты можно находить и въ другихъ губерніяхъ. Изъ представленной г. Реутскимъ топографической статистики лицъ, бывшихъ подъ слѣдствіемъ 1745—1752 гг., очевидно, что въ то время хлыстовщина была распространена въ большемъ или меньшемъ количествѣ еще въ восьми губерніяхъ. Такъ, послѣдователи хлыстовской секты были въ губерніяхъ: московской, гдѣ въ одномъ московскомъ уѣздѣ были заражены хлыстовщиной 29 селеній; далѣе, они были во владимірской губерніи, въ уѣздахъ владимірскомъ и переяславль-залѣсскомъ; въ костромской—въ уѣздахъ галичскомъ и костромскомъ; въ рязанской—въ уѣздахъ—зарайскомъ и пронскомъ; въ тверской—въ уѣздахъ кашинскомъ и калязинскомъ; въ симбирской—въ алатырскомъ; въ пензенской—въ сарайскомъ и въ вологодской—въ вологодскомъ уѣздѣ ('). Нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что во всѣ эти восемь губерній хлыстовщина проникла ранѣе 1745 года, т. е. ранѣе времени официальнаго о ней извѣстія. Трудно и даже невозможно опредѣлить, по отсутствію официальныхъ свидѣтельствъ, когда именно и откуда хлыстовщина проникла въ большинство изъ этихъ губерній. Во всякомъ случаѣ, фактъ существованія хлыстовской секты въ этихъ восьми губерніяхъ, равно какъ и въ трехъ вышеназванныхъ, имѣетъ весьма важное значеніе для пониманія исторіи хлыстовской секты. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о необыкновенной живучести хлыстовщины и о ея способности къ распространенію. И можно предполагать, что въ періодъ времени отъ 1734—1745 гг. зараза хлыстовской ереси охватила значительную часть Россіи, прочно утвердилась въ ней и сдѣлалась неистощимымъ источникомъ, изъ котораго она развивалась по ближайшимъ и отдаленнымъ мѣстностямъ.

(') Реутскій, Приложенія. 181—182 стр.

Внутреннему и внѣшнему благосостоянію хлыстовскихъ кораблей не суждено было, однако, продолжаться долго. Въ 1745 году надъ хлыстами разразилась новая буря. Виновникомъ послѣдней на этотъ разъ былъ извѣстный сыщикъ и разбойникъ XVIII столѣтія Ванька Каинъ или Иванъ Осиповъ Каинъ, сынъ крестьянина, ростовскаго уѣзда, села Иванова. Однажды, говорится въ „исторіи Ивана Каина“, попадаетъ Каину безчувственно пьяная женщина. Послѣдняя, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, сказываетъ за собою „важное дѣло“ и Каинъ ее арестуетъ. Протрезвившись, женщина объявила о себѣ, что она купеческая жена Ѳедосья Яковлева, и что ей извѣстны нѣкоторые еретики, „которые часто собираются для исполненія незаконныхъ дѣлъ въ одномъ домѣ и творятъ богомерзкое служеніе лжехристу Андрюшкѣ, который притворяетъ себя нѣмымъ и ходитъ по улицамъ лѣтомъ и зимою босой и въ одной рубашкѣ и потому многіе почитаютъ его за святаго“. Каинъ взялъ отъ купчихи письменную объ этомъ записку, своеручно ею составленную и запечатанную, и въ тотъ же день отнесъ ее къ совѣтнику тайной канцеляріи Казаринову⁽¹⁾. Казариновъ, посовѣтовавшись предварительно съ Левашевымъ, управлявшимъ тогда Москвою, на другой день отправился вмѣстѣ съ секретаремъ тайной канцеляріи въ домъ Каина. Взявши съ собою изъ этого дома Ѳедосью Яковлеву, оба они поѣхали на Покровскую улицу и здѣсь, при помощи военной команды, успѣли арестовать Григорія Сапожникова, котораго тутъ же и отправили въ „Стукаловъ монастырь“, т. е. въ тайную канцелярію⁽²⁾. Поднятый на дыбу, Сапожниковъ указалъ тайной канцеляріи до 20-ти домовъ хлыстовскихъ, къ которымъ сейчасъ были представлены караулы. На другой день въ Таганкѣ аре-

(1) Прав. Обзор. 1862 г. № 8. 447 стр.

(2) Древ. и Нов. Россія. 1876 г. Ш. № 11. 235 стр.

стовали купца Якова Фролова и его малолѣтняго сына; сына Каинъ взявъ съ собою, а отца его вмѣстѣ съ прочими, арестованными въ этомъ домѣ, онъ отправилъ въ тотъ же „Стукаловъ монастырь“ (¹). Каинъ по своимъ соображеніямъ сталъ допрашивать юнаго Фролова: „гдѣ живетъ Андрюшка нѣмой и съ кѣмъ онъ говоритъ“? Фроловъ признался, что „онъ (Андрюшка) со всѣми тѣми говоритъ, которые имѣютъ съ нимъ въ дѣлахъ его согласіе, а живетъ онъ за Сухаревою башнею“ (²). Посланные для арестованія Андрюшки узнали, что послѣдній въ сообществѣ съ капитаномъ Омурьгинымъ уѣхалъ въ Петербургъ по своимъ дѣламъ. Снаряжена была поэтому скорая погоня за Андрюшкой, которая настигла его въ Петербургѣ. Привезши его и его товарищей въ Москву, перваго, по словамъ Каина, посадили въ „немшоную баню“, т. е. вѣроятно въ пыточную избу. — „Въ немшоновой банѣ“ Андрюшку взвѣшивали, „а сколько вѣсу въ немъ оказалось, того знать было мнѣ не можно“. замѣчаетъ авторъ исторіи Ивана Каина (³). „Вѣсу“, дѣйствительно, оказалось очень много. Сначала Андрюшка или Андрейнъ Петровъ вздумалъ было разыграть знакомую ему роль нѣмага, „но силою кнута отверзлись притворныя нѣмыя его уста и онъ принужденъ былъ во всѣхъ своихъ мерзкихъ и богопротивныхъ дѣлахъ принести повиновеніе“ (⁴). Въ этомъ своемъ „повиновеніи“ Андрейнъ Петровъ признался, что „молчаличество и святость онъ напустилъ на себя, чтобы морочить своихъ покровителей, что пророчества его были обманомъ, придуманнымъ для укрѣпленія въ хлыстахъ вѣры въ мнимую святость и божественность ихъ сборищъ“. Вмѣстѣ съ этимъ при-

(¹) Древ. и Нов. Россія. 1876 г. Ш. № 11. 236 стр.

(²) Прав. Обзор. 1862 г. № 8. 449 стр.

(³) Древ. и Нов. Россія. 1876 г. Ш. № 11. 236 стр.

(⁴) Прав. Обзор. 1862 г. № 8. 449 стр.

знаніемъ Андреянъ Петровъ указалъ на главныхъ учителей и пророковъ хлыстовскихъ, какъ то: на Сергѣя и Димитрія Осиповыхъ, на Бѣлаго или Чететкина, на строителя Димитрія и другихъ, рассказавъ многое изъ жизни, полной безнравственными дѣянїями, этихъ мнимыхъ угодниковъ божїихъ“ (1).

„Для вѣрнѣйшаго изслѣдованїя“ о вновь открытой „богомерзкой квакерской ереси“, или „о тайной бесѣдѣ свв. отцовъ“, была учреждена въ Москвѣ особая слѣдственная комиссія, состоявшая изъ совѣтника кн. Шаховскаго, архимандритовъ Гавріила и Лаврентїя, ассесоровъ Гренкова и Сытина и находившаяся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, Сената и св. Синода (2). Правительство еще разъ должно было убѣдиться, что прежнія преслѣдованїя не достигли вполне цѣли: перемѣнились мѣста и члены собранїй, но зло было такъ же велико по объему, какъ и прежде, если не болѣе. Къ слѣдствію было отыскано въ разное время и изъ разныхъ мѣстъ 416 человекъ (3). Въ этомъ числѣ были два священника, одинъ диаконъ, три причетника, два іеромонаха—чудовскїй Варлаамъ Феодоторъ и Троицко-Сергіевой лавры Меодїй Лукьяновскїй, одинъ іеродиаконъ, одинъ строитель Богословской пустыни Димитрій, два монаха, 25-ть старицъ и бѣлицъ Ивановскаго монастыря, 26-ть старицъ и

(1) Реутскїй, 69 стр.

(2) Тамъ же, 67—68 стр. ср. Прав. Обзор. 1862 г. № 8. 451 стр.

(3) Такъ полагаетъ г. Реутскїй и, кажется, ошибочно. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что при разслѣдованїи хлыстовской ереси въ переславль-залѣскихъ монастыряхъ и въ селѣ Преображенскомъ открыто было и привлечено къ слѣдствію 254 человека (Судебно-медич. изслѣд. скопчества. Пеликана. 115 стр.). Мы не имѣемъ возможности положительно сказать, всѣ ли эти лица не были извѣстны г. Реутскому, или только нѣкоторые. То, однако, не подлежитъ сомнѣнїю, что ему не были извѣстны хлыстовы Феодоровскаго и Князь-Андреева монастыря, какъ это видно изъ его топографич. статистики (187—189). Такимъ обр., привлеченныхъ къ слѣдствію было гораздо болѣе 416 человекъ.

бѣлицъ Варсонофьевскаго монастыря во главѣ съ игуменьею Иринархою Михайловою, 5-ть старицъ Никитскаго монастыря, одна старица Рождественскаго монастыря и др. (¹). Мѣсть, т. е. городъ, сель и деревень, изъ которыхъ розыскная полиція брала послѣдователей хлыстовской секты, г. Реуткій въ своей „топографической статистикѣ лицъ, бывшихъ подъ слѣдствіемъ въ 1745—1752 гг.“, насчитываетъ 72 (²). Очевидно, что розыскная полиція дѣйствовала въ отысканіи еретиковъ энергично; но нѣтъ сомнѣнія, что она не только не всѣхъ ихъ отыскала (къ слѣдствію не было отыскано 167 человекъ оговоренныхъ), но не могла узнать о всѣхъ мѣстахъ, гдѣ хлыстовщина дѣйствительно существовала.

Изъ множества эпизодовъ, безъ сомнѣнія, бывшихъ въ это громадное слѣдствіе, мы имѣемъ возможность рассказать здѣсь одинъ, довольно наглядно характеризующій современное состояніе хлыстовъ. Въ 1747 году слѣдственная комиссія при обыскѣ дома замочника Евдокима Никифорова въ селѣ Преображенскомъ нашла, между прочимъ, вещи, возбудившія сильное подозрѣніе у слѣдователей, именно: три креста осьмиконечныхъ, изъ которыхъ два были мѣдные, а третій кипарисовый. Въ послѣднемъ, при осмотрѣ его, оказались выдолбленными два небольшія углубленія съ задвижечками; въ этихъ углубленіяхъ найдены были какія-то крошки завернутыя въ бумажные и камчатые мѣшечки. Произведено было немедленно медицинское освидѣтельство этихъ крошекъ, къ чему были приглашены докторъ Иванъ Багній, аптекаръ Либольдъ и три лѣкаря. Экспертиза произведена была чрезъ горячую воду и чрезъ микроскопъ. По этой экспертизѣ оказалось, что крошки, завернутыя въ нѣсколько мѣшечковъ, были частями тѣла, „а ка-

(¹) Реутскій, Приложенія. 187—189 стр.

(²) Тамъ же, 183—186 стр.

кихъ частей и каковаго оныя части тѣла признать невозможно“, говорили эксперты; при этомъ, въ двухъ мѣшечкахъ найдены были крошки костей, но чьихъ—тоже, по словамъ экспертовъ, „признать невозможно“. Евдокимъ Никифоровъ, въ домѣ котораго найдены были всѣ эти мѣшечки съ подозрительнымъ веществомъ, отказался опредѣлить происхожденіе этихъ крошекъ, ихъ употребленіе и значеніе, говоря, что мѣшечки съ крошками принадлежатъ учителю хлыстовъ Григорію Артамонову. Послѣдній, находившійся въ это время въ домѣ Никифорова, тотчасъ былъ арестованъ и приведенъ въ комиссію; на вопросы комиссіи онъ не сталъ отвѣчать, притворяясь нѣмымъ. Скоро, однако, стало извѣстнымъ, какаго происхожденія были крошки и кто такой былъ самъ Григорій Артамоновъ.

Въ то время, когда происходилъ обыскъ въ домѣ Никифорова въ селѣ Преображенскомъ, такой же обыскъ, сопровождавшійся арестомъ, происходилъ въ Переяславль-Залѣсскомъ въ женскихъ монастыряхъ Князь-Андреевомъ и Θεодоровскомъ. Въ первомъ изъ нихъ подверглись розыску кельи старицъ Максимиллы и Акулины; въ этихъ кельяхъ были найдены: утвержденные на косыхъ дубовыхъ деревьяхъ два ножа каменные, ядро, зашитое въ холстину и вѣсившее восемь фунтовъ, желѣзное ядро, зашитое въ другую холстину и вѣсившее девять фунтовъ. На слѣдствіи выяснилось, что этими ножами „при богопротивныхъ злодѣянїяхъ и собранїяхъ“ хлысты обыкновенно „рубилась, а ядрами билась“, чему доказательствомъ служили—съ одной стороны—раны, найденныя на тѣлѣ старицъ Максимиллы и Акулины, а съ другой—на ножахъ, ихъ рукояткахъ и на холстинѣ, въ которую зашиты были ядра, были видны признаки крови. Изъ Θεодоровскаго монастыря взята была для допроса дѣвка Лукерья Васильева, проживавшая въ этомъ монастырѣ. Эта послѣдняя, хотя первоначально и отказывалась открыть всю истину, однако, не вы-

терпѣвши подъема на дыбу, открыла, что „послѣ производимыхъ на ихъ сборищахъ богопротивныхъ злодѣяній, чинили мужескъ полъ съ женскимъ плотское совокупленіе и рождаемыхъ младенцевъ учитель ихъ Григорій Артамоновъ крестилъ“ (особымъ порядкомъ)..... другой же „учитель ихъ Савелій Прокофьевъ (умре), по наученію Артамонова, кололъ въ груди и разрѣзывалъ брюхо и кровь изъ нихъ испускалъ въ судно, и выжимали сердца, а тѣла зарывали въ кельяхъ и въ сѣняхъ ихъ въ землю“.... „И отъ онаго плотскаго совокупленія и она, Лукерья, одного младенца женскаго полу родила и употребленъ былъ объявленнымъ образомъ..... Дѣвки Елена и Марья (также проживавшія въ Феодорорскомъ монастырѣ) тоже родили младенцевъ, которые и были окрещены, а спустя двѣ недѣли, по повелѣнію Артамонова и другаго учителя Савелья Прокофьева, заколоты, сердца вынуты, кровь выпущена, а тѣла зарыты въ землю“ (').

Такимъ образомъ, не оставалось сомнѣнія, что крошки, найденныя въ домѣ Никифорова, были частички младенческаго тѣла, крови и костей. Не оставалось также сомнѣнія, что виновникомъ всѣхъ этихъ гнусныхъ убійствъ былъ Григорій Артамоновъ. Вслѣдствіе этого, послѣдняго подвергли новымъ розыскамъ „презельнымъ“. При первыхъ двухъ розыскахъ онъ только кричалъ, а „головою и языкомъ чинилъ якобы нѣмь“. Однако, третьяго розыска не вытерпѣлъ и призналъ себя виновнымъ въ убійствѣ нѣсколькихъ дѣтей, отрицая при этомъ свое учительское званіе. Въ октябрѣ того же 1747-го г. подвергли розыску старицу Максимиллу и дѣвку Ѳеклу Владимірову. Эти послѣднія признали себя виновными въ блудодѣяніи и указали лицъ, съ которыми они совершали его; Максимилла указала на Григорія Артамонова, а Ѳек-

(') Пеликанъ, 116 стр.

ла на монаха Ефрема. Артамоновъ, однако, упорно отказывался признать себя виновнымъ въ преступленіи, взводимомъ на него Максимиллою, не смотря на то, что онъ снова былъ нѣсколько разъ розыскиваемъ и поднимается на дыбу. При этихъ новыхъ розыскахъ Артамоновъ признался, что онъ былъ на собраніяхъ въ Москвѣ у чудовскаго просвирника Варлаама, у придворнаго юрода Андреяна, у Якова Фролова, въ Варсонофьевскомъ монастырѣ и проч. Такимъ образомъ, дѣло объ Артамоновѣ и о проживавшихъ въ Θεодоровскомъ и Князь-Андреевскомъ монастыряхъ видимо разрасталось, увеличивалось болѣе и болѣе въ числѣ лицъ, причастныхъ къ этому дѣлу. Не имѣя возможности, по отсутствію подробныхъ официальныхъ свѣдѣній, изложить весь ходъ этого дѣла и указать важнѣйшія характеристическія черты его, мы перенесемъ прямо въ переяславль-залѣсскій Князь-Андреевъ монастырь.

Въ протоколѣ св. Синода отъ 4 декабря 1747 г., между прочимъ, въ третьемъ пунктѣ было изображено: „рождаемыхъ младенцевъ, гдѣ и при комъ изъ учителей, кто изъ нихъ, закодали, и подъ чьими кельями и подъ сѣнями и чѣмъ зарывали“ (1)? Въ исполненіе этого требованія слѣдственная комиссія отправила въ Князь-Андреевъ монастырь капитана Антона Обретина съ командою съ тѣмъ, чтобы онъ произвелъ осмотръ келій подозрѣваемыхъ личностей. Въ своемъ рапортѣ Обретинъ писалъ, что „по обыску его кости нашлись въ кельѣ у старицы Варсонофіи, да дѣвки Алены Петровой, подъ поломъ въ землѣ, а въ сѣняхъ кельи Варсонофьевой и въ погребу костей и тѣла не нашель“ (2). Кости, представленныя Обретинимъ въ комиссію, были отправлены ею въ медицинскую контору для освидѣтельствванія. Эксперты—Багній, докторъ

(1) Пелликанъ, 117 стр.

(2) Тамъ же, 119 стр.

Грегора и два лѣкаря показали, что кости воѣ—звѣрскія, а не человѣческія, „а какія звѣрскія—признать невозможно, ибо онѣя всѣ застарѣлыя и переломанныя“. Св. Синодъ видимо былъ недоволенъ дѣйствіями комиссіи—съ одной стороны—медленностію и проволочкою возникшаго дѣла, а съ другой—многими важными опущеніями, допущенными при обыскѣ келій Князь-Андреева монастыря и несоблюденіемъ нѣкоторыхъ формальностей. Въ своемъ указѣ отъ 22 августа 1748 года слѣдственной комиссіи св. Синодъ писалъ: „если слѣдствопроизвожденіе паче чаянія и понынѣ не окончено, окончить въ самой скорости.... А чего ради, по отпускѣ означеннаго въ найденныхъ младенческихъ костяхъ и о прочемъ въ св. Синодъ доношенія понынѣ, чему пройде время близъ уже полугода, о томъ, что по слѣдствію оказалось, не рапортовано, и на означенномъ посыланномъ для осмотра младенческихъ тѣлесъ офицерѣ, что онъ вышеобъявленнаго одного младенческаго тѣла, кое по разспросу разстриги Матрены зарыто было на церковномъ кладбищѣ подлѣ гробу ея тетки Марѣы Ивановой, не осматривано, не разыскивано, и о примѣчаніи земли (не была ли она прежде кѣмъ когда рушена), гдѣ младенческія тѣлеса были зарыты и звѣрскія кости были найдены, на письмѣ объясненія не взято и все то упущено безъ всякаго слѣдствія“. Далѣе, говорится въ указѣ, „виѣсто одного съ командою офицера слѣдовало бы послать въ Переяславль, по важности секрета, отъ переяславльскаго духовной консисторіи какого достойнаго мужа изъ архимандритовъ или другихъ духовныхъ чрезъ промеморіи, но и то весьма упущено.... и такъ отъ той комиссіи поступлено крайне-жъ неосмотрительно“⁽¹⁾. 30-го августа того же года комиссія представила уже подробный отвѣтъ Синоду. Въ своемъ рапортѣ она, между прочимъ, писала, что

(¹) Пеликанъ, 419 стр.

младенческое тѣло, зарытое на кладбищѣ, потому не осматривалось офицеромъ, что „оно оказалось послѣ его посылки, какъ онъ уже возвратился въ комиссію“; далѣе, „примѣчанія земли“ не производилось потому, что это обстоятельство, равно какъ необходимость приглашенія достойнаго мужа изъ переяславльскаго духовнаго консисторіи, „не пришло въ разсужденіе комиссіи“. Однако, чтобы удовлетворить требованію Синода комиссія командировала въ Переяславль-Залѣскій новаго оберъ-офицера съ тѣмъ, чтобы послѣдній „обще съ духовною персоною“ изъ переяславской духовной консисторіи отыскалъ зарытое на кладбищѣ младенческое тѣло, а равно и тѣло зарытое въ кельѣ старицы Варсонофіи въ сѣняхъ. Ни того, ни другаго тѣла оберъ-офицеръ не нашелъ; не было имъ примѣчено и того, чтобы около могилы старицы Максимиллы было какое-либо подозрительное поврежденіе. Этимъ и окончились разслѣдованія комиссіи о тѣлахъ младенцевъ. Вслѣдъ за этимъ, уже въ іюль 1749 года, комиссія опредѣлила подвергнуть медицинскому освидѣтельству дѣвственность Лукерьи Васильевой. Васильева оказалась недѣвственною, но, по ея словамъ, она „учинила блудное грѣхопаденіе съ пастухомъ Иваномъ Григорьевымъ въ селѣ Усольѣ“, а не во время „богопротивныхъ сборищъ“, какъ она показывала прежде и что вообще „все, что она показывала на себя и на другихъ, показывала не стерпя подъема на дыбу и убоясь страху“.... Вслѣдствіе этого, Васильева, равно какъ и двѣ другія дѣвки Марья Ѳедорова и Ѳекла Владимірова, по опредѣленію комиссіи, были переданы духовному суду. Впрочемъ Сенатъ измѣнилъ это рѣшеніе комиссіи. Подвергнувъ предварительно всѣхъ виновныхъ дѣвокъ трехкратной пыткѣ, Сенатъ опредѣлилъ сослать ихъ въ дальнія монастыри „въ тягчайшую работу вѣчно“. Это было 22 ноября 1749 года (1). Артамо-

(1) Незлкань, 120—121 стр.

новъ, главный виновникъ всѣхъ описанныхъ преступленій, умеръ до окончанія слѣдствія.

Къ июню 1752 года было окончено наконецъ слѣдствіе „о квакерской ереси“. По приговору суда, лжеучители и лжепророки въ числѣ 34-хъ человѣкъ и лжеучительницы въ числѣ 28-ми, по наказаніи кнутомъ, сосланы были въ тяжкую работу, первые въ Рогервикъ, а вторыя на суконныя фабрики. Прочіе согласники или отправлены были въ дальніе монастыри, или въ тяжкую работу, или же препровождены были въ прежнее мѣстожителство (¹). Понятно, что и въ этомъ случаѣ судебныя розыски, пытки и ссылки многихъ послѣдователей хлыстовской секты не могли ограничить быстро развивавшагося зла. Хлыстовщина продолжала распространяться, охватывая собою одну за другою губерніи. Религіозно-нравственныя безобразія ея увеличивались неимоверно въ своемъ количествѣ. Послѣдователи ея съ такимъ же и даже большимъ фанатизмомъ и остревенціемъ предавались убійству невинныхъ младенцевъ съ цѣлю добыть истинное причащеніе—„самое тѣло и кровь христову“, по выраженію Артамонова и Прокофьева (²). Съ неменьшимъ неистовствомъ они предавались грубому безграничному разврату, кощунственно называя его „христовою любовію“. — Между тѣмъ, около семидесятихъ годовъ прошлаго XVIII ст. на окраинахъ нынѣшней орловской губерніи обнаружилось реформаторское движеніе, имѣвшее цѣлю улучшеніе нравственнаго быта погибавшихъ хлыстовъ. Результатомъ этой реформы было появленіе въ средѣ хлыстовъ скопчества. Появившись въ орловской губерніи, скопчество мало по малу стало охватывать одну за другою губерніи. Вслѣдствіе этого, хлыстовщина какъ бы съузилась въ своемъ объ-

(¹) Реутскій, 71—72 стр.

(²) Пеликанъ, 116 стр.

емъ и стала непримѣтною. Правительство даже какъ бы игнорировало секту хлыстовъ. Неудивительно поэтому, что исторія хлыстовской секты съ этого времени прерывается; мы имѣемъ только нѣкоторые эпизоды, относящіеся къ XIX столѣтію, но ни болѣе. Изложеніе этихъ эпизодовъ составитъ содержаніе слѣдующей заключительной главы исторіи хлыстовской секты.

III.

1752—1880 гг.

Въ Москвѣ, не смотря на страшное преслѣдованіе, которому подверглись хлысты въ 1752 году, они не исчезали. Даже въ первой половинѣ XIX ст. существованіе ихъ не прекращалось. Такъ, хлысты послѣдовательно были открыты полиціею въ 1838 г. (¹) и въ 1845 г. Въ послѣдній разъ обнаруженъ былъ божій домъ, до сихъ поръ неизвѣстный правительству, съ потаеннымъ при немъ священнымъ колодецемъ. Въ этомъ домѣ отобранъ былъ у хлыстовъ столъ, который они называли „престоломъ“ и считали святынею потому, что за нимъ бесѣдовали главный богъ ихъ Данило Филипповичъ, сынъ божій Иванъ Тимоѣевичъ и ихъ матери (²).

Въ тамбовской губерніи и, именно, въ селѣ Перевозѣ, кирсановскаго уѣзда, въ началѣ нынѣшняго столѣтія появился христосъ хлыстовъ крестьянинъ Авакумъ Ивановичъ Копыловъ. Копыловъ былъ вдовъ, вель строгій, какъ передаютъ его послѣдователи, образъ жизни, умѣлъ читать церковную печать. Будучи отъ природы аскетомъ и ханжею, онъ жилъ постоянно въ уединенной комнатѣ, гдѣ предавался раз-

(¹) Ист. Мин. вн. дѣлъ. Варадинова. VIII т. 435 стр.

(²) Тамъ же, 504 стр.

наго рода видѣнiямъ и галлюцинаціямъ. Однажды, говорили послѣдователи Копылова, онъ послѣ сорокодневнаго поста былъ взятъ двумя ангелами на седьмое небо живымъ; здѣсь, бесѣдуя съ Богомъ лицомъ къ лицу, онъ получилъ повелѣніе отъ Него доходить по книгамъ о томъ, какъ избавиться грѣха и спасти душу, а потомъ научить этому и ближнихъ своихъ. Копыловъ, дѣйствительно, остался вѣренъ этому мнимому повелѣнію. Вообразивъ себя христомъ, сыномъ божіимъ, Копыловъ образовалъ около себя небольшое общество своихъ послѣдователей, нашелъ богородицу въ лицѣ крестьянки села Перевоза Татьяны Черносивостовой и началъ свою проповѣдь о спасеніи людей. Проповѣдь эта была совершенно въ хлыстовскомъ духѣ. Спустя почти двадцать лѣтъ послѣ видѣнiя, бывшаго Копылову, слухъ о проповѣдуемомъ имъ и его богородицею ученіи дошелъ до начальства. Вслѣдствіе этого, Копылова и его спутницу вызвали къ слѣдствію и такъ какъ они не обнаружили никакихъ признаковъ раскаянія въ своемъ заблужденіи, но напротивъ упорствовали въ немъ, то ихъ отправили въ кирсановскій тюремный замокъ, гдѣ Копыловъ и умеръ; спутница же его была отправлена на поселеніе. Дѣятельность Копылова продолжали съ успѣхомъ его сынъ Филиппъ и работникъ Перфиль Кутасоновъ. Оба они сначала дѣйствовали вмѣстѣ, но вскорѣ Кутасоновъ, желая сдѣлаться главою особаго общества, завелъ съ Филиппомъ Копыловымъ споръ о какихъ-то правилахъ своей вѣры и отдѣлился отъ послѣдняго. Такимъ образомъ, въ Павловѣ явилось два корабля. Въ первомъ главою былъ Филиппъ Копыловъ съ лжебогородицею Татьяною Хованскою; во второмъ же Перфиль Кутасоновъ съ лжебогородицею Лукерьею Камбаровою и съ лжепророкомъ Ефимомъ Кузьминымъ. Оба эти корабля съ успѣхомъ стали распространять хлыстовщину, которая появилась теперь въ борисоглѣбскомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи, и въ бузулукскомъ—са-

марской. Такимъ образомъ, дѣло, начатое Аввакумомъ Копыловымъ, нашло себѣ ревностныхъ исполнителей. Послѣдователи Аввакума существовали въ 1851 году, когда производилось слѣдствіе о нихъ Набоковыми (*).

Въ рязанской губерніи въ царствованіе Екатерины II хлыстовщину распространялъ крестьянинъ села Карина Артемій Игнатовъ. Онъ выдавалъ себя за пророка, посланнаго изъ Москвы Духомъ Св. въ древнее княжество рязанское для проповѣди истиннаго „божества“. Мѣстомъ дѣятельности Артемія Игнатова былъ зарайскій уѣздъ. Впослѣдствіи, родной братъ Артемія Сергѣй Игнатовъ распространилъ хлыстовщину еще въ двухъ уѣздахъ рязанской губерніи: въ михайловскомъ и рязанскомъ; кромѣ того, онъ приобрьлъ себѣ послѣдователей даже въ тульской губерніи. Но особенно быстро хлыстовщина стала распространяться въ царствованіе Александра I. Около 30-хъ годовъ послѣдовало открытіе полиціею хлыстовскаго корабля въ селѣ Каринѣ; вмѣстѣ съ прочими сектантами взятъ былъ подъ судъ и самъ кормщикъ корабля Никита Силантьевъ. Не смотря, однако, на преслѣдованіе со стороны мѣстныхъ властей, хлысты въ рязанской губерніи нисколько не убывали въ своемъ числѣ. Напротивъ, въ томъ же зарайскомъ уѣздѣ, гдѣ былъ открытъ хлыстовскій корабль, хлыстовщина въ періодъ времени отъ 1841 по 1851 гг. находилась въ пвѣтущемъ состояніи, какъ можно видѣть изъ рассказовъ Преображенцева (*). Она существовала въ предѣлахъ рязанской губерніи и въ 60-хъ годахъ (*), существуетъ, вѣроятно, и теперь.

Въ калужской губерніи хлыстовщина, несомнѣнно занесенная сюда еще въ XVIII стол., сдѣлалась

(*) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 351—354 стр.

(*) Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 6. 196—197 стр. и № 7. 230—232 и 235 стр. Ист. Мин. вн. дѣлъ. VIII т. 365—366 стр.

(*) Ист. стат. опис. рязан. губ. Барановича. 1860 г. 356 стр.

извѣстною духовному начальству въ 1802 году. Между послѣдователями ея оказались: священникъ села Князь - Иванова Константинъ Ивановъ и пономарь того же села Петръ Семеновъ. Бывшій въ то время епископъ калужскій Теофилактъ указомъ предписалъ благочинному, священнику Іоанну Симеонову „все-прилежнѣйше, какъ только возможно будетъ, дойти до открытія доносимаго и о послѣдующемъ немедленно репортовать“. Такъ какъ самъ благочинный по отдаленности отъ села Князь-Иванова не могъ выполнить возложеннаго на него порученія, то онъ, вѣроятно съ согласія преосвященнаго, поручилъ исполненіе этого дѣла священнику села Забѣльни Ивану Сергѣеву. Послѣднему повелѣвалось „благоразумнымъ образомъ войти съ священникомъ Константиномъ Ивановымъ въ тѣсное обращеніе, и, развѣдавъ чрезъ то до точности заблужденіе онаго священника и пономаря, немедленно извѣстить о всемъ“. Выборъ былъ удачный: Сергѣевъ скоро сблизился съ Константиномъ Ивановымъ и даже сдѣлался какъ бы его домашнимъ человѣкомъ. Однако, главной цѣли своего хитраго знакомства онъ, по его словамъ, не открывалъ „сѣдмь мѣсяцевъ и болѣе“; только убѣдившись совершенно въ искреннемъ и дружескомъ расположеніи къ себѣ свящ. Иванова, онъ началъ зародить съ нимъ рѣчь о религіи. Скоро для свящ. Сергѣева сдѣлалось ясно, что его сослуживецъ, свящ. Ивановъ, дѣйствительно зараженъ хлыстовскимъ ученіемъ. Склоняясь, повидимому, на его сторону, свящ. Сергѣевъ достигъ того, что былъ даже принятъ въ общество хлыстовъ съ предварительнымъ выполненіемъ всѣхъ обрядовъ хлыстовскаго чинопріема. Съ этого времени онъ вошелъ въ тѣсное и ближайшее сношеніе со всѣми хлыстами села Князь-Иванова, а равно и съ хлыстами другихъ селъ; онъ участвовалъ въ богослужбныхъ собраніяхъ хлыстовъ, даже совершалъ радѣнія и пѣлъ „роspѣвцы“. Здѣсь же, въ Князь-Ивановѣ, свящ. Сергѣевъ познакомился съ скопцами, отъ

которыхъ узнать о существованіи „царя и искупителя“ Селиванова, проживавшаго въ это время въ Петербургѣ. Съ Селивановымъ онъ даже имѣлъ переписку. Достаточно изучивъ ученіе и культъ хлыстовъ, свящ. Сергѣевъ въ 1809 году представилъ чрезъ своего архіерея въ св. Синодъ составленную имъ записку о хлыстахъ. Эта записка, о которой мы уже говорили выше, носитъ оглавленіе: „Иъясненіе раскола, именуемаго хлыстовщина или христовщина“; къ запискѣ онъ приложилъ еще 7-мъ хлыстовскихъ пѣсень. Обвиненные въ ереси: свящ. Константинъ Ивановъ, пономарь Петръ Семеновъ и другіе заточены были въ монастыри; впрочемъ, отсюда они скоро были освобождены и свящ. Ивановъ даже получилъ мѣсто пономаря въ селѣ Вишняковѣ, изъ котораго онъ, спустя нѣкоторое время, убѣжалъ и снова сдѣлался послѣдователемъ хлыстовской секты (1).

Въ костромской губерніи дѣятельно пропагандировала хлыстовщину Ульяна Васильева. Родомъ она была изъ деревни Старой, костромской губерніи, и принадлежала къ числу дальнихъ родственницъ Данилы Филиппова. Это послѣднее обстоятельство особенно возвысило Ульяну Васильеву въ глазахъ хлыстовъ. Хлысты боготворили ее и считали праведницею. Сознвая свое божественное происхожденіе, Васильева съ замѣчательнымъ искусствомъ пользовалась своимъ положеніемъ и поддерживала высокое мнѣніе о себѣ. Къ ней стекались хлысты со всѣхъ сторонъ Россіи на поклоненіе и всегда приносили богатые подарки. Выѣзды ея на собранія въ Москву и другія мѣста считались особенною милостію и счастьемъ. Благодаря вліянію на массу и собственному богатству, она имѣла большія связи съ значительными лицами въ Костромѣ. Такъ она прерлекла въ свою секту одного священника Алексѣя Дорошеева, села Бо-

(1) Кал. Еп. Вѣд. 1871 г. № 2. 41—42 стр. и 46 стр.; Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1. V. 30—31; 35—38 стр.

лотова, костромской губерніи. Онъ, по словамъ Арнольди, держалъ у себя разъѣздныхъ лошадей и постоянно ѣздилъ на ночныя собранія хлыстовъ къ Ульянѣ Васильевой. Его жена и сестры также принадлежали къ хлыстовской сектѣ (¹). Въ 1838 году, въ бытность въ Москвѣ, Ульяна Васильева, схваченная вмѣстѣ съ другими хлыстами, была отправлена въ Кіево-Фроловскій монастырь на увѣщаніе. Оттуда она была отпущена въ деревню Старую вслѣдствіе притворнаго раскаянія, принесеннаго ею начальству (²). Прибывъ въ свою деревню, она по прежнему вошла въ знакомую ей роль богородицы, ѣздила часто въ Кострому и нерѣдко бывала въ самой Москвѣ, вездѣ принимая божескія почести. Вслѣдствіе этого ее снова схватили и отправили вторично въ монастырь въ 1847 году; здѣсь, вѣроятно, она умерла (³).—Съ удаленіемъ Ульяны Васильевой хлыстовщина въ костромской губерніи не исчезла. Официально извѣстно, что здѣсь хлысты существовали даже въ 1861 году. Главною богородицею у нихъ считалась дѣвка Александра, проживавшая въ Богословской слободѣ, близъ Судиславля, въ приходѣ села Барань (⁴).

Въ самарской губерніи и именно въ селѣ Дубовомъ Уметѣ, самарскаго уѣзда, хлысты подъ именемъ монтанъ были открыты въ 1835 году. По произведенному слѣдствію оказалось, что распространителемъ секты въ этомъ селѣ былъ переселенецъ изъ села Ичиксовъ, алатырскаго уѣзда, симбирской губерніи, крестьянинъ Василій Бѣлопортковъ; онъ же распространилъ хлыстовщину и въ другихъ сосѣднихъ селахъ и даже въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Николаевскаго

(¹) Изъ дневн. Арнольди. Сборн. Кельсиева. II. 16 стр.

(²) Ист. Мин. вн. дѣлъ. VIII т. 435—436 стр.

(³) Тамъ же, 620 стр. и Сбор. Кельсиева. II. 132 стр.

(⁴) Ист. стат. опис. костром. губ. Крживоблоцкаго. 1861 г. 437 стр.

увада. Вѣлопорткову много помогаль другой крестьянинъ симбирской губерніи Василій Никифоровъ Щеголовъ, извѣстный также подъ именемъ „Никифорыга“ и называвшій себя „христомъ“. Въ 1860 и 1868 годахъ хлысты самарской губерніи снова подверглись судебному преслѣдованію. По послѣднему надъ ними судебному слѣдствію оказалось, что въ одномъ Дубовомъ Уметѣ были заражены хлыстовскою ересью 35 семействъ (¹).

Въ воронежской губерніи въ сороковыхъ годахъ распространяль хлыстовщину крестьянинъ Александръ Рудя. Мѣстомъ его пребыванія была слобода Красная. По разсказу самого Руди, онъ познакомился съ ученіемъ хлыстовъ читая какую-то книгу, которую ему далъ какой-то монахъ при встрѣчѣ съ нимъ. Изъ этой книги, говорилъ Рудя на судѣ, „я узналь много прелестей о сектѣ хлыстовъ“ и впослѣдствіи съ большимъ рвеніемъ сталъ читать книги и пѣть псалмы. Нѣсколько позже, ученикъ и послѣдователь Руди „Микитка Блаженный“ съ успѣхомъ дѣйствовалъ при распространеніи хлыстовской ереси въ другой слободѣ — Алферовкѣ. Онъ сначала пріютился у такъ назыв. „черничекъ“, которыя, принявъ его ученіе предоставили въ его пользу свои кельи. Въ 1857 году „Микитка Блаженный“ былъ схваченъ мѣстными властями и посаженъ въ тюрьму (²).

Въ нижегородской губерніи хлыстовщина жила до послѣдняго времени съ пророкомъ Радаевымъ и другими людьми божіими. Такіе пророки, какъ Радаевъ, смѣло проповѣдывали свое ученіе не только среди народа, но покушались не разъ обратитъ на путь своей вѣры самихъ православныхъ священниковъ, какъ напр. Минервина и Коронатова, съ которыми вступали и лично и письменно въ диспуты и кото-

(¹) Сам. Еп. Вѣд. 1870 г. № 16. 376—378 стр.; Сборн. Кельсиева, II вып. 83—84 стр.

(²) Вор. Еп. Вѣд. 1871 г. № 17. 728—733 стр.

рыхъ не разъ публично убѣждали отстать отъ прагославной вѣры ⁽¹⁾.

Во владимірской губерніи существованіе секты хлыстовъ было обнаружено въ 1867 году. Въ этомъ году во владимірской палатѣ уголовного и гражданскаго суда разбиралось дѣло о хлыстовской богородицѣ Акулинѣ Тимоѣевнѣ. Акулина Тимоѣевна—крестьянская дѣвка изъ деревни Лубенковой, владимірскаго уѣзда. Помощникомъ ея былъ крестьянинъ той же деревни Иванъ Вуколовъ, изображавшій собою ап. Петра. Онъ былъ сынъ зажиточнаго отца и общалъ своимъ родителямъ хорошаго хозяина и семьянина, но, увлекшись ученіемъ хлыстовъ, бросилъ хозяйство, началъ ходить лѣтомъ и зимою босикомъ и издавать странные звуки. Значеніе Вуколова въ средѣ хлыстовъ было большое; безъ него не совершалось ни одного собранія хлыстовъ ⁽²⁾.

Наконецъ, какъ писали въ 1879 г. въ „Голосѣ“, въ Донской области „развитіе хлыстовщины“ приняло „довольно крупныя размѣры“. Секта эта появилась тамъ недавно и число ея прозелитовъ, въ теченіи какихъ нибудь полутора года, успѣло достигнуть болѣе ста человекъ ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Правосл. Соб. 1860 г. Дек. 407. 409 стр.

⁽²⁾ Орлов. Еп. Вѣд. 1867 г. № 22. 1692 стр.

⁽³⁾ Тул. Еп. Вѣд. 1879 г. № 19. 175 стр.

В.

ИСТОРИЯ СЕКТЫ СКОПЦОВЪ.

1) История скопчества вообще.

Скопчество по времени своего происхожденія весьма древне. Языческая мифология напр. возводитъ существованіе фактовъ оскотленія еще къ тому времени, когда царствовали боги. По ея свидѣтельству, Веста, недовольная властолюбіемъ своего супруга Урана, подговорила своихъ дѣтей возстать противъ него и вручила младшему сыну своему Сатурну серпъ, которымъ онъ оскотилъ отца и потомъ сдѣлался властелиномъ вселенной (*). Какъ бы въ отмщеніе за такой безчеловѣчный поступокъ, Сатурнъ впоследствии и самъ былъ оскотленъ своимъ сыномъ Юпитеромъ (**). Съ другой стороны, преданія народовъ, перешедшія затѣмъ въ исторію, также говорятъ о значительной давности обычая оскотленій между людьми. По мнѣнію напр. нѣкоторыхъ ученыхъ, основывающемуся на свидѣтельствѣ римскаго историка IV в. Амміана Марцеллина, скопчество существовало будто бы еще во времена Семирамиды, царицы ассирійской, которая первая ввела евнуховъ (*). О Навуходонсорѣ, царѣ вавилонскомъ (604—568 гт.), существовало въ народѣ преданіе, что будто-бы онъ повелѣвалъ оскотлять всѣхъ военнопленныхъ для того, чтобы не имѣть въ числѣ своихъ домашнихъ слугъ ни-

(*) Apollodorus. libr. 1. init. См. у Пеликана, 3 стр.

(**) Natalis Comes, Mythol. libr. II. p. т. 86. См. у Пеликана, 3 стр.

(*) Пеликанъ, 3 стр.

кого, кромѣ евнуховъ ⁽¹⁾. Наконецъ, въ пользу предположенія о древности скопчества говоритъ и положительное историческое свидѣтельство Библии. Изъ нея извѣстно, что скопчество существовало еще во времена Моисея. Къ такому положенію приводитъ насъ одно мѣсто изъ книги Второзаконія, гдѣ говорится: „да не входитъ каженникъ и скопецъ въ сонмъ Господень“ (XXIII, 1).

Если невозможно опредѣлить съ точностію время появленія обычая оскопленій, то также невозможно опредѣлить и народъ, среди котораго онъ въ первый разъ сталъ извѣстнымъ. По мнѣнію однихъ, родиной скопчества должно считать Ассирію, по мнѣнію другихъ—Персію, по инымъ—Египцію и т. д.; словомъ, существуетъ множество предположеній и каждое изъ нихъ противорѣчитъ другому. Достоверно, впрочемъ, одно, что у всѣхъ почти исторически-извѣстныхъ народовъ древняго востока скопчество, подъ особеннымъ терминомъ „евнушества“, существовало какъ явленіе законное и вполнѣ нормальное. Скопчество существовало у египтянъ, у персовъ, вавилонянъ, ассиріянъ, іудеевъ, мидянъ и т. д. Отъ этихъ народовъ евнушество перешло и къ грекамъ. У послѣднихъ появились даже особые спекуляторы, которые обратили евнуховъ въ предметъ выгодной торговли: они скупали невольниковъ и, оскопивъ ихъ, продавали затѣмъ въ гаремы азіатцевъ ⁽²⁾. Можно думать, что многоженство, существовавшее у всѣхъ почти восточныхъ народовъ, было главною и ближайшею причиною, которая вызвала къ бытію скопчество и которая главнымъ образомъ и болѣе всего поддерживала и питала его. Самое слово „евнухъ“, указываетъ, кажется, именно на такой источникъ происхожденія скопчества. Слово „евнухъ“, очевидно,

⁽¹⁾ Joseph. Ant. Jud. lib. 10. c. 16.

⁽²⁾ Пеллканъ, 3—4 стр.

греческое и происходит отъ двухъ словъ: *εὕνη*—брачное ложе и *ἔχειν*—имѣть и означаетъ, такимъ образомъ, человека, имѣющаго въ своемъ вѣдѣніи или охраненіи брачное ложе (¹). Но изъ исторіи извѣстно, что евнухи и употреблялись только съ этою цѣлію, какъ лица не возбуждающія противъ себя никакихъ сомнѣній со стороны обладателей гаремовъ. Сообразно посту, который занимали евнухи по довѣрію своихъ господъ, требовалось, чтобы евнухъ былъ совершенно лишень всѣхъ наружныхъ признаковъ, отличающихъ полъ мужчины отъ пола женщинъ; причемъ, требованіе это не было общимъ правиломъ и весьма часто допускались къ этой должности лица съ сохраненіемъ нѣкотораго наружнаго признака, отличающаго ихъ отъ женщинъ.

Кромѣ скопцовъ или евнуховъ, имѣвшихъ спеціальное назначеніе быть охранителями живыхъ сокровищъ, у народовъ древняго востока, безъ сомнѣнія, существовали скопцы и другихъ категорій. Извѣстно, что у египтявъ, по свидѣтельству Діодора сицилійскаго, существовалъ законъ, по которому преступленіе должно быть искупаемо тою частію тѣла, которая его совершила — *per quod quis peccat, per idem punitur et item*; поэтому, за изнасилованіе женщины, равно какъ за недерастію и другія подобныя преступленія полагалось оскотленіе виновнаго. Тоже

(¹) Впрочемъ, существуютъ и другія объясненія слова «евнухъ». Такъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, евнухъ происходитъ отъ греческихъ словъ: *εὖ νοῦν ἔχειν* и значить «разумный», такъ какъ актъ совокупленія иногда понимали какъ дѣйствіе неразумное. Другіе производятъ это слово отъ *εὕνης*—лишенный и *ἔχειν*—совокупляться. Нужно при этомъ также замѣтить, что кромѣ своего буквального, этимологическаго значенія, слово «евнухъ» имѣло въ древнемъ мірѣ еще другое значеніе и означало извѣстный титулъ, присвоиваемый сильнымъ, могущественнымъ вельможамъ, которые не были оскотлены. Такъ, въ священномъ писаніи упоминается объ евнухѣ Пентефрѣѣ, купившемъ Іосифа, который былъ начальникомъ тѣлохранителей Фараона, имѣлъ жену и дочь и потому, конечно, не былъ скопцомъ (Быт. 41, 45).

самое существовало и въ Персіи (¹). Нерѣдко также случалось, что сами скопцы или евнухи, достигали силы и вліянія въ общественномъ положеніи, и въ отмщеніе своимъ оскопителямъ, оскопляли послѣднихъ. По разсказу Геродота, евнухъ Ксеркса Гермотимъ, отыскавъ своего оскопителя, велѣлъ прежде самому ему оскопить своихъ взрослыхъ четырехъ сыновей, а потомъ этимъ несчастнымъ—совершить тоже самое надъ ихъ преступнымъ отцемъ (²). Востокъ, наконецъ, представляетъ намъ даже примѣры самооскопителей и притомъ, что особенно важно, изъ-за религіозно-нравственныхъ, повидимому, мотивовъ. Такъ, въ Сиріи существовалъ особый культъ въ честь богини Цибеллы, учрежденный, по преданію, Атисомъ, оскопленнымъ самою богинею за то, что онъ влюбился въ нее. Жрецы этой богини, называвшіеся почему-то „галлами“, предъ своимъ избраніемъ въ эту должность обязывались собственноручно совершить надъ собою операцію оскопленія. Ампутированныя части они обыкновенно полагали на алтарь и потомъ, снявъ ихъ, бѣжали въ городъ, гдѣ бросали ихъ женщинамъ и тѣмъ, которыя удостоивались получить подобныя подарки, обязаны были снабдить будущихъ жрецовъ полнымъ женскимъ одѣяніемъ, такъ какъ послѣ кастраціи, кандидаты навсегда облакались въ женское платье (³). Этотъ культъ мало по малу пріобрѣлъ большое распространеніе между народами востока и впоследствии перешелъ даже въ Грецію и Римъ. Въ Греціи жрецы Цибеллы, кромѣ названія „галловъ“, носили еще и другое — „коривантовъ“, т. е. головотрясовъ; названіе, какъ очевидно, дано вслѣдствіе извѣстныхъ конвульсивныхъ движеній, которыми сопровождали

(¹) Пелликанъ, 11 стр.

(²) Herod. VIII. 105 стр.

(³) Исторія религій и тайн. религ. обществъ др. и нов. міра. 4 т. 277, 282—283 стр.

они свои богослужебные обряды. Въ Римѣ обязательно оскоплялся только одинъ верховный жрецъ (¹).

Съ началомъ христіанства скопчество не только не ограничилось въ своихъ размѣрахъ, но даже въ вѣкоторые періоды его оно, повидимому, превосходило количество несчастныхъ жертвъ, бывшихъ у народовъ восточныхъ. Притомъ, въ христіанскій періодъ мы видимъ примѣры оскопленій по самымъ разнообразнымъ мотивамъ и побужденіямъ, что хотя и существовало въ древнемъ языческомъ мірѣ, но не представлялось такъ яснымъ и раздѣльнымъ, какъ тоже самое представляется въ періодъ христіанскій.

Мысль, несомнѣнно ясно выраженная въ миѣ объ оскопленіи Атиса Цибеллою и въ учрежденіи первымъ особаго по характеру культа въ честь своей богини, въ послѣдствіи все болѣе и болѣе становилась яснѣе и выражалась въ болѣе конкретной формѣ. Уже у Филона, знаменитаго александрійскаго философа, мысль о грѣховности брачнаго сожитія и о негодности послѣдняго Богу выражена ясно и положительно. Унижая бракъ и считая его дѣломъ не богоугоднымъ, Филонъ, во избѣжаніе брачной жизни, совѣтовалъ оскоплять себя, такъ какъ оскопленіе себя, по его мнѣнію, есть пріятная жертва Богу (²). Во второмъ вѣкѣ по Р. Хр. были два особенно замѣчательныхъ примѣра самооскопленій: Оригена и Леонтія, еп. антиохійскаго; и тотъ и другой указывали на XIX гл. еванг. Матѳея, какъ на основаніе своего самооскопленія. Во второмъ же вѣкѣ, по свидѣтельству Епифанія, въ средѣ христіанъ образовалось даже цѣлое общество, извѣстное подъ именемъ валезіанъ, основнымъ принципомъ нравственнаго ученія котораго было ученіе о необходимости оскопле-

(¹) Сбор. Кельсіева, III. 23 стр. 28 примѣч.

(²) Philon. opp. s. 186. См. въ Сборн. Кельсіева, III. 23 стр. 29 примѣч.

нія. Епифаній не передаетъ, кто такой былъ Валисъ и гдѣ жили валезіане, но онъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности изъ быта этихъ еретиковъ. Такъ, по словамъ Епифанія, каждый новый членъ общества предъ совершеніемъ надъ нимъ операціи оскотленія долженъ былъ нѣсколько времени воздерживаться отъ употребленія животной пищи; послѣ же совершенія операціи ему дозволялось ѣсть все, что угодно. Далѣе, валезіане, въ видахъ возможно большаго увеличенія числа своихъ единомышленниковъ, пріобрѣтали послѣднихъ не только мѣрами убѣжденій, но даже и насилій⁽¹⁾. Во времена св. Василія Великаго также существовали цѣлыя общества самооскопителей по тѣмъ же религіозно-нравственнымъ побужденіямъ, противъ которыхъ святитель вынужденъ былъ направлять громы своихъ обличеній⁽²⁾. Въ IX вѣкѣ скопчество развилось до того, что даже, какъ видно изъ осьмаго правила константинопольскаго двукратнаго собора, духовныя лица оскотляли нѣкоторыхъ своеручно и дѣлалось это по тѣмъ же религіозно-нравственнымъ мотивамъ⁽³⁾. Въ послѣдующее время въ Византійской имперіи также не прекращались примѣры самооскопленій и оскотленій отъ другихъ по тѣмъ же причинамъ. Такъ, уже въ XI вѣкѣ папа Левъ IX ставилъ въ упрекъ восточной церкви, что даже высшія степени іерархіи занимаютъ скопцы⁽⁴⁾.

На ряду съ скопчествомъ религіозно-нравственнаго характера въ Византійской имперіи существовало и евнушество почти до IX вѣка. Имена нѣкоторыхъ евнуховъ императорскаго двора даже увѣковѣчились въ исторіи; таковы были: Евтропій при им-

(1) Творен. Епифанія кипр. Москва. 1872 г. 3 ч. 18--19 стр.

(2) Basilii Magni opp. т. IV. р. 847.

(3) Кн. правилъ св. апостоль, св. вселен. и помѣст. собор. Спб. 1843 г.

(4) Сбор. Кельсиева, Ш. 28 стр. 39 примѣч.

ператоръ Аркадіѣ и Нарсесъ при Юстиніанѣ I. Въ періодъ смуть и междоусобій, нерѣдко случавшихся въ Византійской имперіи, когда одна царская фамилія соперничала изъ-за власти съ другою, оскотленіе употреблялось какъ вѣрное средство уничтожить всякую надежду на возстановленіе низверженныхъ 'фамилій и чрезъ то самое обезопасить фамиліи похитителей отъ новаго соперничества. Таковъ былъ Левъ V, который, похитивъ престолъ у Михаила I-го Ранговея, оскотилъ всѣхъ его сыновей. Тоже самое сдѣлалъ и Михаилъ II Заика по отношенію къ сыновьямъ Льва V.

На западѣ скопчество было менѣе развито, чѣмъ на востокѣ. Тамъ не было скопчества изъ-за религіозно-нравственныхъ мотивовъ; не было его и изъ видовъ мести и соперничества; единственное исключеніе составляетъ Абельяръ, который былъ оскотленъ по мести. Что касается до евнуховъ, то они существовали, по крайней мѣрѣ, въ Римѣ. Въ послѣднемъ, по свидѣтельству Ювенала, евнухи, кромѣ своего спеціального назначенія быть охранителями гаремовъ, употреблялись римлянками и для другой цѣли:

Sunt quas eunuchi imbelles, ac mollia semper
Oscula delectent, et desperatio barbae,
Et quod abortivo non est opus (*).

Въ средніе вѣка въ Италіи появился особый родъ скопцовъ-кастратовъ. Слово „кастратъ“ производятъ обыкновенно отъ латинскаго слова „castor“—бобръ и толкуютъ это слово въ томъ смыслѣ, что какъ бобръ во время преслѣдованія охотниками самъ себѣ откусываетъ testiculos, такъ точно поступаютъ и евнухи, оскотляющіе самихъ себя. Въ такомъ именно смыслѣ говоритъ объ евнухахъ Ювеналъ:

(*) D. junii Juvenalis satyrae. Edit. 1664 г. Сатир. 6. 365—367
стих. 192—193 стр.

Imitatus Castora qui se
Eunuchum ipse facit, cupiens evadere damno
Testiculorum (¹)...

Такимъ образомъ, подь кастратомъ нужно понимать человѣка, лишеннаго только однихъ testiculorum съ частію scroti. Кастраціи подвергались въ Италиі по преимуществу дѣти, иногда юноши. Цѣль кастраціи была сохранить чистоту, свѣжесть и пріятность голоса. Цѣль эта вполнѣ достигалась и были нѣкоторые кастраты, которые, дѣйствительно, получили въ исторіи громкую славу на поприщѣ пѣнія; таковъ былъ напр. К. Броски, извѣстный подь именемъ Фаринелли. Говорятъ, число ежегодно окастриваемыхъ съ этою цѣлію простиралось до 4,000 человѣкъ. Уничтожена была кастрація въ Италиі уже въ концѣ XVIII столѣтія, благодаря энергическимъ стараніямъ папы Климента XIV и императора Наполеона I-го (²).

Въ древней языческой Руси, кажется, не могло быть скопчества, такъ какъ, съ одной стороны, предки наши глубоко уважали брачную жизнь и слѣдовательно съ этой стороны они были вполнѣ гарантированы отъ необходимости подвергать тѣло свое истязаніямъ и искаженіямъ. Съ другой—хотя у предковъ нашихъ и было въ обычаѣ многоженство, которое, такимъ образомъ, давало поводъ устраивать своего рода гаремы на подобіе азіатскихъ народовъ и содержать при нихъ евнуховъ, но такъ какъ историческая жизнь русскихъ славянъ начинается сравнительно поздно, когда уже евнушество уничтожилось почти повсемѣстно, и, такъ какъ сношенія ихъ съ востокомъ почти вовсе не существовали до принятія христіанства, то неудивительно, что и въ этомъ случаѣ наши предки были свободны отъ скопцовъ. Ка-

(¹) D. junii Juvenalis saturae. Edit. 1664 г. 12-я сат. 35—36 стиххъ 38 стр.

(²) Сбор. Кельсиева, Ш. 21—22 стр.

рамзинъ положительно утверждаетъ, что наши „предки не скопились“ (¹); это общее положеніе Карамзина, очевидно, относится и къ тому времени, когда наши предки были язычниками. Съ введеніемъ христіанства, уже во времена св. Владиміра, встрѣчается въ нашей лѣтописи имя перваго скопца, еретика монаха Адріана, который хулилъ церковь и ея уставы (²). Немного позже мы видимъ примѣръ скопца-мученика въ лицѣ Моисея многострадальнаго, который былъ оскропленъ одною знатною полькою изъ мести (³). Далѣе, отъ 1089—1096 г. на митрополической кафедрѣ въ Кіевѣ возсѣдали, слѣдуя одинъ за другимъ, два скопца, родомъ греки: Іоаннъ II и Ефремъ (⁴). Въ исходѣ первой половины XII столѣтія встрѣчаются имена скопцовъ, занимавшихъ кафедры епископскія: Мануила—въ Смоленскѣ и Θεодора—во Владимірѣ Волынскомъ (⁵). Наконецъ, въ первой половинѣ XIV столѣтія также встрѣчается имя епископа скопца Θεодосія въ Луцкѣ (⁶).

Общій обзоръ исторіи скопчества у различныхъ народовъ и націй и въ различные періоды ихъ существованія приводитъ насъ, такимъ образомъ, къ слѣдующимъ общимъ выводамъ. Во-первыхъ, оскропленіе, какъ явленіе единичное, существовало какъ въ древнемъ языческомъ мірѣ, такъ и въ новомъ христіанскомъ и какъ такое оно восходитъ по началу своего происхожденія ко временамъ глубокой древности. Отсюда, во-вторыхъ, скопчество, разсматриваемое съ этой стороны, можно назвать хроническою болѣзнію чело-

(¹) Ист. гос. рос. т. II. 160 прим. 66 стр.

(²) Никонов. лѣт. ч. I. 112 стр.; Степ. кн. ч. I. 166 стр.

(³) Ист. гос. рос. т. II. прим. 5. 5 стр.

(⁴) Описаніе Кіево-Софійск. собора митр. Евгенія. Кіевъ. 1825 г. 72—73 стр.

(⁵) Ист. рос. іерархія. Кіевъ. 1827 г. т. I. 313 и 404 стр.

(⁶) Тамъ же, 445 стр.

вѣка, которая, смотря по обстоятельствамъ, то увеличивалась, то уменьшалась въ своихъ внѣшнихъ обнаруженіяхъ..... Въ-третьихъ, дохристіанскій міръ, представляя массу насильственныхъ оскропленій по разнообразнымъ мотивамъ и побужденіямъ, въ культѣ Цибеллы въ первый и единственный разъ представилъ намъ примѣры добровольныхъ самооскропленій, которыя исходили изъ того смутно сознаваемого побужденія, что самооскропленіе есть дѣло богоугодное и, слѣдовательно, спасительное для человѣка. Въ четвертыхъ, этотъ послѣдній мотивъ оскропленій, т. е. мотивъ религиозно-нравственный, получилъ значительное развитіе въ первый періодъ христіанства. Въ пятыхъ, ученіе о необходимости оскропленія ради религиозно-нравственныхъ цѣлей не сформировалось, однако, въ древнемъ христіанскомъ мірѣ въ особую догматическую и нравственную систему ученія; послѣдователи его при всей своей фанатической привязанности къ изуверству, которое они называли средствомъ спасенія человѣка, не осмѣливались ради этого ученія измѣнять основной догматъ христіанства объ искупленіи, совершенномъ Иисусомъ Христомъ и объяснять его съ точки зрѣнія идеи оскропленія. Наконецъ, въ-шестыхъ, въ русской церкви, за исключеніемъ весьма немногочисленныхъ примѣровъ оскропленій и притомъ въ большинствѣ случаевъ, безъ сомнѣнія, носящихъ на себѣ характеръ чужеземный, скопчества не существовало до второй половины XVIII столѣтія.

2) Появленіе скопчества на Руси въ XVIII столѣтія, причина его возникновенія и отличие его отъ древняго скопчества.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія, когда уже скопчество исчезло съ лица земли у всѣхъ почти образованныхъ народовъ и когда, такимъ образомъ, факты этого кроваваго изуверства отошли въ область

прошедшей исторіи, въ Россіи скопчество только что начинало свою исторію. Первое официальное извѣстіе о немъ относится къ 1772 году, когда Турчаниновъ сдѣлалъ донесеніе въ орловскую провинціальную канцелярію о появленіи тринадцати скопцовъ въ принадлежавшей ему деревнѣ Богдановкѣ, сѣвской округи (нынѣ сѣвскаго уѣзда, орловской губерніи). Орловская канцелярія не замедлила увѣдомить о такомъ важномъ сообщеніи Турчанинова петербургское начальство. Императрица Екатерина II указомъ отъ 2 іюля 1772 года поручила произвести судебное слѣдствіе объ открывшихся тринадцати скопцахъ полковнику Волкову (¹). Во исполненіе указа Волковъ прибылъ на мѣсто самаго преступленія и въ томъ же 1772 году окончилъ слѣдствіе надъ тринадцатью скопцами. Изъ зачинщиковъ онъ нашелъ только одного Андрея Иванова; другой же—спутникъ послѣдняго, во время производства слѣдствія успѣлъ скрыться и имя его осталось „неизвѣстнымъ“. Согласно съ повелѣніемъ императрицы Екатерины II, Андрей Ивановъ былъ наказанъ кнутомъ въ деревнѣ Богдановкѣ и потомъ сосланъ въ Нерчинскъ въ каторжную работу; тринадцать другихъ скопцовъ были освобождены отъ всякаго наказанія и отправлены въ прежнія мѣста ихъ жительства (²).

Появленіе тринадцати скопцовъ въ Богдановкѣ не есть явленіе случайное и потому скоро преходящее; оно имѣло причины,—и въ самомъ своемъ возникновеніи уже обладало будущностію. Хотя, по отсутствію официальныхъ извѣстій, невозможно опредѣлить, кто такіе были по вѣрѣ тринадцать скопцовъ, равно какъ и ихъ оскопители, но, основываясь на послѣдующихъ фактахъ исторіи скопчества, можно допустить то вѣроятное предположеніе, что назван-

(¹) Чт. въ общ. ист.. 1872 г. 3. в. 35--37 стр.

(²) Тамъ же, 53 стр.

ныя лица принадлежали къ хлыстовской сектѣ. Такъ, о „неизвѣстномъ“, скрывшемся отъ слѣдствія 1772 г., или что тоже объ основателѣ скопческой секты, извѣстно, что онъ „духовно родился“, т. е. былъ принятъ въ общество людей божіихъ или хлыстовъ въ хлыстовскомъ кораблѣ Акулины Ивановны, находившемся въ орловской губерніи ⁽¹⁾. Въ томъ же кораблѣ Акулины Ивановны онъ былъ признанъ богомъ и съ нею-же онъ началъ пропаганду своего ученія ⁽²⁾. Во все послѣдующее время до такъ называемаго „золотаго времени“, т. е. до прибытія въ Петербургъ, онъ попреимуществу жилъ въ хлыстовскихъ корабляхъ и находилъ въ нихъ отчасти сочувствіе своему ученію, но больше открытую ненависть и злобу. Говоря о послѣднихъ, основатель скопчества выражается, что злоба и ненависть къ нему „своихъ“, т. е. божіихъ людей, хлыстовъ, среди которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ, и „довела его до креста“ ⁽³⁾. — Къ этимъ въ существѣ важнымъ доказательствамъ происхожденія скопчества отъ хлыстовъ присоединимъ, что свидѣтельства нѣкоторыхъ скопцовъ также указываютъ на хлыстовщину, какъ на источникъ, изъ котораго возникло скопчество. Таково показаніе дезертира Василія Будылина, по категорическому заявленію котораго „секта скопцовъ возникла изъ секты хлыстовщины“ ⁽⁴⁾.

Итакъ, происхожденіе скопчества находится въ преемственной исторической связи съ сектою хлыстовъ. Обращаясь къ выясненію причинъ, вызвавшихъ скопчество въ средѣ хлыстовъ, нельзя не видѣть, что общою и единственною причиною этого явленія было противорѣчіе между ученіемъ хлыстовъ о

⁽¹⁾ Чт. въ общ. вст... 1872 г. 3. V. 299 стр.

⁽²⁾ Тамъ же, 1864 г. 4. 76 стр.

⁽³⁾ Тамъ же, 80 стр.

⁽⁴⁾ Тамъ же, 1872 г. 4. 86 стр.

нравственности и осуществленіемъ этого ученія. По ученію хлыстовъ, только душа человѣка есть существо чистое и непорочное, заслуживающее вниманія и заботъ; тѣло, какъ созданіе діавола, грѣховно и нечисто; заботиться о немъ значитъ угождать сатанѣ. Отсюда естественный выводъ: всѣ требованія физической природы человѣка, какъ сатанинскія порожденія, необходимо по возможности ограничивать и даже уничтожать. Но ничто изъ естественныхъ требованій организма такъ сильно не возбуждаетъ отвращенія и ничто не можетъ возбуждать противъ себя болѣе гоненій и преслѣдованій, какъ инстинктъ человѣка къ продолженію рода; онъ, по понятію хлыстовъ, есть главнѣйшій источникъ человѣческихъ страданій и онъ-то есть въ особенности злое порожденіе діавола. Поэтому, первая обязанность всякаго „человѣка божія“ уничтожить въ себѣ этотъ грѣховный инстинктъ. Отсюда, бракъ, совершающійся между людьми, „скверна“ и люди, вступающіе въ него, „сыны погибели“; дѣти, рожденныя въ бракѣ, „ценыта“. И нужно замѣтить, что подобное воззрѣніе хлыстовъ — не слова только, а искреннее убѣжденіе, которое они всѣми силами старались оправдать своею жизнью и для облегченія къ выполненію котораго они измыслили особыя религіозныя обряды. Но премѣняютъ естественныя законы, очевидно, не во власти человѣка и хлысты, поэтому, какъ и другіе подобные имъ, скоро должны были горько разочароваться въ своихъ надеждахъ обойти этотъ естественный законъ. Къ тому же путь, избранный ими для осуществленія своей задачи, не только не помогаль имъ, но прямо приводилъ къ противному, — мы разумѣемъ радѣнія хлыстовъ. И, вотъ, уже на самыхъ первыхъ порахъ мы встрѣчаемъ уклоненія отъ главнѣйшаго правила хлыстовской морали: сначала, какъ и слѣдовало ожидать, эти отступленія совершались тайно и выражались въ фактахъ единичныхъ, но потомъ, мало по малу, какъ бы забывъ первое свое ученіе о грѣховности плот-

скаго сожитія вообще и о необходимости избѣгать его, хлысты стали учить, что „только бракъ законный есть блудъ и скверна, яко противный Богу, а то не есть блудъ, когда братъ съ сестрой, по взаимной склонности, имѣють плотскую любовь“ (¹). По-нятно, къ какимъ ужаснымъ и гибельнымъ слѣдствіямъ должно было привести такое ученіе хлыстовъ о брачномъ и внѣбрачномъ сожитіи. Развратъ самый гнусный и противоестественный царилъ вездѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; радѣнія хлыстовъ превратились въ лзыческія вакханаліи; появился обрядъ причащенія сердцемъ и кровію младенцевъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе дикаго неистовства. Такіе именно факты, характеризующіе жизнь хлыстовъ, были обнаружены, какъ извѣстно уже намъ, при производствѣ слѣдствія о московскихъ хлыстахъ въ 1745—1752 годахъ. Соображая то обстоятельство, что эти факты относятся ко времени, несма ближнему къ первому официальному извѣстію о появленіи скопческой секты, т. е. къ 1772 году, можно положительно утверждать, что образъ жизни хлыстовъ не измѣнился къ лучшему, если только еще не ухудшился и къ этому времени. Дѣйствительно, основатель скопческой секты Селивановъ съ особенною силою направлялъ громы своихъ строгихъ и суровыхъ обличеній именно противъ господствовавшего въ средѣ современныхъ ему хлыстовъ разврата или, по его выраженію, „лѣпости“. По словамъ Селиванова, вездѣ, во всѣхъ корабляхъ, куда онъ только ни приходилъ, „всѣ лѣпостию перевязаны; то и наровяты, гдѣ-бы съ сестрою въ одномъ мѣстѣ посидѣть“ (²)....

Хлыстовщина, такимъ образомъ, въ самомъ основномъ своемъ принципѣ, въ своемъ корнѣ, силою роковаго, ничѣмъ неотвратимаго влеченія въ совершен-

(¹) Реутскій, 50 стр.

(²) Чтен. въ общ. ист.... 1864 г. 4. 79 стр.

Но противоположную сторону, пришла въ концѣ концовъ къ самоуничтоженію, къ самоотрицанію. Оставалось, очевидно, или покориться злополучной дѣйствительности, или же найти какой либо исходъ изъ нея, чтобы возрратить хлыстовщинѣ утраченный и забытый идеалъ нравственнаго совершенства. Скопчество и есть именно тотъ путь, которымъ предполагалось возстановить этотъ утраченный хлыстами идеалъ нравственнаго совершенства. Самъ основатель скопческой секты смотрѣлъ на проповѣдуемую имъ „чистоту“ (¹) именно съ этой точки зрѣнія. По его словамъ, „чистота есть отъ всѣхъ слабостей удаленіе, какъ то: въ началѣ отъ женской лѣпости, а потомъ отъ клеветы и зависти, отъ чести и тщеславія, отъ гордости и самолюбія, отъ лжи и празднословія“ (²).... Иначе говоря, Селивановъ полагалъ, что съ удаленіемъ половыхъ органовъ удалятся и страстныя стремленія, не будетъ разврата и чловѣкъ сдѣлается безстрастнымъ подобно ангеламъ; ему тогда не будетъ нужды собирать богатства, такъ какъ роскошь, какъ и всѣ мірскія удовольствія, потеряютъ тогда для него всякую превлекательность. Въ такомъ именно смыслѣ оскотленіе понималось и всѣми тѣми хлыстами, которые принимали его; никто изъ нихъ не думалъ видѣть въ оскотленіи чего-либо противнаго основнымъ началамъ догматическаго и нравственнаго ученія своей секты. Самъ Селивановъ точно также до извѣстнаго времени вовсе не думалъ отдѣляться отъ хлыстовщины и основывать особую, самостоятельную секту. Обстоятельства, однако, измѣнились. Съ одной стороны явилась надобность дать догматическія основанія оскотленію; осуществленіе ея повело Селиванова къ существенному измѣненію ученія хлыстовъ о лицѣ Іисуса Христа. Далѣе, такъ какъ положеніе Селиванова по воз-

(¹) „Чистота“ — аллегорическое названіе оскотленія.

(²) Чтен. въ общ. ист.... 1864 г. 4. 67 стр.

вращеніи изъ Сибири радикально измѣнилось и измѣнилось въ пользу его, то у него явилось уже желаніе образовать изъ своихъ почитателей особое общество, отличное отъ хлыстовщины, главою котораго былъ бы онъ самъ; удовлетворяя этому своему желанію, Селивановъ принялъ имя „втораго христа“, отвергнувъ основную теорію хлыстовъ о „многочисленныхъ воплощеніяхъ Христа“; къ этому имени онъ присоединилъ новый, до этого времени не встрѣчавшійся у хлыстовъ, титулъ царя Петра III-го. Наконецъ, особенное положеніе скопцовъ, какъ гражданскаго общества, повело ихъ къ значительнымъ измѣненіямъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ утверждаются внутреннее благосостояніе общества и внѣшнее его процвѣтаніе. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ измѣненій, касавшихся, какъ очередно, самыхъ важныхъ и существенныхъ сторонъ, было окончательное отдѣленіе Селиванова и его послѣдователей отъ хлыстовщины и образованіе новой секты съ особеннымъ вѣроученіемъ, нравоученіемъ и бытомъ.

Нельзя не видѣть, что скопчество, возникшее на Руси въ XVIII столѣтіи, существенно отличается по своему характеру отъ скопчества древняго. Последнее большею частію возникало случайно. Возникнувъ случайно, оно скоро искоренялось силою внѣшней власти. Русское скопчество XVIII столѣтія, напротивъ, есть явленіе строго историческое, отличающееся, поэтому, жизненностію и многочисленностію послѣдователей. Далѣе, въ прежнее время, какъ мы видѣли, нѣкоторые религіозные фанатики и послѣдователи ученія о необходимости оскотченія, составляли даже общества своихъ единомышленниковъ; но эти общества, по недостатку прочной внутренней и внѣшней организаціи, имѣли самое непродолжительное существованіе; эти общества почти вовсе не имѣли духа сектаторскаго. Скопчество, возникшее на Руси въ XVIII ст., напротивъ, по своему характеру есть секта и притомъ отдѣльная и самостоятельная.

3) Личность основателя скопческой секты: его происхождение и имя; его внѣшній видъ и характеръ.

Въ настоящее время существуютъ три гипотезы о личности основателя скопческой секты. По первой изъ нихъ, высказанной сначала г. Мельниковымъ ⁽¹⁾ и потомъ поддержанной и своеобразно доказываемой г. Реутскимъ ⁽²⁾, основатель скопческой секты есть не кто иной, какъ Андреянъ Петровъ, извѣстный лжехристосъ хлыстовъ, дѣйствовавшій въ періодъ времени отъ 1737 по 1745 гг. и потомъ скрывшійся отъ слѣдствія, возникшаго въ 1745 году по дѣлу о московскихъ хлыстахъ. Несообразность этой гипотезы о личности основателя скопческой секты очевидна изъ сочиненія самого г. Реутскаго, который, стараясь, повидимому, аргументировать свое предположеніе о личности основателя скопческой секты, допустилъ совершенно невольно въ другомъ мѣстѣ того же своего сочиненія одинъ фактъ, который, будучи вѣрнѣйшій самъ по себѣ, ниспровергаетъ, вышеозначенную гипотезу. Такъ, основателю скопческой секты или что то же Андреяну Петрову въ то время, когда послѣдній былъ признанъ богомъ въ кораблѣ Акулины Ивановны (слѣдовательно около 1773 года или по меньшей мѣрѣ около 1770 г.) г. Реутскій даетъ 45 лѣтъ и, пожалуй, справедливо ⁽³⁾. Но спрашивается, сколько же лѣтъ г. Реутскій дастъ Андреяну Петрову, дѣйствовавшему, по словамъ самого же Реутскаго, въ качествѣ главнаго пророка на радвннн въ 1740 году ⁽⁴⁾? По нашему разчисленію времени, Андреяну Петрову въ 1740 году должно было быть или 12-ть, или по большей мѣрѣ 15-ть лѣтъ; но, очевидно, что

⁽¹⁾ Рус. Вѣстн. 1869 г. 3. 389 стр.

⁽²⁾ Исслѣдованіе его, 73—74 стр.

⁽³⁾ Тамъ же, 98 стр.

⁽⁴⁾ Тамъ же, 52—59 стр.

дѣтя, какимъ былъ Андреянъ Петровъ въ 1740 году? не могъ по самымъ естественнымъ причинамъ играть той роли, какую онъ дѣйствительно выполнялъ въ періодъ времени отъ 1737 по 1745 гг. Слѣдовательно, или Андреяну Петрову было въ 1740 году не пятнадцать лѣтъ, а вдвое болѣе и потому въ 1770 году ему было не 45 лѣтъ, а 60-ть, или же самая гипотеза о тождественности Андреяна Петрова и основателя скопческой секты не вѣрна. Мы допускаемъ только послѣдній выводъ, такъ какъ и при томъ предположеніи, что основателю скопческой секты въ 1770 г. было 45-ть лѣтъ, получается число лѣтъ жизни основателя скопческой секты очень значительное, именно 107 лѣтъ; если же теперь присоединить еще 15-ть, то получится 122 года,—число, какъ очевидно, очень невѣроятное и неправдоподобное. Притомъ, въ 1775 г. генераль-прокуроръ Вяземскій въ своемъ письмѣ къ московскому оберъ-полицмейстеру Архарову даетъ Селиванову только 35 лѣтъ; слѣдовательно гораздо меньше, чѣмъ сколько дано ему Реутскимъ въ 1770 году,— что опять доказываетъ полную невозможность видѣть въ основателѣ скопческой секты Андреяна Петрова (¹).— По второй гипотезѣ, высказанной г. Надеждинымъ (²) и потомъ повторявшейся съ различными варіаціями другими, напр. Дмитревскимъ (³), Протопоповымъ (⁴), основатель скопческой секты есть крестьянинъ села Столбова, орловской губерніи, дмитровскаго уѣзда, Кондратій Селивановъ, или Андрей Селивановъ. Отноительно этой гипотезы нужно сказать, что она, по видимому, болѣе другихъ правдоподобна, такъ какъ въ нѣкоторыхъ официальныхъ бумагахъ основатель скопческой секты, дѣйствительно, называется крестья-

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. III. V. 41 стр.

(²) Сбор. Кельсиева. III. 76—77 стр.

(³) Черн. Еп. Вѣд. 1868 г. № 23. 1033 стр.

(⁴) Тр. К. Д. Ак. 1867 г. № 11. 337 стр.

ниномъ села Столбова Кондратіемъ Селивановымъ (¹). Однако, и при этой гипотезѣ остается нерѣшеннымъ, какое дѣйствительное имя носилъ основатель скопческой секты, такъ какъ весьма многіе скопцы въ своихъ показаніяхъ называли его не Кондратіемъ, а Андреемъ (²); иные даже называли его Томою и Ивановомъ, какъ свидѣтельствуется объ этомъ архимандритъ Досіеей (³); въ одно время, именно во время пребыванія въ санктпетербургской городской больницѣ, основатель скопческой секты даже назывался Семеновъ (⁴).—По третьей гипотезѣ, наконецъ, высказанной г. Мельниковымъ при обнародованіи имъ матеріаловъ о скопческой сектѣ, основатель скопческой секты есть подпоручикъ Нотебургскаго пѣхотнаго полка Владиміръ Селивановъ, исключенный изъ службы въ 1757 году (⁵). Эта гипотеза, основанная только на какой-то догадкѣ, что въ царствованіе императора Павла I-го будто бы „въ кievскихъ затворникахъ“ Кондратіѣ и Андрѣ подозревали подпоручика Владиміра Селиванова и сержанта Андрея Аванасьева (⁶); не имѣетъ за собою никакихъ болѣе доказательствъ.

Если Н. Надеждинъ, писавшій свое изслѣдованіе о скопческой ереси въ 1845 году, по вопросу о личности основателя скопческой секты выразился, что „на этомъ лицѣ преимущественно лежитъ глубокій мракъ“ и что „объ немъ въ точности неизвѣстно, не только какого былъ онъ званія и происхожденія, но и какъ назывался“ (⁷), то и въ настоящее время, когда, благодаря изданнымъ г. Мельниковымъ матеріаламъ,

(¹) Чт. въ общ. ист., 1872 г. 3. V. 55 стр.

(²) Показанія соловецкихъ скопцовъ: Овчинникова, Кудимова, Соловнича и др. Чт. въ общ. ист... 1872 г. 1. V. 57, 68, 87 и др. стр.

(³) Тамъ же, 132 стр.

(⁴) Сборн. Кельсѣева, III. 45 стр.

(⁵) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3. V. 60—61 стр.

(⁶) Тамъ же, 33 стр.

(⁷) Сборн. Кельсѣева, III. 76 стр.

исторія скопческой секты значительно выяснилась, слова Надеждина о личности основателя скопческой секты остаются во всей силѣ. Дѣйствительно, трудно что-либо определенное высказать, кто такой былъ основатель скопческой секты; быть можетъ ни одно изъ именъ, извѣстныхъ намъ, не есть дѣйствительное имя основателя скопческой секты. И неудивительно. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ ему—человѣку съ раннихъ лѣтъ привыкшему къ бродяжнической жизни, человѣку, да-дѣ, испытавшему всѣ роды наказаній самыхъ постыдныхъ,—зачѣмъ ему было открывать дѣйствительное свое имя (¹)? Гармонировало ли бы, наконецъ, открытіе имъ своего подлиннаго происхожденія и имени съ божескимъ величіемъ и почестями, какими онъ былъ окруженъ отъ своихъ послѣдователей? Единственные имена, которыми онъ самъ желалъ называться и чтобы другіе называли, были: „батюшка, государь, отецъ, искупитель“ (²); другихъ именъ, касавшихся плотскаго его происхожденія, онъ не желалъ имѣть. Итакъ, даже то предположеніе, допускаемое Надеждинымъ, Мельниковымъ и наконецъ Е. Барсовымъ (³), что основателя скопческой секты нужно называть Кондратіемъ Селивановымъ, по нашему мнѣнію, нельзя считать вѣрнымъ и соответствующимъ дѣйствительному имени и фамиліи основателя скопческой секты; это имя и фамилію можно

(¹) Самъ основатель скопческой секты такъ выразился о своей жизни: «я имѣлъ нужду по всѣмъ городамъ ходить, потому что не могъ нигдѣ головушки своей приклонить, ходилъ въ нищенскомъ образѣ и часто перемѣнялъ платье на себѣ» (Чт... 1864 г. 4. V. 73 стр.). Еще определеннѣе объ этомъ обычаѣ жемскупителя часто перемѣнять свой внѣшній видъ выражается «первый апостолъ» искупителя Грозовъ. По его словамъ, «искупитель изволилъ долгое время катать по соборамъ въ орловской губ. и назывался другимъ именемъ» (Чт... 1872 г. 4. V. 289 стр.).

(²) Чтен... 1864 г. 4. V. 68, 71, 80 и др. стр.

(³) Прав. Обзор. 1873 г. Февр. 329 стр.

только прилагать къ нему, какъ условный знакъ, но не болѣе.

По свидѣтельству официального документа, въ то время, когда основателю скопческой секты было лѣтъ тридцать пять, онъ былъ роста средняго, лицомъ блѣдъ, носъ имѣлъ острый, волосы желторусые и не имѣлъ бороды (¹). Это официальное извѣстiе о внѣшнемъ видѣ основателя скопческой секты подтверждаютъ съ нѣкоторыми вариациями и свидѣтельства неофициальныя. Такъ, по сказанiю одного галацкаго скопца, искупитель скопцовъ былъ „маленькій, худенькій“ (²); нужно, впрочемъ, замѣтить, что послѣднее свидѣтельство относится къ тому времени, когда основателю скопческой секты было уже около семидесяти лѣтъ. Взглядъ у лжеискупителя былъ мягкій, свѣтлый и спокойный, — какъ это можно отчасти видѣть при взглядѣ на его портретъ (³). По словамъ скопца Хорощкѣева, основатель скопческой секты имѣлъ „ликъ благолѣпный“, удостоившiйся даже особеннаго уваженiя со стороны высокопоставленныхъ лицъ (⁴).

Правственный характеръ основателя скопческой секты соотвѣтственно двоякому его внѣшнему положенiю видоизмѣнялся въ своемъ внѣшнемъ обнаруженiи дважды. Въ періодъ борьбы съ хлыстами и преслѣдованiя со стороны правительства основатель скопческой секты является попреимуществу съ отрицательными свойствами: онъ въ высшей степени скрытенъ, необыкновенно хитръ и не менѣе назойливъ. Въ періодъ внѣшняго своего блеска и благоденствiя онъ, напротивъ, обнаруживаетъ въ большинствѣ случаевъ замѣчательную откровенность своихъ мыслей и желанiй, старается казаться добрымъ, мягкимъ и

(¹) Чтен.... 1872 г. 3. V. 40—41 стр.

(²) Отеч. Зап. 1867 г. № 20. 609 стр.

(³) Поликанъ, таблица 1; фиг. 2.

(⁴) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3. V. 88 стр. 70 примѣч.

уступчивымъ старикомъ. Не смотря, однако, на такое очевидное различіе въ характерѣ и настроеніи основателя скопческой секты, обуславливавшаея внѣшними, чисто случайными обстоятельствами, общій характеръ его съ своими природными индивидуальными чертами оставался всегда одинъ и тотъ же.

Нельзя отказать основателю скопческой секты въ значительныхъ природныхъ умственныхъ дарованіяхъ. Правда, эти послѣднія не получили должнаго развитія, а будучи направлены въ совершенно превратную сторону, онѣ настолько исказились и настолько потеряли свои природныя достоинства, что присутствіе ихъ вовсе не замѣчается. Вслѣдствіе этого, основатель скопческой секты скорѣе является для посторонняго наблюдателя человѣкомъ лишеннымъ здраваго смысла, идиотомъ, чѣмъ человѣкомъ обладающимъ хотя бы незначительною долею ума и человѣчныхъ понятій. Но что, дѣйствительно, основатель скопческой секты былъ далеко человѣкъ не глупый, въ этомъ убѣждаютъ насъ, съ одной стороны, его „посланіе“ и „письма“, безъ сомнѣнія, написанныя имъ самимъ⁽¹⁾, а съ другой—вся его жизнь, полная приключеній, и дѣятельность, требовавшая слишкомъ много практической мудрости и сообразительности, чтобы достигнуть конечной цѣли и сдѣлать имя свое памятнымъ для потомства. Читая напр. „посланіе“ лжеискупителя нельзя не видѣть, что оно, будучи лишено всякой системы и логической послѣдовательности въ изложеніи мыслей, тѣмъ не менѣе способно произвѣсти самое благоприятное впечатлѣніе на массу; оно написано съ чувствомъ и увлекательностію; въ этомъ, очевидно, заключается причина его успѣха между простолюдинами. Еще болѣе говорить въ пользу

⁽¹⁾ Что основатель скопческой секты умѣлъ читать и писать, въ этомъ убѣждаетъ показаніе крестьянина Гаврилова (Чтен.. 1872 г. 3. V. 47 стр.). Слѣдовательно, лжеискупитель могъ написать и свое посланіе и письма.

ума основателя скопческой секты его жизнь и дѣятельность. Въ самомъ дѣлѣ, нужно много умѣнья, чтобы отклонить отъ себя нѣсколько разъ грозившую опасность быть схваченнымъ и отданнымъ въ руки правосудія. Во время своего пребыванія въ домѣ крестьянина Пшеничнаго лжеискупитель умѣлъ, на примѣръ, отвести глаза старостѣ и прочимъ крестьянамъ, искавшимъ его четыре раза и, притомъ самымъ блистательнымъ образомъ ⁽¹⁾. Еще болѣе проглядываетъ эта практическая сообразительность основателя скопческой секты въ фактѣ его бѣгства изъ Сибири и потомъ прибытія въ Петербургъ. Живя въ Петербургѣ около 20-ти лѣтъ, онъ обратилъ на себя вниманіе такихъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ князь Голицынъ, Поповъ, Пилецкій и проч., которые вступали съ нимъ въ бесѣды и всегда были отъ него въ восхищеніи. О Поповѣ извѣстно, что онъ восторгаясь разсужденіями лжеискупителя, воскликнулъ: „Господи! Если бы не скопчество, то за такимъ человѣкомъ пошли бы полки полками ⁽²⁾. Даже самъ государь Александръ осчастливилъ его своимъ посѣщеніемъ.

Религіозно-нравственныя убѣжденія основателя скопческой секты, при всей ихъ чудовищности и очевидной нелѣпости, имѣютъ, однако, то неоспоримое достоинство, что они были вполнѣ искренни и чужды всякихъ матеріальныхъ расчетовъ и цѣлей. Основатель скопческой секты дѣйствовалъ только ради одной идеи спасти погибавшихъ въ развратѣ хлыстовъ и утвердить между ними свое ученіе о необходимости оскотленія. Такъ смотрѣлъ на свою жизнь самъ лжеискупитель, какъ очевидно изъ многихъ мѣстъ его „Посланія“, ⁽³⁾, такъ позволяетъ смотрѣть и дѣй-

(1) Чтен. въ общ. ист.... 1872 г. 3. V. 150—154 стр.

(2) Тамъ же, 88 стр. 70 примѣч.

(3) Тамъ же, 1864 г. 4. V. 67, 70, 73 и проч.

ствительная исторія его жизни. Ничто такъ особенно не радовало лжеискупителя, какъ извѣстія о приобрѣтеніи новаго прозелита. Вотъ, между прочимъ, два разсказа объ этомъ, переданныя Андреяновымъ. Лжеискупитель, говоритъ Андреяновъ, всегда имѣлъ обыкновеніе спрашивать у приходящихъ: „убѣленъ ли такой-то и умѣетъ ли радѣть?“ и когда ему отвѣчали, что убѣленъ и умѣетъ радѣть, говорилъ: „ну дай, Господи! Дѣтушки, тотъ у меня и архіерей, кто стоитъ у моихъ дверей; тотъ у меня, отца, и генераль, кто плоть свою не замаралъ“. Напутствуя разными благожеланіями своего апостола Алексѣя Громова, лжеискупитель, между прочимъ, говорилъ ему: „Алексѣе, сыне! Я, отецъ, посылаю тебя на цѣлую губернію, и если ты встрѣтишься дорогою съ человѣчкомъ, то и подай ему словечко, а онъ тебѣ, можетъ быть повѣритъ, и такъ рыбка по рыбкѣ, будетъ у тебя полонъ неводъ“⁽¹⁾. Будучи твердо убѣжденъ въ истинности извѣстныхъ хлыстовскихъ нравственныхъ понятій, основатель скопческой секты проводилъ ихъ въ свою жизнь, какъ можно думать, съ большою охотою и энергіею. По крайней мѣрѣ, исторія не сохранила намъ примѣровъ его лицемерія и нарушенія имъ правилъ, внушаемыхъ хлыстовскою моралью. Напротивъ, существуетъ нѣсколько изрѣченій лжеискупителя, изъ которыхъ можно видѣть, что онъ самъ ставилъ впереди всего добрую жизнь и усердіе въ исполненіи нравственныхъ обязанностей. Такъ, по разсказу Андреянова, лжеискупитель нерѣдко говаривалъ своимъ дѣтушкамъ: „дѣтушки, вы не только словами, но и образомъ жизни, людишкамъ показывайте примѣры“⁽²⁾! Однажды, когда пришли къ нему нѣкоторые, имѣвшіе обыкновеніе носить на себѣ вериги и спрашивали его — стоитъ ли носить ихъ, онъ отвѣ-

(1) Чт. въ общ. ист.... 1872 г. 3. К. 301 и 311 стр.

(2) Тамъ же, 304 стр.

чалъ: „въ иное время носите, а въ другое—подъ лавку кладите! Мои дѣтушки носятъ тайные вериги“ (1). Такимъ образомъ, живя самъ по правиламъ своей секты, основатель скопческой секты побуждалъ къ тому и другихъ. Здѣсь нельзя не отмѣтить еще одной черты изъ характера скопческаго лжеискупителя. Въ то время, когда „искупителивы слуги“, окружавшіе его въ Петербургѣ, обогащались на счетъ щедрыхъ приношеній со стороны богатыхъ посѣтителей и посѣтительницъ и наживали себѣ тысячи, онъ самъ, повидимому, вовсе не интересовался денежными приношеніями и, кажется, ничего изъ нихъ не обращалъ въ свою пользу. Самый образъ жизни его былъ необыкновенно простой и въ то же время весьма привлекательный для окружавшихъ его. Одинъ изъ галацкихъ скопцовъ, бывшій, по его словамъ, слугою у искупителя, такъ рассказывалъ В. Кельсіеву про домашнюю жизнь лжеискупителя. „Спалъ онъ на доскахъ; только простыней, бывало, ихъ накроетъ. И ѣлъ мало—самую малость. Когда яблоко откусить, вишенку съѣсть, землянички попробуетъ.... Въ чемъ и душа держалась! Точно восковой — царская порода, извѣстно, деликатная. Молчаливъ былъ очень. Сидитъ, бывало, у столика—ручки сложить крестомъ, пальчиками крестное знаменіе, обѣими руками, и голову на нихъ положить—значить, молится. И такъ цѣлые часы, а не то и цѣлые дни сидитъ“ (2). Отношенія лжеискупителя къ подчиненнымъ проникнуты были духомъ любви и гуманности. Нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе ловкихъ и способныхъ, онъ приблизилъ къ себѣ и употреблялъ на дѣло своей преступной пропаганды. Не меньшимъ благорасположеніемъ со стороны лжеискупителя пользовались и отчаяннѣе пьяницы и солдаты. О первыхъ онъ выражался такъ:

(1) Чт. въ общ. вѣст.... 1872 г. З. V. 301, 302, 307 стр.

(2) Отеч. Зап. 1867 г. № 20. 699 стр.

„у меня, отца, много дѣтушекъ валяется за кабаками; а пьяницъ-то мнѣ жаль“ (1). Къ послѣднимъ же онъ относился съ любовію и называлъ ихъ своими „вѣрными слугами“ (2). Весьма понятно, почему онъ относился къ нимъ такъ дружески; въ тѣхъ и другихъ, очевидно, онъ видѣлъ вѣрныя жертвы своего фанатическаго изувѣрства. Таково же отношеніе его было къ хлыстамъ и по тѣмъ же причинамъ. Онъ, по свидѣтельству Андреянова, называлъ ихъ „божьими людьми и приказывалъ своимъ скопцамъ принимать ихъ подъ покровъ свой“ (3).

Изъ представленнаго нами краткаго очерка характера основателя скопческой секты отчасти становится понятнымъ тотъ необыкновенный успѣхъ, какой имѣлъ основатель скопческой секты на поприщѣ своей преступной дѣятельности. Онъ сумѣлъ счастливо соединить въ себѣ, съ одной стороны, необыкновенную хитрость и изворотливость ума, умѣнье выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ и, повидимому, неразрѣшимыхъ обстоятельствъ, а съ другой—мягкость, добродушіе и пріятность въ обращеніи съ окружающими лицами. Первые качества помогли ему выдти изъ отчаянной и продолжительной борьбы (и съ хлыстами и съ правительствомъ) совершеннымъ побѣдителемъ, а вторыя—пріобрѣли ему массу легковѣрныхъ и мало-разумныхъ послѣдователей.

4) Начало исторіи скопческой секты, общій взглядъ на нее и раздѣленіе ея.

Скопческая секта по своему происхожденію тѣсно связана съ личностію Селиванова. Отсюда, опредѣлять начало исторіи скопческой секты — значить

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3. V. 302 стр.

(2) Тамъ же,—2. V. 200 стр.

(3) Тамъ же,—3. V. 305 стр.

тоже, что и опредѣлять начало сектаторской дѣятельности Селиванова. По нашему мнѣнію, начало дѣятельности послѣдняго относится ко времени, непосредственно слѣдовавшему за первымъ официальнымъ дознаніемъ о появленіи въ деревнѣ Богдановкѣ тринадцати скопцовъ. Поэтому-то предположеніе всѣхъ изслѣдователей скопческой секты, что будто бы факты, описанные скопческимъ лжеискупителемъ въ его „страдахъ“, нужно относить къ періоду времени ранѣе 1772 года⁽¹⁾, по нашему мнѣнію, несправедливо. Это наше мнѣніе основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Во-первыхъ, „страды“, которыя представляютъ единственный источникъ для перваго періода исторіи скопческой секты, ни одного слова не сообщаютъ объ Андрѣ Ивановѣ, хотя тѣже „страды“ сообщаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ Александрѣ Ивановичѣ Шиловѣ, о Романушкѣ, объ Аверьянушкѣ и проч. Молчаніе „страды“ объ Андрѣ Ивановѣ объясняется именно тѣмъ, что дѣятельность его не входила въ исторію дѣятельности Селиванова, которая началась нѣсколько позже слѣдственнаго дѣла, бывшаго въ 1772 году. Иначе говоря, если бы „страды“, описанныя Селивановымъ, происходили до 1772 г. и если бы Селивановъ, дѣйствительно, послѣ нихъ сошелся съ Андреемъ Ивановымъ и вмѣстѣ съ нимъ едва не подвергся наказанію въ 1772 году, то очевидно, что онъ долженъ былъ бы упомянуть и объ Андрѣ Ивановѣ; иначе умолчаніе о такомъ важномъ для скопчества лицѣ необъяснимо. Во-вторыхъ, странны и непонятны будутъ факты, описанные Селивановымъ въ „страдахъ“, въ родѣ напр. того, какъ онъ скрывался въ соломѣ, въ полѣ и проч., если все это происходило до 1772 года; странны и непонятны потому, что нѣтъ дѣйствительныхъ побудительныхъ причинъ къ такому поведенію Селиванова; событіе же

(1) Такъ смотрятъ Мельниковъ, Рѣуцкій и др.

1772 года прямо вызывало Селиванова на такіе именно поступки. И такъ, „страды“ лжеискупителя начинаются не до 1772 года, а съ 1772 года и, именно, послѣ перваго официальнаго дознанія о появленіи въ деревнѣ Богдановкѣ тринадцати скопцовъ. Съ этого именно времени должно начинать и исторію скопческой секты.

Начавшись съ 1772 года, исторія скопческой секты уже не прерывается, видоизмѣняясь только по внутреннему и внѣшнему характеру. Первоначально дѣйствуетъ самъ Селивановъ въ союзѣ съ Шиловымъ и другими лицами. Онъ постепенно проводить въ сознаніе хлыстовъ идею о необходимости оскотленія; ведетъ съ ними продолжительную и упорную борьбу, пока, наконецъ, озлобившіеся хлысты ни отдають его въ руки правосудія. Религіознаго фанатика и преступника наказываютъ и отправляютъ въ Сибирь. Сѣмя, брошенное Селивановымъ въ трехъ сосѣднихъ между собою губерніяхъ, не только не уничтожается, но приноситъ обильный плодъ. Скопцы, появившіеся въ губерніяхъ орловской, тульской и тамбовской, распространяются и по другимъ губерніямъ—курской, калужской, являются въ Москвѣ и московской губерніи, въ Петербургѣ и въ петербургской губерніи и въ Ригѣ. Возрастая въ массѣ, скопцы плотно соединяются между собою и оказываютъ значительную помощь къ возвращенію сосланнаго Селиванова. Послѣдній съ своей стороны, пользуясь широкою свободою во время своего пребыванія въ Иркутскѣ, не упускаетъ перваго же удобнаго случая совершить бѣгство. Въ 1795 году онъ уже является въ московской губерніи подъ именемъ „трудника“ и „государя Петра Феодоровича“; въ 1797 году его снова арестуютъ въ Москвѣ и отправляютъ въ Петербургъ, гдѣ онъ до 1802 года безотлучно пребываетъ въ Обуховскомъ домѣ. Въ 1802 году Селивановъ получаетъ полную свободу; онъ дѣлается главою всѣхъ петербургскихъ скопцовъ; такимъ же его

признають и скопцы другихъ губерній, которые, поэтому, нерѣдко предпринимають путешествія въ Петербургъ. Петербургское общество скопцовъ достигаетъ высшаго развитія какъ внутренняго, такъ и внѣшняго. Такъ продолжается до 1820 года. Съ другой стороны, и иногородные скопцы, находясь въ постоянной связи съ Петербургомъ, и мечтая о скоромъ воцареніи своего „искупителя и царя Петра Θεодоровича“ Селиванова, еще болѣе пропагандируютъ скопчество, которое теперь охватываетъ половину Россіи. Въ 1820 году Селиванова отправляютъ въ суздальскій Спасо-евѣиміевъ монастырь. Здѣсь онъ проводитъ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ своей жизни, до 1832 года. Однако, и изъ заключенія своего онъ находитъ средства оказывать вліяніе на своихъ послѣдователей. Скопцы ни мало не уничтожаются въ своемъ числѣ, но еще болѣе увеличиваются, заноса свою заразу въ новыя мѣстности.—По смерти Селиванова скопчество нисколько не ослабѣваетъ въ своемъ развитіи; почти ежегодно открывается рядъ судебныхъ процессовъ о скопцахъ. Многіе изъ послѣднихъ во избѣжаніе наказаній оставляютъ добровольно отечество и поселяются за границу. Такимъ образомъ, образуется цѣлое общество русскихъ выходцевъ-скопцовъ въ Румыніи. Въ послѣдней и, именно въ Галацѣ, обнаруживается между скопцами реформаторское движеніе въ началѣ 70-хъ годовъ, имѣвшее цѣлію возбужденіе упавшаго религіознаго фанатизма и исправленіе быта скопцовъ. Движеніе это сообщается и южнымъ губерніямъ Россіи, но вліяніе его на общее теченіе жизни скопцовъ вслѣдствіе кратковременнаго существованія самаго движенія было весьма незначительно.

Расчленивъ теперь общую схему исторіи скопческой секты на составляющія ее части и, принимая во вниманіе главнѣйшія событія изъ жизни Селиванова, мы можемъ раздѣлить всю исторію скопческой секты на пять главъ. Первая глава будетъ

обнимать дѣятельность основателя скопческой секты въ союзѣ съ другими до 1775-го г.; вторая — дѣятельность его послѣдователей и обстоятельства возвращенія Селиванова изъ Сибири, закончившагося заключеніемъ въ Обуховскій домъ и безвѣстною жизнію въ немъ до 1802 года; третья — жизнь и дѣятельность Селиванова въ Петербургѣ до 1820 года и состояніе скопчества въ другихъ губерніяхъ за это время; четвертая — жизнь и дѣятельность Селиванова въ суздальскомъ монастырѣ до 1832 года и состояніе скопчества въ другихъ губерніяхъ за это время; наконецъ, пятая — будетъ обнимать изложеніе важнѣйшихъ судебныхъ процессовъ о скопцахъ до послѣдняго времени и исторію мелитопольскаго дѣла или такъ называемаго „новоскопчества“. При изложеніи общаго состоянія скопчества въ различныхъ губерніяхъ мы естественно будемъ указывать только главнѣйшіе центры скопчества и излагать такія событія, которыя такъ или иначе могутъ характеризовать секту скопцовъ.

I.

1772—1775 гг.

Прослышавъ, вѣроятно, заранѣе о томъ, что оскотленіе тринадцати человекъ села Богдановки получило огласку и уже назначено судебное слѣдствіе, Селивановъ позаботился скрыться отъ грозящей опасности. Едва только Волковъ явился на мѣсто происшествія, другаго „главнаго зачинщика“ уже не стало, онъ убѣжалъ невѣдомо куда и самое имя его осталось „неизвѣстнымъ“. Гдѣ и какъ этотъ „неизвѣстный“ скрывался, объ этомъ онъ рассказываетъ самъ въ своихъ „страдахъ“. Опасаясь, очевидно, быть выданнымъ въ руки правосудія, „неизвѣстный“ не искалъ убѣжища въ домахъ негостепріимныхъ жителей села Богдановки. Минуя послѣднихъ, онъ спрятался въ

ямъ, въ которую, по его словамъ, „бросали всякую падалъ“ и въ ней пролежалъ трое сутокъ, „не пивши и не ѣвши“; потомъ приютился во ржи, гдѣ пробылъ десять сутокъ; здѣсь, рассказываетъ лжеискупитель, сильно утомившись, я легъ и заснулъ; проснувшись, увидѣлъ около себя волка, хищнически устремившаго на меня свои глаза; но я ему сказалъ: „поди въ свое мѣсто! и онъ послушался меня и пошелъ“. Находилъ себя „неизвѣстный“ убѣжище и въ соломѣ, въ которой онъ пролежалъ двѣнадцать сутокъ. Вѣроятно голодъ и жажда, а быть можетъ и нѣсколько утихшая буря судебныхъ розысковъ, побудили его перейти въ домъ „божьяго человѣка“, т. е. хлыста. На него, однако, доказали и пришли, поэтому, съ обыскомъ; лжеискупитель спасся въ пеньковомъ снопѣ. Перешедши затѣмъ къ другому „божьему человѣку“, онъ и тутъ не нашелъ себѣ покоя: явились съ новымъ обыскомъ и лжеискупитель едва спасся подъ свинымъ корытомъ⁽¹⁾. Розыски, наконецъ, прекратились и Селивановъ могъ свободно вздохнуть. Хлысты, которыхъ, очевидно, было громадное количество въ тогдашней орловской губерніи, во время розысковъ прекратившіе свои радѣнія, теперь, съ удаленіемъ опасности, еще съ большимъ энтузіазмомъ предались своимъ неистовствамъ. Въ нынѣшнемъ орловскомъ уѣздѣ находился знаменитый въ то время корабль Акулины Ивановны⁽²⁾. Основываясь на „страдахъ“, можно думать, что этотъ корабль былъ одинъ изъ многолюднѣйшихъ; онъ

(1) Чт. въ общ. ист... 1864 г. 4. V. 73—74 стр.

(2) Дмитревскій (Черн. Еп. Вѣд. 1869 г. № 7. 283 стр.) полагаетъ, что корабль Акулины Ивановны находился въ тульской губерніи; но это мнѣніе ошибочно. Правда, что въ „страдахъ“ не сказано, гдѣ находился корабль Акулины Ивановны, но рассказы, а равно и одна пѣсня скопцовъ убѣждаютъ въ томъ, что этотъ корабль находился въ нынѣшнемъ орловскомъ уѣздѣ. Такъ, въ донесеніи Андреянова читаемъ: „искупитель духовно родился въ городѣ Орлѣ, отъ чистыхъ дѣвы, матушки Акулины Ивановны (Чт... 1872 г. 3. V. 209 ст.). Тоже самое говорится и въ сохранившейся пѣснѣ скопцовъ:

вмѣшалъ въ себѣ, по сказанію „страдъ“, тысячу чело-
 ловѣкъ. Главными заправителями этого корабля были
 Акулина Ивановна и Анна Романовна. Первая, какъ
 можно видѣть изъ „страдъ“, пользовалась большимъ
 почетомъ и уваженіемъ со стороны хлыстовъ; она на-
 зывалась у хлыстовъ не иначе какъ „матушкой“, „по-
 мощницей“, „дорогой полковницей“, „владычицей“ и
 т. п. Ея мнѣніе было рѣшающимъ; она, такъ сказать,
 санкционировала всѣ предпріятія хлыстовъ. Въ описы-
 ваемое нами время она достигла уже глубокой ста-
 рости, и, вѣроятно, по причинѣ послѣдней мысль ея
 работала плохо и воображеніе было очень слабо. По
 крайней мѣрѣ, такого рода фактъ, какъ удивленіе и
 разглашеніе тайны всякому безъ разбора, сообщенной
 ей лжеискупителемъ и состоящей въ томъ, что онъ,
 лжеискупитель, есть сынъ божій, и рожденъ отъ нея,
 пречистой дѣвы ⁽¹⁾, свидѣтельствуетъ о томъ, что вре-
 мя служенія ея на пользу хлыстовщины прошло по
 причинамъ естественнымъ.—Анна Романовна облада-
 ла всѣми качествами, чтобы пріобрѣсти себѣ громкую
 извѣстность и глубокое уваженіе не только со сто-
 роны хлыстовъ, но и всѣхъ вообще жителей той мѣст-
 ности, гдѣ находился корабль Акулины Ивановны.
 По сказанію „страдъ“, она обладала необыкновенною
 способностію прекрасно „радѣть“, сопровождала свои
 радѣнія различными конвульсивными движеніями и
 вскрикиваніями,—что особенно нравится и дорого цѣ-
 нится хлыстами. Далѣе, Анна Романовна одарена

«Какъ ты, нашъ государь,
 Ликоваль, свѣтъ, на землѣ,
 Въ верховной сторонѣ,
 Въ славномъ городѣ Орлѣ,
 У матушки Акулины Ивановны на дворѣ,
 Въ большомъ кораблѣ» (Тамъ же—2. V. 41—42 стр.).

Трудно и даже невозможно опредѣлить, въ какой именно части орлов-
 уѣзда находился этотъ корабль.

(1) Чтен. въ общ. ист... 1864 г. 4. V. 79 стр.

была отъ природы способностію угадывать нѣкоторыя физическія явленія, которыя были особенно важны для жителя тѣхъ мѣстностей, но были для него загадочны и таинственны. По словамъ лжеискупителя, она „узнавала въ морѣ и рѣкахъ, когда будетъ рыбный ловъ, и въ поляхъ хлѣбу урожай“. Этого послѣдняго вполне было достаточно, чтобы имя ея сдѣлалось популярнымъ и чтобы къ ней приходили изъ разныхъ мѣстъ съ вопросами о томъ: „сѣять ли нынѣшній годъ хлѣбъ? а также о рыбѣ: ѣздить ли ловить или нѣтъ“ (1)? Въ этотъ-то знаменитый корабль и прибылъ Селивановъ послѣ долгихъ и мучительныхъ испытаній, какимъ онъ подвергся въ слѣдствіе бывшихъ судебныхъ розысковъ (2). Можно думать, что лжеискупитель гораздо ранѣе зналъ о существованіи этого корабля, а равно и о его заправительницахъ—такихъ важныхъ и авторитетныхъ особахъ, какими были Акулина Ивановна и Анна Романовна. Первымъ дѣломъ Селиванова по прибытіи его въ корабль было посѣщеніе хлыстовскаго радѣнія. Случилось такъ, что радѣніе въ этотъ разъ было весьма многолюдное (до восьмидесяти человѣкъ) и особенно оживленно; главною пророчицею, заправлявшею радѣніемъ, была Анна Романовна. Въ моментъ самаго разгара радѣнія, когда радѣющіе пришли въ энтузіазмъ и полный азартъ,

(1) Чтен. въ общ. ист... 1864 г. 4 № 76 стр.

(2) Г. Реутскій полагаетъ, что Селивановъ прибылъ въ корабль Акулины Ивановны вмѣстѣ съ Мартынушкою (Исслѣдованіе его—98—99 стр.). Предположеніе это не вѣрно, потому что, какъ очевидно изъ всей исторіи, съ Мартынушкой Селивановъ сошелся позже и дѣйствовалъ съ нимъ въ тульской губерніи, какъ послѣднее очевидно изъ «страды» (Чтен. въ общ. ист... 1864 г. 4 № 74 стр.). Впрочемъ, предположеніе это покоится на другомъ предположеніи г. Реутскаго, что двое бродягъ, ходившіе въ орловской округѣ и оскотившіе 13-тъ человѣкъ села Богдановки, были Андрей Ивановъ, т. е. основатель скопческой секты, и Мартинъ Родіоновъ (96—98). Такъ какъ послѣднее предположеніе, какъ мы видѣли, не вѣрно, то и о первомъ нужно сказать тоже.

печально и совершенно неожиданно является въ собраніе странный и никому неизвѣстный человѣкъ и садится у порога комнаты. Анна Романовна, вѣроятно изрекавшая въ это время „общую судьбу“, „вдругъ вся встрепенулась“; такъ передаетъ самъ лжеискупитель. Причина испуга понятна: Анна Романовна полагала, что явившаяся неожиданно личность есть кто либо изъ агентовъ, который имѣлъ цѣлю захватить всѣхъ радѣющихъ. Такъ какъ, однако, такое предположеніе не оправдалось, но, напротивъ, она замѣтила въ пришедшемъ что-то особенно таинственное, то также быстро и мгновенно мысль ея перенеслась совершенно въ противную сторону: въ порывѣ экзальтаціи, она безсознательно, обратившись къ пришедшему, произнесла: „самъ богъ пришелъ, теперь твой конь бѣлъ и смиренъ“⁽¹⁾! Между тѣмъ, наступило время искать, въ комъ „живетъ Богъ“. Пророки, посланные Анною Романовною, долго искали этого „бога“, но никакъ не могли отыскать, въ комъ онъ въ данное время находился. Тогда Анна Романовна, обратившись къ пришедшему, сказала: „вотъ гдѣ Богъ живетъ“! Выдвинувши затѣмъ на средину комнаты сундукъ, она сѣла на него, посадила съ собою и „живаго бога“, и обратилась съ такою пророчесвенною рѣчью къ послѣднему: „ты одинъ откупишь всѣхъ иностранныхъ земель товары, и будутъ у тебя оныя спрашивать, но ты никому не давай и не показывай, и сиди крѣпко на своемъ сундукѣ, а теперь же тебя хотятъ всѣ предать; но хотя ты будешь и сосланъ далеко, и наложатъ на тебя оковы на руки и на ноги, но, по претерпѣннн великихъ нуждъ, возвратишься въ Россію, и потребуешь всѣхъ пророковъ къ себѣ на лицо, и станешь судить ихъ своимъ судомъ. Тогда тебѣ всѣ цари, короли и архіереи поклонятся и отдадутъ

(1) Чтен. въ общ. ист.... 1864 г. 4 № 76 стр.

великую честь, и пойдуть къ тебѣ полки полками“⁽¹⁾. Конечно, такой рѣчи Анна Романовна не могла произнести и эта рѣчь, очевидно, есть послѣдующая вставка самого Селиванова. Но фактъ торжественнаго признанія Селиванова „богомъ“ и притомъ во время радѣнія, какъ будто бы подъ наитіемъ Духа, долженъ былъ имѣть для него громадное значеніе. И это тѣмъ болѣе, что въ послѣдующее время отношенія между нимъ и Анною Романовною не только не измѣнились, но даже приняли характеръ дружбы. Анна Романовна часто бесѣдовала съ лжеискупителемъ и въ одну изъ такихъ бесѣдъ вздумала „привести его въ путь“, т. е. формально обратить въ общество хлыстовъ. Едва она взяла крестъ, чтобы благословить лжеискупителя, послѣдній, къ великому изумленію пророчицы, открылъ свои уста и въ первый разъ обратился къ ней съ рѣчью, чего онъ до этого времени не дѣлалъ, притворяясь нѣмымъ. Пророчица впала въ обморокъ, такъ какъ на нее „накатилъ мой духъ“, прибавляетъ лжеискупитель, и въ волненіи отъ страха стала говорить: „о, господи!..... о, куды твой богъ великъ!“ и затѣмъ будто-бы рассказала ему свое видѣніе, состоящее въ томъ, что онъ „богъ надъ богами, царь надъ царями, пророкъ надъ пророками“⁽²⁾. Мало того; онъ даже вошелъ въ ближайшія родственныя связи съ заправительницею корабля Акулиною Ивановною. Послѣдняя признала въ немъ своего „сына божія“, „рожденнаго отъ нея“, „пренепорочныя дѣвы“, „по наитію св. Духа“⁽³⁾. Такимъ образомъ, Селивановъ нашелъ въ кораблѣ Акулины Ивановны самый дружественный, быть можетъ, имъ неожиданный пріемъ. Поэтому неудивительно, что онъ остался жить въ немъ и съ него же началъ свою проповѣдь объ

(1) Чт. въ общ. вст... 1864 г. 4. V. 76--77 стр.

(2) Тамъ же, 77 стр.

(3) Тамъ же, 86 стр.

оскопленіи. Однако, прежде чѣмъ приступить къ послѣднему, онъ позаботился подыскать соответствующаго своимъ планамъ и намѣреніямъ человѣка. Въ этомъ важномъ дѣлѣ оказалъ лжеискупителю значительную помощь Романушка, находившійся въ томъ же кораблѣ Акулины Ивановны. Онъ сдѣлался посредникомъ между нимъ и Александромъ Ивановичемъ Шиловымъ.

Александръ Ивановичъ Шиловъ или иначе Омичевъ былъ крестьянинъ тульской губерніи, но изъ какого уѣзда и села—достоверно неизвѣстно. По устно передаваемымъ рассказамъ скопцовъ, а равно и по надгробной надписи, находившейся на памятникѣ ⁽¹⁾, обыкновенно считаютъ его уроженцемъ алексинскаго уѣзда, села Маслова. Однако, противъ этого положенія говорятъ нѣкоторые официальные документы. Изъ послѣднихъ видно, что Александръ Шиловъ происходилъ не изъ алексинскаго уѣзда, села Маслова, а изъ тульского, села Васильевскаго и былъ крѣпостнымъ крестьяниномъ помѣщика Н. Маслова ⁽²⁾. Трудно, конечно, опредѣленно сказать, которое изъ двухъ мнѣній о происхожденіи Шилова заслуживаетъ большаго вѣроятія. По свидѣтельству нѣкоторыхъ скопцовъ, Александръ Шиловъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей ⁽³⁾. Но, какъ можно думать на основаніи „страдъ“ лжеискупителя и на основаніи послѣдующей исторіи Шилова, ему не могла нравиться семейная жизнь, какъ грѣховная и противная Богу, по его взгляду. Оставивъ, поэтому, жену, дѣтей и хозяйство, онъ отправился отыскивать „истинную вѣру“. Вѣроятно, послѣдняя сильно занимала его умъ; онъ, по словамъ лжеискупителя, „произошелъ всѣ вѣры, и былъ перекрещенецъ, и во всѣхъ вѣрахъ былъ учителемъ“, но

⁽¹⁾ Сборн. Кельсиева, Ш. 99 и 105 стр.

⁽²⁾ Заря. 1871 г. № 5. 31—32 стр.

⁽³⁾ Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 182 стр.

ни одна изъ этихъ вѣръ не удовлетворяла его. Вездѣ, куда онъ ни приходилъ и гдѣ онъ ни жилъ, онъ постоянно высказывалъ всѣмъ и каждому свое разочарованіе: „не истинна наша вѣра и постоять не за что. О, если бы нашелъ самую истинную вѣру Христову, то бы не пощадилъ своей плоти, радъ бы головушку за оное сложить, и отдалъ бы плоть свою на мелкія части раздробить“ (¹). Въ тщетныхъ и мучительныхъ поискахъ истинной вѣры, Александръ Ивановичъ прибылъ, наконецъ, въ знаменитый и прославленный всѣми окрестными жителями корабль Акулины Ивановны, думая, конечно, найти тутъ предметъ своего страстнаго желанія. Предчувствіе Александра Ивановича не обмануло его; онъ скоро нашелъ удовлетвореніе своей религіозной потребности, хотя и не прямо изъ корабля Акулины Ивановны.

Жившій въ кораблѣ Акулины Ивановны Селивановъ давно съ нетерпѣніемъ ожидалъ подходящаго человѣка. Нужно предполагать поэтому, что лишь только явился въ корабль Акулины Ивановны Шилловъ, лжеискупитель, наблюдавшій за всѣми вновь являющимися лицами, обратилъ и на него свое вниманіе, и такъ какъ онъ, быть можетъ, произвелъ благопріятное впечатлѣніе на лжеискупителя, то послѣдній поспѣшилъ сдѣлать относительно его надлежащія справки (²): Справки дали самые выгодные результаты. Съ своей стороны и Александръ Ивановичъ, искавшій во всякомъ незнакомцѣ своего ора-

(¹) Чтен. въ общ. ист.. 1864 г. 4 № 77 стр.

(²) «Страды» не говорятъ, гдѣ именно происходило призваніе Селивановымъ Александра Ивановича. Хотя г. Протопоповъ и полагаетъ, что Ал. Ивановичъ былъ призванъ лжеискупителемъ въ Тулѣ (Тр. К. Д. А. 1869 г. № 11. 337 стр.), но съ такимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Какъ очевидно изъ разсказа о призваніи А. Ивановича, при этомъ призваніи принимала участіе и Акулина Ивановна. Но Акулина Ивановна жила въ орлов. губ., слѣд. и призваніе совершалось въ послѣдней и именно въ кораблѣ Акулины Ивановны.

кула, также вѣроятно заинтересовался личностію лжеискупителя и также собралъ необходимыя свѣдѣнія о послѣднемъ. Такимъ образомъ, гораздо прежде, чѣмъ высказали другъ предъ другомъ свои желанія и стремленія, они уже узнали другъ друга; стоило теперь только какой-либо сторонѣ сдѣлать рѣшительный шагъ къ соединенію и мучительная загадка обоихъ рѣшалась. Шагъ этотъ былъ сдѣланъ со стороны лжеискупителя. Онъ „черезъ свои искупительскія уста“ сказалъ: „Романушка, поди, любезный, къ одному человѣку, зовуть его Александромъ Ивановичемъ, и объяви ему о моемъ спасеніи и истинной вѣрѣ, а онъ давно ищетъ и оною желаетъ на путь истинный прійти“⁽¹⁾. Романушка, нимало не медля, пошелъ къ Александру Ивановичу и объявилъ ему то, что приказано было Селивановымъ. Александръ Ивановичъ не тотчасъ принялъ предложеніе лжеискупителя; онъ какъ будто не повѣрилъ словамъ Романушки и выразилъ поэтому желаніе видѣть лжеискупителя лично. Селивановъ, конечно, не заставилъ долго ожидать себя; онъ немедленно же отправился къ Александру Ивановичу и едва только, рассказываетъ лжеискупитель, я подошелъ къ его дому, онъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу и пригласивъ меня слѣдующими словами: „вотъ кого надо, и кого ждалъ сорокъ лѣтъ, тотъ-то и идетъ: ты-то нашъ истинный свѣтъ, и, просвѣтивши всю тьму, освятилъ всю вселенную, и тобою всѣ грѣшныя души просвѣтятся, и отъ грѣхорныхъ узловъ развяжутся, и тебѣ я съ крестомъ поклонюсь: ты одинъ, а насъ много, и радъ за тебя головушку сложить, и на мелкія части плоть свою раздробить; кто какъ хочетъ, а я тебя почитаю за сына божія, и ты поживи на землѣ, а я прежде тебя сойду; тебѣ много еще дѣлъ надо сдѣлать на землѣ, свою чистоту утвердить и всю лѣпость утвр-

(1) Чтен... 1864 г. 4 № 77 стр.

дить, всѣхъ пророковъ сократить и всю гордость и грѣхъ искоренить“ (1). Какъ бы въ отвѣтъ на привѣтствіе, лжеискупитель благословилъ Александра Ивановича крестомъ и далъ ему „крестъ, свѣчу и мечъ“, какъ символы призванія его на дѣло служенія новой миссіи. Далѣе, чтобы, такъ сказать, санкционировать избраніе Александра Ивановича въ своего помощника, лжеискупитель отправилъ его къ своей матушкѣ Акулинѣ Ивановнѣ, которая, какъ говорится въ „страдахъ“, „изволила разговаривать съ нимъ“ и, конечно, приняла его ласково (2).

Немного требуется вниманія, чтобы видѣть, что весь этотъ рассказъ Селиванова о его переговорахъ съ Александромъ Ивановичемъ, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, есть кощунственная поддѣлка подъ извѣстный евангельскій рассказъ о томъ, какъ Иисусъ Христосъ, вступая въ общественное служеніе міру, былъ встрѣченъ Іоанномъ Крестителемъ. Но помимо этой стороны, пригеденный нами рассказъ имѣетъ то значеніе, что изъ него очевидно какъ то, что лжеискупитель и „искатель истины“ — Александръ Ивановичъ сошлись между собою въ воззрѣніяхъ по вопросу о происхожденіи грѣха, такъ и то, что оба они были согласны и въ вопросѣ о средствахъ противъ этого грѣха. Солидарность, такимъ образомъ, между тѣмъ и другимъ существовала полная; имъ оставалось только соединить во едино свои силы и способности, чтобы начать съ развращенными хлыстами рѣшительную и отчаянную борьбу. На успѣхъ этой борьбы можно было рассчитывать, такъ какъ силы и способности того и другаго были велики и удачно пополняли другъ друга. Если Селивановъ былъ хитръ и изворотливъ и въ тоже время отличался мягкостію характера и видимою скромностію, то Александръ

(1) Чтен... 1864 г. 4 № 78 стр.

(2) Тамъ же, 78—79 стр.

Ивановичъ, обладая не меньшею способностію изворачиваться въ самыхъ запутанныхъ дѣлахъ и морочить людей разными диковинками, вмѣсто скромности и мягкости характера, обладалъ твердостію, рѣшительностію и даже суровостію характера. Александръ Ивановичъ всегда умѣлъ найти средства выпутаться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Вотъ, между прочимъ, рассказъ, переданный Андреяновымъ, о продѣлкѣ Шилова съ караульнымъ солдатомъ, когда онъ находился въ Шлиссельбургской крѣпости. Въ сѣдствѣ съ комнатой Александра Ивановича, рассказываетъ Андреяновъ, находился, тоже въ заключеніи, другой скопецъ. Этотъ послѣдній имѣлъ обыкновеніе ходить въ ночное время къ Александру Ивановичу, очевидно, для бесѣды. Не находя препятствія въ этомъ со стороны караульнаго солдата, онъ долженъ былъ однако скрывать свои тайныя посѣщенія отъ другаго солдата, находившагося при комнатѣ Александра Ивановича. Однажды, такое посѣщеніе и было замѣчено послѣднимъ. Не зная, какъ освободиться изъ засады (онъ уже находился въ комнатѣ Александра Ивановича) и возвратиться въ свою комнату, онъ обратился къ Александру Ивановичу. Александръ Ивановичъ, съ свойственнымъ ему мужествомъ и съ сознаніемъ своей ловкости и умѣнья постарался его ободрить. „Не робѣй! ничего не случится!“ Послѣ этихъ словъ онъ велѣлъ скопцу какъ можно сильнѣе и притомъ моментально отворить дверь его комнаты, а самому нѣсколько времени обождать выходить изъ нея. Тотъ такъ и сдѣлалъ. Караульный, при размахѣ дверей, сильно ударилъ ружьемъ въ двери, такъ что переломилъ ложу и самъ упалъ на полъ; скопецъ же, дождавшись удобной минуты, выбѣжалъ изъ комнаты, и, прибѣжавъ въ свою, легъ на койку. Понятно, что упавшій караульный солдатъ поднялъ крикъ, на который явились другіе солдаты и самъ начальникъ. Когда послѣдній обратился къ Шилову съ вопросомъ: „хозяинъ, что у тебя случи-

лось?" онъ отвѣчалъ: „помилуйте, у насъ ничего не случилось; но этотъ солдатъ насъ часто беспокоитъ, а иногда отъ чего-то кричитъ“. Это показаніе Александра Ивановича подтвердили и другіе скопцы, присутствовавшіе при этомъ, такъ какъ послѣднимъ еще заранѣе онъ сказалъ, что нужно отвѣчать. Дѣло кончилось тѣмъ, что невиннаго солдата наказали палками⁽¹⁾. Рассказываютъ, что Александръ Ивановичъ, „творилъ разныя чудеса“⁽²⁾. Чудеса эти, очевидно, были не что иное, какъ шарлатанство. Наконецъ, извѣстно, что Шиловъ былъ одинъ изъ отважнѣйшихъ и въ тоже время искуснѣйшихъ скопческихъ „мастеровъ“⁽³⁾; но, чтобы быть такимъ, очевидно, нужно имѣть и соотвѣтствующія душевныя качества. Такимъ образомъ, Александръ Ивановичъ не только обладалъ тѣми качествами, какія были у лжеискупителя, но имѣлъ и такія, какихъ не было у послѣдняго, напр. способность совершать операцію оскотпленія. Насколько дорого и высоко цѣнилъ Александра Ивановича Селивановъ, это видно изъ тѣхъ нѣжныхъ наименованій и рѣчей, которыми онъ такъ щедро осыпалъ его въ своихъ „страдахъ“. „Онъ (Александръ Ивановичъ) былъ мнѣ, говоритъ лжеискупитель, вѣрный другъ и великій помощникъ, и непобѣдимый воинъ отъ начала и до конца своей жизни, ревностно воевалъ противъ грѣха и много мнѣ помогалъ, и нѣтъ мнѣ нынѣ такова помощника, и нигдѣ не могу избрать, ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ, ни въ другихъ

(1) Чтен. въ общ. ист. 1872 г. 3 № 180—181 стр.

(2) Тамъ же, 180 стр.

(3) Шиловъ въ числѣ обязанностей долженъ былъ нести и обязанность «мастера». Къ такому предположенію приводитъ насъ слѣдующее мѣсто посланія: «вотъ тебѣ мой мечъ, обращается къ нему лжеискупитель, ты будешь у многихъ древъ сучья и грѣхъ съѣчь» (Чтен. въ общ. ист. 1864 г. 4. V. 78 стр.). И изъ исторія Шилова видно, что онъ исправно исполнялъ эту свою обязанность (Чт. 1872 г. 3 № 182—183 стр. и 191 стр.).

городахъ“ (¹). Заповѣдуя своимъ дѣтушкамъ „призывать на молитвахъ Александра Ивановича“, лжеискупитель въ другомъ мѣстѣ своихъ „страдъ“ пишетъ: „онъ (Александръ Ивановичъ) по моему благословенію вывелъ васъ (скопцовъ) изъ непроходимой грязи и посадилъ въ царскій садъ, и онъ былъ мнѣ другъ и наперсникъ и вѣрный мой казначей“ (²)... Дѣйствительно, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, Александръ Ивановичъ имѣлъ рѣшающее значеніе для всей дѣятельности лжеискупителя, такъ что не будь перваго, можетъ быть, не было бы въ исторіи скопчества и такъ назыв. „золотаго времени“. Не даромъ, поэтому, скопцы усвояютъ Александру Ивановичу названіе „предтечи“ лжеискупителя (³).

Заручившись такимъ „вѣрнымъ другомъ и неизмѣннымъ помощникомъ“, какимъ былъ Александръ Ивановичъ, Селивановъ съ энергіей приступилъ теперь къ осуществленію своей завѣтной мечты. Грозныя обличенія противъ укоренившихся въ обществѣ хлыстовъ многихъ пороковъ и преступленій, а съ другой стороны, ужасная проповѣдь о необходимости оскотленія, стали слышаться чаще и чаще. „Лѣпость весь свѣтъ поѣдаетъ, говорилъ лжеискупитель, и отъ Бога отвращаетъ, и къ Богу итти не допускаетъ, и потому многіе въ пагубной лѣпости пророки пророчества, учителя учительства, угодники и подвижники своихъ подвиговъ лишились“.... Поэтому, продолжаетъ онъ, „удаляйтесь злой лѣпости, и не имѣйте съ сестрами, а сестры съ братьями, праздныхъ разговоровъ и смѣховъ, отъ чего происходитъ лѣпость“ (⁴). Вооружаясь противъ „лѣпости“ или разврата и убѣж-

(¹) Чтен. въ общ. ист. . 1864 г. 4 № 79 стр.

(²) Тамъ же, 88 стр.

(³) Тамъ же—1872 г. 1 № 70, 71 и 90 стр. — показанія Кудимова и Созоновича.

(⁴) Тамъ же, 3 № 100 стр.

дая хлыстовъ отстать отъ нея, лжеискупитель вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ и средство для совершеннаго уничтоженія ея. Средство это есть моментальное убійство въ каждомъ грѣховнаго начала, заключающагося въ половыхъ органахъ: „ужь змѣю бить, такъ и бей поскорѣе до смерти, покуда на шею не вспрыгнула и не укусила!“, говорилъ онъ еще Александру Ивановичу (¹). Можно думать, конечно, что первыми жертвами этого сумасброднаго ученія были самъ Селивановъ и его другъ Александръ Ивановичъ; такъ, по крайней мѣрѣ, передають сами скопцы (²), къ этому, очевидно, должно приводить и простое соображеніе. Были ли послѣдователи этого ученія между хлыстами корабля Акулины Ивановны, — сказать что-либо опредѣленное трудно. Вѣроятно, были; иначе ничѣмъ нельзя объяснить весьма скоро обнаружившееся страшное негодованіе и возстаніе противъ главнаго проповѣдника скопчества со стороны хлыстовъ.

Въ кораблѣ Акулины Ивановны образовалась пѣлая партія, противная Селиванову и его другу. Главными представителями и агитаторами ея были какая-то пророчица, братъ ея и пророкъ Филимонъ. Первая и второй нѣсколько разъ даже покушались убить лжеискупителя; но всякій разъ безуспѣшно (³). Вслѣдствіе этихъ причинъ, а отчасти и потому, что событія 1772 года были еще памятны лжеискупителю, послѣдній рѣшился пока оставить въ покоѣ жестоковѣрныхъ хлыстовъ корабля Акулины Ивановны и перенести свою дѣятельность на почву болѣе воспріимчивую. Быть можетъ по указанію своего друга, мнимаго предтечи, лжеискупитель вмѣстѣ съ нимъ отправился изъ орловской губерніи къ сѣверу — въ тульскую губернію, гдѣ также существовало мно-

(¹) Чтен.... 1864 г. 4 № 79 стр.

(²) Тамъ же. 1872 г. 3 № 101 стр.

(³) Тамъ же, 1864 г. 4 № 75 стр.

жество хлыстовъ (¹). Прибывъ въ алексинскій уѣздъ, они зашли на фабрику капитана Лушнина. Здѣсь лжеискупитель объявилъ себя „киевскимъ затворникомъ Кондратіемъ Селивановымъ“. Здѣсь онъ весьма близко сошелся съ писаремъ лушнинской фабрики Емельяномъ Ретивымъ или, по сказанію „страдъ“, съ Аверьянушкой (²). Аверьянушка, какъ очевидно изъ тѣхъ же „страдъ“, принадлежалъ къ обществу хлыстовъ. Онъ весьма сочувственно отнесся къ тяжелому положенію лжеискупителя, во многомъ помогаль ему и даже приняль его къ себѣ въ домъ. Какъ бы въ благодарность за гостепріимство, а съ другой стороны, какъ бы по чувству искренняго желанія дать добрый совѣтъ, лжеискупитель предложилъ Ретивому „свое дѣло“, т. е. оскотленіе. Послѣдній сначала нѣсколько утрашилъ: „боюсь, говорилъ онъ, чтобы не умереть“. Такъ какъ, однако, Ретивой, будучи хлыстомъ, уже былъ предубѣжденъ относительно брачной жизни и смотрѣль на послѣднюю, какъ на тяжкій грѣхъ, то понятно, склонить его къ оскотленію было не трудно. И дѣйствительно, онъ скоро согласился принять предложенную лжеискупителемъ „чистоту“, надѣясь „воскресить душу свою“ и пріобрѣсти душевное спокойствіе (³).

Пріобрѣтеніе Ретиваго имѣло весьма важное значеніе для Селиванова. Ретивой по своему вышнему положенію какъ писарь и какъ человекъ довѣренный отъ Лушнина производить въ окрестныхъ мѣстностяхъ поупку разныхъ сырыхъ матеріаловъ для фабрики (⁴), очевидно, имѣль нѣкоторое значеніе и даже авторитетъ между жителями. Поэтому, естественно, чрезъ него лжеискупитель могъ теперь пріобрѣсти знаком-

(¹) «Извѣстія о тульской губ.» 1807 г. ч. I. кн. I. 44 стр. См. въ Сбор. Кельс. Ш. 111 стр. 139 прим.

(²) Чтен.... 1864 г. 4 № 75 стр.

(³) Тамъ же, 75—76 стр.

(⁴) Тамъ же, 1872 г. 3 № 61 стр.

ство, а познакомившись онъ могъ такъ или иначе проводить свою идею о средствахъ къ спасенію. Такими надеждами, вѣроятно, питалъ себя и самъ лжеискупитель и эти надежды его какъ нельзя лучше оправдались. Прежде всего оскопились нѣкоторые крестьяне, находившіеся на фабрикѣ Лушнина. Черезъ нѣсколько времени вовлечены были въ скопчество сначала двое, а потомъ еще четверо крестьянъ села Сосновки, близъ Моршанска, тамбовской губерніи. Вовлеченіе въ скопчество шести лицъ произошло такимъ образомъ. Ретивой, въ поѣздку свою въ Тамбовъ для покупки сырыхъ кожъ, по пути заѣхалъ и въ Сосновку, гдѣ жили его близко знакомые крестьяне: Софонъ Поповъ и Иванъ Прокудинъ, по вѣрѣ, нужно полагать, хлысты. Этимъ-то лицамъ Ретивой и объявилъ свою „чистоту“, убѣждая и ихъ принять ее, какъ вещь неопасную и въ тоже время весьма полезную. Тѣ согласились и уѣхали вмѣстѣ съ нимъ на фабрику Лушнина, гдѣ и было совершено надъ ними оскопленіе. Поповъ и Прокудинъ въ свою очередь, пріѣхавши обратно въ Сосновку, также стали склонять къ оскопленію своихъ знакомыхъ и родныхъ, и имѣли успѣхъ. Ульянъ, сынъ Попова, Пименъ Плотичинъ, Кузьма Топорковъ и дьяконъ Семенъ Алексѣевъ согласились на убѣжденія своихъ знакомыхъ и уѣхали къ Ретивому, гдѣ и были оскоплены (1). Видя, что ученіе его находитъ себѣ послѣдователей и что нѣкоторые даже добровольно и сами пріѣзжаютъ къ нему для принятія „чистоты“, Селивановъ, а равно и его помощникъ Шиловъ, естественно, рѣшились тутъ же воспользоваться столь благопріятною почвою для дальнѣйшаго распространенія зловреднаго сѣмени. Уже на сырной и первой недѣлѣ великаго поста 1775 года они находились въ Сосновкѣ. Здѣсь, въ домѣ Попова, они, по обычаю хлыстовъ, совершали

(1) Чтен.... 1872 г. 3 № 61—62 стр. и Реутскій, 106 стр.

радѣнія и во время послѣднихъ они производили операцію оскопленія надъ тѣми, кто желалъ. Такимъ образомъ, вновь были оскоплены: дьячекъ Савелій Алексѣевъ и крестьяне Иванъ Корнѣевъ, Иона Холинъ и Алексѣй Тарасовъ (¹). Успѣхъ скопчества чѣмъ далѣе, тѣмъ становился все больше и больше. Кромѣ жителей села Сосновки, оскоплены были тутъ же и нѣкоторые крестьяне другихъ селъ; таковы были Егоръ и Иванъ Дробышевы и Федоръ Кузнецовъ, жившіе въ Правыхъ и Лѣвыхъ Ламкахъ, недалеко отъ Сосновки (²). Въ упоеніи отъ такого успѣха проповѣдники скопчества простерли свой фанатизмъ даже на малолѣтнихъ. Такъ, сначала былъ оскопленъ малолѣтній Алексѣй Топорковъ во время радѣнія (³); вслѣдъ за нимъ оскоплены были еще два мальчика: Дій Карнѣевъ и Иванъ Семькинъ (⁴). Всѣхъ оскопившихся до половины марта 1775 года, какъ оказалось по слѣдствію, было до шестидесяти человѣкъ (⁵).

Само собою понятно, что такое быстрое развитіе зла въ Сосновкѣ и въ ближайшихъ къ нему селахъ не могло оставаться долго тайною для прочихъ жителей этихъ мѣстностей. Скорому открытію этого зла способствовали отчасти и сами проповѣдники скопчества, которые, оскопляя малолѣтнихъ, тѣмъ самымъ дѣлали возможнымъ открытіе послѣдними, по ихъ неразумію, тайны своего оскопленія. Дѣйствительно, въ началѣ марта 1775 года мальчики Иванъ Семькинъ и Дій Карнѣевъ, по разнымъ обстоятельствамъ, вынуждены были рассказать сначала своимъ родственникамъ, а потомъ мѣстнымъ священникамъ Ивану Емельянову и Герасиму Лазареву о томъ, кѣмъ, гдѣ

(¹) Реутскій, 106 стр.

(²) Тамъ же, 107 стр. и Чт. въ общ. ист. 1872 г. 3 №. 62 стр.

(³) Реутскій, 107—109 стр.

(⁴) Чтен... 1872 г. 3 № 63 стр.

(⁵) Реутскій, 109 стр.

и какъ они были оскоплены. Священники Емельяновъ и Лазаревъ, узнавъ подробности дѣла, довели объ оскопителяхъ епископу Феодосію; возникло дѣло, и проповѣдники скопчества сочли себя вынужденными, покинувъ фабрику Лущина, разойтись въ разныя стороны (').

Селивановъ, какъ можно полагать на основаніи „страдъ“, направилъ свой путь къ Тулѣ. Въ сообществѣ съ Мартынушкою, —человѣкомъ извѣстнымъ только по „страдамъ“, —онъ сталъ рассказывать по Тулѣ и по ближайшимъ къ ней селамъ и деревнямъ. Разъ въ селѣ Тифинѣ (иначе Тихвинскомъ или Авдотѣинѣ, бронницкаго уѣзда, московской губерніи), во время ярмарки онъ былъ схваченъ солдатами, которые привязали его къ телѣгѣ и остригли ему половину головы; но воспользовавшись сномъ караулившихъ солдатъ, онъ убѣжалъ въ примыкавшую къ селу 'рожь и, такимъ образомъ, благополучно прибылъ къ своему другу Мартынушкѣ ('). Рассказъ этотъ показываетъ съ одной стороны, что уже въ это время Селивановъ былъ отыскиваемъ между разнаго рода „странниками и нищими“, а съ другой свидѣтельствуеетъ о томъ, что лжеискупитель, принявъ на себя знакомую уже ему маску „нишаго и убогаго“, подъ такимъ видомъ ходилъ въ разныя селенія и преимущественно въ то время, когда въ нихъ по какимъ либо обстоятельствамъ бывали многолюдныя собранія народа. Не оставлялъ лжеискупитель своими посѣщеніями и „божїихъ людей“, стараясь между ними прїобрѣтать новыхъ прозелитовъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній Мартынушка былъ убитъ „божїими людьми“. „Въ единой ночи, рассказываетъ объ этомъ Селивановъ, былъ я съ Мартынушкой у божїихъ людишекъ на бесѣдѣ, и черезъ его уста Богъ ему предвѣстилъ стра-

(') Чтен. въ общ. ист.... 1872 г. 3 № 63 стр.

(') Тамъ же. 1864 г. 4 № 74—75 стр.

дальческую кончину, такъ глаголя: „Возлюбленные люди! Летитъ птица врань и хочетъ расклевать голову мою, и достать изъ нея мозгъ, а вы, братья, не убойтесь!“ Его убили на дорогѣ „два брата отъ божьихъ людей“⁽¹⁾.

Въ то время, когда Селивановъ совершалъ свои странствованія, слѣдственное дѣло объ открывшихся на фабрикѣ Лушнина и въ Сосновкѣ скопцахъ, продолжалось. Главнымъ слѣдователемъ былъ тотъ же Волковъ, который производилъ слѣдствіе о скопцахъ въ 1772 году. Побывавъ въ Сосновкѣ и на фабрикѣ Лушнина и не нашедши „главныхъ зачинщиковъ“ скопчества, Волковъ, согласно высочайшему повелѣнію, приговорилъ одного скопца къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ каторжную работу, а другаго къ ссылкѣ въ Ригу; осьмерыхъ скопцовъ, бывшихъ первыми жертвами фанатизма Селиванова, т. е. Попова, Плотицына, Семькина, Прокудина, Топоркова, Алексѣева, Савельева и Ретиваго, отослалъ, по наказанію батогами, въ Ригу; прочіе, которыхъ было болѣе пятидесяти человекъ, оставлены на прежнемъ мѣстѣ жительства безъ наказанія⁽²⁾. Между тѣмъ, были приняты мѣры и къ отысканію „кіевского затворника Кондратія Селиванова“, шатавшагося уже въ Москвѣ, какъ прошелъ о томъ слухъ. Оберъ-полицеймейстеръ Архаровъ, которому было поручено отыскать бродягу Кондратія Селиванова⁽³⁾, дѣйствительно, скоро попалъ на его слѣдъ.

Бродяга Кондратій Селивановъ послѣ извѣстнаго намъ убійства Мартынушки, опасаясь, вѣроятно, той же самой участи со стороны озлобившихся хлыстовъ, бросилъ тульскую губернію и направился къ Москвѣ. Прибывъ въ Москву, гдѣ, какъ извѣстно, существовало

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 147 стр.

(2) Тамъ же, 41—42 стр.

(3) Тамъ же, 40 стр.

множество домовъ людей божіихъ, онъ, однако, не находилъ себѣ пока пріюта ни въ одномъ изъ нихъ. Можно даже думать, что онъ со стороны московскихъ хлыстовъ подвергся преслѣдованію, такъ что, быть можетъ, они-то и распространили слухъ о пребываніи въ Москвѣ извѣстнаго „кіевскаго затворника, именующаго себя Кондратіемъ Селивановымъ“ и изъ этихъ то источниковъ, быть можетъ, и узнало правительство о дѣйствительномъ мѣстонахожденіи скопческаго ересіарха. „А на крестъ меня отдали іудеямъ, говорилъ впоследствии о себѣ Селивановъ, божьи люди, а я жилъ тогда у жены грѣшницы, Θεодосьи Іевлевны, въ домѣ; она меня приняла, а свои не приняли, и доказали и привели въ домъ ея солдатъ... и приходили къ ней два раза, и не нашли меня, а я уже былъ спрятанъ въ подполье; а послѣ онаго мои людишки и сказали солдатамъ и офицеру: пойдете въ третій разъ и найдемъ - те его и отдадимъ вамъ въ руки на муки, и приведши ихъ, говорили: берите! онъ здѣсь въ подпольѣ, которые и разломали полъ и вытащили меня за волосы“ (1). Кто такова была Θεодосья Іевлевна, за отсутствіемъ свидѣтельствъ, ничего нельзя сказать опредѣленнаго.

Такимъ образомъ Селивановъ былъ пойманъ и арестованъ. По принятому обычаю—наказывать преступниковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они совершали свои преступленія, — его сначала отправили въ Тулу, потомъ въ Тамбовъ и наконецъ въ Сосновку. Вездѣ, куда его ни привозили, его подвергали пыткамъ и наказаніямъ, бывшимъ въ употребленіи въ то время; били нещадно плетью, обливали голову сурпучемъ, драли ротъ, носъ, уши и проч. Наконецъ, согласно съ постановленіемъ, состоявшимся 16-го августа 1775 г., онъ былъ отправленъ въ Нерчинскъ (2). Испытанный

(1) Чтен. въ общ. ист... 1864 г. 4 № 80 стр.

(2) Когда именно отправили его—неизвѣстно. Полагаютъ, что послѣднее наказаніе въ Сосновкѣ совершилось 15 сент. 1775 г. (Чт...

лжеискупителемъ истязанія поэтически и въ трогательной для простолюдина формѣ переданы имъ самимъ въ „страдахъ“. Такъ, говоря о наказаніяхъ въ Тамбовѣ, Селивановъ выражается: „кто бранилъ, кто плевалъ и всячески надо мною наругались, а отецъ мой велѣлъ мнѣ все съ радостію принять, хотя не для себя, а для всѣхъ моихъ дѣтушекъ, и для искупленія отъ грѣховнаго паденія“. Говоря далѣе о тягости этихъ наказаній, онъ восклицаетъ: „о, отецъ мой небесный, не оставь ты меня безъ своей помощи и помощи мнѣ все опредѣленное отъ тебя вынести на моемъ тѣлѣ! Ежели да поможешь, то наступлю на злого змѣя и разорю всю лѣпость до конца“⁽¹⁾. Еще своеобразнѣе представляются эти наказанія въ „роспѣвцахъ“ скопцовъ:

„Вы послушайте, любезные“, читаемъ въ одномъ изъ нихъ,

„Вы господневи ученые,
Сыны божіи мученые:
Какъ распять былъ на крестѣ,
Его мучили вездѣ.
Онъ сидѣлъ на томъ на стулѣ⁽²⁾;
Отвѣчалъ прежде у Тулѣ,
Наказали его въ Морпиги,
Пречистыя его мощи.
Пилать⁽³⁾ билъ его мечемъ

1872 г. 3 № 63—64 стр.); слѣд. въ томъ же, вѣроятно, сентябрѣ мѣсяцѣ егo и отправилъ въ Сибирь. Противъ этого предположенія, однако, говорятъ «страды», изъ которыхъ извѣстно, что лжеискупитель въ тамбовской тюрьмѣ просидѣлъ около четырехъ мѣсяцевъ (Чтен... 1864 г. 4 № 81 стр.). Но помимо этого, не заслуживающаго особеннаго до- вѣрія, показанія «страды», простое соображеніе приводитъ къ невозможности признать 15-е сент. временемъ послѣдняго наказанія лжеискупителя. Въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ-нибудь 20-ть дней невозможно пройти столько мытарствъ. Поэтому и наказаніе въ Сосновкѣ совершилось, по нашему мнѣнію, гораздо позже.

⁽¹⁾ Чтен... 1864 г. 4 № 81—82 стр.

⁽²⁾ Т. е. въ темничныхъ колодкахъ.

⁽³⁾ Волковъ, производившій слѣдствіе,

По могучимъ по плечамъ,
Его били до рудъ (¹),
Не жалѣлъ свои труды (²) и проч.

Такихъ роспѣвцевъ весьма много и вездѣ лжеискупитель представляется человѣкомъ невинно страждущимъ (³). Признавая Селиванова невинно пострадавшимъ мученикомъ, скопцы еще болѣе увѣровали въ его мнимо-божественное посланничество и въ проповѣдуемое имъ ученіе о необходимости оскотченія. Плоды ихъ искренней вѣры и замѣчательной симпатіи къ преступнику обнаружались весьма скоро.

II.

1775—1802 гг.

Въ орловской губерніи послѣ извѣстнаго слѣдственнаго дѣла о скопцахъ въ 1772 году, и съ удаленіемъ оттуда основателя скопческой секты, скопчество продолжало существовать и распространяться. Въ донесеніи Кирилла, еп. сѣвскаго, св. Синоду въ 1777 году о томъ, что дѣлать со скопцами въ случаѣ обращенія ихъ къ православію, говорится, что это скопчества „не только не пресѣкается, но еще распространяется“ (⁴). Рядъ слѣдственныхъ дѣлъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, вполне подтверждаетъ слова еп. Кирилла. Такъ, въ 1799 году стали извѣстны правительству два скопца—крестьяне помѣщичьи Дурновои, сельца Васильевскаго, орловской губерніи (⁵); въ 1800 году еще одинъ скопецъ въ томъ же сельцѣ Васильевскомъ; въ томъ же году были открыты скопцы,

(¹) Т. е. до крови.

(²) Чтен... 1872 г. 3 № 106—107 стр.

(³) См. напр. Чтен... 1872 г. 3 № 108—110, 113—115 стр.

(⁴) Тамъ же, 42 стр.

(⁵) Тамъ же, 54 стр.

числомъ четверо, въ ливенской округѣ и въ кромской (нынѣ уѣзды орловской губерніи); въ 1801 году снова обнаружались въ селѣ Васильевскомъ два скопца (¹). Правда, эти слѣдственныя дѣла сравнительно относятся къ позднему времени, именно къ 1800 году по преимуществу, но нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствительное начало преступленій, о которыхъ производились дѣла въ 1800 году, восходятъ къ болѣе раннему времени. О калужской губерніи извѣстно, что въ ней въ 1792 г. или даже, можетъ быть, ранѣе существовали скопцы въ имѣніяхъ кн. Прозоровскаго и кнн. Волконскихъ (²). Въ той же калужской губерніи и именно въ жиздринской округѣ были открыты пять скопцовъ въ 1801 году; замѣчательно, что эти скопцы объявили своимъ оскопителемъ крестьянина орловской губерніи (³). Въ курской губерніи, какъ открылъ Юрашкевичъ, производившій слѣдствіе о ливенскихъ скопцахъ, въ пигровской и фатежской округахъ было громадное количество скопцовъ еще до 1800 года; притомъ, эти скопцы, какъ показалъ тотъ же Юрашкевичъ, находились, очевидно, въ ближайшихъ сношеніяхъ съ скопцами орловскими (⁴). Къ тремъ названнымъ губерніямъ—орловской, курской и калужской смежнымъ между собою, нужно присоединить еще и тульскую губернію, гдѣ, какъ извѣстно, нѣкоторое время странствовалъ лжеискупитель и откуда былъ родомъ Шиловъ. Первое официальное извѣстіе о появленіи скопчества въ тульской губерніи, и именно въ селѣ Васильевскомъ, тульскаго уѣзда, относится къ 1776 году, когда полковникъ Масловъ, которому принадлежало это село, узналъ, что его дворовый челоуѣкъ Иванъ Шиловъ, племянникъ извѣстнаго Алек-

(¹) Сборн. Кельс. Ш. 39—40 стр.

(²) Чтен... 1872 г. 3 № 43 стр.

(³) Сборн. Кельс. Ш. 41 стр.

(⁴) Тамъ же, 40—41 стр.

сандра Ивановича, оскопленъ послѣднимъ (¹). Были-ли другіе случаи оскопленій въ этомъ селѣ, а равно и въ другихъ мѣстахъ тульской губерніи, неизвѣстно; можно, впрочемъ, догадываться, что алексинскій уѣздъ, гдѣ находился первооскопленникъ Селиванова Емельянь Ретивой, изобиловалъ скопцами. Къ этому послѣднему предположенію приводитъ то обстоятельство, что въ 1806 году въ деревнѣ Вышенкахъ въ одинъ разъ взято было 20-ть скопцовъ (²).

Такимъ образомъ, четыре внутреннія губерніи Россіи, въ разсматриваемое нами время, въ большемъ или меньшемъ количествѣ имѣли скопцовъ. Но ни одна изъ этихъ губерній, взятая въ отдѣльности, не имѣла важнаго значенія въ исторіи скопчества разсматриваемаго времени. Значеніе каждой изъ нихъ, равно какъ и всѣхъ вмѣстѣ, было только вспомогательное; общіе центры, къ которымъ онѣ, смотря по обстоятельствамъ, тяготѣли, находились внѣ ихъ. Такими центрами, которые притягивали къ себѣ всѣ имѣвшіяся у скопцовъ силы, были губерніи: тамбовская, московская и петербургская.

Едва только утихла страшная гроза, постигшая скопцовъ въ 1775 году, сосновскіе скопцы, благодаря заботливымъ стараніямъ Ивана Панфилова Казарцова, начали мало по малу стекаться въ одно мѣсто и рѣшать трудный вопросъ о томъ, какъ бы возвратить лжеискупителя изъ Сибири. Уже чрезъ пять лѣтъ, т. е. въ 1781 году, пророчица Анна Софоновна, дочь извѣстнаго скопца Софона Попова, „стала духомъ выпѣвать, какъ отца своего искупителя находить, и кого къ нему изъ дѣтушекъ отрядить“ (³). Мѣсто пребыванія лжеискупителя было отыскано; найдены были и лица, которые могли отправиться къ нему; отыска-

(¹) Чтен... 1873 г. 1 № 7 стр.

(²) Реутскій, 147—148.

(³) Чтен... 1864 г. 4 № 83 стр.

ны были, наконецъ, и средства для такого дальняго путешествія и труднаго предпріятія. Вѣроятно, весьма скоро послѣ неоднократнаго „выпѣванія“ пророчицы, скопцы общими силами снарядили въ Иркутскъ Алексѣя Тарасовича и Марка Карповича съ тѣмъ, чтобы послѣдніе отыскивали проживавшаго тамъ Селиванова и чтобы они постарались уговорить его къ побѣгу. Вѣруя въ непреложность пророчества Анны Софоновны, что „не они будутъ искать его, а онъ ихъ искать будетъ“, посланные, дѣйствительно, совершенно неожиданно наткнулись на базарѣ на своего батюшку, который ходилъ съ блюдомъ въ рукахъ, собирая подаііе. Само собою понятно, радость отъ неожиданной встрѣчи была полная. Тѣмъ не менѣе, чтобы отвлечь вниманіе людей постороннихъ, Селивановъ недолго разговаривалъ съ своими дѣтушками, сказавъ имъ, что „самъ онъ придетъ къ нимъ въ домъ, гдѣ они остановились“. Дѣйствительно, въ эту же ночь онъ прибылъ къ нимъ на постоянный дворъ; разговоръ до того былъ оживленный и интересный для обѣихъ сторонъ, что лжеискупитель даже заночевалъ у своихъ дѣтушекъ. На предложеніе послѣднихъ вмѣстѣ съ ними уѣхать въ Россію, онъ отвѣчалъ уклончиво, говоря, что онъ „видѣлъ сонъ, будто-бы по дорогѣ у васъ разосланы веретья, и нѣтъ мнѣ дороги къ вамъ“ (1). Иначе говоря, Селиванову невозможно было еще бѣжать, такъ какъ за нимъ наблюдали. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Иркутскѣ, Алексѣй Тарасычъ и Маркъ Карпычъ благополучно возвратились въ Сосновку.

Въ Москвѣ дѣйствовалъ на пользу скопческихъ интересовъ Иванъ Максимовичъ Лупнинъ, прежде бывшій тульскій купецъ, а потомъ капитанъ. Въ виду, вѣроятно, опасности продолжать свои преступныя дѣйствія на фабрикѣ, находившейся въ алексинскомъ

(1) Чтен... 1864 г. 4 № 83 стр.

уѣздѣ, тульской губерніи, Лушнинѣ, неизвѣстно, впрочемъ, когда, переѣхаль въ Москву. Собравъ около себя до десяти человекъ единомышленниковъ, онъ началъ распространять скопчество. Свой домъ онъ превратилъ въ „сіонскую горницу“ (¹). Но чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе со стороны начальства и прочихъ лицъ, чѣмъ либо опасныхъ, онъ содержалъ дѣвку, которая играла роль его любовницы. Правую его рукою былъ прикащикъ Марко Якушовъ. До 1792 года корабль Лушнина пользовался невозмутимымъ спокойствіемъ; число членовъ умножалось и въ тоже время шла дѣятельная переписка съ петербургскими и тамбовскими скопцами; въ этомъ же году кн. Прозоровскій, розыскивая въ Москвѣ мартинистовъ, нечаянно натолкнулся и на скопцовъ лушнинскаго корабля. Вслѣдствіе этого онъ написалъ письмо къ Зубову, прося его освѣдомиться у императрицы о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять противъ открытыхъ скопцовъ. Неизвѣстно, послѣдовалъ ли отвѣтъ на это письмо, но розысковъ о скопцахъ не было. Такимъ образомъ, лушнинскій корабль продолжалъ благоденствовать. Рядомъ съ кораблемъ Лушнина находились въ Москвѣ и другіе скопческіе дома. Такъ, въ Мѣщанской части, въ приходѣ Троицы, что въ Троицкомъ, находился домъ купца - скопца Теодора Евсеѣва Колесникова (²). Личность Колесникова весьма замѣчательна въ исторіи скопчества, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Къ сожалѣнію, объ этой личности нѣтъ почти свѣдѣній. Извѣстно только то, что Колесниковъ, будучи величайшимъ приверженцемъ скопчества, имѣлъ весьма обширную торговлю съ Сибирью. По торговлѣ онъ былъ извѣстенъ даже Павлу Петровичу, въ то время еще бывшему наследникомъ престола, и самой императрицѣ Екатеринѣ II (³).

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 43—45 стр.

(²) Тамъ же, 219 стр.

(³) Рус. Вѣсти. 1869 г. № 5. 249 стр.

Вблизи дома Колесникова находились еще два скопческих дома: купца Жигарева и Тимофеева (¹). Изъ Москвы неизвѣстными путями скопчество начало проликатъ и въ сосѣднія подмосковныя села и деревни. Такъ, изъ дѣла московской уголовной палаты 1813 г. видно, что въ 1790 году скопцы появились въ подмосковномъ селѣ Паридинѣ, гдѣ главою ихъ былъ крестьянинъ Иванъ Сорокинъ; далѣе появились скопцы въ подольскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Ооминской и въ селѣ Булатниковѣ; наконецъ они обнаружались и въ серпуховскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Максимихѣ (²). Такимъ образомъ, въ Москвѣ и около Москвы ко времени возвращенія лжеискупителя существовало достаточное количество скопцовъ. Число это увеличивалось еще приплывшими скопцами: По замѣчанію г. Мельникова, ко времени бѣгства лжеискупителя изъ Сибири, между скопцами орловской, тульской и тамбовской губерній стали замѣчаться движенія однихъ въ Москву (преимущественно изъ первыхъ двухъ), а другихъ въ Петербургъ (³).

Въ петербургской губерніи скопчество распространялось подъ сильнымъ вліяніемъ А. Шилова. Последній, разошедшись съ лжеискупителемъ въ то время, когда сосновское дѣло стало извѣстнымъ начальству, также скрылся отъ слѣдствія; однако, чрезъ нѣкоторое время и онъ былъ отысканъ и согласно съ прежнимъ опредѣленіемъ отправленъ былъ въ Ригу (⁴), вѣроятно, въ томъ же 1775 году. Прибывъ въ Ригу, онъ нашелъ здѣсь девять сосновскихъ скопцовъ, которыхъ онъ самъ оскопилъ и которые были отправлены на фортификаціонныя работы въ ту же Ригу. Отчасти при помощи своихъ единомышленниковъ, но бо-

(¹) Чтен. въ общ. вѣст... 1872 г. 3 № 224 стр.

(²) Тамъ же, 45 стр.

(³) Рус. вѣстн. 1869 г. № 5, 245—246 стр.

(⁴) Чтен... 1872 г. 3 № 42 стр.

лѣ всего самъ лично, Шиловъ, работая въ кузницѣ вмѣстѣ съ солдатами и познакомившись съ ними, сталъ уговаривать ихъ къ оскотленію (1). Пропаганда его имѣла полный успѣхъ: въ 1789-мъ году, по показанію Архипова, было оскотлено уже двѣнадцать чело- вѣкъ. Въ это время главнымъ помощникомъ Шило- ва былъ инженерн. унт.-офицеръ Савелій Казуткинъ, который по порученію Шилова исправлялъ должность скопческаго „мастера“. Самъ Шиловъ игралъ роль „главнаго пророка и батюшки“ всѣхъ рижскихъ скоп- цовъ и обыкновенно первенствовалъ во время радѣ- ній. Эти послѣднія происходили въ Ригѣ же, въ домѣ мѣщанина Дегтерева, большею частію по праздни- камъ. Во время радѣній Шиловъ читалъ скопцамъ „житіе и страданіе перваго учителя скопцовъ, назы- ваемаго искупителемъ“ (2). Не ограничиваясь Ригю, Шиловъ простиралъ свое вредное вліяніе на другія болѣе отдаленныя мѣстности, между прочимъ на мызу Царскую Славянку, отстоявшую верстахъ въ шести отъ Павловска.

Въ Царской Славянкѣ проживалъ племянникъ А. Шилова, Иванъ Шиловъ. Исторія этого замѣча- тельнаго для скопчества чело-вѣка слѣдующая. Въ 1776 г. помѣщикъ Масловъ, узнавъ объ оскотленіи Ивана Шилова, отдалъ его въ военную службу въ Шлиссельбургскій пѣхотный полкъ; отсюда Шиловъ былъ переведенъ въ Нарвскій пѣхотный полкъ; въ 1784-мъ году, за болѣзнію, онъ былъ отставленъ отъ службы и отданъ подъ росписку магазенъ - вахтеру Михаилу Гужеву; съ этого-то именно времени Ши- ловъ и поселился въ мызѣ Славянкѣ, гдѣ былъ на- нятъ для присмотра за лѣсопильной и мукомольной мельницами (3). Узнавъ, что дядя его Александръ

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 182 стр.

(2) Тамъ же, 191—192 стр.

(3) Тамъ же—1873 г. 1. 7 стр.

Шиловъ находится въ Ригѣ, Иванъ Шиловъ началъ съ нимъ дѣятельную переписку отчасти чрезъ почту, но болѣе всего при посредствѣ рижскаго купца Тимофея Артамонова. Слѣдствіемъ этой переписки было то, что Иванъ Шиловъ, подстрекаемый своимъ дядею, началъ обширную пропаганду скопчества. Скоро скопчество появилось не только въ Славянкѣ, но и въ другихъ ближайшихъ къ ней мѣстностяхъ, какъ то: въ слободахъ Покровской и Большой, въ Θεодоровскомъ посадѣ и въ городѣ Павловскѣ. Въ послѣднемъ, между прочимъ, увлечено было къ скопчеству семейство крестьянина Ивана Фролова, имѣвшаго двухъ сыновей — Якова и Алексѣя, изъ которыхъ Яковъ Фроловъ содержалъ моленную въ Павловскѣ, а Алексѣй—въ Покровской слободѣ (¹).

Такимъ образомъ, въ то время какъ Александръ Шиловъ распространялъ скопчество между рижскими солдатами, его племянникъ дѣлалъ тоже самое, но гораздо въ большихъ размѣрахъ, около Петербурга. Однако, дѣятельность Александра Шилова скоро, именно въ 1789 году, сдѣлалась извѣстною начальству. Вслѣдствіе этого, его самого, а равно сосновскихъ скопцовъ и тѣхъ, которые вновь были оскоплены, подвергли наказанію палками; при этомъ Шилова и сосновскихъ скопцовъ, какъ главныхъ виновниковъ, заключили теперь въ Динаминдскую крѣпость съ утвержденіемъ надъ ними строгаго надзора (²). Последнее, впрочемъ, мало исполнялось, такъ что Шиловъ, хотя дѣйствительно и не оскоплялъ теперь солдатъ, но переписку съ своимъ племянникомъ велъ безпрепятственно (³). Въ этому времени, между прочимъ, относится неудачное путешествіе Дарьи Климовой и Акулины Ивановой, посланныхъ Иваномъ Шиловымъ

(¹) Чтен... 1873 г. 1. 7—9 стр.

(²) Тамъ же—1872 г. 3 № 182—183 и 191 стр.

(³) Тамъ же—1873 г. 1. 12 стр.

въ Ригу для свиданія съ его дядею. Онѣ, прибывъ въ Ригу, уже не нашли здѣсь Александра Шилова; тѣмъ во менѣ узнали, что Александръ Шиловъ находится теперь въ Динаминдской крѣпости и по приѣздѣ въ Славянку сообщили, конечно, о такомъ великомъ событіи Ивану Шилову (¹). Послѣдній, повидимому, нисколько не смутился, когда получилъ такое извѣстіе: онѣ по прежнему пропагандировалъ скопчество между окрестными жителями, стараясь въ то же время по-возможности скрывать отъ лицъ постороннихъ свое сектаторство (²). Свой домъ, который находился около мельницъ, онѣ превратилъ въ скопческую молельню, куда стекались съ разныхъ концовъ „дѣвки, молодыя бабы и мужики“ преимущественно въ ночное время. Но и преступной дѣятельности Ивана Шилова не суждено было оставаться долго въ тайнѣ.

Въ 1791 году крестьянинъ мызы Славянки Герасимъ Тихоновъ донесъ писарю Максиму Привалову о происходящихъ въ домѣ Ивана Шилова ночныхъ собраніяхъ. Приваловъ полюбопытствовалъ узнать, что происходитъ во время этихъ собраній и съ этою цѣлію въ одну ночь неожиданно явился въ избу Ивана Шилова. Самого Шилова онѣ не засталъ дома, но къ нему пришли уже три женщины. На вопросъ Привалова послѣднимъ: „зачѣмъ онѣ ходятъ къ Шилову?“ онѣ отвѣчали: „насъ Шиловъ учитъ доброму, какъ жить“. Между тѣмъ послано было за Шиловымъ и когда послѣдній явился, то Приваловъ спросилъ и его о цѣли собраній, происходящихъ въ его домѣ, и получилъ тотъ же неопредѣленный отвѣтъ. Привалову, впрочемъ, удалось захватить нѣсколько писемъ, адресованныхъ на имя Ивана Шилова. Когда Приваловъ спросилъ у Шилова: отъ кого писаны эти

(¹) Заря. 1871 г. 5 кн. 31—32 стр.

(²) Чт. въ общ. ист... 1873 г. 3 № 9—10 стр.

письма, то послѣдній, не придавая, повидимому, никакого значенія своимъ словамъ, открылъ ему, что письма писаны отъ крестьянина Александра Иванова, что Александръ Ивановъ—скопепъ, что онъ многихъ сдѣлалъ скопцами, между прочимъ и его, Ивана Шилова, а дѣлалъ все это для того, чтобы „скопить царствіе божіе и тѣмъ угодить Богу“ (¹). Это показаніе Ивана Шилова дало поводъ начать судебныя разслѣдованія прежде всего объ Иванѣ Шилорѣ, а потомъ и о другихъ, соприкосновенныхъ къ этому дѣлу, лицахъ. Дѣло о самомъ Иванѣ Шилорѣ окончилось скоро; онъ, по предписанію императрицы, былъ отправленъ въ Соловецкій монастырь. Подъ слѣдствіе о Шилорѣ подпалъ извѣстный уже намъ крестьянинъ Иванъ Фроловъ, впрочемъ, въ началѣ по причинѣ неотносящейся прямо къ дѣлу Ивана Шилова (²). Затѣмъ, уже по удаленіи Ивана Шилова, арестованы были губернаторомъ лифляндскимъ и эстляндскимъ Броуномъ, по особому предписанію императрицы, Тимоѳеѣй Артамоновъ и жившій въ его домѣ попехонскій мѣщанинъ Иванъ Кислятниковъ. Оба они, вначалѣ отказавшіеся отъ всякаго сообщества съ Шилорыми, впоследствии сознались, что принадлежатъ они къ „братству“ и Александра Ивановича, т. е. Шилова, почитаютъ „преблагословеннымъ отъ тѣмы восприемникомъ и отцомъ, показующимъ прямой путь ко спасенію“ (³). Кроме того, у Артамонова была найдена тетрадь, писанная рукою Александра Шилова и заключающая въ себѣ тринадцать пѣсенъ. Пѣсни эти, впрочемъ, чисто хлыстовскаго содержанія (⁴). Къ этимъ лицамъ присоединилось еще новое—нѣкто Алексѣй Васильевъ, динабургскій мѣщанинъ. Онъ, какъ

(¹) Чт. въ общ. вѣст... 1873 г. 3 № 10 стр.

(²) Тамъ же, 11 стр.

(³) Тамъ же, 13 и 26 стр.

(⁴) Тамъ же.

оказалось, прибылъ въ Славянку отъ Александра Ивановича Шилова, конечно, съ какимъ либо порученіемъ, въ то самое время, когда тамъ только что арестовали Шилова Ивана и Фролова. Впрочемъ, Алексѣй Васильевъ изъ-подъ ареста скоро ушелъ⁽¹⁾. Далѣе означенныхъ лицъ судебное слѣдствіе не простиралось. Притомъ и надъ этими лицами гласнаго производства слѣдствія не было, такъ какъ опасались этимъ „разшевелить другихъ раскольниковъ, которыхъ въ Ригѣ находилось много“⁽²⁾. Этимъ опасеніемъ „разшевелить раскольниковъ“ отчасти объясняется и слабость наказаній, которымъ подверглись привлеченныя къ слѣдствію лица. Артамоновъ и Кислятниковъ, не смотря на то, что оказались скопцами и принадлежали къ „братству“, просидѣли только нѣсколько времени подъ арестомъ и потомъ были освобождены отъ всякаго наказанія⁽³⁾. Относительно же Александра Шилова, который, какъ очевидно изъ дѣла, принималъ весьма дѣятельное участіе въ распространеніи скопчества около Павловска, послѣдовало новое предписаніе, чтобы „содержать его подъ крѣпкою стражею такъ, чтобы никакъ никто видѣть его не могъ, и для того никого къ нему не пускать, такъ и писать ему отнюдь ничего не велѣтъ“.

Нужно предполагать, что не безъ значительнаго участія членовъ „братства“ Александра Шилова скопчество проникло и въ Петербургъ. Въ послѣднемъ около 1790-го г. во главѣ скопцовъ народились ревельскіе мѣщане Гаврила Матвѣевъ и Михаилъ Савельевъ, оскопившіеся хлысты Сидоръ и Иванъ Яковлевы Ненастьяевы, имѣвшіе домъ въ староконюшенной улицѣ, купецъ Андрей Костровъ, жившій близъ шестилавочной улицы, и Алексѣй Даниловъ Огород-

(1) Чт. въ общ. ист... 1873 г. 3 № 26 и 28 стр.

(2) Тамъ же, 28 стр.

(3) Тамъ же, 29 стр.

никовъ, имѣвшій домъ у московской заставы ⁽¹⁾. Впрочемъ, относительно Ненастьевыхъ есть отрывочныя и весьма неполныя свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что они сами, безъ всякой помощи со стороны другихъ, дошли до скопчества, побуждаемые къ этому извѣстнымъ хлыстовскимъ возрѣніемъ на бракъ, котораго (хлыстовскаго возрѣнія) они держались еще ранѣе ⁽²⁾. Родомъ Ненастьевы были изъ Выборгской губерніи и принадлежали къ купеческому сословію. Живя въ Петербургѣ, они познакомились со многими духовными лицами, а также съ вліятельными людьми изъ купечества и дворянства ⁽³⁾. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, Ненастьевы имѣли весьма важное значеніе въ исторіи скопчества.

Разсмотрѣніе исторіи распространенія скопчества непосредственно послѣ ссылки основателя скопческой секты убѣждаетъ насъ, такимъ образомъ, что сѣмя скопчества, брошенное Селивановымъ, принесло обильный плодъ, что скопчество распространилось настолько, что возвратившійся изъ Сибири Селивановъ могъ легко найти себѣ пристанище между скопцами разныхъ губерній. Обстоятельства сложились такъ, что Селивановъ, не безъ помощи своихъ дѣтушекъ, убѣжалъ изъ Сибири и, благодаря случайностямъ, прибылъ въ Петербургъ, гдѣ скоро занялъ блестящее положеніе въ обществѣ скопцовъ.

Мы сказали, что Селивановъ послѣ наказанія въ Сосновкѣ, былъ отправленъ въ Нерчинскъ. Прибывъ въ Иркутскъ ⁽⁴⁾, до котораго онъ шелъ, по сказанію „страдъ“, полтора года ⁽⁵⁾, онъ не былъ, однако, от-

⁽¹⁾ Реутскій, 119 стр.

⁽²⁾ Сушковъ, Записки о жизни Филарета, 75 стр.

⁽³⁾ Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 67 стр. 46 примѣч.

⁽⁴⁾ Мы опускаемъ подробности о путешествіи Селиванова въ Иркутскъ, такъ какъ онѣ мало имѣютъ значенія для исторіи скопчества и кромѣ того носятъ на себѣ анекдотическій характеръ.

⁽⁵⁾ Чтен. въ общ. ист... 1864 г. 4 № 83 стр.

правленъ далѣ. По какой же причинѣ основатель скопческой секты остался въ Иркутскѣ, тогда какъ ему слѣдовало идти въ Нерчинскъ? Обстоятельство это остается не разъясненнымъ. Самъ Селивановъ объясняетъ это обстоятельство четырехкратнымъ явленіемъ ему Бога, который, умилосердившись надъ нимъ, смягчилъ жестокое наказаніе, назначенное ему ⁽¹⁾. Въ Иркутскѣ лжеискупитель жилъ совершенно свободно, расхаживалъ по улицамъ города и собиралъ милостыню ⁽²⁾. Онъ даже, какъ передавалъ Громовъ Андреянову, „ходилъ по собраніямъ и пророки прорекали о немъ, что „Богъ дескать здѣсь“ ⁽³⁾. Слѣдовательно, нужно предполагать, что Селивановъ даже пропагандировалъ свое ученіе между жителями Иркутска и другихъ, вѣроятно, мѣстностей, такъ что появились даже пророки и были собранія. Г. Дмитревскій, неизвѣстно, впрочемъ, откуда почерпнувшій свои свѣдѣнія, приводитъ цифры о состояніи скопчества въ Сибири вскорѣ послѣ бѣгства изъ нея лжеискупителя. Цифры эти весьма велики и вѣрять имъ, поэтому, весьма трудно. По Дмитревскому, въ иркутской, енисейской и томской губерніяхъ было по 200 скопцовъ, — всего, значить, 600 человекъ ⁽⁴⁾. Какъ бы то ни было, но то весьма вѣроятно, что Селивановъ, пользуясь свободой, могъ распространять скопчество ⁽⁵⁾, могъ, далѣе, когда угодно, оставить Иркутскъ и отправиться въ Россію. Это послѣднее онъ и сдѣлалъ.

⁽¹⁾ Чтен. въ общ. ист... 1864 г. 4 № 85 стр.

⁽²⁾ Тамъ же, 83 стр.

⁽³⁾ Тамъ же, 1872 г. 3 № 300 стр.

⁽⁴⁾ Черн. Еп. Вѣд. 1869 г. № 7. 223 стр.

⁽⁵⁾ Скопцы, вспоминая пребываніе лжеискупителя въ Иркутскѣ, поютъ:

«И онъ (лжеискупитель) тамъ (въ Иркутскѣ), нашъ государь,
Разводилъ зеленый садъ (т. е. распространялъ скопчество. Чтен...
1872 г. 3 № 414 стр.).»

Неизвестно, когда именно и при какихъ условіяхъ Селивановъ оставилъ Иркутскъ. Принимая, однако, во вниманіе, что лжеискупитель уже въ 1795 году находился въ московской губерніи ⁽¹⁾, можно думать, что бѣгство его изъ Иркутска относится или къ 1793 году или даже нѣсколько ранѣе. Объ обстоятельствахъ этого бѣгства сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія Андреяновъ. По словамъ послѣдняго, лжеискупитель, оставивъ Иркутскъ, долгое время странствовалъ по иркутской губерніи, вмѣстѣ съ какимъ-то молодымъ генераломъ. Странствуя, они зашли къ одному крестьянину, у котораго выпросили себѣ пару лошадей, запрягли ихъ „въ зеленую кибитку“ и уѣхали. На дорогѣ ихъ настигла погоня, но такъ какъ послѣдняя не узнала ихъ, то они благополучно прибыли въ какую-то деревню. Здѣсь они нашли пріютъ у какой-то „жонки“, которая спрятала ихъ подъ поломъ. На полу въ это время стоялъ теленокъ и намочилъ, „и мокро, продолжаетъ Андреяновъ, полилося подъ полъ, то царь, увидѣвъ оное, сказалъ генералу: „генераль, тебя замочить“, а тотъ ему отвѣчалъ: „чтобы царя-то не замочило“ ⁽²⁾! Потомъ основатель скопческой секты (одинъ или вмѣстѣ съ генераломъ—неизвестно) перешелъ къ какому-то крестьянину, у котораго пахалъ землю. Однажды, говорится въ донесеніи Андреянова, крестьянинъ за что-то разгнѣвался на лжеискупителя и хотѣлъ его ударить, но послѣдній сказалъ: „эдакъ ты и царя ударишь“. „Развѣ ты царь?“ спросилъ крестьянинъ. Искупитель показалъ ему звѣзду; крестьянинъ испугался и сказалъ царю: „иди, куда знаешь“ ⁽³⁾. — Мы остаемся въ совершенномъ незна-

⁽¹⁾ Чтен... 1872 г. 3 № 46 стр.

⁽²⁾ Тамъ же,—2 № 52 стр.

⁽³⁾ Тамъ же,—3 № 299—300 стр.—Эти два свидѣтельства о политическомъ самозванствѣ основателя скопческой секты суть самыя раннія. Правда, въ «страдахъ» лжеискупителя также упоминается имя царя, которое присвоивалось лжеискупителю Анною Романовною, из-

ніи, кто такой былъ этотъ „молодой генералъ“, сопутствовавшій лжеискупителю и гдѣ жили крестьянинъ и крестьянка, у которыхъ Селивановъ нѣкото-

вѣстною пророчицею въ кораблѣ Акулины Ивановны; но присвоивалось это имя, очевидно, въ иномъ смыслѣ, въ смыслѣ хлыстовскаго возрѣнія на своихъ христовъ; притомъ, оно усвоивалось ему не какъ дѣйствительный, уже существующій титулъ, а какъ только гадательный, возможный («Посланіе» — Чт. въ общ. ист... 1864 г. 4 № 77 стр.). Такимъ образомъ, основываясь на первыхъ двухъ свидѣтельствахъ, можно допустить то вѣроятное предположеніе, что основатель скопческой секты принялъ на себя имя царя, находясь въ Сибири. Впослѣдствіи, въ бытность въ селѣ Быковѣ, бронницкаго уѣзда, московской губерніи, Селивановъ объявлялъ уже себя царемъ Петромъ III Теодоровичемъ (Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 48 стр.). Это имя Петра III оставалось всегда именемъ Селиванова и скопцы до сего времени не иначе называютъ своего «батьшку», какъ этимъ именемъ. Какимъ образомъ могла образоваться въ головѣ основателя скопческой секты идея политическаго самозванства и съ какою цѣлію онъ присоединилъ къ существовавшему уже религіозному самозванству это новое самозванство—подобные вопросы, конечно, не могутъ подлежать безусловному и положительному рѣшенію. Можно думать, однако, что идея политическаго самозванства явилась въ головѣ основателя скопческой секты подъ влияніемъ свѣжаго, только что окончившагося предъ отправленіемъ лжеискупителя въ Сибирь самозванства Емельяна Пугачева. На это послѣднее обстоятельство можно находить указаніе въ «страдахъ» самого лжеискупителя. По словамъ лжеискупителя, на дорогѣ въ Сибирь онъ будто бы встрѣтился съ Пугачевымъ, котораго «проводжали полки полками и тоже везли подъ великимъ конвоемъ, а меня, продолжаетъ лжеискупитель, везли вдвое того больше и весьма строго, и тутъ которые его проводжали, за мной пошли, а которые меня везли, за нимъ пошли»... (Чтен. въ общ. ист... 1864 г. 4 № 82 стр.). Этотъ разговоръ лжеискупителя о его встрѣчѣ съ Пугачевымъ и о происходившей при этой встрѣчѣ развѣтѣ конвоя, какъ несогласный съ дѣйствительною исторіею поимки и казни Пугачева, можно понимать въ смыслѣ указанія лжеискупителемъ на Пугачева, какъ на ближайшую причину, вызвавшую у него мысль принять на себя имя Петра III. Но и помимо Пугачева, изучаемое нами время изобиловало лже-петрами; такъ известны самозванцы съ именемъ Петра III Дмитрій Поповичъ въ 1776 году и Николай Шляпниковъ въ 1782 году (Сборн. Кельсѣва. III. 117 стр. 151 примѣч.). По свидѣтельству Д. Анучина, «одною изъ характеристическихъ чертъ пугачевщины было появленіе многихъ самозванцевъ. Почти всѣ шайки, дѣйствовавшія въ пугачевщину, имѣли среди себя смѣльчаковъ, называвшихся Петромъ III». (Графъ Панинъ, усмир. пугачевщ. Рус. Вѣстн.

рое время находился. Соображая послѣдующія обстоятельства исторіи лжеискупителя, такъ и кажется, что „молодой генераль“ есть не кто другой, какъ извѣстный Масоновъ или Колесниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, Масоновъ, часто пріѣзжая въ Иркутскъ по торговымъ дѣламъ, могъ, конечно, безпрепятственно видѣть начальника своей вѣры и могъ предложить ему свои услуги вывести его, по крайней мѣрѣ изъ иркутской губерніи. Если теперь къ этому присоединить просьбы и вознагражденія со стороны прочихъ скопцовъ, которые, безъ сомнѣнія, знали, кто такой Масоновъ, такъ какъ онъ находился во главѣ цѣлаго корабля, то предположеніе наше получаетъ характеръ еще большей вѣроятности.

Въ 1795-мъ году въ селѣ Быковѣ, бронницкаго уѣзда, московской губерніи, подъ колокольнею появляется странный человѣкъ, „трудникъ какъ безъязы-

1869 г. № 5. 150 стр.). Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что всѣ подобныя самозванцы могли быть извѣстны основателю скопческой секты, какъ съ другой стороны могло быть извѣстно и то обстоятельство, что большинство этихъ самозванцевъ находило вѣру себѣ и сочувствіе въ народѣ. Этою-то популярностію имени Петра Ш съ одной стороны, народнымъ легковѣріемъ и народною симпатіею къ Петру Ш—съ другой,—и пожелалъ воспользоваться основатель скопческой секты. И замѣчательно; тогда какъ его коллеги по самозванству оканчивали свою роль самымъ незавиднымъ и жалкимъ образомъ, онъ сдѣлалъ такъ замаскировать свое преступное самозванство, что даже, находясь въ Петербургѣ около 20-ти лѣтъ, не подвергался преслѣдованію за это преступленіе. Правда, число адептовъ этого лжепетра было слишкомъ ограничено; но нельзя сказать того, чтобы эти адепты высказывали свою вѣру въ мнимаго Петра Ш тайно и скрытно; напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ обнаруживали ее открыто; таковъ былъ напр. Кобелевъ, прежде бывший придворный лакей. Вообще, основатель скопческой секты былъ счастливъ въ всѣхъ предшествовавшихъ ему и послѣдующихъ за нимъ самозванцевъ съ именемъ Петра Ш. Въ самомъ дѣлѣ, нужно удивляться силѣ и жизнелюбности вѣры въ него, какъ Петра Ш, существующей между скопцами. Какъ показало недавнее мелятопольское дѣло, вѣра скопцовъ въ Петра Ш, будто бы живущаго на землѣ еще до сего времени и снова открывшагося въ Лисинѣ, не только не уничтожилась, но даже ни мало не ослабѣла.

ченъ, носившій желѣзныя вериги на животѣ и на ногахъ“ (1). Народъ, чуткій вообще ко всякаго рода странностямъ и особенно къ юродивымъ и мнимымъ подвижникамъ, скоро обратилъ вниманіе и на эту загадочную личность; пошли толки, догадки, любопытству не было конца, тѣмъ болѣе, что личность, на которую обращено было вниманіе, при всемъ видимомъ благочестіи ея, не обладала даромъ языка: „малніемъ, а не языкомъ, разсуждалъ все пальцами“ (2).... Любопытство и удивленіе еще болѣе увеличилось, когда „мнимый трудникъ“ совершилъ два „мнимыя чуда“, исцѣливъ жену крестьянина Гаврилова, страдавшую умопомѣшательствомъ и претворивъ въ кувшинѣ квасъ въ воду. Весьма многіе вслѣдствіе этого готовы были уже признать его если не богомъ, то, по крайней мѣрѣ, какимъ-нибудь великимъ угодникомъ божіимъ. „Илія ты пророкъ, или Енохъ, или Іоаннъ Богословъ?“ (3) спрашивали многіе, пораженные подвижничествомъ и чудодѣйственной силою мнимаго трудника. Послѣдній, какъ бы отклоняя отъ себя это высокое званіе, „съ огорченіемъ сталъ молиться Богу рѣчью другимъ языкомъ“, дѣлая въ тоже время пальцемъ на груди „какъ кресты, или звѣзды, и дѣлалъ будто бы артикуль руками; и вынималъ, будто бы, шпагу“. Наконецъ, послѣ неоднократныхъ усиленныхъ просьбъ, трудникъ, собравшійся отправиться въ Стародубье въ раскольническій монастырь,—при самомъ отъѣздѣ подъ величайшимъ секретомъ сообщилъ крестьянину Ивану Гаврилову и другимъ, бывшимъ въ его домѣ, что онъ не кто иной, какъ „государь Петръ Θεодоровичъ“; при этомъ завѣщалъ имъ подъ клятвою, чтобы они до времени коронаціи Павла Петровича, его сына,

(1) Чт. въ общ. вѣст. 1872 г. 3 № 46 стр.

(2) Тамъ же, 47 стр.

(3) Тамъ же.

никому объ этомъ не рассказывали; „ежели же кому скажете, то будетъ вамъ казнь“, говорилъ мнимый Петръ Θεодоровичъ. „И этого ради страха, показывалъ на слѣдствіи Гавриловъ, а кольми паче, простосердечія, въ то самое время побоялся начальству объявить, а уже отпустя его въ Стародубье на наемныхъ подводахъ, я, усомняся, какъ бы чрезъ сіе не послѣдовало въ Россіи какого неустройства, для совѣта, сказалъ брату своему двоюродному, московскому купцу Николаю Алексѣеву, а съ нимъ, не терпя ни мало, сказали то московскому же жителю, Ильѣ Алексѣеву“, т. е. Ковылину, извѣстному основателю Преображенскаго кладбища въ Москвѣ (¹). Послѣдній, очевидно, придавшій важное значеніе этому открытію Гаврилова, тотчасъ же передалъ такую новость московскому генераль-полицмейстеру Н. Архарову, чрезъ его брата. Архаровъ немедленно командировалъ офицера, который вмѣстѣ съ Гавриловымъ и его братомъ Николаемъ Алексѣевымъ отправились въ стародубскіе монастыри съ цѣлію отыскать тамъ мнимаго императора Петра Θεодоровича. Каково же было ихъ удивленіе, когда они, пріѣхавши въ Стародубье, не нашли ни мнимаго Петра Θεодоровича, ни того крестьянина, который отвозилъ его въ Стародубье? Возвратившись обратно, они, прислушиваясь къ ходящей въ народѣ молвѣ относительно царя Петра Θεодоровича, узнали, наконецъ, что мнимый Петръ Θεодоровичъ находится не въ Стародубьѣ, куда онъ вовсе и не думалъ ѣхать, а въ Москвѣ, скитаясь по домамъ людей божіихъ. Вслѣдствіе этого начались розыски и Архарову весьма скоро, именно въ январѣ 1797-го года, удалось поймать мнимаго трудника и царя Петра Θεодоровича, который оказался не кто иной, какъ лжеискупитель и основатель скопческой секты.

Странно, повидимому, и непонятно, зачѣмъ Селивановъ явился именно въ Москву. Событіе 1775 года

(¹) Чт. въ общ. ист. 1872 г. 3 № 48 стр.

было еще такъ близко, что лжеискупителю было весьма опасно появляться въ Москвѣ. Тѣ лица, которыя выдали его правительству въ 1775 году, равно какъ и власти, арестовавшія его, и наконецъ, многіе изъ постороннихъ могли узнать его и выдать въ руки правительства. Но не такъ, очевидно, рассуждалъ основатель скопческой секты. То, что сдѣлано имъ, по-видимому, безъ всякаго соображенія, сдѣлано на самомъ дѣлѣ обдуманно и съ извѣстными цѣлями.

Послѣ извѣстнаго строгаго предписанія императрицы Екатерины II въ 1792 году объ усиленіи надзора за Александромъ Шиловымъ, положеніе послѣдняго немного измѣнилось. Правда, мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, продолжалъ ли онъ переписку съ кѣмъ либо изъ скопцовъ; но мы имѣемъ свидѣтельство унтеръ-офицера скопца Дениса Архипова, которое показываетъ, что динаминдская темница не всегда удерживала Александра Шилова отъ преступныхъ сношеній съ рижскими скопцами. Шиловъ по временамъ бесѣдовалъ съ послѣдними о разныхъ предметахъ и, что всего удивительнѣе, бесѣдовалъ съ ними о такомъ предметѣ, котораго онъ никакъ не могъ измыслить самъ и свѣдѣнія о которомъ онъ, очевидно, заимствовалъ отъ другихъ,—и именно, какъ намъ кажется, отъ Масонова. „Когда воцарился блаженной памяти императоръ Павелъ Петровичъ (¹), говоритъ Архиповъ въ своемъ показаніи, то возникли въ народѣ разные толки про государя императора Петра III, и что яко-бы Александръ Ивановичъ (Шиловъ) про него рассказываетъ“ (²). Это свидѣтельство Архипова, правда, несовсѣмъ опредѣленное, дополняетъ и поясняетъ другое, переданное Лубяновскимъ въ своихъ „запискахъ“. Изъ этого послѣдняго свидѣтельства очевидно, что Шиловъ, дѣйствительно проповѣдывалъ

(¹) Имп. Павелъ Петровичъ вступилъ на престолъ 6 ноября 1796 г.

(²) Чтен... 1872 г. 3 № 192 стр.

рижскимъ и, вѣроятно, другимъ скопцамъ о томъ, что Петръ III живъ и скоро долженъ явиться въ Петербургъ. Проповѣдь эта до того была открыта и свершалась съ такою увѣренностію, что слухъ о ней достигъ даже до императора Павла I. Вслѣдствіе этого, императоръ предписалъ Гинё, впоследствии президенту Лифляндскаго оберъ-гофгерихта, представить немедленно въ Петербургъ двухъ главныхъ учителей скопческой секты, находившихся въ динаминдской крѣпости. Гинё представилъ ихъ въ началѣ декабря 1796 года. Кто были эти два „главныхъ учителя“ скопчества—неизвѣстно изъ „записокъ“; но не трудно, конечно, догадаться, что одинъ изъ нихъ есть Александръ Шиловъ, другой же, какъ полагаетъ Реутскій, —Софонъ Поповъ ⁽¹⁾. Когда они были представлены императору, послѣдній „довольно долго, но тихо, говорилъ съ ними въ кабинетѣ“, такъ что разговоръ этотъ остался тайной. Между тѣмъ, императоръ отдалъ приказаніе Гинё препроводить „главныхъ скопцовъ“ къ губернатору Н. П. Архарову, а самому ему какъ можно чаще бывать у этихъ скопцовъ и доносить обо всемъ, что случится важнаго. Гинё исполнялъ приказаніе императора въ теченіи трехъ недѣль, но потомъ, какъ бы пораженный молніей, онъ мгновенно оставилъ Петербургъ и ускакалъ къ своей деревнѣ. Что за-причина была столь быстрого и внезапнаго отъѣзда Гинё, объ этомъ онъ самъ разсказывалъ Лубяновскому впоследствии такъ: „скопцы въ тотъ вечеръ (т. е. въ послѣднее предъ отъѣздомъ его посѣщеніе) жаловались ему на Архарова, но о себѣ не

(1) Исслѣдованіе его, 122 стр.—Впрочемъ, предположеніе г. Реутскаго мы не раздѣляемъ, потому что достоверно извѣстно, что Софонъ Поповъ до апрѣля 1800 г. находился въ Динаминдѣ (Чтен... 1872 г. 3 № 65 стр.). Итакъ, относительно втораго лица, если только оно, дѣйствительно, было, мы остаемся въ неизвѣстности. Прямой смыслъ допесенія коменданта Динаминдской крѣпости даже позволяетъ усомниться въ достоверности факта, передаваемого Лубянскимъ о томъ, что были вызваны изъ Динаминда два скопца.

просили, а умоляли его, Гинё, сказать Его Величеству, чтобы изволил глядѣть въ оба, а не остережется, то кончитъ, какъ и не помышляетъ, и то не за горами. Съ такою увѣренностію они предсказывали, что волосы у него стали на головѣ; не зналъ, на что рѣшиться; вспомнилъ о женѣ и дѣтяхъ, зажалъ себѣ ротъ, глаза и уши, и уѣхалъ“ (1). Очевидно, что угрозы относительно жизни императора Павла, высказанныя скопцами Гинё, имѣли связь съ слухомъ, болѣе и болѣе распространявшимся и утверждавшимся въ обществѣ петербургскихъ скопцовъ, о скоромъ появленіи императора Петра III въ Петербургъ и о его воцареніи на російскомъ престолѣ. Дѣйствительно, едва только тревога, произведенная Шиловымъ, нѣсколько успокоилась, на сцену дѣятельности въ томъ же направленіи появляется новое лицо, которое сообщаетъ императору Павлу I „вѣрныя и положительныя свѣдѣнія“, что Петръ III живъ и находится въ Сибири. Это былъ Масоновъ или Колесниковъ (2). Послѣдній, какъ можно и даже должно полагать, дождавшись пріѣзда мнимаго Петра Теодоровича въ Москву, немедленно поскакалъ въ Петербургъ и узнавъ, что Павелъ I уже встревоженъ слухомъ о Петрѣ III, рѣшился сразу поразить его новымъ свидѣтельствомъ о томъ, что Петръ III, дѣйствительно, живъ, находится въ Сибири и онъ его видѣлъ и разговаривалъ съ нимъ.— Такъ именно нужно понимать рассказъ самихъ

(1) Рус. Архивъ Изд. Бартенева. 1872 г. 151—152 стр.

(2) Г. Реутскій полагаетъ, что Масоновъ явился прежде Шилова (Исслѣд. его 122 стр.). Ходъ дѣла, однако, показываетъ противное. Въ самомъ дѣлѣ, Шиловъ содержался у Оболянина полтора мѣсяца со времени пріѣзда изъ Динамида (съ 2 дек. 1796 г.) и, какъ извѣстно, одинъ, а если съ другимъ, то съ динамидскимъ скопцомъ, но никакъ не съ Масоновымъ. По сказанію скопцовъ (Чт... 1872 г. 3 № 112 стр.), подтверждаемому официальными извѣстіями (тамъ же, 184 стр.), едва только Масоновъ явился къ императору, его тотчасъ велѣно было отправить въ крѣпость вмѣстѣ съ Шиловымъ и другими. Выводъ отсюда понятенъ.

скопцовъ объ обстоятельствахъ возвращенія Селиванова изъ Сибири. По этому разсказу, императрица Екатерина II, встревоженная слухами о томъ, что Петръ III живъ и находится въ Сибири, послала для развѣдыванія этого важнаго обстоятельства извѣстнаго ей еще прежде московскаго купца Θεодора Евсѣевича Колесникова, котораго она въ шутку прозвала „масономъ“. Колесниковъ возвратился изъ Сибири въ Петербургъ уже въ то время, когда императрицы не было въ живыхъ. Поэтому, онъ явился теперь къ императору Павлу I и объявилъ ему, что дѣйствительно Петръ III живъ и находится въ Сибири. Такъ какъ Колесниковъ при своемъ представленіи императору имѣлъ на себѣ сибирскую зимнюю одежду—„малицу и совикъ“, то императоръ будто-бы разгнѣвался на него за это послѣднее и приказалъ заключить его въ крѣпость ⁽¹⁾. Послѣднее обстоятельство объясняется проще. Именно, какъ только Колесниковъ осуществилъ свое дерзкое намѣреніе, императоръ видя, что слухъ о мнимомъ Петрѣ III утверждается болѣе и болѣе и слѣдовательно оставленіе злонамѣренныхъ лицъ внѣ стражи можетъ привести къ дурнымъ послѣдствіямъ, предписалъ князю Куракину о немедленномъ заключеніи Шилова и Масонова, какъ главныхъ виновниковъ этихъ смуть, въ Шлисельбургскую крѣпость. Къ этимъ лицамъ присоединились новые скопцы, отчасти уже извѣстные намъ: Матѣевъ, Огородниковъ, Савельевъ и неизвѣстный до сего времени Агѣевъ, которые, присоединившись къ Шилову, вполне раздѣляли съ нимъ ожиданіе о скоромъ прибытіи въ Петербургъ Петра III. Куракинъ исполнилъ предписаніе императора, вѣроятно, числа 20-го января 1797-го года ⁽²⁾, и всѣ шестеро

⁽¹⁾ Чт. въ общ. ист. 1872 г. 3 № 112 стр.

⁽²⁾ Такъ можно полагать, основываясь на томъ официальном извѣстіи, что Шиловъ былъ отправленъ чрезъ полтора мѣсяца по прибы-

скопцовъ заключены были въ Шлиссельбургскую крѣпость ⁽¹⁾.

Итакъ, прибытіе Селиванова въ Москву, повидимому, странное и непонятное, имѣло, очевидно, смыслъ и опредѣленную цѣль. Главный агитаторъ скопчества купецъ Колесниковъ, равно какъ и другіе, ближайшіе помощники, рассчитывали, что какъ только императоръ Павелъ I услышитъ отъ нихъ вѣсть о дѣйствительномъ пребываніи Петра III въ Сибири, онъ непременно повѣритъ имъ, а повѣривши поплетъ кого либо изъ нихъ отыскать Петра III. Этотъ посланный, какимъ долженъ быть, очевидно, Колесниковъ, какъ человѣкъ видѣвшій Петра III и разговаривавшій съ нимъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствительно ѣхать въ Сибирь и отыскивать тамъ несуществовавшаго Петра III, прибылъ бы въ Москву, гдѣ уже находился мнимый „трудникъ и царь Петръ Θεодоровичъ“, только что освободившійся изъ-подъ быковской колокольни. Этого-то мнимаго Петра Θεодоровича скопцы и намѣрены были теперь представить въ Петербургъ при торжественной, конечно, процессіи и посадить его на русскомъ престолѣ. Расчетъ скопцовъ,—глупый и сумасбродный, конечно, не удался. Однако, благодаря случайностямъ и особенно снисходительности правительства, обусловливавшейся совершеннымъ непониманіемъ дѣйствительныхъ желаній и намѣреній скопцовъ, послѣднимъ удалось достигнуть своей цѣли, хотя, конечно, не въ прежнихъ сумасбродныхъ размѣрахъ.

27-го января 1797-го года Селивановъ находился уже въ Петербургѣ ⁽¹⁾ и, какъ рассказываютъ скопцы, былъ представленъ императору Павлу I. На вопросъ послѣдняго: „ты мой отецъ? онъ отвѣчалъ:

тѣмъ изъ Динамида (Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 184 стр.), а прибылъ онъ изъ Динамида 2 декабря 1796 года (Сборн. Кельс. III. 87 стр.).

⁽¹⁾ Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 184 стр.

⁽²⁾ Тамъ же. 48 стр.

грѣху я не отецъ: прими мое дѣло (оскопленіе), и я признаю тебя своимъ сыномъ“. Павелъ I будто бы разгнѣвался на мнимаго Петра III за такую его рѣчь, послѣдній же предрекъ ему скорую кончину (¹). Хотя мы не имѣемъ официальныхъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ сказаніе скопцовъ, но принимая во вниманіе, съ одной стороны, важность преступленія лжеискупителя, т. е. его политическое самозванство, а съ другой—предшествовавший этому событію фактъ вызова Павломъ I Шилова изъ Динаминда, можно съ вѣроятностію допустить, что и лжеискупитель былъ также представленъ государю; впрочемъ, иначе цѣль призыва лжеискупителя въ Петербургъ будетъ непонятна. Свиданіе лжеискупителя съ императоромъ окончилось тѣмъ, что его велѣно было препроводить въ домъ съумасшедшихъ, иначе въ Обуховскій (²).

Во все время царствованія Павла I, т. е. до 12-го марта 1801-го года, лжеискупитель и лжецарь находился въ обуховскомъ домѣ и жизнь его намъ неизвѣстна. Таково же было положеніе и извѣстныхъ намъ шести скопцовъ, заключенныхъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Судьба не дала Шилову дожить до торжества скопческой ереси; онъ умеръ въ Шлиссельбургской крѣпости съ 5-го на 6-е января 1799-го года, какъ говорятъ скопцы, по официальнымъ же свидѣтельствамъ съ 5-го на 6-е янв. 1800-го года. Смерть и погребеніе Шилова скопцы обставляютъ разными невѣроятными обстоятельствами. По рассказамъ скопцовъ, въ день смерти Шилова, утромъ, будто бы пріѣзжалъ въ Шлиссельбургъ нарочный курьеръ, по другимъ даже „камергеръ“, съ цѣлію взять Шилова и его пятерыхъ товарищей въ Петербургъ. Такъ какъ Шиловъ лежалъ уже мертвый, то курьеръ, оставивъ пока въ Шлиссельбургѣ пятерыхъ

(¹) Чтен.... 1872 г. 3 № 112—113 стр.

(²) Тамъ же, 66 стр.; Реутскій, 123 стр.

скопцовъ, поспѣшно ускакалъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о смерти Шилова. Черезъ двѣнадцать дней послѣ смерти послѣдовало высочайшее повелѣніе о преданіи землѣ умершаго и о допущеніи прочихъ скопцовъ—товарищей умершаго—проститься съ нимъ. Погребеніе совершали надъ нимъ со всею торжественностію православные священники и прочее духовенство; при погребеніи присутствовали: комендантъ крѣпости Плуталовъ, плацъ-майоръ Юхаревъ и множество другихъ чиновниковъ. Похоронили его сначала при подошвѣ преображенской горы, близъ берега Невы, но потомъ въ 1802 году, также съ торжественною процессією, тѣло Шилова перенесено было на верхъ преображенской горы, гдѣ надъ могилою его выстроена была большая часовня будто-бы на средства коменданта крѣпости. При этомъ, добавляють скопцы, тѣло Александра Ивановича, не смотря на продолжительное время послѣ его смерти, найдено было неповрежденнымъ, исключая ногтя на пальцѣ ноги, почернѣвшаго вслѣдствіе тѣсноты гроба. Такъ какъ могила Шилова скоро стала привлекать къ себѣ многихъ поклонниковъ, а выстроенная надъ нею часовня сдѣлалась мѣстомъ совершенія операціи оскопленія, то, продолжаять скопцы, по рѣшенію „старыхъ скопцовъ“, болѣе благоразумнѣйшихъ, часовня была сломана и на мѣсто ея сначала былъ сдѣланъ каменный сводъ стараніями петербургскихъ купцовъ Борисова и Шеметова, а въ 1829-мъ году воздвигнуть былъ каменный памятникъ съ надписью (1). Памятникъ этотъ скоро сдѣлался какъ-бы священнымъ сосудомъ, въ которомъ скопцы освящали хлѣбъ, употребляемый ими для причащенія. Съ этою цѣлію на памятникъ выдолблены были два отверстія, куда и опускали скопцы кусочки хлѣба. Въ существованіи этихъ двухъ отверстій имѣлъ случай убѣдиться и

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 184—188 стр.; Сбор. Кельс. III. 101—105 стр.

Пеликанъ, какъ свидѣтельствуеть объ этомъ онъ самъ ⁽¹⁾. Скопцы, какъ уже отчасти очевидно изъ предъидущаго, не менѣ лжеискупителя благоговѣють предъ Шиловымъ. Они весьма заботливо охраняють могилу его и говорятъ о немъ не иначе, какъ съ подобающимъ праяеднику благоговѣніемъ. Когда предѣдатель комиссіи о скопцахъ Липранди въ 1844 году свидѣтельствовалъ могилу Шилова, то отставной унтеръ-офицеръ Трусовъ, великій почитатель Шилова, недовольный такимъ дѣйствіемъ Липранди, въ порывѣ негодованія воскликнулъ: „накажи, Господи, того, кто и прахъ его (Шилова) не оставляетъ въ покоѣ“. При освидѣтельствваніи же могилы, скопцы, не смотря на сильный морозъ и вьюгу, не смотря на просьбы слѣдователей — надѣть шапки, не согласились сдѣлать этого, боясь оскорбить праведника ⁽²⁾. Скопческая миеологія причислила Шилова къ лику святыхъ и скопцы всегда поминають имя его во время своихъ радѣній ⁽³⁾. Они же усвояють ему имена кн. Дашкова, сопутствовавшаго будто-бы императору Петру III, графа Чернышева и наконецъ, какого-то инженернаго полковника ⁽⁴⁾.

III.

1802—1820 гг.

Періодъ времени отъ 1802—1820 гг. есть замѣчательнѣйшій во всей исторіи скопчества. Въ это время скопчество дошло до апогея своего величія, далѣ котораго оно не могло уже идти. Точное и опредѣленное формулированіе главнѣйшихъ догмати-

⁽¹⁾ Пеликанъ, 113 стр.

⁽²⁾ Чтен... 1872 г. 3 № 188 стр.

⁽³⁾ Тамъ же, 181 стр.

⁽⁴⁾ Сборн. Кельс. Ш. 99 стр.

ческих особенностей, отличающих скопческую секту от хлыстовщины, свободное, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемое отправленіе радѣній, открытое воздаяніе лжеискупителю божескихъ и царскихъ почестей его послѣдователями и благоговѣйнаго уваженія его почитателями изъ круга петербургской аристократіи—составляютъ внутреннія характеристическія черты исторіи скопчества въ разсматриваемое время. Быстрое и повсемѣстное распространеніе скопчества и притомъ въ громаднѣхъ размѣрахъ, совершившееся въ это время ⁽¹⁾, установленіе сношеній—письменныхъ и устныхъ между петербургскими скопцами и скопцами другихъ отдаленныхъ губерній, достигшее даже нѣкотораго рода правильности,—составляютъ внѣшніе характеристическіе признаки исторіи скопчества этого времени. Скопцы не иначе называютъ это время, какъ „счастливымъ временемъ, золотымъ вѣкомъ“; Петербургъ именуютъ „православнымъ Питеромъ“, „прибѣжищемъ Христу“, „вертоградомъ“, въ которомъ разцвѣталь „зеленый райскій садъ“ и „Сіономъ градомъ“. О внутреннемъ и внѣшнемъ состояніи своего общества въ данное время скопцы такъ поютъ:

„Открывъ прежде всего тайну—святой кругъ ⁽²⁾,
 Чтобъ присутствовалъ въ сердцахъ Святой Духъ,
 Во вторые—далъ знать всѣмъ царскимъ родамъ,
 Всѣмъ Вельможамъ, Сенаторамъ, Господамъ ⁽³⁾;

(1) При взглядѣ на географическую карту распродѣленія скопчества въ Россіи за время отъ 1805-го по 1839-й годъ, приложенную къ сочиненію Пеликана, оказывается, что въ это время скопчества не существовало (конечно для правительства) только въ губерніяхъ восьми, именно: въ тверской, пензенской, астраханской, ставропольской, подтавской, минской и др. западныхъ губерніяхъ; во всѣхъ прочихъ губерніяхъ скопцы существовали въ разныхъ пропорціяхъ, начиная отъ 8% на 100,000 жителей и дохода до 1% (Пеликанъ. Карта 1-я).

(2) Т. е. лжеискупитель научилъ ихъ радѣть.

(3) Т. е. царской фамиліи и знатнымъ людямъ далъ знать о себѣ, что онъ «христосъ и императоръ Петръ III».

Среди Питера встроень былъ домъ,
 Самому христу было прибѣжище въ немъ,
 Протекаль тамъ живой воды тихой Донъ,
 Разливалась тамъ Сладимъ рѣка (1),
 На странѣ были евангелистами Марко да Лука,
 Стеречь всему дому мастера;
 Тамъ написаны были златыя литера,
 Подъ названіемъ: „святой храмъ“.
 Сходилися, съѣзжались, со воѣхъ странъ,
 Не боялись іудеевъ черныхъ вранъ,
 Въ Лаврѣ были бѣлосвѣтскіе скопцы,
 А садовнички были все духовные дѣльцы,
 Торговали иноземные кушцы.
 Это было злато время и пора,
 Къ намъ явилась благодатная гора,
 Посвѣщала благоутренняя заря;
 Искупитель назвалъ Петеръ „Сіонъ градъ“.
 Пресчастливы, преблаженны тѣ года:
 Приходили къ нему царскіе рода,
 Всѣ со страхомъ покоряли сердца,
 Прославляли „искупителя-отца“ (2).

Память объ этомъ „золотомъ вѣкѣ“ сохраняется у скопцовъ даже до настоящаго времени; еще и теперь скопцы съ гордостію напоминаютъ, что въ бывшее время такіе важные государственные сановники, какъ Милорадовичъ, Суворовъ и другіе съ уваженіемъ относились къ скопцамъ и нерѣдко посѣщали собранія послѣднихъ.

Обстоятельства, при которыхъ появился основатель скопческой секты въ Петербургъ и при которыхъ онъ дѣйствовалъ, были самыя благопріятныя для него. Во главѣ государства въ то время (отъ 1801—1825 г.) стоялъ императоръ Александръ I, человекъ необыкновенно впечатлительный отъ природы, мягкій, кроткій и снисходительный къ людскимъ сла-

(1) Живой воды тихой Донъ и Сладимъ рѣка значать ученіе, проповѣдуемое Селивановымъ.

(2) Чтен... 1872 г. 3 № 130—131 стр.

бостямъ и заблужденіямъ и въ то же время человекъ необыкновенно религіозный, проникнутый высокими чувствами христіанскаго смиренія. Эта религіозность и христіанское смиреніе, благодаря тяжелымъ впечатлѣніямъ, которыя Александръ I испыталъ въ памятный въ отечественной исторіи 1812-й годъ развились до мистицизма. Бесѣдуя съ прусскимъ еп. Эллертомъ, Александръ I такъ выразился о памятномъ для всей Россіи пожарѣ Москвы: „пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, судъ Божій на ледяныхъ поляхъ Россіи преисполнилъ мое сердце теплотою вѣры. Тогда я позналъ Бога, какъ намъ открываетъ Его священное писаніе; съ тѣхъ только поръ я понималъ Его волю и законъ, и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость—посвятить себя и свое царствованіе Его имени и славы“ (1). Къ извѣстному „духовному союзу“ Татариновой, по своему характеру совершенно мистическаго направленія, Александръ I относился вполне сочувственно и возлагалъ даже на него великія надежды. Въ своемъ письмѣ къ оберъ-гофмейстеру Кошелеву, Александръ I, между прочимъ, писалъ, что сердце его пламенѣетъ любовью къ Спасителю, когда онъ читаетъ въ письмахъ Кошелева объ обществѣ Татариновой, и говорилъ, что этимъ обществомъ онъ надѣется истребить ереси скопцовъ и масоновъ“ (2). Такой же взглядъ на этотъ „союзъ“ Татариновой Александръ I высказалъ и въ другомъ своемъ письмѣ къ гр. Милорадовичу, который не одобрялъ своего сына за то, что онъ вступилъ въ общество Татариновой (3). Важнѣйшіе государственные лица въ Петербургѣ точно также проникнуты были духомъ мистицизма. Извѣстно, что А. Н. Голицынъ, министръ народнаго

(1) Ист. царст. Александра I в Россіи въ его время. Спб. 1869 г. т. I. 19 стр.

(2) Чтен.... 1872 г. 3 № 80 стр.

(3) Рус. Архивъ. 1864 г. 623 стр.

просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, „года четыре слушаль пророческія слова Татариновой съ сокрушеніемъ и благочестіемъ“ (1). Постоянными членами духовнаго союза Татариновой были: вице-президентъ комитета російскаго библейскаго общества Р. Копелеръ, надворный совѣтн. М. Пилецкій и мн. другіе (2). Словомъ, петербургское общество въ царствованіе Александра I переживало странную, повидимому, но вполне понятную эпоху, если обратить вниманіе на тѣ историческія обстоятельства, которыя тогда совершались. Кровавая и продолжительная борьба съ Наполеономъ была, кажется, главною виновницею происшедшаго въ средѣ петербургскаго общества религіознаго, умственнаго и нравственнаго переворота. Съ этого именно времени начинаютъ мало по малу исчезать изъ русскаго общества волтеріанизмъ, господствовавшій во времена Екатерины II, карбонарство и либерализмъ и проч. Въмѣсто всего этого возникаетъ страстное исканіе всемірной истины, долженствовавшей объединить все религіозныя убѣжденія, обобщить все обряды богослужебныя. „Съ Аустерлицкаго похода, говоритъ современникъ этихъ событій, замѣтно было движеніе совсѣмъ иного духа, по тогдашнему прозванію, религіознаго. Въ частую, бывало, слышишь отъ кого и не ожидалъ: „пора прійти въ разумъ истины, искать царствія Божія и правды Его“ (3). Въ эту эпоху исканія истины въ Петербургѣ образуется множество мистическихъ обществъ, цѣлію которыхъ было именно достиженіе этой всемірной истины; распространяются масонскія ложи, начало которымъ положено было, впрочемъ, ранѣе, возникаетъ піетизмъ, образуются мистическія обще-

(1) Рус. Архивъ. 1872 г. 2340 стр.

(2) XIX в. Ист. сбор. изд. Бертеневымъ. Изъ записн. книжки художника Боровиковскаго. 214 и 218 стр.

(3) Рус. Архивъ. 1872 г. 476 стр.

ства Крюднеръ, Татариновой (1), Лабзина—известнаго основателя „Сіонской церкви“ и др.—Самъ Голицынъ, увлеченный духомъ времени, намъ брелся осно-

(1) Все почти писавшіе о Татариновой причисляютъ какъ ее, такъ и ея общество къ хлыстовщиямъ. Такъ думаютъ: Липранди въ своей статьѣ «о сектѣ Татариновой» (Чтен... 1868 г. 4), Протопоповъ (Хлысты—Тр. К. д. ак. 1867 г. Октябрь) и особенно Мельниковъ, который стремится видѣть во всѣхъ, посѣщавшихъ Татаринovu, хлыстовъ, не исключая и Голицына (Бѣлые голуби—Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5. 252 стр. и особенно Чтен.. 1872 г. 3 № 76—80 стр.). Нейтралитетъ въ вопросѣ о Татариновой представляютъ: статья Ю. Толстаго «О духовномъ союзѣ Татариновой» (XIX в. Истор. Сборн.) и «Дополнительныя свѣдѣнія о Татариновой и о членахъ ея духовнаго союза» Іоаннова (Рус. Архивъ 1872 г.). По нашему мнѣнію, ни саму Татаринovu, ни ея общество никакъ нельзя причислить къ хлыстовщиямъ. Изъ всего того, что писано и известно о Татариновой, можно сдѣлать только одинъ справедливый выводъ, что радѣнія съ ихъ принадлежностями заимствованы Татариновой отъ Ненастевыхъ—хлыстовъ, а впоследствии—скопцовъ. У Татариновой такъ же, какъ и у хлыстовъ, употреблялись для радѣній особаго покроя платья («Изъ записной книжки художн. Боровиковскаго». XIX в. Истор. Сборн. 243 стр.); во время радѣній пѣли пѣсни, очевидно, заимствованныя отъ хлыстовъ, какъ то: «Царство, ты, царство»... (Тамъ же, 243 стр.). «Дай намъ, Господи»... (Ист. мнв. внутр. дѣлъ Варадилова. VIII т. 86—87 стр.) и проч., пѣли пѣсни и свои, незаимствованныя отъ хлыстовъ, такъовы: «Исусе мой, прелюбезный сердцу, сладость»... (XIX в. Ист. Сборн. 249 стр.); пѣли также и церковныя пѣсни, напр. «Спаси, Господи, люди Твоя»... (Тамъ же, 247 стр.). Во время радѣній сама Татаринова, равно какъ и другіе, пророчествовала (Тамъ же, 243, 244, 249... стр.). Вотъ тѣ признаки, которые даютъ поводъ вышеозначеннымъ писателямъ причислять общество Татариновой къ хлыстовской сектѣ. Но очевидно, что такихъ признаковъ совершенно недостаточно для того, чтобы на основаніи ихъ можно было причислять общество Татариновой къ хлыстовской сектѣ; признаки эти свидѣтельствуютъ только о заимствованіи отъ хлыстовъ средствъ къ достиженію единенія съ божествомъ, но не болѣе. Ни ученія о Данилѣ Филипповѣ и о множествѣ лжехлыстовъ и т. п. изъ догматическаго ученія хлыстовъ, ни ученія нравственнаго—Татаринова и члены ея общества не содержали; о первомъ (догматич. ученіи) мы не находимъ никакихъ указаній въ известной до этого времени литературѣ о Татариновой, о послѣднемъ же такъ заключаемъ потому, что многіе члены общества Татариновой имѣли женъ и жили съ ними, а это послѣднее прямо противно основной заповѣди Данилы Филиппова. Итакъ, общество Татариновой есть по своему направленію мистическое, такое же какъ и общество Крюднеръ, Лабзина и др.

вать особое мистическое общество: „новое христіанское сословіе“, цѣлю котораго было бы противодѣйствіе разлившемуся всюду масонству (¹). Библейское общество, основанное съ цѣлю распространенія въ народѣ книгъ священнаго писанія, также много содѣйствовало развитію мистицизма, издавая множество книгъ мистическаго содержанія. Противъ этого общества впослѣдствіи особенно сильно вооружался юрьевскій архимандритъ Фотій Спасскій, жившій въ это же царствованіе; онъ называлъ его „беззаконнымъ сборищемъ“, составленнымъ „изъ всѣхъ сектъ“ (²). Господствуя въ жизни, мистицизмъ проникъ и въ литературу. Кромѣ мистическихъ сочиненій, переводимыхъ съ иностранныхъ языковъ, въ это время издавались журналы совершенно мистическаго направленія, таковы были: Сѣверный Меркурій. Сіонскій Вѣстникъ и проч.

При такихъ-то историческихъ обстоятельствахъ суждено было появиться основателю скопческой секты въ Петербургѣ. Мистицизмъ скопческаго лжеискупителя не могъ казаться страннымъ петербургскому обществу, такъ какъ оно само было объято мистицизмомъ. Тѣ внѣшнія дѣйствія, при помощи которыхъ скопцы достигали мнимаго единенія съ божествомъ—ихъ радѣнія,—были не безъизвѣстны весьма многимъ изъ образованнаго петербургскаго общества по собственному опыту, такъ какъ извѣстно, что въ обществѣ Татариновой радѣнія составляли необходимую принадлежность религіознаго культа и на радѣнія смотрѣли здѣсь такъ же, какъ и скопцы (³). Тоже самое должно сказать и о пророчествахъ и о видѣніяхъ, которыми сопровождаются обыкновенно радѣнія; и тѣ

(¹) Изъ Зап. книж. художн. Боровиковскаго. XIX в. Ист. Сборн. 218 стр.

(²) Вѣстн. Европы. 1878 г. Декабрь. 611 стр. Фотій Спасскій, юрьевскій архимандритъ.

(³) Чтен... 1868 г. 3 № 23 стр.

и другія существовали въ обществѣ Татариновой и совершались такъ же безсознательно и безсмысленно (¹), какъ всегда совершаются они у хлыстовъ и скопцовъ. Только физическое изуродованіе скопцовъ не имѣло примѣра въ петербургскихъ мистикахъ и могло обратить на послѣдователей скопчества строгое и исключительное вниманіе. Но и въ фактѣ оскотленія правительство видѣло только религиозное заблужденіе, вредное лишь для самого заблуждающагося, и для пресѣченія его рекомендовало средства увѣщаній и вразумленій. Въ отношеніи министра внут. дѣлъ, графа Кочубея къ московскому губернатору Беклешеву отъ 5-го іюня 1806 года мы находимъ слѣдующій взглядъ на отношеніе правительства къ скопцамъ. „Какъ уже, по многимъ опытамъ, извѣстно, что заблужденія сего рода (т. е. оскотленія) формальными слѣдствіями и публичными наказаніями не только не пресѣкаются, но и болѣе еще усиливаются, то и найдено было удобнѣйшимъ употребить прежде всего кроткія средства, убѣжденія и вразумленія. Для сего предположено было привлечь довѣріе и откровенность главныхъ секты сей начальниковъ и посредствомъ ихъ внушеній, дѣйствовать на прочихъ. Мѣра сія столь успѣшное имѣла здѣсь дѣйствіе, что начальники сей секты, удостовѣрясь, что правительство не желаетъ ихъ преслѣдовать, допустили людей, къ сему употребленныхъ, въ ихъ моленную, и убѣжденіями и кроткимъ съ нимъ обхожденіемъ приведены были къ тому, что не только дали обѣщаніе впредь не дозволять оскотленія, но и другимъ внушали, что время къ сему уже прошло, и что сіе средство не должно быть употребляемо. Послѣдствіемъ сего было то, что въ продолженіи двухъ лѣтъ, по всѣмъ наблюденіямъ, дѣйствительно, оскотленіе здѣсь не происходило“ (²). Ука-

(¹) Чтен... 1868 г. 4 № 24 стр. «О сектѣ Татариновой».

(²) Тамъ же, — 1872 г. 3 № 227—228 стр.

заніе Кочубея на примѣръ имѣеть свое оправданіе въ исторіи; къ основателю скопческой секты въ то время, когда онъ находился въ домѣ Ненастьяевыхъ, дѣйствительно, приходили кн. Голицынъ и графъ Толстой и увѣщевали его прекратить уродованіе людей (¹). Указаніе же Кочубея на то, что мѣра увѣщаній имѣла „успѣшное дѣйствіе“ заключаетъ въ себѣ историческую невѣроятность и противорѣчитъ всей послѣдующей исторіи скопчества въ Петербургѣ, ибо и послѣ этого повторялись нѣсколько разъ увѣщанія и всѣ они были безплодны, пока, наконецъ, самого основателя скопческой секты не сослали въ Суздаль (²).

Так. обр. положеніе скопцовъ въ Петербургѣ было весьма благоприятное. Если къ этому присоединить, что въ Петербургѣ и его окрестностяхъ еще ранѣе успѣли сформироваться цѣлыя хлыстовскіе корабли (³), доставившіе скопцамъ значительное количество новыхъ прозелитовъ, если при этомъ принять во вниманіе общій духъ, воодушевлявшій скопцовъ при мысли, что ихъ батюшка-искупитель и государь Петръ Θεодоровичъ находится при нихъ, необыкновенную хитрость, изворотливость и назойливость скопцовъ, то успѣхъ, приобрѣтенный скопцами въ разсматриваемое время, сдѣлается понятнымъ.

Начало новой блестящей эры въ исторіи скопчества было положено дѣйствіями правительства. Въ 1801 г. послѣдовало первое по времени милостивое и снисходительное распоряженіе Александра I о калужскихъ скопцахъ, которыхъ велѣно было „оставить отъ суда свободными, поелику они подобнымъ невѣжествомъ и вреднымъ поступкомъ (т. е. самооскопленіемъ) сами себя уже довольно наказали“ (⁴). Въ этомъ

(¹) Чтен. 1872 г. 3 № 82—83 стр.

(²) Тамъ же, 80, 82, 84 стр.

(³) Эти корабли слѣдующіе: Ненастьяевыхъ, Кострова, Огородникова, Добрецова, Красикова, Артамонова и Солодовникова.

(⁴) Сборн. Кельс. Ш. 44 стр.

же году, нѣсколько позже, освобождены были изъ Шлиссельбургской крѣпости сосновскіе скопцы: Алексѣевъ, Поповъ, Топорковъ, Семькинъ и Масоновъ или Колесниковъ, при чемъ первые четверо разосланы были по монастырямъ новгородской и петербургской епархій, а послѣдній получилъ полную свободу. Вслѣдъ за тѣмъ учреждена была особая комиссія, долженствовавшая разслѣдовать всѣ старыя дѣла о скопцахъ, находившихся еще въ заключеніи, и сдѣлать о нихъ новыя распоряженія, руководствуясь при составленіи послѣднихъ правилами снисходительности (1).

Видя такую очевидную милость со стороны правительства, и прочіе скопцы ожили и стали дѣйствовать болѣе энергично. Корабль Ненастьевыхъ успѣлъ завербовать въ свое общество камергера Елянскаго и обратить его въ орудіе своихъ преступныхъ цѣлей.—Алексѣй Михайловичъ Елянскій по своему происхожденію былъ полякъ и служилъ камергеромъ при дворѣ польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго. Послѣ третьяго раздѣла Польши онъ перешелъ въ русскую службу съ переименованіемъ изъ камергера въ статскаго совѣтника и принялъ православіе. Елянскій былъ человѣкъ начитанный, по своему характеру онъ былъ склоненъ къ мистицизму и уединенной жизни. Сблизившись съ мистиками того времени: Лабзинымъ, Кошелевымъ, Татариновой, Анною Францъ и друг., онъ еще болѣе предался мистическимъ галлюцинаціямъ, а знакомство съ семействомъ Ненастьевыхъ довело его до оскотленія, которое, неизвѣстно, впрочемъ, когда онъ принялъ. Съ этого времени онъ всецѣло посвятилъ себя, свое жалованье и свое общественное положеніе интересамъ скопчества. Даже изъ Александроневской Лавры, куда онъ былъ помѣщенъ въ началѣ 1802 года по высочайшему по-

(1) Сборн. Кельс. Ш. 44—45 стр. и Реутскій, 124 стр.

велѣнію, онъ постоянно отлучался и притомъ на очень продолжительное время и находилъ себѣ преимущественно мѣстопробываніе въ домѣ Ненастьевыхъ. Приобрѣтеніе Елянскаго имѣло весьма важное значеніе для всѣхъ скопцовъ; благодаря ему скопцы окончательно освободили основателя своей секты изъ-подъ правительственнаго надзора (1). Последнее случилось такъ.

Какъ извѣстно, Селивановъ въ царствованіе Павла I находился въ Обуховскомъ домѣ; здѣсь же онъ содержался въ продолженіе цѣлаго года и въ царствованіе Александра I-го. Въ 1802 году императоръ Александръ I, осматривая Обуховскій домъ, обратилъ, между прочимъ, свое милостивое вниманіе и на основателя скопческой секты. Вѣроятно, императору донесено было, что секретный арестантъ „Кондратій Селивановъ“, или что то же скопческій лжеискупитель не имѣетъ никакихъ признаковъ умопомѣшательства; вслѣдствіе сего императоръ, признавая присутствіе секретнаго арестанта въ Обуховскомъ домѣ неумѣстнымъ, повелѣлъ освободить его изъ этого дома и опредѣлить въ богадѣльню при Смольномъ монастырѣ. Это послѣднее и было исполнено въ мартѣ 1802 года и мнимый Кондратій Селивановъ былъ опредѣленъ „въ богадѣльню въ первый сортъ“ (2). Однако, Кондратию Селиванову суждено было недолго оставаться въ богадѣльнѣ: чрезъ три съ половиной мѣсяца онъ уже находился въ распоряженіи камергера Елянскаго, который получилъ его изъ богадѣльни въ іюль 1802 года подъ свою росписку, не лишенную нѣкотораго рода странности какъ по формѣ изложенія, такъ равно и по нѣкоторымъ выраженіямъ (3). Остается не-

(1) Чтен. 1872 г. 3 № 214 стр.

(2) Тамъ же, 55 стр.

(3) Росписка эта читается такъ: «бывши Польскаго двора камергеромъ, въ 1793 году переименованъ Россійскаго двора статокимъ совѣтникомъ. По случаю приобретенія мною смиренной жизни, сложилъ я

извѣстнымъ, съ высочайшаго-ли разрѣшенія отданъ былъ Кондратій Селивановъ камергеру Елянскому или безъ этого разрѣшенія; послѣднее, кажется, вѣроятнѣе, потому что освобожденіе лицъ, находящихся въ богадѣльнѣ, совершается вообще безъ испрашиванія на это высочайшей воли. Получивъ въ свои руки мнимаго „Кондратія Селиванова“, скопческаго лжеискупителя и лжецаря Петра Θεодоровича, Елянскій немедленно передалъ его петербургскимъ купцамъ Ненастьевымъ. Ненастьевы, какъ мы уже замѣчали прежде, имѣли большое знакомство съ высшимъ петербургскимъ обществомъ. Это обстоятельство весьма много содѣйствовало скорому прославленію лжеискупителя. Уже въ первые два года пребыванія Селиванова въ домѣ Ненастьевыхъ слава о немъ, какъ о человѣкѣ праведномъ и святомъ, обладающемъ даромъ прорицанія и даже исцѣленій, распространилась благодаря Ненастьевымъ въ средѣ петербургскаго общества и послѣднее незамедлило почтить „святаго старца“ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ. Прежде всѣхъ, какъ и слѣдовало ожидать, такое вниманіе къ нему оказали знатныя барыни и купчихи, которыя ежедневно толпами осаждали домъ Ненастьевыхъ, домогаясь получить отъ „старца“ благословеніе, назиданіе и какое либо предсказаніе. Послѣдній, конечно, не отказывалъ своимъ посѣтительницамъ въ исполненіи ихъ просьбъ: одѣлялъ ихъ сухариками, пряниками, баранками и финифтяными образками, позволяя цѣловать свои руки и одежду и напутствуя ихъ различными наставленіями и предсказаніями.

Въ то время, когда скопческій лжеискупитель входилъ мало по малу въ извѣстность между жителями столицы, самъ онъ, равно какъ и его прибли-

добровольно патенты, отрекся гражданской службы, получаю, по указу Всемилостивѣйшаго Монарха, пенсію, въ годъ 500 рублей, изъ кабинета, а самъ, имѣя квартиру въ Невской лаврѣ, именуясь: «польскій дворянинъ Алексѣй Елянскій» (Тамъ же, 36 стр.).

женные обдумывали болѣе широкіе планы; они думали теперь о томъ, чтобы сообщить скопчеству извѣстную каноническую и догматическую санкцію, придать ему характеръ абсолютной истины и поставить общество скопцовъ во главѣ русскаго государства. Приведеніе этихъ мыслей въ надлежащую систему поручено было камергеру Алексѣю Елянскому, который уже въ мартѣ 1804 года писалъ къ Н. Новосильцеву: „предстою вамъ, яко таинственно возрожденному и по сердцу цареву избранному мужу, поднося сокровище таинственное на прославленіе истины Господней и на возвышеніе возлюбленнаго отечества, Россѣ-Мосоха именуемаго“ (¹). Это „таинственное сокровище“, которое приподносилъ Елянскій Новосильцеву, былъ только-что составленный имъ проэктъ о лучшемъ государственномъ устройствѣ въ Россіи съ приложеніемъ „Извѣстія, на чемъ скопчество утверждается“. Историческія обстоятельства, вызвавшія появленіе перваго произведенія, а съ нимъ, очевидно, и втораго были слѣдующія.

Извѣстно, что первые годы царствованія Александра I были годами реформъ и внутреннихъ преобразованій. Старыя учрежденія Петра I и Екатерины II замѣнялись новыми министерствами, совѣтами, канцеляріями; ходилъ даже слухъ, что скоро будутъ измѣнены самыя основныя законы государства. Душею этихъ преобразованій, кромѣ самого государя, были: Сперанскій, Новосильцевъ, Строгановъ и Чарторыйскій. Съ другой стороны, къ 1804 году уже ясно обозначилась неизбѣжность войны съ Наполеономъ I. Преклоняясь предъ величіемъ военнаго генія перваго консула Франціи, только что надѣвшаго императорскую корону, лучшіе люди Россіи не надѣялись на успѣшный исходъ этой борьбы. Совершенное пораженіе Наполеона считалось дѣломъ невозможнымъ и

(¹) Чт. въ общ. ист... 1867 г. 4 № 66 стр.

если бы оно случилось, то, по мнѣнію большинства, его должно отнести къ области чудеснаго, сверхъестественнаго. Такимъ образомъ, все вниманіе и правительства и общества въ данное время было сосредоточено на двухъ главныхъ и самыхъ существенныхъ вопросахъ, касавшихся, съ одной стороны, внутренней политики, а съ другой—внѣшней. Всматриваясь въ сущность представленнаго Елянскимъ проекта, нельзя не видѣть, что онъ отвѣчалъ тому и другому изъ современныхъ вопросовъ; проектъ Елянскаго отчасти излагаетъ устройство государства въ его постоянномъ и неизмѣнномъ *statu quo*, но болѣе всего онъ касается вопроса военнаго устройства. Итакъ, на проектъ Елянскаго можно отчасти смотрѣть, какъ на продуктъ современнаго состоянія общества, а съ другой стороны, въ этомъ проектѣ ясно и опредѣленно выражена извѣстная скопческая тенденція о долженствующемъ скоро наступить царствѣ скопцовъ.

Проектъ Елянскаго при ближайшемъ разсмотрѣніи его содержанія можно раздѣлить на три части (¹): въ первой трактуется объ идеальномъ назначеніи „таинственной церкви“ согласно откровенію о ней свыше (²); во второй—излагается государственное и военное устройство Россіи (³) и въ третьей,—наконецъ, указывается истинное и дѣйствительное средство противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, сохраняющееся въ обществѣ скопцовъ, и затрогивается вопросъ объ истинной и ложной церкви (⁴).

(¹) Впрочемъ, необходимо замѣтить, что проектъ Елянскаго трудно поддается строгому разграниченію частей его составляющихъ; въ проектѣ можно отыскать нѣкоторыя вводныя мысли, которыя могли бы составить особую часть сочиненія, но авторъ ввелъ эти мысли въ главный трактатъ своего сочиненія, а потому естественно и не постарался развить ихъ съ надлежащею полнотою; такова напр. вводная мысль о постряженіи въ монахи скопцовъ (68 стр.).

(²) Чтен. въ общ. ист... 1867 г. 4 № 67 стр.

(³) Тамъ же, 67—70 стр.

(⁴) Тамъ же, 70—74 стр.

Сказавъ словами Иисуса Сирахова, что тотъ, кто не любитъ царя и не сохраняетъ ему вѣрности, всякую клятву на себя привлечетъ и тотъ, кто не радить объ отечествѣ, пусть не считается въ числѣ живыхъ людей, авторъ проэкта тономъ какого-то небеснаго посланника сообщаетъ за тѣмъ „небесное повелѣніе“ о назначеніи таинственной церкви „увѣнчать новымъ лавромъ всероссійскаго монарха“. Возможность и даже необходимость такого назначенія таинственной церкви авторъ доказываетъ съ одной стороны, текстами писанія, гдѣ говорится: „воздайте богу божія и цареви царская“ и гдѣ съ угрозою повелѣвается не скрывать „даннаго отъ небесъ“ таланта; съ другой—онъ доказываетъ историческимъ примѣромъ, указывая на Иисуса Навина, который „гласомъ небеснымъ управлялся и всѣ царства языческія разорилъ“. Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ проэкта. Россія при дѣятельномъ и безусловномъ участіи церкви можетъ и даже должна „въ сей вѣкъ сильное и славное дѣйствіе воздвигнуть и всему міру дать почувствовать, яко во истину съ нами Богъ“⁽¹⁾. Средства, при помощи которыхъ Россія можетъ выполнить эту великую миссію, заключаются „въ слѣдующемъ содержаніи и подвигахъ“.

Во главѣ правленія Россіи остается, впрочемъ номинально, самъ государь императоръ; при немъ долженъ постоянно присутствовать „нашъ настоятель боговдохновенный сосудъ“, т. е. скопческій лжеискупитель и лжецарь, иначе Кондратій Селивановъ. Всѣ „тайные совѣты“, т. е. всѣ важныя государственныя и политическія дѣла „будетъ апробовать“ самъ настоятель, такъ какъ, по словамъ автора проэкта, „въ немъ полный Духъ небесный Отцемъ и Сыномъ присутствуетъ и поэтому все, что онъ изъ устъ своихъ скажетъ, то дѣйствительно Духъ Святый устами его

(1) Чт. въ общ. вст... 1857 г. 4 № 67 стр.

возвѣщаетъ“. Второе мѣсто послѣ настоятеля Елянскій назначаетъ себѣ. Обязанность, исполненіе которой приписывалъ себѣ Елянскій, есть обязанность главнокомандующаго войсками или же военнаго министра, выражаясь современнымъ языкомъ. Елянскій, по его словамъ, долженъ „какъ грамотныхъ въ іеромонахи, такъ простячковъ, въ духѣ пророческомъ находящихся, истинныхъ и сильныхъ, набрать не только на корабли, но даже и въ сухопутную армію“. Онъ, далѣе, долженъ постоянно присутствовать въ главной арміи „ради небеснаго совѣта и воли Божіей“, чтобы, такимъ образомъ, предотвратить ту гибельную по своимъ послѣдствіямъ опасность, какую причинилъ нѣкогда Балакъ, царь моавитскій, введшій израильтянъ въ богопротивныя дѣла по совѣту пророка Валаама. Наконецъ то, что будетъ „недовѣдомо“, т. е. непонятно, онъ долженъ представить на разсмотрѣніе и разрѣшеніе своему настоятелю, т. е. скопческому лжеискупителю, являясь по временамъ къ послѣднему и лично „для исполненія совѣта небеснаго“ (¹).

За тѣмъ, Елянскій трактуетъ и о военныхъ силахъ Россіи. Впрочемъ, „и безъ великихъ силъ военныхъ побѣдитъ Господь всѣхъ враговъ, наружныхъ и внутреннихъ, и силою своею защититъ возлюбленную свою Россію“ (²). Церковь — „таинственная, одушевленная, Христова, которая Духомъ Божиимъ водится“ (³) — обладаетъ такимъ величайшимъ таинствомъ и сокровищемъ совѣта небеснаго, что при помощи и этого одного таинственнаго талисмана она въ состояніи сохранить Россію отъ всякаго зла. Таинство это сообщено Іоанномъ Богословомъ въ его Апокалипсисѣ, по сообщено въ такой прикровенной формѣ, что „сколько

(¹) Чтен. въ общ. вст... 1866 г. 4 № 69 стр.

(²) Тамъ же, 70 стр.

(³) Тамъ же.

вѣковъ разные толкователи ни трудились“, не могли, однако, почерпнуть глубины „богатства сокровеннаго“, и это потому, что „время временъ“, назначенное въ Апокалипсисѣ, еще не исполнилось. Только въ настоящее время, когда Духъ, озарявшій Тайновидца, водворился въ людяхъ (въ скопцахъ), „дѣятельно исполняется и осуществляется на дѣлѣ то, что священное писаніе буквами изобразило“. Именно, изъ XII главы Апокалипсиса видно, что „мужественный полъ на побѣду грѣха рождается отъ церкви Христовой и звѣрю седмиглавому нетерпимой“; далѣе, въ 10 ст. XIX гл. говорится, что „свидѣтельство Христово есть духъ пророческій“. То и другое понято скопцами и содержится ими во всей полнотѣ, т. е. они совершаютъ оскотленія мужинъ, побѣждая этимъ грѣхъ и седмиглаваго змія и совершаютъ, далѣе, радѣнія, при помощи которыхъ достигаютъ озаренія свыше и пророчествуютъ. Если „сіе таинство премудро министерія російская соблюдетъ и иностраннымъ землямъ не откроетъ, (то) будетъ всѣхъ сильнѣйшею побѣдительною всего міра; ибо вся жизнь, сила и слава царства въ таинствѣ совѣта содержится, а кольми паче сокровище совѣта небеснаго слѣдуетъ въ тайнѣ скрывать, дабы видя не видали и слушая не уразумѣли“ (1)... Стараясь придать особенную важность и значеніе сохраняющемуся у скопцовъ „величайшему таинству“, Елянскій, съ очевиднымъ противорѣчіемъ себѣ, утверждаетъ, что все совершающееся въ обществѣ скопцовъ — оскотленіе и радѣнія — „не новостъ“, — что все это было при апостолахъ, долгое время соблюдалось избранными мужами и послѣ апостоловъ, въ Россіи же первоначально въ чертогахъ княжескихъ хранилось, потомъ перешло въ монастыри и, наконецъ, „духъ Господень, какъ гордости проти-

(1) Чтен. въ общ. ист.. 1867 г. 4 № 71 стр.

вится, а смиреннымъ даетъ благодать, такъ въ простолюдинахъ до нынѣ и скрывался“ (1).

Положеніе Елянскаго о томъ, что „величайшее таинство“, составляющее „истинное и неопѣненное сокровище“ церкви Христовой, было извѣстно при апостолахъ и многоразличными путями сохранялось въ теченіи вѣковъ, пока не дошло во всей цѣлости къ скопцамъ, затронутое имъ въ проэктѣ какъ-бы вскользь, послужило темою другаго его трактата о церкви внутренней, духовной и внѣшней или плотской и объ истинности и необходимости оскотпленія. Трактатъ этотъ имѣетъ такое оглавленіе: „часть извѣстія, на чемъ скопчество утверждается“. По своему характеру трактатъ этотъ есть догматико-полемиическій и составленъ единственно на основаніи текстовъ священнаго писанія, которые авторъ довольно удачно сгруппировалъ, придавъ имъ, конечно, своеобразное толкованіе. Цѣль трактата очевидна изъ оглавленія его и состоитъ въ томъ, чтобы оправдать скопчество, понимаемое въ смыслѣ извѣстнаго общества, даже, по автору, въ смыслѣ церкви, съ догматической и канонической точки зрѣнія. Сообразно этой намѣченной цѣли, авторъ даетъ прежде всего опредѣленіе о церкви. Церковь, по словамъ Елянскаго, „соборна“, то есть „собрана отъ разныхъ родовъ людей“; она „построена изъ единовѣрныхъ и единопутныхъ на апостолахъ“ и проч., она, наконецъ, есть „чистѣйшая, неимущая скверны или порока и входъ въ нее падшему естеству по Адамъ воспрещенъ“ (2). Составивъ такое неполное и, очевидно, невѣрное опредѣленіе церкви, авторъ за тѣмъ переходитъ къ подробному изслѣдованію самаго предмета. Изслѣдованіе это можно раздѣлить на четыре части. Въ первой изъ нихъ авторъ касается исторіи церкви ветхозавѣтной и из-

(1) Чтен. въ общ. вст. 1867 г. 4 № 76 стр.

(2) Тамъ же, 72 стр.

дагаетъ исторію учрежденія церкви новозавѣтной (¹); во второй—описываетъ постепенное уклоненіе христіанъ отъ истинной церкви и забвеніе ими первоначальной идеи церкви (²); въ третьей—излагаетъ устройство и внутренній бытъ церкви, существующей у скопцовъ и говоритъ о соответствіи этой церкви первоначальному идеалу церкви, начертанному Иисусомъ Христомъ и осуществленному при апостолахъ (³) и въ четвертой,—наконецъ, разсматриваетъ скопчество, понимаемое уже въ смыслъ физическаго уродованія, съ догматической, исторической и общественно-соціальной стороны (⁴).

„Первоначальный Израиль“, говоритъ авторъ, до появленія книгъ и усиленія священства руководствовался въ своей жизни единственно „гласомъ божіимъ, устами пророческими возрѣщаемымъ“. Какъ только появилась въ людяхъ ученость, стали писать книги, составлять законы, обряды и уставы, „гласъ небесный“ былъ отверженъ и всѣми дѣлами стало управлять священство. Послѣднее своимъ властолюбіемъ окончательно и погубило царство израильское (⁵). Вслѣдствіе духовнаго, „глада“, постигшаго людей, благодаря вмѣшательству священниковъ, „Непостижимый Отецъ свѣтовъ, по силѣ таинственнаго совѣта, отъ Духа Свята воплотилъ и отъ Маріи Дѣвы вочеловѣчилъ Сына своего или предвѣчное Слово свое“. Сынъ Божій или Слово Отчее, освободивъ людей изъ-подъ закона, преподавалъ имъ „духовное ученіе“, освобождаящее людей „отъ суетнаго преданія отцовскаго, отъ обрядовъ законныхъ и невѣрія, отъ плотской жизни по Адамъ, отъ мудрости наружной и даже отъ

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1867 г. 4 № 72—75 стр.

(²) Тамъ же, 75—76 стр.

(³) Тамъ же, 76—80 стр.

(⁴) Тамъ же, 80—84 стр.

(⁵) Тамъ же, 72—73 стр.

плотскаго родства“ (1). Въмѣсто книгъ, которыхъ Онъ Самъ ни одной не писалъ на бумагѣ“ (2), Онъ даровалъ вѣрующимъ „небесные дары“ Св. Духа: „посольство, пророчество и прочія блаженства“, которые съ этого времени сдѣлались основаніемъ и сущностію истинной, соборной церкви (3) и которые постоянно пребывали въ вѣрующихъ, какъ объ этомъ „пространно свидѣтельствуютъ книги новаго завѣта“ (4). Такъ какъ, продолжаетъ Елянскій, съ теченіемъ времени явились худители Св. Духа и такъ какъ вообще міръ не въ состояніи вмѣщать въ себѣ Его благодатныхъ дѣйствій, то „апостолы и воспріемники ихъ тайно хранили даръ пророческій“—этотъ фундаментъ истинной церкви и „къ своихъ посланіяхъ, употребляя хитрость, именовали его помазаніемъ, обрученіемъ и подобными изображеніями“, подражая въ этомъ случаѣ самому Иисусу Христу, который также называлъ даръ пророчества не дѣйствительнымъ именемъ. Такъ точно поступали и послѣдующіе послѣ апостоловъ истинные христіане, скрывая пророчество „въ тайнѣ“ (5). Отвергнувъ книги, какъ ненужныя для людей просвѣщенныхъ и озаренныхъ Духомъ Святымъ, Иисусъ Христосъ, продолжаетъ Елянскій, „и наружной церкви не созидалъ“. Онъ „даже Соломонову камень на камнѣ не оставилъ, явныя церкви домою молитвы, а не жилища своего нарекъ, своихъ учениковъ училъ и учитъ внутрь себе царствіе Божіе построить и каждому церковію быть“ (6). Въмѣстѣ съ этимъ Онъ, очевидно, отрицалъ и церковныя обряды (7) и суще-

(1) Чтен. въ общ. яст... 1867 г. 4 № 73 стр.

(2) Тамъ же, 75 стр.

(3) Тамъ же, 73 стр.

(4) Тамъ же, 74 стр.

(5) Тамъ же.

(6) Тамъ же, 75 стр.

(7) Тамъ же.

ствованіе самого священства, такъ какъ, по апостолу, истинные послѣдователи Христу—„родъ избранъ, царское священіе“ (¹) и потому „отъ мала и до велика вси обоего пола души прикосновеніе Св. Духа въ себѣ ощущаютъ, а иные и во всей плоти разливающагося чувствуютъ“ (²).

Такимъ образомъ, утраченная идея церкви была восстановлена Иисусомъ Христомъ во всей силѣ. Не всѣ, однако, христіане могли сохранить въ цѣлости эту идею церкви. „Привыкши къ обрядамъ мірскимъ, идолопоклонническимъ, стали сами, преобразуя малою разницею, составлять обряды, вѣру и дѣла вѣры основывать на законѣ, дабы было все видимо“ (³)... Появилось снова священство, присвоившее себѣ преемство отъ апостоловъ, на самомъ же дѣлѣ чуждое ему и болѣе похожее на древнихъ жрецовъ, книжниковъ и фарисеевъ (⁴); появились обряды и суевѣрія, которые произвели свары, споры, раздоры и расколы, раздѣливши грековъ съ римлянами и армянами, римлянъ съ лютеранами, лютеранъ съ кальвинистами и и т. д. (⁵). Словомъ, въ концѣ концовъ „христіане уподобилися древнему израилю, лишился живаго Бога“ (⁶) и христіанство, само по себѣ истинное и возвышенное, вслѣдствіе поступленія въ него „богоотступниковъ и злѣйшихъ міра любителей, блудниковъ и пьяницъ“, превратилось „въ низкое и дешевое христіанство“ (⁷).

Когда весь христіанскій міръ дошелъ, по истинѣ, до жалкаго состоянія, до полного забвенія истинной

(¹) Чтен. въ общ. ист. 1867 г. 4 № 76 стр.

(²) Тамъ же, 75 стр.

(³) Тамъ же.

(⁴) Тамъ же, 76 стр.

(⁵) Тамъ же, 78 стр.

(⁶) Тамъ же, 75 стр.

(⁷) Тамъ же, 76 стр.

вѣры и церкви „наше общество, говоритъ Елянскій, возрастаетъ на истинныхъ словахъ Христовыхъ: никто же придетъ ко Мнѣ, аще не Отецъ Мой небесный привлечетъ“ (¹). „Обираясь на слово Божіе, продолжаетъ онъ, стараемся быть вси примирившіеся Богу, въ единовѣрїи и единопутїи, во любви нелицемѣрной, въ простотѣ сердца“...., „обряднаго моленія“ нѣтъ въ употребленїи; вмѣсто же этого „занимаемся таинственными псалмами, пѣнемъ сіонскихъ пѣсней; тимпаны, гусли, струны, органы подвигаемъ“ и подобно Давиду, скакавшему предъ кивотомъ Господнимъ, и „рабы Божїи въ дому Давидовомъ скачутъ и играютъ, яко младенцы благодатные, пивомъ новымъ упоенные“; „въ книгахъ не нуждаемся, потому что есть одна живая книга самъ Духъ Святый, присутствующій всегда съ нами“ (²). Въ обыкновенной жизни „наблюдается духовная чистота въ высочайшемъ смиренїи“, чистота плоти отъ главы до ногъ и изъ устъ никогда не выходитъ гнилое слово ругательное или клятвенное“; „не дозволяется ближнему лгать, запрещено всякого челоуѣка обманывать явностїю, а быть хитрымъ и мудрымъ, яко змію“ (³); „при всѣхъ обстоятельствахъ стараемся сильнѣйшіи немощи немощныхъ носить“ и проч. (⁴); наблюдаемъ умѣренность „въ пици и питїи“, а равно и въ „развлеченьяхъ“ (⁵). Вообще же, говоритъ Елянскій, „всѣ посланїя апостольскїя, евангелїя и всѣ боговдохновенныя книги могутъ засвидѣтельствовать наши дѣла; ибо тотъ истинный духъ, который ихъ училъ, и насъ учитъ и вѣщаетъ вся сокровенная премудрости.... Ни малѣйшей новости не заводимъ, а старое потерянное отыскиваемъ

(¹) Чтен. въ общ. чтен.... 1867 г. 4 № 76 стр.

(²) Тамъ же, 77 стр.

(³) Тамъ же, 79 стр.

(⁴) Тамъ же, 80 стр.

(⁵) Тамъ же, 79 стр.

и пренебреженное воздвигаемъ, яко Богъ съ нами есть“ (1).

Показавъ весь контрастъ между христіанскою церковію вообще и церковію скопческою въ частности и, указавъ, по своему, полное соотвѣтствіе послѣдней истинной идеѣ церкви, начертанной въ Откровеніи и осуществленной при апостолахъ, Елянскій переходитъ къ разсмотрѣнію послѣдняго, самаго важнаго въ общественной жизни, вопроса о физическомъ уродованіи человѣка или о скопчествѣ. Понятно, онъ не признаетъ факта уродованія человѣка „новостію“ въ религіозной жизни скопцовъ. Напротивъ, онъ утверждаетъ, что оскотленіе дозволено въ Писаніи и что это уродство даже возводится на высшую степень самоотверженія человѣка (2). Далѣе, по его словамъ, „въ прежнія времена до седьмаго вѣку отъ Христа было открыто скопчество отъ временъ апостольскихъ и были нарочитые монастыри, бѣлоризнами нареченные, яко изъ убѣленныхъ людей составлялись“. Наконецъ, Елянскій не видитъ въ скопцахъ вредныхъ и бесполезныхъ членовъ государства. То правда, говоритъ онъ, что „царю и отечеству нужны министры, полководцы, воины, судьи, земледѣльцы, и прочаго званія люди, но колыми паче нужны, яко соль земли, молитвенники...., молитвенникъ же долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ преданій человѣческихъ, дабы слово было къ Богу, и Богъ былъ Слово, и такъ чистъ, яко хрустальный сосудъ въ рупцѣ царской, тако предъ очами Божиими и молитвенникъ долженъ быть непорочный“ (3); но кто же можетъ быть чище и прозрачнѣе скопца и кто, слѣдовательно, можетъ быть ближе къ Богу? Очевидно никто, по мнѣнію Елянского.

Елянскій представлялъ „проектъ“ и „Часть извѣстія, на чемъ скопчество утверждается“ Н. Новосиль-

(1) Чтен. въ общ. чтен... 1867 г. 4 № 79 стр.

(2) Тамъ же, 80—81 стр.

(3) Тамъ же, 81 стр.

пелу съ тѣмъ, чтобы послѣдній въ свою очередь представилъ то и другое на благоусмотрѣніе государя императора. Первымъ слѣдствіемъ, которое постигло Елянскаго послѣ подачи его „проекта“ и „Части извѣстія, на чемъ скопчество утверждается“, было усиленіе надзора за нимъ. Къ августу 1804 года открытъ былъ цѣлый рядъ фактическихъ доказательствъ о принадлежности Елянскаго къ скопческому обществу. Такъ, архимандритъ Соловецкаго монастыря своимъ рапортомъ уведомилъ Синодъ о перепискѣ Елянскаго съ монахомъ Теофаномъ - скопцомъ, жившимъ подъ надзоромъ въ Соловецкомъ монастырѣ. Далѣе, открыто было письменное ходатайство Елянскаго предъ московскимъ митрополитомъ о хлыстѣ іеромонахѣ Георгіѣ и о двухъ скопцахъ, бывшихъ послушниками въ Невской лаврѣ ('). Поэтому, считая не безопаснымъ для общественнаго спокойствія сумасбродство Елянскаго, выражаемое при томъ такъ открыто и съ такою наглостію, правительство немедленно же отправило Елянскаго изъ Петербурга въ Суздальскій монастырь. Къ 25-му августа того же 1804 года Елянскаго уже не было въ Петербургѣ (*).

Съ другой стороны, правительство, совершенно справедливо предполагая, что „проектъ“ и „извѣстіе“ составлены не единолично Елянскимъ, но при участіи другихъ скопцовъ и самого лжеискупителя, обратило свое вниманіе и на послѣднихъ. Поэтому, въ томъ же 1804 году къ скопческому настоятелю присланы были по высочайшему повелѣнію князь Голицынъ и графъ Толстой съ цѣлію увѣщанія, чтобы онъ болѣе не позволялъ совершать оскосленій. Успѣхъ былъ полный; скопческой настоятель далъ обѣщаніе, конечно ложное, кн. Голицину и гр. Толстому, что онъ не будетъ позволять оскосленій, такъ какъ для

(') Сборн. Кельс. Ш. 91—92 стр.

(*) Тамъ же, 92 стр.

этого „время миновало“, и послѣдніе успокоились ('). Такимъ образомъ, „проектъ“ Елянскаго и его „извѣстіе“ не причинили вреда скопческому обществу и послѣднее во главѣ съ своимъ лжеискупителемъ и лжецаремъ продолжало благоденствовать. Фактъ посѣщенія императоромъ Александромъ I Селиванова въ 1805 году, своеобразно понятый скопцами, даже убѣдилъ послѣднихъ въ явномъ покровительствѣ ихъ обществу и въ особенности ихъ искупителю со стороны правительства.

Нужно предполагать, что слухъ о святости и прозорливости „старца“ или скопческаго лжеискупителя дошелъ до государя Александра I-го. Испытывая то тяжелое и мучительное чувство, которое подавляетъ обыкновенно человѣка въ виду грозящей опасности, императоръ Александръ, отправляясь на войну съ Наполеономъ, осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ и прославленнаго старца, съ тѣмъ, чтобы получить отъ него такое или иное предвѣщаніе. Въ дѣйствительности этого посѣщенія государемъ скопческаго лжеискупителя, кромѣ разказа объ этомъ самихъ скопцовъ, удостовѣряетъ и современникъ Александра I Лубяновскій; притомъ, возможность этого факта нисколько не противорѣчитъ внутреннему настроенію и характеру Александра I. По разказу скопцовъ, „явный царь“, т. е. Александръ I, пришелъ „къ небесному въ алтарь“, т. е. къ скопческому лжеискупителю и лжецарю въ домъ. Предметомъ разговора были „царскія дѣла“ и именно о томъ — начинать ли войну съ Бонапартомъ или же нѣтъ? и если начинать, то можно-ли надѣяться на побѣду? Отвѣтъ на эти вопросы со стороны „небеснаго царя“ послѣдовалъ отрицательный:

„Не даю благословенья
Тебѣ, явному царю:

(') Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 227—228 стр.

Не ходи ты на войпу;
Безъ тебя врага уйму“.

При этомъ, продолжаетъ легенда, небесный царь, подавая лучъ надежды на благопріятный исходъ борьбы съ Наполеономъ, говоритъ въ заключеніе „явному царю“:

„Какъ познаешь дѣло божье
И увѣруешь въ меня,
Награжу тебя, отецъ,
Соблуду я твой вѣнецъ“ (1).

Разсказъ Лубяновскаго въ сущности повторяетъ то, что разсказываютъ и скопцы. По его словамъ, онъ вмѣстѣ съ Гинѣ, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, ради любопытства, заѣхалъ по пути изъ Казанскаго собора къ Селиванову. Послѣдній, едва только они вошли въ комнату, приподнялся съ постели и благословилъ меня, разсказываетъ Лубяновскій, говоря при этомъ: „се, еще одна овца заблудшая возвращается въ стадо“! Потомъ, продолжаетъ Лубяновскій, взявъ меня за руку, спросилъ: „что Алексаша уѣхалъ“? Такой вопросъ, конечно, поставилъ въ недоумѣніе Лубяновскаго и онъ ничего не могъ отвѣтить на него. Между тѣмъ, Селивановъ, замѣтивъ очевидно, что его не понимаютъ, продолжалъ: „ну, государь-то уѣхалъ“.... „Что будешь дѣлать?... А я вотъ еще третьяго дня вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, умолялъ его не ѣздить и войны съ проклятымъ Французомъ не начинать. Не пришла еще пора твоя; побьетъ тебя и твое войско, придется бѣжать куда ни пошло“.... Сообщая эти слова Селиванова, Лубяновскій замѣчаетъ, что „ни одного слова здѣсь нѣтъ моего. Нельзя было не подивиться предсказанію, но еще болѣе посьщенію и непонятной терпимости“ (2).

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 128—129 стр. Пѣсня № 16-я.

(2) Рус. Архивъ. Зап. сенат. О. П. Лубяновскаго. 1872 г. 474—475 стр.

Скопцы, какъ только миновала опасность, грозившая имъ отъ неудавшагося плана поставить скопческое общество во главѣ русскаго государства, предались снова еще съ большимъ ожесточеніемъ и надменностію своему религіозному безумству. Обѣщаніе болѣе не оскоплять никого, данное Селивановымъ Голицину и Толстому, при первомъ же удобномъ случаѣ было нарушено. Оскопляли не только взрослыхъ, но и малолѣтнихъ и притомъ массами, какъ свидѣтельствуешь фельдфебель Ивановъ ⁽¹⁾. Радѣнія въ домѣ Ненастьева совершались постоянно и притомъ съ небывалою до сего времени торжественностію. Комната, гдѣ совершались радѣнія, устлана была дорогимъ ковромъ съ изображеніями на немъ ангеловъ и архангеловъ ⁽²⁾. Для лжеискупителя устроено было нѣсколько кроватей, на которыхъ онъ обыкновенно проводилъ время, когда его дѣтушки предавались безумнымъ оргіямъ ⁽³⁾. Не принимая лично участія въ радѣніяхъ, лжеискупитель только наблюдалъ за радѣющими и давалъ всему собранію тонъ и одушевленіе. Очевидецъ этихъ шумныхъ скопческихъ оргій, фельдфебель Ивановъ, сообщаетъ слѣдующія весьма интересныя подробности. Въ моментъ пѣнія пѣсни: „царство, ты царство, духовное царство“ отворялись двери и „Богъ“, одѣтый въ короткое зеленое шелковое полукафтанье, въ сопровожденіи „Юанна Предтечи и Петра апостола“, одѣтыхъ въ темныя рясы, подпоясанныя ремнями, вошелъ въ комнату; всѣ присутствовавшіе моментально пали на колѣна: „Богъ“, между тѣмъ, махая бѣлымъ батистовымъ платкомъ, говорилъ: „покровъ мой святой надъ вами!“ и отправился далѣе въ женскую половину. Окно, соединявшее женскую половину съ мужскою и обыкновенно закрывавшееся, тотчасъ было открыто;

⁽¹⁾ Чтен.... 1872 г. 3 № 204 стр.

⁽²⁾ Тамъ же, 205 стр.

⁽³⁾ Тамъ же. 205—206 стр.

„Богъ“ сѣлъ на окнѣ и радѣнія продолжались (¹).— Посѣщенія петербургской знати, интересовавшейся таинственною личностію Селиванова, совершались безпрепятственно и деньги, которыя обыкновенно приносились посѣтителеми, текли въ домъ Ненастьевыхъ рѣкой. Многіе, поэтому, изъ „искупительныхъ слугъ“ нажили значительные капиталы; больше всѣхъ обогатился Солодовниковъ, бывшій чѣмъ-то въ родѣ казначея въ обители Ненастьева (²). Сношенія со скопцами другихъ и при томъ весьма отдаленныхъ губерній производились постоянно; одни изъ скопцовъ прѣзжали въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы получить благословеніе отъ лжеискупителя; другіе же—чтобы получить утвержденіе въ учительскомъ и пророческомъ званіи (³). Съ нѣкоторыми изъ скопцовъ лжеискупитель велъ переписку; такъ, извѣстно, что къ священнику села Забѣльни, калужской губерніи, въ періодъ времени отъ 1803 по 1808 годъ онъ написалъ до девяти писемъ, называя себя въ нихъ безъ всякаго стѣсненія „Богомъ“ и „искупителемъ“ и увѣщавая его быть вѣрнымъ и послушнымъ сыномъ скопческаго общества (⁴). Ко времени же пребыванія Селиванова въ домъ Ненастьевыхъ можно отнести и написаніе имъ своихъ „страдъ“ и „посланія“.

Въ 1811-мъ году Селивановъ изъ дома Ненастьевыхъ перемѣстился въ домъ купца-скопца Ивана Кострова, находившійся въ третьемъ кварталѣ литейной части. Въ домъ Кострова Селивановъ жилъ до 1817-го года; въ этомъ же году, „за что-то прогнѣвавшись“ на Кострова, какъ передаетъ Андреяновъ (⁵), онъ перемѣстился въ только что отстроенный домъ

(¹) Чтен... 1872 г. 3 № 206 стр.

(²) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5. 294 стр.

(³) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 301 стр., Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5, 282—283 стр.

(⁴) Чтен... 1873 г. 1 № 30—31 стр.

(⁵) Тамъ же, 300 стр.

купца Михаила Назарова Солодовникова, находившійся около дома Кострова (¹).

Домъ Солодовникова по своей обширности вполне соотвѣтствовалъ все болѣе и болѣе возрастающему числу скопцовъ; по свидѣтельству самихъ скопцовъ, въ моленной Солодовникова могли безпрепятственно радѣть отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ одновременно (²). Домъ этотъ не иначе назывался, какъ „домомъ божіимъ“, „горнимъ Сіономъ“ и проч. (³). Для того, чтобы отвлечь вниманіе начальства отъ всего того, что совершалось преступнаго и безнравственнаго въ моленной, Солодовниковъ намѣренно приглашалъ важнѣйшихъ государственныхъ лицъ въ многочисленные собранія скопцовъ, показывая имъ, конечно, только то, что не могло быть преслѣдуемо какъ преступленіе (⁴). Онъ даже сдѣлалъ болѣе; при помощи могущественныхъ покровителей онъ достигъ того, что входъ полиціи въ его домъ былъ воспрещенъ по высочайшему повелѣнію (⁵). Такимъ образомъ, общество скопцовъ, ихъ собранія и моленія, получили даже нѣкотораго рода правительственную гарантію. Главными сподвижниками Селиванова въ это время были: Кобелевъ и Громовъ.

Семенъ Ивановичъ Кобелевъ, когда ему было лѣтъ двадцать, отправлялъ должность придворнаго лакея при великомъ князѣ Петрѣ Θεодоровичѣ. Сдѣлавшись скопцомъ онъ поступилъ въ общество Селиванова и здѣсь имѣлъ сильное вліяніе на умонастроеніе прочихъ скопцовъ, увѣряя ихъ, что Селивановъ есть дѣйствительно Петръ III, при дворѣ котораго онъ жилъ и служилъ. При этомъ, чтобы еще болѣе по-

(¹) Реутскій, 133 стр.

(²) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 70 стр.

(³) Реутскій, 136 стр.

(⁴) Чтен... 1872 г. 3 № 73 стр.

(⁵) Тамъ же, 82 стр.

дѣйствовать на умы скопцовъ, онъ съ такою же самоувѣренностію утверждалъ, что государь Александръ Павловичъ знаетъ про существованіе своего дѣда Петра Ѳеодоровича въ обществѣ скопцовъ; объ этомъ, прибавлялъ Кобелевъ, Александръ Павловичъ нерѣдко въ придворной ливреѣ сообщалъ ему. Понятно, такой человѣкъ, какъ Кобелевъ, дорогъ былъ для Селиванова и послѣдній, поэтому, относился къ нему съ большимъ уваженіемъ и любовію, считая его своимъ „наперсникомъ“ и даже своимъ „преемникомъ“ по смерти. Однако, дерзость и нахальство Кобелева, какъ увидимъ, погубили его и онъ принужденъ былъ разочароваться въ своихъ надеждахъ играть главную роль въ средѣ петербургскихъ скопцовъ (1).

Другой сподвижникъ Селиванова Алексѣй Ивановичъ Громовъ былъ уроженецъ галицкаго уѣзда, костромской губерніи. Въ молодости онъ былъ отданъ въ военную службу, но оставался въ ней недолго. Неизвѣстно, бѣжалъ ли онъ изъ военной службы или, быть можетъ, былъ уволенъ, но только въ 1818-мъ году онъ былъ уже скопцомъ и занималъ весьма видное мѣсто при лжейкупителѣ (2). Основываясь на послѣдующей дѣятельности Громова, которую онъ обнаружилъ послѣ удаленія его изъ Петербурга преимущественно въ предѣлахъ костромскихъ, принимая далѣе во вниманіе его жизнь, полную приключеній (3), можно предполагать, что Громовъ по своему уму, крайне хитрому и изворотливому, по своей энергической дѣятельности, не останавливающейся ни предъ какими препятствіями, по своему религіозному фанатизму и страсти къ пропагандѣ, едва ли уступалъ самому Селиванову. Кромѣ того, Громовъ весьма основательно былъ знакомъ со всѣмъ скопческимъ ученіемъ, усвоилъ себѣ послѣднее и умѣлъ передать его дру-

(1) Чтен.... 1872 г. 3 № 214 стр.

(2) Тамъ же, 314—315 стр.

(3) Тамъ же, 316—321 стр.

гимъ. Такъ думаемъ на основаніи донесенія крестьянина Андреянова, который долгое время находился подъ непосредственнымъ руководствомъ Громова и, поэтому, въ своемъ донесеніи всегда ссылается на послѣдняго. Лжеискупитель вслѣдствіе этого дорожилъ Громовымъ, приблизилъ его къ себѣ и наименовалъ его „своимъ первымъ апостоломъ“ (¹). Впослѣдствіи, именно въ тридцатыхъ годахъ XIX ст., когда Громовъ успѣлъ уже пріобрѣсти огромную популярность между провинціальными и преимущественно между костромскими скопцами, онъ къ званію „апостола“ присоединилъ еще титулъ „царственнаго имени“ и сталъ именоваться „цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ“. О своемъ царскомъ достоинствѣ Громовъ такъ выражался: „дѣдушка мой, отецъ искупитель, Петръ Θεодоровичъ, полгода на царствѣ былъ, а я и полдня не восхотѣлъ царствовать, всю земную справу отдалъ братцу Николушкѣ (т. е. Николаю Павловичу), всѣми тронами и дворцами благословилъ“ (²). Къ Громову скопцы относятся съ большимъ уваженіемъ и почитаютъ его „за вѣрнаго пророка, искупительскаго апостола и великаго страдателя, назидающаго стада израильскихъ овецъ, государя ихъ, батюшки, Петра Θεодоровича III“ (³).

Изъ другихъ лицъ, составлявшихъ штатъ „искупительскихъ слугъ“, болѣе или менѣе замѣчательны, кромѣ извѣстныхъ содержателей скопческихъ домовъ—Ненастьяевыхъ—Сидора и Ивана, Кострѣва, Васильева, Солодовникова, еще: Илья Ильичъ и Кириллъ Григорьевъ—мѣщане; о нихъ упоминаетъ Андреяновъ въ своемъ донесеніи (⁴); далѣе, Кононовъ—извѣстнѣйшій фанатикъ (⁵) и Кузнецовъ.

(¹) Чтен.. 1872 г. 3 № 315 стр.

(²) Тамъ же, 318 стр.

(³) Тамъ же, 322 стр.

(⁴) Тамъ же, 300 стр.

(⁵) Сборн. Кельс. Ш. 38—39 стр.

Спокойная и безмятежная жизнь Селиванова въ Петербургѣ приближалась уже къ концу. Въ 1818-мъ году начался рядъ нестроений въ его обществѣ. Алчность къ деньгамъ, жажда чести и славы, особенно обнаружившіяся въ это время между приближенными лжеискупителя, произвели сильное неудовольствіе между ними, ссоры и зложеланіе другъ другу. Съ другой стороны, страстное, необузданное и ничѣмъ неудержимое стремленіе скопцовъ къ пропагандѣ своего физическаго и нравственнаго уродства стало настолько открыто и совершалось съ такою наглостію, что правительство, истощивъ всѣ мѣры кротости и снисходительности, вынуждено было, наконецъ, обратиться болѣе серьезное вниманіе и изыскать болѣе рѣшительныя средства для пресѣченія разливавшагося зла. Прежде всѣхъ подпалъ подъ судебное слѣдствіе первый апостолъ скопческаго лжеискупителя Алексѣй Громовъ. Неизвѣстно, въ чемъ онъ обвинялся, но извѣстно то, что судебное слѣдствіе надъ нимъ начато по проискамъ другихъ приближенныхъ къ лжеискупителю и главнымъ образомъ по проискамъ Ильина и Григорьева. Послѣдніе, опасаясь, что Громовъ, быстро возвышавшійся въ мнѣніи Селиванова, можетъ современемъ приобрести надъ послѣднимъ исключительное вліяніе, рѣшили запутать его въ какомъ-либо важномъ дѣлѣ, быть можетъ, въ пропагандѣ скопчества, и такимъ образомъ удалить его изъ своего общества. Желаніе враговъ Громова осуществилось; онъ былъ заключенъ, по распоряженію высшей власти, въ Николаевскую крѣпость—въ томъ же 1818-мъ году, хотя ему скоро удалось отсюда бѣжать⁽¹⁾. Въ іюнѣ того же 1818-го года митавскій мѣщанинъ Разказовъ, принадлежавшій къ скопческому обществу, подалъ петербургскому митрополиту Михаилу письменное раскаяніе въ заблужденіи и объ-

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 81 и 315 стр.

яснилъ при этомъ, что Селивановъ называется у скопцовъ „христомъ, богомъ и императоромъ Петромъ III“ (1). Заявленіе Разсказова о чествованіи Селиванова было не новостію для духовнаго и гражданскаго начальства и потому оно осталось безъ послѣдствій. Въ слѣдующемъ 1819 году возникло новое дѣло о петербургскихъ скопцахъ характера уголовнаго. — Началось это дѣло по инициативѣ петербургскаго генераль-губернатора, графа Милорадовича. Послѣдній узналъ, что двое изъ его двоюродныхъ племянниковъ, полковникъ Димитрій Григорьевичъ и подпоручикъ Алексѣй Григорьевичъ Милорадовичи, принадлежавшіе до этого времени къ союзу Татариновой, придворнымъ лакеемъ Кобелевымъ были завлечены на собраніе въ домъ Солодовникова и при этомъ Алексѣй Григорьевичъ соглашался даже на оскотленіе. Въмѣстѣ съ этимъ графъ Милорадовичъ узналъ, что въ кораблѣ Селиванова оскотлено нѣсколько нижнихъ чиновъ изъ гвардейскихъ полковъ и матросовъ, особенно изъ ластовыхъ экипажей. Обстоятельство это возмутило графа Милорадовича до глубины души и онъ немедленно же написалъ министру духовныхъ дѣлъ князю А. Н. Голицыну, что „къ извѣстному старику, начальнику скопцовъ, собирается много людей всякаго званія, въ томъ числѣ и нижніе военные чины, привлекаются даже молодые люди изъ высшаго сословія, что секта увеличивается и часто происходитъ оскотленія, что городская полиція не можетъ слѣдить за дѣйствіями извѣстнаго старика, ибо ей нѣтъ входа въ его домъ“; при этомъ онъ просилъ Голицына донести о такомъ важномъ обстоятельстве государю императору (2). Началось судебное слѣдствіе, которое выяснило, что главными пропагандистами скопческаго ученія, кромѣ Кобелева, были: Иль-

(1) Чтен. 1872 г. 3 № 81 стр.

(2) Тамъ же, 212 стр.

инъ и Григорьевъ, вслѣдствіе чего всѣ трое были посланы въ Соловецкій монастырь. Сознывая, что удаленіе Кобелева, Ильина и Григорьева въ Соловки не можетъ служить достаточнымъ средствомъ къ уничтоженію скопческой лжи, правительство и въ этомъ случаѣ прибѣгло къ увѣщательнымъ мѣрамъ: всѣмъ скопцамъ, находившимся въ Петербургѣ, была объявлена высочайшая воля, чтобы впредь никто изъ нихъ не осмѣливался оскоплять кого бы то ни было ⁽¹⁾. Затѣмъ, 29 окт. 1819 года, по высочайшему повелѣнію, прибыли въ домъ Солодовникова директоръ департамента народнаго просвѣщенія Поповъ и съ нимъ другой чиновникъ, неизвѣстный по фамилии, — вѣроятно Пилецкій. Цѣлю прибытія ихъ было увѣщаніе Селиванова, чтобы онъ болѣе не позволялъ производить оскопленій; но какъ производилось это увѣщаніе и какія послѣдствія его были — неизвѣстно ⁽²⁾. Въ томъ же 1819 году появилась въ свѣтъ книга: „о скопцахъ“ Пилецкаго, который написалъ ее по порученію государя ⁽³⁾. Книга эта, имѣвшая своею цѣлю, очевидно, опроверженіе скопческаго ученія, въ самомъ дѣлѣ не только не опровергала его, но даже оправдывала въ нѣкоторыхъ пунктахъ; такъ, напримеръ, въ ученіи о радѣніяхъ. Поэтому неудивительно, что нѣкоторые изъ болѣе знающихъ христіанское ученіе, какъ напр. митрополитъ Филаретъ, бывшій въ то время архіепископомъ ярославскимъ, замѣчали, что книга имѣетъ много нехристіанскаго ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Чтен... 1872 г. 3 № 83—84 стр. Реутокія. 184 стр.

⁽²⁾ Сборн. Кельс. III 56 стр.

⁽³⁾ Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 80 стр.

⁽⁴⁾ Князь Голицынъ прислалъ Филарету 10-ть экзempl. этой книги съ тѣмъ, чтобы онъ распространилъ ихъ въ обществѣ. Филаретъ заплатилъ 10 руб., но отказался распространить книгу и собственноручно написалъ князю, что онъ положительна не можетъ уважить его просьбы, такъ какъ книга заключаетъ въ себѣ много нехристіанскаго («Изъ воспом. покойн. митр. Филарета». Прав. Обзор. 1868 г. 26 т. 320 стр.).

Въ виду столь нерѣшительныхъ правительственныхъ мѣръ, скопцы нисколько не унывали: они по-прежнему продолжали завлекать въ свое общество новыхъ лицъ и, разсчитывая на безнаказанность, оскопляли ихъ. Въ ноябрѣ того же 1819 года графъ Милорадовичъ и оберъ-полицмейстеръ Горголи чрезъ своихъ чиновниковъ узнали, что въ Петербургѣ многіе дома наполнены скопцами, что въ домѣ Васильева (содержателя скопческаго корабля) живетъ „дѣвица рѣдкой красоты“, называющаяся и богородицею, и супругой цесаревича Константина Павловича, великой княгиней Анной Ѳеодоровной, и цесаревной Еленой Павловной ('). Неизвѣстно, происходило ли по

(') Чтен.... 1872 г. 3 № 84 стр. — Кто такова была «дѣвица рѣдкой красоты» по своему происхожденію, мнѣнія изслѣдователей расходятся. По мнѣнію Надеждина (Сбор. Кельс. Ш. 108 стр.) и Мельникова (Чтен.... 1872 г. 3 № 88 стр. 30 примѣч. и 89 стр. 32 прим.) она есть не кто иная, какъ дочь извѣстнаго первооскопленника Софона Попова, бывшая въ замужествѣ съ лебедянскимъ мѣщаниномъ и потомъ съ нимъ разошедшаяся; по мнѣнію же Реутскаго она дочь лебедянского купца Николая Гонева и жена лебедянского мѣщанина Катасонова (Изслѣд. Реутскаго, 161 стр.). Чье мнѣніе справедливѣе—трудно опредѣлить. «Дѣвица рѣдкой красоты» замѣчательная авантюристка въ исторіи скопчества. Она первоначально жила въ Москвѣ въ домѣ Колесникова. Принявши на себя двойное самозванство—религіозное и политическое, она приобрѣла обширную популярность и уваженіе въ средѣ московскихъ скопцовъ. Слухъ о ней достигъ даже до Петербурга и Селивановъ, всегда искавшій и привлекавшій къ себѣ людей способныхъ и искусныхъ, рѣшился вызвать ее къ себѣ. Она дѣйствительно прибыла въ Петербургъ и жила нѣкоторое время при лжеискупителѣ. Однако, послѣдній скоро принужденъ былъ раскаяться въ своемъ поступкѣ, такъ какъ дѣвица эта, при рѣдкой физической красотѣ, обладала значительнымъ самолюбіемъ, честолюбіемъ и властолюбіемъ, что уже прямо противно было характеру Селиванова. Притомъ, послѣдній находился даже въ опасности потерять чрезъ нее вліяніе на окружающихъ. Поэтому, онъ постарался удалить ее отъ себя и она послѣ этого жила въ домѣ Васильева до 1819 года (Сборн. Кельс. Ш. 109 стр.). Оставивъ Петербургъ, она, вѣроятно, прежде всего прибыла въ Москву. Отсюда разъѣзжала она по рязанской губерніи и въ 1827 году была поймана въ Раненбургѣ и посажена въ острогъ подъ именемъ московской мѣщанки Елены Павловой (Чтен... 1872 г. 4 № 82 и 87—88 стр. по-

этому случаю слѣдствіе, но только въ началѣ слѣдующаго 1820 года дѣйствія правительства въ отношеніи къ скопцамъ принимаютъ характеръ большей строгости и рѣшительности. 17-го февраля этого года учрежденъ былъ особый секретный комитетъ изъ митрополита Михаила, архіепископа тверскаго Филарета, кн. Голицына, гр. Милорадовича и кн. Кочубея. Результатомъ продолжительныхъ совѣщаній комитета было удаленіе изъ Петербурга 7-го іюня того же года Селиванова и заточеніе его въ суздальскій Спасо-Ефимьевъ монастырь ⁽¹⁾. Взятіе лжеискупителя изъ дома Солодовникова и отправленіе его изъ Петербурга совершились съ соблюденіемъ необыкновенной предосторожности и съ выраженіемъ замѣчательнаго вниманія къ дряхлому старику — искупителю скопцовъ. По словамъ скопцовъ, подтверждаемымъ отчасти и официальными извѣстіями, предъ отправленіемъ лжеискупителя изъ Петербурга къ нему прибылъ вечеромъ оберъ-полицмейстеръ Горголи и объявилъ, что къ нему будутъ гости отъ государя. Дѣйствительно, дня черезъ два или три къ нему прибыли часу въ 11-мъ утра два лица: Поповъ и еще кто-то. Поговоривъ съ лжеискупителемъ, они пожали

казаніе Будылина). Ей, однако, скоро удалось убѣжать изъ острога и въ 30-хъ годахъ она является дѣйствующею въ Москвѣ и въ серпуховскомъ уѣздѣ, но снова была поймана и посажена въ Серпуховскую тюрьму подъ именемъ Прины Николаевой, иначе Елены Павловой (тамъ же, 107 и 112 стр.). Что стало съ той авантюристкой впоследствии — неизвѣстно. Если держаться мнѣнія о происхожденіи ея Надеждина и Мельникова, то нужно допустить, что она послѣдніе дни жизни провела въ домѣ моршанскаго мѣщанина Артема Познякова и умерла въ глубокой старости (болѣе 90 лѣтъ) обезпамятившею старухою (изслѣд. Надеждина. Сборникъ Кельсѣева. Ш. 108 стр. 137 прим.). Объ этой «дѣвицѣ рѣдкой красоты» упоминаютъ Андреяновъ въ своемъ донесеніи подъ именемъ Елены Савельевой (Чтен. въ общ. ист. 1872 г. 3 № 300 стр.) и архим. Доснеевъ въ своемъ сочиненіи «Открытіе тайностей скопцовъ» подъ именемъ «непотребной дѣвки» (тамъ же, 1 № 155—156 стр.).

(1) Сборн. Кельс. Ш. 56 стр. и Реутскій, 144—145 стр.

плечами и одинъ изъ нихъ (Поповъ), всплеснувши руками, сказалъ: „Господи! если бы не скопчество, то за такимъ человѣкомъ пошли бы полки полками“ (¹). По показанію Агѣева—скопца, брали лжеискупителя изъ дома Солодовникова графъ Милорадовичъ и оберъ-полицмейстеръ Горголи съ командою (²). Достоверно, однако, извѣстно только то, что, дѣйствительно, лжеискупитель взятъ былъ изъ дома Солодовникова Горголи въ то время, когда всѣ скопцы спали. Привезенъ былъ онъ въ сѣзжій домъ, гдѣ уже готова была дорожная коляска и отсюда (³) его отправили въ два часа ночи по московскому тракту, въ сопровожденіи слѣдственнаго пристава Путвинскаго (⁴). При этомъ внушено было послѣднему, чтобы онъ оказывалъ лжеискупителю во время пути „всѣ выгоды, какія нужны быть могутъ ему, по престарѣлымъ лѣтамъ и изъ уваженія къ человѣчеству, сколь впрочемъ ни суть преступны правила ереси, какія онъ столь долго разсѣваль“ (⁵). Архимандриту суздальскаго Спасо-Ефимьева монастыря Пареевию заранѣе дано было предписаніе о томъ, чтобы принять начальника секты скопцовъ въ монастырь съ человѣколюбивою ласковостію, съ христіанскимъ расположеніемъ сердца изъ состраданія къ старости его и изъ сожалѣнія о заблужденіи его, и помѣстить его въ кельѣ, которая бы служила, по уединенію своему, къ спокойствію его и ко благоразмышленію“ (⁶).....

(¹) Чтен... 1872 г. 3 № 88 стр. 70 прим. Показ. Хорошкѣва.

(²) Тамъ же, 244 стр.

(³) По Реутскому, лжеискупитель изъ сѣзжаго дома былъ перевезенъ въ домъ министерства народ. просвѣщенія и уже отсюда отправленъ былъ въ мѣсто ссылки (145 стр.).

(⁴) Чтен. въ общ. вст... 1872 г. 3 № 84—85 стр.

(⁵) Сборн. Кельс. Ш. 56 стр.

(⁶) Приведенной нами выдержки изъ предписанія архимандриту почему-то нѣтъ въ текстѣ, помѣщенномъ Мельниковымъ въ Чтен... 1872 г. 3 № 57—58 стр. Вообще же этотъ текстъ сравнительно съ текстомъ

Вѣсть о взятіи Селиванова изъ дома Солодовникова, сдѣлавшаяся извѣстною скопцамъ уже по-утру, очевидно, должна была сильно поразить ихъ. Многие тотчасъ же бросились въ погоню за отъѣзжавшимъ Селивановымъ. Такъ какъ неизвѣстно было, куда именно отправляли лжеискупителя и по какому тракту повезли его, то скопцы, раздѣлившись на партіи, направились въ разныя стороны съ тѣмъ, конечно, чтобы на томъ или другомъ пути нагнать его. Два скопца — Солодовниковъ и Кузнецовъ, полагая, что Селиванова снова повезли въ Сибирь, направили свой путь по московской дорогѣ. Въ Тоснѣ имъ удалось, дѣйствительно, нагнать отъѣзжавшаго Селиванова и здѣсь произошло весьма трогательное прощаніе ихъ съ „батюшкою“. Возвратившись въ Петербургъ, Солодовниковъ и Кузнецовъ извѣстили прочихъ скопцовъ о своей встрѣчѣ. Между тѣмъ, скопцы твердо были убѣждены, что удаленіе Селиванова изъ Петербурга совершилось помимо воли императора, что это есть слѣдствіе козней и происковъ нѣкоторыхъ, чѣмъ либо недовольныхъ ихъ искупителемъ ⁽¹⁾ и это свое убѣжденіе они выразили цѣлымъ рядомъ демонстрацій, направленныхъ противъ правительства. Въ іюлѣ того же 1820 года, спустя нѣсколько дней послѣ отправленія Селиванова, всѣ петербургскіе скопцы собраны были вмѣстѣ въ домъ Солодовникова; здѣсь имъ прочитана была Высочайше разсмотрѣнная и одобренная бумага. Въ этой бумагѣ говорилось, что скопцы

у Надеждина нѣсколько короче; такъ напр. 5-й пунктъ у Мельникова короче, чѣмъ тоже самое у Надеждина въ 6-мъ пунктѣ.

(1) По словамъ нѣснн.

«Александръ царь получалъ много досадъ,

Припечалился онъ, горько затужилъ,

Что изъ Питера жива Бога проводилъ:

Не прогнѣвался-бъ мой батюшка творецъ!

И оставлю сего царствія вѣнецъ.

Видно скоро я во слѣдъ твой покачу,

Безъ него я на землѣ жить не хочу» (Чт... 1872 г. 3 № 132 стр.).

совершенно несправедливо почитаютъ скопчество основаніемъ своего спасенія, что они, далѣе, грубо заблуждаются, почитая начальника своей секты искупителемъ и усвояя ему божественныя свойства, принадлежащія только одному Іисусу Христу, что, далѣе, ихъ мнимый искупитель сосланъ въ монастырь именно за распространеніе скопчества и съ тѣмъ, чтобы онъ тамъ „могъ употребить послѣдніе дни жизни своей на раскаяніе“ и что, наконецъ, всѣ тѣ, которые и послѣ этого будутъ соблазнять другихъ къ вступленію въ скопчество, „подвергнутся строгому взысканію отъ гражданскаго правительства, какъ вредные въ обществѣ люди“ (¹). Едва было окончено чтеніе бумаги, какъ изъ многочисленной толпы скопцовъ выступилъ Алексѣй Петровъ, отставной придворный метрдотель, который съ горячностію сталъ защищать и оправдывать удаленнаго лжеискупителя и, павъ на колѣна предъ чиновниками, громко вопилъ о его возвращеніи (²). Спустя мѣсяць послѣ этого событія, другой скопецъ Семенъ Кононовъ подалъ прошеніе на имя государя императора, въ которомъ просилъ объ освобожденіи и возвращеніи назадъ въ Петербургъ „отца-искупителя“; его выдержали за это десять недѣль въ полиціи. Выпущенный на волю, онъ снова, уже чрезъ почту, изъ Царскаго села, отправилъ новое прошеніе; на него не послѣдовало никакого отвѣта. Обождавъ нѣсколько времени, Кононовъ подалъ третье прошеніе въ руки государя; государь велѣлъ его выдержать еще три недѣли подъ арестомъ. Но и это не образумило фанатика. Подговоривъ другаго скопца унтеръ-офицера Иванова, онъ вмѣстѣ съ нимъ составилъ четвертое прошеніе отъ имени „всего скопческаго общества“, прося при этомъ уже не объ освобожденіи

(¹) Сборн. Кельс. III. 57—58 стр.

(²) Тамъ же, 58 стр.

(³) Тамъ же, 59—60 стр.

деніи и возвращеніи лжеискупителя, а о дозволеніи, по крайней мѣрѣ, видѣться съ нимъ его послѣдователямъ и поклонникамъ и подалъ его опять государю. Видя, что арестъ и увѣщанія не дѣйствуютъ на Кононова, государь повелѣлъ отправить его въ Соловецкій монастырь.—Увѣренность скопцовъ, что государь согласится возвратить Селиванова, жива и сильна была и въ 1823-мъ году. Въ это время подавалъ прошеніе на высочайшее имя купецъ Солодовниковъ, также убѣдительно просившій императора возвратить „добраго пастыря, полагающаго и самую жизнь за избранныхъ своихъ“; неизвѣстно, впрочемъ, какое рѣшеніе послѣдовало на это прошеніе.

Спокойная жизнь, которую пользовались петербургскіе скопцы въ теченіи почти осемнадцати лѣтъ, не могла не вліять на распространеніе скопчества въ другихъ губерніяхъ. Между петербургскимъ обществомъ скопцовъ и скопцами другихъ губерній существовали тѣсныя связи, какъ письменныя, такъ и устные (1). Шая и терпя представителей скопческой ереси, правительство тѣмъ самымъ давало возможность увеличенію скопческой заразы путемъ постепенной пропаганды. Впрочемъ, говоря о вліяніи петербургскаго общества скопцовъ на распространеніе скопчества въ рассматриваемое время, мы не думаемъ видѣть въ этомъ вліяніи единственную и глав-

(1) О письменныхъ и устныхъ связяхъ между петербургскими скопцами и скопцами другихъ губерній мы имѣли уже случай убѣдиться, когда говорили о Селивановѣ. Здѣсь замѣтимъ, что петербургскій скопческій корабль имѣлъ какъ бы особня отдѣленія, которыя находились въ полномъ распоряженіи отъ центрального учрежденія. Такого именно характера было такъ называемое «кронштадтское братское общество», существовавшее около 1811 года. Это общество, по свидѣтельству фельдфебеля Иванова, было въ полномъ подчиненіи у петербургскихъ скопцовъ и назначеніе его состояло въ томъ, что сюда отправляли всѣхъ вновь вербуемыхъ въ секту скопцовъ для дальнѣйшаго утвержденія ихъ въ правилахъ скопческой ереси (Чтен... 1872 г. 3 № 206—207 и 208 стр.).

внѣшнюю причину быстрого увеличенія скопчества. При изложеніи распространенія скопчества въ періодъ времени отъ 1775 по 1802 гг. мы достаточно убѣдились, что распространеніе скопчества совершается, такъ сказать, извнутри, само собой. Слѣдовательно, причины увеличенія скопческой заразы лежатъ гораздо глубже и распространеніе скопчества мало зависитъ отъ внѣшнихъ условій. Не придавая, поэтому, безусловнаго значенія одной какой-либо причинѣ, обусловливавшей распространеніе скопческой секты, но принимая во вниманіе всѣ возможные обстоятельства, такъ или иначе благопріятствовавшія этому распространенію, мы можемъ отчасти понять слѣдующіе факты, представляемые исторіею скопческой секты въ періодъ ея существованія отъ 1802 по 1820 годъ.

Скопцы существовали въ данное время во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они были до этого времени. Такъ въ 1807 году скопцы открыты были въ мало-архангельскомъ уѣздѣ, орловской губерніи; въ 1812 году послѣдовало новое открытіе скопцовъ въ той же орловской губерніи (¹). О тамбовской губерніи извѣстно, что въ ней открыты были скопцы около 1819 года (²). Въ тульской губерніи, по показанію скопца фельдфебеля Иванова, существовало множество скопцовъ какъ въ деревняхъ, такъ и въ городѣ Бѣлевѣ (³). Въ Ригѣ вмѣсто одного дегтеревскаго корабля, существовавшаго во время пребыванія тамъ Александра Шилова, образовалось четыре корабля. Главнѣйшій между ними находился въ домѣ скопца чиновника XIV класса Михаила Антоновича Пищулина (⁴). Относительно калужской губерніи извѣстно, что здѣсь,

(¹) Ист. мнн. внут. дѣлъ. VIII т. 83 стр.

(²) Чтен... 1872 г. 3 № 239 стр.

(³) Тамъ же, 209 стр.

(⁴) Тамъ же, 221—222 стр.

какъ обнаружало слѣдствіе 1803 года, къ скопческой сектѣ принадлежало множество лицъ не только крестьянскаго сословія, но и духовнаго. Главнымъ распространителемъ и вмѣстѣ оскопителемъ въ этой губерніи былъ дьячекъ села Краснаго, тарусскаго уѣзда, Аѳанасій Григорьевъ. Первою жертвою его фанатическаго изувѣрства сдѣлался его сынъ Павелъ Аѳанасьевъ, впослѣдствіи послушникъ московскаго Симонова монастыря, котораго онъ собственноручно оскопилъ. Такимъ же образомъ Аѳанасій Григорьевъ поступилъ съ своимъ сослуживцемъ, пономаремъ того же села, Константиномъ Ивановымъ и женой послѣдняго. Впослѣдствіи Григорьевъ вовлекъ въ скопческую секту другаго пономаря села Титова, лихвинскаго уѣзда, Николая Николаева и его жену. Успѣшно распространяя скопчество въ своемъ сословіи, Аѳанасій Григорьевъ еще болѣе успѣшно дѣйствовалъ между крестьянами, изъ которыхъ до 50-ти человекъ сдѣлались жертвою его фанатизма (¹). Но особенно сильно распространилось скопчество въ разсматриваемое нами время въ Москвѣ и въ московской губерніи. По показанію скопца крестьянина Сакулина, около 1820 года въ Москвѣ число скопцовъ простиралось до тысячи человекъ (*). Всѣ они распредѣлялись по отдѣльнымъ домамъ, составляя особенные корабли. Изъ нихъ болѣе другихъ извѣстны: домъ Масолова или Колесникова, находившійся въ мѣщанской части, въ приходѣ Троицы. Начало происхожденія дома Колесникова, какъ извѣстно, восходитъ къ болѣе раннему времени; теперь же онъ сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ притоновъ всѣхъ скопцовъ. Въ этомъ домѣ происходили нерѣдко оскопленія, для чего устроена была особая печь, гдѣ раскаляли ножъ, употребляемый для оскопленія, и гдѣ обыкновенно со-

(¹) Кал. Епарх. Вѣд. 1871 г. № 2. 43—45.

(*) Чтен... 1872 г. 3 № 248 стр.

жигали трупы тѣхъ, которые не выносили мучительной операціи оскопленія ⁽¹⁾. — Кромѣ дома Колесникова въ данное время имѣли большое значеніе и другіе скопческіе дома въ Москвѣ. Таковы были: домъ московскаго купца Анофрія Пороховаго близъ Прѣсенскихъ прудовъ; домъ унтеръ-офицера Семена Ларионова—въ Серпуховской части и домъ Ивана Богдашова ⁽²⁾. Послѣдній домъ имѣлъ весьма важное значеніе въ средѣ скопцовъ; въ немъ находилась ленточная мастерская, привлекавшая множество женщинъ и дѣвушекъ. Работая въ мастерской, онѣ увлекались скопческімъ ученіемъ, которое ревностно проповѣдывала имъ сестра Богдашова Авдотья Иванова. Стремясь къ увеличенію числа послѣдовательницъ скопческаго ученія, Авдотья Иванова выкупала многихъ дѣвицъ изъ крѣпостнаго состоянія. Послѣднія естественно предавались всецѣло своей благодѣтельница, становясь, такимъ образомъ, ревностными послѣдовательницами скопческаго ученія.

Продолжая свое существованіе въ губерніяхъ, куда скопчество проникло ранѣе, послѣднее проникло и прочно утвердилось въ новыхъ губерніяхъ, бывшихъ до этого времени свободными отъ этой заразы. Такъ, скопцы появились въ губерніяхъ: новгородской ⁽³⁾, рязанской ⁽⁴⁾, владимірской ⁽⁵⁾, костромской ⁽⁶⁾, саратовской ⁽⁷⁾, симбирской ⁽⁸⁾, смоленской ⁽⁹⁾

⁽¹⁾ Чтен... 1872 г. 3 № 219—220 стр.

⁽²⁾ Тамъ же, 199 и 193—194 стр.

⁽³⁾ Тамъ же, 240 стр.

⁽⁴⁾ Тамъ же, 232—233 стр.

⁽⁵⁾ Реутскій, 151—152 стр.

⁽⁶⁾ Тамъ же, 152—153 стр.

⁽⁷⁾ Тамъ же, 150 стр.

⁽⁸⁾ Чтен... 1872 г. 3 № 233—234 стр. Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5. 275 стр.

⁽⁹⁾ Чтен... 1872 г. 3 № 235—236 стр.

и херсонской (¹). По отсутствію официальныхъ данныхъ трудно опредѣлить, какимъ путемъ проникло скопчество во всѣ эти губерніи. Впрочемъ, относительно владимірской и костромской губерній извѣстно, что здѣсь скопчество распространилось благодаря дѣятельности сосланнаго въ Суздаль камергера Елянскаго и солдата Алексѣя Громова. Елянскій въ бытность въ Спасо-Ефимьевомъ монастырѣ познакомился съ монахиней Покровскаго дѣвичьяго монастыря Паисіей. Знакомство это повело къ тому, что Паисія увлеклась скопческимъ ученіемъ и постаралась сообщить послѣднее другимъ. Такимъ образомъ, въ 1812 году въ Покровскомъ монастырѣ образовался цѣлый скопческій корабль; къ нему принадлежали—монахиня Назарета, суздальскія мѣщанки—Матрена и Ирина Биркины, Левъ Биркинъ, отецъ послѣднихъ и мн. др. Скопчество въ монастырѣ до того усилилось, что въ 1812 году владимірскій епископъ возбудилъ противъ Паисіи преслѣдованіе и она была заключена въ переяславскій женскій монастырь. Здѣсь она оставалась до 1820 года. Въ этомъ же году, вѣроятно, по ходатайству петербургскихъ скопцовъ, она снова переведена была въ Покровскій монастырь (²). Находясь въ этомъ монастырѣ, она возобновила скопческія собранія, проникла къ Селиванову, который, какъ увидимъ, находился въ Спасскомъ монастырѣ, сдѣлалась посредствующимъ лицомъ между Селивановымъ и пріѣзжавшими въ Суздаль скопцами и завела, наконецъ, переписку со скопцами симбирской губерніи, иркутской (³) и московской (⁴). Значеніе Паисіи для скопческаго общества было велико; это видно изъ того наименованія, какое дали Паисіи

(¹) Сборн. Мельс. III. 48 стр.

(²) Чтен... 1872 г. 3 № 216—217 стр. Реутскій, 151—152 стр.

(³) Чтен... 1872 г. 3 № 217 стр.

(⁴) Тамъ же, 268—269 стр.

скопцы; ее называли „мироносицей-женой“ и съ такимъ именемъ она вошла въ одинъ скопческій роспѣвецъ (¹). Распространяясь въ Суздаль, скопчество проникло и въ другія мѣстности владимірской губернии. Такъ, уже до 1820 года отецъ Паисіи Иванъ Коробовъ и крестьянинъ Иванъ Ѳедосѣевъ судились во владимірской уголовной палатѣ за распространение скопческой секты (²).—Въ костромской губерніи, какъ сказано, распространялъ скопчество солдатъ Алексѣй Громовъ (³). Громовъ, послѣ несчастія, постигшаго его въ 1818 году въ домѣ Солодовникова, былъ заключенъ въ Николаевскую крѣпость. Здѣсь, впрочемъ, оставался онъ весьма недолго; въ томъ же 1818 году онъ, благодаря заботливости скопцовъ, находившихся въ Николаевѣ, успѣлъ бѣжать и съ этого времени началась его дѣятельность на пользу скопчества. Первая мѣстность, съ которой Громовъ началъ свою преступную дѣятельность, была нынѣшняя костромская губернія и именно нерехотскій уѣздъ. Здѣсь подъ управленіемъ Громова находилось до пяти сотъ человекъ скопцовъ, находившихся въ селеніяхъ: Панинѣ, Ганинѣ, Борисовѣ, Скитинѣ и др. Подъ управленіемъ же Громова находился и „корабль галицкій“, состоявшій изъ ста человекъ женщинъ и нѣсколькихъ мужчинъ. Разъѣзжая по скопческимъ селеніямъ, Громовъ нерѣдко посѣщалъ Суздаль, гдѣ находился Селивановъ. Въ Суздаль онъ естественно познакомился съ Биркиными и другими скопцами, проживавшими здѣсь въ значительномъ количествѣ. Изъ Суздаля онъ заѣзжалъ въ Шую, гдѣ также находились скопческіе дома. Кромѣ этихъ мѣстностей Громовъ часто ѣздилъ въ Москву и Петер-

(¹) Чтен... 1872 г. 3 № 140 стр. II. № 22.

(²) Тамъ же, 268 стр.

(³) Хотя дѣятельность Громова относится къ позднѣйшему времени, но такъ какъ начало этой дѣятельности положено въ это время, то мы считаемъ болѣе удобнымъ рассказать исторію дѣятельности Громова въ этомъ мѣстѣ, не разрывая ее на части.

бургъ. Такъ продолжалось до 1823 года. Въ этомъ году, вслѣдствіе возникшей непріятности между нимъ и Максимомъ Козьминымъ ⁽¹⁾, Громовъ подпалъ подъ судебное слѣдствіе, какъ распространитель скопчества. По приговору суда, онъ отправленъ былъ въ г. Томскъ. Однако, изъ Томска ему скоро удалось бѣжать и онъ снова появился въ той же костромской губерніи. Съ этого времени онъ еще дѣятельнѣе началъ пропаганду скопчества, стремясь въ тоже время „собрать всѣхъ дѣтушекъ подъ единый кровъ“. Вмѣстѣ съ постоянными своими спутниками скопцомъ Николаемъ Никифоровымъ, дворянкой дѣвицей Анной Горталовой и дѣвицей Татьяной Громовъ разъѣзжалъ по Россіи; посѣщалъ Томскъ и намѣревался посѣтить „дѣтушекъ“ за Кавказомъ. Въ 1837-мъ году Громовъ снова былъ пойманъ и отправленъ въ Тобольскую губернію; но и отсюда ему скоро удалось бѣжать. Въ 1843 году Громовъ находился уже въ Петербургѣ и жилъ за московской заставой у скопца Алексѣя Степановича Николаева. Въ 1844 году онъ возвратился въ Кострому, гдѣ опять приступилъ къ пропагандѣ скопчества въ союзѣ съ Николаемъ Никифоровымъ и дѣвицей Анной Горталовой. Въ 1848-мъ году Громова еще отыскивали для привлеченія къ суду, но неизвѣстно, чѣмъ окончился этотъ розыскъ ⁽²⁾. Такимъ образомъ, Громовъ блистательно оправдалъ тѣ надежды, которыя возлагалъ на него Селивановъ, назвавъ его „первымъ апостоломъ“. Благодаря Громову скоп-

(1) Непріятность, дошедшая до открытой вражды, имѣла свою причину самовольное отдѣленіе Козьмина отъ корабля Громова. Козьминъ, не желая болѣе находиться подъ управленіемъ Громова, отправился въ Петербургъ и здѣсь, при содѣйствіи Ильина и Григорьева, окружавшихъ Селиванова, получилъ отъ послѣдняго званіе учителя «галицкаго корабля». Пріѣхавши въ костромскую губернію, Козьминъ назвалъ «христомъ», своего брата возвелъ въ достоинство «апостола» и такимъ образомъ началъ самостоятельную, независимую жизнь (Чтен.... 1872 г. 3 № 320 стр.).

(2) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 340—324 стр.

чество прочно утвердилось въ костромской губерніи и благодаря же ему между скопцами установились тѣсныя отношенія, что, очевидно, не мало содѣйствовало внѣшнему и внутреннему благосостоянію скопческаго общества.

IV.

1820—1832 гг.

По прибытіи въ Суздаль, Селивановъ, согласно извѣстному предписанію былъ помѣщенъ въ отдѣльной кельѣ и надъ нимъ устроенъ былъ бдительный надзоръ. Необходимость послѣдняго была совершенно умѣстна. Еще и мѣсяца не прошло со времени заключенія лжеискупителя въ Спасо-Ефимьевъ монастырь, какъ уже скопцы въ лицѣ своихъ представителей стали искать случая повидаться съ своимъ „батюшкою“ и даже освободить послѣдняго, если бы представилась къ тому возможность. Извѣстный петербургскій купецъ Мих. Солодовниковъ, возвращаясь съ нижегородской ярмарки, по пути заѣхалъ и въ Суздаль 15-го августа, намѣреваясь, конечно, увидѣть Селиванова; однако, намѣреніе это не осуществилось: архимандритъ, узнавъ о пріѣздѣ въ монастырь Солодовникова и о цѣли этого пріѣзда, распорядился немедленно же дать знать о немъ мѣстному городничему и Солодовниковъ тотчасъ былъ высланъ изъ монастыря. Точно также была неудачна попытка увидѣть Селиванова и со стороны другаго скопца, мѣщанина Михайлова, который пріѣзжалъ въ Суздаль 20-го августа подъ видомъ богомоленія вмѣстѣ съ другимъ какимъ-то крестьяниномъ (*). Въ 1822 г. петербургскій купецъ Степанъ Кузнецовъ, по словамъ архимандрита Пареевнѣя, прибывъ въ Суздаль подъ

(*) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 86—87 стр.

предлогомъ закупки товаровъ, приходилъ и въ монастырь съ цѣлю узнать о мѣстопребываніи начальника своей секты и о томъ, не нуждается ли онъ въ деньгахъ; Кузнецовъ, по распоряженію архимандрита былъ также высланъ изъ монастыря (¹). Уничтожая попытки скопцовъ достигнуть личнаго свиданія съ лжеискупителемъ, архимандритъ Парсений, согласно данной ему инструкции, старался объ обращеніи заблуждающагося „старика“ на путь истины. Хотя архимандриту и удалось убѣдить „старика“ исповѣдаться и приобщиться св. таинъ 8-го августа 1820 года, чего послѣдній не дѣлалъ въ продолженіи 18-ти лѣтъ, но совершеннаго раскаянія въ заблужденіяхъ архимандритъ не достигъ (²). Этими немногими официальными данными и ограничиваются положительныя свѣдѣнія о жизни Селиванова въ Спасо-Ефимьевомъ монастырѣ. Но кромѣ несомнѣнныхъ официальныхъ указаній, встрѣчается нѣсколько отрывочныхъ и неполныхъ свѣдѣній, передаваемыхъ скопцами. Эти послѣднія указанія, не смотря на ихъ малочисленность и неполноту. даютъ, однако, право заключать, что жизнь начальника секты скопцовъ въ монастырѣ далеко была не уединенною и изолированною отъ общества скопцовъ; напротивъ, лжеискупитель и въ монастырскомъ уединеніи оказывалъ вліяніе на скопцовъ, находилъ время и способы давать приличные совѣты, наставленія и поощренія скопцамъ и даже имѣлъ возможность дарить приходящихъ къ нему разными амулетами: пряниками, пирожками, образочками и проч. Такъ, крестьянинъ Андреяновъ въ своемъ донесеніи сообщаетъ слѣдующій эпизодъ изъ своей жизни, весьма важный въ данномъ случаѣ. У Андреянова явилось желаніе отправиться въ Суздаль и посмотрѣть на мѣсто заключенія скопческаго искупителя. Громовъ, которо-

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 58 стр.

(²) Тамъ же, 87 стр.

му Андреяновъ высказалъ свое желаніе, съ удовольствіемъ согласился исполнить это благое желаніе и 5-го Августа, вѣроятно 1824-го года, оба они были уже въ Суздаль. Здѣсь, рассказываетъ Андреяновъ, мы нашли до десяти человѣкъ скопцовъ и до тринадцати человѣкъ женщинъ скопчихъ, приходившихъ сюда изъ разныхъ сторонъ ранѣ насъ; отъ нихъ мы узнали, что „искупитель изволитъ терпѣливо страдать“. На другой день по прибытіи въ Суздаль, продолжаетъ Андреяновъ, мы были въ монастырѣ Преображенія Господня и я видѣлъ мѣсто, гдѣ сидѣлъ искупитель скопцовъ. Вечеромъ того же дня мы вышли за городъ, но суздальская дѣвица нагнала насъ и сказала, что „искупитель приказалъ сказать намъ, что напрасно мы торопимся уходить, что все тихо, и что отецъ гнѣвается на тѣхъ, которые скоро насъ выслали, присовокупляя, что не однимъ имъ досталось царство“. При этомъ, продолжала дѣвица, искупитель приказалъ передать, что „онъ, отецъ, веселъ, только тѣломъ въ неволѣ, а духомъ всегда на волѣ съ дѣтушками, и чтобы дѣтушки не печалились“ (¹). По показанію скопца Архипова, данному имъ въ 1845 году, „многіе скопцы ходили къ искупителю въ Суздаль на поклоненіе и получали отъ него волосы его и просфоры“ (²). О просфорахъ и волосахъ искупителя съ присоединеніемъ еще чернаго и бѣлаго хлѣба, остающагося отъ стола его, а также обрѣзкахъ отъ одежды его упоминаетъ въ своемъ донесеніи и Андреяновъ, какъ о предметахъ священныхъ подарковъ, которыми надѣлялъ Селивановъ приходившихъ къ нему скопцовъ. Самъ Андреяновъ, по его словамъ, прибывъ въ Петербургъ, привезъ съ собою нѣсколько волосъ съ головы скопческаго искупителя и обрѣзковъ отъ одежды его и эти вещи отдалъ пе-

(¹) Чтен... 1872 г. 3 № 310—311 стр.

(²) Тамъ же, 193 стр.

тербургскимъ скопцамъ ⁽¹⁾. Въ 1823 году при производствѣ слѣдствія надъ скопцами деревни Опаликахъ, нижегородской губерніи, одинъ изъ крестьянъ утверждалъ, что скопцы принимали ученіе отъ Селиванова, ѣздили къ нему въ монастырь, получали отъ него финифтяные образа, пирожки, пряники и проч. ⁽²⁾. Такимъ образомъ, изъ этихъ показаній очевидно, что Селивановъ имѣлъ сношенія съ своими послѣдователями, но были-ли эти сношенія непосредственными—трудно что либо опредѣленное сказать. Во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что Селивановъ поддерживалъ свои сношенія съ обществомъ скопцовъ чрезъ посредство другихъ лицъ, имѣвшихъ къ нему постоянный доступъ. Такими лицами были Матрена и Ирина Биркины — суздальскія мѣшавки. О нихъ, какъ о посредницахъ между Селивановымъ и приходившими въ Суздаль скопцами, упоминаетъ Андреевъ подъ именемъ „двухъ дѣвицъ“ ⁽³⁾, и Будылинъ ⁽⁴⁾. Къ Биркинымъ нужно присоединить еще и монахиню Покровскаго монастыря Паисію, скопческую „мироносицу“.

Основатель скопческой секты умеръ въ 1832-мъ году 20-го февраля. Между монастырскою братією остался слухъ, что онъ предъ смертію „оказалъ раскаяніе въ своихъ заблужденіяхъ и грѣхахъ и по долгу христіанина православной церкви, исповѣданъ и снодобленъ причастія св. Таинъ“ ⁽⁵⁾. Скопцы, однако, твердо убѣждены, что искупитель ихъ не умеръ, но еще до сихъ поръ живъ и находится по мнѣнію однихъ въ Суздаль ⁽⁶⁾, по мнѣнію другихъ—„въ одномъ

⁽¹⁾ Чтен... 1872 г. 3 № 311 в 313 стр.

⁽²⁾ Ист. мн. вн. дѣль. VIII т 136 стр. Впрочемъ, проваженное по этому случаю слѣдствіе не подтвердило доноса крестьянина.

⁽³⁾ Чтен.. 1872 г. 3 № 310 стр.

⁽⁴⁾ Тамъ же,—4 № 80 стр.

⁽⁵⁾ Сборн. Кельс. Ш. 98 стр.

⁽⁶⁾ Чтен.. 1872 г. 3 № 87 стр.

изъ городовъ россійской имперіи, куда онъ вывезенъ секретно изъ Суздаля“⁽¹⁾, по мнѣнію третьихъ—„въ земляхъ иркутскихъ“⁽²⁾.

О внутреннемъ и внѣшнемъ состояніи скопческой секты, въ разсматриваемое нами время ея существованія, весьма краснорѣчиво свидѣлствуютъ похожденія скопца дезертира Василя Будылина. Будылинъ происходилъ изъ крестьянъ нижегородской губерніи, арзамасскаго уѣзда, села Выѣздной слободы. Въ 1816 году онъ сданъ былъ въ рекруты и поступилъ въ отдѣльный корпусъ. Перешедши затѣмъ въ г. Георгіевскъ (кавказской области, нынѣ ставропольской губерніи), Будылинъ сошелся съ рядовымъ скопцомъ Никитою Калмыковымъ. Послѣдній соблазнилъ Будылина на оскотленіе и самъ совершилъ надъ нимъ эту операцію. Узнавъ о преступленіи, совершенномъ Будылинымъ, начальство отправило послѣдняго въ Тобольскъ. Дошедши до Тамбова, Будылинъ дальше не отправился. Въ Тамбовѣ онъ остановился въ домѣ скопца Онисима Николаева. Благодаря стараніямъ послѣдняго и особенно другаго скопца крестьянина Оомы Гаврилова, Будылинъ скрылся отъ конвойныхъ солдатъ и съ этого времени начались его замѣчательныя похожденія, продолжавшіяся три года, отъ 1825-го по 1828 годъ. Первые двѣ недѣли послѣ совершеннаго побѣга Будылинъ провелъ въ селѣ Атмановомъ Углѣ, моршанскаго уѣзда, въ домѣ Оомы Гаврилова. Здѣсь онъ познакомился съ двумя скопцами и двумя скопчихами, принадлежавшими къ семейству Гаврилова. Изъ Атманова Угла Будылинъ отправился „для достиженія тайны скопческой секты“ въ село Ламки, тоже моршанскаго уѣзда. Въ Ламкахъ въ это время находился цѣлый скопческій корабль, имѣвшій главою однодворца Ивана Добрышева. Проведши въ домѣ

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 154—155 стр.

(2) Тамъ же, 165 стр.

Добрышева два дня, Бudyлинъ отправился по направленію къ Моршанску; по пути посѣтилъ село Корели, гдѣ нашель гостепріимство въ домѣ скопца—мельника. Изъ Моршанска, куда Бudyлинъ прибылъ изъ села Корели, онъ отправился на родину въ село Выѣздную Слободу, нижегородской губерніи. Отсюда онъ направилъ свой путь къ Суздалью. Здѣсь Бudyлинъ встрѣтилъ дружескій пріемъ въ домѣ Биркиныхъ; отъ нихъ, между прочимъ, получилъ разнаго рода подарки отъ лжеискупителя, содержавшагося въ Спасскомъ монастырѣ, состоявшіе изъ сухариковъ пшеничныхъ, баранокъ и др. Согласно съ повелѣніемъ, даннымъ Бudyлину Биркиными, онъ, выѣхавъ изъ Суздаля, снова возвратился въ Моршанскъ съ тѣмъ, чтобы передать всѣмъ скопцамъ, проживавшимъ въ Моршанскѣ, данные ему подарки и сообщить имъ нѣкоторыя извѣстія. Прибывъ въ Моршанскъ, Бudyлинъ остановился въ домѣ скопца мѣщанина Василя Попова, отъ него онъ пришелъ къ Тимоѣю Попову и т. д., пока не обошелъ всѣ скопческіе дома, которыхъ находилось въ Моршанскѣ до восьми. Вездѣ, куда ни приходилъ Бudyлинъ, онъ находилъ дружескій пріемъ и доставлялъ необыкновенную радость всѣмъ скопцамъ. Изъ Моршанска Бudyлинъ отправился въ село Русское моршанскаго уѣзда, отсюда снова прибылъ въ Атмановъ Уголь; посѣтилъ Сосновку и Лажки. Покинувъ моршанскій уѣздъ, Бudyлинъ переправился въ козловскій, гдѣ посѣтилъ скопцовъ села Стежокъ и г. Козлова. Изъ козловскаго уѣзда Бudyлинъ отправился въ усманскій уѣздъ; здѣсь былъ въ самомъ городѣ Усмани и въ селѣ Байгорѣ Чулковѣ⁽¹⁾. Такія походы Бudyлина продолжались до 1827-го года; въ этомъ году Бudyлинъ былъ задержанъ въ козловскомъ уѣздѣ и представленъ въ Козловъ⁽²⁾.

(1) Чтен... 1872 г. 4 № 78—81 стр.

(2) Реутскій, 177 стр.

Однако, Будылину скоро удалось бѣжать и въ 1828-мъ году онъ уже находился въ г. Раненбургѣ, рязанской губерніи. Здѣсь, какъ передаетъ самъ Будылинъ, онъ старался освободить скопческую богородицу, которая находилась въ раненбургскомъ острогѣ (¹). Въ Раненбургѣ, впрочемъ, Будылинъ снова былъ схваченъ и представленъ въ Моршанскъ для допроса. Въ своихъ показаніяхъ, данныхъ имъ 8—11 февр. 1829 года, онъ подробно и чистосердечно рассказалъ исторію своихъ преступныхъ походовъ и указалъ главнѣйшіе центры скопчества въ его время. Въ 1831 году Будылинъ находился уже въ Москвѣ, гдѣ онъ фигурировалъ въ качествѣ обвинителя московскихъ скопцовъ, о которыхъ производилось слѣдствіе еще въ 1827 году по доносу крестьянина Ильи Логинова, но почему - то было прекращено (²). Къ несчастію, смерть, постигшая Будылина во время производства судебного слѣдствія надъ скопцами, не дала ему возможности открыть всего, что онъ зналъ о московскихъ скопцахъ.

Странны и въ высшей степени загадочны похождения Будылина—этого скопческаго авантюриста! До прибытія въ Тамбовъ вовсе неизвѣстный никому, Будылинъ вдругъ становится самымъ близкимъ членомъ всѣмъ скопцамъ тамбовской, нижегородской, владимірской и рязанской губерній, вездѣ его принимаютъ и вездѣ ему довѣряютъ тайны своей секты. Свидѣтельствуя о необыкновенной солидарности, существовавшей въ данное время между скопцами, похождения Будылина не менѣе свидѣлствуютъ и о томъ, что скопчество, разъ проникнувъ въ извѣстную мѣстность, уже не оставляетъ ея, но болѣе и болѣе увеличивается въ объемъ, заражая одно селеніе за другимъ. Дѣйствительно, живучесть скопчества пора-

(¹) Чтен... 1872 г 4 № 82—83 стр.

(²) Тамъ же, 54—71 стр.

зительна. Въ этомъ фактѣ убѣждаетъ множество судебныхъ процессовъ, бывшихъ надъ скопцами въ данное время. Такъ извѣстно, что въ Москвѣ, старинномъ гнѣздѣ скопчества, въ періодъ времени отъ 1820 по 1832 годъ надъ скопцами производилось десять судебныхъ процессовъ и нѣкоторые изъ нихъ отличались баснословнымъ количествомъ привлеченныхъ къ суду. Таковъ напр. процессъ, бывший въ 1820—1829 годахъ, когда къ слѣдствію было привлечено семьдесятъ два человѣка. Этотъ процессъ возбужденъ былъ по доносу крестьянина сельца Владычни, московскаго уѣзда, Ивана Матусова. Между обвиненными 72-ми лицами особенно обращали на себя вниманіе унтеръ-офицеръ Семень Ларіоновъ— „пророкъ и учитель“ скопцовъ, въ домѣ котораго совершались богомоленія, Ларіонъ Подкатовъ и Настасья Антонова— „пророчица и учительница“ скопцовъ, проживавшая въ домѣ Семена Ларіонова (¹). Спустя два года послѣ процесса 1820—1829 г. о московскихъ скопцахъ возникло новое слѣдствіе, къ которому привлечено было семьдесятъ пять человѣкъ. Изъ семидесяти пяти человѣкъ только двѣнадцать были извѣстны правительству, остальные шестьдесятъ три человѣка были открыты вновь. Обвинителями московскихъ скопцовъ въ этотъ разъ были крестьяне Илья Логиновъ и Вас. Будылинъ: по ихъ слову, особенное вниманіе должны были бы обратить на себя тотъ же Ларіонъ Подкатовъ— „злочитель и главный наставникъ по скопческой сектѣ“, Иванъ Богдашовъ—такой же „злочитель и наставникъ“, въ домахъ которыхъ происходили богомоленія скопцовъ и совершалась операція оскопления, далѣе Колмыковъ, Копыловъ и Ефимовъ, считавшіеся главными „мастерами“ въ Москвѣ. Впрочемъ, московская уголовная палата почему-то признала эти обвиненія означен-

(¹) Чтен... 1872 г. 3 № 248—287 стр.

ныхъ лицъ „недоказанными“ (¹). Прочіе восемь процессовъ о московскихъ скопцахъ менѣ замѣчательны по количеству привлеченныхъ къ слѣдствію скопцовъ (²). Отъ Москвы мало отличалась и тамбовская губернія—этотъ древнѣйшій центръ скопчества. Многие уѣзды ея, какъ мы уже видѣли, были наполнены скопцами; особенно это должно сказать относительно Моршанска. Въ послѣднемъ, по свидѣтельству Будылина, существовала даже болѣе или менѣ правильно организованная фабрика скопцовъ, въ которой производились и ассигнаціи и паспорта, и золотыя и серебрянныя деньги. Управителемъ этой фабрики состоялъ Егоръ Плотининъ, у котораго былъ собственный домъ съ разными тайниками. Здѣсь же въ Моршанскѣ проживали главнѣйшіе распространители скопчества: Тимоѣей и Ульянъ Поповы, Трофимъ Загородниковъ, Константинъ Невѣровъ, Катерина Холина и др. (³). Относительно другихъ губерній, въ которыя скопчество проникло также гораздо раньше разсматриваемаго времени, должно замѣтить, что въ большинствѣ ихъ скопцы продолжали свое существованіе и по временамъ дѣлались извѣстными правительству.

(¹) Чтен... 1872 г. 4 № 71—78 стр.

(²) Процессы эти слѣдующіе: 1) Дѣло о московскихъ скопцахъ купцахъ Осипѣ и Максимѣ Васильевыхъ, начавшееся въ 1826 г. и окончившееся въ 1828 г. (Чтен... 1872 г. 4 № 39—47 стр.). 2) Дѣло о скопцахъ крестьянахъ тульской губерніи, алексинскаго уѣзда, Ильѣ Легиневѣ и Филиппѣ Петровѣ (Тамъ же, 54—71 стр.). 3) Дѣло о скопцѣ московскомъ вѣчно цеховомъ Петрѣ Никитинѣ, начавшееся въ 1829 году (Тамъ же, 97—100 стр.). 4) Дѣло о скопцѣ купеческомъ сынѣ Андреѣ Михайловѣ (Тамъ же, 101—102 стр.). 5) Дѣло о скопцахъ крестьянахъ Леонтьѣ Андреевѣ и Тихонѣ Ивановѣ (Тамъ же, 102—104 стр.). 6) Дѣло о скопцахъ и оскопителяхъ въ серпуховскомъ уѣздѣ московской губерніи, начавшееся въ 1831 году и окончившееся въ 1835 году (Тамъ же, 104—105 стр.). 7) Дѣло о скопцахъ крестьянахъ тульской губерніи, бѣлевскаго уѣзда, Федотѣ и Матвѣѣ Федоровыхъ и др. (Тамъ же, 46—47 стр.). 8) Дѣло о скопцѣ, московскомъ мѣщанинѣ, Яковѣ Васильевѣ, начавшееся въ 1827 г. и окончившееся въ 1829 г.

(³) Чтен... 1872 г. 4 № 81—82 стр.

Такъ, въ тульской губерніи были открыты скопцы въ 1823 году (числомъ 5) и въ 1827 году (числомъ 2) (¹); въ тамбовской губерніи скопчество обнаружено было въ 1825 году (²); въ калужской—въ 1828 году, когда сдѣлались извѣстными правительству четыре скопца, изъ которыхъ одинъ былъ дьячекъ, а трое—крестьяне (³); въ смоленской—въ 1827 году (⁴); въ херсонской—въ 1829 году (⁵) и т. д. Не исчезая въ прежнихъ мѣстахъ своего существованія, скопчество, въ періодъ времени отъ 1820 по 1832 годъ, проникло въ новыя, еще незараженные этимъ ядомъ, губерніи. Такъ о таврической губерніи извѣстно, что здѣсь въ 1829 году, какъ доносилъ исправляющій должность таврическаго губернатора министру внутреннихъ дѣлъ, открыты были два скопца (⁶). Въ пермской губерніи, которая защищена была отъ скопческой заразы даже своимъ географическимъ положеніемъ, обнаружено было существованіе скопцовъ въ 1825 году (⁷). Въ тверской губерніи, которая до этого времени, какъ можно судить на основаніи официальныхъ данныхъ, была свободна отъ скопцовъ, въ 1832 г. обнаружались 68 скопцовъ, изъ которыхъ 43 человека принадлежали бѣжецкому уѣзду, остальные же 25—частію новоторжскому, частію вышневолоцкому (⁸). Въ псковской губерніи и именно въ опочекскомъ уѣздѣ принадлежали къ скопческой сектѣ даже прапорщикъ и помѣщикъ, какъ объ этомъ засвидѣтельствовало произво-

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 46—47 стр. и 1872 г. 4 № 54—71 стр.

(²) Ист. мин. внут. дѣлъ. VIII т. 240 стр.

(³) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 4 № 96—97 стр. и Каа. Кн. Вѣд. 1871 г. № 13. 300 стр.

(⁴) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 4 № 50 стр.

(⁵) Ист. мин. внут. дѣлъ. VIII т. 240 стр.

(⁶) Чтен... 1872 г. 4 № 100 стр.

(⁷) Ист. мин. ва. дѣлъ. VIII т. 2 № 40 стр.

(⁸) Чтен... 1872 г. 4 № 122—135 стр.

дѣлающа надъ ними въ 1829 году судебное слѣдствіе (¹). Наконецъ, относительно бессарабской области и слѣдующихъ пяти губерній: слободско-украинской, екатеринославской, оренбургской, ярославской и вятской должно замѣтить, что здѣсь существованіе скопчества официально сдѣлалось извѣстнымъ въ 1826 году (²). Итакъ, можно безошибочно утверждать, что къ 1832 году, кажется, не существовало ни одной губерніи, которая была-бы совершенно свободна отъ скопцовъ; въ большемъ или меньшемъ количествѣ они существовали вездѣ, во всѣхъ губерніяхъ.

Къ великому удивленію, даже мѣста заключенія не могли сдерживать фанатизма скопцовъ и ихъ страсти къ пропагандѣ своего физическаго и нравственнаго уродства. Такъ было напр., въ разсматриваемое нами время, въ Соловецкомъ монастырѣ.—Какъ уже извѣстно намъ изъ предыдущей исторіи скопчества, въ 1819 году три „мнимыхъ зачинщика“ скопчества: Кобелевъ, Ильинъ и Григорьевъ были отправлены изъ Петербурга въ Соловецкій монастырь. Сюда же чрезъ нѣсколько времени были присланы и другіе фанатики-скопцы: мѣщанинъ Кононовъ, придворный лакей Семенъ Кобелевъ, штабсъ-капитанъ Борисъ Соловьевичъ, съ которымъ прибыло еще двадцать человекъ, монахъ Феофанъ и нѣкоторые другіе. Такимъ образомъ, въ Соловецкомъ монастырѣ къ 1824 году скопцовъ оказалось уже достаточное количество, которые къ тому помѣщены были всѣ вмѣстѣ. Конечно, правительство, отсылая скопцовъ въ Соловецкій монастырь, равно какъ и въ другія мѣста, имѣло въ виду нравственное исправленіе ихъ; не то, однако, оказалось на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Скопцы, пользуясь свободою въ сношеніяхъ

(¹) Ист. мин. внутр. дѣлъ. VIII т. 246 стр.

(²) См. статист. таблицу Варадинова. Ист. мин. вн. дѣлъ. VIII т. 159—169 стр.

между собою, не замедлили образовать изъ себя „корабль“ и начать свою обычную дѣятельность. Во главѣ этого корабля стали Кононовъ и Созоновичъ, особенно первый, который былъ душею всего скопческаго общества въ Соловецкомъ монастырѣ. По словамъ Созоновича—это былъ человекъ „коварный и вѣрный служитель діавола“; онъ „своими лестями и пронырствами успѣлъ затмить умы всѣхъ скопцовъ богопротивнѣйшими заблужденіями“ (¹). Эти „богопротивнѣйшія заблужденія“ суть не что иное, какъ ученіе о Селивановѣ, какъ объ искупителѣ и о царѣ Петрѣ III. Какъ оказывается, еще ни одинъ изъ жившихъ въ Соловецкомъ монастырѣ не зналъ о тайнахъ скопчества. Кононовъ первый возвѣстилъ имъ эти истинны и, конечно, нашелъ между слушателями полную вѣру своимъ словамъ. Какъ можно видѣть изъ показаній скопцовъ, данныхъ ими архимандриту Досифею, всѣ они твердо были убѣждены, что Селивановъ былъ истинный искупитель міра и царь Петръ Ѳеодоровичъ и это воззрѣніе на Селиванова получило между ними полное и даже крайнее развитіе (²). Параллельно съ развитіемъ теоретическаго ученія шло также развитіе и культа. Соловецкіе скопцы, не будучи стѣсняемы ни кѣмъ и ни чѣмъ въ своихъ дѣйствіяхъ, безпрепятственно совершали свои радѣнія и притомъ во всѣхъ извѣстныхъ ихъ формахъ: и крестное, и корабельное и др. (³). На этихъ радѣніяхъ они воспѣвали своего батюшку искупителя и воодушевляли себя разными надеждами относительно грядущаго его пришествія. Въ тоже время и во внутреннемъ развитіи скопчества произошло новое явленіе. Въ 1823 году надъ

(¹) Чтен... 1872 г. 1 № 87 стр.

(²) Чтен... 1872 г. 1 № 68—71 стр. Показ. Кудимова,—89 стр. Показ. Созоновича.

(³) Тамъ же, Показ. Созонов.—96 стр. и «откр. тайн. скопцовъ» архиманд. Досифея, 151—152 стр.

тринадцатью скопцами (¹), имѣвшими только „малую печать“, была произведена новая операція, состоявшая въ отрѣзаніи всѣхъ половыхъ частей или въ наложеніи такъ называемой „царской печати“. По единогласному показанію всѣхъ соловецкихъ скопцовъ, главнымъ виновникомъ этого новаго изувѣрства былъ Семень Кононовъ, который и убѣдилъ ихъ въ необходимости принять послѣдній, самый высшій видъ оскотленія. Исполнителемъ же этого желанія Кононова былъ штабсъ-капитанъ Созоновичъ (²). Тотъ же Созоновичъ, по его словамъ, совершилъ оскотленіе и надъ Варееломеемъ Павловымъ, непринадлежавшимъ къ скопчеству и жившимъ въ томъ же Соловецкомъ монастырѣ въ качествѣ столяра (³). Въ 1824 году Созоновичъ оскотилъ Овчинникова, наложивъ ему „царскую печать“ (⁴). Понятно, такого рода поступки скоро должны были дойти до слуха монастырскаго начальства, а затѣмъ и до высшаго, какъ гражданскаго, такъ и духовнаго. Этому, вѣроятно, содѣйствовало и дерзкое стремленіе скопцовъ распространять свое ученіе и уродство между монастырскими служителями и даже между монахами. Поэтому, для возстановленія порядка, въ 1824 году посланъ былъ въ Соловецкій монастырь новый настоятель, архимандритъ Досиѣей Нѣмчиновъ (⁵). Досиѣей, дѣйствительно, не только успѣлъ водворить нарушенный скопцами порядокъ, но весьма многихъ изъ нихъ обратилъ на путь истиннаго раскаянія. Слѣдствіемъ послѣдняго, между прочимъ, было множество письменныхъ показаній скоп-

(¹) По показанію Овчинникова, было вновь оскотлено не 13-ть, а 16-ть скопцовъ (Его показаніе. Чтен. въ общ. ист.... 1872 г. 1 № 56 стр.

(²) Чтен... 1872 г. 1 №. Показ. Созонов. 88 стр., Степан.—101 стр., Ковдрат.—104 стр.

(³) Тамъ же. Показаніе Созоновича—88 стр.

(⁴) Тамъ же. Показ. Овчинникова—54 стр.

(⁵) Тамъ же. Предисловіе Мельникова—2 стр.

цовъ, данныхъ Досиеею въ разное время въ 1826 и 1827 годахъ, на основаніи которыхъ онъ составилъ небольшой экстрактъ объ ученіи и обрядахъ скопцовъ, который, очевидно, тѣмъ важнѣе, что онъ былъ первымъ по этому предмету, если исключить тенденціозное и ничего несобщающее относительно скопчества сочиненіе Пилецкаго „о скопцахъ“. Такъ какъ большинство скопцовъ не умѣло писать, то за нихъ писалъ и составлялъ показанія учитель новоржевскаго уѣзднаго училища Василій Воскресенскій, находившійся въ Соловкахъ за открытое богохульство. Болѣе подробныя и обстоятельныя показанія принадлежать Кудимову и Созоновичу. Обративши къ православію въ 1826 году Овчинникова и Кудимова, архимандритъ Досиеей не зналъ, однако, какимъ образомъ принимать ихъ въ православную церковь. За рѣшеніемъ этого вопроса онъ обратился въ св. Синодъ, вѣроятно, еще въ началѣ 1827-го года, а быть можетъ и въ концѣ 1826 года. Только въ 1828 году 14-го марта послѣдовалъ указъ св. Синода, которымъ предписывалось при принятіи скопцовъ въ православную церковь „сохранять чинъ тотъ же, который употребляется при присоединеніи раскольниковъ вообще, только вмѣсто вопроса, послѣ первой молитвы предлагаемаго, предложить три слѣдующіе: 1) вѣруеши ли яко Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, по слову Апостола Петра: „тѣломъ своимъ единою о грѣсѣхъ нашихъ пострадалъ“, и яко къ тому не имѣетъ нужды во иной матери и во иномъ рожденіи, и яко сей самый Іисусъ, вознесыйся отъ насъ на небо, а не иной кто, паки придетъ со славою судити живымъ и мертвымъ“? — „Вѣрую“. 2) „Вѣруеши-ли, яко не тѣлеснымъ отсѣченіемъ удовъ плоти достигается царствіе небесное, но вѣрую во Христа Іисуса и духовнымъ умерщвленіемъ тѣхъ удовъ, яже суть по апостолу: блудъ, нечистота, страсть, похоть злая, лихоиманіе“? — „Вѣрую“. 3) „Проклинаеши-ли убо ересь скопческую и вся ереси и отступства, яко истинѣ Божіей и святѣй православ-

ной церкви противныя“? — „Проклинаю“ (¹). Какая была дальнѣйшая исторія соловецкихъ скопцовъ—неизвѣстно; только относительно Созоновича существуютъ нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія. Такъ извѣстно, что онъ былъ принятъ въ православную церковь 10-го іюня 1831-го г., получилъ прощеніе отъ государя и поступилъ на службу въ гарнизонный баталіонъ въ Архангельскъ прапорщикомъ. Терпя крайнюю бѣдность и не имѣя родственниковъ, которые помогли бы ему, онъ тогоже 1831-го года 17-го іюня отправилъ письмо къ извѣстному благотворителю того времени Василю Максимовичу Киселеву, котораго убѣдительно просилъ оказать ему матеріальную помощь. Получилъ онъ эту помощь или нѣтъ—неизвѣстно (²).

Распространяясь и увеличиваясь въ числѣ, скопцы въ данное время обнаруживали иногда крайнюю подлость, коварство и мстительность въ отношеніи къ доносителямъ на нихъ. Такъ было поступлено, между прочимъ, съ извѣстнымъ уже намъ крестьяниномъ Матусовымъ, сдѣлавшимъ въ 1820 году доносъ на московскихъ скопцовъ. Еще не окончилось судебное слѣдствіе надъ оговоренными Матусовымъ скопцами, послѣдній „приноситъ жалобу московскому генералъ-губернатору Голицину на побои отъ скопцовъ за доносъ его и на притѣсненія подкупленныхъ скопцами чиновниковъ московской полиціи“. Сущность этой жалобы Матусова состоитъ въ слѣдующемъ. Крестьянинъ Семень Барановъ, по наущенію своего дяди Анофрія Пороховаго, зазываетъ Ивана Матусова въ домъ Пороховаго, будтобы для свиданія съ отцемъ его, Матусова, который пріѣхалъ въ этотъ домъ. Не предполагая коварныхъ замысловъ со стороны приглашающаго, Матусовъ, дѣйствительно отправился въ означенный домъ и, пришедши туда, спрашивалъ:

(¹) Чтен... 1872 г. 4 № 95 стр.

(²) Тамъ же.—3 № 325—326 стр.

„гдѣ отецъ мой“? Пороховой на этотъ вопросъ отвѣчалъ: „что тебѣ до отца дѣло?... Ты отъ нашей секты удаляешься, а призвали тебя до того единственно: не согласишься-ли дать подписку, чтобы ни на кого не доносить; а лучше бы согласился такъ, какъ у него, Федора Иванова, отрѣзать стволъ, за что мы тебя наградимъ деньгами“. Озадаченный такимъ вопросомъ, Матусовъ въ отвѣтъ на предложеніе сказалъ, что теперь поздно объ этомъ думать, такъ какъ „дѣло уже производится формою суда“. Въ то время, какъ Матусовъ разсуждалъ съ Пороховымъ, сестра послѣдняго, Степанида Якимова, вынесла что-то „въ бальзанномъ кувшинѣ“ и, приговаривая: „надобно его поподчивать“, предложила напитокъ Матусову. Послѣдній, догадавшись, что въ этомъ напитокѣ есть, вѣроятно, что-то недоброе, отказался отъ предложенія и уже хотѣлъ уйти изъ дома. Было, однако, поздно; Матусова схватили четыре человѣка и начали бить. Удовлетворивши свой звѣрскій инстинктъ, скопцы пригласили квартальнаго надзирателя Вас. Долгова, гаранте имъ подкупленнаго, который и взялъ съ собою Матусова, съ цѣлю отвести въ частный домъ, пригласивъ при этомъ и Пороховаго. Не доѣзжая до частнаго дома, квартальный надзиратель привязалъ покрѣпче арестованнаго Матусова и, обратившись къ Пороховому, сказалъ: „теперь нечего тебѣ бояться: воля наша“. По приѣздѣ въ частный домъ, Матусова, по его словамъ, „били неоднократно“, при- нуждая его сказать въ палатѣ, что будто - бы онъ, Матусовъ, требовалъ отъ Пороховаго пять сотъ рублей для подарка присутствующимъ 1-го департамента уѣзднаго суда (¹) и что, будто - бы, дѣйствительно, Пороховой, въ исполненіе этого требованія, приносилъ на четвертый день въ часть сто рублей ассигн.

(¹) Въ этомъ департаментѣ производилось слѣдствіе надъ оговоренными Матусовымъ скопцами.

и шесть серебряныхъ ложекъ. Матусовъ, конечно, не согласился на такое ложное показаніе на себя и требовалъ, чтобы квартальный надзиратель сообщась нимъ отправился въ домъ Пороховаго и взялъ оттуда кувшинъ для освидѣтельствованія содержимой въ немъ жидкости. Долговъ не исполнилъ этого законнаго требованія и только уже на четвертый день были снаряжены для изслѣдованія всего дѣла два чиновника, которые, однако, по словамъ Матусова, „пробыли въ домѣ Пороховаго самое малое время, изслѣдованія же никакого не чинили“; вмѣсто же послѣдняго они „Матусова посадили въ холодную комнату“, донесли о немъ оберъ-полицмейстеру, который, не спрашивая Матусова въ чемъ дѣло, „велѣлъ только остричь половину головы“ (1).

Жалоба Матусова сама по себѣ такъ проста и естественна, что не требуетъ особыхъ дополнительныхъ замѣчаній,—и то, что описано въ ней о дѣйствіяхъ скопцовъ также не можетъ, кажется, подлежать сомнѣнію, ибо подобнаго рода расправа скопцовъ съ измѣнниками ихъ обществу входитъ какъ необходимый догматъ въ ихъ практическую жизнь. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ результатъ этой жалобы.

V.

1832—1880 гг.

По смерти Селиванова скопцы лишились главнаго своего руководителя, но они не лишились того духа, который влилъ въ нихъ основатель скопческой секты и который возбуждалъ и поддерживалъ ихъ религіозный фанатизмъ. Твердо вѣруя, что Селивановъ не умеръ, но еще живъ, что онъ скоро долженъ

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 292—294 стр.

явиться въ Москву и произвести религіозно - нравственный и политическій переворотъ, скопцы во имя этой идеи всегда распространяли и продолжаютъ распространять физическое и нравственное уродство. Центръ, гдѣ по преимуществу сосредоточивалась дѣятельность скопцовъ въ данное время, нельзя съ точностію опредѣлить. Основываясь на официальныхъ данныхъ, можно думать, что въ это время какъ будто происходило соперничество въ этѣмъ отношеніи между Москвою и таврическою губерніею. Относительно первой извѣстно, что въ ней, въ періодъ времени отъ 1832 по 1869 годъ, возникало пять судебныхъ процессовъ о скопцахъ (*). Такъ, въ 1835 году московская уголовная палата разбирала дѣло о скопцѣ Николаѣ Ѳедоровѣ и объ открытыхъ, по его доносу, восемнадцати московскихъ скопцахъ (**); въ 1837 году открыто было сборище скопцовъ въ домѣ московскаго мѣшанина Ивана Крупчатникова (**); въ 1838 году судилось цѣлое семейство скопцовъ, состоявшее изъ пяти человѣкъ и проживавшее въ Срѣтенской части Москвы (**); въ 1840 году возникло дѣло о двадцати четырехъ скопцахъ крестьянахъ волоколамскаго уѣзда, села Середы (**); наконецъ, въ 1869 году снова поднятъ былъ судебный процессъ о скопцахъ Кудриныхъ, о которыхъ производилось неоднократно слѣдствіе еще ранѣе (*). Съ другой стороны, въ таврической губерніи, начиная съ 1861 г., скопцы постоянно откры-

(*) Говоря, что въ періодъ времени отъ 1832—1869 г. въ Москвѣ происходило пять судебныхъ процессовъ о скопцахъ, мы не думаемъ утверждать, что будто-бы, дѣйствительно, въ Москвѣ болѣе пяти судебныхъ процессовъ о скопцахъ не происходило. Быть можетъ, такихъ процессовъ было вдвое болѣе, но они еще не обнаружены въ печати.

(*) Чтен... 1873 г. 1 № 158—161 стр.

(*) Тамъ же, 167—168 стр.

(*) Тамъ же, 169—177 стр.

(*) Тамъ же, 198—200 стр.

(*) Современ. Извѣстія. 1869 г. № 264.

вались правительствомъ и притомъ въ весьма значительномъ количествѣ. Такъ, въ 1861 году скопцы подъ именемъ „Маріамнинской секты монашествующихъ“ обнаружены были въ Далматовѣ, днѣпровскаго уѣзда. Основательницей этой секты была солдатка Маріамна Тимоѣева, которая въ свою очередь была совращена въ скопчество Сухонинимъ, проживавшимъ въ Николаевѣ. Далѣе, въ 1864 году существованіе секты скопцовъ обнаружено было въ бердянскомъ уѣздѣ, гдѣ главою ея состоялъ нѣкто Бабанинъ, и въ мелитопольскомъ уѣздѣ. Въ послѣднемъ уѣздѣ распространіе скопчества подъ именемъ „секты шалопутовъ“ приняло весьма широкіе и опасные для всего уѣзда размѣры. По судебному разслѣдованію, произведенному въ 1865 году, оказалось, что скопчествомъ заражены были слѣдующія села: Михайловка, гдѣ существовалъ даже особый конецъ „Тимскій“, исключительно населенный скопцами; Матвѣевка, гдѣ открыто были 11 скопцовъ; Веселое, Новоивановка, Теодоровка, Спасское и Новопетровка. Главными распространителями скопчества въ мелитопольскомъ уѣздѣ были: Баздырѣвъ, Яркинъ, Шаховъ, Работяговъ и Булгаковъ; фамиліи нѣкоторыхъ изъ этихъ вожаковъ скопческой секты встрѣтятся намъ еще въ такъ называемомъ новоскопческомъ движеніи. Скопцы въ означенныхъ селахъ дѣйствовали такъ нагло и ожесточенно, что нѣсколько крестьянскихъ семействъ въ томъ же 1866 году вынуждены были формально просить мѣстное начальство, чтобы оно защитило ихъ отъ скопцовъ, открыто вносившихъ свое варварство во многія семейства. Вслѣдствіе этого мѣстное начальство прибѣгло къ мѣрамъ чрезвычайнымъ: оно предоставило каждому православному право наблюдать за подозрительными лицами и установило ежедневный осмотръ шалопутовъ-скопцовъ⁽¹⁾. Мѣры эти, впрочемъ, мало имѣли успѣха. Какъ увидимъ

(1) Москов. Вѣд. 1869 г. №№ 51 и 52.

далѣе, въ 70-хъ годахъ многія селенія мелитопольскаго уѣзда были наполнены скопцами не менѣе, какъ и въ 60-хъ годахъ.

Кромѣ Москвы и таврической губерніи — этихъ главнѣйшихъ центровъ скопчества въ разсматриваемое нами время—скопцы обнаруживали свое существованіе и въ другихъ губерніяхъ. Замѣчательное открытіе скопцовъ было сдѣлано въ 1834 году въ Саратовѣ. Здѣсь около 30-хъ годовъ организовался значительный по количеству членовъ скопческой корабль, имѣвшій огромное вліяніе на другіе корабли той же губерніи. Главою этого корабля былъ купецъ Василій Ивановичъ Пановъ. По своему образованію онъ былъ очень не далекъ: кромѣ книжнаго чтенія—ничего не зналъ. Нерѣдко случалось поэтому, что на вопросы своихъ единомышленниковъ о предметахъ, недоступныхъ его пониманію, онъ мѣшался, говорилъ темно и даже безъ смысла. Будучи не далекимъ по своему уму, Пановъ, однако, имѣлъ какое-то магическое вліяніе на своихъ подчиненныхъ: всѣ его слушались и безпрекословно исполняли его велѣнія. Бывали примѣры, что подчиненные его по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ не вкушали пищи, свято исполняя повелѣніе своего учителя, и вслѣдствіе такого продолжительнаго поста нѣкоторые умирали даже съ голоду. Питая уваженіе и благоговѣніе къ Панову, Саратовскіе скопцы возвели его даже на пьедесталъ божества: они называли его не иначе, какъ „Богомъ“, „Иисусомъ Христомъ и Святымъ Духомъ“; этими именами, впрочемъ, онъ и самъ называлъ себя. Кромѣ Панова въ саратовскомъ кораблѣ были и другіе скопцы также съ значеніемъ и вѣсомъ, таковы: Ларіонъ Бекетовъ, домъ котораго, расположенный на краю города, въ глубинѣ прилегающаго сада, служилъ „соборомъ“ для саратовскихъ скопцовъ; Ожерельевъ—пропагандистъ скопческаго ученія и др. На богослужебныхъ собраніяхъ саратовскихъ скопцовъ присутствовали не только скопцы города Саратова, но и изъ другихъ селъ и

даже губерній; такъ извѣстно, что въ домъ Бекетова прїѣзжали скопцы изъ села Дальняго Переѣзда, аткарскаго уѣзда, изъ Москвы, напр. купецъ Байбаковъ, изъ Самары и изъ Тулы.

При бездѣятельности тогдашней полиціи, которая даже, какъ свидѣтельствуесть судебное слѣдствіе надъ скопцами 1834 года, была въ полномъ своемъ составѣ подкушлена скопцами, скопчество въ Саратовѣ процвѣтало и принимало широкіе размѣры: оно болѣе и болѣе увеличивалось въ своемъ числѣ. Уже въ 1832 году стараніями Ожерельева былъ пріобрѣтенъ новый членъ общества, саратовскій мѣщанинъ Курникинъ. Такъ продолжалось до времени саратовскаго епископа Іакова (1832—1847 г.), который первый принялъ дѣятельныя мѣры къ искорененію скопческой секты, свившей свое гнѣздо въ самомъ городѣ. Нужно замѣтить, что въ Саратовѣ еще до прибытія еп. Іакова было образовано въ 1829 году миссіонерское общество, цѣлію котораго было обращеніе на путь истинны раскольниковъ разныхъ толковъ. Главными сотрудниками этого братства были: портной Пономаревъ, мѣщанинъ Чекеневъ и купецъ Залетновъ. Впослѣдствіи, къ этому братству присоединился и еп. Іаковъ. Обращаясь съ послѣдователями разныхъ раскольническихъ толковъ, Пономаревъ, между прочимъ, познакомился и съ Василюмъ Ивановичемъ Пановымъ, который еще до этого времени обратилъ свое вниманіе на такого набожнаго и благочестиваго человѣка, какимъ былъ Пономаревъ. Изъ разговоровъ о разныхъ предметахъ и преимущественно религіознаго содержания Пономаревъ замѣтилъ, что его собесѣдникъ не чуждъ скопческихъ заблужденій. Такъ какъ эта догадка Пономарева все болѣе и болѣе подтверждалась, то онъ не замедлилъ объявить объ этомъ еп. Іакову. Послѣдній обратился къ тогдашнему саратовскому губернатору Переверзеву съ просьбою принять надлежащія мѣры къ обнаруженію и пресѣченію секты скопцовъ, появившейся въ Саратовѣ. Переверзевъ въ сво-

емъ отношеніи къ преосвященному писалъ, что „во всей саратовской губерніи скопцовъ нѣтъ“. Вслѣдствіе этого еп. Іаковъ обратился за совѣтомъ къ жандармскому полковнику Быкову, который и посовѣтовалъ ему позволить одному изъ членовъ братства вступить, конечно притворно, въ общество скопцовъ, съ цѣлію узнать его тайны. Выборъ преосвященнаго палъ на купца Алексѣя Ивановича Залетнова, который, послѣ долгихъ колебаній и просьбъ преосвященнаго, дѣйствительно, вступилъ въ общество скопцовъ, прошедши предварительно всѣ ступени мистическихъ испытаній обряда принятія въ секту, которымъ подвергають скопцы всякаго новичка. Опасенія Залетнова быть насильственно оскотеннымъ со стороны скопцовъ побудили преосвященнаго и полковника Быкова присоединить къ нему еще двухъ членовъ братства—купца Чекенева и мѣщанина Любимова, чтобы, такимъ образомъ, въ случаѣ насилія со стороны скопцовъ, они могли дать имъ отпоръ. Чекеневъ и Любимовъ были приняты Пановымъ; при этомъ, рассказываетъ Чекеневъ, произошло нѣчто чудесное и страшное. „Когда, говоритъ Чекеневъ, я сталъ на колѣна предъ Пановымъ, прося его о приѣмѣ въ ихъ общество, я внутренно молился Богу, чтобы помогъ мнѣ безвредно выйти изъ испытанія: Пановъ вдругъ пришелъ въ изступленіе, началъ часто и тяжело дышать и едва было совсѣмъ не задохнулся. Шатаясь, онъ упалъ на руки бывшихъ возлѣ него. Всѣ заплѣли хоромъ: „христосъ воскресъ“ и подхватили своего пророка на руки. Придя чрезъ нѣсколько времени въ себя, Пановъ сказалъ скопцамъ: „изъ этого человѣка либо выйдетъ великій пророкъ либо отъ него всѣмъ намъ бѣда будетъ“.

Нельзя сказать, чтобы Залетновъ, Чекеневъ и Любимовъ много узнали изъ ученія скопцовъ. Ни объ искупителѣ скопцовъ, ни объ Акулинѣ Ивановѣ, ни о Шиловѣ они не услышали ни слова. Очевидно, что Пановъ и другіе не такъ скоро посвящали новыхъ

членовъ своего общества: требовалось много времени и нравственнаго искуса, чтобы повѣдать то, на чемъ собственно зиждется все скопчество. Впрочемъ, относительно обрядовой стороны и отчасти нравственной, Залетновъ, Чекеновъ и Любимовъ получили достаточныя свѣдѣнія, чтобы убѣдиться, что Пановъ и всѣ его единомышленники — дѣйствительно скопцы и что религиозно - нравственныя убѣжденія ихъ во всякомъ случаѣ далеко не православныя. Такимъ образомъ, необходимо было приступить къ осуществленію намѣченной цѣли, но тутъ была допущена оплошность, которая едва не испортила всего дѣла.

Быковъ, узнавъ о существованіи секты скопцовъ въ Саратовѣ, счелъ своею обязанностію донести объ этомъ высшему начальству, испрашивая при этомъ разрѣшенія захватить сектантовъ въ одно изъ ихъ собраній. Отвѣтъ на это прошеніе Быкова послѣдовалъ не скоро; между тѣмъ, петербургскіе скопцы успѣли уже узнать о донесеніи Быкова и увѣдомить своихъ братьевъ по вѣрѣ — саратовскихъ скопцовъ, чтобы они „были осторожны, такъ какъ собранія ихъ не безызвѣстны уже правительству“. Слѣдствіемъ этого было то, что иногородные члены общества немедленно разѣхались по своимъ домамъ, такъ что саратовскій губернаторъ Переверзевъ, принявшій дѣятельныя полицейскія мѣры къ розысканію скопцовъ вслѣдствіе послѣдовавшаго отъ вышаго начальства предписанія, ничего не могъ найти. Поэтому, въ отвѣтъ на предписаніе, Переверзевъ писалъ, что „хотя въ Саратовѣ и есть много раскольническихъ сектъ, но скопческой рѣшительно нѣтъ, за вѣрность чего онъ твердо ручается“.

Ручательство Переверзева далеко было не твердо и онъ скоро долженъ былъ жестоко разочароваться въ своемъ первоначальномъ убѣжденіи. Полгода, дѣйствительно, прошло, когда скопческихъ собраній не было; но вотъ, когда боязливые толки мало по малу стихли, скопцы пріободрились. Уже къ концу

1833 года, именно въ началѣ святокъ, назначено было торжественное собраніе въ домѣ Бекетова, въ которое долженъ былъ вступить новый членъ общества: Родіонъ Пономаревъ. Этотъ Пономаревъ также, какъ и три его товарища, вступилъ въ секту по настоящему убѣжденію преосвященнаго Іакова и полковника Быкова и по взаимному уговору, послѣднихъ въ ночь его приѣма въ секту должно было совершиться открытое нападеніе на собравшихся въ домѣ Бекетова скопцовъ съ цѣлію заарестованія ихъ. То, что предполагали еп. Іаковъ и полковникъ Быковъ, удалось какъ нельзя лучше. Ночь, избранная скопцами для ихъ торжественнаго собранія, весьма благоприятствовала имъ: она была темная, къ тому же поднялась сильная вьюга. За часъ до собранія Пономаревъ отправился къ преосвященному Іакову, который, предавъ ему благословеніе, послалъ его къ Быкову, у котораго уже все было готово. Быковъ, нарядивъ Пономарева въ платье жандарма, оставилъ его при себѣ, а команду свою раздѣлилъ на двѣ части: одни—пѣшіе, переодѣтые въ крестьянское платье, пошли впередъ, другіе—конные, въ своей формѣ, при сабляхъ, слѣдовали за ними но-одадь. Подойдя къ сборному пункту, Быковъ велѣлъ идти пѣшимъ впередъ съ переодѣтымъ Пономаревымъ и занять, по его указанію, всѣ входы и выходы въ домъ, а конныхъ оставилъ при себѣ, готовыхъ явиться тамъ же по первому востребованію. Первый отрядъ тихо приблизился къ дому Бекетова, покровительствуемый темнотою и непогодю. Нѣсколько человекъ мгновенно перелѣзли черезъ заборъ, захватили разставленныхъ скопцами часовыхъ, отбили ворота и заняли всѣ выходы; другіе, между тѣмъ, окружили домъ. Дали знать объ этомъ Быкову, который не замедлилъ прибыть сюда же съ конными жандармами. По странной оплошности скопцовъ, двери въ сѣни были не заперты, а занятые своимъ радѣніемъ и пѣснями скопцы не слышали, что происходило вокругъ дома. Поэтому, Быковъ

и Пономаревъ безпрепятственно вошли въ сѣни, а отсюда проникли и въ прихожую, куда дверь тоже не была заперта, и наконецъ вступили въ залу. Радѣніе было въ самомъ разгарѣ; зала была ярко освѣщена. Само собою понятно, испуганные появленіемъ жандармскаго полковника, скопцы и скопчихи бросились въ разныя стороны съ цѣлю скрыться. Залетновъ, Чеконевъ и Любимовъ, также участвовавшіе въ радѣніяхъ, какъ бы ничего не зная, въ свою очередь приняли видъ испуганныхъ и удерживая руками пророковъ, кричали: „помогите родименькіе, спасите насъ: вотъ погибаетъ мы“!

Такимъ образомъ, благодаря отчасти предусмотрительности Быкова и Пономарева, отчасти же стараніямъ трехъ означенныхъ мнимыхъ послѣдователей скопческой секты, всѣ скопцы были арестованы и отправлены въ домъ Быкова; ихъ оказалось тридцать человекъ. На другой день Быковъ донесъ губернатору объ арестованіи „какихъ то странныхъ людей“. Губернаторъ, узнавъ, что это скопцы, повелѣлъ отправить ихъ въ тюремный замокъ, гдѣ и было снято съ нихъ первое дознаніе. Хотя арестованные скопцы на допросѣ и признались, кто они и зачѣмъ собирались, но это признаніе ихъ не имѣло дальнѣйшаго хода, такъ какъ Быковъ снималъ съ нихъ допросъ безъ депутатовъ отъ городекаго общества, что однако требовалось, какъ необходимое условіе всякаго законнаго дознанія. Поэтому и скопцы, воспользовавшись этимъ промахомъ Быкова, чрезъ нѣсколько времени отказались отъ своихъ первоначальныхъ показаній на томъ основаніи, что будто-бы эти показанія даны были ими вслѣдствіе насилій и угрозъ Быкова. Вслѣдствіе этого, дѣло, само по себѣ ясное и очевидное, затянулось и только уже спустя четыре года окончательно было рѣшено. По этому рѣшенію пророки, пророчицы и другіе члены корабля, болѣе другихъ виновные, отправлены были въ Сибирь. Коварство и разнаго рода происки скопцовъ—съ одной стороны, недобросовѣст-

ность и продажность судей—съ другой, весьма вредно отзывались на главныхъ виновникахъ открытія этого скопческаго корабля. Чекеневъ и Залетновъ, вслѣдствіе предписанія не удалиться изъ Саратова, были лишены возможности бывать на ярмаркахъ,—а это, конечно, вредно отзывалось на ихъ торговлѣ. Пономаревъ долго долженъ былъ защищаться въ томъ, что онъ никогда не принадлежалъ къ скопческой сектѣ, а тѣмъ болѣе не могъ быть главою ея. Кроме того, онъ принужденъ былъ долго терпѣть разнаго рода колкости и насмѣшки со стороны тѣхъ же скопцовъ, которые прямо говорили ему: „что голубчикъ? ты пришелъ къ намъ секты открывать! погоди же, мы тебя упечемъ!“ и проч. въ этомъ родѣ.⁽¹⁾

Поступленіе многихъ скопцовъ въ военную службу, по опредѣленію судебной власти⁽²⁾, было причиною усиленія скопчества въ средѣ военныхъ чиновъ, сдѣлавшагося особенно замѣтнымъ и опаснымъ въ разсматриваемое нами время. Такъ, въ 1839 году оберъ-священникъ арміи и флотовъ доносилъ св. Синоду, что „до него дошло тайнымъ образомъ свѣдѣніе о существованіи въ Кронштадтѣ секты или общества, которое, по всей вѣроятности, есть общество скопцовъ и состоитъ изъ двадцати человекъ равнаго званія, но болѣе военного, подъ начальствомъ такъ называемаго главнаго пророка, третьяго ластоваго экипажа подпоручика Теодора Царенки“. Вслѣдствіе этого донесенія немедленно была назначена особая ко-

(1) Чтен. въ общ. ист... 1873 г. т. № 127, 130—132, 138—139 и 147—155 стр., Домаш. Бесѣда. 1861 г. «Раисахъ очевидца о дѣйствіяхъ преосвящ. Іакова, по обращенію раскольниковъ въ саратовской губерніи». 764—767 и 809 стр.

(2) Первый указъ объ отдачѣ скопцовъ въ военную службу изданъ былъ, какъ мы уже замѣчали, въ 1807 г. (Чт... 1872 г. 3 № 231—232 стр.). Потомъ это распоряженіе правительства повторилось съ разными видоизмѣненіями въ 1808 г., въ 1816 г. и т. дал.: (Тамъ же, 232—233 стр.).

миссія для производства дознанія о лицахъ, прикосновенныхъ къ обществу скопцовъ. Слѣдствіе вполне подтвердило слухи, дошедшіе до оберъ-священника. 14-го апрѣля того же 1839 года главный командиръ доносилъ начальнику Морскаго штаба, что, дѣйствительно, въ Кронштадтѣ существуетъ „особое общество скопцовъ изъ служащихъ и неслужащихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ“, что „первенствующимъ лицомъ этого общества, или первымъ пророкомъ, по сказанію многихъ, состоитъ третьяго ластоваго экипажа подпоручикъ Царенко“. Число обнаруженныхъ скопцовъ простиралось до двадцати человекъ. Замѣчательно, что большинство скопцовъ, хотя и указывало своихъ оскопителей, но почти ни одинъ изъ нихъ не старался утверждать, какъ обыкновенно дѣлается скопцами въ подобныхъ случаяхъ, что они оскоплены насильственно; большая часть изъ нихъ признавалась, что оскоплены они по собственной волѣ и по желанію спасти свои души. Двое изъ обвинявшихся скопцовъ обнаружили рѣдкое и замѣчательное убѣжденіе въ истинности и спасительности скопческаго ученія. Это были музыканты Леонтьевъ и Котовъ. По единогласному признанію ихъ, они „не намѣрены отстать отъ секты скопцовъ, моленье коихъ почитаютъ за самое священное, и вполне увѣрены, что покойный императоръ Петръ III явится какъ Иисусъ Христосъ для спасенія ихъ. Въ противности чего никакія убѣжденія, ни самыя жестокія наказанія, не заставятъ ихъ быть увѣренными, что они заблуждаются, и когда приготовятся молитвою и постомъ, и будетъ на то воля Божія, то оскоятся, не взирая ни на какое запрещеніе“. Поэтому, они всегда готовы выполнять съ усердіемъ приказанія начальства, никогда ни въ чемъ не ослушаться, служить императору со всею готовностію и „до послѣдней капли крови“, но отъ секты скопцовъ никогда не намѣрены отстать, „давъ къ тому клятвенное обѣщаніе“. По приговору военнаго суда, Царенко назначенъ былъ

къ смертной казни чрезъ сожженіе; Даниловъ же, Андреевъ, Леонтьевъ и Котовъ—къ лишенію военныхъ отличій. Прочіе участники общества подверглись обыкновенному гражданскому суду (¹).

Еще замѣчательнѣе и опаснѣе было движеніе скопцовъ кавказской подвижной инвалидной роты въ 1842 и 1843 гг. Исторія образованія этой роты слѣдующая. Въ 1816 году велѣно было „всѣхъ принимаемыхъ въ рекруты отправлять, между прочимъ, и въ Ставрополь къ зачисленію въ войска кавказскаго корпуса“. Согласно съ этимъ предписаніемъ, всѣхъ скопцовъ, присланныхъ въ Ставрополь, распредѣлили на службу въ разные полки. Такъ было до 1822 года. Къ этому времени вредъ, происходившій отъ скопцовъ, сталъ весьма замѣтно обнаруживаться; между солдатами равныхъ полковъ стали появляться примѣры оскпленій, чему, очевидно, главною причиною было присутствіе въ этихъ полкахъ скопцовъ. Поэтому, въ 1822 году послѣдовало особое распоряженіе „объ обращеніи главныхъ зачинщиковъ скопческой секты въ крѣпостныя работы“. Мѣстомъ работъ для скопцовъ были избраны, съ одной стороны, крѣпости Редуть-Кале и Сухумъ-Кале, куда отправлялись скопцы изъ Тифлиса, а съ другой—крѣпость Усть-Лабинская, куда посылали скопцовъ изъ Ставрополя. Впрочемъ, крѣпость Усть-Лабинская оказалась неудобною для отосланныхъ туда скопцовъ; къ тому же, между тамошними кавказскими семействами стали появляться оскпленія; поэтому, еще въ 1830 году скопцовъ изъ этой крѣпости отправили въ Анапу. Скопцы, находившіеся въ крѣпостяхъ Редуть-Кале и Сухумъ-Кале употреблялись частію для работъ въ укрѣпленіяхъ по Имперіи, частію же для сплава провіанта по рѣкѣ Риону. Тѣже скопцы, которые отправлены были въ Анапу, занимались устройствомъ домовъ для поселянъ,

(¹) Чтен. въ общ. вст... 1873 г. 1 № 477—492 стр.

буреніемъ артезіанскаго колодца и проч. Въ 1836 году какъ Анапскіе скопцы, такъ и находившіеся въ крѣпостяхъ Сухумъ-Кале и Редуть-Кале, были переведены въ черноморскій баталіонъ. Въ 1838 году, по особому распоряженію императора, изъ всѣхъ скопцовъ, находившихся въ этомъ черноморскомъ баталіонѣ, была сформирована особая военно-рабочая рота подъ № 95-мъ, — расположена она была въ Маранѣ, гдѣ скопцы жили въ отдѣльныхъ домикахъ по два и по три человѣка. Чтобы по возможности способствовать ослабленію ихъ фанатизма и даже раскаянію въ своемъ заблужденіи, всю роту раздѣлили на два взвода, по степени приверженности скопцовъ къ своей сектѣ. Тѣ, которые оставили уже свои заблужденія, и тѣ, которые хотя вовсе и не оставили ихъ, но уже близки были къ этому, были причислены къ первому взводу; упрямые же скопцы, которые обнаруживали необыкновенное стремленіе пропагандировать свое ученіе, причислены ко второму.

До 1842 года скопцы вновь образовавшейся „подвижной инвалидной № 95-й роты“ не обнаруживали ничего особенно предосудительнаго; по видимому даже фанатизмъ ихъ мало по малу началъ утихать. Въ этомъ же году изъ среды скопцовъ втораго взвода выдвинулись два фанатика: Басюковъ Флоръ и Кокоревъ Иванъ, которые начали возбуждать умы прочихъ скопцовъ скорымъ пришествіемъ царя израильскаго Петра III, имѣющимъ придти, по ихъ словамъ, въ 1845 году. Мысль, поданная Басюковымъ и Кокоревымъ, мгновенно пронеслась по всему второму взводу и была принята скопцами съ необыкновенною радостію и восторгомъ, при которыхъ они готовы были даже умереть за своего грядущаго царя. Управлявшій скопцами полковникъ Врусилловъ опасался опасныхъ послѣдствій отъ такой проповѣди для всей роты, и для предотвращенія опасности полагалъ удалить Басюкова въ домъ съумашедшихъ, а Кокорева—въ Сибирь на поселеніе. Опасенія отчасти уже начали

оправдываться. Вѣроятно, около этого времени, послѣдовало отъ сорока трехъ скопцовъ втораго взвода первое письмо къ майору Пыщкину. Въ немъ скопцы излагаютъ весьма подробно главнѣйшій догматъ своего сумасброднаго ученія объ искупитель—Петрѣ III и его скоромъ. пришествіи. „Объ вѣрѣ нашей и сектѣ, такъ начинается это письмо, извѣстно царю Николаю Павловичу, и кого мы признаемъ царемъ израильскимъ, что онъ насъ будетъ судить и всю вселенную, и всѣхъ царей и королей, и будетъ онъ насъ вѣрныхъ своихъ дѣтушекъ и невѣрныхъ скопцовъ, предъ всѣми царями и королями въ Москвѣ, и котораго мы признаемъ своимъ отцемъ и царемъ израильскимъ, онъ есть Петръ Третій, что царствовалъ въ 1762 г., въ томъ же году и скрывался отъ престола, пошелъ страдать по Россіи“.... Далѣе излагается извѣстная исторія о томъ, какъ мнимый Петръ III предлагалъ императору Павлу I свое дѣло, какъ онъ былъ принятъ императоромъ Александромъ I, какъ его сослали въ Суздаль, какъ потомъ Николай Павловичъ разсылалъ въ Петербургѣ „афишки“, извѣщавшія о кончинѣ въ 1832 году ихъ искупителя, хотя эта кончина на самомъ дѣлѣ была выдумкою и ложью, такъ какъ искупитель ихъ живъ еще и теперь, чему они, скопцы, вѣрятъ всею душою. Изложивъ, такимъ образомъ, то, что составляетъ, такъ сказать, душу ихъ секты, скопцы заключаютъ свое письмо: „что касается, мы брили себѣ лбы, и для того, какъ скопища намъ миновать нельзя было, такъ и нельзя было оставить, чтобы не брить лбы, по нашему закону (¹). А на счетъ царской службы мы никогда не отказывали, готовы служить по долгу службы. А за вѣру и секту свою, ради любви Божіей, другъ за друга желаемъ всегда и головы положить,

(¹) Брить лбы — обычай не встрѣчающійся у другихъ скопцовъ, вѣроятно, придуманъ Басюковымъ и Кокоревымъ, какъ эмблема ихъ общества.

а ложно не жить, и въ чемъ мы общались Богу поруку дать, чтобы до скончанія жизни не солгать"... Съ другой стороны, дерзость Басюкова, переходившая предѣлы всякаго благоразумія, требовала возможно скорого удаленія его изъ роты и вообще изъ той мѣстности, чтобы, такимъ образомъ, предотвратить неминуемую опасность возгорѣвшагося фанатизма скопцовъ. 16-го августа того же 1842 года Басюковъ, при рапортѣ, подалъ полковнику Брусилову письмо, адресованное на имя императрицы, и при немъ черный шелковый платокъ, и просилъ передать эти вещи по адресу. Письмо это читается такъ: „Милостивой государынѣ императрицѣ Александрѣ Николаевнѣ супругѣ, отъ Фрола Басюкова. Нижайше кланяюсь и вручаю Вамъ корабль трехмачтовый, и въ кораблѣ голуби, называемы Духъ св. посылаемъ мы Тебѣ въ кораблѣ св. Духъ, а писалъ отъ двухъ, отъ Ивана Кокорева и Фрола Басюкова, Саратовской губерніи сынъ Павловъ, города Хвалыни, деревни Демкино, экономическій крестьянинъ, Иванъ Кокоревъ тверской губерніи, города Весегонскаго, деревни Лобнево, господина Чертнова крестьянинъ; при семъ посылаемъ черной платокъ шелковой“. Очевидно, что приведенное письмо ничего болѣе не доказывало, какъ только то, что Басюковъ, диктовавшій это письмо, и Кокоревъ, писавшій подъ диктовку, въ своихъ заблужденіяхъ дошли, дѣйствительно, до сумасшествія. По особому предписанію начальника штаба, генераль-майора Коцебу, ихъ обоихъ велѣно было доставить въ Тифлисъ, что вѣроятно было исполнено весьма скоро.

Между тѣмъ, письмо скопцовъ къ майору Пышкину и ихъ волненія и беспорядки, произведенныя въ это время, вызвали судебное слѣдствіе. Стороны, съ которыхъ предполагалось разсмотрѣть возникшее дѣло, намѣчены были первоначально въ особой резолюціи, неизвѣстно, впрочемъ, кому принадлежащей и потомъ повторены въ предписаніи того же генераль-майора Коцебу и касались слѣдующихъ пунктовъ:

1) „не скрывается-ли между скопцами какого злоумышленія? 2) не имѣютъ ли они сношеній съ подобными имъ скопцами и не открыли-ли они кому замысловъ своихъ? 3) не имѣютъ-ли намѣренія и твердой воли привести въ дѣйствіе замыслы свои и не сдѣлали-ли къ этому какихъ приготовленій? 4) откуда взялась у нихъ мысль или вѣрованіе, что явится блаженной памяти Петръ III и что означаетъ имѣніе въ каждомъ почти домѣ его портрета? наконецъ 5) что означаетъ именная списокъ скопцовъ, испещренный знаками луны и нѣсколькими печатями; вообще, какой истинный смыслъ различныхъ мистическихъ бумагъ, у нихъ отобранныхъ“? — Неизвѣстно, производилось ли дознаніе по этимъ пунктамъ и какіе результаты получены были отъ этого дознанія, если послѣднее производилось. Скоро, однако, стало очевиднымъ, что удаленіе изъ роты двухъ главныхъ виновниковъ настоящихъ смуть не прекратило зла; вмѣсто нихъ выдвинулись новые глашатаи скорого пришествія „царя израильскаго“, которые не менѣе своихъ предшественниковъ колновали умы прочихъ скопцовъ. Это были: Степанъ Крюковъ, Федоръ Аксеновъ и Памтелѣй Харьковскій. Вслѣдствіе этого, найдено было необходимымъ удалить и этихъ лицъ изъ роты и отправить на поселеніе въ Сибирь, прочихъ же скопцовъ, ввимавшихъ ученію сумасбродныхъ глашатаевъ, велѣно было наказать плетью въ присутствіи баталіоннаго командира. Впрочемъ, волненіе и послѣ этого не утихло. Скопцы, убѣжденные въ правотѣ своего дѣла, вторично подали прошеніе полковнику Бреверну объ освобожденіи своего „искупителя и царя“. По произведенному вновь дознанію обнаружилось, что многіе изъ скопцовъ ведутъ уже переписку съ сосланными въ Сибирь: Кокоревымъ, Крюковымъ, Аксеновымъ и Харьковскимъ, получаютъ отъ нихъ наставленія, которыя и передаютъ прочимъ скопцамъ. Какъ подобное могло совершиться въ столь непродолжительный періодъ времени — въ четыре мѣся-

ца (¹).—вопросъ этотъ трудно рѣшить, но фактъ этотъ неотразимо свидѣтельствуетъ о необыкновенной пронырливости скопцовъ и ихъ удивительной изобрѣтательности способовъ обдѣлывать самыя, повидимому, трудныя и сложныя дѣла. Убѣдившись, такимъ образомъ, что удаленіе лицъ, считающихся главными, не помогаетъ дѣлу, полковникъ Бревернъ рѣшился примѣнить для потушенія волненія другой способъ: онъ предписалъ командиру роты по возможности переводить скопцовъ изъ втораго взвода въ первый, чтобы такимъ образомъ, какъ выражался Бревернъ, „разстроить это общество скопцовъ“. Къ какимъ результатамъ привела эта новая мѣра, какъ и вообще, что стало съ этою ротою скопцовъ—неизвѣстно (²).

Повторявшіяся время отъ времени движенія въ средѣ скопцовъ и почти постоянно возникавшія о скопцахъ слѣдственные дѣла вызвали стремленія правительства къ изученію секты скопцовъ. Такъ въ 1843 году Даль и Надеждинъ составили четыре записки о скопцахъ, которыя были представлены министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ въ государственный совѣтъ и комитетъ министровъ (³). Послѣдовавшее въ 1844 году замѣчательное открытіе скопческой моленной въ домѣ Глазунова въ Петербургѣ дало ближайшій поводъ къ учрежденію при министерствѣ внутр. дѣлъ особой комиссіи о скопцахъ съ цѣлю изслѣдованія скопческой секты въ религіозномъ, нравственномъ, общественномъ и политическомъ отношеніяхъ. Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ Липранди (⁴). О результатахъ дѣйствій учрежденной комис-

(¹) Изъ дѣлъ извѣстно, что предписаніе объ удаленіи въ Сибирь Брюкова, Аксенова и Харьковского послѣдовало 31 ок. 1842 г., рапортъ же полковника Бреверна, въ которомъ, между прочимъ, говорилось и объ этой перепискѣ между оконцами, писанъ 17 апр. 1843 г.

(²) Чтен... 1873 г. 1 № 206—224 стр.

(³) Тамъ же, 240—262 стр.

(⁴) Тамъ же, 160—161 стр.

ои легко можно судить по сочиненію Н. И. Надеждина „О скопческой ереси“, которое было плодомъ дѣятельности этой комиссіи. Очевидно, что комиссія дѣйствовала энергично и съ полною любовію и преданностію къ своему дѣлу. Общіе выводы, сдѣланные комиссіею на основаніи слѣдственныхъ дѣлъ о скопцахъ, должны были глубоко разочаровать тогдашнее правительство, которое не прочь даже было видѣть въ скопцахъ нѣчто православное (¹). На самомъ дѣлѣ, какъ положительно доказала слѣдственная комиссія, скопцы не только не православные, но даже и не христіане вообще и что въ общественномъ организмѣ они составляютъ язву, которую необходимо истребить съ корнемъ.

Съ другой стороны, постоянно повторявшіяся слѣдственныя дѣла о скопцахъ, имѣвшія своимъ результатомъ сравнительно жестокия наказанія виновныхъ, побуждали послѣднихъ заблаговременно и добровольно оставлять Россію и искать себѣ мѣстожителства за границую. Начало такихъ переселеній скопцовъ относится еще къ первымъ годамъ текущаго столѣтія (²) и, кажется, первая мѣстность, гдѣ бѣжавшіе изъ Россіи скопцы нашли себѣ осѣдлость была Румынія, особенно Яссы. Въ Яссахъ скопцы существовали еще до 1830-го года и пользовались

(¹) Ист. мин. вн. дѣлъ. VIII т. 505 стр.

(²) Такъ, въ официальныхъ документахъ находимъ, что проживавшіе въ Яссахъ скопцы въ числѣ восьми человекъ прислали на высочайшее ния всеподданнѣйшую просьбу, въ коей изъяснили, что удалясь съ давнихъ лѣтъ за границу и поселясь за Дунаемъ, и въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, они послѣ всемилостивѣйшаго манифеста 30-го августа 1814 года прибыли опять въ Россію и нѣкоторые изъ нихъ уже были приписаны въ сословіе жителей Бессарабской области, но послѣ того, и именно въ 1815-мъ году, посланы обратно за границу и потомъ не были уже ввущены въ предѣлы Россіи; посему они просили дозволенія возвратиться въ Россію, гдѣ многіе изъ нихъ имѣютъ родныхъ и осѣдлость (Сборн. постанов. по части раскола. т. I. в. 1. Лондонъ. 1869 г. 175 стр. — См. въ Христ. Чт. 1879 г. Январь—Февраль. 32 стр.).

совершеннымъ спокойствіемъ. Въ 1830-мъ году надъ ними разразилась первая буря, имѣвшая своею причиною обнаруженіе скопцами своего фанатизма, жертвою котораго сдѣлались два румынскіе мальчика и одинъ русскій ⁽¹⁾. По приговору дивана (государственнаго совѣта), скопцы присуждены были къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе. Испуганные такимъ приговоромъ, они разбѣжались въ разныя стороны: одни въ Валахію, другіе—въ Турцію, нѣкоторые же въ Россію. Незначительная часть скопцовъ, впрочемъ, осталась въ Яссахъ. Здѣсь они своими ложными обѣщаніями быть вѣрными сынами православной церкви скоро примирились съ правительствомъ, обѣщая въ то же время не производить болѣе оскотленій ни надъ кѣмъ ⁽²⁾. Понятно, обѣщаніе, данное скопцами, въ самомъ непродолжительномъ времени было нарушено и уже въ 1835 году о скопцахъ возникло новое слѣдствіе. Результатомъ этого слѣдствія было изгнаніе ересіарховъ изъ Яссы. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ часть скопцовъ — шестьдесятъ человекъ—благодаря могущественному покровительству русскаго консульта и въ силу обѣщанія точнаго выполненія всѣхъ условій, продиктованныхъ румынскимъ правительствомъ, осталась жить по прежнему въ Яссахъ подъ личиною православія. Живя въ Яссахъ, скопцы не оставляли своего фанатизма; число ихъ постепенно увеличивалось, съ одной стороны переселенцами изъ Россіи, съ другой же—новыми прозелитами, вербуемыми изъ румынъ. Къ семидесятымъ годамъ настоящаго столѣтія число скопцовъ — мужчинъ простиралось уже до ста человекъ; женщинъ же скопчихъ, по предположенію г. Сирку, было не менѣе ста пятидесяти ⁽³⁾. Тѣ скопцы, которые подверглись изгнанію изъ Яссы въ 1835 году, разсѣялись по разнымъ угол-

(1) Христ. Чт. 1879 г. Янв.—Февр. 34 стр.

(2) Тамъ же, 35 стр.

(3) Тамъ же, 61—62 стр.

камъ Румыніи. Такъ, часть скопцовъ поселилась въ Измаилъ; здѣсь во главѣ скопцовъ стоялъ Григорій Яковлевъ, самый ревностный распространитель скопчества, бѣжавшій изъ Россіи (¹). По случаю строгаго судебного преслѣдованія, постигшаго измаильскихъ скопцовъ въ 1859 году, нѣсколько скопцовъ во главѣ съ Григоріемъ Яковлевымъ переселились въ село Николаевку, недалеко отъ Чернаго моря (²). Это новое поселеніе скопцовъ сдѣлалось важнымъ пунктомъ для всѣхъ скопцовъ какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ, по тому географическому положенію, которое занимала Николаевка. Будучи расположена на границахъ русскихъ владѣній и румынскихъ, она доставляла скопцамъ полную возможность вести сношенія какъ съ заграничными, такъ и русскими скопцами. Значеніе этого поселенія еще болѣе увеличивалось вслѣдствіе того, что по договору, заключенному въ 1856 году между Молдавіей и Россіей, пограничнымъ жителямъ позволено было по паспортамъ, взятымъ изъ волостнаго правленія на недѣльный срокъ, переходить границу и заниматься полевыми работами. Такіе билеты, между прочимъ, выдавались и изъ Николаевскаго волостнаго правленія, въ которомъ старшинами, не безъ происковъ со стороны скопцовъ, всегда оказывались самые фанатичные приверженцы скопчества, какимъ былъ напр. Волошиновъ (³). Понятно, Николаевка въ этомъ случаѣ представляла одинъ изъ выгоднѣйшихъ пунктовъ для всѣхъ скопцовъ. Кромѣ Измаила и Николаевки, скопцы, послѣ слѣдствія надъ ними въ 1835 году, появились въ Бухарестѣ, въ Галацѣ, Новотроицкѣ и т. д. Вездѣ, гдѣ они ни появлялись, число ихъ постепенно возрастало, такъ что въ семидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ Галацѣ

(¹) Христ. Чт. 1879 г. Янв.—Февр. 41—42 стр.

(²) Тамъ же, 63 стр.

(³) Хр. Чт. 1877 г. Сеп.—Окт. 402 стр.

напр. оказалось до 205 скопцовъ, въ Вухарестѣ—до 135-ти⁽¹⁾. Увеличеніе числа скопцовъ, по свидѣтельству преосвященнаго Мельхиседека, производилось частію на счетъ Россіи, частію же на счетъ Румыніи и смежныхъ съ нею княжествъ⁽²⁾.

Такимъ образомъ, язва скопчества, прорившая первоначально въ Яссы, охватила значительную часть придунайскихъ княжествъ и развитіе ея грозило не меньшею опасностію для этихъ княжествъ чѣмъ и для Россіи. Осмѣливаясь даже пропагандировать физическое уродство между иностранцами и не прекращая совершать его надъ русскими подданными, скопцы, очевидно, еще болѣе пользовались спокойствіемъ внутри своего общества: они безпрепятственно совершали свои моленія и также свободно занимались обсужденіемъ разныхъ пунктовъ теоретическаго ученія своей секты. Плодомъ свободнаго и открытаго разсужденія о разныхъ предметахъ своего общества было замѣчательное движеніе скопцовъ, начавшееся въ 1871-мъ году. Театромъ этого замѣчательнаго движенія былъ Галацъ, откуда оно (движеніе) постепенно перешло въ другія мѣстности придунайскихъ княжествъ и коснулось даже Россіи, гдѣ окончилось громаднымъ судебнымъ процессомъ въ Мелитополѣ.

Движеніе, о которомъ мы говоримъ, вызвано было, по сознанію самихъ скопцовъ, неудовлетворительнымъ религіозно-нравственнымъ состояніемъ скопцовъ. У послѣднихъ, по замѣчанію Волошинова, чѣмъ ни далѣе, тѣмъ „все горше измѣняется планъ истиннаго служенія Богу, какъ въ понятіяхъ, такъ и въ дѣлахъ и вмѣсто надлежащей воздержной жизни ю всемъ, они также какъ и всѣ языки (т. е. не скопцы), а въ особенности городскіе скопцы любятъ мірскую суету“⁽³⁾. Многіе скопцы въ надеждѣ получить спа-

(1) Хр. Чт. 1879 г. Ян.—Февр. 62—65 стр.

(2) Тамъ же, 39—40 стр.

(3) Хр. Чт. 1877 г. Сен.—Окт. 403 стр.

сеніе чрезъ одно физическое оскотленіе мало и даже вовсе не заботились о своемъ внутреннемъ усовершенствованіи. „Считая оскотленіе, говорить другой реформаторъ Ефимъ Купріяновъ, самую вѣрною гарантіею для душевнаго спасенія“, скопцы не заботятся объ обрѣзаніи „сердечной злобы, гордости, непомиръной зависти“ и т. п. (¹). Такимъ образомъ, по выраженію третьяго реформатора, Федора Безутора, секта скопцовъ „разбрелась“; многіе изъ скопцовъ входили въ тѣсное общеніе съ міромъ, усвоивали себѣ мірскіе обычаи и стали жить уже вовсе не по скопчески (²). Естественно, такой порядокъ не могъ нравиться фанатическимъ приверженцемъ скопческаго ученія. Рѣшившись строго слѣдовать правиламъ своей секты, послѣдніе плотно соединились между собою, составили изъ себя „святое избраніе“, которое девизомъ своей дѣятельности поставило „созданіе вѣры“ (³) и проведеніе ея въ сознаніе прочихъ скопцовъ, опутанныхъ мірскою суетою. Число членовъ „святаго избранія“ было не велико, — всего около сорока человекъ. Однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ этого „святаго избранія“ былъ скопецъ Семень Купріяновъ — человекъ весьма богатый, у котораго было множество скопческихъ распѣвцовъ и посланій. Ему принадлежала первая мысль объ установленіи „святаго избранія“; въ его же домѣ происходили и совѣщанія членовъ „избранія“. Правою рукою Купріянова былъ скопецъ Кузьма Федосѣевъ Лисинъ, уроженецъ московской губерніи, деревни Кнутовой. Переходя изъ селенія въ селеніе по обязанности портнаго, Лисинъ первоначально увлекся духоборчествомъ, потомъ молочанствомъ и наконецъ, сошедшись съ скопцами Федоромъ Мартиновымъ и Волошиновымъ, онъ принялъ

(¹) Хр. Чт. 1877 г. Сеп.—Окт. 404 стр. 2 прим.

(²) Тамъ же, 405 стр.

(³) Тамъ же, 407 и 408 стр.

отъ нихъ „царскую печать“ (¹). Съ этого времени Лисинъ душею и тѣломъ предался скопчеству. Поступивъ въ число членовъ „избранія“, Лисинъ свискалъ себѣ особенное благорасположеніе со стороны Купріянова. Послѣдній возлагалъ на Лисина большія надежды и предсказывалъ ему блестящую будущность. „Ты будешь древомъ отъ земли до неба, говорилъ Купріяновъ Лисину, и на этомъ деревѣ многія птицы будутъ гнѣзда вить“ (²). По внѣшнему виду Лисинъ, по замѣчанію г. Сахарова, „рѣшительно не производилъ никакого впечатлѣнія. Это—заурядная фигура крестьянина, мѣщанина. Въ немъ нѣтъ ничего, что бы могло подчинить ему другихъ“ (³). Несмотря, однако, на свою заурядную фигуру, Лисинъ всегда могъ отстоять свои убѣжденія; онъ былъ, по замѣчанію знавшаго его, „великій спорщикъ“; во время спора онъ „кричалъ больше всѣхъ и стучалъ при этомъ скрюченными своими пальцами, отчего былъ прозванъ „безпалымъ“ (⁴). Вслѣдствіе этого страстнаго стремленія къ спору, Лисинъ естественно выдвигался изъ среды своихъ товарищей которые относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, предполагая, конечно, въ немъ значительную долю ума и знаній.—Кромѣ Купріянова и Лисина въ числѣ членовъ „святаго избранія“ находились Федоръ Мартыновъ, Иванъ Ковалевъ, Василій Ивановъ, Картомышевъ и др.

Дѣйствія членовъ „святаго избранія“ начались въ концѣ 1871-го года и продолжались до 1-го іюня 1872 года. Предметомъ совѣщаній было усвоеніе и болѣе полное развитіе теоретическаго ученія скопчества, но болѣе всего разсуждали о неудовлетворительномъ религіозно-нравственномъ состояніи современной жизни

(¹) Хр. Чт. 1877 г. Сен.—Окт. 415—416 стр.

(²) Тамъ же, 408 стр.

(³) Тамъ же, 416 стр.

(⁴) Моск. Вѣд. 1873 г. № 198.

скопцовъ. Въслѣдствіе послѣдняго обстоятельства члены „избранія“ естественно должны были войти въ соприкосновеніе съ обществомъ скопцовъ. Бичуя пороки послѣдняго, нападая на лицемѣріе и кавжество нѣкоторыхъ изъ современныхъ скопцовъ, возставая противъ охватившей всѣхъ скопцовъ страсти къ наживѣ и обогащенію, члены „избранія“ указывали на себя какъ на посланниковъ самого искупителя, которые призваны исправить современную жизнь скопческаго общества и привести послѣднее на истинный путь спасенія, отъ котораго оно отшатнулось. „Святое избраніе“, говорилъ Волошиновъ, есть дверь во спасеніе (для всѣхъ скопцовъ), какъ источникъ истиннаго познанія и вѣдѣнія, подъ знаменіемъ силы божіей искупителя II“.... „Ученіе святаго избранія, продолжаетъ Волошиновъ, истекаетъ отъ искупителя, изъ сокровищницы, изъясненной въ его прежнемъ посланіи къ скопцамъ“ (1).... Скопцы, однако, оставались глухи къ призыву начать новую жизнь. Многіе изъ нихъ, не перенося порицаній со стороны членовъ „избранія“, съ своей стороны старались отплачивать порицателямъ такими же и даже большими порицаніями недостатковъ ихъ собственной жизни; нѣкоторые же болѣе раздражительные и нетерпѣливые „бросались, по свидѣтельству Волошинова, бить избранниковъ..... чтобы уничтожить ихъ“ (2). Такимъ образомъ, цѣль „избранія“ не достиглась; нужно было изыскать другое средство, болѣе сильное и болѣе способное произвести религиозно-нравственный переворотъ въ средѣ загрубѣвшихъ скопцовъ. Такое средство было отыскано.

Уже въ первой половинѣ 1872 года на бесѣдахъ „избранныхъ“ въ ихъ пророчествахъ выходило, что „объявится искупитель-батюшка и будетъ у царя на виду и сядетъ на престолѣ“. Это неопредѣленное и

(1) Хр. Чт. 1877 г. Сеп.—Окт. 407 стр. 2 вѣрн.

(2) Тамъ же, 407—408 стр.

смутное предчувствіе нѣкоторыхъ скоро сбылось. 1-го іюня 1872 года на курганѣ, близъ Галаца, объявился въ лицѣ Лисина „второй искупитель и царь Петръ III Теодоровичъ“⁽¹⁾. По словамъ самого Лисина, онъ по своему „божеству“ выше перваго Иисуса Христа, такъ какъ первый Иисусъ Христосъ только страдалъ, а онъ пришелъ прославиться; по человечеству же—онъ выше царствующаго государя, такъ какъ послѣдній приходится ему по духу сынъ⁽²⁾. Первыми неповѣдниками этого втораго скопческаго лжеискупителя и лжецаря были — Ковалевъ и Ивановъ, которые лично были свидѣтелями религіознаго и политическаго самозванства Лисина, изъ которыхъ Ковалевъ тутъ же посвященъ былъ Лисинимъ въ достоинство Іоанна Богослова⁽³⁾, а Ивановъ въ достоинство Василя Великаго. Къ двумъ названнымъ лицамъ впоследствии присоединились Картомышевъ, изображавшій собою Григорія Богослова и Ілію пророка, Купріяновъ и нѣкоторые другіе члены „святаго избранія“. Мало по малу, вѣсть о появленіи „втораго искупителя и царя“ стала распространяться и между рядовыми скопцами, не принадлежавшими къ малочисленному кружку „святаго избранія“.

Прежде всѣхъ, какъ и слѣдовало ожидать, послѣдователями новаго самозванца были туземные скопцы. Изъ послѣднихъ не только галацкіе, но и бессарабскіе скопцы, увѣровавъ во вновь открывшагося искупителя, не замедлили доказать эту свою вѣру въ него пѣлымъ рядомъ дѣйствій: благоговѣя предъ нимъ, нѣкоторые брали грязное его бѣлье и обходились съ нимъ, какъ со святыней; другіе же, въ порывѣ религіознаго фанатизма, рвали на себѣ волосы,

(1) Хр. Чт. 1877 г. Сен.—Окт. 409 стр.

(2) Тамъ же, 413—415 стр.

(3) Впрочемъ, впоследствии Ковалевъ изображалъ собою «лжепредтечу» Шилова и «матушку» Акулину Ивановну; поэтому онъ носилъ и наименованіе: «Александрюшки II, матери благодати» (Тамъ же, 415 стр.).

ходили по колючкамъ, утверждая, что они идутъ по стопамъ Спасителя. Религиозному торжеству не было конца; ежедневно совершались молитвы и радѣнія. Но тогда какъ одни изъ названныхъ скопцовъ искренно торжествовали, другіе, скептически отнесшіеся къ новому самозванцу, не замедлили поднять цѣлую бурю протестовъ противъ приверженцевъ Лисина, стараясь по возможности очернить послѣдняго и наложить на него клеймо самозванца и чловѣка сумасшедшаго. Раздоръ между приверженцами Лисина и его противниками до того усилился, что потребовалось даже вмѣшательство галацкой полиціи; послѣдняя арестовала нѣкоторыхъ изъ приверженцевъ Лисина, но скоро отпустила. — Къ торжествующимъ туземцамъ-скопцамъ весьма скоро присоединились и русскіе скопцы, которые увѣдомлены были первоначально о появленіи новаго искупителя чрезъ особыхъ „посланниковъ“, разсланныхъ самимъ Лисинымъ. Эти „посланники“, по приказанію Лисина, должны были вездѣ, во время радѣній, читать прокламаціи, извѣщавшія о разныхъ обстоятельствахъ новаго объявленія искупителя и царя. Велѣдъ за „посланниками“ не замедлил явиться въ Россію и самъ Лисинъ. Первая его поѣздка въ Россію была совершена немедленно по объявленіи себя искупителемъ и имѣла своею цѣлію развѣдать о настроеніи русскихъ скопцовъ относительно появленія искупителя. Вторая и третья были совершены нѣсколько позднѣе и сопровождались полнымъ торжествомъ Лисина. Первая мѣстность, гдѣ Лисинъ былъ признанъ „искупителемъ-батюшкой“, былъ городъ Николаевъ. Здѣсь, въ домѣ скопца Давидова, Лисинъ торжественно во время радѣнія назвалъ Ковалева, своего спутника, „Іоанномъ Богословомъ“, а себя „искупителемъ“; Давидову велѣлъ принять „чистоту“ и докончить строящуюся землянку, въ которой предполагалось устроить скопческій „соборъ“. Николаевскіе скопцы, впрочемъ, обнаружили нѣкоторое сомнѣніе относительно достоинства

Лисина и поэтому рѣшились отправить въ Галацъ пророчицу Феклу Фокину съ цѣлю навести справки относительно Лисина. Справки дали самые благопріятные для Лисина результаты; въ Галацѣ Фокиной объявили, что дѣйствительно, недавно на горѣ „Сіонѣ“ объявился искупитель въ лицѣ Лисина и что онъ уѣхалъ къ „явному царю“. Такимъ образомъ, николаевскіе скопцы должны были успокоиться относительно Лисина.—Нѣсколько труднѣе, но за то важнѣе по послѣдствіямъ было признаніе Лисина за „искупителя“ въ селеніи Матвѣевкѣ, гдѣ въ это время существовали два самостоятельныхъ корабля, враждебно относившихся одинъ къ другому. Въ первомъ изъ нихъ всѣми дѣлами заправляла Ефросинья Яркина; въ этомъ кораблѣ оскотленіе считалось дѣломъ не обязательнымъ. Во второмъ — главное управление принадлежало Баздыревой; здѣсь, напротивъ, оскотленіе считалось обязательнымъ. Прибывъ въ Матвѣевку, Лисинъ остановился въ домѣ Работягова, принадлежавшаго къ кораблю Яркиной. Хотя въ этомъ домѣ, равно какъ и въ домѣ Яркиной, уже давно, благодаря „посланникамъ“ Лисина, проповѣдывалось во время радѣній, что „искупитель явился“ и идетъ „перебирать пророковъ и возобновить скопчество“ и хотя, далѣе, указывали даже и признаки, откуда должно ожидать прішествія „искупителя“, и именно — „съ западной стороны“, однако Лисинъ не вдругъ рѣшился объявить себя „искупителемъ“, опасаясь, конечно, потерпѣть неудачу. Онъ рѣшился сначала войти въ роль миротворца между двумя враждовавшими кораблями. Въ своемъ предпріятіи Лисинъ достигъ блестящаго успѣха, хотя и не вдругъ. Упрочивъ свое положеніе, онъ приступилъ теперь къ осуществленію главной цѣли своей поѣздки сюда. Первоначально онъ высказывался о себѣ двусмысленно и неопредѣленно; говорилъ напр., „что настало уже время, что ни съ чѣмъ нельзя скрыться“, называлъ кого-то „пастыремъ“ и прибавилъ къ этому, что „за

границей объявился искупитель при двухъ лицахъ“ и проч. Не ограничиваясь словами, Лисинъ рѣшился обнаружить свою власть и на самомъ дѣлѣ. Проживая въ домѣ Латышевыхъ, Лисинъ въ знакъ своего благорасположенія къ одной изъ дочерей Латышева повзвелъ послѣднюю во время своего пророчества въ званіе пророчицы. Такое самовольство Лисина возбудило противъ него сильное недовольство со стороны Яркиной, которая даже готова была совершенно разойтись съ нимъ. Впрочемъ, Яркина ограничилась только тѣмъ, что во время богомоленія въ домѣ Рослякова мимоходомъ упрекнула Лисина, что онъ вмѣшивается не въ свое дѣло. Но Лисинъ чувствовалъ себя въ этотъ разъ настолько сильнымъ и независимымъ, что на упрекъ Яркиной отвѣтилъ такимъ же упрекомъ, говоря, что ей самой давно бы слѣдовало позаботиться объ утверженіи въ званіи пророчицы дочери Латышева, такъ какъ „людямъ не съ кѣмъ молиться“. Мало того, Лисинъ прямо высказалъ Яркиной, что роль ея оканчивается, что теперь наступило иное время, когда не учителя будутъ распоряжаться божествомъ, а само божество будетъ распоряжаться учителями, что теперь начинается „избраніе“, въ которое и она должна войти, если не желаетъ быть отверженной отъ общества скопцовъ. Еще не успѣла Яркина переварить такого неожиданнаго сюрприза отъ Лисина, она сдѣлалась свидѣтельницей новаго загадочнаго и въ тоже время неожиданнаго обстоятельства. Въ домъ Рослякова прибыли гости: Варвара Боздырева, Прасковья Бураковская, Иванъ Петровъ и др. Лишь только они вошли въ домъ Рослякова и увидѣли Лисина, тотчасъ бросились на колѣна предъ послѣднимъ и полные восторга воскликнули: „здравствуй государь-ботюшка! Благодаримъ Бога, что привелось увидѣться“. Неожиданность этой сцены и въ особенности наименованіе Лисина „государемъ-батюшкой“ должны были произвести сильное впечатлѣніе на присутствующихъ, не

исключая, конечно, и самой Яркиной. Последняя, убежденная въ томъ, что Лисинъ—не простой чело-вѣкъ, что онъ „искупитель-батюшка“, который дол-женъ соединить во едино всѣхъ дѣтушекъ, поспѣ-шила признать Лисина „вторымъ искупителемъ“. За Яркиною послѣдовали Баздырева, Латышевы, Росля-ковы и нѣкоторые изъ сосѣднаго селенія Θεодоровки. Такимъ образомъ, въ Матвѣевкѣ Лисинъ, послѣ про-должительнаго выжиданія, признанъ былъ наконецъ „искупителемъ“. Вслѣдъ за скопцами этого села ста-ли признавать Лисина въ достоинствѣ „искупителя“ скопцы и другихъ мѣстностей; такъ было напр. въ селахъ: Θεодоровкѣ, Тимашиовкѣ, Михайловкѣ, Боль-шомъ Токмакѣ и въ городахъ: Мелитополѣ и Бер-дянскѣ (¹). Успѣхъ, очевидно, былъ полный.

Вообразивъ, что время торжества скопчества на-ступило, что теперь слѣдуетъ произвести страшный судъ, Лисинъ рѣшился отправиться къ „явному ца-рю“. Взявъ съ собою Ивана Ковалева, Григорія Кар-томышева и двухъ женщинъ, Лисинъ изъ Бердянска направилъ свой путь по направленію къ Москвѣ съ тѣмъ, чтобы отсюда ѣхать въ Петербургъ и пред-ставиться лично императору. Вѣря искренно въ воз-можность осуществленія задуманнаго намѣренія, Ли-синъ говорилъ дѣтушкамъ: „провожайте меня съ ра-достію, а не съ уныніемъ“ (²). Лисинъ былъ уже въ воронежской губерніи, но тутъ случилось то, чего онъ никакъ не ожидалъ: его вмѣстѣ съ товарищами арестовали и отправили въ бирюгинскій острогъ. На-чалось судебное слѣдствіе о Лисинѣ; къ этому слѣд-ствію было привлечено сто тридцать шесть чело-вѣкъ. При допросахъ скопцы оказали замѣчательную пре-данность Лисину и его ученію. Они, не смотря на увѣщанія и разоблаченія сумасбродства ученія, ис-

(¹) Хр. Чт. 1877 г. Сев.—Окт. 433—440 стр.

(²) Тамъ же, 415 стр.

повѣдуемаго ими, твердо и непоколебимо стояли за истину своего ученія и даже не стѣснялись высказывать эту свою вѣру публично предъ судьями. Таковъ былъ напр. Картомышевъ. Онъ, выслушавъ резолюцію суда, сталъ на колѣна предъ Лисиннымъ, перекрестился обѣими руками, поклонился предъ нимъ до земли и произнесъ: „прости мя, Господи! Согрешилъ я, окаянный! Помяни мя, егда прїидеши во царствїи Твоемъ“ (¹). Судебное слѣдствїе продолжалось до 1876-го года. Судъ приговорилъ Лисина къ каторжнымъ работамъ на шесть лѣтъ; прочіе хотя были назначены къ такой же работѣ, но судъ рѣшилъ ходатайствовать о замѣнѣ этого наказанія ссылкой въ Сибирь на поселеніе (²).

Говоря о послѣднемъ движеніи въ современномъ скопчествѣ, представителемъ котораго (движенія) былъ Лисинъ, г. Забѣлинъ, между прочимъ, выражается: „скопчество въ послѣднее время стряхнуло съ себя свою отвратительную внѣшность (разумѣется физическое оскопленіе) и поэтому, естественно, можетъ сдѣлаться весьма заманчивымъ для простыхъ людей съ настроеніемъ къ подвижнической жизни и къ сверхъестественнымъ видѣніямъ и вдохновеніямъ“ (³). Ту же мысль объ увичтоженіи или, по крайней мѣрѣ, объ ограниченіи обязательности физическаго оскопленія, введеннаго будто-бы новоскопчествомъ, выражаетъ еп. Гурій въ своей брошюрѣ: „о скопческомъ ученіи по послѣднимъ о немъ извѣстіямъ“ (5 стр.) и неизвѣстный авторъ замѣтки, помѣщенной въ журналѣ „Истина“ (⁴). Намъ кажется, что такое мнѣніе несправедливо по отношенію къ новоскопчеству и въ

(¹) Совр. Извѣст. 1877 г. № 64.

(²) Нов. Время. 1877 г. № 276.

(³) Др. и Нов. Рос. 1878 г. 1. № 2. 137 стр.

(⁴) Истина. 1877 г. 51 кн. 10 стр. «Нов. религ. движенія въ средѣ русс. сектантовъ».

частности къ Лисину. Волошиновъ, одинъ изъ представителей новоскопчества, въ своемъ показаніи говоритъ объ оскотленіи слѣдующее: „въ число воздержанной и самоотверженной жизни должно входить и оскотленіе, какъ внесенное Иисусомъ Христомъ въ Священное Писаніе, въ XIX главу евангелія отъ Матѳея. И самъ Иисусъ Христосъ и апостолы подверглись оскотленію, и всѣ люди—долго-ли, коротко-ли—будутъ получать спасеніе душъ или прямой переходъ въ этотъ непреступный свѣтъ или рай, чрезъ вышеозначенное самоотверженіе и оскотленіе“⁽¹⁾. Ту же мысль, хотя, впрочемъ, съ ограниченіемъ, проводитъ Волошиновъ и въ своемъ „объясненіи“⁽²⁾. О Лисинѣ извѣстно, что онъ дважды побуждалъ Давида принять „чистоту“ и притомъ съ укоромъ за медленность исполненія этой важной обязанности⁽³⁾. Такимъ образомъ, новоскопчество въ лицѣ своихъ представителей отнюдь не исключаетъ обязанности физическаго оскотленія. Одинъ изъ самыхъ крайнихъ отрицателей современнаго порядка въ скопцескомъ обществѣ Ефимъ Купріяновъ, нападая на физическое оскотленіе, не отрицаетъ, однако, его, но требуетъ, чтобы оно совершалось благоразумно и сопровождалось „духовнымъ оскотленіемъ“⁽⁴⁾. Итакъ, по нашему мнѣнію, новоскопчество нельзя еще считать признакомъ новой жизни скопцовъ, отличной отъ прежней; оскотленіе и въ новоскопчествѣ считается такимъ же догматомъ, какимъ оно считалось и считается у всѣхъ вообще скопцовъ. Не считая новоскопчество поворотною точкою въ этомъ направленіи, мы считаемъ его поворотомъ къ хлыстовщинѣ въ развитіи нѣкоторыхъ

(1) О скопцескомъ ученіи по послѣд. о немъ извѣстіямъ. еп. Гурія. 12 стр.

(2) Тамъ же, 18 стр.

(3) Хр. Чит. 1877 г. Сент.—Окт. 434 и 432 стр.

(4) Тамъ же, 404 стр. 2 прим.

пунктовъ догматическаго ученія. Объ этомъ поворотѣ еовременнаго скопчества къ хлыстовщинѣ мы скажемъ при изложеніи догматическаго ученія скопцовъ.

Почти одновременно съ движеніемъ русскихъ скопцовъ, происходившимъ въ Румыніи и весьма сильно отразившимся на таврическихъ скопцахъ, въ разныхъ губерніяхъ Россіи скопцы продолжали свою преступную дѣятельность и по временамъ дѣлались извѣстными правительству. Въ 1868 году были преданы суду два скопца — отецъ съ сыномъ — крестьяне калужской губерніи, лихвинскаго уѣзда (¹). Но особенно несчастливъ былъ для скопцовъ 1869-й г. Въ этомъ году, кромѣ упомянутаго нами дѣла о московскихъ купцахъ Кудриныхъ, происходилъ замѣчательный процессъ о моршанскихъ скопцахъ, надѣлавшій въ свое время много шума какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Главнымъ лицомъ въ этомъ процессѣ, обратившимъ на себя общее вниманіе, былъ моршанскій купецъ Максимъ Кузминъ Плотицынъ. Въ его домѣ арестованы были девять женщинъ, изувѣрски изуродованныхъ; тутъ же найдено было много разныхъ портретовъ обожаемыхъ скопцами лицъ и проч. Въ домѣ же Плотицына, въ особой потаенной кладовой, отысканы были груды золота и серебра, преимущественно екатерининскаго чекана; здѣсь же найдено было около 10 мил. руб. сереб. билетами коммерческаго банка. Ходилъ слухъ, хотя и недоказанный вполнѣ, что вся эта огромная сумма денегъ составляла „общественный капиталъ“ скопцовъ, которыми они всегда связывали и связываютъ руки правительству (²). Судъ надъ Плотицынымъ и прочими, привлеченными по этому дѣлу, окончился въ томъ же 1869-мъ г. Далѣе, въ Вѣлгородѣ, курской губерніи, привлечено было къ слѣдствію сто скопцовъ; изъ нихъ

(¹) Калуж. Еп. Вѣд. 1871 г. № 13. 300 стр.

(²) Москов. Вѣд. 1869 г. № 25 изъ «Соврем. Извѣстій».

только 33 человека подверглись наказанію, остальные же, по неизбѣннѣю признаковъ оскотленія, отпущены на свободу (¹). Въ тульской губерніи, въ дер. Воронцахъ, бѣлевскаго уѣзда, привлечены были къ суду и подверглись законному наказанію пять скопцовъ (²). Наконецъ, въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ разбиралось дѣло о самооскотленіи рядового иркутскаго пѣхотнаго полка Юганова (³). — Въ 1870 г., по словамъ „Судебнаго Вѣстника“, стало замѣчаться особенно быстрое распространеніе скопчества между лютеранами, проживавшими въ разныхъ уѣздахъ петербургской губерніи (⁴). — Въ 1871 году были заарестованы и преданы суду сто скопцовъ въ меншовскомъ уѣздѣ, калужской губерніи. Въ этомъ же году судебное слѣдствіе обнаружило существованіе скопцовъ въ значительномъ количествѣ въ козельскомъ уѣздѣ той же губерніи. При этомъ, дознано было, что козельскіе скопцы находились въ сношеніи со скопцами слѣдующихъ 17-ти губерній: пермской, вологодской, тульской, орловской, смоленской, тверской, рязанской, московской, нижегородской, воронежской, с.-петербургской, херсонской, екатеринославской, курской, тобольской, томской и якутской (⁵). Фактъ этотъ въ высшей степени замѣчательный; онъ неотразимо свидѣтельствуетъ о необыкновенной живучести скопчества и значительной его распространенности въ данное время. — Въ 1873 г. судились 17-ть скопцовъ въ московскомъ окружномъ судѣ; изъ нихъ особенно замѣчательны: Меньшутинъ, Сигитовъ, Соколевъ и др. — (⁶). Въ 1874 г. подверглись судебному

(¹) Голосъ. 1874 г. № 310.

(²) Тул. Еп. Вѣд. 1872 г. № 5. 165 стр.

(³) Моск. Кп. Вѣд. 1869 г. № 6. 12 стр.

(⁴) Перм. Еп. Вѣд. 1870 г. № 13. 162 стр. изъ «Судебн. Вѣстника».

(⁵) Калуж. Еп. Вѣд. 1871 г. № 13. 301 стр.

(⁶) Раскольники и острожники — Ливанова. IV т. 429 стр.

преслѣдованію скопцы уфимской губерніи, гдѣ въ одномъ златоустовскомъ уѣздѣ ихъ привлечено было къ суду до 90 человекъ, да въ стерлитамакскомъ уѣздѣ ихъ существовало немалое количество (¹). Далѣе въ этомъ же году производилось въ казанскомъ окружномъ судѣ замѣчательное слѣдствіе надъ 14 скопцами, изъ которыхъ особенное вниманіе на себя обратили; отставной штабсъ-капитанъ Невѣровъ, казанскій скопонецъ Семенъ Алексѣевъ, скопцы саратовскіе Бекетовы, пензенскіе Плошкины, Дмитриевы и Сидорина (²). Наконецъ, въ томъ же 1874 г. разбиралось дѣло о трехъ оконцахъ въ кронштадтскомъ окружномъ судѣ (³).—Въ 1876 г. возникло новое судебное слѣдствіе надъ скопцами деревни Ахлебиновки, пензенской губерніи и уѣзда, о которыхъ производилось слѣдствіе еще въ 1867 г., когда 11-ть скопцовъ сосланы были въ Сибирь; теперь же къ слѣдствію привлечено было три скопца и одна скопчиха, которые и подверглись законному наказанію (⁴).

Скопцы не перестаютъ обращать на себя вниманіе общества и правительства даже въ самое ближайшее къ намъ время. По извѣстію газеты „Недѣля“, въ 1879 г. самарскій окружной судъ разсматривалъ обвиненіе 13-ти скопцовъ, возрастомъ отъ 50-ти до 16-ти лѣтъ (⁵). По сообщенію газеты „Голосъ“, въ Іюнь того же 1879 г. въ лавровской волости, орловской губерніи и уѣзда, были задержаны 23 скопца. Всѣ они, какъ оказалось по слѣдствію, имѣли намѣреніе переселиться въ Яссы, къ чему они сдѣлали уже нѣкоторыя приготовленія (⁶). Такимъ образомъ,

(¹) Моск. Вѣд. 1874 г. № 248.

(²) Прав. Собесѣд. 1875 г. 2 т. 151 стр.

(³) Хр. Чт. 1874 г. 2 т. 930—931 стр.

(⁴) Пенз. Ел. Вѣд. 1877 г. № 4. 20—21 стр.

(⁵) Недѣля. 1879 г. №№ 44—45.

(⁶) Голосъ. 1879 г. № 162.

не уничтожаясь въ предѣлахъ русскаго государства, скопчество продолжаетъ заносить свою заразу и за границу. Наконецъ, по словамъ „Саратовскаго Дневника“, въ Саратовѣ домъ Бекетова служитъ и въ настоящее время мѣстомъ богослужебныхъ собраній скопцовъ. Во главѣ послѣднихъ стоятъ четыре сестры Бекетовыхъ: Авдотья, Пелагея, Прасковья и Дарья. Эти „дѣвственныя сестрички“ успѣшно распространяютъ скопчество какъ въ Саратовѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Въ концѣ 1880 г. онѣ успѣли оскопить оберъ-офицерскую дочь Анну Дмитриеву Бахтіарову, прибѣгнувъ къ насилію. По описанію корреспондента, оскопленіе Бахтіаровой произошло такимъ образомъ. Бахтіарова, будучи знакома съ Бекетовыми, часто ходила къ нимъ въ домъ. Бекетовы уже давно убѣждали ее оскопиться, предлагая даже денегъ, но Бахтіарова не соглашалась. Наконецъ, въ одно изъ такихъ посѣщеній Бекетовы предложили, между прочимъ, Бахтіаровой понюхать изъ пузырька. Липъ только Бахтіарова понюхала—она была уже безъ памяти. Въ это-то время ее и оскопили, вырѣзавъ, какъ говорила сама Бахтіарова, „желѣзку“ изъ-подъ груди. Вещество, находившееся въ пузырькѣ, оказалось „морфіемъ“ (1).

(1) Биржевыя Вѣдом. 1881 г. № 116. «Саратов. скопцы» изъ «Саратов. Дневника».

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

А.

УЧЕНІЕ СЕКТЫ ХЛЫСТОВЪ.

Въ развитіи религіозныхъ представленій объ отношеніяхъ человѣка къ Богу могутъ быть двѣ крайности. Или человѣкъ собственное сознаніе о себѣ возводитъ на высоту величія, вовсе неестественную для него; или же, на оборотъ, онъ низводитъ свое чело-вѣческое достоинство до уровня прочихъ неразумныхъ живыхъ существъ. Въ первомъ случаѣ, уничтожается существенное различіе между небеснымъ и земнымъ, чело-вѣческимъ и божественнымъ, и человѣкъ доходитъ до гордаго самобоготворенія; во второмъ,—полагается абсолютная противоположность между небомъ и землею, Богомъ и человѣкомъ, въ силу которой не допускается даже малѣйшаго общенія земнородныхъ съ небожителями и человѣкъ по этому самому приравниваетъ свою духовнотѣлесную природу къ природѣ всѣхъ вообще животныхъ. Хлысты въ своемъ религі-озномъ міросозерцаніи повторяютъ одно изъ такихъ не чуждыхъ природѣ человѣка заблужденій и, именно, первое. Выходя изъ предположенія, что паденія пер-ваго человѣка въ собственномъ смыслѣ не было, что, слѣдовательно, и теперь каждый человѣкъ своими собственными силами можетъ достигнуть наивысшаго нравственнаго совершенства (можетъ сдѣлаться даже Богомъ) и, усматривая примѣръ послѣдняго въ исто-ріи жизни и дѣятельности Господа І. Христа, хлы-сты, развивая далѣе свое положеніе и не останавли-

ваясь на полпути, весьма естественно пришли къ мысли о возможности и даже необходимости новыхъ откровеній, новыхъ явленій І. Христа въ образѣ чело-вѣческомъ. Но, возрышая нравственную природу чело-вѣка, хлысты вмѣстѣ съ этимъ, въ силу внутренней необходимости, унижали и ограничивали природу бо-жественную. Божество и чело-вѣкъ на самомъ послѣд-немъ, крайнемъ пунктѣ, являются столь близкими, столь соприкасающимися между собою, что они мало или даже вовсе неразличаются. Богъ и чело-вѣкъ со-ставляютъ какъ бы одно существо, въ которомъ ак-тивную силою является божественный духъ, а силою пассивною самъ чело-вѣкъ. На Божество вслѣдствіе такого отождествленія его съ чело-вѣкомъ переносятся и тѣ недостатки и несовершенства, которыя присущи послѣднему. Слѣдствія изъ этого ученія очевидны. Такъ какъ каждый чело-вѣкъ находится подъ непо-средственнымъ водительствою Св. Духа, такъ какъ онъ можетъ быть сосудомъ не только божественной благодати, но вмѣстилищемъ Сына и Св. Духа и даже всей святой Троицы, то въ наученіи истинамъ вѣры и благо-честія оказываются излишними и бесполезными источники христіанскаго вѣроученія — св. писаніе и св. Преданіе, а въ преподаваніи даромъ благодати оказывается излишнею церковь съ ея учрежденіями. Каждый Христосъ, по понятію хлыстовъ, открываетъ своимъ людямъ свое Евангеліе и, поэтому, Евангеліе истиннаго Господа Іисуса Христа не есть единствен-ное. Только въ рѣдкихъ случаяхъ хлысты основыва-ются на св. писаніи, и то именно потому, чтобы пока-зать православнымъ видимое согласіе съ ними и что-бы легче привлечь ихъ на свою сторону. Поэтому полагать, какъ дѣлаютъ это гг. Е. Барсовъ (¹) и Н. Барсовъ (²), что будто хлысты не отрицаютъ св. пи-

(¹) Правосл. Обзор. 1873 г. Январь. 134—135 стр.

(²) Христ. Чтен. 1869 г. Сентябрь. 442 стр.

санія, какъ источника вѣроученія, кажется, не совсѣмъ справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, если хлысты въ доказательство, напр., истины многократнаго воплощенія І. Христа ссылаются на два или три мѣста изъ всего св. писанія, толкуя при томъ и ихъ не такъ, какъ показываетъ текстъ ⁽¹⁾, а всѣ другія мѣста въ несравненно большемъ количествѣ отрицаютъ, то отсюда далеко для заключенія о томъ, что будто бы они принимаютъ св. писаніе, хотя и толкуютъ его по своему.—Нѣтъ, хлысты твердо убѣждены, что все писаніе ложно, что въ немъ нѣтъ истины, что оно не спасительно; истина заключается только въ ученіи ихъ пророковъ, только они одни могутъ вѣдать тайны царствія Божія, а потому это ученіе и спасительно ⁽²⁾; отсюда, первое, какъ ложь, должно быть отвергнуто, а послѣднее, какъ истина, должно быть принято. Далѣе, отрицая церковь, ея таинства, іерархію и обряды какъ нѣчто бесполезное и ненужное для истинныхъ духовныхъ христіанъ, хлысты изобрѣли свою идею церкви, измысливъ своеобразные обряды и таинства. Такимъ образомъ, отдѣленіе хлыстовъ отъ православной церкви въ догматическомъ отношеніи—полное и законченное: Божественная личность Иисуса Христа въ ихъ представленіи приняла своеобразный характеръ, священное писаніе и св. преданіе, на которыхъ вселенская церковь утверждаетъ догматы вѣры, ими совершенно отвергнуты и, наконецъ, церковь, какъ руководительницу на пути спасенія, они

⁽¹⁾ Рядъ аллегорическихъ толкованій представленъ въ Хр. Чтен. 1869 г. Сент. 443—445 стр.

⁽²⁾ «Всякое слово учителя, говоритъ свящ. Сергѣевъ о хлыстахъ, по мнѣнію ихъ, есть слово самого Бога». («Изыясн. раск. имен. хлыстовщина» Чтен. въ общ. вст. и др. 1874 г. 3 кн. 65 стр.). По словамъ хлыстовской богини Авдотьи «кто знаетъ грамоту и кто всю эту книгу Библию прочтетъ — тотъ съ ума сойдетъ. Ангелы небесные ничего не читаютъ Господь нашъ Саваоѣ ничего не читаетъ. Всѣ святые, праведные, пророки и апостолы ничего не читали и не писали». (Заря. 1869 г. № 10, 14—15 стр.).

также считаютъ не необходимою. О нравственномъ ученіи, которое и у хлыстовъ вытекаетъ и основывается на догматическомъ, не можетъ быть и рѣчи, чтобы оно по духу и направленію было въ согласіи съ ученіемъ православнымъ. Изъ всего этого вытекаетъ то положеніе, что ученіе секты людей божіихъ или хлыстовъ не только еретическое, но даже нехристіанское.

Такъ какъ религіозное ученіе хлыстовъ касается и догматическихъ и нравственныхъ пунктовъ, то отсюда само собою опредѣляется и планъ разсмотрѣнія ихъ ученія. Прежде чѣмъ, однако, перейти къ подробному разсмотрѣнію того и другаго ученія, считаемъ нелишнимъ представить здѣсь краткую исторію возникновенія ученія хлыстовъ.

Было время, рассказываютъ хлысты, когда Данило Филипповичъ, крестьянинъ юрьевецкаго уѣзда, костромской губ. прибылъ въ Стародубъ кляемой (городъ владимірской губ. ковровскаго уѣзда). Однажды онъ взомель на гору Городину и здѣсь то среди айгеловъ, архангеловъ, серафимовъ и прочихъ небесныхъ силъ сошелъ съ неба самъ Господь Саваоѣ. Силы небесныя вознеслись назадъ на небо, а Господь Саваоѣ остался на землѣ въ образѣ человѣческомъ, воплотившись въ Данилѣ Филипповичѣ. Съ этого времени Данило Филипповичъ сталъ „живымъ богомъ“ и вазывался „верховнымъ гостемъ“, „превышнимъ богомъ“, „богатымъ гостемъ“, его послѣдователи стали именоваться „людьми божіими“. „Живой богъ“, живя и дѣйствуя среди людей, преподавалъ имъ двѣнадцать заповѣдей, изъ которыхъ первую онъ узаконялъ божеское поклоненіе себѣ, а послѣднею требовалъ вѣры въ Св. Духа. Такъ какъ „живой богъ“ Данило Филипповичъ не могъ одинъ распространить своего спасительнаго ученія между людьми, разсѣянными по всѣмъ направленіямъ русской земли, и такъ какъ, съ другой стороны, онъ долженъ былъ скоро оставить землю, вознесшись на небо, то еще при своей

жизни онъ избралъ сначала въ помощника себя, а потомъ и въ преемника одного крестьянина владимірской губ. муромскаго уѣзда, стародубской волости, Ивана Тимофеевича Суслова, которому и передалъ достоинство христа" (1).

Явленіе Господа Саваоѳа во плоти, люди божіи объясняютъ упадкомъ вѣры и благочестія на землѣ. По словамъ пѣсни, „умные люди“, соединившись между собою, отправили въ „святое мѣсто“ своихъ представителей. Эти послѣдніе, пришедши въ указанное мѣсто, стали поднимать руки къ небу и стали озывать Бога съ неба на землю:

„Господи, Господи, явился намъ, Господи“, вопіали они,

„Въ крестъ или въ образъ“

„Было бы чему молиться намъ и вѣрити“.

Ихъ молитва не осталась безъ удовлетворенія.

„Послушайте, вѣрные мои!“ былъ голосъ изъ-за облака,

„Сойду я къ вамъ Богъ съ неба на землю;

И буду я плоть пречистую и облекусь въ нее;

Буду я по плоти человекъ, а по духу Богъ“ (2).

Такъ совершилось первое явленіе во плоти Господа Саваоѳа; съ этого именно событія, какъ извѣстно, хлысты и начинаютъ свою исторію.

Фактъ явленія же-саваоѳа Данилы Филипповича въ исторіи религіознаго ученія людей божіихъ служить какъ бы прологомъ: Данило Филипповичъ какъ будто для того и явился, чтобы положить начало новымъ откровеніямъ христовъ; далѣе, во все послѣдующее время, Господь Саваоѳъ уже не однажды не сходилъ на землю и не воплощался. Съ Ивана Тимофеевича начинается эпоха перевоплощеній христа. Конечно, въ первое время зарожденія мысли о возможности и необходимости многократныхъ воплощеній христа, люди божіи, очевидно, ни чѣмъ дру-

(1) Рус. Вѣст. 1868 г. № 5. 31—34 стр.

(2) Дребнегорскій, дѣянія № 1. 106 стр.

тимъ не мотивировали пришествіе лже-саваса и пер-
ваго лжехриста, какъ только упадкомъ вѣры и благо-
честія. Время Давиды Филипповича и Ивана Тимо-
сеевича было временемъ волненій, произведенныхъ
исправленіями богослужебныхъ книгъ при патриархѣ
Никонѣ. Впослѣдствіи, когда мысль о возможности
перевоплощеній І. Христа окрѣпла въ сознаніи сек-
тантовъ, ученіе ихъ объ этомъ предметѣ явилось въ
формѣ цѣльной и законченной теоріи, основываю-
щейся на извѣстныхъ, опредѣленныхъ религіозно-
нравственныхъ началахъ. Въ этой теоріи, съ одной
стороны, былъ установленъ опредѣленный взглядъ на
дѣйствительнаго І. Христа, а съ другой — установ-
ленъ взглядъ на вновь открывающіеся христовъ. Къ
основному догмату о перевоплощеніяхъ І. Христа
присоединилось много другихъ догматическихъ и нрав-
ственныхъ истинъ. Цикль этихъ послѣднихъ истинъ,
т. е. догматическихъ и нравственныхъ, довольно об-
ширенъ; хлыстовская догматика не оставила неза-
тронутымъ ни одного существеннаго догматическаго
вопроса; она рѣшаетъ вопросы объ І. Христѣ, о цер-
кви, о загробной жизни и т. д. Нравственная систе-
ма хлыстовъ вращается главнымъ образомъ около
вопроса объ отношеніяхъ человѣка къ Богу и о спо-
собахъ богоугожденія. Съ названныхъ сторонъ ученія
секты хлыстовъ, т. е. догматическаго и нравствен-
наго, мы и рассмотримъ послѣднюю. Къ этимъ двумъ
сторонамъ мы присоединимъ еще изложеніе бытовой
стороны общества хлыстовъ, такъ какъ очевидно, что
устройство быта какой бы то ни было секты основы-
вается частію на догматическихъ воззрѣніяхъ, но бо-
лѣе всего на нравственномъ ученіи.

1) Догматическое ученіе.

Священникъ Сергѣевъ, принадлежавшій къ сектѣ
людей божіихъ и потомъ обратившійся къ церкви
православной, говоритъ слѣдующее о воззрѣніи хлы-

ствова на Богочеловѣка: „они (хлысты) не признають того, что І. Христось, совокупивъ въ особѣ своей оба естества божеское и человѣческое, въ самомъ дѣлѣ принявъ на себя содѣйствиємъ Св. Духа отъ Пресвятой Дѣвы Маріи плоть нашу и благоизвѣдиль родитѣся изъ нея истинно, яко совершенный младенецъ, во всемъ, кромѣ грѣха, съ другими человѣками соестественный. Они учать, что Сынъ Божій духомъ своимъ вселденъ въ чужую душу и плоть прежде зачатого и рожденнаго, но, общимъ законамъ природы человѣка, ради безпорочности его жизни, чистоты сердца и святости дѣлъ“ (1). Изъ этого свидѣтельства легко можно видѣть, что ученіе людей божіихъ объ І. Христѣ есть повтореніе древнихъ, существовавшихъ еще во времена апостоловъ, еретическихъ заблужденій и въ этомъ отношеніи хлыстовщина, очевидно, есть явленіе общеисторическое. Хлысты, точно также какъ и древніе докеты и евіониты, признають истину воплощенія І. Христа, хотя и понимаютъ это воплощеніе своеобразно. По ученію хлыстовъ, обожествленный чело-вѣкъ Іисусъ, дѣйствительно жилъ и проповѣдывалъ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ Евангеліе; Онъ и страдалъ, былъ распятъ на крестѣ и воскресъ. Всѣ эти послѣднія великія событія жизни Господа хлысты весьма подробно излагають въ своихъ „рассѣвкахъ“, но передають ихъ въ такомъ обезображенномъ и возмущающемъ чувствѣ истиннаго христіанина видѣ, что самыя враги Христовой церкви едва ли могли бы придумать что либо болѣе для осмѣянія христіанскаго ученія. Такъ, напр., въ одной пѣсни говорится, что когда І. Христось умеръ, то на помощь къ Нему являються и архангелъ Михаилъ, и пророкъ Ілія; тутъ же фигурируютъ Косьма и Даміанъ, которые расковывають каждаго, а „Флоръ, сударь, Лаверь и коней своихъ подвель“.... Тутъ же являються съ услугами и

(1) Хр. Чтен. 1869 г. Сент. 437 стр.

Георгій Побѣдоносець, и свят. Никола и наконецъ „сама матушка Царица“. И весь этотъ сонъ святыхъ присутствуетъ при крестѣ умершаго Иисуса именно для того, чтобы снова призвать Его къ жизни (!)... За воскресеніемъ І. Христа послѣдовало Его славное вознесеніе на небеса; эту истину допускали даже гностики, хотя и понимали это вознесеніе своеобразно. Именно, они утверждали, что когда І. Христосъ подвергся страданіямъ, обитавшій въ челоуѣкѣ Иисусъ до сего времени Сынъ Божій или Христосъ оставилъ его и удалился на небо. Удаленіе Христа изъ челоуѣка Иисуса было послѣднимъ актомъ божественнаго воплощенія; съ этого времени Христа уже нѣтъ на землѣ между людьми. Если до этого пункта хлысты, по видимому, сходились въ воззрѣніяхъ на лицо І. Христа съ древними еретиками, то дальнѣйшее ученіе ихъ носить совершенно своеобразный характеръ. Люди божіи никакъ не могли помириться съ тою мы-

(!) Рус. Вѣст. 1869 г. № 3. 367—368 стр. Есть, правда, нѣкоторыя пѣсни, въ которыхъ событія земной жизни І. Христа передаются довольно вѣрно и согласно съ повѣствованіемъ о нихъ евангелій. Такъ извѣстно, что обстоятельства рожденія І. Христа, явленіе звѣзды вѣлыванъ, поклоненіе послѣднихъ Богочелоуѣку и явленіе ангеловъ пастухамъ описаны вѣрно. «Духъ стихи людей божіихъ» Барсова, № 18, 27—29 стр. № 32, 51—52 стр.). Съ другой стороны, нѣкоторые эпизоды изъ страданій І. Христа также въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ переданы правильно (Барсовъ, — № 17, 25—27 стр.; № 24, 38—41 стр. и др.). Но, очевидно, подобныя исключенія не могутъ имѣть значенія при составленіи общаго понятія о взглядѣ хлыстовъ на Богочелоуѣка, выраженнаго нами выше. Многіе изъ указанныхъ нами сейчасъ пѣсень принадлежать такимъ лицамъ, которые въ собственномъ смыслѣ не были хлыстами, каковъ, напр., помѣщикъ Дубовицкій, авторъ очень многихъ хлыстовскихъ пѣсень. Во всякомъ случаѣ, то справедливо, что количество пѣсень, искажающихъ евангельскую исторію, значительно превосходитъ количество неискажающихъ. Для подтвержденія высказанной нами мысли указываемъ нѣсколько примѣровъ: Барсовъ, № 23, 36—38; № 41, 65; № 39; № 52; № 86; Чт. въ общ. ист. 1873 г. 1 к. 23 стр. II. № 10 и мн. др.; Исслѣдованіе Добротворскаго № 53, 171—174 стр. Нужно замѣтить при этомъ, что пѣсень неискажающихъ, кромѣ приведенныхъ нами выше, болѣе, кажется, нѣтъ.

слію, что будтобы І. Христось, приходившій однажды на землю для спасенія людей, съ тѣхъ поръ уже никогда не являлся снова во плоти. Такого предположенія уже нельзя допустить потому одному, говорятъ хлысты, что родъ человѣческій съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе уклоняется отъ истины, все болѣе и болѣе развращается; необходимо постоянное и непрерывное поддерживаніе истиннаго ученія и благочестія. Но кто же можетъ это сдѣлать? Это сдѣлать можетъ только Богъ и, именно, чрезъ свою божественную силу, чрезъ Сына. Такимъ образомъ, подъ влияніемъ пантеистическаго воззрѣнія на божество, по которому послѣднее постоянно отерывається въ человѣкѣ, то какъ Сынъ, то какъ Духъ, съ одной стороны, и подъ влияніемъ чисто практическихъ соображеній о необходимости „подновлять“ вѣру и благочестіе — съ другой, хлысты признали возможность перевоплощенія І. Христа. Христось, говорятъ они, вовсе не вознесся на небо ⁽¹⁾, какъ думаютъ православные; онъ пребываетъ на землѣ видимымъ образомъ и до сего времени. Исторія его воплощенія, исторія его жизни и дѣятельности, страданія и смерти повторялись въ мірѣ неоднократно. Въ то время, какъ эта исторія оканчивается въ одномъ человѣкѣ, она въ томъ же самомъ порядкѣ и въ такихъ же точно обнаруженіяхъ начинается и продолжается въ другомъ.

„Онъ, т. е. Христось Спаситель, пречистой Своей плоти, подвигъ земной кончилъ,

(1) Есть пѣсня, въ которой говорится, что Христось вознесся на небеса:

«А теперь», т. е. послѣ страданій и смерти, «нашъ Государь,
Онъ вознесся на небеса,
Творить тайны чуда—
Своимъ вѣрнымъ и избраннымъ (Дух. стихи секты людей божіихъ
Барсова, № 52, 83—84).

Но здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о какомъ-либо изъ ихъ лжехристовъ. на что указываютъ слова «ты къ намъ съ неба сокатилъ», «въ тѣснотѣ пребывалъ», т. е. въ темницѣ и проч.

А въ другихъ плотахъ избранныхъ онъ еще кончаетъ,
А въ иныхъ плотахъ избранныхъ онъ еще начинаетъ" (1)...

поютъ обыкновенно хлысты. Такихъ христовъ отк-
крывшихся, или, по выраженію хлыстовъ, „изобрѣтен-
ныхъ“, до сего времени было множество. Изъ нихъ
болѣе другихъ замѣчательны: Аверьянъ, явившійся
при Димитріѣ Донскомъ, Иванъ Емельяновъ — при
Грозномъ, Сусловъ, Лупкинъ, Петровъ и Аввакумъ
Копытовъ.

Мы уже замѣтили, что такое обиліе христовъ
есть логическое слѣдствіе общаго религіознаго міро-
соверпанія хлыстовъ и результатъ практическихъ со-
ображеній,—ибо, по словамъ пѣсни:

„Богъ тогда Христа рождаетъ,
Когда все умираетъ“ (2).

Но само собою понятно, что однихъ этихъ основаній
еще недостаточно для твердаго обоснованія возможно-
сти и даже необходимости новыхъ перевоплощеній
I. Христа. Необходимо, очевидно, выяснитъ болѣе
основательно возможность такихъ перевоплощеній I.
Христа; выяснитъ эту возможность, съ одной стороны,
на основаніи естественности и законности такого яв-
ленія, иначе, найти оправданіе этого факта во внут-
ренней жизни самаго человѣка. Съ другой стороны,
такъ какъ фактъ многократныхъ воплощеній I. Хри-
ста по самому своему происхожденію и существу есть
фактъ сверхъестественный, опредѣляемый волею са-
маго Бога, то необходимо подыскать основанія для
него и въ самомъ откровеніи сверхъестественномъ. Какъ
первый, такъ и второй вопросъ хлысты рѣшаютъ.
Припомнимъ слова Сергѣева о хлыстахъ. Онъ гово-
ритъ, что хлысты учатъ, что Сынъ Божій вселился
въ душу другого человѣка „ради безпорочности его
жизни, чистоты сердца и святости дѣлъ“. Тогда какъ

(1) Дух. стихи секты людей Божіихъ. Барсова, № 27. 44 стр.

(2) Тамъ же, 44 стр.

Керинезъ и другіе древніе еретики уча совершенно такъ о воплощеніи Сына Божія, не посмѣли, однако, вывести изъ этого ученія никакихъ практическихъ послѣдствій, наши сектанты постарались извлечь изъ этой теоріи вѣчто и для себя. Если сынъ Божій или божественная сила вселилась въ человѣка Иисуса „ради безпорочности его жизни, чистоты сердца и святости воли“, то нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы тотъ же Сынъ или таже божественная сила вселилась и въ другого человѣка, если только послѣдній удовлетворяетъ нравственнымъ требованіямъ. Это послѣднее условіе, т. е. нравственная способность къ воспріятію въ себя Христа, съ точки зрѣнія хлыстовъ, вполне возможна; она вытекаетъ изъ самаго существа человѣка, по которому онъ, при извѣстныхъ съ его стороны условіяхъ, можетъ достигнуть полнаго безстрастія и святости и, такимъ образомъ, можетъ содѣлаться чистымъ сосудомъ къ принятію въ себя не только Христа, но и всей св. Троицы. При этомъ, не можетъ служить препятствіемъ низкое происхождение человѣка, равно какъ и умственная его слабость. Богъ открывается въ нищихъ:

„Въ нищенскихъ домахъ—
Во чистыхъ душахъ
Ангелы поютъ
Христа даруютъ“ (*).

Онъ же открывается и въ людяхъ, чуждыхъ всякаго образованія:

„Какъ и въ этихъ дуракахъ,
Самъ Господь Богъ пребываетъ“ (**).

Словомъ, для принятія въ себя Христа требуются не плотское происхождение человѣка—его званіе, общественное положеніе, умственная зрѣлость и проч., а добрая нравственная жизнь:

(*) Добротворскій, № 49, 170 стр.

(**) Тамъ же, № 50, 140 стр.

„За врага Творца проси,
 Крѣпость вышняго неси,
 За зло злымъ ты не плати;
 Бойся—самъ ты во плоти.
 Тяготу ближнихъ неси,
 Всякій часъ Творца проси;
 Мы увидимъ все на дѣлѣ,
 Чья душа вѣрна здѣсь въ тѣлѣ.
 Неси всякій три креста—
 Дожидай въ сердцѣ Христа“ (1).

Три креста, три добродѣтели: молитва за врага, кротость и дѣланіе добра за зло составляютъ нравственныя условія, необходимыя для принятія въ свое сердце Христа. Очевидно, что такія условія со стороны человѣка для полученія въ себя Христа не представляютъ, съ точки зрѣнія хлыстовъ, большаго труда для выполненія. Впрочемъ, нужно замѣтить, даже эти нравственныя требованія, по ученію хлыстовъ, не необходимы, какъ условія для воплощенія Христа въ томъ или другомъ человѣкѣ.

„Безконечный и грѣшными не гнушается
 Въ сердцахъ воплощается“ (2).

Значитъ, какъ ни была бы грѣшна жизнь человѣка, Христось можетъ и въ немъ воплотиться. Въ этомъ случаѣ очевидно, что всѣ чудесныя и странныя перевоплощенія Христа объясняются единственно его вмѣшательствомъ въ жизнь людей. „Христось заранѣе даетъ своимъ вѣрнымъ, въ комъ открыться хочетъ“ (3), говорится въ одной пѣснѣ. Этотъ человѣкъ, заранѣе предопредѣленный Христомъ, для своего жилища или, по выраженію хлыстовъ, „избранный“, непременно долженъ сдѣлаться христоносителемъ, какъ бы онъ ни жилъ и что онъ ни дѣлалъ бы. Отсюда мы видимъ, что ученіе людей божіихъ о свободномъ, ни отъ кого

(1) Дух. отихи сект. люд. бож. Барсова, № 23, 38 стр.

(2) Тамъ же, № 88, стр. 134.

(3) Тамъ же, № 27, стр. 44.

другого независимо́мъ стремленіи каждаго человѣка получить въ свое сердце Христа, разрѣшается въ концѣ въ грубый фатализмъ: Христось, или самъ Богъ, какъ первопричина всего, является какъ Deus ex machina, какъ неизбежный рокъ.... Не имѣя опредѣленныхъ, такъ сказать, внѣшнихъ, видимыхъ знаковъ для опредѣленія, въ кого въ данное время вселился христось, хлысты ищутъ его, строятъ причудливыя догадки и предположенія о томъ, въ комъ живетъ Богъ или христось и гдѣ онъ находится. Эти исканія Христа въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ описываются съ замѣчательною поэтической силою, не чуждою нѣкоторой дѣтской наивности. Такъ, по словамъ одной пѣсни, дѣва, полная недоумѣній и тоски, идетъ въ чистое поле, думая, что тамъ она, быть можетъ, найдетъ „своего христа, сына божія“. Долго искала она его, но все напрасно... Наконецъ, ее встрѣчаетъ Іоаннъ Предтеча и спрашиваетъ:

„Что ты, дѣва, богородица, ходишь по полю?“

„Что ты, матушка, ищешь по чистому?....“

Дѣва охотно открываетъ ему тайну своихъ тщетныхъ исканій:

Хожу я, гуляю по чистому полю,

Ищу, не найду Исуса Христа“....

Въ отвѣтъ на такое благочестивое желаніе дѣвы найти и увидѣть „своего Христа“, „Христовъ пророкъ“ указываетъ ей на церковь, устроенную изъ трехъ родовъ дерева — анисоваго, кипарисоваго и барбарисоваго, въ которой Христось воссѣдаетъ на золотомъ престолѣ среди трехъ райскихъ птицъ и призываетъ своихъ вѣрныхъ дѣтушекъ къ радѣнію⁽¹⁾. По другой пѣснѣ, таже дѣва ходитъ по крутымъ горамъ и ищетъ также Христа. Она встрѣчаетъ жидовскихъ дѣтей и спрашиваетъ: „не вы ли, жидовья, Христа распяли?“ „Не мы, дѣва, не мы, святая, распяли Христа?“ от-

(1) Добротворскій, № 35, 158—159 стр.

вѣчаютъ дѣти. „Ты поди, дѣва, на крутую гору и на той крутой горѣ найдешь церковь кипарисовую, а въ этой церкви стоятъ три гроба: І. Христа, св. Дѣвы и Іоанна Предтечи“ (¹). Основная мысль этихъ двухъ пѣсенъ и имъ подобныхъ — понятна: христось всегда видимо живетъ между своими дѣтупками; его всегда можно видѣть въ хлыстовскомъ „соборѣ“ или въ церкви, по словамъ пѣсни; требуется немного вниманія и усердія, чтобы видѣть его чувственными глазами.

Не находя, такимъ образомъ, никакого препятствія въ нравственной природѣ человѣка для многократныхъ воплощеній Сына Божія, люди божіи не находятъ такого препятствія и въ самомъ откровеніи. Напротивъ, говорятъ хлысты, Сынъ Божій весьма ясно и опредѣленно высказалъ устами „старого христа“ (²) возможность и даже необходимость повторенія исторіи воплощенія. Онъ говоритъ: „кто заповѣди Мои сохраняетъ, тотъ во Мнѣ пребываетъ и Я въ немъ и Отецъ Мой возлюбитъ его и къ нему придетъ и обитель у него сотворитъ“ (Іоан. XIV, 23). Въ писаніи, далѣе, сказано: „вселюся въ нихъ, а не въ него“ (Іоан. I, 14); волхвы спрашивали: „гдѣ Христось рождается“, а не родился? (Матѣ. 2, 4) и въ пѣснѣ церковной поется также „Христось рождается“ (³). Значитъ, Христось не одинъ и воплощеніе должно быть совершено не однажды, какъ показываютъ слова самаго „старого христа“ и какъ очевидно изъ другихъ мѣстъ писанія и церковныхъ пѣсней. Впрочемъ, продолжаютъ хлысты, о нѣкоторыхъ изъ вновь открывшихся или „изобрѣтенныхъ“ христовъ есть пророчества въ ветхомъ завѣтѣ. Такъ о христѣ Иванѣ Тимоѣевичѣ Сусловѣ находится предсказаніе въ 3 кн.

(¹) Добротворскій, № 36, 159—160 стр.

(²) Хлысты не иначе называютъ истиннаго Господа І Христа, какъ „старымъ христомъ“ въ противоположность христамъ „изобрѣтеннымъ“ или открывшимся вновь.

(³) Канонъ на Р. Хр. 1-я пѣснь.

Ездры. Тамъ говорится: *открыется сынъ мой Исусъ съ тѣми, иже съ ними суть: и наслаждаются, иже оставлены суть въ лѣтъхъ четырехъ стѣхъ* (3 Езд. VII, 28). Этотъ открывшійся Исусъ и есть Иванъ Тимофеевичъ; онъ родился чудеснымъ образомъ отъ дѣвы Арины Нестеровны, о которой также предсказано: *явится невеста и являющийся покажется, яже нынѣ крыется отъ земли* (3 Езд. VII, 26). „Четыреста лѣтъ“, по толкованію хлыстовъ, означаютъ четыреста радѣній, которыя они совершили во времена Сулова и Лупкина. Лупкинъ умеръ согласно пророчеству: *и будетъ по лѣтъхъ сихъ*, т. е. по окончаніи четырехсотъ радѣній, *поясняютъ хлысты, и умретъ сынъ мой Исусъ* (3 Езд. VII, 30); за эту смертію, по пророчеству, должно послѣдовать и *древнее молчаніе дѣтъ седмъ* (3 Езд. VII, 30); то есть, объясняютъ хлысты, когда умеръ Лупкинъ, пресмникъ лжехриста Сулова, наступило гоненіе на нихъ, такъ что въ продолженіи семи лѣтъ христы не возвышали уже своего голоса; пророчество и чудеса не было; всюду царствовало „молчаніе“. Прошло 7 лѣтъ и, вотъ, говорятъ хлысты, *новый христокъ „разрѣшилъ уста“* (3 Езд. 7, 31). Это былъ Андрейнъ Петровъ, крестьянинъ села Брадова, — сѣвскаго уѣзда, орловской губ.

Итакъ, изъ всего ученія людей божіихъ объ І. Христѣ мы можемъ сдѣлать слѣдующія общія положенія. І. Христокъ не есть Богъ; онъ только проникнуть божествомъ или исполненъ благодати и истины. Онъ не есть Сынъ Божій въ собственномъ смыслѣ; сыновство его Богу Отцу нравственное, такое, какого можетъ достигнуть и каждый другой человѣкъ. Онъ не есть и Искупитель міра въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ это искупленіе православная церковь. Не будучи искупителемъ отъ грѣха, І. Христокъ есть только нравственный учитель и законодатель для своего времени. Первое появленіе въ міръ Сына Божія вовсе не исключаетъ возможности появленія Его въ другое время и въ другомъ чело-

вѣкъ. Христось невидимый, идеальный, какъ божественная сила, всегда живетъ среди ихъ, людей божіихъ. Нужна только пламенная молитва и Онъ снова сдѣлается видимымъ, снова воплотится. Вотъ почему хлысты каждое свое радѣніе начинаютъ просительной молитвой, обращенной къ Богу Отцу:

„Дай намъ, Господи,
Къ намъ І. Христа,
Дай намъ сына своего,
Господь Богъ помилуй насъ!“ (1)...

Вотъ почему, далѣе, хлыстовскіе пророки съ такимъ энтузіазмомъ призываютъ радѣющихъ къ прославленію открывшагося христа по общей ихъ молитвѣ и находятъ всегда въ послѣднихъ соотвѣтствующую фанатическую вѣру и преданность. „Свою батюшку роднаго во плоти вы славьте“, взываетъ пророкъ въ своемъ изступленіи,

Слово Божье воплотилось, среди насъ открылось,
Въ полнотѣ оно открылось, въ существѣ явилось,
Съ нами вмѣстѣ обитаетъ и насъ наставляетъ“ (2)....

И люди Божіи вѣрятъ этому призыву своего пророка, вѣрятъ при томъ пламенно и искренно:

Мірѣ про насъ толкуеть,
Съ нами Богъ ливуетъ (3),

говорятъ они, выражая недоумѣніе, какъ эта простая истина непонятна народу и мудрымъ міра сего. Впрочемъ и неудивительно, продолжаютъ хлысты:

„Мудрымъ, гордымъ непонятны
Твои тайныя дѣла, т. е. дѣла Бога.
Какъ можно гордымъ понять?
Не туды они глядятъ;
Ты открылъ тайну младенцамъ,
Здѣсь (4) избраннымъ сиротамъ“ (5).

(1) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 1. 1 стр.

(2) Тамъ же, № 86, стр. 131.

(3) Тамъ же, № 88, стр. 133.

(4) Т. е. въ хлыстовскомъ соборѣ.

(5) Тамъ же, № 55, стр. 88. Подобное же № 12, стр. 19.

Воплотившись въ одномъ человѣкѣ, Христосъ уже постоянно пребываетъ въ немъ; въ немъ онъ живетъ и дѣйствуетъ, сопровождая его на крестную смерть, которая есть неизбежный удѣлъ каждаго христа. Христосъ еще при своей жизни можетъ передать свое достоинство другому достойному по своимъ нравственнымъ качествамъ. Допускалась, такимъ образомъ, какъ бы нѣкоторая генерация христовъ, впрочемъ, вначалѣ чисто духовная. Такъ напр. передалъ достоинство христа Данило Филипповичъ Ивану Тимофеевичу. Впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи своей теоріи, хлысты начали утверждать, что эта передача можетъ совершаться чисто естественнымъ путемъ: отъ крови и плоти могутъ рождаться „христосики“. Такимъ образомъ, изъ генерации духовной возникла генерация плотская; идея духовнаго воплощенія, нравственнаго единенія человѣка съ божествомъ мало по малу совершенно оматериализировалась, получила уже вѣдшнюю осязательную форму. Здѣсь она уже, очевидно, превратилась въ единеніе впостасное. Отсюда само собою понятно и то обыкновенное явленіе въ средѣ хлыстовъ, что одинъ христосъ можетъ превосходить своею силою другого христа, они могутъ между собою соперничать.... По свидѣтельству свящ. Сергѣева, если случится быть двумъ учителямъ въ одномъ и томъ же собраніи, то каждый изъ нихъ старается похвастать своею божескою силою; одинъ говоритъ: „я богъ великъ“, „а я больше тебя“, отвѣчаетъ другой (1).

Нелѣпость теоріи хлыстовъ о возможности и необходимости многократныхъ воплощеній І. Христа очевидна съ перваго взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, что за побудительныя причины перевоплощеній Сына Божія? Правда, хлысты указываютъ на практическую потребность новаго явленія христа. Но почему же такія

(1) Чтен. въ общ. мѣст... 1874 г. 3 дн. 71 стр.

явленія не происходили въ продолженіи 5,500 лѣтъ, т. е. до времени воплощенія истиннаго Сына Божія, Господа І. Христа? Вѣдь и въ это время существовало истинное ученіе, наряду съ которымъ были и заблужденія? Почему же тогда не явились христы для спасенія своей церкви? или, быть можетъ, въ то время еще не существовали истинныя чада державы? Христіанская церковь, воплощеніе Сына Божія въ это именно время объясняетъ, съ одной стороны, предвѣрнымъ предопредѣленіемъ Божиимъ о спасеніи чело-вѣка, а съ другой—необходимостію нравственнаго подготовленія рода чело-вѣческаго къ принятію Искупителя. Хлысты, конечно, не могутъ становиться на подобную почву, такъ какъ они, отвергая догматъ паденія и искупленія, чрезъ то самое отвергають и божественное предопредѣленіе и необходимость нравственнаго подготовленія людей; слѣдовательно, фактъ явленія Искупителя въ это именно, а не въ другое время для хлыстовъ непонятенъ. Эта очевидная несообразность объясненій хлыстами необходимости перевоплощеній Сына Божія еще болѣе увеличивается, когда мы обратимъ вниманіе на тотъ странный фактъ, что въ теченіи какихъ нибудь ста лѣтъ у хлыстовъ было три христа во главѣ съ господомъ Саваоомъ... Неужели, въ самомъ дѣлѣ, вѣра и благочестіе такъ глубоко упали, что требовалось непрерывное появленіе новыхъ христовъ? Остается, такимъ образомъ, одно объясненіе, что Богъ наполняетъ собою все и во Христѣ является Онъ какъ Сынъ, а Христосъ въ истинныхъ своихъ чадахъ открывається какъ Духъ Святой. Но если такъ, то этимъ перевоплощеніямъ не можетъ быть и числа; они существуютъ и должны существовать, пока существуетъ Богъ, который не иначе мыслить, по хлыстовскому воззрѣнію, какъ только по своимъ проявленіямъ въ природѣ и чело-вѣкѣ. Далѣе, хлысты указываютъ на слова І. Христа: „кто заповѣди Мои соблюдаетъ, тотъ во Мнѣ пребываетъ и я въ немъ и Отецъ Мой возлюбитъ его и къ нему

придетъ и обитель у него отворить“, какъ на основаніе своей теоріи о многократныхъ воплощеніяхъ І. Христа. Но кто уполномочилъ хлыстовъ понимать такъ указанное мѣсто Евангелія? Прямой смыслъ словъ Спасителя слѣдующій: тотъ, кто исполняетъ Мою волю, кто слѣдуетъ въ нравственномъ отношеніи Моей жизни и дѣятельности, кто исполняетъ законъ, преподанный Мною, иначе, кто пребудетъ во Мнѣ, тотъ чрезъ то самое дѣлается однимъ со Мною, однимъ по согласію стремленій и воли, тотъ во Мнѣ и Я въ немъ. Вообще же нужно замѣтить, что толкованіе хлыстами св. писанія въ высшей степени произвольно и извращенно; они, какъ говоритъ святиц. Сергѣевъ, „духовное прелагаютъ на чувственное и чувственное на духовное; представляютъ невидимое видимымъ, неосязаемое осязаемымъ, и видимое и осязаемое—невидимымъ и неосязаемымъ“ (1). Впрочемъ, нелѣпость своей теоріи хлысты доказываютъ сами тѣми логическими послѣдствіями, къ которымъ они пришли. Божество, представляемое ими вначалѣ существомъ высшимъ этого міра, одареннымъ силою и могуществомъ, къ которому должно всегда обращаться съ молитвою и благоговѣть предъ нимъ, въ концѣ не отличается отъ человѣка; оно становится достоинствомъ послѣдняго и обращается въ полное его распоряженіе. Такіе выводы краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о разложеніи самой теоріи, ея полной несостоятельности. Вотъ почему, быть можетъ, въ настоящее время хлысты уже не говорятъ болѣе о новыхъ явленіяхъ на свѣтѣ христовъ; ихъ замѣнили теперь пророками. Итакъ, совершенно напрасно хлысты называютъ себя христіанами, даже еще „истинными, духовными“. Христіанскаго въ ихъ ученіи ничего нѣтъ, кромѣ пустаго звука „христосъ“. Тотъ Христосъ, который являлся въ міръ для спасенія рода человѣческаго, Христосъ историческій, совершенно не та-

(1) Хр. Чт. 1869. Свят. 442 стр.

Къ слову по изображенію слова Божія. Этотъ Христосъ, Спаситель міра, въ котораго вѣруеть истинно христіанская церковь, есть *единъ*, (1 Тим. II, 5); *единъ* Онъ нашъ верховный *учитель* (Матѣ. XXIII, 8), *единъ основатель* всего христіанскаго *благочестія* (1 Коринѣ. III, 11), и *едно о Немъ благовѣствованіе*, богодухновенными апостолами проповѣданное, кромѣ котораго, *еще что и ангелъ съ небеси благовѣститъ намъ*, принимать не должно (Галат. I, 8); наконецъ, Онъ *вчера и днесь той же и во вѣки* (Евр. XIII, 8). Искупленіе, совершенное Имъ однажды, простирается *на вѣс времена* (Евр. IX, 26); и *на вѣсхъ людей* (1 Тим. II, 5); и страданія и смерть Спасителя совершенно достаточны для удовлетворенія правосудію Божію (Рим. V, 15. 17). Христы же, въ которыхъ вѣрують люди божіи, суть плодъ созданія болѣзненной фантазій ихъ самихъ, а не дѣйствительные и истинные, о которыхъ будтобы предсказано было еще въ ветхомъ заветѣ и о которыхъ будто бы говорилъ Сынъ Божій устами „старога христа“.

Пантеистическій взглядъ хлыстовъ на божество самъ собою приводитъ ихъ къ отрицанію и втораго основнаго догмата христіанства, — догмата о троичности лицъ въ Богѣ. Богъ, по ученію людей божіихъ, есть существо единое; онъ троиченъ, но не по лицамъ, а по силамъ, образамъ своего проявленія въ жизни природы и человѣка. Сынъ, всегда присутствуя невидимо въ средѣ людей божіихъ, часто является видимо, въ образѣ человѣка. Другая сила, — Духъ утѣшитель, „свой глаголь ниспосылаетъ чрезъ раба своего пророка“ (¹). Онъ, какъ поется въ пѣсни: „во всемъ помогаетъ, во всякій день, во всякій часъ, во всяко время“ (²). Преимуществонное пребываніе этой божественной силы находится „въ седьмомъ небѣ“;

(¹) Прав. Обзор. 1873 г. Январь. 148 стр.

(²) Тамъ же, 149 стр.

но оттуда ее всегда можно „созвать“. „сманить“, была бы лишь нужда въ этомъ и просьба со стороны „божіихъ людей“ (¹). Явившись на землю, она, такъ же какъ и сынъ, воплощается въ избраннаго человѣка и обнаруживаетъ свое присутствіе видимо въ тѣхъ звукахъ и словахъ, которыя изрекаетъ пророкъ въ разное время и при различныхъ обстоятельствахъ.

„Саваоѣ Богъ самъ ликуеть съ небеси,

А святой—отъ Духъ глаголетъ въ тѣлеси“ (²).

Словомъ, Духъ Святый является такую же благодѣтельную божественною силою во время радѣній хлыстовъ, какою является Сынъ въ наученіи людей божіихъ истинамъ вѣры и благочестія. Но ни Сынъ ни Духъ не имѣютъ личнаго, отдѣльнаго отъ Бога Отца бытія (³). Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ

(¹) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 65, 100 стр. № 89, 135 стр.

(²) Тамъ же, № 65, 100 стр.

(³) Въ одной изъ хлыстовскихъ пѣсень даже, повидимому, проповѣдуются требожіе. Въ ней поется: «Агница-то мати Варвара прекрасна въ троицѣ три бога познала, три окна создала» (Добротвор, № 70, 190). Но подобное мѣсто, очевидно, произошло или отъ совершеннаго непониманія догмата христіанскаго о троицности лицъ въ Богѣ, или отъ неточности въ выраженіяхъ. Фактъ, впрочемъ, въ основаніи приведеннаго двухстишія лежитъ историческій. Дѣйствительно, какъ говорится въ житіи великомученицы Варвары, она, обратившись къ христіанству и, желая исповѣдать вѣру Христову открыто, сопровождаая это исповѣданіе различными символическими знаками и дѣйствіями, между прочимъ, въ ознаменованіе своей вѣры въ св. Троицу повелѣла прорубить третье окно въ только что отстроенной новой банѣ. Когда отецъ, не зная, что за причина побуждала его дочь имѣть въ банѣ третье окно, тогда какъ вообще было принято строить бани при двухъ окнахъ, спросилъ ее объ этой причинѣ, то она отвѣчала: «внемли, отче мой, и разумѣй, яже глаголю: три ипостаси единого въ Троицѣ Бога, живущаго въ свѣтѣ неспростуномъ, просвѣщаютъ и оживляютъ всякое созданіе, Отецъ, Сынъ и Св. Духъ; того ради повелѣхъ тріемъ окнамъ въ банѣ быти, да едино сіе (показауя перстомъ, глаголаше) воображаетъ Отца, другое Сына, третье Духа Св., яко да и стѣны нма пресвятыя Троицы прославляютъ» (Житія святыхъ. Москва. 1852 г. 39 стр. на обор.). Такиимъ образомъ, предполагая, что составитель означенной пѣсни сло-

хлыстовъ Сынъ Вожій представляется, повидимому, существомъ личнымъ, обладающимъ свободою; Онъ, какъ говорится въ пѣсни, „гдѣ хочетъ, въ комъ изволить—себя открываетъ“ (1); Онъ именуется Сыномъ Вожіимъ „ипостаснымъ“ (2), „Судією живыхъ и мертвыхъ“ (3), „вѣчнымъ архіереемъ“ (4), который далъ власть прочимъ іереямъ пресуществлять хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову (5) и проч. Было бы, однако, ошибочно на основаніи такихъ наименованій предполагать, что хлысты, дѣйствительно представляютъ І. Христа Сыномъ Вожіимъ въ собственномъ смыслѣ, вторымъ лицомъ св. Троицы. Нѣкоторые изъ атрибутовъ, приписываемыхъ хлыстами І. Христу, находятся въ прямомъ противорѣчій съ общимъ ихъ воззрѣніемъ на это лице. Такъ, напр., хлысты говорятъ о свободномъ произволеніи І. Христа; но какъ можетъ мириться такое понятіе съ другимъ ихъ понятіемъ о многократномъ воплощеніи І. Христа, которое совершается въ силу внутренней необходимости, въ силу невѣдомыхъ законовъ? Очевидно, что тутъ видимое противорѣчіе, объясняемое неяснымъ пониманіемъ самими хлыстами своего ученія. Далѣе, хлысты представляютъ І. Христа судією живыхъ и мертвыхъ. Но такимъ судією будетъ не Господь І. Христось, истинный и единый Искупитель міра, какъ вѣруетъ вселенская церковь, а христось каждаго корабля. Относительно наименованія І. Христа вѣчнымъ

вами о мученицѣ Варварѣ имѣлъ въ виду напомнить этотъ историческій фактъ, мы получаемъ тотъ вѣрный въ общемъ выводъ, что хлысты, дѣйствительно, вѣрятъ въ Троицу, но какъ они понимаютъ этотъ догматъ, изъ приведеннаго мѣста не видно и это мѣсто не можетъ служить доказательствомъ, что хлысты требовники.

(1) Дух. стихи люд. Бож. Барсова, № 27, 44 стр.

(2) Тамъ же.

(3) Тамъ же, № 15, 22 стр.

(4) Тамъ же, № 91, 139 стр.

(5) Тамъ же, № 27, 44 стр.

архіереємъ и установленія Имъ таинства евхаристіи нечего и говорить, что ни то, ни другое не можетъ служить доказательствомъ личности І. Христа съ хлыстовской точки зрѣнія, когда извѣстно, что ни того ни другаго догматическое ученіе хлыстовъ не допускаетъ.

Изъ ученія хлыстовъ о перевоплощеніяхъ Сына Божія и постоянномъ присутствіи среди ихъ Св. Духа легко можно видѣть, какое понятіе они имѣютъ о церкви. Въ самомъ дѣлѣ, православная церковь, вѣруя въ единое пришествіе І. Христа во плоти для спасенія людей, утверждаетъ, что, со времени славнаго вознесенія на небо Господа, Онъ, по обѣтованію, постоянно пребываетъ съ вѣрующими своею благодатію. Органомъ этого невидимаго присутствія Господь избралъ церковь, которой Онъ далъ всѣ необходимыя средства для руководства вѣрующихъ ко спасенію. Церковь есть дѣйствительная хранительница ученія Господа и вѣрная руководительница своихъ чадъ. Въ ней есть таинства, іерархія и богослужебныя обряды, — что взятое вмѣстѣ помогаетъ христіанину въ достиженія имъ царствія Божія. Церковь, такимъ образомъ, въ ученіи православныхъ христіанъ является существенно необходимымъ звѣномъ, связывающимъ небо съ землею; она есть посредникъ между Богомъ и человѣкомъ. Хлысты, согласно своему принципу, думаютъ о церкви совершенно иначе.—Въ то время, говорятъ хлысты, когда было царство христовъ, не было необходимости имѣть особыхъ органовъ Св. Духа для наставленія въ истинахъ вѣры и благочестія. Такими органами были сами христы. Они и словомъ и дѣломъ наставляли на путь истины своихъ вѣрныхъ чадъ. При каждомъ христѣ находились двѣнадцать апостоловъ, которые своею проповѣдію помогали „уловлять вселенную“. Теперь же, когда наступило царство пророковъ, мѣсто христовъ заняли эти пророки, которые и служатъ посредниками между Богомъ и его людьми. Въ одной хлыстовской пѣсни, принадле-

жащей перу известнаго помѣщика Дубовицкаго, довольно подробно раскрывается идея великаго значенія пророковъ въ дѣлѣ открытія Богомъ тайнъ своимъ чадамъ. Отъ лица самого Бога, который въ пѣснѣ называется „родителемъ сокровеннымъ для живущихъ въ мѣрѣ чадъ и откровеннымъ для своихъ“, авторъ говоритъ:

„Между мной и человѣкомъ
 Какъ посредникъ мой пророкъ....
 Кто исчислить, какъ полезенъ
 На пути душамъ пророкъ?...
 Среди вѣрныхъ воздвигаю
 Я пророка своего;
 Имъ я церковь созидаю,
 Снисходя къ ней черезъ него....
 Дѣтямъ вѣры возвѣститель,
 Что я всѣхъ ихъ берегу....
 Черезъ пророка я сближаюсь
 Съ дѣтьми вѣры здѣсь въ меня (¹)...

Такимъ образомъ, пророкъ, по своему близкому общенію съ божествомъ, можетъ легко и одинъ замѣнить церковь и ея учрежденія.

Какъ находящаяся подъ непосредственнымъ покровительствомъ самого христа или вмѣсто него его пророка—церковь наша, говорятъ хлысты, есть церковь истинная, внутренняя, духовная въ противоположность церкви православной, какъ внѣшней и плотской. Этотъ пунктъ ученія хлыстовъ, гдѣ они стремятся выдѣлить свою церковь изъ церкви православной и провести между тою и другою параллель, есть самый любимый хлыстами. Въ разное время и по разнымъ обстоятельствамъ они высказали нѣсколько основаній для раздѣленія церкви на внутреннюю и внѣшнюю, заимствованныхъ притомъ изъ св. писанія. Конечно, основанія эти слишкомъ наивны и могутъ только свидѣтельствовать о крайнемъ непониманіи

(¹) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 40, 62—63 стр.

хлыстами самыхъ простыхъ истинъ, сообщаемыхъ въ св. писаніи. Такъ, говорятъ хлысты, мы дѣлимъ церковь на двѣ степени—низшую и высшую и основываемъ это дѣленіе на слѣдующихъ изреченіяхъ св. писанія. Въ XI гл. 4 ст. Апокалипсиса сказано: „сіи суть двѣ маслицы, и два свѣщника предъ Богомъ земли стояща“.

Гіонъ, извѣстная толковница Апокалипсиса, объясняетъ это мѣсто въ томъ смыслѣ, что „Божественная истина содержитъ въ себѣ двѣ вещи, изъ коихъ первая вещь долженствуетъ быть явлена и проповѣдана всему міру, а вторая долженствуетъ быть сокровенна; о ней не должно ни при комъ, не знающемъ ея, ни говорить и никому не писать“. То есть, говорятъ хлысты, первая вещь, которую должно проповѣдывать вездѣ и всѣмъ, есть церковь православная; она, дѣйствительно, и проповѣдывается всюду и всѣмъ народамъ; вторая же, которую должно хранить, какъ тайну, есть ихъ „божество“ или ихъ общество, которое не всякому предлагаетъ свое „тайное ученіе“ (¹). Далѣе, въ XIII гл. 1 ст. Дѣяній апост. говорится, что въ Антиохіи, въ тамошней церкви были нѣкоторые пророки и учителя: Варнава, Симеонъ, Лупій и Манаиль, которые управляли этою церковію; двухъ изъ нихъ, именно: Варнаву и Савла Духъ Св. повелѣлъ отдѣлить на особое дѣло служенія, какъ это видно изъ слѣдующаго, втораго стиха той же главы. Значить, заключаютъ хлысты, и во времена апостольскія церквами управляли не священники и епископы, а пророки; въ нашемъ обществѣ, продолжаютъ хлысты, точно также управляютъ церковію не епископы и священники, а пророки и учителя; слѣдовательно, церковь наша есть апостольская, духовная, первенствующая, въ противоположность церкви православной, какъ не апостольской и плотской (²). Наконецъ,

(¹) Тульск. Епарх. Вѣд. 1869 г. № 9, 340—341 стр.

(²) Тамъ же, № 12. 439 стр.

самъ І. Христось словами: „есть у Меня и другія овцы, которыя не сего двора, и тѣхъ надлежитъ Мнѣ привести: и они услышатъ голосъ Мой и будетъ одно стадо и одинъ пастырь“ (Іоан. X, 16) ясно указаль, говорятъ хлысты, на существованіе двухъ особыхъ, существенно отличныхъ друга отъ друга церквей: церкви истинной, благодатной или перваго двора и церкви неблагоприятной, неистинной или втораго двора; подъ первымъ дворомъ разумѣется церковь хлыстовъ, подъ вторымъ—церковь православная (¹).

Будучи церковію неистинною, не апостольскою и виѣшнею, церковь православная, продолжаютъ хлысты, можетъ имѣть, впрочемъ, нѣкоторое прообразовательное значеніе ихъ церкви, истинной и духовной. Такъ, таинства православной церкви прообразуютъ раднія хлыстовъ, подобно тому, какъ веткій завѣтъ былъ прообразомъ новаго завѣта. Далѣе, въ нѣкоторыхъ церковныхъ пѣсняхъ, употребляемыхъ православною церковію, прямо указывается на прообразовательное значеніе церкви православной. Въ праздникъ Пасхи православная церковь поетъ: „Богоотецъ убо Давидъ предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаше играя, людіе же божиі святіи образовъ сбытіе зряще, веселимся божественнѣ“; или еще: „приидите пиво пиемъ новое, не отъ камене неплодна чудодѣемое, но нетлѣнія источникъ изъ гроба одождивша Христа“. Но извѣстно, говорятъ хлысты, что въ православной церкви ни „святаго скаканія“ царя и пророка Давида, ни „пива духовнаго“ или что то же „источника нетлѣнія“, какъ необходимаго слѣдствія перваго, т. е. скаканія, нѣтъ и не можетъ быть; то и другое существуетъ только въ церкви хлыстовъ, которую она „тайно образуетъ“, по выраженію херувимской пѣсни (²).

(¹) Тульск. Епарх. Вѣд. 1869 г. № 12, 440 стр

(²) Тамъ же. 440—441 стр.

Если церковь православная не имѣтъ характера церкви истинной, если она, далѣе, служить только нѣкоторымъ прообразомъ; то ученіе, предлагаемое ею, не спасительно и въ ней нѣтъ и не можетъ быть полноты духовныхъ дарованій, необходимыхъ для спасенія чедовѣка. Истинное ученіе, а равно, и полнота духовныхъ дарованій находятся только въ ихъ церкви, т. е. въ церкви хлыстовъ. Въ одномъ изъ своихъ респѣвцовъ, хлысты, желая представить различіе между ученіемъ православной церкви и своей въ формѣ образной, изображаютъ то и другое ученіе подъ образомъ двухъ рѣкъ—Шата и Втая. Шать-рѣка—„шатоватая“, „вороватая и несправедливая“. Кто пойдетъ на Шать-рѣку, тотъ непременно „запатается“, тотъ „удалится отъ корабля“, т. е. отъ общества хлыстовъ, а потому удалится и отъ Бога: „въ томъ“, т. е. въ невозможности соединиться съ Богомъ „и жизнь его скончается“. Поэтому пророки хлыстовскіе часто предостерегаютъ людей божіихъ, чтобы они и близко не подходили къ этой опасной рѣкѣ, такъ какъ въ ней легко можно утонуть и, слѣдовательно, на вѣки погибнуть. Не такова Втай рѣка—тихая и величественная. Она течетъ какъ бы „по бѣлому сахару“, „по алому бархату“; „донышко у нея серебряное, круты бережки позолоченыя и усыпанные желтымъ пескомъ“. Долина этой рѣки отъ востока до запада, ширина ея во весь бѣлый свѣтъ, а глубина ея никому неисповѣдимая, которую знаетъ только Сынъ Вожій да Пресвятая свѣтъ Богородица (1). Желая, далѣе, показать превосходство ученія своего общества предъ ученіемъ православной церкви въ дѣлѣ спасенія чедовѣка, хлысты усвояютъ своему ученію разнаго рода мистическія и аллегорическія наименованія, указывающія, съ одной стороны, на источникъ, откуда заимствовано это спасительное ученіе, а съ другой—на

(1) Добротворскій, № 38, 161—162 стр. № 39, 103; № 40, 164 стр.

характеръ его. Наше ученіе, говорятъ хлысты, — „ученіе божье“, „тайна божія, заповѣдная отъ всего міра“, „небесная тайна“ (¹), „божія наука“, которую даль самъ „государь-батюшка“, „св. явное евангеліе“, „родословъ книга“ (²)... Тотъ, кто не приметъ этого спасительнаго ученія, кто будетъ нерадивъ къ нему, непременно погибнетъ:

„И цари-то всѣ земные
 Пойдутъ они подъ землю;
 И накроетъ ихъ земля
 Что горючія каменья
 За ихъ къ вѣрѣ нерадѣнье“ (³)...

Какъ церковь апостольская, истинно духовная, наша церковь, продолжаютъ хлысты, заключаетъ въ себѣ полноту духовныхъ совершенствъ. Въ ней, какъ и въ церкви первенствующей (1 Кор. 14 гл.) существуютъ чрезвычайныя дарованія; и теперь овому дается Духомъ пророчество, иному даръ языковъ, иному сказаніе языковъ. Всякій, находящійся въ ихъ церкви безъ всякаго внѣшняго посредства можетъ получить въ себя Духа Св., лишь бы только онъ исполнилъ извѣстныя нравственныя предписанія и присутствовалъ на радѣніяхъ:

„Такъ (⁴) и нынѣ въ сердцахъ вѣрныхъ
 Творить тоже Святой Духъ:
 Наполняется дыханьемъ
 Грудь и сердце въ насъ тогда,
 Когда съ вѣрою, любовью
 Радѣетъ наша душа....
 Безъ сомнѣнія молитесь
 Такимъ образомъ всегда;

(¹) Добротворскій, № 3, 106 стр. № 20, 138 стр. № 58, 177 стр.

(²) Дух. стихи сек. люд. бож. Барсова, № 42, 68 стр. 71, 108, № 49, 78 стр. 67, 102 и пр.

(³) Добротворскій, № 20, 139 стр.

(⁴) Т. е. какъ и во времена апостольскія и именно, когда апостолы, находясь въ Сионской горницѣ, получили дары Св. Духа.

Святѣй Духъ васъ самъ научить;
Откройте ему сердца“ (1)....

Само собою понятно, что при такомъ болѣе легкомъ и удобномъ способѣ получать дары благодати, таинства православной церкви и ея іерархія, въ воззрѣніяхъ хлыстовъ, оказываются недѣйствительными. „Хотя церковь, т. е. православная, можетъ спасти, обыкновенно увѣщаетъ пророкъ людей божіихъ, вновь обращающихся въ ихъ секту, но попъ такъ скоро къ царствію Божию не приведетъ, какъ онъ (пророкъ) и притомъ не приведетъ такъ высоко, какъ онъ“ (2). Это потому, говорятъ хлысты, что въ настоящее время, „вся духовность священнаго сана переродилась въ чувственные знаки. Монашескій ангельскій бѣловидный чинъ преобразился въ черный. Вся благодать церковная окаменѣла и обратилась въ дорогія камни, золото и серебро, которое могло бы многихъ бѣдныхъ пропитать“ (3). Поэтому, говоритъ позднѣйшій лжехристосъ тамбовскихъ хлыстовъ Аввакумъ Копыловъ, „мы почитаемъ священниковъ, какъ богослововъ, но примѣру жизни ихъ слѣдовать не можемъ, потому что они имѣютъ женъ и рожаютъ дѣтей. Священники пьютъ вино, а въ винѣ блудъ; священники ѣдятъ мясо, а оно рождаетъ похоти. Поэтому, священникъ и не можетъ отпустить грѣховъ и въ благословеніи своемъ передать Духа Святаго, ибо самъ его лишень“ (4). Таинства православной церкви не необходимы и не дѣйствительны. Не нужны они потому, что истинные, духовные христіане, каковы хлысты, не имѣютъ надобности въ чувственныхъ знакахъ,

(1) Духов. стихи люд. бож. Барсова, № 2. 3 стр.

(2) Добротворскій, 33 стр.

(3) Хр. Чт. 1869 г. Сентябрь. 447 стр.

(4) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 355 стр. Объ этомъ убѣжденіи хлыстовъ, что «православная церковь не имѣетъ достаточныхъ средствъ къ совершенному спасенію душъ», свидѣтельствуешь и обратившійся къ православію сектантъ (Гул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 8. 265—266 стр.).

какіе составляютъ принадлежность церковныхъ таинствъ: только сущій по плоти плотская мудрствуетъ, а иже по духу—духовная, а идѣже духъ, тамъ свобода. Здѣсь невольно каждому бросается въ глаза очевидное противорѣчіе въ ученіи хлыстовъ. Отвергая таинства на томъ основаніи, что они, какъ состоящіе изъ однихъ будто бы обрядовъ излишни для нихъ,—какъ духовныхъ христіанъ, хлысты сами не только не чуждаются внѣшней обрядности, но даже считаютъ ее существенно необходимою; таковы напр. радѣнія ихъ; тоже самое нужно сказать и о самыхъ таинствахъ, безъ которыхъ они не обходятся, совершая ихъ по своему; крещеніе напр. совершаютъ посредствомъ возложенія образа на голову и поливанія водой (у Аввакума Копылова).—Далѣе, таинства православной церкви не дѣйствительны, потому что совершеніе ихъ не сопровождается никакою видимою переимѣною. Не то происходитъ отъ радѣній; здѣсь каждый можетъ непосредственно получить въ себя Духа Святаго.

Кромѣ пророковъ и пророчицъ, на обязанности которыхъ лежитъ обращеніе не-хлыстовъ въ ихъ секту и совершеніе нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ, въ хлыстовскихъ корабляхъ нѣтъ другихъ лицъ, какъ органовъ Духа. Притомъ, и эти лица не имѣютъ собственно значенія посредниковъ между Богомъ и Его людьми, потому что, по принципу хлыстовъ, каждый вѣрующій имѣетъ непосредственное общеніе съ Богомъ. Весьма естественно поэтому, что хлысты, установивъ принципъ общаго равенства между людьми относительно полученія даровъ благодати безъ всякаго посредства въ этомъ, и, допустивъ, далѣе, полную возможность достигнуть еще и здѣсь, на землѣ, совершенной святости и даже присутствія самого Бога или Его Сына и Св. Духа, развивая далѣе свое ученіе, пришли къ уравниенію и даже совершенному отождествленію церкви земной и небесной. Въ самомъ дѣлѣ, церковь земная, по понятію хлыстовъ,

есть церковь духовная, внутренняя, апостольская; въ ней постоянно присутствуетъ вся св. Троица невидимо и весьма часто видимо въ нѣкоторыхъ ея членахъ; церковь небесная есть тоже самое. Итакъ, въ своемъ существѣ церковь земная не отличается отъ церкви небесной. Это тожество простирается и на внѣшнія, видимыя свойства той и другой. Здѣсь, на землѣ, говорятъ хлысты, единственно-спасительное и угодное Богу занятіе есть радѣніе, которое составляетъ главное отличіе истинныхъ людей божіихъ отъ прочихъ; и тамъ, на небѣ, это же радѣніе Богу составляетъ также постоянное занятіе святыхъ. Не допуская существеннаго различія церкви земной отъ церкви небесной, не допуская, далѣе, различія и въ самомъ устройствѣ той и другой, хлысты не допускаютъ также различія и между существами, наполняющими небо и землю. Правда, въ хлыстовскихъ пѣсняхъ весьма часто встрѣчаются перечисленія небесной іерархіи: ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ и т. д. (¹); но эти наименованія чиновъ небесной іерархіи суть не что иное, какъ наименованія людей, перешедшихъ изъ этой жизни, какъ это можно видѣть изъ ученія ихъ объ участи человѣка послѣ его смерти.

По ученію людей божіихъ, участь каждой души по разлученіи ея съ тѣломъ опредѣляется непосредственно послѣ смерти тѣла: каждый человѣкъ соотвѣтственно своей жизни становится или ангеломъ или діаволомъ.

„Кому въ пору надѣвай,
А не въ пору прочь ступай“.... (²)?

(¹) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 3, 4 стр.; № 33, 53 стр. № 62, 97 стр. и мн. др. Добротворскій, № 37, 160 стр.; № 45, 168 стр. и пр. Упоминается и о злыхъ духахъ, которые называются «всодушными духами» (Барсовъ. № 70, 196 стр.). «злыми духами» (Тамъ же. № 97, 147 стр.), но въ приложеніи къ людямъ.

(²) Духовные стихи люд. бож. Барсова, № 74, 111 стр.

обращается „государь батюшка“ къ своимъ людямъ, предложивъ имъ „вѣчны ризы“, приготовленныя имъ. Иначе говоря, душа человѣческая послѣ своего освобожденія изъ темницы тѣла, или причисляется къ числу блаженныхъ, т. е. она становится или архангеломъ, или ангеломъ, или апостоломъ:

„Какъ у нашего сударя,
Гостя батюшки,
У царя свѣта,
У небснаго,
Уже положено такъ:
Кому ангеломъ быть,
Кому архангеломъ служить,
Кому быть въ пророкахъ,
Кому въ мученивахъ,
Кому быть во святыхъ,
Кому въ праведныхъ“ (1).

И это опредѣленіе „сударя-батюшки“ надъ многими уже исполнилось. Такъ, по разсказу одного хлыста, обратившагося въ православіе, пророчица Арина, ходившая „въ словѣ“ въ одно изъ собраній возвѣстила чрезъ Духа Св., что Арина Сергѣевна (начальница общины, не такъ давно умершая) опредѣлена въ царствіе небесное, въ дѣвичій полкъ близъ Царицы небесной, Божіей Матери; а Артемій Игнатовъ, Сергѣй Игнатовъ и Сила Варлаамовъ, — тоже принадлежавшіе къ этой общинѣ и также недавно умершіе, — присоединены къ апостоламъ (2).—Или же душа человѣческая снова начинаетъ скитаться по землѣ, переходя въ животныхъ, отвѣчающихъ ея настроеніямъ и склонностямъ, потомъ переходитъ въ младенца, который также въ глазахъ хлыстовъ есть существо нечистое, такъ какъ онъ есть слѣдствіе грѣха, пока, наконецъ, этотъ мланецъ, заключающій въ себѣ душу

(1) Дух стихи люд бож. Барсова, № 7, 10 стр.; Чт. въ Общ. вст. 1873 г 4 кн. № 56, 123 стр.

(2) Тул. Вп. Вѣд. 1869 г. № 9, 338 стр.

хлыста, не сдѣлается снова хлыстомъ. Разсказъ о душепереселеніи подробно представленъ одною хлыстовскою богородицею Силантьевной при допросѣ ея судебнымъ слѣдователемъ. Силантьевна говорила: „прежде, когда еще не родилась этою тлѣнною плотію, не знаю, какое было мое имя и въ чьей плоти пребывала. Объ этомъ мнѣ не открыто свыше, да не соблазнуюсь мірскою гордостію о своемъ, може, именитомъ родѣ — происхожденіи“... На вопросъ слѣдователя: сколько ей лѣтъ? она отвѣчала, нѣсколько подумавши: „мнѣ 64 года съ мѣсяцами; но вѣдь это только по плоти; духовныхъ же лѣтъ я не имѣю, имѣю нѣсть числа, можа полная тысяча, а може и больше“.... Когда былъ предложенъ вопросъ о томъ, какая участь человѣка послѣ его смерти, Силантьевна отвѣчала: „послѣ смерти человѣка душа его посылается Богомъ, смотря по добродѣтели умершаго, въ другаго человѣка или въ животное; а животное, когда оно околѣетъ, въ человѣка (¹).... Есть разные люди на бѣломъ свѣтѣ... есть люди, которые имѣютъ по три, по четыре и болѣе души.... Къ кому благоволитъ Господь своею милостію, того надѣляетъ множествомъ душъ, до полсотни и больше“ (²). Такимъ образомъ, грѣшная душа, прежде чѣмъ перейти въ небо, должна претерпѣвать многія превращенія.

Повидимому, ученіе хлыстовъ о душепереселеніи, имѣющемъ свою конечную цѣлю совершенное очищеніе человѣческой души отъ грѣховъ и предоставленіе ей, такимъ образомъ, полной возможности вступить въ сонмъ блаженныхъ небожителей дѣлаетъ излишнимъ предположеніе о существованіи наряду съ раемъ еще ада и адскихъ мученій, такъ какъ, очевидно, что рано или поздно всѣ люди божіи превра-

(¹) По вѣрованію дубово-уметскихъ монтанъ, душа каждого человѣка совершаетъ переселеніе до пятого колѣна, послѣ чего она уничтожается.—(Сам. Еп. Вѣд. 1870 г. № 18, 423 стр.).

(²) Сам. Еп. Вѣд. 1867 г. № 10. 276—278 стр.

тятся въ чистыя и непорочныя существа, достойныя вкушать райскія радости. Однако, и хлысты, какъ видно изъ нѣкоторыхъ пѣсенъ допускаютъ существованіе ада и адскихъ мученій. Правда, ученіе ихъ объ этихъ предметахъ вовсе неразвито, такъ что нельзя ничего опредѣленнаго сказать, что такое адъ по представленію хлыстовъ и какія предполагаются ими формы мученій людямъ грѣшнымъ. Въ одной хлыстовской пѣсни вотъ что, между прочимъ, сообщаютъ ангелы, архангелы и апостолы, присутствовавшіе при разлученіи души человѣческой съ тѣломъ — этого, по словамъ пѣсни, „дива дивнаго, чуда страшнаго и ужаснаго“:

„Ты прости—прощай,
Тѣло бѣлое!“ обращается къ тѣлу душа,
готовая улетѣть.

„Я въ тебѣ жила,
Тебя тѣшила
А сама себя
Въ муку сверзила.
Какъ итить тѣлу
Въ сыру землю,
Къ лютымъ червямъ
На съѣденіе,
А мнѣ-то душѣ
На мученіе.
Мимо раю шла—
Раю лишилася,
Мимо муки шла—
Муки не обошла“ (1)....

Имѣя смутныя и весьма неясныя представленія о загробной участи людей грѣшныхъ, хлысты съ большею подробностію развили ученіе объ участи, ожидающей людей праведныхъ послѣ ихъ смерти. Какъ уже очевидно изъ предъидущаго, каждый праведникъ непосредственно послѣ своей смерти причисляется

(1) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 62, 97 стр.

или въ чинъ ангельскій, или пророческій, или же апостольскій. Общее мѣсто, куда переселяются изъ этой жизни души людей праведныхъ, есть рай или царство небесное, которое находится въ небѣ. Последнее, по представленію хлыстовъ, раздѣляется на семь отдѣльныхъ другъ отъ друга пространствъ, которыя различаются между собою относительнымъ достоинствомъ ⁽¹⁾. Высшее небесное пространство, седьмое небо, есть жилище таинственно воскресшихъ людей; низшее пространство или первое небо населяется умершими на землѣ о Христѣ, но еще не воскресшими. Какъ въ первомъ, такъ и въ последнемъ небесномъ пространствѣ существуютъ „круги“ ⁽²⁾. Круги низшихъ небесъ называются „восточнымъ сонмомъ“ или „дольными небесами“; круги же высшихъ небесъ—„небесными кругами“. И въ тѣхъ и въ другихъ кругахъ производятся радѣнія, только они совершаются тамъ безъ тѣлодвиженій, потому что дрожь и корча происходятъ отъ совершающейся внутри чело-вѣка борьбы Св. Духа съ темными силами, чего тамъ нѣтъ. Кромѣ радѣній, составляющихъ постоянное занятіе людей праведныхъ, последнія испытываютъ и другія райскія блаженства: „утѣха ихъ есть самъ Богъ“, которому они непрерывно воспѣваютъ ангельскія пѣсни: у нихъ никогда не бываетъ „ни скорби, ни печали, ни плача, ни рыданій“, но всегда „веселье

⁽¹⁾ Во многихъ хлыстовскихъ роспѣвцахъ встрѣчается это семидневное число небесъ. Такъ, напр., хлысты поютъ:

«Ужь кого-то на округу намъ послать,
Намъ Свята Духа со «седемъ неба созвать»...

(Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 65, 100 стр.). Въ другой пѣсни также говорятъ, какъ св. Николай отворилъ І. Христу «седьмое небо» (Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 368 стр.; Добротворскій, № 34, стр. 157; № 29, стр. 150; № 20, стр. 138).

⁽²⁾ Наименованіе «кругъ» заимствовано хлыстами изъ церковной пѣсни «съ небесныхъ круговъ слетѣлъ Гавріиль»....

бесконечно“ (1). Вообще же, радости райскія такъ велики, что, по словамъ одной пѣсни,

„Когда бъ ихъ видѣли—
 Всѣ бъ женаты разженилися,
 Не женатые—не женился,—
 Всѣ бъ святыми здѣсь учинилися“ (2).

Уже отчасти изъ ученія хлыстовъ о душепереселеніи можно видѣть, что участь, которой подвергается душа непосредственно послѣ смерти тѣла, не есть еще окончательная. Дѣйствительно, хлысты вѣруютъ еще и въ будущую кончину міра. По представленіямъ ихъ, кончина міра будетъ состоять во вторичномъ пришествіи Христа или точнѣе христовъ, за которымъ послѣдуетъ страшный судъ, имѣющій рѣшить окончательную участь cadaго челоуѣка. Время кончины міра хлысты не обозначаютъ никакими опредѣленными признаками, хотя и полагаютъ, что эта кончина наступитъ скоро.

„Близко, други, страшный судъ!
 Богъ придетъ судить, какъ тать“ (3)....

обыкновенно увѣщеваетъ пророкъ своихъ послѣдователей. Изображеніе страшнаго суда носитъ своеобразный характеръ и замѣчательно многими странностями и нелѣпостями. По вѣрованію хлыстовъ, прежде всѣхъ явится „съ седьмаго неба“ (4) Иванъ Тимоѣевичъ Сусловъ. За его явленіемъ раздастся „труба божія“ самого господина Саваоа Данилы Филипповича (5). Въ это-то время и совершится преобразование: дольнія небеса, назначенныя для жилища мертвыхъ о христѣ, теперь распадутся и на мѣсто ихъ

(1) Барсовъ, Дух. ст. люд. бож. № 69, 105 стр.; № 73, 110 стр.; Чт. въ об. ист... 1873 г. 1. № 11. 76 стр.

(2) Барсовъ, Дух. ст. люд. бож. № 14, 22 стр.

(3) Тамъ же, № 83, стр. 126.

(4) Добротворскій, № 13, стр. 128.

(5) Тамъ же, № 4, стр. 110.

явится „небо ново“, а жившіе до сего времени въ дольнихъ небесахъ люди таинственно воскреснутъ и направятся отъ востокъ солнца къ западу. Земля также преобразится; она, по выраженію одной пѣсни „будетъ свѣтиться“ (1); всѣ хлысты, оставшіеся на землѣ, теперь полетятъ по воздуху на облакахъ, вслѣдъ за таинственно воскресшими (2). Первый сборный пунктъ, по представленію хлыстовъ, назначается въ Москвѣ. Когда зазвонятъ въ московскій царь-колоколь, то по этому гласу всѣ люди земнаго шара отправятся въ Петербургъ; здѣсь-то произойдетъ страшный судъ. Первоначально будутъ судить хлыстовъ; этотъ судъ будутъ производить тѣ лица, которыя были кормицами кораблей, подъ управленіемъ самого Данилы Филипповича, который называется въ одной пѣсни „пожинателемъ“ (3). Такимъ образомъ, судей будетъ столько, сколько существовало на землѣ хлыстовскихъ кораблей. Потомъ станутъ судить всѣхъ умершихъ о Адамѣ, т. е. всѣхъ тѣхъ, которые не принадлежали къ сектѣ хлыстовъ. *Тогда говорятъ хлысты, истина станетъ и въпра возможенъ...., и мзда покажется* (3 Езд. 7, 33).

Изъ этого описанія хлыстами будущаго страшнаго суда нельзя не видѣть крайней узкости и ограниченности ихъ воззрѣній. Въ самомъ дѣлѣ, по представленію хлыстовъ, мѣстомъ собранія всѣхъ людей

(1) Добротворскій, № 17, стр. 134.

(2) Монтаны представляютъ процессъ преобразования міра нѣсколько иначе. По словамъ пѣсни, въ страшный судъ «батьшка» соберетъ «40 громовъ и 40 молніевъ»; громъ онъ возьметъ въ правую руку, молнію же въ лѣвую. Пустивъ первые подъ небеса, а вторые въ тучи дождевые, онъ потрясетъ всю вселенную:

«Вся вселенная испугается, въ клубокъ свернется;
Ни одна душа не увернется;
Да не токмо душа и вселенная вся».

(Сам. Еп. Вѣд. 1870 г. № 23, ч. 4, 527—528 стр.).

(3) Добротворскій, № 20, 139 стр.

будеть Петербургъ, какъ будто, дѣйствительно, кромѣ и удобнѣе Петербурга нѣтъ другаго мѣста. Далѣе ученіе хлыстовъ о страшномъ судѣ слишкомъ человѣкообразно. Для того напр., чтобы созвать людей на судъ требуется московскій царь-колоколъ.... Эта человѣкообразность представленій будущаго страшнаго суда съ большою рельефностію выступаетъ въ другихъ хлыстовскихъ пѣсняхъ, касающихся того же предмета. Такъ, напр., въ одной хлыстовской пѣсни описывается, какъ „ангелы яства несутъ, какъ они столы разставляютъ, бѣлыя скатерти разстилаютъ“ для угощенія хлыстовъ (¹). Тоже самое нужно сказать и объ ученіи хлыстовъ о будущихъ наградахъ. Эти награды, по словамъ одной пѣсни, будутъ состоять „изъ коней богатырскихъ, ризъ нетлѣнныхъ, вѣнцовъ семигранныхъ, трубъ живогласныхъ“, которыя будетъ „дарить-жаловать людямъ божіимъ сударь-батюшка сынъ божій“ (²).... Что же касается до нехлыстовъ, то имъ, по словамъ одной пѣсни „батюшка сынъ божій воздастъ отмщеніе“ (³) и они сами надъ собою произнесутъ должный приговоръ (⁴). Иные хлысты, болѣе благосклонные къ иномыслящимъ, опредѣляютъ послѣднимъ „благую землю“, оставляя за собою небо (⁵).

2) Нравственное ученіе хлыстовъ.

Въ основѣ нравственнаго ученія хлыстовъ лежитъ общее ихъ воззрѣніе на душу человѣка, какъ на начало доброе, и на тѣло, какъ на начало злое. Одна

(¹) Сбор. правит. свѣд. о расколѣ Кельсиева. 3 вып. прил. 83 стр. 47 пѣс.

(²) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 59, 92—93 стр.

(³) Добротворскій, № 13, 128 стр.

(⁴) Тамъ же, № 17, 134 стр.

(⁵) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17, 92 стр.

хлыстовская пѣснь довольно близко знакомитъ насъ съ воззрѣніемъ хлыстовъ на природу человѣка.

Шли братъ (ангелъ) и сестра. Братъ обращается къ сестрѣ:

„О, сестра ты моя,
Голубушка бѣлая!...
Иди милая за мной,
И не думай ни о чемъ“.

Сестра на такое доброе предложеніе брата отвѣчаетъ: я рада бы идти вслѣдъ за тобой, но только вотъ моя бѣда:

„Плоть лѣнива, тяжела,
Ищетъ тлѣннаго всегда....
Когда я хочу молиться,
А она на бокъ валится,
А когда стану поститься,
Она яростію злится“....

Тогда братъ начинаетъ воодушевлять сестру и утѣшать ее, обѣщая, что онъ самъ будетъ способствовать усмиренію плоти, что онъ наведетъ на нее гоненіе и рѣшительно скажетъ ей, что участь ея—темный ровъ (могила), гдѣ ее съѣдятъ черви, а мѣсто души—небо—у небеснаго царя (¹). По словамъ другой пѣсни

„Плоти наши враны,
Дѣлають обманы;
Наводятъ на душу
Великія раны
Своими дѣлами“ (²).

Вообще, плоть у хлыстовъ носитъ много характерныхъ названій; такъ она называется „злымъ зеліемъ“ (³), „лютымъ внутреннимъ зміемъ“ (⁴), „злой и

(¹) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 99, 149—150 стр.

(²) Тамъ же, № 46, стр. 74.

(³) Тамъ же, № 102, стр. 152.

(⁴) Прав. Обзор. 1873 г. Янв. 150 стр.; Барсовъ, № 63, 98 стр.

слѣпой природой“ (1), которую нужно не жалѣя бить. Совершенно въ иномъ свѣтѣ представляется душа человѣческая. Она, по представленіямъ хлыстовъ, богоподобна; какъ „красна дѣвица“ она ликуеть среди вѣрныхъ — праведныхъ, сестеръ духовныхъ, Богомъ любимыхъ. Сыномъ Божиимъ избранныхъ, Духомъ Святымъ созванныхъ;

„Она Богомъ утѣшается,
Св. Духомъ разблажается,
Читаетъ книгу Евангелъе,
Евангелъе—толковитое“ (2).

Отсюда, актъ разлученія души человѣка съ тѣломъ есть самое пріятное и страстное желаніе хлыстовъ.

„Когда кончимъ путь сей узкій
И придемъ въ вѣчный цювой—
И когда уставомъ смерти
Покровъ сбросимъ нашей плоти;
Обнаженною душой,
Какъ пламенной стрѣлой,
Возлетитъ тотъ въ небеса,
Кто распялъ плоть за Христа“ (3)...

обыкновенно услаждаютъ себя хлысты. И это наслажденіе, которое каждый хлыстъ непременно долженъ вкусить послѣ освобожденія его души изъ темницы тѣла, хлыстамъ грезится даже какъ бы совершившимся (4).

(1) Прав. Обзор. 1873 г. Янв. 150 стр.; Барсовъ, № 63, 98 стр.

(2) Дух. стихи люд. бож. Барсава, № 49, 78 стр.

(3) Тамъ же, № 41, стр. 65.

(4) Тамъ же, № 72, 109 стр. И въ этомъ пунктѣ ученія хлыстовъ встрѣчается также противорѣчіе. Такъ, по словамъ одной пѣсни, «тѣла наши храмы божьи» (Барсовъ, № 20, стр. 33). Очевидно, что въ приведенной фразѣ высказывалось или непониманіе составителя пѣсни, или же эту фразу должно понимать въ томъ смыслѣ, что тѣло человѣка составляетъ мѣстопробываніе богоподобной души, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и самого Бога.

Такое дуалистическое воззрѣніе на природу чело-
вѣка привело хлыстовъ и къ соответствующему нрав-
ственному ученію. Это послѣднее ученіе можно фор-
мулировать такъ: плоть должна быть умерщвляема
всевозможными средствами для того, чтобы заключа-
ющаяся въ ней душа могла безпрепятственно достиг-
нуть своего назначенія. Такимъ образомъ, въ нрав-
ственномъ ученіи хлыстовъ, съ одной стороны пред-
полагается идеаль нравственнаго совершенства, какъ
нѣчто извѣстное, данное, а съ другой — предпола-
гаются опредѣленные средства для достиженія этого
идеала. Идеаломъ нравственнаго совершенства слу-
жить достиженіе челоѣкомъ на землѣ полнаго без-
страстія и святости, достиженіе такого душевнаго
состоянія, когда челоѣкъ становится достойнымъ
сосудомъ божественной благодати, когда онъ дѣлает-
ся или ангеломъ или христомъ. Но для того, чтобы
сдѣлаться достойнымъ храмомъ. Возимъ и низвести
въ себя Христа или даже всю св. Троицу, для этого
требуются постоянное горѣніе духомъ, безпрестанное
моленіе, особенно же частое шептаніе молитвы Иису-
совой, требуется умерщвленіе плоти, самоистязанія.
Иначе говоря, для скорѣйшаго и надежнѣйшаго до-
стиженія нравственнаго идеала существуетъ цѣлая
система аскетическихъ предписаній, изъ которыхъ
каждое въ отдѣльности имѣетъ долю своего значенія
для челоѣка, а взятыя въ совокупности непремѣнно
приведутъ къ предназначенной цѣли.

Какъ извѣстно, хлысты отрицаютъ догматъ па-
денія челоѣка въ собственномъ смыслѣ. По ихъ мудр-
ствованію, говоритъ священникъ Сергѣевъ, „первый
челоѣкъ согрѣшилъ не тѣмъ, что вкусилъ плодъ отъ
древа, а паденіемъ въ грѣхъ супружескаго совокуп-
ленія“⁽¹⁾. Отсюда понятно, что, по понятію хлы-
стовъ, челоѣкъ какъ до паденія, такъ и послѣ па-

(1) Хр. Чт. 1869 г. Сент. 447 стр.

денія былъ и есть одинъ и тотъ же по своимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ. Но такъ какъ человѣкъ созданъ совершеннымъ, такъ какъ онъ еще заранѣе предназначенъ содѣлаться ангеломъ или христомъ и для достиженія этой послѣдней цѣли онъ обладаетъ совершеннѣйшими внутренними силами, то, очевидно, что достиженіе или недостиженіе идеала совершенства зависитъ единственно отъ воли человѣка. На этомъ-то ложномъ ученіи основано другое ученіе хлыстовъ столь же ложное и еще болѣе вредное для нравственности,—ученіе о таинственной смерти и таинственномъ воскресеніи.

Существуютъ двѣ смерти, говоритъ хлыстовскій пророкъ Радаевъ, смерть о Адамѣ и смерть о Христѣ. Первая есть слѣдствіе божественнаго опредѣленія человѣку: *земля еси и въ землю отъидеши*; отъ этой смерти ни одинъ человѣкъ не избавленъ. Послѣдняя, смерть о Христѣ—таинственная; потому что она состоитъ не въ разрушеніи тѣлеснаго состава человѣка, какъ вещества видимаго и осязаемаго, а въ разрушеніи, уничтоженіи и умерщвленіи другаго зла—невидимаго и неосязаемаго, живущаго внутри человѣка,—зла нравственнаго, себялюбія и гордости. Тотъ, кто уничтожилъ въ себѣ эти демонскія страсти, кто отрѣшилъ свою мысль отъ всего видимаго и осязаемаго, кто сосредоточилъ все вниманіе свое внутри себя, тотъ таинственно умеръ, тотъ болѣе уже не существуетъ въ этомъ грѣховномъ и пагубномъ мірѣ. Углубившись въ самого себя, человѣкъ рано или поздно найдетъ внутри себя царствіе Божіе. Какъ скоро человѣкъ услышитъ этотъ голосъ евангелія, какъ скоро онъ почувствуетъ присутствіе въ себѣ Св. Духа, тогда онъ духовно прозрѣваетъ; предъ его умственнымъ взоромъ открывается новый, невѣдомый до сего времени, міръ, гдѣ царствуетъ только одна добродѣтель, гдѣ нѣтъ мѣста ни зависти, ни гордости и т. п.; тогда человѣкъ таинственнѣо воскресаетъ, преобразуется въ новаго человѣка съ новыми силами,

стремленіями и желаніями, словомъ, съ новою не-человѣческою природою. Человѣкъ, достигшій таинственнаго воскресенія, по своимъ свойствамъ и дѣйствіямъ мало или даже вовсе не отличается отъ Бога. Онъ обладаетъ такими же божественными атрибутами, какими обладаетъ само божество. Таинственно воскресшій по своему уму всевѣдущъ; онъ знаетъ самыя тайныя помышленія людей. Радаевъ, въ подтвержденіе этой истины приводилъ фактъ изъ своей жизни,—какъ онъ однажды, вышедши изъ церкви, увидѣлъ внутренними очами сидящихъ за ужиномъ и дѣвицу впереди; „что видѣлъ внутри себя, говорилъ онъ, то было и на самомъ дѣлѣ“ (¹). Всевѣденіе пророка не ограничивается только видимыми, подлежащими чувствамъ человѣка, предметами; нѣтъ, онъ простирается и на небо, на предметы чисто духовныя, лежащія внѣ предѣловъ человѣческаго знанія. „Зрю, говорилъ одинъ изъ чистопольскихъ пророковъ, духовными глазами Бога, не въ гаданіи, но въ самомъ откровеніи“ (²). Воля таинственно воскресшихъ чиста и свята, она дѣлаетъ только одно добро и не причастна злу. Для таинственно воскресшихъ, какъ совершенно святыхъ и непорочныхъ, не существуетъ покаянія; для нихъ не необходима и самая молитва покаянная. Радаевъ говорилъ о себѣ, что какая-то непонятная внутренняя сила удерживала его произносить конечныя слова молитвы Иисусовой: „помилуй мя грѣшнаго“ (³). Надъ таинственно воскресшимъ нѣтъ и суда не только человѣческаго, но и божественнаго. По словамъ Радаева, Богъ Отецъ уже ничего не хочетъ взыскать на немъ, да и „не можетъ“ (⁴). Сила и всемогущество таинственно воскресшихъ равны силѣ и могуществу самого Бога, даже въ иныхъ

(¹) Добротворскій, стр. 89.

(²) Тамъ же, стр. 88. 4 прии.

(³) Тамъ же, 86—87 стр.

(⁴) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 341 стр.

случаяхъ превосходятъ (¹). Тайнственно воскресшій творитъ чудеса; исцѣляетъ больныхъ, какъ это будто бы сдѣлалъ одинъ изъ арзамасскихъ пророковъ; воскрешаетъ мертвыхъ, какъ объ этомъ говорилъ Радаевъ, хотя и не сдѣлалъ. Всемогущество и власть тайнственно воскресшихъ обнаруживается, во первыхъ, въ томъ, что они по своему усмотрѣнiю могутъ раздавать людямъ божественные дары: одному даютъ золотыя вѣнцы, другаго вселяютъ въ небесный горнiй Иерусалимъ, третьяго дѣлаютъ серафимомъ и даютъ ему шесть огненныхъ крыль. Тайнственно воскресшій можетъ даровать даже то, чего не обѣщала самъ Богъ (²). Далѣе, во-вторыхъ, божественная власть тайнственно воскресшихъ обнаруживается еще въ томъ, что они, также по своему усмотрѣнiю, имѣютъ силу соединять души людей со Христомъ; они могутъ вывести душу челоуѣка изъ ада въ рай и когда наступитъ страшный судъ, они сядутъ около Христа и будутъ участвовать въ судопроизводствѣ (³). Наконецъ, какъ равный по силѣ и могуществу самому Богу, тайнственно воскресшій есть владыка и царь надъ всѣми живущими на землѣ людьми и надъ земными царями. „Всѣ правители и цари земные—рабы мои“ (⁴), говорилъ о себѣ Радаевъ. Одаренные божественными свойствами—всевѣденiемъ, святостiю, совершеннѣйшею свободою и всемогуществомъ,—тайнственно воскресшiе, очевидно, ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждаются; жизнь ихъ полна блаженства, подобнаго которому нѣтъ ни на небѣ, ни на землѣ. Они, какъ вмѣстившiе въ себя Бога, наслаждаются тѣмъ блаженствомъ, которымъ наслаждается само божество. Ни время, ни мѣсто не могутъ не только

(¹) Добротворскiй, 92 стр.

(²) Тамъ же, 91 стр.

(³) Тамъ же, 91—92 стр.

(⁴) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 340 стр.

уничтожить, но даже ослабить силу ихъ блаженства. „Если бы, говорилъ Радаевъ о себѣ, послали меня въ адъ, и тамъ никакая сила не можетъ коснуться меня,—хотя бы и въ рай, и тамъ больше радости не встрѣчу“ (1).

Каждый истинный хлысть, по ученію сектантовъ, долженъ достигать такого блаженнаго состоянія таинственно воскресшихъ; вся жизнь и дѣятельность его непремѣнно должны быть устремлены къ этому идеалу нравственнаго совершенства. Средства или способы достиженія таинственнаго воскресенія многоразличны. Такъ какъ періодъ, предшествующій явленію таинственнаго воскресенія есть состояніе полного безстрастія и святости и такъ какъ первое (безстрастіе), очевидно, зависитъ отъ такого или иного состоянія тѣла, а послѣдняя (святость) отъ такого или иного состоянія духа, то и самые способы достиженія таинственнаго воскресенія подраздѣляются на двѣ главныя категоріи. Первая категорія заключаетъ въ себѣ мѣры, направленныя къ подавленію и уничтоженію всѣхъ естественныхъ, вытекающихъ изъ самаго устройства организма, потребностей; послѣдняя заключаетъ мѣры противодѣйствія грѣховнымъ стремленіямъ души и, главнымъ образомъ, мѣры, направленныя къ подавленію всякихъ обнаруженій воли, къ совершенному уничтоженію ея бытія въ человѣкѣ.

Первое зло, противъ котораго нужно вести борьбу каждому истинному послѣдователю секты людей божіихъ, есть плоть человѣческая, какъ начало и источникъ всякаго зла и нечестія. И священное Писаніе, говорятъ хлысты, внушаетъ всѣмъ людямъ тоже самое. Тамъ говорится: *да упряднится тѣло грѣховное* (Римл. 6, 6); *аще ли духомъ дѣянія плотскія умерщвляете, живи будете* (Римл. 8, 13), т. е. поясняютъ хлысты, таинственно воскреснете. Что же слѣ-

(1) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 338 стр.

дуетъ предпринимать противъ грѣховнаго тѣла? Воздержаніе, трудъ и постъ, отвѣчаютъ хлысты, берегаютъ душу въ тѣлѣ, умерщвляютъ плоть и освобождаютъ человѣка отъ злой природы, убиваютъ змія внутренняго. Всего же болѣе содѣйствуютъ умерщвленію плоти радѣнія и самоистязанія. Первое условіе каждаго вновь обращающагося въ ихъ секту есть обѣщаніе воздерживаться отъ супружескаго сожитія. Поэтому, каждый, вступающій въ ихъ секту, если женатъ, долженъ прекратить супружескія отношенія. Гласнаго расторженія брака при этомъ не бываетъ; супруги должны жить въ братскомъ согласіи или, по выраженію хлыстовъ, „въ духовномъ супружествѣ“, но не болѣе. Объ этомъ супружескомъ воздержаніи каждаго хлыста говорилъ еще лже-саваоѣъ Данило Филипповичъ, который это правило внесъ даже въ законодательный кодексъ. Шестая заповѣдь, данная имъ гласить: „не женитесь, а кто женатъ, живи съ женой, какъ съ сестрой. Не женимые не женитесь, женимые разженитесь“. Дѣйствительно, всѣ хлысты свято исполняютъ эту заповѣдь, конечно, съ одной только формальной стороны. Вступая въ незаконныя связи съ женщинами, хлысты тѣмъ не менѣе съ крайнимъ презрѣніемъ смотрятъ на всѣхъ, вступающихъ въ законный бракъ. По свидѣтельству Андреянова, хлысты такъ напр. отзываются о вступившемъ въ бракъ: „такой-то удавился или окрутился; младенцевъ называютъ грѣшками и пр.“⁽¹⁾. По словамъ „богини“ Авдотьи, „супружеское житье—предъ людьми мерзость, предъ Богомъ дерзость“ и поэтому „живая книга не отмѣняетъ супружеское житье“, а „поносить, проклятію, треклятію, четвероклятію предаетъ“⁽²⁾. У хлыстовъ существуютъ цѣлыя повѣсти, изображающія всѣ вредныя послѣдствія сожитія съ

(1) Хр. Чт. 1869 г. Сентябрь, 444 стр.

(2) Заря. 1869 г. № 10. 1 отд. 5 стр.

женщинами. Вотъ напр. любопытная повѣсть о женѣ, потаившей грѣхъ стыда ради. Повѣсть эта, между прочимъ, знакомить насъ и съ хлыстовской метапсихозой. Въ хранилѣ съ открытою дверью нарисована дѣвица; предъ нею свинья „одраная, шерсти не имущая и огонь и смрадъ изъ себя испускающая“. По сказанію повѣсти, дѣвица страшно испугалась этой свиньи, побѣжала къ окну и хотѣла выскочить, но вдругъ слышитъ за собою гласъ человѣкъ: „стой, стой, душа моя, не ужасайся“. Оказалось, что эта свинья была не кто другая, какъ ея мать: „азъ преокаянная мати твоя, проклятая отъ Бога, признавалась она, гнусные грѣхи творила я съ отцомъ твоимъ“ (1). Такой презрительный взглядъ на супружескій союзъ образовался у хлыстовъ подъ вліяніемъ извѣстнаго уже намъ ихъ взгляда на грѣхъ перваго человѣка. — Далѣе, средствомъ умерщвленія плоти служитъ постъ. Нужно замѣтить, что хлыстовскіе корабли не согласны между собою относительно употребленія пищи, такъ что одинъ корабль запрещаетъ ту пищу, которую позволяютъ ѣсть въ другомъ. Въ большинствѣ кораблей воспрещены: мясо, вино и потребление табаку. Запрещеніе ѣсть мясо имѣетъ свое основаніе въ ученіи хлыстовъ о переселеніи душъ людей послѣ смерти тѣла въ различныхъ животныхъ, соответствующихъ наклонностямъ человѣка. Изъ опасенія, чтобы вмѣстѣ съ мясомъ не заразиться нечестіемъ злой души, заключенной въ извѣстномъ животномъ, хлысты и воздерживаются отъ употребленія всякой вообще мясной пищи (2). Употребленіе вина запрещается на

(1) Прав. Обзор. 1873 г. Январь. 326 стр.

(2) Вѣроятно, вслѣдствіе этой причины, а быть можетъ и потому, что употребленіе мясной пищи физически вредно, скопцы также строго воздерживаются отъ употребленія мясной пищи. Если хлыстовская богородица Авдотья говорила, что «проклята всяка плоть», то лжеискупитель скопцовъ прямо высказалъ, что онъ не беретъ отвѣчать за грѣхъ мясояденія: «дѣтушки! мяса не ѣшьте. Я, отецъ, за всѣ грѣхи берусь»

основаніи словъ ап. Павла: *не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ* (Еф. 5, 18). Поэтому, еще лже-саваоѣ Данило Филипповичъ пятою заповѣдію запретилъ всякій хмѣльный напитокъ. Наконецъ, самымъ вѣрнымъ и самымъ радикальнымъ средствомъ умерщвленія плоти служатъ радѣнія и самоистязанія. Извѣстно, что многія новыя и древнія секты, какъ то: евхиты, бичующіеся и пляшущіе и наконецъ квакеры къ числу богоугодныхъ дѣлъ относили, между прочимъ, и пляски при своихъ богослуженіяхъ. Подобно этимъ сектамъ и въ хлыстовщинѣ бѣганье и верченье составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ ихъ радѣній. И какъ у древнихъ сектантовъ самоистязанія имѣли значеніе прежде всего аскетическое, дѣлались съ цѣлію изнуренія плоти, такъ и у нашихъ сектантовъ радѣнія, соединенныя съ разнообразными самоистязаніями, имѣютъ тоже первоначальное значеніе. Во время верченья и круженья хлысты обыкновенно приговариваютъ:

„Богу порадыте,
Плотей не жалыте,
Марѣу (¹) не щадите
Богу послужите“ (²).

Затѣмъ уже эти богослужебныя дѣйствія хлыстовъ имѣютъ значеніе духовнаго веселія и ликованія.

Когда естественныя потребности организма будутъ совершенно подавлены, когда они перестанутъ заявлять о своемъ существованіи, тогда духъ чловѣка, какъ бы высвобожденный изъ темницы, беспрепятственно можетъ углубиться въ самого себя и заняться собственнымъ самопреобразованиемъ. Безъ по-

отвѣчать, а за этотъ грѣхъ не берусь отвѣчать. (Чтен. въ общ. ист. 1872 г. 3. 305—306 стр.).

(¹) По понятію хлыстовъ, евангельская Марѣа есть аллегорическое имя плоти, подобно тому, какъ подъ Маріей, ея сестрой, нужно разумѣть душу.

(²) Прав. Соб. 1858 г. 2 ч. 380 стр.

слѣдняго, все, что ни дѣлаетъ человѣкъ, не имѣетъ цѣны и человѣкъ никогда не достигнетъ блаженнаго состоянія таинственно воскресшихъ. „Въ наружности и въ наружныхъ дѣлахъ совершится, т. е. безстрастія достигнута и святости невозможно“ (1), говоритъ хлыстовскій пророкъ Радаевъ. Только духъ человѣка путемъ самоусовершенствованія можетъ достигнуть этого блаженства. Въ ряду добродѣтелей, которыя долженъ воспитать въ себѣ каждый стремящійся стать таинственно воскресшимъ, первое и самое видное мѣсто занимаютъ двѣ: вниманіе къ себѣ, соединенное съ молитвою Иисусовою и самоотверженіе. По словамъ Радаева, частое произношеніе молитвы Иисусовой сопровождается видимыми осязательными чудесами: тутъ и любовь къ Богу и людямъ великая, и вѣра, и надежда, и самоотверженіе; словомъ, всѣ добродѣтели, которыя въ свою очередь производятъ внутреннее общеніе, единеніе и связь души съ Христомъ. Въ силу такой великой важности и значенія молитвы Иисусовой Радаевъ называетъ ее „Ильиной колесницей“, „Вогомъ всѣхъ добродѣтелей и дарованій благодатныхъ“, „дарицей добра“ (2) и проч. Второе необходимое условіе для очищенія духа есть полное самоотверженіе. По смыслу ученія Радаева, крайнее самоотверженіе каждаго человѣка должно состоять не въ одномъ только отреченіи отъ всего грѣховнаго и эгоистическаго; нѣтъ, самоотверженіе Радаева простирается на всѣ естественныя законныя дарованія и даже на все, даруемое человѣку свыше самимъ Богомъ. По его ученію, каждый человѣкъ долженъ отречься не только отъ богатства, славы и всего земнаго, но и отъ своего разума, памяти, всѣхъ вообще способностей и даже „обнаружиться должно отъ всего благодатнаго“ (3). Въ одной хлыстовской пѣсни

(1) Добротворскій, 68 стр.

(2) Тамъ же, 70—71 стр.

(3) Тамъ же, 72 стр.

необходимость безусловнаго отреченія отъ своей воли изображается подъ образомъ продажи товара съ одной стороны и покупки его съ другой. Подъ товаромъ разумѣется ученіе хлыстовъ или самая ихъ секта. Продающій этотъ товаръ проситъ очень дорого, не дѣлая никакой уступки. „Хотя вовсе не берите, уступки не будетъ“, говоритъ онъ. Въ концѣ пѣсни выясняется, что требуется для приобрѣтенія товара. Именно, желающій приобрѣсти драгоцѣнный товаръ, т. е. вступить въ общество хлыстовъ, долженъ совершенно отречься отъ своей воли и предаться безусловному водительство хлыстовскихъ пророковъ ⁽¹⁾.

Тотъ, кто исполнилъ всѣ нравственныя требованія, можетъ надѣяться, что онъ рано или поздно, но непременно удостоится блаженства таинственно воскресшихъ. Самъ Радаевъ, такъ подробно и всесторонне разившій теорію о таинственномъ умираніи и воскресеніи, выясняетъ на самомъ себѣ и самый процессъ духовнаго перерожденія. „Сначала я сомнѣвался, рассказываетъ пророкъ, не ошибочно ли я думаю, что во мнѣ Духъ Божій; полно, не вражій ли; но когда въ сердцѣ моемъ сказалъ Духъ: „молись Божіей Матери“ и я исполнилъ, молившись цѣлую недѣлю, то Духъ Святой сталъ мною „водить“ и когда случилось, что противился я Духу, за это страдалъ недѣль по шести.... Я сталъ жить въ кельи, въ лѣсу, на пчельникѣ, куда перетаскалъ и книги свои, вдругъ меня сильно двинуло и стало захватывать дыханіе, и сталъ я умирать таинственно. Послѣ того ходилъ я исповѣдываться къ священнику, но Духъ къ причастию меня не допустилъ. Я едѣлся боленъ, а потомъ чрезъ недѣлю почувствовалъ въ себѣ Духа Божія говорящаго: „вставай, иди причащаться“. Я всталъ и былъ здоровъ, но воли своей во мнѣ уже не было. Я причастился и ободрился и начало меня „гонять“

(1) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 97. 147—148 стр.

и „водитъ“ Духомъ Божиимъ. Съ тѣхъ поръ своей воли не имѣю, во всемъ во мнѣ дѣйствуетъ Св. Духъ“ (¹).

Нѣтъ, конечно, сомнѣнiя въ томъ, что тѣ средства, какiя практикуютъ хлысты для достиженiя мнимаго таинственнаго воскресенiя, взяты изъ евангелiя и какъ откровенныя—святы и спасительны; но съ другой стороны, нельзя также сомнѣваться въ томъ, что эти спасительныя средства въ ученiи и практикѣ хлыстовъ являются вредными и богопротивными. Непрестанная молитва, заповѣданная апостоламъ словами: „непрестанно молитесь“ (1 Солуп. 5, 7), смиренiе и самоотверженiе, заповѣданныя Господомъ и Имъ Самимъ исполненныя на Себѣ, при благоразумномъ употребленiи могутъ, дѣйствительно, приблизить человѣка къ Богу. Но послѣднее возможно только въ томъ случаѣ, когда каждый, исполняя нравственныя предписанiя, будетъ руководствоваться при этомъ исполненiи внушенiями слова Божiя и церкви; иначе же, самыя добрыя намѣренiя и средства прерратятся во вредъ. Между тѣмъ, хлысты, отвергнувъ наставленiя вѣры и церкви и предавшись ничѣмъ не сдерживаемому порыву чувства и воображенiя, дѣйствительно, въ силу, такъ сказать, естественной необходимости, изъ того, что само по себѣ спасительно, извлекаютъ зло и вредъ. Такъ напр., кто заповѣдалъ, чтобы человѣкъ отрекался отъ всѣхъ природныхъ способностей и сверхъестественныхъ дарованiй? Гдѣ

(¹) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 348—349 стр. Этотъ разсказъ Радаева о своемъ духовномъ преобразованiи возбуждаетъ, какъ очевидно, нѣкоторыя возраженiя. Въ самомъ дѣлѣ, изъ разсказа видно, что Радаевъ возноситъ молитву Божiей Матери, исповѣдуются и приобщается св. таинъ, тогда какъ ни того, ни другаго, ни третьяго, хлыстовская догматика не признаетъ. Примирить такую несообразность разсказа Радаева съ ученiемъ хлыстовъ возможно однимъ путемъ. Именно, или весь разсказъ этотъ есть выдумка, разсчитанная на легковѣрие массы, или же необходимо предположить, что самъ Радаевъ увлекшись хлыстовщиной, невольно уважалъ нѣкоторыя требованiя и истины православiя.

сказано, чтобы человек отрекся от своего ума, памяти, возвышенных стремлений и проч.? Кто из пророков или других святых мужей сам ли отрекался от благодатных даров или наставлял этому других? Между тем, всё эти крайности входят в нравственную систему Радаева, как существенно необходимы. Да и что такое будет человек без сознания, без желаний, без всёх вообще тѣхъ качествъ, которыя отличаютъ его отъ другихъ существъ? Очевидно, это нѣчто безличное, *idée fixe*, это то самое „ничто“, до котораго старались доходить послѣдователи браминской теософіи путемъ погруженія въ нирвану. Но если евангельскія добродѣтели въ ученіи хлыстовъ такъ обезображены и представляются для посторонняго наблюдателя столь дикими и нелѣпыми въ своихъ крайнихъ выводахъ, то еще безумнѣе ученіе ихъ о той цѣли, къ которой, по ихъ мнѣнію, приводитъ исполненіе евангельскихъ предписаній. Въ самомъ дѣлѣ, не есть ли плодъ болѣзненной фантазіи ученіе хлыстовъ о возможности сдѣлаться Богомъ? Здравый смыслъ, конечно, никогда не допустить той нелѣпой мысли, что будто человекъ, при помощи непрестанной молитвы, самоотверженія и самоистязанія, получаетъ вмѣсто человѣческихъ свойствъ свойства божественныя, вмѣсто человѣческой воли волю божественную. Только самообольщенный и изступленный фанатикъ можетъ дойти до такой высочайшей духовной гордости, до такого грубаго самобоготворенія. Слово Божіе положительно утверждаетъ, что до тѣхъ поръ, пока человекъ находится на землѣ, невозможно ему достигнуть безусловной святости (Іак. III, 2; 1 Іоан. I, 8). Невозможно и личное единеніе съ Богомъ, при которомъ дѣйствіями человека распоряжался бы не самъ человекъ, а Богъ вмѣсто него: человекъ всегда сохраняетъ свою волю (Іак. II, 12) и всегда остается человекомъ. Исторія пророческаго служенія какъ нельзя лучше доказываетъ эту откровенную истину. Пророки Божіи, будучи

озаряемы божественною благодатию, будучи органами дѣйствій Св. Духа, въ то же время всегда оставались людьми со всѣми человѣческими свойствами.

Идя въ разрѣзъ съ требованіями здраваго смысла и внушеніями святой вѣры, ученіе хлыстовъ о таинственномъ воскресеніи въ высшей степени пагубно для самой нравственности. Убѣжденные, что не самъ человѣкъ дѣйствуетъ, а живущій въ немъ Духъ Святый, хлысты подъ этимъ священнымъ знаменемъ производятъ самые безнравственные поступки. Въ доказательство этого мы укажемъ на два явленія въ жизни таинственно воскресшихъ: на незаконное сожитіе съ женщинами во всевозможныхъ видахъ и на ихъ кощунство надъ священнѣйшими и дорогими каждому христіанину лицами и предметами. Самъ Радаевъ, первый представитель нелѣпой теоріи о таинственномъ воскресеніи, какъ нельзя болѣе оправдываетъ на себѣ нашу мысль. Онъ, по его собственному сознанию на судебномъ слѣдствіи, имѣлъ связи съ тринадцатью женщинами. Трудно, конечно, представить, чтобы человѣкъ, умертвившій въ себѣ плоть и достигшій высшей степени нравственнаго совершенства, могъ низойти до такого скотскаго невоздержанія. Но отсюда-то и можно видѣть, насколько таинственно воскресшіе достигаютъ дѣйствительно нравственнаго совершенства? Этого мало; развратъ, хотя и самъ по себѣ заслуживаетъ полного порицанія и законнаго наказанія, но онъ все же составляетъ явленіе человѣческое и какъ такое можетъ имѣть свои причины, можетъ, далѣе, быть уничтоженъ путемъ чистосердечнаго раскаянія и, такимъ образомъ, человѣкъ покаявшійся можетъ ожидать себѣ помилованія. Но развратъ, существующій у хлыстовъ, не такого характера. „Все, говорятъ хлысты, что ни дѣлаетъ человѣкъ, не онъ дѣлаетъ, а живущій въ немъ Духъ Божій, слѣд., и развратъ cadaго пророка не его дѣло, а дѣло Духа Божія“.... Такъ дѣйствительно и смотрѣлъ самъ Радаевъ на свой грѣхъ

съ тридцатью женщинами (1). Такимъ образомъ, даже то, что по общечеловѣческому признанію гнусно и грѣховно, даже это, по ученію хлыстовъ, происходитъ не отъ чловѣка, а отъ живущаго въ немъ Духа Святаго; Богъ есть виновникъ нечестія и зла. Ученіе хлыстовъ о невмѣняемости пророку всевозможныхъ преступленій, имъ совершаемыхъ, не находитъ себѣ родоотвеннаго ни въ одной изъ существовавшихъ доселѣ религій. Оправдывая преступныя дѣйствія одного лица, хлысты переносятъ это оправданіе и на все общество. Мы разумѣемъ „свальный грѣхъ“, совершаемый ими во время радъній и извѣстный подъ именемъ „Христовой любви“. Здѣсь уже не одинъ пророкъ предается гнусному разврату, а все общество. „Въ порывахъ грубой чувственности, говоритъ Барсовъ, пробуждающихся съ особенною силою въ дѣйствіе бѣганья и прыганья одновременно съ порывами мистическаго экстаза, хлысть, лишенный руководства св. церкви, не въ состояніи усмотрѣть инъ законъ, противобующъ закону ума; онъ отождествляетъ одно съ другимъ, порывъ грубаго инстинкта съ мистическимъ экстазомъ, и тотъ и другой возводятъ къ общему источнику; для него нѣтъ тутъ насилія совѣсти“ (2). Далѣе, весьма часто случалось, что предсказанія пророка не оправдывались на дѣлѣ. И что же? Пророкъ, вмѣсто того, чтобы сознаться въ своемъ обманѣ, оправдываетъ свою ложь, ссылаясь на то, что и другіе, угодившіе Богу, также иногда обманывали. Таковъ былъ Радаевъ, который въ оправданіе своей безчестной лжи ссылался на обманъ, будто бы совершенный апостоломъ Петромъ (3).

(1) Русск. Вѣстн. 1869 г. № 3. 338 стр.

(2) Хр. Чт. 1869 г. Сентябрь, 472 стр.

(3) Добротворскій, 85 стр.

3) Быть хлыстовъ.

До сего времени мы разсматривали общество хлыстовъ съ теоретической его стороны, т. е. излагали ученіе хлыстовъ и взгляды ихъ на разные предметы. Теперь, конечно, намъ интересно взглянуть на это общество съ бытовой его стороны, посмотрѣть, что такое это общество въ своей дѣйствительной жизни, каково его устройство, какова жизнь въ этомъ обществѣ, въ какія отношенія ставятъ себя сектанты къ господствующему православному обществу и опредѣлить значеніе этого общества для господствующей церкви, общества и правительства.

Общество хлыстовъ, безъ сомнѣнія, не имѣетъ характера какого либо союза политическаго или гражданскаго. Устройство этого общества, равно какъ отношенія членовъ его между собою и къ иномыслящимъ, наконецъ, интересы его носятъ на себѣ характеръ религіозно-нравственный и всецѣло проникнуты послѣднимъ. Поэтому, и разсматривать общество хлыстовъ слѣдуетъ какъ религіозную общину. Связанные одними интересами вѣры и нравственности, хлысты образуютъ изъ себя общее братство. Братство это имѣетъ множество мистическихъ символовъ, подъ которыми обыкновенно хлысты изображаютъ его. То оно изображается подъ символомъ роскошнаго сада — „зеленаго, большаго, царскаго“, — который насадилъ „самъ батюшка“ и избралъ для него „кипарисовыя древа“ (1); то подъ символомъ „большаго дерева“, въ вѣтвяхъ котораго скрываются они — „божьи птички“ (2); то подъ символомъ „дѣвственной дѣвы“ которая „краснѣе солнца, виднѣе свѣта и бѣлѣе снѣга“; она нерѣдко „плачетъ и рыдаетъ, ожидая гостя доро-

(1) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 47, 75 стр.; Добротворскій, 30, 152 стр.

(2) Барсовъ, № 6, 8 стр. № 44, 74 стр.; Добротворскій, 69, 189 стр.

гаго, батюшку роднаго“ (¹); то подъ символомъ „духовнаго царства“, въ которомъ „благодать великая“, ибо въ немъ присутствуетъ вся св. Троица; въ этомъ царствѣ живутъ люди „праведные“, живутъ они и „не увываютъ, но всегда на Господа надежду полагаютъ и на Св. Духа уповаютъ“ (²). Этотъ обширный садъ или громаднѣйшее колоссальное дерево, пустившее свои вѣтви далеко во все уголки русской земли раздѣляется на множество отдѣльныхъ общинъ или „кораблей“. Юридическое устройство этихъ кораблей одинаково и все они отличаются между собою только большимъ или меньшимъ числомъ членовъ; въ одномъ кораблѣ, напр., десять человекъ, въ другомъ двадцать, въ третьемъ до пятидесяти и т. д. Каждый корабль, какъ бы онъ ни былъ малъ, совершенно самостоятеленъ и ни въ чемъ независимъ отъ другаго и переходъ изъ одного корабля въ другой строго воспрещается правилами (³). Каждый корабль имѣетъ своихъ особыхъ правителей или, по терминологіи хлыстовъ, „кормщиковъ“ (⁴). Этими послѣдними могутъ быть какъ мужчины, такъ и женщины (⁵). Являясь по преимуществу блюстителемъ вѣры и нравственности членовъ своего корабля, каждый кормщикъ въ тоже время есть въ нѣкоторомъ смыслѣ хозяинъ въ вѣрной ему общинѣ: онъ хранитъ у себя общій капиталъ, составляемый обыкновенно хлыстами для удовлетворенія тѣхъ или другихъ потребностей, общихъ всемъ членамъ известнаго корабля (⁶). Все прочіе члены корабля, по ученію хлыстовъ, равно-

(¹) Барсовъ, № 43, 70 стр.; Добротворскій, 59, 178 стр.

(²) Барсовъ, № 12, 19 стр.; Добротворскій, 57, 176 стр.

(³) Чт. въ общ. ист. 1874 г. 3 № 68 стр.

(⁴) Барсовъ, № 28, 76 стр.; Добротворскій, № 9, 123 стр. № 56, 175 стр.; Чт. въ об. ист. 1874 г. 3 № 68 стр.

(⁵) Чт. въ об. ист. 1874 г. 3 № 68 стр.

(⁶) Тул. Епар. Вѣд. 1867 г. № 7. 242—243 стр.

правны, такъ что „если бы въ наше общество, т. е. въ общество хлыстовъ поступилъ архіерей или сенаторъ, говорилъ одинъ хлыстъ, таковой сталъ бы равнымъ духовнымъ братомъ каждому члену нашего божества“⁽¹⁾. Каждый членъ корабля не только нравственно, но даже, такъ сказать, формально, въ силу юридическихъ предписаній обязанъ помогать своему собрату по вѣрѣ. Таковъ именно смыслъ, такъ называемой у хлыстовъ, „божьей округи“, цѣль которой, очевидно, состоитъ въ возможно правильномъ и своевременномъ оказаніи матеріальной и, конечно, нравственной помощи нуждающимся⁽²⁾. Съ этою же цѣлю у хлыстовъ существуетъ особый обрядъ собиранія милостыни. Обрядъ этотъ довольно оригиналенъ и мы опишемъ его со словъ обратившагося къ православію хлыста. Начальникъ общества заранѣе объявляетъ прочимъ членамъ корабля, что въ такой-то день будетъ раздаваться милостыня. Члены, поэтому, предварительно запасшись деньгами, приходятъ въ моленную въ назначенный день. Помолвившись, они подаютъ затѣмъ принесенную сумму своему начальнику въ размѣрѣ отъ 10 к. и до рубля, по желанію; цѣлуютъ у него руку и просятъ о молитвахъ. Собранныя деньги начальникъ убираетъ, а вмѣсто нихъ ставитъ на столъ ранѣе приготовленную чашку, въ которой положена извѣстная сумма денегъ. Далѣе, начальникъ, перекинувъ чрезъ плечо полотенце, беретъ чашку съ деньгами и восковую свѣчу, поддерживая послѣднюю полотнцемъ; всѣ прочіе въ это время поютъ довольно скоро молитву Іисусову (Дай намъ Господи....) о здравіи подавшихъ милостыню. Слѣдуетъ потомъ раздача денегъ нуждающимся; получившіе прикладываются къ свѣчѣ и рукѣ начальника и кланяются послѣднему до земли. Окончивши

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 9, 342 стр.

(2) Дух. ствхъ люд. бож. № 6, 9 стр.

эту первую раздачу, начальник обращается въ передній уголь и всё въ это время поютъ туже молитву Иисусову только уже протяжнымъ и печальнымъ напѣвомъ о упокоеніи усопшихъ душъ. Слѣдуетъ новая раздача милостыни. Въ томъ и другомъ случаѣ деньги, полученныя отъ начальника могутъ быть обратно отданы ему подъ тѣмъ предлогомъ, что „молиться за милостыню не въ силахъ“ (1). — Такимъ образомъ, устройство хлыстовскаго корабля имѣетъ даже нѣкоторый соціальный характеръ.

Отношенія хлыстовъ между собою носятъ характеръ дружбы и даже любви. Сергѣевъ, говоря о нѣкоторыхъ добрыхъ качествахъ хлыстовъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „они (хлысты) между собою очень дружелюбны; хотя и бываютъ между ними ссоры, но небольшія и скоро забываются“ (2). Въ пѣсняхъ хлыстовъ весьма часто слышатся призывы къ любви, къ единенію.

„Будемъ вмѣстѣ жити,
 Другъ друга любить,
 Себя забывати,
 Христа взирати“ (3)... поется въ одной пѣснѣ.
 „Другъ здѣсь друга всякъ люби,
 Кто заспоритъ уступи“ (4), поется въ другой.

Вотъ между прочимъ, замѣчательное, по поэтической силѣ и чувствамъ описаніе свойствъ и плодовъ любви:

„О, любовь, любовь,
 Ты сладчайшая
 Твоя силушка величайшая!
 Ты виновница
 Всѣхъ спасаемыхъ....
 О, любовь, любовь,
 Любовь чистая....“

(1) Тульск. Еп. Вѣд. 729 стр.

(2) Христ. Чт. 1869 г. № 9. 479 стр.

(3) Дух. ст. люд. бож., № 18. 29 стр.

(4) Тамъ же. № 87, 132 стр.

Умножаешься, оти
 Разливаешься,
 Чтобъ всѣхъ плѣнсть,
 Въ себѣ помѣстити.....
 Ты течешь, любовь,
 Въ сердце Божье,
 Вопиешь, любовь:
 Слушай всѣ меня:
 Я одна чиста,
 Дочь небесная!
 Красотой моею полны небеса,
 Всѣ мною живутъ,
 Всѣ міры міровъ;
 Разливаюсь я
 Вода Божія,
 Наполняю я
 Души праздна“ (1).

Далѣе, во многихъ пѣсняхъ люди божіи призываются къ смиренію, тишинѣ и миру (2), къ воздержанію отъ лести и отъ нанесенія другъ другу обидъ (3) и проч. Въ ознаменованіе соединяющаго хлыстовъ душевнаго братства, они зовутъ себя не иначе, какъ ласковыми уменьшительными именами: Романушка, Ульянушка, Иванушка и проч. При встрѣчѣ другъ съ другомъ они всегда выказываютъ почтеніе и уваженіе, выражающееся въ низкихъ поклонахъ. Замѣчательно, между прочимъ, слѣдующее явленіе, подмѣченное священникомъ Сергѣевымъ. Когда кто либо изъ хлыстовъ приходитъ въ домъ своего единовѣрца, то, раскланявшись (по мѣстному обычаю), онъ спрашиваетъ: „чистъ ли полъ?“ Это значитъ: всѣ ли въ этомъ домѣ ихъ согласія и нѣтъ ли иновѣрцевъ? Когда хозяинъ скажетъ, что „полъ чистъ“, т. е. всѣ одной вѣры, тогда они поклонятся одинъ другому по сво-

(1) Дух. ст. люд. бож., № 19, 29—31 стр.

(2) Тамъ же. № 72, 110 стр.; № 85, 130 стр.; № 87, 133 стр.

(3) Тамъ же. № 34, 54 стр.; Добротворскій, № 68, 187 стр.

ему; если же скажетъ, что „поль нечистъ“, тогда они только поздравляютъ другъ друга просто ⁽¹⁾. При разговорахъ между собою, а равно и съ нехлыстами хлысты, какъ замѣчено, всегда воздерживаются отъ употребленія словъ „діаволь“, „сатана“, „чертъ“ и проч. и вмѣсто этихъ словъ, оскверняющихъ, по ихъ мнѣнію, языкъ и утѣшающихъ это самое существо, называютъ его „врагомъ“, „врагомъ божіимъ“ и „нечистымъ“ ⁽²⁾.

Въ своей домашней жизни хлысты живутъ, какъ свидѣтельствуя нѣкоторые наблюдатели, гораздо богаче и чище православныхъ односельчанъ. Если хлыстовъ въ извѣстной мѣстности много, то они стараются селиться особнякомъ отъ православныхъ домовъ ⁽³⁾. По свидѣтельству свящ. Сергѣева, хлысты любятъ ходить опрятно, а достаточные и щеголять ⁽⁴⁾. Бранобритіемъ и нѣмецкимъ платьемъ не гнушаются. Между ними не встрѣчается пьянства ⁽⁵⁾.... Далѣе, какъ свидѣлствуютъ тѣже наблюдатели, хлысты „умны и значительно развиты; потолковать съ ними очень пріятно; особенно, когда они увѣрены, что вы въ карманъ къ нимъ не лезете и вѣроисповѣданія ихъ не эксплуатируете“ ⁽⁶⁾. Такимъ образомъ, прежней вражды противъ книжнаго образованія, которую будто бы проповѣдывалъ Данило Филипповичъ, между современными хлыстами не замѣчается. Напротивъ, Аввакуму Копылову, когда онъ былъ на седьмомъ небѣ,

⁽¹⁾ Чт. въ об. ист.... 1874 г. 3 № 66 стр.

⁽²⁾ Существуетъ, впрочемъ, одна пѣсня, гдѣ употреблено слово чертъ. Добротворскій, № 51, 171 стр.

⁽³⁾ Дель. 1864 г. № 24, 8 стр.

⁽⁴⁾ Впрочемъ, Аввакумъ Копыловъ, христось тамбов. хлыстовъ, строго воспрещалъ женщинамъ носить наряды и украшенія и приказывалъ имъ повязывать платки на головѣ какъ можно ниже на глаза, «скромности ради» (Тамб. Ея. Вѣд. 1862 г. № 5. 208 стр.).

⁽⁵⁾ Хр. Чт. 1869 г. Сентябрь. 479 стр.

⁽⁶⁾ Дель. 1864 г. № 24. 8.

Богъ велѣлъ „доходить по книгамъ“ о томъ, что есть грѣхъ, и что спасеніе (¹)... Поэтому, между хлыстовскими пророками встрѣчаются лица довольно развитыя и знакомыя не только съ духовной литературой, но и съ свѣтской; таковъ былъ напр. Радаевъ, пророкъ арзамазскихъ хлыстовъ. Изъ свѣтской литературы у хлыстовъ по преимуществу находятся въ употребленіи книги мистическаго содержанія. Здѣсь не излишне наименовать нѣкоторыя изъ этихъ книгъ, которыя когда либо случалось видѣть или даже отбирать судебнымъ слѣдователямъ у хлыстовъ. Изъ сочиненій Эккартсгаузена у хлыстовъ въ употребленіи: „Облако надъ святилищемъ“. Спб. 1803 г.; „Ключъ къ тайнствамъ природы“. 4 ч. Спб. 1804 и 1820 гг. и пр. Изъ сочиненій Юнга Штиллинга: „Побѣдная повѣсть“. Спб. 1815 г., „Тозка по отчизнѣ“ въ переводѣ Дубянскаго. Спб. 1816 г. и др. Изъ сочиненій г-жи Гюнь: „Изъясненіе на Апокалипсисъ“. Москва 1816 г., „Правила жизни“ и проч. Изъ сочиненій Дюмца встрѣчается „Тайнства креста“ въ переводѣ Ястребцова. Спб. 1820 г.

Само собою понятно, что общій строй жизни хлыстовъ, описанный нами, всегда допускалъ и допускаетъ исключенія. Поэтому весьма нерѣдко случалось, что равноправность, составляющая основу хлыстовскаго корабля или братства нарушалась самоуправствомъ хлыстовскихъ пророковъ, всегда стремящихся подчинить себѣ всѣхъ прочихъ членовъ корабля (²). Обыкновенное также явленіе въ обществѣ хлыстовъ, что начальникъ корабля вмѣсто того, чтобы обращать деньги, собираемыя имъ съ хлыстовъ, на благотворительныя цѣли общества, обращаетъ ихъ въ свою пользу (³). Съ другой стороны, коммуни-

(¹) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 351—352 стр.

(²) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 9, 343 стр.

(³) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 7, 242 стр.

стическій характеръ устройства хлыстовской общины неизбѣжно ведетъ къ бездѣятельности и къ стремленіямъ прожить на чужой счетъ, отсюда же естественно происходятъ бродяжничества и скитанія изъ одного корабля въ другой, что вызвало извѣстное прагмало, запрещающее эти бродяжничества. Наконецъ, и въ отношеніяхъ между собою хлысты далеко не „кроткіе агнцы“, какъ обыкновенно они величаютъ себя. И тутъ возможны такія возмутительныя преступленія, которыя не могутъ быть терпимы ни въ какомъ обществѣ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ преступленій, притомъ постоянныхъ и необходимыхъ, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, теперь же приведемъ не безинтересный разсказъ о балашевскихъ хлыстахъ, характеризующій фанатическую до сумасшествія настроенность нѣкоторыхъ хлыстовъ. За двѣсти верстъ отъ слободы Песчанки, тамбовской губерніи, борисоглебскаго уѣзда, есть селеніе Уварово, гдѣ проживалъ „отецъ и наставникъ“ хлыстовъ. Сюда-то въ Уварово и двинулись около Троицына дня сектанты слободы Песчанки. На возвратномъ пути „нѣкто“ (Василій, подъ вліяніемъ какой-то таинственной силы, схватываетъ одну дѣвушку шестнадцати лѣтъ и раздѣваетъ до нага; затѣмъ тащитъ къ озеру и бросаетъ въ воду“.... „Окончивъ дѣло крещенія, восторженнѣе изувѣръ кидается на товарища, духовнаго своего брата, и наноситъ ему крѣпкіе удары, въ чемъ помогаютъ ему лже - Варвара (баба, назвавшая себя Варварою великомученицею) и третья женщина Пелагея. Сильно обороняясь, битый ускользаетъ въ оврагъ, желая скрыться. Скрываясь, онъ часто оглядывался и видѣлъ: Василій, упустивъ товарища, собралъ обѣихъ женщинъ и, обнявъ ихъ, пустился съ ними въ дикую пляску, сопровождаемую неестественными и соблазнительными тѣлодвиженіями. Вдоволь натѣшившись, лжехристосъ съ ожесточеніемъ принялся цѣловать Варвару и Пелагею попеременно съ побоями; тѣ отвѣчали тѣмъ же“... Наконецъ, въ доверше-

ніе безобразій скачущіе и пляшущіе рѣшили кому-то привести жертву; жребій этотъ палъ на Пелагею, которая и была замучена до смерти самымъ неистовымъ образомъ. Но это еще не все; неистовства продолжались. Василій самъ подвергъ себя страданіямъ, для чего не разъ ложился подъ идущихъ лошадей. При вѣздѣ въ слободу, онъ одѣлся въ женскую порванную рубаху, а Прасковья осталась нагою, и въ такомъ видѣ они совершили свой вѣздъ въ село. Лже-Варвара пѣла стихи:

„Встаетъ солнце со лучами,
Идетъ Петро со ключами.
Души наши выпускають,
А христіанскія сажать“⁽¹⁾.

Конечно, явленіе, описанное нами, есть аномальное и такимъ считается по возрѣнію самихъ хлыстовъ. Поэтому, то общее положеніе, что братство хлыстовъ есть союзъ крѣпкій, могучій, поддерживаемый дѣятельными пособіями другъ другу,—вѣрно. Не даромъ, поэтому, въ народѣ ходитъ молва, что „кто рѣшился принять и придержаться хлыстовской вѣры, тотъ уже не живетъ безъ достатка. Тамъ рука руку моетъ, одинъ другому помогаетъ и добрымъ совѣтомъ, и нужными деньгами“⁽²⁾. Если же дѣйствительно, братство хлыстовъ составляетъ крѣпкій союзъ, то существованіе такого братства, очевидно, не безопасно для православной церкви. При коренномъ правилѣ этой секты: „свѣтъ зажигается не для того, чтобы подъ спудомъ его скрыть, не на то волна овцѣ дается, чтобы одна она ее носила, но чтобы и другихъ одѣвала и обогрѣвала, что должно данный талантъ не зарывать въ землю, а приращивать, да не безплодны явимся на судъ Христовъ“⁽³⁾,—оказывается, что однимъ изъ главнѣйшихъ стремленій секты есть не-

⁽¹⁾ Перм. Еп. Вѣд. 1869 г. № 36.

⁽²⁾ От. Зап. 1867 г. № 6. 504 стр.

⁽³⁾ Тул. Еп. Вѣд. 1862 г. 244 стр.

обузанный прозелитизмъ. Въ настоящее время, какъ передаетъ обратившійся къ православію хлысть, все вниманіе хлыстовъ обращено на дѣтей, такъ какъ, по ихъ соображенію, „если попы сѣмѣютъ малолѣтнимъ втолковать церковщину, то намъ тогда трудно будетъ таковыхъ склонить въ божество; а какъ мы малолѣтнихъ заблаговременно просвѣтимъ свѣтомъ благодати святой, тогда на нихъ церковщина не подѣйствуетъ и при такой поддержкѣ божеству наше не утратитъ своей силы“ (1). Но и помимо прозелитизма, составляющаго общую принадлежность всякаго религіознаго общества, бесполезность, а во многихъ случаяхъ очевидный и существенный вредъ хлыстовъ для господствующей церкви, общества и государства сдѣлаются очевидными, если мы обратимъ вниманіе, съ одной стороны, на тѣ отношенія, въ какія ставятъ сами себя хлысты къ послѣднимъ, а съ другой — на ученіе ихъ о плотскомъ воздержаніи и на практическія послѣдствія этого ученія.

Отношенія хлыстовъ къ всѣмъ вообще не хлыстамъ и въ особенности къ православнымъ носятъ на себѣ характеръ непримиримой вражды, ненависти и презрѣнія. Причина этого главнымъ образомъ и прежде всего заключается въ религіозномъ разномысліи и особенно въ той духовной гордости и заносчивости, которая такъ рельефно выдѣляютъ хлыстовъ изъ всѣхъ другихъ религіозныхъ обществъ. Далѣе; много благоприятствовали образованію такихъ враждебныхъ отношеній и историческія условія, въ которыхъ находились хлысты въ теченіи свыше двухсотлѣтняго своего существованія, — условій, которые всегда были для нихъ не благоприятны, а въ иныхъ случаяхъ даже и невыносимы. Поэтому, отчасти становится понятнымъ слѣдующій полный вражды и ненависти взглядъ хлыстовъ на православное общество и правительство.

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 7. 232—233 стр.

Православный народъ — это, по словамъ пѣсень, „злой міръ, житейскій родъ“ (1) „невѣрный народъ“ (2), „злые люди, тати, злой князь міра“ (3), „хищникъ злой“ (4); „огненная рѣка“, для безопаснаго перехода которой хлысты просятъ у своего батюшки „богатырскаго коня“ (5). Не менѣе язвительными эпитетами пользуется отъ хлыстовъ и православное правительство духовное и гражданское. Правительственные лица — это, по выраженію хлыстовъ, „черные врагны“ (6), „звѣри“ и притомъ „кровожадные“ (7), „волки злые“ (8); „безбожные іудеи“ (9), „злые фарисеи“ (10) и проч. и проч. (11). Само собою понятно, что жизнь

(1) Добротворскій, № 59, 178 стр.

(2) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 22, 35 стр.

(3) Тамъ же, № 24, 40 стр.

(4) Тамъ же, № 34, 54 стр.

(5) Тамъ же, № 68, 103 стр.

(6) Добротворскій, № 12, 127 стр.; Барсовъ, № 23, 37 стр.; 21, 34 стр.

(7) Добротворскій, № 8, 122 стр.; Барсовъ, № 21, 34 стр.

(8) Добротворскій, № 29, 150 стр.; Барсовъ, № 55, 88 стр.

(9) Добротворскій, № 26, 146 стр.

(10) Тамъ же, № 7, 119 стр.

(11) Существуетъ, впрочемъ, у хлыстовъ одна пѣсня, въ которой налагается усердная молитва людей божіихъ къ Создателю о православномъ царѣ. Сдѣлаемъ изъ нея вѣсколько выдержекъ.

„Ужь и дай ему (царю), Господи,

Ему въ сердце Св. Духа,

Во уста Родословъ книгу;

И ввуди ему, Господи,

Чтобъ не гвалъ людей божіихъ;

Увѣнчай его славою,

Завесели сердце радостью....

Продли дни его царствія

И на лѣта на многія

Въ вожделенномъ во здравіи....

Еще дай Ему, Господи,

На совѣтъ людей избранныхъ

И святыхъ Духомъ призванныхъ.

Чтобъ впередъ ишелъ Божій родъ (Барсовъ, № 13, 216—217).

среди „хищныхъ звѣрей“ всякому непріятна. Хлысты, поэтому, тяготятся своею жизнію и нерѣдко высказываютъ про свое тяжелое житье-бытье среди міра:

„Намъ грустнешенько
Съ міромъ лютымъ жить:
Вездѣ злота, лести,
Коварство лежитъ,
Не спускаютъ съ глазъ
Бога любящихъ,
Ищутъ гдѣбъ убить
Насъ каменьями,
Надъ нами хотятъ
Наругатися“ (1).

Или еще:

„Чужая сторонушка (2) безъ вѣтра сушить,
Безъ вѣтра сушить, безъ солнца печеть;
На чужой сторонушкѣ умѣючи жить,
Старому—малому покорному быть,
Буйной головушкой—повлончивой жить,
Ретиву сердечушку сповойному быть“ (3).

Цѣль и мотивы приведенной нами молитвы хлыстовской—понятны; хлысты молятся, чтобы православный царь былъ милостивъ къ ихъ обществу и не преслѣдовалъ ихъ; подъ этимъ необходимымъ условіемъ они просятъ у Создателя всѣхъ милостей православному царю. — Такъ какъ молитва эта единственная во всей извѣстной намъ литературѣ хлыстовской, то она, очевидно, не можетъ составлять существеннаго противорѣчія уже высказанному нами взгляду о хлыстовской литературѣ въ извѣстномъ ея направленіи. При этомъ, нельзя не замѣтить, что внѣшній складъ молитвы, а равно и теченіе мыслей довольно послѣдовательное, заставляютъ подозрѣвать въ составителѣ этой молитвы извѣстнаго помѣщика Дубовицкаго, который хотя и былъ мистикомъ, но не былъ въ собственномъ смыслѣ хлыстомъ. Слѣдовательно, приведенная нами молитва даже не можетъ и считаться произведеніемъ хлыстовъ.

(1) Добротворскій, № 84, 126—127 стр.

(2) Т. е. люди не ихъ согласія.

(3) Добротворскій, № 81, 196 стр.

Жизнь эта до того тяжела и невыносима, что даже

„Стало тошно на землѣ
Жить послѣднимъ сиротамъ“ (1).

Считая весь міръ, все общество не-хлыстовъ погрязшимъ во грѣхахъ, всецѣло проникнутымъ зломъ и недоброжелательствомъ къ нимъ, хлыстамъ, послѣдніе всегда чуждаются этого „злаго міра“, смотрятъ всегда съ какой-то подозрительностію на окружающихъ ихъ. Пророки хлыстовскіе весьма часто предостерегаютъ своихъ вѣрныхъ дѣтушекъ отъ сношеній съ „злымъ міромъ“.

„Бѣдья голубицы!“ взываетъ къ нимъ пророкъ,

„Чистотой вы одѣвайтесь,

Вѣрой возвышайтесь.

А по чистому полю гулять берегитесь

Со злымъ міромъ не водитесь,

У него не учитесь....

Вы назадъ не озирайтесь,

Но впередъ простирайтесь.

Кто же станетъ озираться,

Станетъ оставаться;

А прочь отъ стадошка отстанетъ,

Опять не пристанетъ“ (2).

Они же всегда побуждаютъ ихъ быть готовыми къ отчаянной борьбѣ съ этимъ злымъ міромъ. „А теперь“, т. е. пока живешь на землѣ, „мой друзья“, обращается пророкъ къ божіимъ людямъ,

Вооружимъ сами себя,

Живой вѣрой, какъ щитомъ,

Словомъ божіимъ, какъ мечемъ,

Смирениемъ, какъ копьемъ,

Любовію, какъ огнемъ.

Смѣло будемъ наступать,

Терпѣниемъ побѣждать;

(1) Барсовъ, № 48, 76 стр. Ср. № 4, 5 стр. № 34, 53 стр.; Добротворскій, № 80, 195 стр.

(2) Добротворскій, № 59, 178—179 стр.

Врагу мѣста не давай,
Сердце свое ограждай (¹)....

Но такъ какъ, очевидно, такими средствами не всегда удобно побѣждать „злой міръ“, ибо не всѣ способны къ самопожертвованію, то въ большинствѣ случаевъ для этой борьбы съ міромъ хлысты употребляютъ низкія и въ тоже время вредныя для общества и церкви средства. Хотя официально и неизвѣстно, но тѣмъ не менѣе, основываясь на нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ, заслуживающихъ, по нашему мнѣнію, полной вѣры, можно положительно утверждать, что хлысты крайніе лицемѣры, употребляютъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей подкупы и интриги, прямо направленныя ко вреду общества и православной церкви. Такъ, одинъ изъ обратившихся къ православію хлыстъ свидѣтельствуемъ, что хлысты „и въ своей обыденной жизни крайніе лицемѣры“.... „Неправда, злоба, ненависть и мерзкія дѣла блудныя“ — составляютъ обычное явленіе въ ихъ жизни, но дѣлается все это „тайно“, чтобы никто не видѣлъ; если же случится замѣтить, то въ этомъ случаѣ указываютъ на „вражію силу“, какъ на причину (²). Можно видѣть изъ этого, насколько искренни должны быть отношенія хлыстовъ къ православнымъ, если они даже обманываютъ самихъ себя. Дѣйствительно, какъ передаетъ одинъ священникъ, много времени наблюдавшій за жизнью хлыстовъ, всѣ отношенія хлыстовъ къ православной церкви проникнуты крайнимъ лицемѣріемъ и безграничною ненавистью. „Если хлыстъ, по словамъ священника, да начнетъ ходить къ обѣднѣ— это самый аспидъ-то и есть! Ужъ непременно передается съ яростію оскверненію святыни и скопцовъ подбучаетъ (³).... Тотъ же обратившійся къ право-

(¹) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 5, 6 стр.

(²) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 8. 267—268 стр.

(³) Девъ. 1864 г. № 24. 8.

славію хлысты говорить, что „наружнымъ видомъ хлысты ничѣмъ не отличаются отъ православныхъ: ходятъ въ церковь Божию очень часто, исповѣдаются и сообщаются святыхъ таинъ ежегодно и уличить ихъ въ расколѣ, поэтому, весьма трудно“ (1); но все это дѣлается ими, по словамъ тогоже обратившагося хлыста, для отвода глазъ начальству или, по выраженію скопцовъ, „страха ради іудейска“. Въ тяжкую годину преслѣдованій со стороны правительства, хлысты стараются находить себѣ агентовъ въ кругу даже полицейскихъ чиновниковъ и при помощи ихъ провѣдываютъ о мѣрахъ, предпринимаемыхъ противъ нихъ правительствомъ. Такъ было, между прочимъ, въ кораблѣ, гдѣ находился обратившійся къ православію хлысты и, именно, въ царствованіе Николая I (2). Если, далѣе, кто либо изъ священниковъ рѣшился донести своему начальству объ уклоненіи хлыстовъ отъ православной церкви, то въ этомъ случаѣ хлысты употребляютъ всевозможныя интриги, чтобы запутать самого доносителя и оправдать себя. Такъ, рассказываетъ тотъ же бывшій сектантъ, священникъ села Новопанскаго михайловскаго уѣзда, рязанской губерніи, имѣлъ процессъ съ хлыстами, но по неимѣнію доказательствъ уличить ихъ въ ереси, изъ своего прихода былъ удаленъ и переведенъ въ другой—бѣдный и нѣсколько времени, какъ обвиненный, состоялъ на дьячковской должности. Такой поучительный случай, продолжаетъ рассказчикъ, до того озадачилъ духовенство, что священники, хотя и замѣчали въ своихъ приходахъ хлыстовъ, но, не имѣя явныхъ доказательствъ, рѣдко и даже почти совѣмъ не доносили о нихъ епархіальному начальству. Поэтому и всѣ сектанты, подобно наружному виду ихъ религіозности, въ статистическихъ церковныхъ вѣдо-

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 8. 265—266 стр.

(2) Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 7. 231 стр.

мостяхъ обыкновенно значились православными христианами (¹).

По принципамъ своего социальнаго быта хлысты совершенно бесполезны и даже вредны для общества и государства. — Въ основѣ каждаго государства, конечно, лежитъ семейство. Но о послѣднемъ не можеть быть и рѣчи у хлыстовъ. Отрицая въ принципѣ законный бракъ и считая его „скверной“, хлысты не имѣють любви къ своимъ дѣтямъ, рожденнымъ ими въ незаконномъ сожитіи. Мало того; они даже презирають своихъ дѣтей, называя ихъ „грѣшниками“ и приписывая рожденіе ихъ слабости челоуѣческой природы. Такимъ образомъ, нравственная связь между родителями и дѣтьми уничтожается; отецъ вооружается противъ сына, сынъ противъ отца. Въ хлыстовской литературѣ существуетъ повѣсть, объясняющая отношенія отца къ сыну даже за предѣлами этой жизни. По словамъ повѣсти, отецъ и сынъ, находясь въ мукахъ, взаимно себя укоряють и проклинаяють. Сынъ и отецъ изображены въ темницѣ, среди пылающаго огня (²).

Изъ такого воззрѣнія хлыстовъ на бракъ и въ особенности на своихъ дѣтей, прижитыхъ ими внѣ брака, логически должно было бы вытекать и соотвѣтствующее ему воззрѣніе на самый фактъ преступленія: блудный грѣхъ, какъ нарушеніе извѣстнаго правила, долженъ быть преслѣдуемъ и наказуемъ. Всматриваясь, однако, въ ученіе хлыстовъ и въ особенности въ ихъ внутренній бытъ, который создалъ это ученіе, мы видимъ у нихъ другое, совершенно противоположное первому воззрѣніе. Заповѣдь о воздержаніи отъ сожитія съ женщинами, данная сначала Данилою Филипповичемъ и потомъ повторявшаяся нѣсколько разъ лжехристами и лжепророками,

(¹) Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 7. 232 стр.

(²) Прав. Обзор. 1873 г. № 1. 326 стр.

очевидно, есть общая по свосму характеру и простирается на всѣ возможные виды плотскаго воздержанія. Но хлысты какъ - то сѣумѣли обойти такой очевидный и ясный смыслъ этой заповѣди и существенно ограничили приложеніе ея. „То не есть блудъ, когда братъ съ сестрой, по взаимной склонности, имѣютъ плотскую любовь, а блудъ и скверна есть бракъ законный, яко противный Господу“, разсуждала хлыстовская богородица Марѳа Павловна ⁽¹⁾. Такимъ образомъ, по смыслу этихъ словъ лжебогородицы, повторявшихся и другими, напр. Алексѣемъ Трофимовичемъ ⁽²⁾, внѣ законнаго брака всякому открыта широкая дорога относительно плотскаго сожитія съ женщинами. Казалось бы, логически слѣдовало бы во все уничтожить первую заповѣдь, данную Данилоу Филипповичемъ и вмѣсто нея внести въ кодексъ новую, существенно отличную отъ первой. Этого, однако, хлысты не сдѣлали формально и до настоящаго времени заповѣдь Данилы Филипповича остается во всей силѣ. Спрашивается, какъ же теперь примирить двѣ вещи, повидимому, совершенно непримиримыя между собою — съ одной стороны, ученіе о безусловномъ воздержаніи отъ плотскаго сожитія съ женщинами, а съ другой — ученіе о возможности разврата въ самыхъ широкихъ размѣрахъ? Это очевидное противорѣчіе хлысты разрѣшаютъ ученіемъ о такъ называемомъ „духовномъ супружествѣ“. По ученію хлыстовъ, каждый мужчина можетъ имѣть у себя „духовную супругу“, равно какъ и каждая женщина можетъ имѣть „духовнаго супруга“. При этомъ супружествѣ ни выбора, ни предложенія, ни сватовѣства и другихъ обрядовъ, не бываетъ, такъ какъ „самъ Духъ Святый укажетъ, кому соединиться, кому составить одно“ ⁽³⁾. Какъ духовное, супружество это должно

⁽¹⁾ Реутскій, 50 стр.

⁽²⁾ Тамъ же, 51 стр.

⁽³⁾ Самар. Еп. Вѣд. 1870 г. № 18, 422 стр.

быть тайнымъ, скрытымъ отъ всѣхъ; никакихъ внѣшнихъ, видимыхъ послѣдствій отъ него не должно быть. Если это супружество будетъ сохранять такой характеръ, то ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права обличать супруговъ въ блудныхъ грѣхахъ, ибо, говоря хлысты, „если его или ее, т. е. хлыста или хлыстовку, замѣченныхъ въ блудномъ дѣяніи, Духъ Святой чрезъ пророковъ не обличаетъ, то какъ смѣемъ мы обличать и осуждать ихъ во грѣхахъ? Стало быть, они во грѣхахъ своихъ приносятъ Богу тайное покаяніе“ (¹). Иное дѣло, если это супружество становится открытымъ, явнымъ, такъ что его замѣчаютъ не только братья и сестры по сектѣ, но и посторонніе; въ этомъ случаѣ никакихъ извиненій и послабленій не можетъ быть оказываемо „духовнымъ супругамъ“; дѣянія ихъ разсматриваются уже какъ преступленія и сами они какъ преступники подвергаются всякаго рода упрекамъ, насмѣшкамъ и изгнанію изъ общества. Послѣдней участи, конечно, незавидной и жалкой, чаще всего, подвергаются неопытныя и увлекающіяся дѣвушки. Положеніе провинившихся дѣвушекъ крайне тяжело и, можно сказать, невыносимо. Иная изъ нихъ съ радостію вступила бы въ бракъ съ своимъ соблазнителемъ, но этому желанію препятствуетъ законъ хлыстовскій; поэтому, далѣе, хлысты никакъ не допускаютъ, чтобы провинившаяся дѣвушка вступила въ законный бракъ. Такимъ образомъ, разъ впавшей въ блудный грѣхъ дѣвушкѣ въ силу необходимости, приходится переносить всѣ тѣ мученія и терзанія, какимъ подвергаютъ ее всѣ хлысты и, въ особенности, близкіе родственники. Отсюда, нерѣдко въ средѣ хлыстовъ происходятъ кровавыя и возмутительныя драмы, оканчивающіяся часто трагически, т. е. самоубійствомъ преслѣдуемой и виновной или же нанесеніемъ ею себѣ жестокихъ и опас-

(¹) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 20, 247 стр.

ныхъ ранъ и болѣзней. Насколько въ самомъ дѣлѣ, тяжело бываетъ положеніе провинившихся дѣвушекъ и насколько бываютъ жестоки къ виновнымъ хлысты, объ этомъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ два факта, переданные обратившимся къ православію хлыстомъ. Мы постараемся передать ихъ возможно коротче и своими словами.

Одна пророчица дѣвица согрѣшила. Чтобы избавиться отъ явныхъ послѣдствій своего недавняго грѣха, она рѣшилась прибѣгнуть къ обычному въ этихъ случаяхъ средству: приняла нѣсколько купороснаго масла съ цѣлю истребить плодъ, хотя о существованіи его она еще и сама не могла знать. Подходить, между тѣмъ, храмовой праздникъ; присутствіе ея въ этотъ день на радѣннѣ совершенно необходимо. Считая себя совершенно справедливо грѣшницею, а съ другой стороны, боясь принести публичное покаяніе въ своемъ грѣхѣ,—такъ какъ, по правиламъ, такой грѣхъ не терпимъ въ обществѣ хлыстовъ,—она рѣшилась принести Богу „тайное покаяніе“. Это тайное покаяніе состояло въ томъ, что она, взявши кусокъ сѣры, зажгла свѣчу, надъ которой и держала сѣру: разгорѣвшаяся сѣра капала на ея ноги. Весьма понятно, что ноги разболѣлись страшно и уже поэтому одному она не могла присутствовать на радѣннѣ. Тѣмъ не менѣе, узнавъ, что въ этотъ день будутъ ея близко знакомыя подруги, не смотря на страшную боль и нравственное мученіе, пророчица рѣшилась итти на соборъ; ее принесли на рукахъ. Въ страхѣ и смущеніи, больная заревѣла коровой и упала къ ногамъ пророка и завопила, обливаясь горькими слезами: „государь, нашъ батюшка, духъ святой, прости и помилуй меня грѣшницу недостойную“. Пророкъ, не догадываясь въ чемъ дѣло, по обычаю прорекаетъ ей слово Божіе: „не кричи, возлюбленная моя душа; ты за свою болѣзнь получишь отъ меня, духа св., много душевнаго барыша. Я богъ духъ святой болѣзнію пытаю твою вѣру, не оставлю тебя *чистую дѣ-*

ву; исцѣлю твою болѣзнь, съ главы не сниму *днѣственный вѣнецъ*“. Такимъ образомъ, пророкъ не узналъ о ея грѣхѣ, да и она сама не сочла нужнымъ открываться; поэтому, ни мало не смущаясь, она и впоследствии вошла въ знакомую ей роль пророчицы. Уже спустя нѣкоторое время, она сама добровольно оставила хлыстовское общество, переѣхавъ къ своему „духовному любимому брату“ въ качествѣ работницы (1).

Другой случай еще болѣе замѣчательный и вполне обрисовывающій нравственную физиономію хлыстовскаго общества обратившійся къ православію сектантъ приводитъ изъ своей жизни. Приходя въ совершенный возрастъ, говоритъ онъ, „по примѣру другихъ я полюбилъ молодую дѣвушку духовною любовью; я сталъ оказывать ей склонность, дарилъ ее платками и др. вещами. Маша (такъ звали его возлюбленную сестрицу) тоже оказывала и мнѣ взаимную склонность: дарила меня полотенцами и шила мнѣ рубашки.... Такую любовь мы продолжали честно три года. Наконецъ, она довела насъ до грѣха“ (2). Естественно, что послѣ этого у нихъ обоихъ явилось смущеніе и страхъ быть узанными на радѣніяхъ, когда ихъ пророки прорекали частную судьбу. Этого, однако, они напрасно боялись; пророки даже „иногда и похваливали за благочестивую жизнь“. Иное дѣло—послѣдствія самаго ихъ поступка. Маша оказалась беременною. Чтобы истребить плоды грѣха, она всячески старалась мять животъ, съ этою цѣлію перевѣшивалась чрезъ жесткія ребра досокъ, ложилась на камни и проч. Узнавши это, говоритъ онъ, „я сталъ упрашивать ее, чтобы она не дѣлала сего, обѣщался взять ее замужъ“. Но этого послѣдняго никакъ нельзя было сдѣлать, потому что бракъ сторого воспрещенъ

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 20, 247—249 стр.

(2) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 18, 123—124 стр.

одною изъ заповѣдей сектантовъ ('). Дѣйствительно, мѣстный священникъ, опасаясь отвѣтственности предъ начальствомъ ни за что не соглашался совершить брака безъ согласія родителей Маши (а они были также хлысты). Между тѣмъ, пришло время родовъ. Что и какъ было поступлено съ виною, объ этомъ мы заимствуемъ разсказъ одной изъ родственницъ виновной. „Какъ только взошла Марья (въ домъ со двора), матушка разразилась надъ ней страшною бранью, начала ее клясть, такъ что жутко слушать. Марья упала къ ногамъ родительницы своей, просила у ней и у батюшки прощенія; но мать своими ногами отъ себя ее отсунула съ крѣпкой угрозой во весь вѣкъ не простить ей такого грѣха и начала ее всячески бранить и клясть. Долго Марья лежала на полу и жалобно кричала; но матушка все ее бранила и кляла. Марья съ пола поднялась и съ крикомъ вышла за дверь. Вдругъ слышу ворота скрипнули. Я кинулась на дворъ посмотрѣть: слышу, Марья кричитъ за воротами. Я вслѣдъ за нею бѣгу, она кричитъ, а сама идетъ подъ гору. Я за ней и схватила ее за руку; спросила ее: куда же ты идешь, милая головушка? Марья остановилась; плачетъ и говоритъ мнѣ: отжила я свой вѣкъ, прости меня, милая невѣстка, больше не жить мнѣ. Услышавши эти слова ея, я стала ее уговаривать и сама горько заплакала.... Кое какъ уговорила ее, привела домой, сама со слезами стала уговаривать матушку: ты ее погубишь, а съ ней и мы пропадемъ, на насъ ее взыщутъ и засудятъ насъ тогда. Матушка сробѣла. Ну теперь ужь, видно, нечего дѣлать, сказала она. Я сходила за бабушкой. Какъ только матушка услышала крикъ ребенка, вдругъ вскочила и начала ногами бить Марью. Мы съ бабушкой скоро схватили ее и отвели прочь.... На другой день мальчика окрестили. Когда ушла бабушка, съ того времени матушка запретила Марьѣ кормить

(') Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 18. 124 стр.

ребенка грудью. Марья кормить его по ночамъ, когда уснетъ матушка, а днемъ она рѣдко кормить его, развѣ когда матушка выйдетъ куда. А теперича принуждаетъ Марью въ Москву его отвезть въ воспитательный домъ" (1). Только спустя мѣсяца три участь провинившейся дѣвушки была облегчена. Усиленные просьбы его и ея, а также и ея брата, не принадлежавшаго къ сектѣ, убѣдили „злую и безчеловѣчную старуху“ отпустить дочь свою въ домъ ея совратителя, который и обвинчался съ нею по обряду православной церкви (2).

Достоверность переданныхъ нами фактовъ, не можетъ быть оспариваема. Мало того, можно думать, что подобные этимъ факты не только могутъ быть въ обществѣ хлыстовъ, но они necessarily должны быть вслѣдствіе своеобразно устроеннаго хлыстами внутренняго быта. Тамъ, гдѣ нѣтъ законнаго удовлетворенія извѣстнымъ требованіямъ челоѣческой жизни, тамъ удовлетвореніе ихъ обыкновенно совершается путемъ противозаконнымъ, путемъ преступленій. Хлысты, очевидно, только платятъ должную дань своему неразумію и непониманію самыхъ простыхъ законовъ челоѣческой жизни.

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 23. 337—338 стр.

(2) Тамъ же, 342 стр.

В.

УЧЕНИЕ СЕКТЫ СКОПЦОВЪ.

Изъ ученія секты хлыстовъ непосредственно выродилось ученіе секты скопцовъ. Такъ, хлыстовское ученіе о возможности и необходимости многократныхъ перевоплощеній І. Христа могла навести Селиванова на мысль о друкратномъ только явленіи Сына Божія во плоти; ученіе хлыстовъ о безусловномъ воздержаніи отъ всякаго сообщенія между мужчиною и женщиною, практически приводившее къ возмутительнѣйшимъ и безнравственнымъ явленіямъ, послужило Селиванову исходною точкою для развитія ученія о необходимости оскотленія. Но, допуская генетическую связь ученія секты скопцовъ съ ученіемъ секты хлыстовъ, мы далеки, однако, отъ мнѣнія гг. Е. Барсова (1), Мельникова (2) и др., для которыхъ между ученіемъ скопцовъ и хлыстовъ нѣтъ и не можетъ быть никакого существеннаго различія. Такое мнѣніе названныхъ изслѣдователей, намъ кажется, основано на нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ. То, что заимствовано скопцами отъ хлыстовъ въ ученіи, по нашему мнѣнію, касается только общаго религіознаго и нравственнаго міросозерцанія. Такъ, въ религіозномъ ученіи скопцовъ господствуетъ тотъ же мистицизмъ и пантеизмъ, какіе составляютъ принадлежность хлыстовскаго религіознаго воззрѣнія; въ ученіи нравственномъ господствуетъ тотъ же дуализмъ, какой

(1) Прав. Обзор. 1873 г. № 2. 312 стр.

(2) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 388 стр.

присущъ хлыстовскому ученію. Вести параллель между ученіемъ хлыстовъ и скопцовъ далѣе этого, значитъ, по нашему мнѣнію, идти противъ данныхъ, представляемыхъ скопческою литературою. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдняя во всей ея цѣлости представляетъ намъ только развитіе ученія о лицѣ І. Христа, о Селивановѣ, который, по мнѣнію скопцовъ, есть второй искупитель міра и царь Петръ III Ѳеодоровичъ, о второмъ славномъ пришествіи І. Христа, которое, по мнѣнію скопцовъ, совершилось въ лицѣ Селиванова—въ ученіи догматическомъ и развитіе ученія о необходимости оскотленія—въ ученіи нравственномъ. О другихъ пунктахъ догматическаго и нравственнаго ученія существуютъ только нѣкоторыя отрывочныя и неполныя указанія или же даже вовсе не упоминается объ нихъ. Таковы именно пункты ученія о церкви, объ ангелахъ и о душепереселеніи—въ догматическомъ отношеніи и ученіе о таинственной смерти и таинственномъ воскресеніи—въ нравственномъ, которые, какъ извѣстно, входятъ въ ученіе хлыстовъ. Мы не позволяемъ себѣ на основаніи отсутствія въ скопческой литературѣ этихъ пунктовъ ученія отрицать присутствіе ихъ вообще въ догматическомъ и нравственномъ ученіи скопцовъ; но мы позволяемъ себѣ сдѣлать на основаніи этого—то, по нашему мнѣнію, законное и правильное заключеніе, что эти пункты ученія не имѣютъ важнаго значенія въ религиозно-нравственномъ ученіи скопцовъ. То, что составляетъ, такъ сказать, душу ученія секты скопцовъ, что составляетъ сущность его, сводится только къ двумъ предметамъ: къ ученію о Селивановѣ и объ оскотленіи. Поэтому, изложить ученіе о Селивановѣ, значитъ тоже, что раскрыть всю догматику скопцовъ, изложить ученіе объ оскотленіи—значитъ тоже, что представить систему нравственнаго ученія скопцовъ. Отсюда, наша задача—изложить ученіе скопцовъ объ этихъ основныхъ предметахъ съ возможною полнотою, ясностію и опредѣленностію, предпославъ первому из-

ложеніе взгляда скопцовъ на Богочеловѣка и, присоединивъ къ послѣднему изложеніе физиологіи осконеченія. Такъ какъ, однако, своеобразность догматическаго и нравственнаго воззрѣнія скопцовъ имѣла существенное вліяніе на бытовую сторону общества скопцовъ, то къ тремъ названнымъ сторонамъ изслѣдованія секты скопцовъ мы присоединимъ и изложеніе быта скопцовъ. При этомъ, въ виду смѣшенія ученія и быта секты скопцовъ съ ученіемъ и бытомъ секты хлыстовъ, существующаго во всѣхъ почти извѣстныхъ сочиненіяхъ о скопчествѣ, мы считаемъ необходимымъ изложить то и другое въ связи съ ученіемъ хлыстовъ. Такой методъ изслѣдованія раскроетъ намъ разность между ученіемъ хлыстовъ и ученіемъ скопцовъ и окажетъ очевидную и несомнѣнную помощь при установленіи общаго взгляда на значеніе скопческой секты въ ряду другихъ сектъ.

1) Догматическое ученіе.

По ученію хлыстовъ, истинный Сынъ Божій, Господь І. Христосъ, приходилъ въ міръ съ тою цѣлію, чтобы научить людей истинамъ вѣры и нравственности. Во время своей земной жизни Онъ, дѣйствительно, преподавалъ законъ вѣры и нравственности и научилъ людей совершать радѣнія, которыя служатъ весьма важнымъ, можно сказать, единственнымъ средствомъ въ дѣлѣ спасенія людей. За свои обличенія іудеевъ и фарисеевъ, Господь І. Христосъ подвергся гоненіямъ со стороны ихъ, преперпѣлъ многія мученія и страданія, былъ распятъ на крестѣ и воскресъ.— Скопцы, соглашаясь съ взглядомъ хлыстовъ на І. Христа, какъ на нравственнаго учителя и законодателя, расходятся съ ученіемъ ихъ о цѣли пришествія въ міръ Сына Божія. І. Христосъ, говорятъ они, приходилъ въ міръ не для того только, чтобы научить людей истинамъ вѣры и нравственности, но главнымъ образомъ и особенно потому, чтобы ввести меж-

ду людьми оскотленіе. Въ ветхомъ завѣтѣ, разсуждаютъ скопцы, было предписано обрѣзаніе; но это только тѣнь и образъ великаго таинства, открытаго І. Христомъ въ новомъ завѣтѣ (¹). Притомъ, продолжаютъ скопцы, и это спасительное средство, сообщенное людямъ въ ветхомъ завѣтѣ, мало по малу стало приходить въ забвеніе, такъ что родъ человѣческій окончателъно предался „тѣности“ и мірской суетѣ. Тогда „Отець свѣтовъ, не хотя погубить родъ человѣческій до конца“, послалъ своего Сына, который и освободилъ людей отъ плотской жизни по Адамѣ: „соблазняющіе уды тѣла руби, домай“ (Мѡ. 18, 8 — 9), сказалъ онъ (²). І. Христось самъ освятилъ употребленіе этого спасительнаго средства: вступая въ общественное служеніе міру, Онъ принялъ отъ Іоанна Предтечи оскотленіе, которое въ Евангеліи обозначено подъ именемъ „крещенія огнемъ“ (³). Вся жизнь и дѣятельность Спасителя, по мнѣнію скопцовъ, состояла только въ разъясненіи истиннаго смысла оскотленія и въ совершеніи его надъ своими послѣдователями. Такъ, говорятъ скопцы, „Господь І. Христось на вечери умывалъ ноги у своихъ учениковъ, т. е. Сынъ Божій оскотилъ ихъ. Это подтверждается тѣмъ, что когда Господь молился въ саду одинъ (?), то ученики его спали и имѣли духъ бодръ, а плоть немощну отъ скопчества, и отъ того не могли съ нимъ молиться Отцу небесному. Іуда, продавшій Господа на смерть, изшедъ удавился, т. е. женился“ (⁴). Страданій и смерти Богочеловѣка не было, но подъ страданіями и крестомъ должно разумѣть „го-

(¹) Нѣкоторые скопцы, какъ увидимъ, даже отождествляютъ ветхозавѣтное обрѣзаніе съ оскотленіемъ

(²) Чтен. въ общ. истор. 1867 г. 4 кн. 73 стр.

(³) Чтен. въ общ. истор. 1873 г. 1 кн. стр. 151 и 1872 г. 1 кн. 143 стр.

(⁴) Чтен. въ общ. истор. 1872 г. 3 кн. 303 стр.

ненія и мученія отъ жидовъ“ (¹). Смерть І. Христа была естественная, послѣ которой „Его душа вмѣстѣ съ Божествомъ вознеслась на небо, а тѣло предалось на землѣ тлѣнію“ (²).

Какъ извѣстно, хлысты, признавая дѣйствительность воскресенія Господа, не признаютъ, однако, Его славнаго вознесенія на небо. По ихъ мнѣнію, Сынъ Божій для поддержанія вѣры и благочестія среди истинныхъ своихъ послѣдователей, постоянно пребываетъ съ ними невидимо и очень часто открывается видимо, воплощаясь въ какомъ-либо избранномъ человѣкѣ. Открывшійся, такимъ образомъ, видимо Сынъ Божій повторяетъ въ своей жизни и дѣятельности всю исторію истиннаго І. Христа, какъ она описана въ Евангеліи. Это ученіе хлыстовъ о постоянныхъ и непрерывныхъ перевоплощеніяхъ Сына Божія составляетъ сущность догматическаго ихъ ученія и отличаетъ секту хлыстовскую отъ всѣхъ другихъ сектъ, такъ что даже самая близкая и, по видимому, совершенно тождественная съ сектою хлыстовскою секта скопческая никакъ не можетъ быть отождествлена съ нею въ этомъ пунктѣ догматическаго ученія. Если сущность догматическаго ученія въ сектѣ хлыстовъ составляетъ ученіе о постоянныхъ перевоплощеніяхъ І. Христа, то въ сектѣ скопцовъ такую сущностию служитъ ученіе ихъ о второмъ славномъ пришествіи Богочеловѣка въ лицѣ Селиванова или, что тоже, въ лицѣ русскаго императора Петра III. Между этими двумя пунктами догматическаго ученія двухъ названныхъ сектъ, кажется, не можетъ быть никакого сходства, потому что основанія и характеръ ихъ различны. Тамъ, т. е. въ сектѣ хлыстовъ явленіе христовъ обуславливается внутреннею необходимостію: Христосъ долженъ открыться, иначе

(¹) Чтен. въ общ. истор.... 1872 г. 1 кн. 94 и 95 стр.

(²) Тамъ же, 72 стр.

родъ человѣческой погибнетъ, и основывается на извѣстныхъ изрѣченіяхъ Спасителя: „вселюся въ ны“, „обитель у него (человѣка) сотворимъ“ и проч. Здѣсь, т. е. въ сектѣ скопцовъ явленіе Сына Божія есть свободный актъ Его Самого, о которомъ Онъ предсказалъ въ первое свое пришествіе въ міръ и, слѣдовательно, основанія этого явленія, очевидно, иныя, чѣмъ у хлыстовъ. „Въ писаніи, говоритъ Андреяновъ въ своемъ донесеніи со словъ учителя своего Громова, сказано, что придетъ Сынъ Божій во славу, пошлетъ святыхъ ангеловъ, и ангелы отдѣлятъ овецъ отъ козлищъ: не тоже ли самое нынче? Отецъ-искупитель пришелъ во славу, отдѣляетъ овецъ отъ козлищъ, и у насъ новая земля, и мы стоимъ какъ на облацѣхъ; ибо мірскаго не творимъ“ (1). Далѣе, тамъ, т. е. въ сектѣ хлыстовъ каждый вновь открывшійся христосъ во всемъ, и по жизни и по дѣятельности, совершенно похожъ на истиннаго І. Христа. Между какимъ нибудь Иваномъ Тимоѣевичемъ или Лупкинымъ и І. Христомъ нѣтъ никакого различія. Здѣсь, т. е. въ сектѣ скопцовъ характеръ вновь приходшаго сына божія иной, отличный отъ перваго І. Христа; первый І. Христосъ приходилъ въ уничиженномъ состояніи; „въ первое свое пришествіе, говорили скопцы Милютинскаго корабля, І. Христосъ пришелъ, принялъ на себя рабій зракъ, проповѣдывалъ спасеніе нищимъ и самъ былъ нищимъ“ (2). Второй христосъ, открывшійся въ лицѣ Селиванова, правда, также повторяетъ во своей жизни земную жизнь Богочеловѣка, но влѣдъ за воскресеніемъ должно послѣдовать Его прославленіе, которое совершится прежде, чѣмъ послѣдуетъ естественная смерть искупителя—Селиванова (3). „Въ нынѣшнія послѣднія времена,

(1) Чтен. въ общ. истор... 1872 г. 3 кн. V, 313 стр.

(2) Тамъ же, 1873 г. 1 кн. V. 61 стр.

(3) Какъ смерть, такъ и воскресеніе своего лжехриста скопцы понимаютъ аллегорически. Поэтому, если сказано, что за воскресеніемъ

говорили скопцы того же Милютинскаго корабля, Сынъ Божій, по своему обѣтованію, пришелъ во славу, т. е. въ лицѣ російскаго императора, Петра III Теодоровича, съ тѣмъ, чтобы водворить среди всѣхъ людей единственное спасительное крещеніе огнемъ, т. е. оскопленіе. Но это пришествіе и, слѣдующее за тѣмъ торжество скопцовъ, совершится тогда, когда исполнится число скопцовъ“ (1).

Итакъ, первый догматъ, существенно отличающій скопческую секту отъ хлыстовщины, есть ученіе ихъ о Селивановѣ, какъ „о второмъ христѣ“. Въ предисловіи такъ называемыхъ „Страдъ“ лжеискупителя говорится, что Селивановъ явился въ міръ во второй разъ. „Начало страданія о возлюбленномъ нашемъ государѣ-батюшкѣ, искупителѣ нашемъ, который пришелъ „во вторы“ на землю души на пути спасенія забрать, а грѣхъ весь изодрать“ (2). Далѣе, въ духовныхъ пѣсняхъ скопцовъ Селивановъ неоднократно называется „вторымъ христомъ“: „у насъ нынче второй христосъ воскресъ“ (3), поется въ одной пѣснѣ; называется „вторымъ спасителемъ“ (4), „вторымъ гостемъ“ (5) и проч. Такимъ образомъ, даже сами послѣдователи Селиванова, которые пѣли стихи въ честь его, смотрѣли на него съ иной точки зрѣнія, чѣмъ хлысты на своихъ христовъ. Они, очевидно, не отождествляли Селиванова съ другими религіозными самозванцами, являвшимися до него; съ личностію Селиванова они соединяли другія мечты, инныя надежды, чѣмъ какими питали себя хлысты при взглядѣ на

должно послѣдовать прославленіе и потомъ естественная смерть искупителя, то здѣсь въ смыслѣ скопческомъ нѣтъ противорѣчія.

(1) Чтен. въ общ. истор... 1873 г. кн. 1. 61 стр.

(2) Сборн. Кельс. 3 вып. Прилож. 1 стр.

(3) Тамъ же, П. № 21, 47 стр.

(4) Тамъ же, П. № 1, 30 стр. и № 22, 48 стр.

(5) Тамъ же, П. № 41, 77 стр.

своихъ лже-христовъ. Хлысты, вѣрные своимъ старымъ традиціямъ, дѣйствительно, очень рано замѣтили существенную разность между своимъ воззрѣніемъ на вновь открывавшихся христовъ и воззрѣніемъ скопцовъ на своего христа и не замедлили отдѣлиться отъ послѣднихъ. Слѣпецъ Ив. Кудимовъ (¹) и штабсъ-капитанъ Созоноричъ (²), въ своихъ показаніяхъ архимандриту Досиѣю, между прочимъ замѣчаютъ, что „ересь скопческая съ самаго начала происхожденія своего раздѣлилась на два главные толка“. Одинъ изъ этихъ толковъ составляютъ тѣ, которые, принимая оскопленіе, „не признаютъ божества Селиванова“. Можно думать, что эти лица, не признавшіе божества Селиванова, были именно тѣ, которые замѣтили разность въ ученіи Селиванова о себѣ, какъ объ икупителѣ міра, сравнительно съ существовавшимъ у хлыстовъ взглядомъ на христовъ.

Не смотря, однако, на кажущуюся очевидность и несомнѣнность положенія, что ученіе скопцовъ отрицаетъ въ самомъ существѣ необходимость многократныхъ воплощеній І. Христа и допускаетъ только два явленія Сына Божія: первое уничиженное и второе—славное, въ ученіи скопцовъ объ этомъ предметѣ можно находить и нѣчто противорѣчащее высказанному нами положенію. Такъ, скопецъ камергеръ Елянскій въ своей „Части извѣстія на чемъ скопчество утверждается“, говоря о пришествіи Сына Божія въ міръ, между прочимъ выражается: „войди въ таинство Господне, какъ и нынѣ раждается Иисусъ отъ Духа Свята, и какъ въ чистѣйшей Маріи (душѣ) вочеловѣчивается, какъ въ ясляхъ раждается, за тѣмъ въ Египетъ бѣжить, тамъ рукотворенная разоряетъ, отъ Египта возвращается въ галилейскую область, въ градъ безчестенъ, Назаретъ, въ трудахъ воспитывается, вы-

(¹) Чтен. въ общ. истор. 1872 г. 1 кн. 78 стр.

(²) Тамъ же, 97 стр. •

ходитъ на крещеніе, послѣ проповѣдуетъ царствіе небесное, за такуюю истинную проповѣдь и обличеніе сынъ духовный страждетъ отъ архіерей, старцевъ, законниковъ, книжниковъ и фарисей, отъ церковнаго сану“⁽¹⁾. Далѣе, крестьянинъ Андреяновъ приводитъ въ своемъ донесеніи слѣдующее толкованіе учителя своего Максима Кузьмина о рожденіи І. Христа: „въ писаніи сказано не такъ, что Христось „родился“, а Христось „раждается“; это значить, что Христось „всегда раждается“. Онъ, Максимъ — „христось, а братъ его Прокофій—апостоль“⁽²⁾. Наконецъ, извѣстный фактъ самозванства Лисина, принявшаго на себя имена І. Христа и царя Петра III Теодоровича, совершившійся въ 1872 г., также, повидимому, говоритъ въ пользу того положенія, что и у скопцовъ, какъ у хлыстовъ, можетъ быть въ одно и тоже время множество христовъ съ богородицами и апостолами. Г. Мельниковъ, дѣйствительно, какъ можно судить на основаніи слѣланнаго имъ примѣчанія къ изданнымъ имъ матеріаламъ о хлыстовской и скопческой сектахъ, утверждаетъ и притомъ съ настойчивостію только послѣднее предположеніе. По его словамъ, „общее народное мнѣніе, что у скопцовъ или хлыстовъ, какой-нибудь мужикъ бываетъ ихъ христомъ, а дѣвка богородицею, положительно вѣрно. Оно доказывается болѣе, чѣмъ сотней произведенныхъ слѣдственныхъ дѣлъ и множествомъ указаній въ сектаторскихъ сочиненіяхъ и пѣсняхъ“⁽³⁾. Не отрицая существованія показаній скопцовъ, извѣстныхъ г. Мельникову и доказывающихъ тождественность ученія скопцовъ о воплощеніи І. Христа съ ученіемъ хлыстовъ, мы, однако, никакъ не можемъ согласиться съ положеніемъ г. Мельникова, такъ какъ это его положеніе хотя безъ сомнѣнія основано на фактахъ, но эти факты взяты

(1) Чтен. въ общ. истор. 1867 г. 4 кн. 73 стр.

(2) Тамъ же, 1872 г. 3 кн. 307 стр.

(3) Тамъ же, 2 кн. 193 стр. прим. 49.

г. Мельниковымъ безъ всякой связи съ другими и положены имъ въ основаніе своего мнѣнія безъ предварительной критической провѣрки. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ особенно необходимо такое отношеніе къ фактамъ, представляемымъ скопческой литературою. Въ данномъ случаѣ, по нашему мнѣнію, требуется не „общее народное мнѣніе“, на которое ссылается г. Мельниковъ и которое въ большинствѣ случаевъ ошибочно и не показанія частныхъ лицъ, которыя всегда противорѣчатъ другъ другу и потому не всѣ могутъ быть безусловно вѣрными, а духъ и направленіе всего ученія секты, общая идея, проходящая чрезъ все ученіе и, наконецъ, прежде и болѣе всего взглядъ самого основателя секты. Взглядъ основателя секты на свое самозванство мы уже отчасти видѣли. Къ тому, что уже сказано, мы присоединимъ еще, что основатель скопческой секты никогда не думалъ отождествлять себя съ подобными себѣ самозванцами, которыхъ до него, какъ извѣстно, было много. Напротивъ, онъ всегда и вездѣ старался обособить себя отъ другихъ самозванцевъ и присвоивалъ себѣ одному все то, что хлысты имѣли обыкновеніе усваивать своимъ многочисленнымъ христамъ. Такъ, въ своемъ „Посланіи“ онъ категорически заявляетъ своимъ дѣтгускамъ, что онъ „для всѣхъ ихъ есть одинъ учитель“, что всѣмъ прочимъ, именующимъ себя учителями и пророками, они „не должны вѣрить“⁽¹⁾, что онъ есть единый судья всѣмъ имъ⁽²⁾ и что онъ, наконецъ, пришелъ въ міръ, между прочимъ, и съ тою цѣлю, чтобы „сокращать пророковъ“⁽³⁾. Далѣе, основная идея, которая служитъ центромъ всего ученія скопцовъ о своемъ искупителѣ есть, безъ сомнѣнія, мысль о второмъ славномъ пришествіи І. Христа. По ученію

(1) Чтен. въ общ. истор.... 1864 г. 4 кн. 71 стр.

(2) Тамъ же, 67 стр.

(3) Тамъ же, 71 и 72 стр.

скопцовъ, это второе пришествіе уже совершилось; живущій на землѣ „второй искупитель“ скоро явится на судъ и тогда наступитъ царство славы. Спрашивается, зачѣмъ скопцамъ допускать возможность многократныхъ воплощеній І. Христа? Не будетъ ли допущеніе этой возможности находиться въ прямомъ и очевидномъ противорѣчій съ характеромъ всего ученія скопцовъ? Итакъ, то положеніе, что сущностію догматическаго ученія скопцовъ служитъ ученіе ихъ о второмъ славномъ пришествіи Богочеловѣка, а не ученіе о многократныхъ воплощеніяхъ Сына Божія, остается въ силѣ. Тѣ противорѣчія, на которыя мы указали и которыя, повидимому, приводятъ къ противному, находятъ свое объясненіе изъ другихъ источниковъ. Ученіе Елянскаго о постоянно совершающемся въ душѣ человѣка рожденіи І. Христа, Его положеніи въ ясли, бѣгствѣ въ Египетъ и проч. есть, очевидно, ученіе его ума, растроеннаго крайнимъ мистицизмомъ; Елянскій даже не признаетъ, повидимому, пришествія І. Христа во плоти. По словамъ Елянскаго, „мы нынѣ ни единаго вѣмы во плоти, хотя и разумѣли во плоти Христа, но нынѣ къ тому не разумѣемъ. Да и апостолы никому въ мірѣ, растворяя вѣру, не говорили о родствѣ или родѣ Христовомъ, а только о страданіи, ученіи, о воскресеніи, а рождество всякъ вѣрующій во Христа долженъ ощущать въ себѣ и во глаголѣ пророческомъ Христа“ ('). Но для всякаго, конечно, очевидно, что у скопцовъ такого ученія не существуетъ. Далѣе, толкованіе Максима Кузьмина и многихъ другихъ, подобныхъ ему, на которыхъ ссылается и г. Мельниковъ, вовсе не авторитетно. Максимъ Кузьминъ, очевидно, хлысть, усвоилъ себѣ хлыстовское ученіе, примѣшавъ къ нему и ученіе скопцовъ. Такихъ людей, какъ Кузьминъ, въ древней исторіи скопчества было очень много, такъ какъ извѣстно,

(') Чтен. въ общ. истор. 1867 г. 4 кн. 74 стр.

что скопческая секта, возникнувъ на почвѣ хлыстовщины, въ первое время своего существованія вербовала въ ряды своихъ послѣдователей преимущественно хлыстовъ. Поэтому, весьма неудивительно, что многіе хлысты, сдѣлавшись скопцами, оставались въ то же время и хлыстами. Наконецъ, фактъ недавняго объявленія новаго искупителя въ лицѣ Лисина менѣе всего доказываетъ положеніе о томъ, что скопцы будто бы допускаютъ ученіе о необходимости перевоплощеній І. Христа. Фактъ этотъ имѣлъ временное значеніе и рассчитанъ былъ, по сознанію самихъ скопцовъ⁽¹⁾, на то, чтобы собрать и поддержать распадающуюся секту. Далѣе, самъ Лисинъ, хорошо понимая ученіе своего лже-искупителя и видимо стараясь замаскировать свой поступокъ, противный основной догмѣ лже-искупителя, такъ объяснял свое избраніе въ скопческаго искупителя: „наши пророки предсказывали по евангелію, говорилъ онъ на судѣ, о второмъ пришествіи, говорили, что спаситель Селивановъ и дѣва Марія должны опять придти въ міръ, что сила Селиванова во мнѣ. Я тогда былъ оскотленъ и принялъ пророчество“⁽²⁾. Такъ точно смотрѣли на Лисина и другіе скопцы. По ихъ мнѣнію, говоритъ Сахаровъ, „въ Лисинѣ явилась искупительская сила или въ него вошелъ тотъ самый І. Христосъ, который явился за 1876 лѣтъ, родившись отъ Дѣвы Маріи, тотъ самый, который явился во второй половинѣ XVIII стол. въ лицѣ Петра III или Кондратія Селиванова“⁽³⁾. Впрочемъ, послѣдующая исторія Лисина (его арестъ и заключеніе въ бирючинскій острогъ) измѣнила взглядъ скопцовъ на фактъ явленія Лисина и приблизила этотъ взглядъ къ взгляду хлыстовъ на факты перевоплощеній І. Христа. Въ ученіи ново-

⁽¹⁾ Христ. Чтен. 1877 г. Сент.—окт. 406—407 стр.

⁽²⁾ Тул. Еп. Вѣд. 1877 г. № 2, 43 стр.

⁽³⁾ Христ. Чтен. 1877 г. Сент.—окт. 414 стр.

скопчества фактъ явленія новаго искупителя Лисина представляется уже не исключительнымъ и единственнымъ, но такимъ, повтореніе котораго возможно и въ будущее время. Такъ какъ въ ученіи новоскопчества догматъ о возможности появленія другихъ лжеискупителей занимаетъ главное мѣсто въ ряду другихъ догматовъ, то мы считаемъ удобнымъ здѣсь представить все ученіе новоскопчества.

„Богъ есть духъ, говоритъ одинъ изъ послѣдователей новоскопчества Волопиновъ, свѣтъ, сила, всевѣденіе и всемогущество безконечное, невидимое и неоспознательное не только человѣкомъ, но и ангеломъ“. Богъ, далѣе, троиченъ, но не по лицамъ, а по силамъ; Сынъ Божій и Святой Духъ „суть двѣ силы Божіи, воздѣйствующія по исполненію всѣхъ судебъ и вѣдѣній Божіихъ на всемъ пространствѣ существованія и владычества Божіаго“... Бога, наконецъ, никто и нигдѣ не видѣлъ и видѣть не можетъ⁽¹⁾. Будучи невидимымъ и неоспознательнымъ, Богъ открывается въ мірѣ и человѣкѣ или какъ божественное слово или какъ божественный духъ. Такое самооткровеніе божества совершается съ неизбѣжною необходимостію для поддержанія міра и, въ частности, человѣка: — Первоначально ни міра, ни человѣка не существовало; существовалъ только одинъ Богъ, окруженный безплотными духами. Послѣдніе возгордились противъ Бога и обнаружили „невѣріе въ Сына Божія и Троицу святую“. За грѣхъ непослушанія и невѣрія безплотные духи вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ Денницей были низвергнуты „въ неисповѣдимую пропасть“. Въ этой пропасти они долго подвергались различнымъ мученіямъ. Такъ какъ часть согрѣшившихъ духовъ покаялась, то милосердный Богъ чрезъ свою силу Сына Божія создалъ видимый міръ и вмѣстѣ перваго человѣка Адама. Послѣдній былъ созданъ въ эфир-

(1) «О скопц. ученіи по послѣднимъ о немъ извѣстіямъ», стр. 15.

номъ тѣлѣ и былъ одаренъ „неограниченной рожда-
 тельной способностію“ производить подобныя себѣ
 эфирныя тѣла. Эти многочисленныя эфирныя тѣла
 предназначались для жилища падшихъ духовъ, кото-
 рые при помощи эфирныхъ тѣлъ могли бы загладить
 свой грѣхъ и чистыми и совершенными войти въ рай.
 Впрочемъ, способность производить подобныя себѣ
 эфирныя тѣла могла сохраниться у Адама только подъ
 условіемъ исполненія данной ему заповѣди о невку-
 шеніи плодовъ древа жизни. Адамъ, пожелавъ имѣть
 жену себѣ, уже чрезъ это отчасти вышелъ изъ по-
 виновенія волѣ Божіей; чрезъ этотъ противный Богу
 поступокъ Адамъ хотя и не лишился раждательной
 способности производить подобныя себѣ эфирныя тѣ-
 ла, но онъ могъ теперь производить такія тѣла толь-
 ко при совмѣстномъ желаніи съ своею женою. Впо-
 слѣдствіи, Денница, явившись во снѣ Евѣ въ образѣ
 змія, соблазнилъ ее вкусить запрещеннаго плода. Ева
 вкусила, склонивъ къ тому же и своего мужа. Вку-
 шеніе плодовъ древа жизни произвело моментальную
 и существенную порчу у Адама и Евы: эфирное скры-
 лось внутрь, вмѣсто же него образовалось плотское
 тѣло съ грѣховными органами, явилась похоть; пер-
 вое удовлетвореніе ея и есть „запрещенный плодъ“.
 Съ этого времени Адамъ лишился совершенно спо-
 способности производить эфирныя тѣла; вмѣсто послѣд-
 нихъ явились матеріальныя тѣла. Заключенныя въ
 нихъ души, которыя суть не что иное какъ падшіе
 духи, умерли и въ такомъ состояніи должны оставать-
 ся до тѣхъ поръ, пока не воскреснутъ, переходя
 изъ одного человѣческаго тѣла въ другое, хотя бы
 такой переходъ продолжался 2000 лѣтъ⁽¹⁾. Такимъ
 образомъ, первоначальная цѣль мірозданія не была
 достигнута, падшіе духи не могли загладить своего
 грѣха; они безконечно должны были переходить изъ

(¹) «О скопч. ученіи по послѣдн. о немъ извѣстіямъ», 9—12 стр.

одного тѣла въ другое. Такъ продолжалось до того времени, пока не явился на землю Сынъ Божій по милосердію Бога Отца. Явившись на землю, Сынъ Божій принялъ въ себя душу праотца людей Адама, которая путемъ смиренія и раскаянія, переходя изъ Еноха въ Ноя, изъ Ноя въ Авраама и т. д., достигла, наконецъ, такого „чистонепорочнаго состоянія“, что сдѣлалась достойною божества (¹). Во время своей земной жизни Сынъ Божій былъ гонимъ, принялъ распятіе и смерть и воскресъ; чрезъ это онъ даровалъ вѣрующимъ въ Него оправданіе отъ грѣховъ и возможность переходить въ рай. Впрочемъ, для усвоенія себѣ этихъ благодатныхъ даровъ необходимо исполненіе ученія, преданнаго І. Христомъ въ Его Евангеліи. Каждый вѣрующій въ І. Христа и желающій себѣ спасенія необходимо долженъ „тайнственно умереть со Христомъ“, т. е. отречься отъ своей воли и уничтожить свою самость. Далѣе, каждый желающій себѣ спасенія долженъ принять и оскотленіе, которое также заповѣдано Іисусомъ Христомъ въ 19 гл. евангелія Маттея (²). Наконецъ, каждому человѣку дается благодать Духа Святаго, которая помогаетъ ему въ исполненіи нравственныхъ обязанностей и разъясняетъ истинный смыслъ „притчъ и прохожденій Христовыхъ“ (³). Когда душа достигнетъ „полнаго совершенства“, когда она выполнитъ „жизнь и прохожденіе Спасителя“, она переходитъ къ Богу, дѣлается „одно существо съ нимъ“ (⁴). Такой порядокъ душе-спасенія существовалъ во все время земной жизни І. Христа, существовалъ онъ и послѣ І. Христа.— Однако, спустя нѣкоторое время, „ученіе о способахъ перехода душъ въ рай заглохло и обратилось въ

(¹) «О сокч. ученіи по послѣдн. о немъ извѣстіямъ». 17 стр.

(²) Тамъ же, 12 стр.

(³) Тамъ же, 15 стр.

(⁴) Тамъ же, 16 стр.

одинъ наружный обрядъ, не могшій уже вести ко спасенію⁴. Требовалось, такимъ образомъ, новое явленіе искупителя, который возстановилъ бы утраченные способы душеспасенія. Дѣйствительно, въ XVIII ст. явился искупитель въ лицѣ императора Петра III или Кондратія Селиванова. По своему божеству или „по внутреннему богочеловѣку“ Селивановъ былъ равенъ Сыну Божію, явившемуся въ первый разъ. Новый искупитель, какъ и первый, преподавалъ истинное ученіе о душеспасеніи. Такъ какъ, однако, и это ученіе скоро было забыто людьми, то Саваоѣ послалъ на землю въ третій разъ своего сына, который и явился въ лицѣ Кузьмы Федосѣева. Явленіе третьяго искупителя не есть еще послѣднее и не исключаетъ возможности рано или поздно явиться четвертому искупителю и т. д. (').

Сопоставляя, такимъ образомъ, между собою ученіе хлыстовъ о лжехристахъ, ученіе скопцовъ о лжеискупителѣ Селивановѣ и ученіе новоскопчества о лжеискупителѣ Лисинѣ, нельзя не видѣть, что послѣднее сходно съ первымъ. Иначе говоря, ученіе новоскопчества въ своемъ развитіи пришло снова къ хлыстовщинѣ, изъ которой оно выродилось. Какъ велико число послѣдователей новаго ученія—трудно опредѣлить. Вѣроятно, число ихъ слишкомъ ограничено, тѣмъ болѣе, что изобрѣтатели этой теоріи успѣли сообщить свое ученіе самому органиченному кружку скопцовъ.

Второй пунктъ, также существенно отличающій догматическое ученіе скопцовъ о своемъ лже-христѣ, есть ученіе ихъ о Селивановѣ, какъ о царѣ. Этотъ послѣдній догматъ тѣсно связанъ въ представленіи скопцовъ съ первымъ догматомъ и составляетъ необходимое дополненіе онаго; оба они, взятые вмѣстѣ, образуютъ одинъ догматъ, — догматъ о второмъ сла-

(') «О скопц. ученія по послѣдн. о немъ извѣстіямъ», 13 стр.

номъ пришествіи Сына Божія въ лицѣ Селиванова. Иначе говоря, ученіе скопцовъ о Селивановѣ, какъ о второмъ христѣ, и ученіе ихъ о немъ, какъ о царѣ, составляетъ то, что мы выше назвали сущностію догматическаго ученія скопцовъ и что, по нашему мнѣнію, существенно отличаетъ скопческую секту отъ хлыстовской. Намъ теперь, конечно, важно знать тѣ основанія, на которыхъ скопцы утверждаютъ свое ученіе о второмъ славномъ пришествіи Сына Божія, равно какъ любопытно знать и самое ученіе ихъ объ этомъ предметѣ.

І. Христосъ, говорятъ скопцы, въ первое свое пришествіе въ міръ весьма ясно предрекалъ своимъ ученикамъ, что онъ снова явится въ міръ, что это Его второе явленіе будетъ существенно отлично отъ перваго; въ первый разъ онъ приходилъ только послужить міру, во второй же разъ онъ придетъ судить міръ. Пророчество объ этомъ второмъ славномъ пришествіи Сына Божія находится въ 24 гл. евангелія Матѳея. Тамъ говорится, что Сынъ человѣческій явится „на облацѣхъ небесныхъ“, окруженный „ангелами“,—явится Онъ „съ силою и славою многою“. Прежде же этого явленія Сына человѣческаго, на небѣ будетъ „знаменіе Сына человѣческаго“ и проч. То, что І. Христосъ предрекалъ своимъ ученикамъ, теперь буквально многое исполнилось, а остальное исполняется; І. Христосъ, дѣйствительно, явился въ лицѣ Селиванова, который есть не кто другой, какъ русскій императоръ Петръ III. „О любезные дѣтушки! взывалъ основатель скопческой секты, для вашего спасенія послалъ Господь едиnorodнаго своего сына, который рожденъ отъ тысячи колѣнъ царскихъ и нареченъ царемъ израильскимъ“ (1).... „Обо мнѣ, говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ, пророки за сорокъ лѣтъ прорекали, что Господь придетъ и судить сгнетъ и принесетъ чистоту“ (2).

(1) Чтен. въ общ. истор. 1864 г. 4 кн. 86 стр

(2) Тамъ же, 70 стр.

Рожденіе „новаго единороднаго сына Божія“ было чудесное,—такое, какое было и рожденіе І. Христа. Онъ воплотился, говорятъ скопцы, отъ приснодѣвы Елизаветы Петровны. Она, „царица небесная“, „Сіонъ гора“, „божественная клеца, уголь огненный въ себѣ державшая“⁽¹⁾, родила его, „разблажившись Святымъ Духомъ“ и потому, очевидно, родила его „не отъ похоти плотскія и не отъ похоти мужескія“, какъ и говорится въ евангеліи⁽²⁾.

„Рожала я, рожала я,
Рожала я да не мучилась,
Была дѣвой, была дѣвой,
Порода дѣвой осталася“,

поютъ обыкновенно скопцы отъ лица Елизаветы Петровны⁽³⁾. Помолясь Саваоу, Елизавета Петровна затрубила въ золотую трубу, утроба ея растворилась и на рукахъ ея явилось „вознѣженное дитя“⁽⁴⁾. Она

⁽¹⁾ Чтен. въ общ. истор... 1864 г. 3 кн. 91 стр.

⁽²⁾ Тамъ же, 1 кн. 56 и 89 стр. и мн. др.

⁽³⁾ Тамъ же, 1873 г. 1 кн. 116 стр.

⁽⁴⁾ Судя по настоящему разсказу скопцовъ о рожденіи «новаго сына Божія» и, принимая во вниманіе послѣдующій ихъ разсказъ объ этомъ же предметѣ, должно полагать, что скопцы понимаютъ здѣсь рожденіе плотское, а не духовное. Между тѣмъ, нѣкоторые скопцы говорятъ только о духовномъ рожденіи лжеискупителя отъ Елизаветы Петровны. Такъ, Андреяновъ въ своемъ донесеніи, говоря о происхожденіи скопческаго икупителя, выражается: «искупительъ изъ царскаго рода, царь; духовно родился въ городѣ Орлѣ, отъ чистой дѣвы, матушки Акулины Ивановны» (Чтен. въ общ. истор. 1872 г. 3 кн. 299 стр.). Точно также и галацкіе скопцы понимаютъ рожденіе лжеискупителя отъ Елизаветы Петровны въ смыслѣ духовномъ. По словамъ ихъ, то мнѣніе, что будто бы Елизавета Петровна родила скопческаго икупителя по плоти «по соображенію не выходятъ. Въ писаніи сказано, продолжаютъ они, что прежній отецъ плуце отца роднаго; значить и она мать ему по духу» (Отеч. Зап. 1867 г. № 10, 606 стр.). Такимъ образомъ, сами скопцы еще недостаточно опредѣленно выяснили себѣ основной догматъ своего ученія. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что перваго мнѣнія, т. е. мнѣнія о плотскомъ происхожденіи икупителя отъ Елизаветы Петровны, держится большинство скопцовъ.

удивилась, „горючьми слезми“ залилась и благодарила Саваоа за это чудесное рожденіе сына. Узнавъ объ этомъ чудесномъ рожденіи, вся вселенная перекрестилась, земля и небо обновились, ангелы, архангелы и вся небесная сила помолилась, а „стѣны ада повалились“, такъ какъ, „не устояли адски крѣпости, чтобы не было уже лѣпости, чтобы избавилъ Богъ отъ слѣпости“ (1). Рожденный такимъ образомъ, отъ Елизаветы Петровны сынъ былъ истиннымъ сыномъ Божиимъ и императоромъ русскимъ Петромъ III Ѳеодоровичемъ. Какъ сынъ Божій, онъ обладалъ и божественными свойствами: всевѣдѣніемъ (2), всемогуществомъ (3), проявляющимся во власти вязать и рѣшить грѣхи (4) и судить живыхъ и мертвыхъ (5). По своимъ божественнымъ свойствамъ вновь родившійся сынъ Божій даже превосходилъ прежде являшагося истиннаго Сына Божія. „У нынѣшняго сына Божія, говорилъ Громовъ Андреянову, больше благодати, чѣмъ у прежняго. Господь Саваоѡ далъ искупителю по мѣрѣ такую власть во всемъ, что помимо искупителя ни одна душа не спасется“ (6). Въ нынѣшнемъ сынѣ Божіемъ, какъ воспѣлъ одинъ изъ пророковъ во время радѣнія, пребываетъ самъ „Господь Саваоѡ и съ ручками и съ ножками“ (7).

По сказанію однихъ скопцовъ, рожденіе новаго богомладенца случилось въ Голлитини (8), по сказанію другихъ—въ Россіи (9). Елизавета Петровна, по

(1) Чтен. въ общ. истор. 1872 г. 3 кн. 92—93 стр. № 1.

(2) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 42, 68 стр.

(3) Тамъ же.

(4) Чтен. въ общ. истор... 1864 г. 4 кн. 86 стр.

(5) Тамъ же, 67 стр.

(6) Тамъ же, 1872 г. 3 кн. 303 стр.

(7) Тамъ же, 304 стр.

(8) Тамъ же, 4 кн. 89 стр.

(9) Тамъ же, 68 стр.

рожденіи сына, царствовала въ Россіи только два года (а по свидѣтельству другихъ и вовсе будто бы не царствовала); потомъ, оставивъ престоль одной изъ своихъ приближенныхъ фрейлинъ, весьма похожей на нее и „лицомъ и нравомъ“ (¹), сама отправилась въ орловскую губернію, гдѣ и доживала послѣдніе годы своей жизни подъ именемъ простой женщины Акулины Ивановны. Между тѣмъ, сынъ Елизаветы Петровны Петръ Ѳеодоровичъ, достигши отрочества, принялъ оскотленіе. Это происходило, по единоголасному показанію всѣхъ скопцовъ, въ Голштиніи. Прибывъ въ Россію, Петръ Ѳеодоровичъ вступилъ въ бракъ съ Екатериной Алексѣевной, которая, узнавъ о неспособности его къ брачной жизни, стала ненавидѣть его и искала удобнаго случая лишить его жизни. Случай этотъ представился скоро. Петръ Ѳеодоровичъ занялъ русскій престоль. Такъ какъ онъ своею политикою возбудилъ неудовольствіе со стороны бояръ и народа, то Екатерина воспользовалась этимъ, и, склонивши на свою сторону многихъ высокопоставленныхъ лицъ, задумала низвергнуть его съ престола и забрать въ свои руки императорскую власть. Дѣйствительно, едва только Петръ III отправился вмѣстѣ съ своими друзьями „въ Ранбоумъ“ (Ораніембаумъ) для обозрѣнія любимыхъ своихъ голштинскихъ войскъ, какъ многіе изъ русскихъ людей отреклись отъ императора и присягнули Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Узнавъ объ измѣнѣ, Петръ III не зналъ, что дѣлать. Онъ отправился въ Кронштадтъ, но тамъ его не пустили. Тогда Петръ III написалъ одно за другимъ два письма Екатеринѣ Алексѣевнѣ, которая въ отвѣтъ ему написала записку, чтобы онъ, для общаго спокойствія, письменно отрекся отъ престола въ пользу ея. „Петръ III не восхотѣлъ наслаждаться временнымъ житьемъ, а лучше согласился съ

(¹) Чтен. въ общ. истор... 1872 г. 1 кн. 89 стр.

народомъ божимъ страдать (т. е. съ нами, со скопцами), считалъ сіе больше для себя богатствомъ, нежели питерское сокровище, ибо онъ, взирая на возмездіе небесное, оставилъ Питеръ“ (1). Такъ передають исторію отреченія Петра III скопцы въ своемъ „благовѣствіи“, поданномъ ими въ 1845 году кн. Голицыну. По разсказамъ другихъ скопцовъ, исторія послѣднихъ дней царствованія Петра III была иная, не похожая на описанную. По свидѣтельству Созоновича, императрица Екатерина Алексѣевна будто бы съ цѣлію удаленія Петра III съ престола составила противъ него смертный заговоръ. По ея плану Петръ III долженъ быть убитъ въ Ропшинскомъ дворцѣ; но Петръ III, предупрежденный объ этомъ злоумышленіи на его жизнь, подкупилъ одного изъ часовыхъ, который и былъ убитъ вмѣсто него. Избавившись, такимъ образомъ, отъ явной смерти, Петръ III бѣжалъ изъ дворца и въ продолженіи трехъ дней находился въ какомъ-то „каменномъ столбѣ, не ѣвши и не пивши“ (2). Обстоятельства, однако, поправились скоро: Петръ III успѣлъ добѣжать до Москвы; здѣсь проведши нѣсколько времени, онъ обратилъ въ свою скопческую вѣру нѣсколько человекъ. Изъ Москвы Петръ III отправился за границу и тамъ проповѣдывалъ, что онъ есть богочеловѣкъ, пришедшій спасти родъ человѣчскій отъ „лѣпости“, совершая надъ всѣми увѣровавшими въ него „огненное крещеніе“. Возвратясь обратно въ Россію, искупитель Петръ III „пріялъ подвигъ безмолвія“, сдѣлался молчальникомъ, отправился въ орловскую губернію, гдѣ пребывала пресв. богородица Акулина Ивановна, т. е. императрица Елизавета Петровна и многіе вельможи, оставшіеся вѣрными искупителю Петру III Θεодоровичу, какъ-то: князь Дашковъ, графъ Чернышевъ и друг. (3). Здѣсь, въ кораб-

(1) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 404 стр. 1 прим.

(2) Чтен. въ общ. истор.. 1872 г. 1 кн. 90 стр.

(3) Тамъ же, 3 кн. 94 стр.

лѣ Акулины Ивановны или Елизаветы Петровны, онъ началъ свое общественное служеніе міру. Подражая І. Христу, Селивановъ сталъ проповѣдывать всему міру о необходимости оскотленія и совершалъ послѣднее надъ всѣми, увѣровавшими въ него. Но какъ первый Христосъ за свою проповѣдь объ оскотленіи подвергался гоненіямъ со стороны невѣрующихъ іудеевъ и фарисеевъ, такъ точно и второй христосъ Селивановъ испыталъ на себѣ тоже самое. „Обратите ваше вниманіе внутрь себя, говорилъ лжеискупитель своимъ дѣтушкамъ, и уразумѣйте, что истинный вашъ отецъ, чистоты ради, на землѣ явился и претерпѣлъ многіе страды, гоненія, озлобленія, біенія, поруганія, охуленія, оплеванія, судимъ былъ и влачимъ и терзаемъ, странствовалъ сорокъ лѣтъ, и всѣ члены и суставы мои раздроблены, и головушку мою горячимъ сургучемъ обливали, и въ дальнія страны отсылали, и всю дорогу палашемъ удары на моемъ тѣлѣ накладали, сто темницъ я обошелъ, и всѣхъ моихъ дѣтушекъ нашель; все сіе принялъ и претерпѣлъ, ради вашего спасенія и утвержденія закона Христова и чистоты“ (1). При этомъ, желая, очевидно, провести болѣе точную параллель между жизнію и дѣятельностію истиннаго Господа І. Христа и жизнію и дѣятельностію своего лжеискупителя и лжецаря скопцы указываютъ на нѣкоторые частные факты. „Прежній Сынъ Божій, говорятъ скопцы, воскрешалъ мертвыхъ и исцѣлялъ отъ разныхъ болѣзней и недуговъ“, т. е. поясняютъ скопцы сообразно съ своимъ аллегорическимъ толкованіемъ священныхъ событій, „воскрешалъ мертвыхъ грѣхами и исцѣлялъ болѣзни грѣховъ“. „Нынѣшній сынъ божій не все ли тоже творить?“ Онъ „принимаетъ изъ міра мертвыхъ грѣхами и духовно воскрешаетъ ихъ“. „Прежній Сынъ Божій вывелъ изъ ада пророковъ и святыхъ отцовъ,

(1) Чтен. въ общ. истор.... 1864 г. 4 кн. 70 стр.

а нынѣшній не тоже ли творить? Выводить изъ міра, ада, пророковъ и святыхъ“. „Прежній Сынъ Божій сѣялъ сѣмя доброе, а нынѣ государь батюшка не доброе ли сѣмя сѣетъ“ (¹)? Прежній Сынъ Божій былъ преданъ Іудею въ руки мучителей за тридцать сребренниковъ, нынѣшній сынъ божій также былъ проданъ духовенству за столько же денегъ (²). Прежній Сынъ Божій былъ распятъ на крестѣ и нынѣшній сынъ божій также преданъ былъ на крестъ; при распятіи послѣдняго въ Сосновкѣ присутствовалъ Пилать, т. е. судебный слѣдователь Волковъ; тутъ же присутствовали—мать сына божія, которую изображали скопцы болѣзновавшею о лжеискупителѣ; іудеи предатели, т. е. измѣнившіе ему хлысты; тутъ же находилось древо крестное, что скопцы видятъ въ спинѣ мужика, на которой по обычаю того времени наказывали лжеискупителя; тутъ же протекалъ потокъ Кедронъ, т. е. рѣчка, протекавшая въ Сосновкѣ и проч. (³). Прежній Сынъ Божій послѣ многократныхъ страданій умеръ и нынѣшній сынъ божій, по наказаніи въ Сосновкѣ, также умеръ: онъ сосланъ былъ въ Иркутскъ, гдѣ пробылъ около 20 лѣтъ. Но какъ первый Сынъ Божій послѣ своихъ крестныхъ страданій и смерти торжественно воскресъ и прославился, такъ точно и второй сынъ божій, убѣжавъ изъ Сибири, какъ бы воскресъ; находясь же въ Петербургѣ, гдѣ онъ могъ безпрепятственно совершать радѣнія и принимать божескія поклоненія, онъ какъ бы прославился.

Такимъ образомъ, заключаютъ скопцы, второй Сынъ Божій, явившійся въ лицѣ Селиванова, совершилъ первую половину своего великаго дѣла: Онъ

(¹) Чтен. въ общ. истор.... 1872 г. 3 кв. 303 стр.

(²) Тамъ же, 106 стр. № 4 и Калуж. Еп. Вѣд. 1871 г. № 13, 10 стр.

(³) Тамъ же, 3 кв. 113—115 стр. II. № 6; 122—127 стр. II № 15 и 1864 г. 4 кв. 86—87 стр.

претерпѣлъ страдаія и крестную смерть, послѣ чего торжественно воскресъ. Теперь этотъ второй искупитель долженъ скоро явиться во всей своей Божественной славѣ и произвести всеобщій судъ. Это послѣднее составляетъ, по мнѣнію скопцовъ, второе важное дѣло, которое долженъ совершить искупитель Петръ III.

Какъ извѣстно, хлысты учатъ, что время страшнаго суда еще не наступило, хотя они и вѣруютъ, что время это слишкомъ близко. Скопцы, напротивъ, убѣждены, что страшный судъ уже наступилъ и совершается во-очію всѣхъ. Искупитель Петръ III, посланный въ Суздадь, не умеръ; онъ живъ и вотъ скоро наступитъ время окончательнаго его прославленія.

Увѣренность скопцовъ, что искупитель живъ, сильна и непоколебима. Эту свою увѣренность скопцы нѣсколько разъ доказывали своими письменными прошеніями объ освобожденіи заключеннаго искупителя, которыя они подавали императору и другимъ лицамъ. Такъ, въ 1832 г., уже по смерти лжеискупителя, скопцы Никифоръ Θεодоровъ и Иранъ Лазаревъ подавали прошеніе императору объ освобожденіи и возвращеніи ихъ искупителя изъ Суздаля⁽¹⁾. Въ 1842 году, какъ извѣстно, отъ закавказскихъ скопцовъ подвижной инвалидной роты послѣдовали два прошенія, одно за другимъ, въ которыхъ они съ наивностію, свойственною только дѣтямъ, утверждали, что Селивановъ живъ и скоро долженъ явиться на судъ⁽²⁾. Въ 1847 году тобольскій купецъ Василій Поповъ, долго наблюдавшій за петербургскими скопцами и находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ ними, писалъ о нихъ слѣдующее: „за достовѣрное утверждается, что искупитель, иначе нарицаемый второй спаситель

(1) Сборн. Кельс. III. 168 и 227 стр.

(2) Чтен. въ общ. истор... 1873 г. 1 кн., 211 и 214 стр.

и многострадальный государь-батюшка, Петръ Θεодоровичъ третій, изъ Спасско-Суздальскаго монастыря выведенъ секретно, скрытъ въ одномъ изъ городовъ Россійской имперіи, и соблюдается до назначеннаго имъ дня въ тайномъ мѣстѣ, не всѣмъ еще и скопцамъ извѣстномъ, о чемъ знаютъ лишь апостолы и пророки скопцовъ, кои провѣщаютъ, что скоро послѣдуетъ государственный переворотъ, и тогда этого религіознаго гоненія на израила не будетъ, и искупитель ихъ всѣ власти смягчитъ и покоритъ. А что Селивановъ этотъ хотя и отмѣченъ по секретнымъ актамъ Суздальскаго монастыря умершимъ въ 1832 году, то вовсе несправедливо и это сдѣлано лишь по ихъ проискамъ, выдуманная маска или смутная завѣса формальнаго отвода, сквозь которую было бы трудно и невозможно проникнуть глубоко таившуюся истину. Для этого вывоза Селиванова изъ Спасско-Суздальскаго монастыря, покрытія слѣдовъ и настоящаго мѣстопробыванія искупителя ихъ, пожертвованъ весьма огромный капиталъ⁽¹⁾. Нельзя сказать, чтобы эта дикая вѣра скопцовъ ослабѣла между ними и въ настоящее время. Одинъ изъ галацкихъ скопцовъ въ 60-хъ годахъ говорилъ, между прочимъ, В. Кельсіеву, что онъ будто бы даже удостоился гдѣ-то увидѣть „милостиваго“, т. е. лжеискупителя и это видѣніе такъ поразило его, что у него, „языкъ отнялся“ и онъ, поэтому, не могъ рассказать о своемъ видѣніи любопытнымъ⁽²⁾. Утверждая съ настойчивостію, что искупитель живъ и „странствуетъ въ смиренномъ образѣ, принимая порученія“⁽³⁾ или, по мнѣнію другихъ скопцовъ, онъ „сидитъ гдѣ-то въ восточной сторушкѣ, въ неволюшкѣ“⁽⁴⁾, скопцы полагаютъ, что

(1) Чтен. въ общ. истор. 1872 г. 3 кв. 154—155 стр.

(2) От. Зап. 1867 г. № 10, 615 стр.

(3) Тамъ же.

(4) Исслѣд. Добротворскаго. Цѣс на № 21, 140 стр.

искупитель ихъ потому не идетъ въ седьмое небо, чтобы не оставить своихъ дѣтушекъ, „безъ защитушки, безъ оградушки“, чтобы они не сдѣлались добычею „звѣрей лютыхъ“, которые могутъ „разогнать ихъ по темнымъ лѣсамъ, по крутымъ горамъ“⁽¹⁾. По мнѣнію скопцовъ, однажды уже былъ совѣтъ „у всей святой троицы“ о томъ, что дѣлать съ искупителемъ, остающимся еще до сего времени на землѣ. Рѣшено было взять его на небо, но тутъ самъ искупитель сказалъ:

„Ужъ и какъ же мнѣ
Ихъ (скопцовъ) оставити!
Станутъ горько они,
Слезно плавать“.

Поэтому рѣшено было нѣсколько времени обождать⁽²⁾.

„Потерпи еще время малое....
Придетъ часъ тебѣ,
Пора-времячко,
Отопрутся замки вѣрпкіе....
„Тогда судъ будетъ и рѣшеніе“,

говорилъ самъ небесный царь своему возлюбленному сыну. Этотъ часъ или „пора времячко“, по мнѣнію скопцовъ, скоро должны наступить. Многія пророчества, относящіяся ко времени страшнаго суда, уже исполнились. Енохъ и Илія, о которыхъ сказано въ писаніи, что они явятся прежде втораго пришествія І. Христа, уже пришли: „кто можетъ видѣть, говорилъ одинъ скопѣцъ, тотъ видитъ, кто у отца искупителя Илья и кто Енохъ“⁽³⁾. Антихристъ, о которомъ также въ писаніи сказано, что онъ долженъ предварить своимъ пришествіемъ явленіе Сына Вожія, уже явился на землѣ и давно совершаетъ свои дьявольскія дѣла. Этотъ антихристъ есть не кто иной.

(1) Исслѣд. Добротворскаго. Пѣсня № 18, 136—137 стр.

(2) Исслѣд. Реутскаго, 293—295 стр.

(3) Чтен. въ общ. истор. и др. 1872 г. 3 кн. 312 стр.

какъ французскій императоръ Наполеонъ I. Согласно ученію отцевъ церкви о рожденіи антихриста, Наполеонъ I родился отъ блудницы, русской императрицы Екатерины Александровны, которая, по удаленіи императора Петра III, предалась „лѣпости“ со своими вельможами и даже съ самимъ дьяволомъ, отъ котораго она и родила этого антихриста. Воспитавъ его въ російской академіи въ Петербургѣ, Екатерина отправила его во Францію, гдѣ онъ, благодаря своему необыкновенному уму, достигъ императорскаго престола и сталъ бичемъ и страшною грозою для всѣхъ народовъ. Само русское правительство, говорятъ скопцы, скоро узнало въ Наполеонѣ предсказаннаго въ писаніи антихриста и Святѣйшій Синодъ повелѣлъ объявить Наполеона I по всѣмъ церквамъ „сыномъ погибели“ (1). Антихристъ Наполеонъ I еще и до сего времени живъ и проживаетъ въ Турціи. Рано или поздно, но онъ непремѣнно обратится въ скопческую вѣру и сдѣлается „великимъ сосудомъ благодати божіей“ (2). Наконецъ, говорятъ скопцы, даже многое и изъ того, что собственно касается Сына человѣческаго, уже исполнилось въ дѣйствительности. *Тогда, т. е. во второе пришествіе I. Христа явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси (Мѡ. 24, 30).* Это знаменіе или признакъ, по которому можно отличить истиннаго Сына человѣческаго отъ ложнаго, суть страданія, которымъ сынъ человѣческій долженъ подвергнуться со стороны невѣрующихъ іудеевъ и фарисеевъ (3). Такое знаменіе или такіа страданія испуни-

(1) Эта сказка скопцовъ основана на воззваніи Свят. Синода, составленномъ еп. тверскимъ Месодіемъ, которое въ 1805 году, дѣйствительно, читалось во всѣхъ церквахъ. Тамъ Наполеонъ I, дѣйствительно, названъ „антихристомъ“, но конечно въ иномъ, аллегорическомъ смыслѣ. Чтен. въ общ. истор. и древн. рос. 1872 г. 3 кн. 94 стр. 73 прим.

(2) Чтен. въ общ. истор. и древн. рос. 1872 г. 1 кн. 74 стр.

(3) Такъ показывалъ Кудимовъ. Чтен. въ общ. истор. и др. рос. 1872 г. 1 кн. 73 стр.

теля уже совершились. Сынъ человѣческой или хри-
стосъ Селивановъ претерпѣлъ многія гоненія, былъ
битъ кнутомъ и отправленъ въ Иркутскъ подъ кон-
воемъ. — *И узрятъ Сына человеческого, грядуща на
облацяхъ небесныхъ съ силою и славюю мноюю* (Мѡ.
24, 30). Что такое облацы небесныя? спрашиваютъ
скопцы. Св. апостоль Павелъ въ посланіи къ Евре-
ямъ замѣчаетъ о всѣхъ перечисленныхъ имъ впереди
праведникахъ, какъ о непреложныхъ свидѣтеляхъ
истинности христіанской вѣры: поэтому и мы, гово-
рить апостоль, *толикъ имущи облещица насъ облакъ
свидѣтелей..... Терпѣнемъ да течемъ на предлежащій
намъ подвигъ...* (12, 1). Значить, „облацы небесныя“, на
которыхъ явится сынъ человѣческой или что то же „об-
лакъ свидѣтелей“, упоминаемый апостоломъ Павломъ,
означаетъ „толпу, собраніе людей“. Иначе: эти „об-
лака небесныя“ означаютъ ихъ, скопцовъ, среди ко-
торыхъ и явился искупитель міра ⁽¹⁾. Это явленіе
искупителя было „съ силою и славюю мноюю“, со-
гласно евангельскому пророчеству. Сынъ человѣче-
скій Селивановъ явился среди скопцовъ, число кото-
рыхъ ежедневно возрастаетъ, — а это непрерывное
умноженіе скопчества и есть „сила сына человѣче-
скаго“. Далѣе, христосъ Селивановъ непремѣнно во-
царится на російскомъ престолѣ, на которомъ онъ
явить славу свою и, такимъ образомъ, тогда испол-
нится и вторая часть евангельскаго пророчества, т. е.
явленіе сына человѣческаго будетъ „со славюю“. — *И
пошлетъ ангелы своя съ трубнымъ гласомъ велиимъ,
и соберутъ избранныя его отъ четырехъ вѣтръ отъ
конецъ небесъ до конецъ ихъ* (Мѡ. 24, 31). Явившійся
христосъ Селивановъ уже давно послалъ своихъ ан-
геловъ съ проповѣдію о себѣ, которые суть не кто
другіе, какъ скопцы. Что подъ ангелами разумѣются
скопцы, въ этомъ убѣждаетъ насъ другое мѣсто пи-

(1) Сборн. Кельс. III. 185 стр.

санія, говорятъ скопцы. Пророкъ Малахія въ ветхомъ завѣтѣ говоритъ объ Іоаннѣ Предтечѣ: *се Азъ посылаю ангела Моего* (3, 1); вмѣсто ангела явился І. Предтеча, который былъ скопецъ ⁽¹⁾. Такъ и въ означенномъ мѣстѣ евангельскаго пророчества подъ ангелами должно разумѣть также скопцовъ. Отецъ икупитель посредствомъ своихъ ангеловъ (скопцовъ) собираетъ избранныхъ въ одно мѣсто изъ всѣхъ четырехъ концовъ Россіи, онъ отдѣляетъ овецъ отъ козлищъ, и теперь, прибавляютъ скопцы, „у насъ земля новая и мы стоимъ какъ на облацѣхъ: ибо мы мірскаго не творимъ“ ⁽²⁾.

Такимъ образомъ, по представленію скопцовъ, предварительныя, такъ сказать, дѣйствія страшнаго суда уже совершились; недостаетъ только одного икупителя—царя. Но и этотъ послѣдній не замедлитъ своимъ явленіемъ:

„Скоро батюшка явится,
Красно солнце прикатится,
Въ домъ Давидовъ возвратится
На престолъ воцарится“ ⁽³⁾.

Мысль о скоромъ явленіи лжеискупителя видимо тревожила и тревожитъ всѣхъ скопцовъ. По словамъ одной пѣсни, икупитель долженъ былъ явиться чрезъ шесть лѣтъ по заключеніи въ Спасо-Евѣиміевскій монастырь ⁽⁴⁾. По словамъ другой, время окончательнаго страшнаго суда должно считать не годами и мѣсяцами, а „часами“ ⁽⁵⁾. Наконецъ, болѣе терпѣливые опредѣляютъ это время вообще какъ „скоронаступающее“ и полагаютъ, что икупитель медлитъ своимъ явленіемъ потому, что онъ, отецъ,

⁽¹⁾ Такъ объяснялъ Кудимовъ. Чтен. въ общ. вѣст. 1872 г. 1 кн. 65 стр.

⁽²⁾ Чтен. въ общ. истор. 1872 г. 3 кн. 312 стр.

⁽³⁾ Сборн. Кельс. 3 в. Пѣсня № 3. 32 стр.

⁽⁴⁾ Изслѣд. Добротв. 137 стр. № 18.

⁽⁵⁾ Изслѣд. Реутскаго, 201 стр.

„Взялъ такое иго,
 Все складаетъ книгу,
 Тайну книгу отецъ сложить,
 На престолѣ ее положить“ тогда
 Коней тайныхъ заложить,
 Спуститъ батюшка десницу,
 Катать будетъ въ колесницѣ
 По израильскому роду“ (1).

По мнѣнію другихъ, это „удерживающее“ явленіе искупителя заключается въ томъ, что еще не наполнилось скопцами апокалипсическое число 144 тысячи; когда оно наполнится, тогда и наступитъ „царство христово“. Такъ полагали, между прочимъ, скопцы Милютинскаго корабля (2).

Отличаясь въ вопросѣ о времени совершенія страшнаго суда, скопцы отличаются, далѣе, отъ хлыстовъ и въ ученіи о характерѣ этого послѣдняго суда. Страшный судъ по ученію хлыстовъ — характера чисто духовнаго. Дѣйствительно, хлысты вовсе чужды мысли о какомъ-либо политическомъ преобладаніи; всѣ ихъ мечты устремляются къ небу, къ міру вышнему этого видимаго міра. Тамъ, въ небѣ, настоящее ихъ блаженство, гдѣ, по ихъ представленію, они будутъ ликовать съ своимъ господомъ Саваоомъ Данилою Филипповичемъ и гдѣ они безпрепятственно будутъ совершать свои радѣнія. Не такого характера страшный судъ и слѣдующая за нимъ жизнь въ ученіи скопцовъ. Цѣль религіознаго фанатизма скопцовъ не въ небесахъ, а на землѣ; они ждуть себѣ торжества и блаженства не тамъ, въ другомъ, лучшемъ мірѣ, но здѣсь, въ этомъ свѣтѣ, въ этой жизни, даже въ этомъ самомъ быту, который существуетъ теперь, съ пережѣною только его въ пользу ихъ, скопцовъ.

(1) Чтен. въ общ. истор. 1872 г. 3 кн. 156 стр.

(2) Тамъ же, 1873 г. 4 кн. 61—62 стр.

„Что вы, вѣрные-избранные!“ обращается искушитель
Селивановъ къ своимъ дѣтупкамъ-скопцамъ,

„Я дождуся той поры, времячка,

Перебирать буду всяко сѣмячко.

Я отъ чистыхъ не укроюся,

Надъ царями царь я откроюся;

Завладѣю всѣми престолами

И короною со державою:

Всѣ цари, власти мнѣ поклонятся“ (¹)...

„Придутъ, други, таки годы“, говорилъ Селивановъ,

„Укачу я въ царски роды,

Отступятся всѣ уроды“ (²)....

Мысль о воцареніи Селиванова на російскомъ престолѣ есть главнѣйшая въ ученіи скопцовъ. Селивановъ долженъ занять по праву принадлежащій ему русскій престолъ и тогда устройство русскаго государства приметъ другой видъ: императоръ Петръ III будетъ управлять государствомъ, а Наполеонъ I начальствовать надъ правовѣрными полками, т. е. скопцами. У скопцовъ есть даже болѣе грандіозныя мечты. По ихъ представленію, говоритъ Андреяновъ, „бѣлый царь, т. е. императоръ Петръ III соединитъ въ одну семью русскую, французскую и турецкую земли“ (³).

Страшный судъ совершится, по мнѣнію однихъ скопцовъ, въ Москвѣ, по мнѣнію другихъ—въ Петербургѣ (⁴). Прежде страшнаго суда „Саваоѣ съ своимъ вторымъ сыномъ“ „заложать новые города и губерніи“ по преимуществу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ страдалъ лжеискупитель. Далѣе послѣдуетъ закладка „новыхъ соборовъ—чудныхъ“; въ нихъ будутъ поставлены иконы „премудрыя и чудотворныя“, а свѣчи—„пудовыя“. Заложать также нѣсколько церквей приход-

(¹) Сборн. Кельс. 3 в. Прилож. II. 27, 60 стр.

(²) Тамъ же, II. 2, 34 стр.

(³) Чтен. въ общ. истор. 1872 г. 3 кн. 314 стр.

(⁴) Тамъ же, 154 стр.

скихъ и монастырей — „не простыхъ“. Колокола на всѣхъ колокольняхъ будутъ повѣшены „звонкіе и дивныя“ (¹). Окончивши эти предварительныя работы,

„Станетъ отецъ“, по словамъ другой пѣсни,
 „Въ златую трубу назирати,
 А самъ плакати и рыдати,
 Какъ судъ божій совершати“ (²).....

Мгновенно „государь-батюшка“ грянетъ въ 12 своихъ трубъ и тогда-то „сырая земля потрясется, небеса поколеблются, божьи люди перепугаются“, вся вселенная застонетъ въ отчаяніи, потому что „государь-батюшка“ постоитъ только за своихъ дѣтушекъ, „за вѣрныхъ, святыхъ и праведныхъ“ (³); ангелы небесныя запоютъ въ это время „на гласы жалкіе, заунывные“; они будутъ пѣть:

„Про страды искупителя, про мученіе
 И про крестъ его, про терпѣніе,
 Про путь дальне похождение
 И про трудныя его ступенечки“ (⁴).

Вслѣдъ за этимъ, по всей новой Россіи пойдетъ немолкаемый и оглушительный звонъ. По „первому звону“ явится Илья-пророкъ, — не тотъ, котораго ожидаютъ православныя, а „новый и второй“; онъ „многихъ выгонитъ изъ старой Россіи вонъ, а иныхъ отдастъ въ полонъ“. По „второму звону“ явятся „небесныя пророки“; эти послѣдніе „станутъ разбирать всякіе пороки: что, гдѣ за кѣмъ есть—станутъ вездѣ чисто мечь“ (⁵). Между тѣмъ, по гласу Саваоѳа,

„Короли будутъ съѣзжаться,
 Въ Москвѣ будутъ утверждаться,

(¹) Псалѣдов. Реутскаго, 197 стр. Пѣсня.

(²) Русск. Старина 1878 г. 22 т. 473 стр. Скопч. пѣсня № 3.

(³) Псалѣд. Добротворскаго, 141 стр. № 22.

(⁴) Тамъ же, 143 стр. № 24.

(⁵) Псалѣдов. Реутскаго, 198 стр. Пѣсня.

Всѣмъ царямъ будетъ извѣстно,
Соберутся въ одно мѣсто“ (1)....

Въ свою очередь и скопцы также станутъ стремительно слетаться въ одно мѣсто со всѣхъ четырехъ сторонъ:

„Отъ бѣлой зари, отъ Сіонъ горы“, поютъ обыкновенно скопцы, какъ бы созерцая это чудное и великое событіе,

„Отъ востокъ-страны отъ Иркутскія...“

Летятъ голуби, летятъ бѣлье,

Летятъ тучами, за крестъ мучимы:

Все скопцы, бѣльцы, земли греческой,

Именитые, знаменитые;

Знамена несутъ, кандалы трясуть,

Въ волкола звонять—сокола манять“ (2)....

Сюда же, нужно полагать, будутъ стекаться и всѣ не-скопцы (3).

Когда, такимъ образомъ, всѣ люди и со всѣхъ сторонъ соберутся въ одно мѣсто, съхавшіеся короли, цари и вельможи „вздумають въ это время синодомъ скрыть отъ сиротъ на малое время ихъ отца“. Но тутъ грозно выступить предъ пророками самъ царь и скажетъ:

Идетъ дѣло ко амину,

Покажите ту храмину.

Вы подайте намъ тѣ вѣсти,

Гдѣ посаженъ, въ коемъ мѣствѣ,

т. е. лжеискупитель. И пророки, послушные голосу царя, дѣйствительно, покажутъ ему эту „храмину“, а которые не укажутъ

„Тѣмъ и острый мечъ покажутъ:

Будутъ головы рубить,

Что которые не могутъ

Про батюшку протрубить.

(1) Русск. Стар. 1878 г. 22 т. 473 стр.; Скопч. пѣсня № 3.

(2) Исхлѣдов. Добротвор., II. № 19, стр. 137.

(3) Чтен. въ общ. истор.... 1872 г. 2 кн. 185—186 стр.

Много будетъ убиенныхъ
 Всему міру на удивленіе;
 Многіе будутъ дивоваться,
 На батюшку увѣряться" (1).

Вслѣдъ за этимъ „праведный судья“, т. е. искупитель Петръ III Ѳеодоровичъ станетъ судить всѣхъ „правымъ судомъ“ (2). Судъ начнется съ пророковъ, которыхъ онъ первыми потребуетъ „на свое пречистое око“ (3); потомъ станетъ судить всѣхъ скопцовъ и не-скопцовъ. Въ это время многіе отъ страха наказанія будутъ „прятаться отъ страшнаго суда“; многимъ придется „до сыта наплакаться отъ своихъ дѣлъ“; отраднo будетъ только тѣмъ, которые „въ бо-гѣ находили предѣлъ“. „Слабымъ и старымъ слугамъ“, которые „дешево цѣнили божество и христа пови-нили“ будетъ сказано: „подите прочь, въ темную ночь; вы свѣтъ христовъ проспали“... Праведнымъ будетъ милость; съ ними „праведный судья“ будетъ „бесѣ-довать, говорить и чудеса творить“ (4). Окончивши судъ надъ пророками и всѣми скопцами и не-скоп-цами, искупитель Петръ III Ѳеодоровичъ „смирить явнаго царя и весь его синодъ“ (5). Перваго онъ удалитъ съ русскаго престола и самъ „въ пречистомъ своемъ тѣлѣ“ вопарится „въ обновленной и очищен-ной отъ всякой нечистоты“ Россіи „на короткое вре-мя“ (6). Для управленія всею Россіею онъ приметъ „скипетръ и державу“ (7). Тогда-то исполнятся слова Апокалипсиса: „всѣ цари земные и короли, падши,

(1) Русск. Стар. 1878 г. 22 т. 473 стр.

(2) Сборн. Кельс. III. Прилож. 80 стр. № 43.

(3) Русск. Стар. 1878 г. 22 т. 473 стр.; Извѣд. Добротворск. 149 стр. № 28.

(4) Извѣд. Реутскаго, 199—200 стр. Пѣсня.

(5) Сборн. Кельс. III. 80 стр. II. № 43.

(6) Извѣд. Реутскаго, 198 стр. и Чт. въ общ. ист... 1872 г. 1. 70 стр.

(7) Извѣд. Реутскаго, 199 стр.

поклонятся отцу-искупителю — второму богу и великому страдальцу—и вручатъ ему короны свои и скипетры, весьма сожалѣя, что они не познали такого сокровища, находившагося между людьми“ (1). Слава новаго „царя - бога“ будетъ чрезвычайно велика. Его величію будетъ удивляться „вся небесная сила“; его будутъ прославлять все люди и всехъ званій. Когда, говорятъ скопцы, „пречудное и пречистое живое лицо“ его будетъ поставлено „на всехъ сооруженныхъ и богомъ благословенныхъ престолахъ“, тогда вездѣ и всюду будетъ „трубушка трубить“, что это не спадающій страдательной первой цвѣтъ, что таковыхъ цвѣтовъ и на землѣ нѣтъ“! Между тѣмъ, продолжаютъ скопцы, искупитель, въ своемъ неизреченномъ милосердіи, пошлетъ во все концы вселенной апостоловъ и пророковъ, которые „посѣятъ въ каждой землѣ по зернышку пшеницы, каждое же зернышко произведетъ пшеницы на тридцать кораблей“ (2). Иначе говоря, тогда весь родъ человѣческой приметъ оскотленіе. Здѣсь, конечно, самъ собою является вопросъ: какимъ образомъ будетъ происходить продолженіе рода человѣческаго? Одни скопцы полагаютъ, что люди будутъ существовать безконечно, не измѣняясь въ числѣ (3); по мнѣнію другихъ, продолженіе рода человѣческаго будетъ зависѣть не отъ плотскаго соединенія, но единственно отъ цѣлованія, ибо, говорятъ они, „Богъ силенъ и изъ камней воздвигнуть чада Аврааму“ (4).

Такъ, заключаютъ скопцы, совершится страшный судъ, предвозвѣщенный въ Евангелии. Самъ искупитель Петръ III, послѣ временнаго управленія Россіи

(1) Исслѣд. Реутскаго, 199 стр. и Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. 70 стр.

(2) Чтен. въ общ. истор.... 1872 г. 1. 70 стр.

(3) Тамъ же, 94 стр.

(4) Тамъ же, 1873 г. 1. 60 стр.

ею, умереть естественною смертію; тѣло его будетъ положено въ ракъ благовѣрнаго князя Александра Невскаго, въ которой, по мнѣнію скопцовъ, теперь никакихъ мощей не находится, и она предназначена собственно для скопческаго искупителя (¹); божество же его удалится въ седьмое небо для соединенія съ господомъ Саваоомъ, матушкой Акулиной Ивановной и предтечею Александромъ Ивановичемъ (²). Видимый міръ будетъ существовать безконечно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ находился во время страшнаго суда и люди, въ немъ находящіеся, также будутъ наслаждаться благами безконечно (³); въ чемъ, однако, будетъ состоять это наслажденіе—неизвѣстно; вѣроятно, также какъ и у хлыстовъ, въ совершеніи радвнй.

Изъ представленнаго нами ученія скопцовъ о страшномъ судѣ можно отчасти замѣтить, что въ этомъ ученіи ни слова не говорится объ умершихъ и о воскресеніи мертвыхъ.* Дѣйствительно, большинство скопцовъ отрицаетъ догматъ воскресенія мертвыхъ и въ этомъ пунктѣ своего ученія они, очевидно, отличаются отъ хлыстовъ. Такъ, крест. Иванъ Андреяновъ въ своемъ ~~ученіи~~ ^{ученіи} говоритъ, что галицкія пророчицы, дѣвки Арина и Феода, возвратившись изъ Петербурга отъ лжеискупителя, говорили прочимъ скопцамъ: „за умершихъ не должно молиться“ (⁴). Точно также и Елянскій отрицаетъ необходимость молитвы за умершихъ (⁵). Самъ основатель скопческой секты, впрочемъ, допускаетъ воскресеніе только тѣхъ душъ, которыя „въ семь вѣкѣ обѣщаются Богу и своему от-

(¹) Чтен. въ общ. истор... 1872. 1. 71 стр.

(²) Исслѣд. Раутскаго, 223—225 стр. и Исслѣд. Добротворскаго, 136—137 стр.

(³) Чтен. въ общ. истор... 1872. 1. 94 стр.

(⁴) Тамъ же, 3. 302 стр.

(⁵) Тамъ же, 1867. 4. 80 стр.

цу-искупителю въ несумнѣнной вѣрѣ, чистотѣ и послушаніи, въ кротости и смиреніи, отъ начала своей жизни и до конца послужить" (')...

2) Нравственное ученіе.

На первый взглядъ представляется, что въ нравственномъ ученіи скопцы совершенно сходны съ хлыстами; и тѣ и другіе стремятся достигнуть святости и безстрастія; разность только въ томъ, что хлысты достигаютъ этой цѣли одними средствами, а скопцы другими. Въ самомъ же дѣлѣ, при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи нравственнаго ученія этихъ сектъ, оказывается, что отличіе скопцовъ отъ хлыстовъ въ этомъ отношеніи простирается гораздо далѣе. Цѣль нравственнаго усовершенствованія у хлыстовъ не та только, чтобы достигнуть безстрастія и святости, но чтобы вселить въ себя Христа, чтобы содѣлаться Христомъ. Это послѣднее есть главнѣйшая и существенная цѣль всей нравственной дѣятельности хлыстовъ. У скопцовъ, само собою понятно, не можетъ быть и рѣчи о такой цѣли нравственнаго совершенства; догматическое ученіе ихъ, какъ извѣстно, включило возможность перевоплощеній І. Христа; отъд., и изъ нравственной системы ученіе о необходимости каждому человѣку достигать воплощенія въ себя Христа—по необходимости было исключено. Поэтому, высшая цѣль нравственнаго совершенства человѣка, по ученію скопцовъ, есть состояніе абсолютной невозможности грѣшить. Это послѣднее достигается чрезъ оскотпленіе.

При изложеніи исторіи скопческой секты мы старались по возможности выяснить происхожденіе скопчества и показали, что скопчество возникло на почвѣ хлыстовщины и было слѣдствіемъ нравствен-

(') Чтен. въ общ. истор... 1872. 2. 184 стр.

наго разложенія послѣдней. Не повторяя, поэтому, того, что уже сказано, мы теперь постараемся только представить сущность ученія основателя скопческой секты о необходимости оскотленія, изложеннаго имъ въ своемъ „Посланіи“. Ученіе объ этомъ предметѣ онъ излагаетъ подѣ аллегорическою формою „лѣпости“, т. е. всякаго вообще половаго отношенія между мужчиною и женщиною. „Лѣпость“, по взгляду лжеискупителя, есть одно изъ величайшихъ золъ въ мѣрѣ; она есть лютый змѣй, пожирающій весь мѣръ; она отъ Бога отвращаетъ и къ Богу не допускаетъ (1). По своимъ свойствамъ она неотразимо привлекаетъ къ себѣ всякаго, близко обращающагося брата съ сестрою; въ этомъ случаѣ она подобна магниту, притягивающему къ себѣ желѣзо, моли, которая съ жадностію пожираетъ предметы (2). Поэтому, говоритъ лжеискупитель, чтобы воздержаться отъ „лѣпости“, чтобы достигнуть „чистоты“ необходимо прежде всего удаленіе самаго органа соблазняющаго и притомъ быстрое и моментальное: „ужь змію бить, такъ и бей поскорѣе до смерти, покуда на шею не вспрыгнула и не укусила“ (3). Но кромѣ этого необходимо также, чтобы и умъ былъ свободенъ отъ нея и сердце не занималось ею (4); для этой послѣдней цѣли необходимо воздерживаться отъ всякихъ личныхъ сношеній съ женщинами, „отъ праздныхъ разговоровъ и смѣховъ, отъ чего происходитъ уже лѣпость“ (5). Только съ соблюденіемъ того и другаго условія возможно достигнуть совершенной „чистоты“, которая, такимъ образомъ, есть „отъ всѣхъ слабостей удаленіе, какъ-то: въ началѣ отъ женской лѣпости, а потомъ отъ кле-

(1) Чтен. въ общ. истор... 1864. 4. 66 стр.

(2) Тамъ же, 69 стр.

(3) Тамъ же, 79 стр.

(4) Тамъ же, 68 стр.

(5) Тамъ же, 69 стр.

веты и зависти, отъ чести и тщеславія, отъ гордости и самолюбія, отъ лжи и празднословія“ (¹).

Какъ ни безумно ученіе основателя скопческой секты, какъ ни изувѣрно и ни ужасно преступленіе, проповѣдуемое имъ, оно, какъ извѣстно, нашло себѣ многочисленныхъ послѣдователей, которые совершали операцію оскотленія съ готовностію, съ мужествомъ и терпѣніемъ, приводящими посторонняго наблюдателя въ необъятный страхъ и ужасъ. По взгляду скопцовъ, оскотленіе—это „тайна Божія“, которая заповѣдана отъ всего міра и открыта только имъ, скопцамъ; объ этой „тайнѣ“ говорилъ І. Христосъ и еще болѣе Іоаннъ Богословъ въ своемъ Откровеніи (²). Оскотленіе — это „Божье знамя“, съ которымъ они, скопцы, пойдутъ на страшный судъ, которое они получаютъ на вѣки и послѣ страшнаго суда (³). Оскотленіе — вѣрное средство получить будущее блаженство (⁴); оно есть истинное „убѣленіе“ не только тѣла, но и души (⁵); оно же дѣлаетъ человѣка способнымъ „къ вдохновенію и видѣнію Бога“ (⁶). Конечно, для всякаго здравомыслящаго человѣка очевидно, что въ основаніи ученія скопцовъ лежитъ самый узкій, самый наивный эгоизмъ, который, однако, очень привлекателенъ для невѣжды. И въ самомъ дѣлѣ, кто не согласится подвергнуться извѣстнаго рода временнымъ лишеніямъ, чтобы устроить себѣ прочную будущность? Ученіе скопцовъ обѣщаетъ своимъ adeptамъ всевозможныя блага въ настоящей и будущей

(¹) Чтен. въ общ. истор... 1864. 4. 67 стр.

(²) Тамъ же. 1867. 4 70—71 стр. и Чт. въ общ. ист... 1873. 1. 128 стр.

(³) Исслѣд. Добротворскаго, Пѣсни №№ 15, 131 стр.: 19, 137 стр.: 22, 144 стр.

(⁴) Дух. стихи сек. люд. бож. Барсова, №№ 47, 46 стр.: 53, 85 стр.

(⁵) Сборн. Кельс. Ш. 123 стр.

(⁶) Чтен. въ общ. ист... 1872. 2. 151 стр.

жизни и грозитъ ужасами ада невѣрующимъ. Понятно, что очень трудно, даже почти невозможно для умственно-слѣпаго человѣка не поддаться такой приманкѣ, съ одной стороны, и устоять противъ ужасовъ ожидающихъ его наказаній—съ другой, т. е. въ томъ случаѣ, если онъ слѣпо и всецѣло не подчиняется этому ученію.

Ученіе скопцовъ объ оскотленіи опирается на извѣстныя историческія и догматическія основанія. По ихъ представленію, оскотленіе или собственно необходимость его одновременна псявленію первыхъ людей. Богъ, говорятъ скопцы, сотворилъ Адама и Еву людьми „безплотными“, т. е. неимѣвшими половыхъ органовъ. Какъ скоро они нарушили заповѣдь Божию и, прельщенные діаволомъ, съѣли запрещенныя яблоки, подобія запрещенныхъ плодовъ выросли на ихъ тѣлѣ: у мужчинъ—сѣмянные testiculi, у женщинъ—груды. Тогда они „сшиста листвіе смоковное и сотвориста себѣ препоясанія“ и въ такомъ видѣ предстали предъ разгнѣваннаго Создателя. Такъ какъ половые органы явились на тѣлѣ человѣческомъ по ухищренію діавола, соблаздившаго прародителей, то ихъ должно уничтожать, чтобы очистить тѣло, созданное Богомъ и испорченное врагомъ (¹). По представленію, впрочемъ, гадацкихъ скопцовъ, первые люди были сотворены съ половыми органами, хотя и въ невинномъ состояніи; впоследствии же діаволь, явившись во снѣ Евы, началъ ее смущать и дѣйствительно соблазнилъ (²). Какъ средство для удаленія лишняго нароста на человѣческомъ тѣлѣ въ в. завѣтѣ, продолжаютъ скопцы, было установлено обрѣзаніе для мужчинъ, которое, по мнѣнію однихъ, есть только прообразъ оскотленія, по мнѣнію же другихъ—самое оскотленіе (³). Поэтому, говорятъ скопцы, всѣ ветховавѣт-

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1873. 1. 60 стр.

(²) От. Зап. 1867 г. № 10. 597—598 стр.

(³) Тамъ же, 595 стр.

ные праведники и пророки были скопцами; Ной тоже былъ скопецъ и скопчество свое, которое онъ скрывалъ отъ дѣтей своихъ, обличилось въ извѣстномъ случаѣ, разсказанномъ въ Библии (¹); И. Христосъ и апостолы были скопцы (²). Далѣе, вся вообще христіанская церковь до временъ Константина В. сохраняла во всей силѣ оскотленіе. Елянскій въ своей „Части извѣстія, на чемъ скопчество утверждается“, между прочимъ въ оправданіе мысли, что въ древней христіанской церкви, дѣйствительно, существовало оскотленіе, указываетъ на монастыри, которые были будто бы скопческими; далѣе, въ подтвержденіе той же мысли онъ ссылался на книги Баронія 12 вѣковъ, на Прологи, Четьи-Минеи и проч. (³). Саратовскіе скопцы указывали также на Четьи-Минеи, гдѣ говорится о нѣкоторыхъ святыхъ, бывшихъ скопцами (⁴). Со времени Константина В., который будто бы первый сталъ строить „явные храмы и вводить обряды“, скопчество мало по малу начинаетъ уничтожаться (⁵). — У насъ, на Руси, продолжаютъ скопцы, также существовать скопчество съ самаго введенія христіанства. Объ этомъ свидѣтельствуетъ „Полный мѣсяцесловъ“, изданный въ Петербургѣ въ 1817 году, гдѣ указываются многіе митрополиты-скопцы. Объ этомъ же свидѣтельствуетъ книга „Указаніе пути въ царствіе небесное“—сочиненіе Иннокентія иркутскаго. Въ ней прямо говорится, что „во всякомъ человѣкѣ есть грѣхъ, а грѣхъ есть такая язва, которая сама собою, т. е. безъ лѣкарствъ, не излѣчивается; а у нѣкоторыхъ людей эта язва такъ глубока и опасна, что излѣчить ее можно не иначе, какъ прижиганіемъ и вырѣзываніемъ“.

(¹) Соврем. Лист. 1867 г. № 82.

(²) Чт. въ общ. ист... 1872. 3. 303 стр.

(³) Тамъ же, 1867. 4. 81 стр.

(⁴) Тамъ же, 1873. 1. 128 стр.

(⁵) Тамъ же, 1872. 1. 81 стр.

емь“ (¹). Извѣстно также и то, что патріархъ Никонъ былъ скопцомъ и изъ-за скопчества поссорился съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (²). Словомъ, по словамъ Елянскаго, скопчество и скопческія „дѣла“ существовали въ Россіи отъ временъ кн. Владиміра и сначала хранились въ чертогахъ княжескихъ, потомъ въ монастыряхъ обитали и наконецъ они неизмѣнно пребываютъ до сего времени въ простолюдинахъ (³). Поэтому, продолжаетъ онъ, „мы истинные послѣдователи Христу,—родъ избранъ, царское священіе, люди обновленія, Бога бояшіеся, царя почитающіе“ (⁴).

Здѣсь, конечно, излишне входить въ разборъ фактовъ, приводимыхъ скопцами въ оправданіе своего ученія объ оскопленіи. Достаточно замѣтить, что ветхозавѣтное обрѣзаніе, въ которомъ скопцы хотятъ видѣть прообразъ своего оскопленія, по своему характеру и цѣли установленія совершенно отлично отъ оскопленія. Въ ветхомъ завѣтѣ чадородіе считалось однимъ изъ величайшихъ благодѣяній Божіихъ, такъ что женщина, неимѣющая дѣтей, почиталась отверженной Богомъ (1 Цар. 1, 6). Поэтому предполагать, что будто бы обрѣзаніе было установлено съ цѣлю ослабленія и даже совершеннаго уничтоженія способности къ размноженію,—въ высшей степени странно и нелѣпно. Самъ Богъ, благословляя людей, между прочимъ благословилъ и бракъ: *сего ради оставитъ человекъ отца своего и мать свою и прильпится къ жентъ своей: и будета два въ плоть едину* (Быт. 2, 24); и въ другомъ мѣстѣ: *раститесь и множитесь и наполните землю* (Быт. 1, 28; 9, 1). Очевидно, обрѣзаніе не имѣло цѣлю сокращать родъ человѣческій; оно служило символомъ соединенія человека съ Бо-

(¹) Чт. въ общ. вѣст... 1873. 4. 128—129 стр.

(²) От. Зап. 1867. № 10. 608 стр.

(³) Чт. въ общ. вѣст... 1867. 4. 70 стр.

(⁴) Тамъ же, 76 стр.

гомъ и указывало человѣку, что дѣти, какъ и всякій другой даръ, *есть даръ Божій* (Быт. 17, 11). Наконецъ, если гдѣ, то именно въ древней христіанской церкви оскотленіе преслѣдовалось какъ преступленіе, оскорблявшее Самого Бога. Святые апостолы опредѣлили строгія правила относительно скопцовъ. „Скопецъ, аще отъ человѣческаго насилія, или въ гоненіи таковымъ содѣланъ, или такъ рожденъ, и аще достоинъ, да будетъ епископъ. Самъ себя скопившій да не будетъ принятъ въ клиръ: самоубійца бо есть и врагъ Божія созданія“ (¹). Вообще, древняя церковь всегда карала самооскотленныхъ лицъ, какъ преступниковъ, что видно между прочимъ, изъ примѣровъ Оригена и Леонтія, епископа антioxійскаго, изъ которыхъ первый былъ лишенъ сана пресвитерскаго, а послѣдній даже епископскаго.

Далѣе, скопцы, желая, повидимому, быть основательными, указываютъ на нѣкоторыя мѣста св. писанія, которыя, по ихъ мнѣнію, оправдываютъ и даже узаконяютъ оскотленіе. Прежде всего они, конечно, цитуютъ всѣ тѣ мѣста ветхозавѣтнаго писанія, гдѣ говорится объ обрѣзаніи. Такъ, они ссылаются на 5 гл. 2—8 ст. книги Исуса Навина, гдѣ говорится объ установленіи обрѣзанія; указываютъ, далѣе, на 17 гл. 14 ст. книги Бытія, гдѣ говорится, что „погубится душа отъ рода своего у того, кто не обрѣжетъ плоти крайнія своей въ день обрѣзанія“; ссылаются, наконецъ, на 1 гл. 41, 48—50 ст. 1-й кн. Маккавейской, гдѣ излагается безумное повелѣніе царя Антіоха о запрещеніи обрѣзанія между іудеями и проч. (²). Видя въ ветхозавѣтномъ обрѣзаніи прообразъ своего оскотленія и даже самое оскотленіе, скопцы, естественно, обращаютъ въ свою

(¹) 21 и 22 пр. См. 23 и 24 пр. «Правила св. апост. и вселен. соборовъ»

(²) Чт. въ общ. вст... 1873 г. 1. 129—130 стр. и Тамъ же, 2. 152 стр.

пользу и тѣ мѣста ветхозавѣтнаго писанія, гдѣ говорится объ евнухахъ и каженикахъ. Такъ, еще Елявскій въ своей „Части извѣстія, на чемъ скопчество утверждается“ указывалъ на 56 гл. 4—7 ст. кн. пр. Исаи, гдѣ сказано, что „каженикамъ лучшее мѣсто сыновъ и дочерей дается“⁽¹⁾. На это же изреченіе пр. Исаи указывали и скопцы саратовскаго корабля; къ нему они присоединяли еще изреченіе кн. Премудрости Соломона ст. 14 - й 3 главы, гдѣ тоже самое прилагается къ евнухамъ⁽²⁾. Въ новомъ завѣтѣ, продолжаютъ скопцы, оскотленіе было узаконено Самимъ І. Христомъ словами: *суть скопцы, иже изъ чрева матерня родившася тако: и суть скопцы, иже оскотившася отъ чловѣкъ, и суть скопцы, иже искизаша сами себе царствія ради небснаго* (Мѡ. 19, 12). Этими словами, говорятъ они, І. Христосъ прямо оправдываетъ оскотленіе и считаетъ его даже совершенно необходимымъ для достиженія царствія Божія. Далѣе, св. Іоаннъ Предтеча, говоря объ І. Христѣ, замѣтилъ: *Той (І. Христосъ) вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Мѡ. 3, 11), т. е. І. Христосъ, комментируютъ скопцы, будетъ креститъ „огненнымъ крещеніемъ“, иначе „оскотленіемъ“. Эти два послѣднія изреченія новозавѣтнаго писанія составляютъ самыя фундаментальныя и общераспространенныя между скопцами доказательства о необходимости оскотленія⁽³⁾. Но очевидно, что ни то, ни другое мѣсто пи-

⁽¹⁾ Чт. въ общ. вст... 1867 4. 80 стр.

⁽²⁾ Тамъ же, 1873. 1. 129 стр.

⁽³⁾ Ссылаются также и на другія мѣста изъ Новаго Завѣта, которыя, по мнѣнію скопцовъ, такъ или иначе доказываютъ мысль о необходимости оскотленія. Такъ, они говорятъ, что І. Христосъ повелѣлъ *отъскаать соблазнующій удъ* (Мѡ. 5, 29—30); ап. Павелъ совѣтуетъ *умерщвлять уды* (Кол. 3, 5); наконецъ, въ Апокалипсисѣ говорится о *двѣхъ венникахъ*, т. е. о «скопцахъ», которые предстоятъ предъ престоломъ Божиимъ (14, 1—5).

санія не оправдываетъ ученія скопцовъ объ оскотленіи.

Смысль словъ Спасителя станетъ понятнымъ для насъ тогда, когда мы обратимъ вниманіе на предъидущую бесѣду Спасителя. Приведенныя слова Господь изрекъ противъ заключенія, что лучше не жениться, чѣмъ не исполнить всѣхъ обязанностей брака. „Если такая обязанность нужна по отношенію къ женѣ, говорили ученики въ отвѣтъ Господу, то лучше не жениться“ (Мѣ. 19, 10). „Нѣтъ, отвѣчалъ Спаситель, не всѣ могутъ, исполнить это, т. е. не всѣ могутъ не жениться, но только тѣ, которымъ это дано“ (Мѣ. 19, 11). А дается это тѣмъ во 1-хъ, которые отъ природы рождены неспособными къ брачной жизни—*иже отъ чрева материя родившася тако*. Во 2-хъ тѣмъ, которые, по совѣту мудрыхъ и благочестивыхъ мужей, добровольно принимаютъ на себя обѣтъ дѣвства; *хощу*, говоритъ апостолъ, *да вси чловѣцы будутъ, якоже и азъ*, т. е. такими же дѣвственниками; ибо, продолжаетъ онъ, *не оженивыйся печется о Господнихъ... а оженивыйся печется о жень... (Кор. 7, 7, 32—33)*. Наконецъ, въ 3-хъ, могутъ не вступать въ бракъ и тѣ, которые, по внутреннему, благочестивому побужденію, по особому произвольному обѣту (напр. монашества) обрекаютъ себя на жизнь безбрачную, цѣломудренную, желая распинать плоть свою со страстями и похотями ради Христа и Его Евангелія (1 Кор. 9, 25—27; Гал. 5, 24). Такимъ образомъ, въ словахъ Спасителя вовсе нѣтъ и мысли о необходимости физическаго оскотленія въ дѣлѣ спасенія чловѣка. Очевидно, что слово „скопецъ“, употребленное І. Христомъ, имѣетъ другой смыслъ. Оно означаетъ здѣсь не чловѣка, лишеннаго извѣстныхъ тѣлесныхъ органовъ, — потому что такое оскотленіе можетъ быть только одно, а въ словахъ І. Христа представляются три вида оскотчества, — а здѣсь разумѣется чловѣкъ, у котораго умерщвлены всѣ страсти и похоти, какъ и говорить объ этомъ ап. Павелъ

въ посланіи къ Колоссаемъ: *умертвите уды ваши* (3, 5), а не сказалъ „отымите или отрѣжьте уды ваши“. Слѣд., умертвить уды, значить умертвить грѣховныя страсти, нечистыя побужденія. Это послѣднее достигается постояннымъ бдѣніемъ надъ своими мыслями и желаніями и сокрушенною сердечною молитвою; слѣд., духомъ, внутренно, а не по наружности или физическимъ изуродованіемъ себя (Римл. 8, 13; Гал. 5, 16; Еф. 2, 8—9). Да и вообще, можетъ ли имѣть какую либо цѣну и значеніе предъ Богомъ такое дѣло, какъ, напр., лишеніе у себя какого нибудь члена? Изреченія хлыстовъ: „не трудно бороться съ умерщвленными врагомъ, а ты поборись съ живымъ“ и „что за побѣда надъ врагомъ, когда врагъ умерщвленъ? — тутъ нѣтъ божьяго дѣла, одно только малодушіе“⁽¹⁾ — вполне справедливы. Сами скопцы новѣйшаго времени уже признали маловажность и даже совершенное ничтожество физическаго оскотленія. Вотъ что говоритъ Ефимъ Купріяновъ, одинъ изъ послѣдователей „новоскопчества“: „человѣкъ, хотя бы десять разъ оскотился, но если не будетъ душею чистъ, справедливъ и благочестивъ, то его скопчество не даетъ ему ни малѣйшаго оправданія предъ Богомъ... Если оскотленіе, столь высоко цѣнимое, считается абсолютно святымъ, то и всѣ оскотленные, находящіеся при турецкихъ сераляхъ и персидскихъ дворахъ, могутъ надѣяться на полученіе вѣчнаго блаженства“⁽²⁾. Но и независимо отъ этого послѣдняго, т. е. что скопчество не оправдываетъ и не можетъ оправдать человѣка предъ Богомъ, приводитъ ли оно человѣка, дѣйствительно, къ той цѣли, для которой оно главнымъ образомъ и употребляется? Иными словами, оскотленіе, употребляемое

⁽¹⁾ Христ. Чтен. 1869 г. № 9. 446 стр. 1 пр. и Русск. Вѣстн. 1868 г. № 5. 14 стр.

⁽²⁾ Христ. Чтен. 1877 г. Сент.—Окт. 404 стр. 2 прил.

скопцами, избавляетъ ли ихъ отъ чувственныхъ, грѣховныхъ пожеланій? Становятся ли они въ самомъ дѣлѣ безстрастными, чуждыми всякой похотливости? Далеко нѣтъ. Лишая себя только естественной способности къ дѣторожденію, скопцы не спасаютъ плоти отъ похотей и страстныхъ вожделѣній, которыя теперь еще съ большею, чѣмъ прежде, силою возстаютъ въ ихъ сердцахъ и приводятъ въ страстное волненіе всю душу. Сами скопцы сознаются, что послѣ операціи оскотленія у нихъ съ необыкновенною силою начинаютъ развиваться страсти самыя дикія и пороки самыя гнусныя (¹). Объ этомъ нравственномъ состояніи скопца говорилъ еще премудрый сынъ Сираховъ: *желаніе скопце растлитъ ли дввицу? Такожде творитъ нуждею суды. Какъ польза идолу отъ жертвы? Не имать бо ясти, ни обоняти: тако гонимый отъ Господа, зряи очима и стелни, якоже енухъ осязаяи дввицу и въздыхаяи* (20, 4; 30, 19—21). Очевидно, умъ плоти, противъ котораго воюетъ духъ, живетъ не въ зарождающихъ только органахъ, но въ цѣломъ организмѣ. Скопецъ борьбы не избѣгаетъ и мучится въ самыхъ паденіяхъ своихъ.

Скопцы видятъ основаніе для оскотленія въ словахъ Предтечи объ І. Христѣ: *Той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* и называютъ это огненнымъ крещеніемъ или оскотленіемъ. Но огненное крещеніе—это болѣзненные страданія и искушенія ради Христа, въ которыхъ христіанинъ, какъ золото въ горнилѣ огненномъ, очищается отъ сквернъ грѣховныхъ. *Пройдохъ*, говорятъ свв. мученики, *сквозь огонь и воду и извелъ ны еси въ покой* (Пс. 65, 10). Это толкованіе огненнаго крещенія во Христѣ подтверждается словами Спасителя: *огнь скорбей, страданій и мученій придетъ воврещи на землю и како хошу, аще бы онъ уже возгорѣлся. Ибо и Азъ крещеніемъ на кре-*

(¹) Сборн. Кельс. III. 221 стр. 304 прим.

стѣ огненнымъ, кровавымъ, самымъ мучительнымъ *имама* скоро крестится, и како удержуся, дондеже скончאותся Мои ужасныя страданія (Лук. 12, 49—50)!

Въ ряду доказательствъ, приводимыхъ скопцами въ оправданіе своего ученія о необходимости оскотленія вельзя не отмѣтитъ еще одного доказательства, заимствуемаго ими изъ строя жизни церковной. Доказательство это имѣетъ свою цѣлю оправдать существованіе скопцовъ, какъ общества съ извѣстными цѣлями и состоитъ въ указаніи на аналогическое явленіе, существующее въ православной перкви, именно на институтъ монашескій. Скопцы говорятъ: „если признавать нарушителями началъ общежитія скопцовъ, то не падаетъ ли доля обвиненія въ томъ же и на господствующее учрежденіе монаховъ, такъ какъ, продолжаятъ они, цѣль тѣхъ и другихъ одна и таже и какъ отъ первыхъ ничего быть не можетъ, такъ и отъ послѣднихъ не должно быть по уставу церкви“. Мысль о монашествѣ скопцовъ въ первый разъ выражена самимъ основателемъ скопческой секты, который прямо утверждалъ, что скопцы „получили монашескій чинъ“⁽¹⁾; потомъ эта мысль косвенно была выражена Елянскимъ, который, какъ извѣстно, хотѣлъ всѣхъ скопцовъ сдѣлать іеромонахами⁽²⁾; онъ же, далѣе, указывалъ на существованіе въ древней церкви монастырей, которые, по его словамъ, „составлялись изъ однихъ убѣжденныхъ людей“⁽³⁾. Какъ тогъ, такъ и другой, выражая мысль о монашествѣ скопцовъ, не имѣли, однако, въ виду защищать существованіе общества скопцовъ, какъ особаго монашескаго института. Въ первый разъ эта послѣдняя мысль ясно была выражена въ 1868 году по поводу Плотицынскаго дѣла, хотя и осталась безъ всякаго

(1) Чт. въ общ. вст... 1864. 4. 87 стр.

(2) Тамъ же, 1867. 4. 67—68 стр.

(3) Тамъ же, 81 стр.

развитія. Незвѣстный авторъ письма къ редактору „Современныхъ Извѣстій“, подписавшійся буквами „Ф. М.“, имѣя въ виду зацитировать скопцовъ, привелъ съ этою цѣлю нѣсколько евангельскихъ текстовъ, подходящихъ къ цѣли и потомъ въ заключеніи выразилъ уже приведенную нами мысль о равноправномъ положеніи скопцовъ и монаховъ (¹). Противъ этой мысли незвѣстнаго автора, конечно, прежде всего должно возразить, что иное дѣло достигать дѣвства путемъ нравственной борьбы и иное дѣло достигать того же путемъ физическаго уродства; первое есть нравственный подвигъ, а второе — преступленіе. Если къ этому пресоединить, что скопцы нерѣдко употребляютъ насиліе надъ человѣкомъ, оскотпляютъ, далѣе, дѣтей, то преступленіе ихъ еще болѣе увеличивается и, очевидно, никакъ не можетъ быть терпимо въ обществѣ. Итакъ, приравнивать положеніе скопцовъ къ положенію монаховъ — нелѣпо и пропагандисты этой мысли, очевидно, не отличаютъ того, что добро и что зло, что составляетъ добродѣтель и что составляетъ преступленіе.

Такъ какъ съ ученіемъ скопцовъ о необходимости оскотпленія тѣсно связано фактическое осуществленіе этого ученія и такъ какъ это послѣднее по самому своему существу есть внѣшнее дѣйствіе, требующее извѣстнаго времени, мѣста и средствъ для своего обнаруженія и такъ какъ, наконецъ, это внѣшнее дѣйствіе необходимо должно сопровождаться извѣстными физиологическими и психологическими измѣненіями субъектовъ, подвергающихся этому дѣйствію то мы и постараемся изложить самую физиологію оскотпленія и показать: ученіе скопцовъ о видахъ или формахъ оскотпленія мужчинъ и женщинъ, время появле-

(¹) Современ. Извѣст. 1868 г. № 196.

нія этихъ видовъ оскотленія, образъ совершенія ихъ, совершителей или операторовъ, производящихъ оскотленіе, мѣсто и время совершенія оскотленія и, наконецъ, послѣдствія оскотленія для тѣлесной и духовной природы людей, подвергающихся этой операци.

3) Физиологія оскотленія.

По ученію скопцовъ, оправдываемому множествомъ дѣйствительныхъ факторовъ, существуютъ только два вида оскотленій какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ: не полное оскотленіе или, по терминологіи скопцовъ, „малая печать“, „первая чистота“, „первое убѣленіе“, „первая печать“, „ангельскій чинъ“, „сѣсть на пѣгаго коня“ и полное или, по терминологіи скопцовъ, „царская печать“, „вторая чистота“, „второе убѣленіе“, „архангельскій чинъ“, „сѣсть на бѣлаго коня“. Всѣ эти термины, очевидно, мистическаго характера и основываются на извѣстныхъ изреченіяхъ св. писанія, своеобразно понятыхъ скопцами. Такъ, терминъ „печать“ заимствованъ скопцами изъ Апокалипсиса VII гл. 2 ст., гдѣ говорится объ ангелѣ, имѣвшемъ „печать Бога живаго“ или, по толкованію скопцовъ, „печать ихъ оскотленія“ (1). Терминъ „чистота“ или на языкѣ скопцовъ „дѣвство“ также основано на изреченіи Іоанна Богослова (Апок. XIV. 4) (2). Терминъ „убѣленіе“ также заимствованъ изъ писанія, какъ можно думать на основаніи словъ Колесникова: „надобно уподобиться ангеламъ безплотнымъ, и для того умертвить плоть свою и очистить чувствія“,—сказанныхъ имъ Салтыкову въ объясненіе слова „облѣиться“, къ чему онъ склонялъ Салтыкова (3). Терминъ „чинъ ангельскій“ и „чинъ архангель-

(1) Чт. въ общ. ист... 1873 г. 1 № 62 стр.

(2) Тамъ же, 1872 г. 4. 86 стр.

(3) Тамъ же, 3 № 219—220 стр.

скій“ понятны изъ предъидущаго; объ этихъ терминахъ показывалъ Матусовъ (¹). „Състь на пѣгаго и бѣлаго коня“, какъ можно полагать, заимствованы изъ Апокалипсиса. Кромѣ этихъ терминовъ у скопцовъ существуютъ и употребляются другіе, обозначающіе и указывающіе вообще на актъ оскотленія, таковы: „спустить жидовскую кровь“, „увѣрить въ путь“, „обѣлиться“ (²), „умертвить въ себѣ Адамовъ грѣхъ“ (³) и проч. Въ физиологическомъ отношеніи первый видъ оскотленія или „малая печать“ состоитъ въ отнятїи однихъ только testiculorum съ частію scroti (⁴)—у мужчинъ и въ поврежденіи uteri и отнятїи clitoridis — у женщинъ. Второй видъ оскотленія или „царская печать“ состоитъ въ отнятїи самаго ствола, называемаго „ключемъ бездны“—у мужчинъ и въ отнятїи грудей у женщинъ (⁵).

Первый видъ оскотленія для мужчинъ по своему происхожденію одновремененъ появленію скопческой секты; въ этомъ согласны показанія всѣхъ скопцовъ. Относительно втораго вида оскотленія показанія скопцовъ раздѣляются между собою. Такъ называемые „старые“ или „чистые скопцы“, принимая первый видъ оскотленія, рѣшительно возстаютъ противъ втораго вида оскотленія и тѣхъ, которые совершаютъ его надъ собою, они называютъ „псами“. По ихъ мнѣнію, отнятїе всего члена во 1) не основано на законѣ (какой здѣсь разумѣется законъ—неизвѣстно); во 2)—это дѣлается не для спасенія души, но изъ расчета, что не примутъ въ военную службу, когда у нихъ не можетъ держаться uřina и въ 3) самъ основатель скоп-

(¹) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 253 стр.

(²) Тамъ же, 299 и 311 стр.

(³) Тамъ же, 220 стр. и Чт. въ общ. ист. 1873 г. 1. 60 стр.

(⁴) Эти члены у скопцовъ называются «удесными близнятами» и «ключемъ ада».

(⁵) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 4 № 86 стр.

ческой секты будто бы строго воспрещалъ отсѣченіе всего члена. При этомъ, старые скопцы говорятъ, что этотъ второй видъ оскотленія появился послѣ 1816 г. и принадлежитъ къ нововведеніямъ такъ называемыхъ „замосковныхъ скопцовъ“. Въ свою очередь послѣдніе, желая оправдать второй видъ оскотленія, утверждаютъ, что полное обрѣзаніе членовъ у мужчинъ совершается на основаніи словъ Апокалипсиса, гдѣ сказано: „аще единое лоно возбудится, тотчасъ и другое воспалится: вѣсть инаго врачеванія, какъ взять мечъ, да и отсѣчь“ и поэтому, естественно, относятъ появленіе этого рода оскотленія къ самому началу существованія скопческой секты (¹). Съ мнѣніемъ „замосковныхъ скопцовъ“ о времени появленія втораго вида оскотленія нельзя не согласиться. Известно, что Шилевъ, находясь въ рижской крѣпости, совершалъ оскотленіе не только чрезъ отнятіе testiculorum, но и ствола (²). Самъ основатель скопческой секты едвали не былъ скопцомъ съ царскою печатью; къ этому предположенію приводитъ разсказъ его „о туркѣ“, съ которою онъ боролся во время своего пути въ Сибирь (³). Обстоятельства, вызвавшія появленіе втораго вида оскотленія, безъ сомнѣнія, заключались, съ одной стороны, въ высшей степени религіозно-фанатической настроенности скопцовъ, а съ другой—въ тѣхъ физиологическихъ послѣдствіяхъ, къ которымъ приводилъ первый видъ оскотленія. По естественному физиологическому закону, отнятіе testiculorum, лишая человѣка способности оплодотворенія, не лишаетъ его, однако, способности соитія; это послѣднее и дѣлалось скопцами; поэтому, для предотвращения послѣдней возможности имѣть физиологическія сношенія съ женщинами, многіе фанатики-скоп-

(¹) Чт. въ общ. мст... 1872 г. 3 № 89 стр. съ примѣч. 72.

(²) Тамъ же. 191 стр.

(³) Тамъ же, 1864 г. 4 № 82—83 стр.

цы рѣшились на отнятіе у себя всѣхъ половыхъ органовъ.

Относительно времени, съ котораго началось оскотленіе женщинъ, трудно что либо опредѣленное сказать и сами скопцы въ этомъ вопросѣ несогласны между собою. По мнѣнію „старыхъ или чистыхъ скопцовъ“, оскотленіе женщинъ не было установлено основателемъ скопческой секты и выдуманно уже впоследствии „замосковными скопцами“ (1). Съ этимъ мнѣніемъ „старыхъ скопцовъ“ едвали можно согласиться, такъ какъ трудно предположить, чтобы основатель скопческой секты, вербуя въ свою секту женщинъ, могъ въ тоже время оставлять ихъ безъ физическаго изуродованія съ цѣлю пресѣчь половыя сношенія ихъ съ мужчинами. Дѣйствительно, уже до 1820 г. существовали факты оскотленій женщинъ, какъ объ этомъ можно заключать на основаніи мнѣнія государственнаго совѣта о наказаніи скопчихъ, высказанному въ 1820 г.; но въ чемъ состояло оскотленіе женщинъ въ то время—неизвѣстно (2). Вопросъ о томъ, какъ оскотляются женщины, кажется, въ первый разъ возникъ въ 1824 г., когда императоръ Александръ Павловичъ пожелалъ узнать о формахъ оскотленія женщинъ. Въ это время Министерство внутреннихъ дѣлъ въ отвѣтъ на такое желаніе государя дало такой отвѣтъ: „сколько изъ имѣющихся въ Министерствѣ свѣдѣній почерпнуть можно о средствахъ, употребляемыхъ къ оскотленію женскаго пола, они состоятъ въ томъ, что нѣкоторые скопцы отрѣзываютъ у женщинъ груди до самыхъ костей, каковыя примѣры открыты розысканіями, произведенными въ тамбовской губерніи, и подтверждены представленіями губернатора; по другимъ свѣдѣніямъ, менѣе положительнымъ, вырѣзываютъ будто бы у женщинъ находящіяся надъ грудями

(1) Чт. въ общ. вст... 1872 г. 3 № 87 стр. 72 пр.

(2) Тамъ же, 239—240 стр.

млекопитательныя железа; прочія женщины, обыкновенно, при вступленіи въ секту, не подвергаютъ себя никакому поврежденію членовъ, но исполняютъ одни лишь обряды, введенные сектою“ (¹). Потомъ, этотъ вопросъ поднимался въ 1827 г. по поводу открытія множества скопчихъ въ калужской и др. губерніяхъ. Въ этотъ разъ Медицинскій совѣтъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, котораго спросили о средствѣ оскопленія женщинъ, далъ заключеніе, что такого рода оскопленіе, т. е. съ лишеніемъ способности дѣторожденія, можетъ состоять въ вырѣзываніи яичниковъ (ovariogum), что операція эта весьма важна и сопряжена съ величайшею для жизни опасностію, и что если бы когда либо, послѣ такой операціи, женщина осталась въ живыхъ, то все-таки нѣтъ точныхъ и вѣрныхъ признаковъ, по которымъ можно несомнѣнно распознать, что операція сдѣлана, такъ какъ остающіеся на животѣ рубцы могутъ случиться отъ нечаянныхъ или умысленныхъ ранъ, равно и толщина тѣла у оскопленныхъ можетъ происходить и отъ другихъ причинъ. Касательно же вырѣзыванія наружныхъ дѣтородныхъ частей у женщины, что дѣлается иногда, то этого рода оскопленія, по заключенію Медицинскаго совѣта, не лишаютъ женщину дѣторожденія (²). Вопросъ о признакахъ оскопленія женщинъ былъ возбужденъ и въ 1831 г. московскимъ стряпчимъ Карніолинъ-Пинскимъ по случаю открытія скопчихъ въ серпуховскомъ уѣздѣ, московской губерніи. Московская медицинская контора на разсмотрѣніе которой представленъ былъ возбужденный вопросъ, отвѣчала въ томъ же смыслѣ, въ какомъ отвѣчала въ 1827 г. Медицинскій совѣтъ (³).

Изъ этого краткаго обзорѣнія исторіи оскопленія женщинъ ясно открывается, что оскопленіе женщинъ,

(¹) Исторія Мин. внутр. дѣлъ. Н. Варадинова, кн. VIII. 135 стр.

(²) Тамъ же, 242 стр.

(³) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 4 № 111—112 стр.

вопреки показанію Будылина, приведенному нами выше не имѣло опредѣленныхъ формъ и совершалось различно. Дѣйствительно, какъ говоритъ собиратель матеріаловъ о скопчествѣ г. Мельниковъ, у однихъ женщинъ повреждены только тайныя мѣста, у другихъ повреждены только соски, у третьихъ только подрѣзаны груди, у четвертыхъ отрѣзаны груди совершенно до костей, у нѣкоторыхъ же встрѣчается поврежденіе грудей вмѣстѣ съ поврежденіемъ тайныхъ мѣстъ. При этомъ, какъ замѣтно изъ дѣлъ о скопцахъ, „отрѣзываніе грудей совершенно до костей была обыкновенная форма оскотленія до 1825 или 1830 г.; впоследствии, этотъ видъ оскотленія женщинъ замѣчается рѣже, но не перестаетъ выходить изъ употребленія, особенно у моршанскихъ скопцовъ“ (1). Впрочемъ, принимая во вниманіе показаніе Будылина, можно предполагать, что вниманіе скопческихъ операторовъ обращено было прежде всего на дѣтородныя части, которыя и подвергались разнаго рода уродованіямъ, что и обозначалось названіемъ „малой печати“. Впоследствии, видя, что этого рода уродованія не приводятъ къ цѣли и женщины-скопчихи не только не избавлялись отъ тѣлесной похоти и возможности имѣть сношенія съ мужчинами, но даже забеременовали и рождали дѣтей, скопческіе операторы стали отрѣзывать имъ груди.

По словамъ скопцовъ, во времена основателя скопческой секты оскотленіе совершалось посредствомъ отнятія „удесныхъ близнятъ“ раскаленнымъ желѣзомъ (малая печать). Впоследствии, такъ какъ такой способъ оскотленія былъ слишкомъ мучителенъ для человѣка, лжеискупитель, будто бы „снисходя слабости человѣческой“, дозволилъ производить эту операцію острымъ орудіемъ. Этотъ послѣдній способъ оскотленія состоитъ въ слѣдующемъ: первоначально

(1) Чт. въ общ. вст... 1872 г. 2 № 152—153 стр.

стягивали *scrotum* ниткою и потомъ; оттянувъ ее вмѣстѣ съ *testiculis*, клали на дерево, наставляли долото или ножъ ⁽¹⁾ и однимъ ударомъ молотка отдѣляли эту часть тѣла ⁽²⁾. „Царская печать“ или полное оскопленіе совершалось такимъ же образомъ. При этомъ, этотъ видъ оскопленія совершался или совмѣстно съ первымъ и поэтому вмѣстѣ съ *scroto* и *terticulis* перевязывался и стволъ и также оттягивался ⁽³⁾, или же этотъ видъ оскопленія совершался отдѣльно, послѣ, иногда даже и прежде совершенія неполнаго оскопленія или „малой печати“. Последній способъ оскопленія, по мнѣнію Пеликана, болѣе безопасенъ для жизни оскопляющагося, чѣмъ первый ⁽⁴⁾. Такъ какъ, очевидно, по совершеніи операціи оскопленія того и другаго вида должна образоваться значительная рана и человѣку оскопившемуся грозитъ при этомъ опасность истечь кровію, то скопцы, понятно, имѣютъ нѣкоторыя предохранительныя средства противъ этой опасности, которыя и употребляютъ. Изъ перевязочныхъ средствъ, употребляемыхъ скопцами послѣ операцій, по свидѣтельству Пеликана, встрѣчались разнаго рода бинты, мѣшочки для перевязыванія *scroti*, T—образная повязка и друг. ⁽⁵⁾. Далѣе, изъ врачебныхъ средствъ, находимъ у скопцовъ разнаго вида пластыри, мази, спускъ, мѣдный купоросъ и пр.; такихъ веществъ Пеликанъ насчитываетъ до 65 названій ⁽⁶⁾. При этомъ, по свидѣтельству того же Пеликана, многіе скопцы съ царскою печатію вставля-

⁽¹⁾ Въ выборѣ орудій скопцы не стѣсняются; иногда для совершенія операціи они довольствуются кускомъ разбитаго стекла, желѣза отъ крышъ и бычачей кости, конечно, обточенной.

⁽²⁾ Чт. въ общ. ист. 1872 г. 1 № 95 стр. и Тамъ же. 3 № 170 стр.

⁽³⁾ Тамъ оскоплены были Назавъ и Васильевъ, по ихъ показаніямъ

⁽⁴⁾ Суд.-мед. изсл. скопч. 3 стр.

⁽⁵⁾ Тамъ же, 93 стр.

⁽⁶⁾ Тамъ же. Прилож. 35—39 стр.

ютъ особыя оловянные или свинцовые шпеньки въ отверстіе urethri для воспрепятствованія, по ихъ показанію, самопроизвольному истеченію urinae (¹). Затягиваніе раны, образующейся отъ оскопленія, совершается въ теченіе 4—6 недѣль (²).

Самое собою понятно, что какъ первый, такъ и второй видъ оскопленія, по извѣстнымъ физиологическимъ причинамъ, долженъ причинять страшную и нестерпимую боль субъектамъ, подвергшимся операціи. Были даже случаи смерти многихъ несчастныхъ жертвъ, которыя не переносили мучительной операціи. Такъ, арх. Досиѳей, со словъ скопцовъ, находившихся въ Соловецкомъ монастырѣ, передаетъ фактъ смерти одного крестьянина, совершившійся въ Петербургѣ на глазахъ самого лжеискупителя (³). Скопецъ Салтыковъ въ своемъ показаніи утверждалъ, что Колесниковъ бросалъ въ печь трупы всѣхъ тѣхъ, которые умирали, не выдержавъ операціи оскопленія (⁴). Не смотря, однако, на показанія этихъ скопцовъ, не смотря, далѣе, на естественную возможность подобныхъ явленій при совершеніи операціи оскопленія,—возможность еще болѣе усиливающуюся отъ небрежнаго отношенія „мастеровъ“ къ своимъ жертвамъ, и отъ отсутствія дѣйствительныхъ врачебныхъ средствъ для остановленія крови у оскопленныхъ,—существуютъ многія показанія скопцовъ о совершенномъ будто бы отсутствіи боли при операціи оскопленія. По словамъ напр. галацкихъ скопцовъ, совершеніе оскопленія полнаго или неполнаго—сопровождается такимъ же незначительнымъ ощущеніемъ, какъ если бы „кожарь укусилъ“ (⁵). По показанію о себѣ москов-

(¹) Суд.-мед. изсл. скопч. 3 стр.

(²) Тамъ же.

(³) Чт. въ общ. вст... 1872 г. 1 № 127 стр.

(⁴) Тамъ же, 3 № 220 стр.

(⁵) Отеч. Зап. 1864 г. № 10, 598—599 стр.

скаго мѣщанина Якова Васильева, онъ, не смотря на то, что получилъ полную царскую печать, не чувствовалъ, однако, никакой боли; при этомъ, замѣчаетъ онъ, даже и „крови нисколько не было“ (*). Конечно, всѣ эти и подобныя имъ показанія не могутъ заслуживать никакой вѣры и всѣ они, очевидно, суть плодъ непомерной хвастливости скопцовъ и преднамѣренной лжи, направленной къ тому, чтобы воодушевить и поддержать малодушныхъ, готовыхъ сдѣлаться жертвами фанатическаго изуверства.

Какъ производилось и производится оскотленіе женщинъ, равно какъ насколько мучительна бываетъ для нихъ эта операція — отвѣтовъ на эти вопросы нельзя найти въ показаніяхъ скопцовъ и скопчихъ. Извѣстно только то, что при отнятій груди у женщинъ употребляются ножъ и вилка или бляха (*).

Многіе скопцы въ данныхъ ими показаніяхъ утверждали, что наложеніе „малой печати“ они производили сами надъ собою; такъ показывали о своемъ оскотленіи крестьяне Федоровъ, Григорьевъ въ 1832 г. (*) и мн. др. Физическая возможность совершенія такой операціи надъ собою не можетъ быть оспариваема. Существовали даже примѣры самооскотленій втораго вида, т. е. съ царскою печатью, какъ очевидно изъ показанія о себѣ московскаго цѣховаго Ефима Алексѣева (*). Впрочемъ, не смотря на физическую возможность совершенія надъ собою операціи оскотленія, большинство скопцовъ оскотляется другими. Лица, совершающіе у скопцовъ оскотленіе, называются „мастерами“; такъ они названы въ показаніи Салтыкова (*). Для того, чтобы сдѣлаться скопче-

(*) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 4 № 51 стр.

(*) Тамъ же, 91 стр. Показаніе Будлина.

(*) Тамъ же, 125—127 стр.

(*) Тамъ же, 3 № 261—262 стр.

(*) Тамъ же, 221 стр.

скимъ „мастеромъ“ требуется только физическая сила, ловкость и полное душевное равнодушіе и спокойствіе. Должность „мастера“ не есть какая нибудь спеціальная должность; „мастеромъ“ можетъ быть всякій скопецъ, способный совершать операцію оскотленія и каждый скопецъ, дѣйствительно, считаетъ своимъ священнымъ долгомъ приобрести навыкъ въ совершеніи этой операціи съ тѣмъ, чтобы собственными руками оскотить двѣнадцать жертвъ и, такимъ образомъ, приобрести званіе „апостола“ съ правами старѣйшины и наставника (¹). Отсюда, естественно предположить, что никакихъ особыхъ посвященій въ эту должность не бываетъ и въ показаніяхъ сконцовъ, дѣйствительно, не упоминается о такомъ посвященіи. Отсюда же очевидно, что число „мастеровъ“ неопредѣленно: оно можетъ быть въ данной мѣстности и больше и меньше; вообще же, вездѣ, гдѣ есть скопцы, тамъ непременно есть и „мастера“. Болѣе извѣстные „мастера“ въ исторіи скопчества: Шиловъ, который находясь въ Ригѣ, оскотилъ 12 чело­вѣкъ (²), Созоновичъ, ни мало неуступавшій Шилову; онъ также оскотилъ въ Соловецкомъ монастырѣ 13 чело­вѣкъ (³).

Существуютъ ли особыя „мастерицы“ для совершенія оскотленія женщинъ—изъ дѣлъ не видно. Всѣ женщины, у которыхъ найдены были какія-либо поврежденія на тѣлѣ, свидѣтельствующія объ ихъ оскотленіи, единогласно показывали, что такія поврежденія произошли сами собою, вслѣдствіе болѣзни. Такъ напр. показывали о себѣ Иванова въ 1831 г., Силана, Тимоѣева и др. въ 1832 г. (⁴). Понятно, что

(¹) Объ этомъ стремленіи каждого скопца см. рапортъ Лауренти, приведенный въ выдержкѣ у Надеждина. Сборн. Кел. Ш. 175 стр. 243 прим.

(²) Чт. въ общ. вст... 1872 г. 3 № 191 стр.

(³) Тамъ же, 1 № 88 стр.

(⁴) Тамъ же, 4 № 109 и 132 стр.

довѣрять подобнымъ показаніямъ нельзя. Можно предположить, что оскотленіе женщинъ отчасти производится ими самими надъ собою, частию же при посредствѣ другихъ. Последнее подтверждаетъ показаніе дезертира Иванова, который говорилъ, что у таврическихъ скопцовъ операцію оскотленія надъ женщинами совершала солдатка Дарья Исаева (1).

Какъ фактическое посягательство на жизнь человека; какъ преступленіе, строго преслѣдуемое закономъ, совершеніе операціи оскотленія требуетъ, очевидно, уединеннаго, ни для кого, въ данное время, недоступнаго мѣста; отсюда, эта операція совершается вездѣ, во всякое время, гдѣ и когда къ этому представится удобный случай; она совершается въ подѣ, въ лѣсу, въ овино, въ погребѣ, въ оврагѣ и пр.; она, далѣе, совершается при солнечномъ и лунномъ свѣтѣ (2). Само собою понятно, что вслѣдствіе такой крайней неопредѣленности и случайности времени и мѣста совершенія оскотленія, съ другой стороны—вслѣдствіе постоянно и неотразимо присущей скопцескимъ операторамъ опасности быть захваченными на мѣстѣ преступленія лицами посторонними, операція оскотленія уже по этимъ причинамъ не можетъ сопровождаться какими либо внѣшними религиозными обрядами. Впрочемъ, существуютъ нѣкоторыя показанія скопцовъ, которыя говорятъ нѣчто иное. Такъ, по единогласному показанію всѣхъ скопцовъ псковской губерніи опочекекаго уѣзда, они, предъ совершеніемъ операціи оскотленія, по приказанію своего учителя и оскотителя прапорщика Федорова, постились въ продолженіи двухъ дней; на третій день

(1) Исслѣд. Надежд. Сб. Кел. Ш. 176 стр. 244 прим.

(2) Большинство показаній скопцовъ о мѣстѣ и времени своего оскотленія именно такого характера. Конечно, всякое показаніе скопца, взятое въ отдѣльности, не можетъ заслуживать полнаго довѣрія, тѣмъ не менѣе показанія всѣхъ скопцовъ объ этихъ обстоятельствахъ, взятая въ ихъ совокупности, могутъ имѣть характеръ полной вѣроятности.

они приходили въ домъ ихъ соблазителя; здѣсь предварительно зажигались двѣ восковыя свѣчи предъ образомъ Спасителя и потомъ слѣдовало чтеніе какихъ-то молитвъ, сопровождавшееся колѣнопреклоннымъ моленіемъ; вслѣдъ за этимъ Федоровъ завязывалъ глаза оскопляющемуся и приказывалъ ему произнести трижды слова „Христосъ воскресъ“! Въ моментъ произнесенія этихъ словъ обыкновенно совершалась операція оскотленія. По показанію скопца Егорова, оскотленіе надъ нимъ совершенно было въ торжественномъ собраніи многихъ оскопцовъ; во время операціи ему велѣно было креститься обѣими руками, между тѣмъ какъ прочіе скопцы въ это время кружились и пѣли пѣсни (¹). По словамъ скопца Лебедева, ему велѣно было во время операціи произносить слова „Христосъ воскресъ“ (²)! При этомъ, по показанію нѣкоторыхъ, операторы, по совершеніи оскотленія, нерѣдко обращались къ оскотленнымъ съ такими словами: „смотри, вотъ Адамова голова!“ (³) или еще: „вотъ, смотри на сокрушеннаго змія“ (⁴)! Наконецъ, какъ утверждали оскопцы, существовали особыя приспособленія въ скопческихъ комнатахъ для совершенія операціи оскотленія. Такъ, по показанію скопца Салтыкова, въ моленной московскаго скопца купца Колесникова существовала особая печь, въ которой раскаляли ножъ, служившій орудіемъ для совершенія операціи; въ ней же сжигали трупы тѣхъ лицъ, которыя умирали отъ истеченія крови или по какой либо другой причинѣ (⁵). Не отрицая совершенно всѣхъ показаній скопцовъ объ обрядахъ, сопровождающихъ совершеніе оскотленій, необходимо, одна-

(¹) Чт. въ общ. ист.... 1872 г. 2 № 133—136 стр.

(²) Тамъ же, 3 № 261 стр.

(³) Тамъ же, 220 стр.

(⁴) Изсл. Надеждина, — Сбор. Кельсѣва, III, 131 стр.

(⁵) Чт. въ общ. ист.... 1872 г. 3 № 131 стр.

ко, замѣтить, что подобное, дѣйствительно, могло быть въ тѣхъ случаяхъ и въ то время, когда положеніе скопческаго общества было безопасное и спокойное; общее же явленіе то, что оскотленіе совершается безъ всякихъ обрядовъ, не обуславливаясь опредѣленнымъ временемъ и мѣстомъ. И дѣйствительно, не смотря на массу показаній скопцовъ, ни въ одномъ изъ нихъ нельзя найти подробнаго описанія обрядовъ при совершеніи операціи оскотленія; не можетъ быть, чтобы скопцы, открывъ многое изъ ученія и культа, скрывали всегда обрядъ совершенія оскотленій. Очевидно, что такого обряда нѣтъ у скопцовъ и они не заботятся о составленіи его.

Относительно времени и мѣста совершенія оскотленій надъ женщинами, по отсутствію официальныхъ свидѣтельствъ, можно сказать предположительно тоже, что и относительно времени и мѣста совершенія оскотленій надъ мужчинами, т. е. что оскотленіе надъ женщинами совершается вездѣ и всегда при удобномъ случаѣ и также безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ.

Оскотленіе мужчинъ какъ полное, такъ и неполное сопровождается по отношенію ко всей тѣлесной и духовной природѣ ихъ одними и тѣми же слѣдствіями, за исключеніемъ только способности спеціально половыхъ отправленій, которыя у лицъ съ неполнымъ оскотленіемъ ограничиваются только потерю способности къ оплодотворенію, у лицъ же съ полнымъ оскотленіемъ они теряютъ всякое специфическое отличіе отъ соотвѣствующихъ женскихъ органовъ. То и другое оскотленіе одинаково измѣняетъ весь тѣлесный организмъ человѣка и налагаетъ своеобразный, специфическій отпечатокъ на духовной природѣ оскотленнаго. Различіе во вліяніи оскотленія на ту и другую природу оскотленнаго обуславливается только временемъ совершенія его. Именно: тѣ лица, которыя подверглись оскотленію въ малолѣтствѣ или вообще до наступленія періода половой зрѣлости, ис-

пытываютъ на себѣ вліяніе этой операціи въ высшей степени и полное; напротивъ, лица, подвергшіяся оскотленію въ зрѣломъ возрастѣ или вовсе не испытываютъ на себѣ вліянія оскотленія въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, или же испытываютъ его въ этихъ случаяхъ въ малой степени; но то несомнѣнно, что и эти лица не освобождаются совершенно отъ такого или иного вліянія этой операціи. Частныя обнаруженія вліянія оскотленія на тѣлесный организмъ человѣка состоятъ въ слѣдующемъ. Во 1) лица, подвергшіяся оскотленію въ малолѣтствѣ, сохраняютъ на всю жизнь дискантный голосъ. Это явленіе, какъ намъ уже извѣстно изъ обзорѣнія исторіи скопчества вообще, было замѣчено въ римской имперіи и поэтому тамъ практиковалось оскотленіе малолѣтнихъ въ видахъ споспѣшествованія пѣнію. Это же явленіе, какъ свидѣтельствуютъ наблюденія Кельсіева надъ галацкими скопцами (¹), Венюкова (²) и Пеликана — надъ русскими, всегда и вездѣ замѣчается у всѣхъ скопцовъ и теперь. Причина этого явленія, по мнѣнію Пеликана, „зависитъ отъ пріостанавливающагося, вслѣдствіе каспераціи, развитія гортани, находящейся въ тѣсной симпатической связи съ половыми органами. Гортань у оскотленныхъ въ младенчествѣ по своимъ размѣрамъ приближается или къ дѣтской, или къ женской, или средней между мужской и женской. Отсюда—высокій голосъ (soprano) у кастратовъ“ (³). Лица, подвергшіяся оскотленію въ зрѣломъ возрастѣ, по свидѣтельству Пеликана, или вовсе не измѣняютъ своего голоса или же измѣняютъ его мало; послѣдній у нихъ остается слабѣе, хриплѣе (⁴). Далѣе во 2) лица, оскотленные въ малолѣтствѣ, теряютъ всякую

(¹) Совр. Листок... 1867 г. № 82.

(²) Чт. Венюкова о скопчествѣ. Саратов. Епар. Вѣд. 1873 г. № 10. 281 стр.

(³) Пеликанъ, Суд.-мед. изсл. скопчества, 57 стр.

(⁴) Тамъ же, 58 стр.

растительность волосъ, исключая головы. Это явленіе также замѣчалось и Кельсіевымъ, и Венюковымъ, и Пеликаномъ. У лицъ оскопленныхъ въ зрѣломъ возрастѣ волосы постепенно выпадаютъ, становятся рѣже и короче. Наконецъ, въ Э) цвѣтъ липа блѣдно-желтый, сходный, по словамъ Кельсіева, съ цвѣтомъ сыраго картофеля, безжизненный, но моложавый ⁽¹⁾, а иногда, напротивъ, старообразный, морщинистый—также составляетъ специфическую принадлежность людей, оскопленныхъ въ малолѣтствѣ.

Не ограничиваясь частными измѣненіями, оскопленіе сопровождается общимъ измѣненіемъ всего организма у лицъ, оскопленныхъ въ дѣтствѣ. Кельсіевъ увѣряетъ, что онъ легко и безошибочно можетъ отличить скопца по наружности ⁽²⁾. Дѣйствительно, какъ говоритъ Пеликанъ, „кастратъ ближе всего подходитъ къ женскому организму, но безъ тѣхъ прелестей, безъ тѣхъ физическихъ и нравственныхъ качествъ, которыми природа такъ щедро надѣляетъ молодую, созрѣвающую дѣвушку. Все тѣло, при избыткѣ въ немъ влаги, получаетъ вялый, одутловый видъ; кожа получаетъ особенную мягкость и блѣдность; клѣтчатка и мышцы становятся дряблыми. Въ преклонныхъ лѣтахъ у кастратовъ обыкновенно замѣчаются большіе животы и поступъ ихъ дѣлается затруднительною, тяжелою. Потребность въ пищѣ у нихъ уменьшается; потъ становится кислымъ; моча ихъ содержитъ менѣ мочевины и другихъ продуктовъ метаморфоза азотистыхъ веществъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣненія тѣлосложенія этихъ искусственныхъ уродовъ даютъ имъ нѣкоторыя побочныя преимущества въ санитарномъ отношеніи. Всѣ тѣ болѣзни, въ которыхъ плотность

⁽¹⁾ Г. Кельсіевъ, по его словамъ, опредѣляя по наружности возрастъ двухъ скопцовъ, одному изъ нихъ далъ 25 лѣтъ, другому же 18, тогда какъ оба они оказались старше 40 лѣтъ. (Отеч. Зап. 1867 г. № 10, 587 стр.).

⁽²⁾ Совр. Листокъ. 1867 г. № 82.

или напряженность волоконъ составляетъ способствующую причину болѣзни, встрѣчаются у нихъ рѣже; еяда напр., принадлежитъ: грыжа, ломота, каменная болѣзнь, плѣшивость головы и проч. Давно уже замѣчено, что кастраты почти никогда не подвергаются проказѣ (elephantiasis). лишайнымъ сыпямъ. При ихъ, по большей части, пассивномъ образѣ жизни, они рѣдко страдаютъ умопомѣшательствомъ; даже бывали примѣры (особенно у меланхоликовъ), что послѣ самооскопленія душевное разстройство проходило“⁽¹⁾. При всемъ этомъ скопцы отличаются значительною долговѣчностью, какъ это можно видѣть изъ статистики скопчества по возрастамъ, сдѣланной г. Венюковымъ. Изъ этой таблицы, между прочимъ, видно, что въ теченіи 66 лѣтъ (отъ 1805—1871 гг.) было открыто скопцовъ: отъ 65—70 л. 51 мужч. и 16 женщ.; отъ 70—95 л. мужч. 109 и женщинъ 39; отъ 95—103 л. — мужч. 30, женщинъ 0 (*).

Не менѣе важными послѣдствіями сопровождается оскопленіе для лицъ оскопленныхъ въ дѣтствѣ и въ духовной сферѣ. „Все, говоритъ Пеликанъ, что составляетъ принадлежность мужскаго характера, остается у нихъ недоразвитымъ. Въ тотъ переходный періодъ жизни человѣка, когда онъ изъ мальчика, предававшагося невиннымъ развлеченіямъ дѣтскаго возраста, становится юношей и когда въ немъ пробуждается цѣлый рядъ новыхъ ощущеній, новый взглядъ на жизнь, на свой долгъ и обязанности въ отношеніи къ обществу, — у нормальнаго человѣка, въ это время, вслѣдствіе развитія половой дѣятельности, появляется влеченіе къ другому полу: онъ сперва инстинктивно начинаетъ испытывать потребность любви, вмѣстѣ съ тѣмъ у него возникаютъ вы-

⁽¹⁾ Пеликанъ. 59 стр.

^(*) Чт. о скоп. Венюк. Изв. Импер. р. геогр. общ. 1873 г. IX. 44—45 стр.

сокія стремленія души къ благородной дѣятельности, къ совершенію подвиговъ, чувство преданности къ отечеству и проч. Все это чуждо юношѣ - кастрату, оскропленному въ малолѣтствѣ: въ это время онъ остается безразличнымъ къ окружающей его средѣ; въ душѣ его нѣтъ и зачатка благородныхъ стремлений, сознанія долга, обязанностей гражданина; у него нѣтъ *будущности* и онъ живетъ только жизнію окружающей его среды, гдѣ видитъ лишь примѣры необходимости оскропления, и вся обстановка этой жизни подчиняетъ его вліянію секты, инстинктивно связываеъ его къ ней. При наступленіи возмужалости, для него не существуетъ счастья семейной жизни, ему чужды мужество и высшая фантазія; всего чаще взаимнѣ этихъ качествъ у него развиваются многіе пороки людей съ ограниченнымъ кругозоромъ, съ низкимъ уровнемъ нравственности: эгоизмъ, хитрость, лукавство, коварство, алчность къ деньгамъ⁽¹⁾ и т. п.

О фізіологическихъ послѣдствіяхъ того и другаго вида оскропленія женщинъ, т. е. „малой и большой печати“, должно сказать только то, что то и другое оскропленіе не лишаетъ женщину возможности забеременивать и рождать дѣтей. Дѣйствительно, какъ говоритъ Пеликанъ, „даже случаи крайняго суженія половой щели отъ неправильнаго сращенія, послѣ вырѣзанія клитора, частей малыхъ и большихъ губъ, могутъ быть устранены; иногда безъ кровавыхъ операцій, и извѣстны примѣры, что подобнымъ образомъ изуродованныя женщины забеременивали и благополучно рождали (Лозинскій докторъ въ Закавказьѣ наблюдалъ нѣсколько случаевъ); нѣкоторыя же изъ нихъ предавались проституціи, не говоря уже о тайственныхъ совокупленіяхъ ихъ съ братьями по ученію. Поэтому, о вліяніи этого рода поврежденій на

(1) Суд.-мед. изсл. скопчества, стр. 68—69.

половую дѣятельность ихъ (женщинъ) можно сказать только то, что, уменьшая воспримчивость ихъ или раздражительность (похотливость) или вообще расположеніе ихъ къ совокупленію (особенно при отнятіи клитора), они составляютъ въ тоже время механическое (но устранимое) препятствіе (какъ напр. искусственное сращеніе большихъ губъ) къ нормальному соитію и рожденію. Что же касается вырѣзыванія пѣлыхъ сосковъ и грудей, то не подлежитъ сомнѣнію, что такое изуродованіе женщины дѣлаетъ ее навсегда неспособною къ кормленію ребенка грудью“ (1). Вслѣдствіе всего этого, въ настоящее время, какъ можно думать на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ Кельсіевымъ о галацкихъ скопцахъ, скопцы уже не производятъ никакой операціи оскотленія надъ женщинами. Они, причисливъ весь прекрасный полъ къ классу „нечистыхъ и вонючихъ животныхъ“, относятся къ нему съ крайнимъ презрѣніемъ и полагаютъ, что во время страшнаго суда всѣ женщины, какъ неимѣющія на себѣ „печати“, будутъ стоять въ числѣ козлищъ, въ числѣ людей отверженныхъ и предначиненныхъ къ вѣчнымъ мученіямъ (2). Относительно вліянія оскотленія на духовную сферу женщинъ изслѣдователи скопческой секты расходятся между собою. Надеждинъ, принимая то положеніе, что оскотленіе женщинъ производитъ существенное измѣненіе во всемъ ихъ организмѣ, дѣлаетъ ихъ „гялыми, безцвѣтными, и безжизненными“, очевидно, допускаетъ такое или иное вліяніе его и на духовную сферу женщинъ (3). Напротивъ, Пеликанъ, выходя изъ того несомнѣннаго и дѣйствительнаго физиологическаго факта, что „для полнаго измѣненія половой дѣятельности женскаго организма необходимо лише-

(1) Суд.-мед. изсл. скопчества, 128 и 129 стр.

(2) Совр. Лист. 1867 г. № 82.

(3) Сборн. Кельсіева III. 128—129 стр.

ніе болѣе существенныхъ органовъ, какъ напр. ovariolum“ приходитъ къ тому выводу, что оскотленіе женщинъ, не производя существенныхъ измѣненій въ ихъ организмахъ, не производитъ измѣненій и въ ихъ духовной сферѣ (').

Хотя ученіе скопцовъ, какъ мы видѣли, допускаетъ только два вида оскотленія мужчинъ и женщинъ, однако, въ дѣйствительности встрѣчаются и другіе виды оскотленія, которые могутъ быть сведены къ двумъ. Одинъ изъ этихъ видовъ оскотленія есть плодъ религіознаго фанатизма скопцовъ, неостанавливающагося въ измышленіи способовъ уродовать себя и одинаково присущъ какъ мужчинамъ-скопцамъ, такъ и женщинамъ-скопчихамъ. Другой же изъ нихъ есть результатъ того положенія скопцовъ и въ обществѣ и въ государствѣ, въ которое они поставлены какъ явные преступники и нарушители началъ общежитія, и принадлежитъ только мужчинамъ-скопцамъ. Первый изъ этихъ видовъ, неизвѣстный по времени своего происхожденія, состоитъ въ умысленномъ нанесеніи себѣ ранъ скопцами и копчихами, по преимуществу крестообразно расположенныхъ, посредствомъ остраго орудія или же посредствомъ прижиганія раскаленнымъ желѣзомъ, а также горячею сѣброю. Раны эти, какъ показали медицинскія освидѣтельствованія, встрѣчаются даже у лицъ не оскотленныхъ, но принадлежащихъ къ сектѣ. Эти раны, далѣе, какъ показали тѣже освидѣтельствованія, встрѣчаются на различныхъ частяхъ тѣла, но преимущественно на груди (такихъ случаевъ у Мельникова приведено два для мужчинъ и одинъ для женщинъ), ногахъ—повыше колѣна (три случая), рукахъ (два случая), животѣ (одинъ у Мельникова и нѣсколько было извѣстно Лозинскому); далѣе, были находимы раны на лопаткахъ, подъ мышками, на поленицѣ и крестцѣ; эти послед-

(') Суд.-мед. изсл. скопчества—Пеликана. 52 стр.

ніе случаи были наблюдаемы на скопцахъ закавказскихъ врачомъ Лозинскимъ (¹). Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти раны, какъ произведенныя, по свидѣтельству медиковъ, умышленно, имѣютъ въ основѣ своего происхожденія религиозный фанатизмъ скопцовъ и скопчихъ, побуждавшій ихъ ко всякаго рода уродованіямъ себя съ цѣлю, конечно, убить плоть свою и сдѣлать ее безстрастною. Въ этомъ убѣждаютъ два показанія, данныя двумя скопчихами и однимъ скопцомъ. Въ 1827 г. коллежская регистраторша Бржежицкая и солдатка Дарья Петрова, смоленской губерніи, города Юхнова, говорили на судѣ, что въ ихъ сектѣ „за разные грѣхи разные полагаются поклоны и прижигается огнемъ тѣло, для истребленія грѣха“. Скопецъ унтеръ-офицеръ Максимъ, показывая сестрамъ по вѣрѣ раны на своихъ ногахъ, говорилъ при этомъ, что онъ и подобные ему „терпятъ это для Бога и для спасенія души“ (²). Далѣе, причиненіе ранъ тѣлу дѣлается скопцами въ томъ убѣжденіи, что они чрезъ это повышаются на нѣсколько ступеней въ общей лѣстницѣ святыхъ. Такъ, по показанію закавказскихъ скопцовъ, они, причиняя себѣ раны на нижнихъ оконечностяхъ, крестцѣ и поясницѣ, чрезъ это самое причисляются къ лику „пятикрылыхъ ангеловъ“; полагая же себѣ рубцы на переднихъ поверхностяхъ обоихъ плечъ, а также на спинѣ и лопаткахъ, они становятся уже „шестикрылыми ангелами“ (³).—Второй видъ оскотленія, по образу совершенія операціи, подраздѣляется на нѣсколько частныхъ видовъ. Впрочемъ, сущность послѣднихъ одинаково состоитъ въ томъ, что скопцы, лишая себя способности оплодотворенія или, по крайней мѣрѣ, стремясь къ этому,

(¹) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 153—154 стр. и Суд.-мед. изв. скоп. Целикана. 44 стр.

(²) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 154 стр.

(³) Суд.-мед. изв. скоп. 44 стр. 2 пр.

въ тоже время не лишаютъ себя половыхъ органовъ. Этой цѣли скопцы достигаютъ двоякимъ путемъ: или дѣйствуя на половыя органы извнѣ или же извнутри. Къ первой категоріи относятся такъ называемые „перевертыши“ или „крученики“, которые, по свидѣтельству Надеждина, перекручивая себѣ въ дѣтствѣ „сѣменные канатики“ или „сѣменники“, къ которымъ привѣшены *testiculi* и, разрывая, такимъ образомъ, всякую органическую связь между ними и остальнымъ тѣломъ, лишаются въ послѣдствіи способности оплодотворенія ⁽¹⁾. Далѣе, къ той же категоріи относятся „проколыши“, въ первый разъ открытые въ дерптскомъ уѣздѣ. лифляндской губерніи, въ 1841—42 гг.; впрочемъ, фактически не доказано существованіе такихъ лицъ и мнѣніе о нихъ основано на народной молвѣ. По этой молвѣ, проколыши будто бы прорѣзываютъ или прокалываютъ „сѣменные канатики“ и, такимъ образомъ, достигаютъ того же, чего достигаютъ и перевертыши ⁽²⁾. Къ этой же категоріи относится такъ называемая „искусственная гипоспазія“ или перевязка полового органа. Операция эта, какъ показывалъ о себѣ 10-лѣтній мальчикъ Иванъ Ефимовъ, состоитъ въ томъ, что половой органъ перевязывался въ двухъ мѣстахъ; вслѣдствіе этого, *urethra* срослася, *urina* же проходила чрезъ отверстие, образующееся у корня полового органа; сюда же должно проходить и сѣмя; слѣдствія изъ этого по отношенію къ оплодотворенію понятны ⁽³⁾. Впрочемъ, Пеликанъ сомнѣвается или, по крайней мѣрѣ, ограничиваетъ дѣйствіе этого способа оскопленія относительно оплодотворенія; именно: способъ этотъ дѣйствителенъ только тогда, „когда отверстие *urethrae* открывается у самаго корня ствола (да и то не всегда)“ ⁽⁴⁾. Нако-

⁽¹⁾ Сборн. Кельсева. Ш. 126 стр.

⁽²⁾ Тамъ же, 126—127 стр.

⁽³⁾ Чт. въ общ. ист. 1872 г. 2 № 154 стр.

⁽⁴⁾ Суд.-мед. изсл. скоп. 28 стр.

нецъ, къ той же первой категоріи нужно отнести попытку скопцовъ оскоплять мальчиковъ „посредствомъ насильственного введенія testicularum, чрезъ паховое кольцо, въ полость живота, съ цѣлію уничтоженія ихъ развитія“. Такихъ попытокъ въ 1865 г. открыто три, но всѣ онѣ не доказаны судебно-медицинскимъ освидѣтельствомъ (¹). Ко второй категоріи способовъ оскопленія себя безъ потери половыхъ органовъ относятся всѣ тѣ многочисленные случаи изъ судебной практики, когда скопцы обвинялись въ намѣренномъ принятіи въ себя разнаго рода веществъ, такъ или иначе парализующихъ половую дѣятельность. Такихъ случаевъ у Пеликана представлено достаточно (²). Не перечисляя всѣхъ ихъ, скажемъ только, что скопцы употребляютъ острую водку (азотную кислоту), настой какихъ-то травъ, далѣе употребляютъ электрическій токъ и пр. И все это дѣлается ими съ цѣлію уничтожить половую дѣятельность.

Такимъ образомъ, простое перечисленіе довольно многочисленныхъ видовъ оскопленія, встрѣчаемыхъ у скопцовъ, убѣждаетъ, что послѣдніе въ своей изобрѣтательности способовъ къ лишенію себя половыхъ отправленій переиспытали всевозможныя средства и притомъ такія, указать которыя не всегда можетъ самый опытный медикъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что скопцы, согласно съ ученіемъ своего лжеискупителя и вообще съ практикою древнихъ, держатся попреимуществу первыхъ двухъ видовъ оскопленія, т. е. „малой и большой печати“, не придавая, повидимому, значенія всякаго рода нововведеніямъ, тѣмъ болѣе, что послѣднія основаны на практическихъ расчетахъ.

Въ заключеніе обзорѣнія разныхъ видовъ оскопленія, существующихъ у скопцовъ, нельзя не упомя-

(¹) Суд.-мед. изсл. скоп. 35 стр.

(²) Тамъ же, 43—44 стр.

нуть о такъ называемыхъ „духовныхъ скопцахъ“. Последніе принимая ученіе прочихъ скопцовъ о лжеискупителѣ и лжецарѣ, отвергають, однако, необходимость оскотленія. Скопцы этого рода извѣстны еще подъ именемъ скопцовъ „постнаго корабля“, вѣроятно потому, что они не только не ѣдятъ мяса, но и рыбу считаютъ проклятою (¹). Происхожденіе этихъ скопцовъ, по мнѣнію Липранди, относится къ 1819 г. когда трое изъ приближенныхъ къ лжеискупителю были сосланы въ Соловецкій монастырь; въ это именно время лжеискупитель будто бы разрѣшилъ послѣдователямъ своимъ „не оскотлять вновь посвящаемыхъ въ секту, чтобы чрезъ то спасти ихъ отъ рукъ фарисеевъ“ (²).

4) Быть скопцовъ.

Говоря объ обществѣ хлыстовъ, мы замѣтили, что послѣднее по своему характеру и принципамъ дѣятельности есть религіозно - нравственная община, неимѣющая какого либо политическаго отгѣнка. Нельзя этого сказать объ обществѣ скопцовъ. Общество скопцовъ по своему характеру, будучи, безъ сомнѣнія, религіозно-нравственной общиной, въ тоже время есть, также безъ сомнѣнія, политическая община съ извѣстными политическими тенденціями и направленіемъ. Изъ исторіи скопческой секты и еще болѣе изъ догматическаго ученія скопцовъ о мнимомъ второмъ пришествіи І. Христа въ лицѣ императора Петра III съ полною очевидностію и несомнѣностію открывается, что признаніе скопцами основателя своей секты императоромъ Петромъ III, живущимъ до сихъ поръ гдѣ - то въ отдаленной мѣстности и имѣющимъ скоро явиться въ Москву съ тѣмъ, чтобы произвести

(¹) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 1 № 78 стр.

(²) Суд.-мед. изсл. скоп. 52 стр. 3 прим.

религіозно - нравственный и государственный переворотъ, есть фактъ историческій, не могущій подлежать спору и разногласіямъ со стороны всѣхъ тѣхъ, кто обратитъ вниманіе на этотъ фактъ. Послѣдніе, безъ сомнѣнія, признають также, что мысль о скоромъ воцареніи лжеискупителя и лжецаря Петра III Теодоровича на російскомъ престолѣ есть вождѣлннѣйшая и пріятнѣйшая мечта всѣхъ скопцовъ; что эта мысль, далѣе, составляетъ общеобязательный догматъ для всѣхъ истинныхъ скопцовъ и что, наконецъ, какъ общеобязательный догматъ, эта мысль, дѣйствительно, раздѣляется и пріемлется всѣми скопцами, чему доказательствомъ служатъ неоднократныя просьбы объ освобожденіи мнимаго царя Петра III Теодоровича изъ заключенія. Точно также изъ исторіи скопческой секты и отчасти изъ ученія ихъ очевидно, что кромѣ царя Петра III у скопцовъ существуетъ еще своя особая царица небесная и земная Елизавета Петровна, скрывшаяся на время и благополучно умершая въ кромскомъ уѣздѣ, орловской губ., подъ именемъ крестьянки Акулины Ивановны; существуетъ у скопцовъ и свой цесаревичъ, Константинъ Павловичъ, добровольно отказавшійся отъ престола и странствовавшій подъ именемъ Алексѣя Громова; есть у скопцовъ своя цесаревна Елена Павловна и княгиня Марья Теодоровна въ лицѣ „дѣвицы рѣдкой красоты“; есть свой князь Дашковъ и графъ Чернышевъ въ лицѣ Шилова и пр. Словомъ, скопческая мѣология изобилуетъ именами государственныхъ лицъ и чиновниковъ и всѣмъ этимъ лицамъ всегда давалась и дается скопцами полная вѣра.

Такимъ образомъ, общество скопцовъ, разсматриваемое со стороны теоретической, со стороны его ученія, вѣрованій и надеждъ, насколько все это сдѣлалось исторически извѣстнымъ, необходимо должно признать обществомъ государственнымъ, политическимъ, имѣющимъ во главѣ особаго царя „тайнаго“, особенный штатъ государственныхъ лицъ и чинов-

никовъ, особенныя, наконецъ, политическія мечты, имѣющія скоро осуществиться. Сами скопцы не иначе смотрятъ на свое общество, какъ на особое царство. Они считаютъ себя, по выраженію г. Кельсіева, „придворными его императорскаго величества Господа І. Христа, батюшки искупителя, милостиваго государя Петра Θεодоровича“ (1). Самый любимый символъ, подъ которымъ они любятъ изображать свое общество, есть символъ „полковъ“, набранныхъ и управляемыхъ „дорогимъ полковникомъ батюшкой, воеводой ихъ“, который „набиралъ полки премудрые — кавалерію духовную“ изъ всѣхъ четырехъ сторонъ — изъ земель французскихъ и иркутскихъ (2). У матушки государыни есть свои „дѣвически полки“ (3). У каждаго полка есть свои „царскія знамена“ (4). Конь — „бѣлый, храбрый, могучій“ составляетъ также непремѣнную принадлежность этихъ „полковъ“, этой „казалеріи“. Самъ батюшка обыкновенно покатываетъ „на бѣломъ, храбромъ конѣ“, у котораго „золотыя подковы“, „хвостъ жемчужный“, „гривушка позолоченая“ и проч. (5). Считаая свое общество особымъ, отдѣльнымъ царствомъ, скопцы отнюдь не исключаютъ его изъ общей русской государственной жизни. Напротивъ, они считаютъ послѣднюю въ полной зависимости отъ своего царства и, по ихъ убѣжденію, послѣднее всегда оказывало и оказываетъ вліяніе на первую. Русскіе цари суть только, по словамъ скопцовъ, „явные цари“, т. е. такъ признаваемые отъ другихъ по ошибкѣ, по незнанію (6); на самомъ же дѣлѣ есть только одинъ истинный царь — „тайный“, „бѣлый царь“, т. е.

(1) От. Зап. 1867 г. № 10, 592 стр.

(2) Иссл. Добротворскаго, пѣсни № 32, 154 стр.; № 6, 138 стр.

(3) Дух. стихи люд. бож. Барсова, №№ 7, 11; 48, 76—77 стр.

(4) Тамъ же. № 47, 75 стр.

(5) Исслѣд. Добротворскаго. П. № 6, 118 стр.

(6) Чт. въ общ. ист. 1872 г. 3 № 128 стр.

скопческій лжеискупитель, который добровольно отказался отъ престола съ тѣмъ, чтобы получить его послѣ (¹). И „явные цари“, дѣйствительно, знаютъ, утверждали галацкіе скопцы, что рано или поздно, но имъ необходимо отдать престоль истинному государю Петру Θεодоровичу (²). Вудучи только намѣстниками русскаго престола, временными управителями его, „явные цари“, по понятію скопцовъ, всегда находились и находятся подъ вліяніемъ „тайнаго“, „бѣлаго“, истиннаго царя. Усмиреніе извѣстнаго пугачевского бунта есть дѣло „бѣлаго царя“. Онъ, недовольный Екатериною за то, что она давала предпочтеніе французамъ предъ русскими, повелѣлъ своему любимому казаку Емельяну Пугачеву назваться его именемъ, т. е. Петромъ III и возвратить ему престоль. Екатерина, видя, что нѣмцевъ бьютъ, послала къ нему русскихъ—Панина и Суворова. „Ваше императорское величество, отецъ и искупитель, не прикажите крови лить, хочеть супруга ваша прославить Россію“, говорилъ Суворовъ. Искупитель уступилъ этой просьбѣ и велѣлъ Пугачеву перестать, — что тотъ и сдѣлалъ, отдавшись добровольно на муки (³). Счастливый исходъ войны 1812 г. также обязанъ „бѣлому царю“. При этомъ, по мнѣнію однихъ скопцовъ, „бѣлый царь“ будто бы давалъ совѣты и благословенія „явному“ царю Александру Павловичу (⁴), по мнѣнію же другихъ, наоборотъ, „бѣлый царь“, т. е. скопческій лжеискупитель приглашалъ будто бы Наполеона въ Россію съ тѣмъ, чтобы отдать въ его руки русскій престоль; но такъ какъ, продолжаютъ скопцы, Наполеонъ не принялъ этого приглашенія, а захотѣлъ своими силами достиг-

(¹) Чтен. въ общ. истор. 1872 г. 3 № 311 стр.

(²) От. Зап 1867 г. № 10, 610 стр.

(³) Тамъ же, 612 стр.

(⁴) Тамъ же, 610 стр. и Чт. въ общ. ист. 1872. 3 № 122 стр.

нута русскаго престола, то и былъ изгнанъ изъ Россіи ⁽¹⁾. Наконецъ, усмиреніе бунта господъ при Николаѣ Павловичѣ объясняется просто тѣмъ, что искупитель Петръ III Ѳеодоровичъ помолился и господа помѣшались; не на дворецъ пошли, а къ сенату; тутъ ихъ картечью ⁽²⁾... Мало этого; скопцы видимо интересуются вообще политическими дѣлами и всегда истолковываютъ ихъ съ своей точки зрѣнія. Кельсіеву удалось получить отъ галацкихъ скопцовъ одинъ документъ, приписываемый основателю скопческой секты. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ полного текста этого документа и принуждены довольствоваться свѣдѣніями, сообщенными корреспондентомъ „Современнаго Листка“. Въ этомъ документѣ, по словамъ корреспондента, „страннымъ мистическимъ слогомъ скопческой богъ говоритъ о вліяніи на наше отечество и на весь міръ французской цивилизаціи. о томъ, что это вліяніе распространяется все болѣе и болѣе, и когда оно дойдетъ до самой Сибири, это время будетъ поворотною точкою въ жизни Россіи: тогда не она должна будетъ подчиняться вліянію чуждой народности, а ея вліянію долженъ подчиниться весь міръ“ ⁽³⁾. И это любопытство скопцовъ политическими событіями имѣетъ, по нашему мнѣнію, свое основаніе въ догматическомъ ихъ ученіи. Извѣстно, что по ученію скопцовъ, искупитель Петръ III Ѳеодоровичъ при воцареніи на руссійскомъ престолѣ соединитъ въ одно государство земли русскую, французскую и турецкую; какъ же, въ самомъ дѣлѣ, не интересоваться скопцамъ общимъ положеніемъ политическихъ дѣлъ?.. Далѣе, въ томъ же догматическомъ ученіи имѣетъ свое объясненіе и любовь ихъ къ Россіи, въ которой, по ихъ искреннему убѣжденію, долженъ воцариться Петръ III, предварительно очистивъ ее отъ нечистоты.

⁽¹⁾ Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3. 208 стр. Показаніе Иванова

⁽²⁾ Отеч. Зап. 1867 г. № 10, 643 стр.

⁽³⁾ Соврем. Лист. 1867 г. № 82.

Признание своего общества отдѣльнымъ, самостоятельнымъ царствомъ естественно влекло и влечетъ скопцовъ къ фактическому осуществленію этой идеи. Въ первое время существованія скопческой секты скопцамъ, дѣйствительно, удалось отчасти осуществить эту идею. Тогда какъ общество хлыстовъ всегда представляло и представляетъ въ управленіи безграничный оликрализмъ, общество скопцовъ, напротивъ, представляло долгое время абсолютный монархизмъ. Во главѣ скопческаго царства *de jure* и *de facto* стоялъ самъ основатель скопческой секты. Онъ былъ полнымъ „хозяйномъ“, царемъ не только въ томъ кораблѣ, въ которомъ жилъ, но и во всѣхъ другихъ ⁽¹⁾. Всѣ послѣдователи его составляли собою одинъ нераздѣльный корабль „царскій“ ⁽²⁾. Живііе при лжеискупителѣ и лжецарѣ относились къ нему всегда, какъ къ своему верховному главѣ; никто изъ нихъ не дерзалъ называть себя наставникомъ или пророкомъ, помня, конечно, слова своего общаго царя батюшки, запрещавшія эту дерзость ⁽³⁾. Самые приближенные къ нему, имѣвшіе значительное вліяніе въ обществѣ скопцовъ, носили скромный титулъ „искупительскихъ слугъ“ ⁽⁴⁾. Далѣе, чтобы подчинить своей власти провинціальныхъ учителей и пророковъ, безъ которыхъ, очевидно, не могли обходиться провинціальные корабли, лжецарь придумалъ особый родъ посвященія, состоявшій въ томъ, что каждому новоизбранному учителю онъ лично вручалъ „крестъ и платокъ“. Только подъ условіемъ полученія этихъ послѣднихъ вещей члены корабля могли принять къ себѣ новаго учителя ⁽⁵⁾. Такъ, между прочимъ, были

⁽¹⁾ Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 205 стр.

⁽²⁾ Сборн. Кельс. III. Прилож. 62 стр. Пѣсня.

⁽³⁾ Чт. въ общ. ист... 1864 г. 4 № 74 стр.

⁽⁴⁾ Тамъ же, 1872 г. 3 № 126 стр. Пѣсня.

⁽⁵⁾ Тамъ же, 301 стр.

посвящены отъ лжецаря Алексѣй Громовъ для ко-
стромскаго корабля и потомъ для галицкаго корабля
Максимъ Кузьминъ ⁽¹⁾. По удаленіи въ Суздаль, лже-
царь передалъ управленіе сыну Михаила Солодовни-
кова, при которомъ „всѣ дѣла шли попорядку и безъ
перемѣны, какъ и прежде шли“ ⁽²⁾. Духъ монархизма
господствовалъ нѣкоторое время и послѣ смерти лже-
царя. Такъ, извѣстно, что около 40-хъ годовъ на-
стоящаго столѣтія скопцы признавали своимъ вер-
ховнымъ начальникомъ какого-то батюшку Павла
Ивановича, проживавшаго въ г. Бѣлгородѣ, курской
губерніи. По ихъ мнѣнію, Павелъ Ивановичъ благо-
словленъ на управленіе и начальство непосредственно
отъ „самого батюшки, милосердаго искупителя, импе-
ратора Петра Θεодоровича“, и уже его именемъ бла-
гословляетъ прочихъ мѣстныхъ начальниковъ ⁽³⁾.
Г. Мельниковъ, на основаніи архивныхъ дѣлъ свидѣ-
тельствуется, что у скопцовъ, дѣйствительно, до по-
слѣдняго времени существовалъ рядъ преемственныхъ
начальниковъ, которые данною отъ лжецаря властію
благословляли учителей на управленіе кораблями ⁽⁴⁾.
Въ настоящее время этотъ духъ монархизма особенно
ясно обнаруживается въ стремленіи скопцовъ центра-
лизовать всѣ дѣла, относящіяся до скопчества. Еще
Надеждинъ замѣтилъ у скопцовъ существующее у
нихъ „невольное влеченіе сближаться между собою,
жить если не вмѣстѣ, то по сосѣдству другъ съ дру-
гомъ“ ⁽⁵⁾. Конечно, такое сближеніе можетъ быть
объяснено общимъ у всѣхъ людей инстинктомъ; но у
скопцовъ это сближеніе получаетъ особый характеръ
и значеніе. Сближаясь между собою, избирая опре-

⁽¹⁾ Чт. въ общ. вст... 1872. 3 № 317 и 320 стр.

⁽²⁾ Тамъ же, 2 № 205 стр.

⁽³⁾ Сборн. Кельс. Ш. 174 стр.

⁽⁴⁾ Чт. въ общ. вст... 1872 г. 2 № 89 стр.

⁽⁵⁾ Сборн. Кельс. Ш. 199 стр.

дѣленные пункты для взаимныхъ свиданій и переговоровъ, скопцы, безъ сомнѣнія, преслѣдуютъ коллективныя цѣли и задачи, относящіяся къ благосостоянiю всего царства скопцовъ, какъ единого и нераздѣльнаго. Главнѣйшiе пункты, гдѣ сосредоточивались и сосредоточиваются дѣла, относящіяся до скопчества, по свидѣтельству г. Бажанова, суть слѣдующiе: Петербургъ, Москва и Одесса—въ Россiи, Яссы и Бухарестъ—за границею (¹). Каждый изъ этихъ городовъ имѣетъ специальное назначенiе въ скопческомъ мiрѣ. Москва и Петербургъ, имѣя безспорно религiозное значенiе—первая, какъ мѣсто будущаго славнаго царствованiя Петра III, второй же, какъ мѣсто, освященное уже кратковременнымъ царствованiемъ его—имѣютъ значенiе, съ одной стороны, какъ пункты, гдѣ сосредоточиваются торговые интересы, а слѣд. и капиталы скопцовъ, съ другой же—какъ удобнѣйшiе пункты для выслѣживанiя за правительственными распоряженiями о скопцахъ. Одесса, хотя и не имѣетъ еще религiознаго значенiя, но она въ будущемъ необходимо должна получить это значенiе по убѣжденiю скопцовъ: „Адестъ будетъ втроемъ Питеръ, катать въ немъ будетъ искупитель“ (²). Теперь же Одесса выполняетъ болѣе скромную, по понятiямъ скопцовъ, роль: она служитъ передаточнымъ пунктомъ, откуда переправляются за границу всѣ новые прозелиты, вербуемые скопцами изъ разныхъ губернiй. Яссы и Бухарестъ представляютъ собою то гнѣздо, куда обыкновенно скопцы отсылаютъ изъ Одессы новыхъ прозелитовъ. По свидѣтельству русскаго консула, писавшаго въ 1863 г., въ Бухарестѣ и Яссахъ образовалось цѣлое скопческое общество; лица, вновь поступающiя въ это общество, по словамъ консула, „всѣ безъ исключенiя суть молсдые

(¹) Пеликанъ Суд. мед. изсл. скопч. 76 стр.

(²) Сбoрн. Кельс. III. Прилож. 37 стр.

русскіе изъ простаго званія, часто даже малолѣтніе, которыхъ скрывающіеся въ Имперіи сектаторы или ихъ агенты склоняютъ къ побѣгу за границу“ (1).

Признаніе своего общества отдѣльнымъ, самостоятельнымъ царствомъ ведетъ скопцовъ далѣе и приводитъ къ рѣшительному и ничѣмъ неотвратимому практическому вопросу объ отношеніи ихъ къ русскому императору или, по ихъ выраженію, „къ явному царю“. Понятно, при рѣшеніи этого вопроса необходимо должно было произойти противорѣчіе между убѣжденіемъ и дѣйствіемъ, между теоріею и дѣйствительностію. Одни скопцы, сознавая гибельныя послѣдствія явнаго неповиновенія царствующему государю, не повинуются послѣднему только внутренно, исполняя наружно все, что требуется закономъ. Такъ поступаютъ они, по собственному признанію ихъ, „страха ради іудейска“, т. е. во избѣжаніе преслѣдованія (2). Въ такомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать всѣ завѣренія скопцовъ о готовности ихъ исполнять всѣ требованія императора, которыя они въ разное время высказывали устно и даже письменно (3). Въ этомъ же смыслѣ мы допускаемъ и мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ о не-антиполитическомъ будто бы и не-антиправительственномъ направленіи скопческаго общества. Таковы мнѣнія Крыжина, который утверждаетъ, что „скопчество, хотя и проповѣдывало непризнаніе власти..., но оно не проповѣдуетъ никакихъ ложныхъ идей демократизма“ (4); — Кельсиева, который выражаетъ даже мысль, что „скопцы относятся къ высшей власти съ довѣріемъ“ (5), и, нако-

(1) Суд.-мед. изв. скопч. 76 стр.

(2) Сборн. Кельс. Ш. 180 стр.

(3) См. навр. устныя показанія кронштадтскихъ скопцовъ и письменныя — скопцовъ кавказской подвижной инвалидной роты. Чт въ общ. изв.... 1873 г. 1 № 187 и 212 стр.

(4) Изв. Импер. рус. географ. общ. 1866 г. II т. I отд. 23 стр.

(5) Совр. Лист. 1867 г. № 82.

нець, Е. Барсова, по мнѣнію котораго, „самозванство Селиванова имѣеть въ виду не-политическую цѣль; напротивъ, политическій фактъ направлень здѣсь къ религіозной пропагандѣ“ (¹). — Другіе скопцы, болѣе послѣдовательные и фанатичные, желая остаться вѣрными основной догмѣ своего ученія, не только внутренно не повинуются законному государю, но при удобномъ случаѣ высказываютъ свое внутреннее убѣжденіе и *de facto*. Сюда относится немалочисленный рядъ открытыхъ и возмутительныхъ по своему характеру протестовъ противъ императора. Такъ, въ 1837 г. скопецъ Андреянъ Жигалкинъ на судѣ объявилъ, что онъ „не признаетъ власти царствующаго государя императора, потому что скопецъ долженъ отвѣчать только своему царю Петру Теодоровичу, которому принадлежитъ по вѣрѣ“ (²). Нѣсколько позднѣе тоже самое выразили скопцы, проживавшіе въ Петербургѣ, но только въ формѣ болѣе дерзкой и вполне возмутительной (³). Въ 1829 г. скопецъ Будылинъ въ своемъ показаніи говоритъ о всѣхъ скопцахъ вообще, что они „императора Николая Павловича не признаютъ“ (⁴)... Такіе факты, конечно, не единственные, показываютъ, по нашему мнѣнію, истинное отношеніе скопцовъ къ царствующимъ особамъ и отсюда ко всему правительству, вытекающее изъ всего ученія скопцовъ. Намъ кажется, поэтому, что отрицать антиполитическое и антиправительственное направленіе скопческой секты, какъ дѣлаютъ это вышеназванные ученые, — несправедливо.

Постоянныя преслѣдованія, которымъ подвергаются скопцы отъ гражданскаго и духовнаго правительства, естественно лишаютъ ихъ возможности со-

(¹) Прав. Обзор. 1873 г № 2. 313 стр.

(²) Сборн. Кольс. III. 231 стр.

(³) Тамъ же, 232 стр.

(⁴) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 4 № 88 стр.

единиться вмѣстѣ и составить одно неразрывное общество. Та вождельнная и пріятная мечта скопцовъ, что они составляютъ особое царство, управляемое покупителемъ и царемъ Петромъ III Феодоровичемъ, по физической невозможности осуществить ее, остается, дѣйствительно, только мечтой. Лишенные возможности жить вмѣстѣ, разбросанные по разнымъ уголкамъ Россіи, Сибири, Кавказа и Задунайскихъ княжествъ, скопцы, подобно хлыстамъ, по свѣдѣнью мѣстожителству подраздѣляются на множество мелкихъ общинъ. Эти общины или иначе называемые „корабли“ въ своей жизни и въ своемъ управленіи независимы другъ отъ друга. Каждый корабль имѣетъ своего особаго правителя или „учителя“, поставленнаго главнымъ начальникомъ секты. Власть учителя — подобно власти „кормщика“ хлыстовскаго корабля — безгранична въ отношеніи къ подчиненнымъ; въ его распоряженіи не можетъ вмѣшиваться учитель другаго корабля. Временный управитель дѣлами петербургскаго скопческаго корабля скопецъ Василій Феодоровъ на жалобу, принесенную ему учителемъ корабля псковской губерніи, опочекскаго уѣзда, о томъ, что учитель корабля порховскаго уѣзда Василій Евстифѣевъ его, Феодорова, „безпокоитъ“, писалъ: „если кто тебѣ, т. е. Феодорову по сердцу и по любви братской скажетъ: „хлѣбъ да соль!“ ну такъ: „прошу пожаловать“, а если не по любви, во вредъ напираетъ на обѣдъ, такъ-вымъ издавна лежитъ пословица: „ну, братъ, пришелъ ты незванный, такъ и поди недравный“⁽¹⁾. Кромѣ религіозно-нравственнаго значенія, которое принадлежитъ учителю скопческаго корабля, какъ наставнику вѣры и благочестія въ скопческомъ смыслѣ⁽²⁾, каждый учитель корабля подобно хлыстовскому кормщику завѣдываетъ имущественною частію всего корабля.

(1) Чт. въ общ. вст... 1872 г. 2 № 204—205 стр.

(2) Тамъ же, 3 № 301 стр.

Говеря объ устройствѣ хлыстовскаго корабля, мы замѣчали, что въ послѣднемъ члены корабля не только нравственно, но даже, такъ сказать, юридически обязаны помогать другъ другу; замѣчали также, что пользованіе имуществомъ въ хлыстовскомъ кораблѣ носитъ признаки коммунизма. Если въ хлыстовскомъ кораблѣ то и другое осталось неразвитымъ вполнѣ, то въ скопческихъ корабляхъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, это достигло значительнаго развитія. По словамъ крестьянина Андреянова, каждый, вновь вступающій въ общество скопцовъ, обязанъ принести все свое имущество къ учителю того корабля, въ который онъ вступаетъ, такъ какъ по мнѣнію скопческихъ учителей, „каждый поступающій въ путь Божій долженъ отдаваться Богу душою и плотію“ (¹). Собиратель матеріаловъ г. Мельниковъ замѣчаетъ, что члены нѣкоторыхъ кораблей „не имѣли частнаго имущества и по вступленіи въ секту продавали его и клали у ногъ своего учителя“ и это дѣлалось, какъ показывали нижегородскіе и орловскіе скопцы, „по примѣру апостоловъ“, о которыхъ въ Дѣянїяхъ говорится: *не бѣше бо нищъ ни единъ въ нихъ: елщы бо господіе селомъ, или домовомъ бяху, продающе, притошаху цѣны продаваемыхъ, и полагаху при ногахъ апостолъ; дадеся же комуждо, его же аще кто требоваше* (²). Принимая въ свое полное распоряженіе имущество вновь поступающихъ въ общество скопцовъ, учителя нерѣдко производили спеціальныя сборы денегъ съ членовъ корабля во время моленій. Такъ, въ то время, когда жилъ основатель скопческой секты въ Петербургѣ и въ Суздаль, производились сборы для содержанія лжеискупителя и его штата (³). Существовали также сборы для содержа-

(¹) Чт. въ общ. вѣст.. 1872 г. 3 № 307 стр.

(²) Тамъ же, 2 № 118—119 стр.

(³) Тамъ же. 179 стр. и Тамъ же, 3 № 307 стр.

нія скопческихъ учителей. Кромѣ этихъ сборовъ и другихъ, подобныхъ имъ, въ скопческихъ общинахъ производили нерѣдко сборы съ спеціальною цѣлію подкуповъ разныхъ чиновниковъ и полиціи. Такъ, извѣстно, что саратовская полиція была подкуплена въ полномъ своемъ составѣ скопцами корабля Панова. Очевидно, деньги, требуемыя на такой предметъ, собирали со всѣхъ членовъ корабля, какъ одинаково заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ (¹).

Естественно, при такомъ устройствѣ скопческихъ кораблей существованіе каждаго члена корабля вполне гарантировано и должно быть безбѣднымъ. По свидѣтельству обратившагося къ православію изъ секты людей божіихъ, скопцы въ оказаніи другъ другу матеріальной помощи превосходятъ даже хлыстовъ (²). Извѣстна также замѣчательная заботливость скопцовъ объ освобожденіи изъ мѣстъ заключенія своихъ братьевъ по вѣрѣ, при которой они пускаютъ въ ходъ, по выраженію преосвященнаго Мелхиседека, „всѣ свои тайныя пружины“ (³). Такъ, Будылинъ, по собственному его показанію, въ 1828 г. путешествовалъ въ Раненбургъ, рязанской губерніи, съ тѣмъ, чтобы освободить изъ тамошняго острога скопческую богородицу. Самъ Будылинъ точно также бѣжалъ отъ слѣдовавшаго за нимъ конвоя, благодаря заботливости скопцовъ (⁴). Вообще же, скопцы никогда не допустятъ гибели своего брата по сектѣ, если только не встрѣтятся неодолимыхъ препятствій.

Тѣсныя взаимныя отношенія, существующія между членами одного корабля, прогрессируютъ далѣе и производятъ то, что всѣ скопцы и всѣхъ мѣстностей образуютъ собою какъ бы одну массу, одно общество,

(¹) Чт. въ общ. вѣст... 1872 г. 2 № 180 стр.

(²) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 22, 274—275 стр.

(³) Христ. Чтен. 1879 г. Янв.—Февр. 42 стр.

(⁴) Чт. въ общ. вѣст... 1872 г. 4 № 82 и 79 стр.

которое живетъ одними интересами, одною жизнью, производятъ, наконецъ, то, что скопцы прекрасно знаютъ другъ друга, знаютъ то, что совершается въ той или другой мѣстности, знаютъ и то, что намѣрено предпринять противъ нихъ правительство. Изъ исторіи скопческой секты мы уже знаемъ, насколько солидарны между собою скопцы, насколько они проникнуты единодушіемъ и общими интересами. Замѣчательнѣйшія похождения Громова и Будылина составляютъ настоящій романъ, дѣйствія котораго охватываютъ множество губерній, уѣздовъ и селъ. Точно также изъ исторіи скопческой секты намъ извѣстно отчасти о существующихъ у скопцовъ устныхъ и письменныхъ сношеніяхъ, которыя они производятъ между собою не смотря на значительное географическое разстояніе, отдѣляющее ихъ другъ отъ друга. Во время пребыванія Селиванова въ Петербургъ между послѣднимъ и скопческими кораблями, разсѣянными въ разныхъ отдаленныхъ губерніяхъ, установились сношенія, имѣвшія видъ нѣкоторой правильности. Петербургскій скопческій соборъ, рассылая письма къ разнымъ лицамъ, употреблялъ, напр., для запечатанія ихъ особыя печати, съ вырѣзанными на нихъ особыми символическими изображеніями. Такъ, Громовъ, живя въ Галичѣ, получилъ изъ петербургскаго скопческаго собора письмо, которое было запечатано особою печатью. На послѣдней были вырѣзаны: корабль, гора Голгоѳа, надъ которой возвышался крестъ; ниже этихъ символовъ были вырѣзаны нѣсколько буквъ. Скопецъ Захарій Григорьевъ, начальствуя надъ скопческимъ кораблемъ псковской губ., опочекскаго уѣзда, получалъ письма изъ петербургскаго собора, которыя имѣли также печати. Одна изъ такихъ печатей имѣла слѣдующія символическія изображенія: надъ щитомъ были изображены съ правой стороны солнце, съ лѣвой— новолуніе, обращенное къ внѣшней сторонѣ; среди этихъ знаковъ изображенъ голубь, спускающійся на щитъ; щитъ обхватывали двѣ пальмовыя вѣтки обык-

новенной формы; на шитѣ вырѣзаны буквы: Г. В. ИС. въ первой строкѣ и ДУ. НА.—во второй ⁽¹⁾. При производствѣ слѣдствія въ 1825 г. надъ скопцами Солодовниковымъ и Аггѣевымъ, съ одной стороны, и Потаповымъ—съ другой, открылись письменныя сношенія, существовавшія между скопцами гг. Петербурга, Нижнеудинска и Суздаля ⁽²⁾. Въ болѣе ближайшее къ намъ время письменныя сношенія между скопцами пріобрѣли еще болѣе правильный и организованный характеръ. У скопцовъ, какъ дознано судебнымъ слѣдствіемъ надъ орловскими скопцами въ 1863—1864 гг. ⁽³⁾ и какъ видно изъ свидѣтельства епископа румынскаго Мелхиседека ⁽⁴⁾, существуетъ особая азбука, при помощи которой они сообщаютъ другъ другу важныя извѣстія о своемъ обществѣ. Далѣе, тоже слѣдствіе надъ орловскими скопцами открыло, что скопцы имѣютъ у себя такъ называемыхъ „миссіонеровъ“, которые бываютъ двоякаго рода: странствующие и постоянные. „Первые“, по словамъ г. Бажанова, „большею частію, принадлежатъ къ категоріи второстепенныхъ покровителей, рѣдко бываютъ скопцы, а если и скопцы, то оправданные; они всегда снабжены паспортомъ, денежными средствами и путешествуютъ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, а въ сущности имѣютъ двоякую задачу: наборъ новыхъ сподвижниковъ и передачу извѣстій родителямъ, дѣти которыхъ проживаютъ у скопцовъ въ столицахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они увѣдомляютъ о мѣрахъ, предпринимаемыхъ правительствомъ противъ скопцовъ. Странствующие миссіонеры обращаются со всѣми своими свѣдѣніями къ учрежденнымъ постояннымъ комиссіонерамъ, которые по большей части живутъ въ большихъ городахъ,

⁽¹⁾ Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 203 стр.

⁽²⁾ Сборн. Кельс. Ш. 178 стр.

⁽³⁾ Пеликанъ, Суд.-мед. изв. скопч. 77 стр.

⁽⁴⁾ Христ. Чтен. 1879 г. Январь—Февр. 46—47 стр.

и имъ-то передаютъ словесно все, о чемъ ихъ просили, а отъ нихъ забираютъ свѣдѣнія, нѣтъ ли, напримеръ, такихъ родителей, которые бы согласились на отдачу дѣтей. Постоянные миссіонеры, уже въ свою очередь, заботятся о томъ, чтобы ко времени прихода странствующихъ были заготовлены всѣ нужные имъ мѣстные матеріалы, и полученныя отъ послѣднихъ извѣстія передаютъ по околоткамъ чрезъ довѣренныхъ лицъ, которыя въ тайнѣ исполняютъ порученія съ свойственною ихъ сектѣ отчетливостію. Странствующие комиссіонеры, по указаніямъ постоянныхъ, уже прямо отправляются въ указанное имъ мѣсто, уговариваются о платѣ и или уводятъ съ собою мальчиковъ, или уходятъ съ обѣщаніемъ, что родители сами привезутъ ихъ“ (¹).

Письменные сношенія между скопцами не ограничиваются только предѣлами Россіи, но они простираются далеко за предѣлы ея и достигаютъ отдаленныхъ мѣстностей Сибири, Кавказа и Задунайскихъ княжествъ. О существованіи сношеній между скопцами Сибири и Россіи свидѣтельствуетъ крестьянинъ Андреяновъ въ своемъ донесеніи. По его словамъ, нѣкоторые изъ орловскихъ скопцовъ ходили въ Сибирь къ сосланнымъ туда скопцамъ и, возвратясь оттуда, „хвалили тамошнюю жизнь“ (²). Произведенное въ 1845 г. слѣдствіе надъ таврическими скопцами открыло письменную связь между скопцами села Малой Знаменки, мелитопольскаго уѣзда и г. Красноярска. Это же слѣдствіе открыло такую же связь со скопцами, находящимися за Кавказомъ, въ Имеретіи (³). Что же касается до существованія письменныхъ сношеній между скопцами Россіи и Задунайскихъ княжествъ, то въ существованіи этихъ сноше-

(¹) Пеликанъ, Суд.-мед. изсл. скопч. 77 стр.

(²) Чт. въ общ. вѣст.... 1872 г. 2 № 146 стр.

(³) Сборн. Кельс. Ш. 179 стр.

ній удостовѣряетъ преосв. румынскій Мелхиседекъ. Послѣдній, при производствѣ слѣдствія надъ измаильскими скопцами въ 1859—1861 гг., имѣлъ въ рукахъ значительную массу скопческихъ писемъ, адресованныхъ къ разнымъ лицамъ изъ разныхъ мѣстностей. Между этими письмами было, между прочимъ, письмо Кирилы Карпова и Акулины Антоновны изъ села „Осинки“ (вѣроятно Осинки), рязанской губерніи, къ скопцу Ивану Ивановичу, проживавшему въ Румыніи. Письмо помѣчено 17 числомъ марта 1858 г. Мы приводимъ здѣсь выдержку изъ этого письма, сдѣланную г. Сырку. „Скопцы села „Осинки“ называютъ румынскаго скопца „своимъ благодѣтелемъ“, благодаря его за подарокъ, который имъ послалъ и который они получили отъ 8 прошлаго февраля вмѣстѣ съ письмомъ, и по полученіи его вся братія и сестры собрались вмѣстѣ и прочли его всѣ съ радостію, приняли подарокъ, *горько плакали* отъ жалости по немъ, приговаривая: „нѣтъ ево! нѣтъ ево!“; затѣмъ молились за него, желая жить ему многа лѣта, *царствовать*, имѣть успѣхъ во всемъ, достигнуть спасенія души и пребывать въ тѣлесномъ здравіи. Всѣ ему кланяются до земли по обязанности и обычаю христіанскому, т. е. по обычаю скопцовъ, — желаютъ другъ другу всего лучшаго, отвѣшивая поклонъ. Извѣщаютъ его, что его письмо дошло съ такою скоростію, какъ будто летѣло, и желаютъ, чтобы и ихъ отвѣтъ полетѣлъ къ нему съ такою же поспѣшностію, ради чего какъ будто убаюкиваютъ его (письмо) слѣдующими ризмованными выраженіями: „лѣти письмо наше туда, кто получаетъ безъ труда, Говорить то говорить, а Кирилла еще повторить“. Далѣе говорятъ, что они въ такомъ хорошемъ настроеніи духа, какъ будто бы напились чего; извѣщаютъ его о нѣкоторыхъ дѣлахъ секты; а именно о нѣкоемъ Борисѣ, находившемся у нихъ и приготовившемъ пять человекъ къ *опредѣленію* (вѣроятно къ оскотленію), но взятомъ *въ руки* (т. е. схваченъ полицією); что онъ ушелъ отъ нихъ

и не имѣютъ болѣе свѣдѣній о немъ и что вмѣстѣ съ нимъ были двѣ *вдовочки* и двѣ *дѣвочки*; описываютъ свое печальное положеніе, и что преслѣдованіе или гоненіе лишило ихъ почти всего, но впрочемъ имѣютъ надежду на Ивана Ивановича. Акулина Карповна, пишутъ, ушла въ московскую губернію, но тамъ горько плачетъ. Извѣщаютъ его, что не получено отъ него письмо на имя Петра Леонтьева и не слышали ничего о немъ. Рассказываютъ, что тамъ секта много терпитъ отъ преслѣдованій правительства и что они были въ заключеніи двѣ недѣли и освободились только благодаря помощи одного бывшего секретаря, котораго они очень хвалятъ, не называя его, однако, по имени: „назови его—какъ васъ и находятся у насъ, о которомъ просимъ васъ считать его нашимъ дорогимъ гостемъ, онъ близкій нашъ знакомый, и еще можемъ сказать, что онъ достоинъ похвалы; съ самаго начала христіанскаго вѣка мы не нашли такого добродѣтельнаго человѣка; мы защищены отъ *зимняго времени* и *бурныхъ вѣтровъ*“ (1).

Приведенная нами выдержка изъ письма скопцовъ, жившихъ въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, знакомитъ насъ какъ съ характеромъ скопческой переписки вообще, такъ въ частности указываетъ на тотъ языкъ—таинственный, непонятный для не-скопца, на которомъ обыкновенно пишутъ скопцы и на которомъ они говорятъ, на ту осторожность, съ какою говорятъ скопцы о лицахъ, и на обыкновеніе всегда почти употреблять рѣчю въ выраженіяхъ. Далѣе, приведенная выдержка прекрасно свидѣтельствуетъ о той быстротѣ и точности, съ какими вообще передаются изъ одной мѣстности въ другую событія, совершающіяся въ скопческомъ мірѣ. Очевидно, скопцы, благодаря простому, но вѣрному и быстрому способу сообщенія, имѣютъ полную возможность слѣ-

(1) Христ. Чтен. Январ.—Февр. 1879 г. 48—49 стр.

дигь за всѣмъ, что происходитъ въ ихъ средѣ не только по всей Россіи, но и далеко за предѣлами ея. Благодаря этому же способу, скопцы имѣютъ полную возможность своевременно узнавать о распоряженіяхъ правительства и сообщать о нихъ по всѣмъ скопческимъ кораблямъ вѣрнѣе и даже иногда скорѣе, чѣмъ путемъ обыкновенной почтовой корреспонденціи. Извѣстный фактъ изъ исторіи слѣдственнаго дѣла о саратовскихъ скопцахъ можетъ служить нагляднымъ подтвержденіемъ высказаннаго нами послѣдняго положенія.

Въ своей обыкновенной домашней жизни скопцы отличаются трудолюбіемъ и промышленностію. Богатство и трудолюбіе были, кажется, идеаломъ самого Селиванова, который въ своихъ „страдахъ“ говоритъ о себѣ: „и дастся ему вилы, цепь и пила“⁽¹⁾. Въ одной скопческой пѣсни воспѣваются скопцы— „купцы земли греческой, миллионники знаменитые“⁽²⁾. Факты трудолюбія и промышленности скопцовъ засвидѣтельствованы многими очевидцами ихъ жизни. Такъ, по словамъ Крыжина, въ симбирской губерніи между совратившимися въ скопчество крестьянами становилось замѣтно улучшеніе въ ихъ хозяйственномъ быту, они перестраивали дома въ болѣе обширномъ видѣ, одѣвались чище, жили лучше и опрятнѣе своихъ односельцевъ и нѣкоторые начинали вести мелочную торговлю. У главнаго скопца симбирскаго, алатырскаго мѣщанина Милютина, на поясной фабрикѣ, говорятъ, обезпечены были работой до 200 женщинъ и дѣвокъ⁽³⁾. По свидѣтельству Реутскаго, осмотрѣнныя имъ въ Москвѣ, въ домѣ Кудриныхъ, мастерскія находились въ отличномъ порядкѣ и чистотѣ; работницы занимались своимъ дѣломъ съ при-

(1) Чт. въ общ. вѣст... 1864 г. 4 № 70 стр.

(2) Тамъ же, 1872 г. 3 № 166 стр.

(3) Дѣло. 1867 г. № 12, 196—197 стр.

мѣрнымъ трудолюбіемъ и аккуратностію (¹). Любви къ трудолюбію и промышленности скопцы не покидаютъ и въ мѣстахъ своей ссылки. Въ туруханскомъ краю скопцы дѣлались распространителями ремесленности между туземцами. Они, между прочимъ, ввели тамъ въ употребленіе незнаемую дотолѣ пилу продольную и поперечную, самопрялку, которую потомъ усвоили и остяки, улучшили лодочное мастерство, были лучшими кузнецами и снабжали своими издѣліями жителей на пространствѣ болѣе 300 верстъ (²). О якутскихъ скопцахъ извѣстно, что у нихъ земледѣліе идетъ сравнительно успѣшно; далѣе, они построили мельницъ вѣтряныхъ и водяныхъ, развели огородныя овощи, скотоводство и распространили мастерство въ разныхъ видахъ (³). Нерѣдко случалось, что страсть скопцовъ къ промышленности вредно отзывалась на благосостояніи мѣстныхъ жителей. Такъ, корреспондентъ „Современныхъ Извѣстій“ замѣчаетъ, что „наплывъ скопцовъ въ якутскую область нанесъ опасный ударъ правильному развитію мѣстной торговли и промышленности. Деньги, разъ попавшія въ руки скопцовъ, не выходятъ изъ ихъ общины“ (⁴). Являясь на городскихъ рынкахъ въ качествѣ мѣняль, скопцы весьма часто причиняютъ существенный вредъ денежной торговлѣ. „Отказываясь, говоритъ Надеждинъ, по взаимному согласію принимать монету стараго чекана подъ предлогомъ, что она потерта, они вдругъ роняютъ ее въ курсѣ, потомъ скупаютъ за безцѣнокъ и, опять поднявши, пускаютъ въ оборотъ. Одно время они занимались ввозомъ въ Имперію золотой французской монеты съ повышеніемъ нарицательной цѣнности ея свыше настоящей,—противъ чего

(¹) Пеликанъ, Суд.-мед. изсл. скопч. 79 стр.

(²) Дѣло. 1867 г. № 12, 197 стр.

(³) Совр. Извѣстія. 1877 г. № 157.

(⁴) Тамъ же.

министерство финансовъ должно было неоднократно принимать мѣры“ (1).

Далѣе, извѣстно, что въ обыкновенной своей жизни скопцы наблюдаютъ трезвость и умѣренность (2). Женщины-скопчихи чуждаются нарядовъ и различныхъ украшеній (3), мужчины-скопцы, также не подчиняясь модѣ, любятъ носить платье по преимуществу крапчатого цвѣта (4). Наконецъ, извѣстно и то, что въ обыкновенной своей жизни скопцы не чужды тѣхъ пороковъ, противъ которыхъ они собственно направляютъ уродованія своего тѣла; бывали примѣры самаго возмутительнаго противоестественнаго характера (5). Такимъ образомъ, законы природы, противъ которыхъ воюють скопцы, остаются неизмѣнными въ своихъ дѣйствіяхъ и при лишеніи самыхъ органовъ.

Отношенія скопцовъ къ иновѣрнымъ и, въ частности, къ православнымъ носятъ на себѣ характеръ непримиримой вражды и ненависти. Можно безъ преувеличенія сказать, что всѣ отношенія скопцовъ къ иновѣрнымъ характеризуются какъ преступленія. Эти послѣднія всѣ безъ исключенія основываются на религиозно-фанатической почвѣ; на ней они зарождаются и на ней же они развиваются. Частнѣе, всѣ извѣстныя главнѣйшія преступленія скопцовъ противъ общества и государства вытекають изъ ихъ фанатическаго, ничѣмъ неудержимаго стремленія пропагандировать свое физическое и нравственное уродство и только здѣсь получаютъ истинный смыслъ и значеніе.

Извѣстно, что каждое религиозное общество пропаганду своего ученія между другими иномыслящими

(1) Сборн. Кельс. Ш. 227 стр.

(2) Совр. Извѣст. 1877 г. № 157 и Суд.-мед. изв. скоп. 79 стр.

(3) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 174—175 стр.

(4) От. Зап. 1867 г. № 10, 592 стр.

(5) Сборн. Кельс. Ш. 221 стр. 304 прим.

людьми считаетъ дѣломъ добрымъ, заслуживающимъ похвалы и награды. Притомъ, пропаганда ученія или стремленіе сообщить другимъ свои убѣжденія и воззрѣнія составляетъ существенную потребность каждаго члена общества. Это фактъ психологическій. И, очевидно, что чѣмъ кто болѣе убѣжденъ въ правотѣ и спасительности своихъ убѣжденій, тѣмъ тотъ энергичнѣе ведетъ свою пропаганду. Но къ этой, такъ сказать, вытекающей изъ самаго существа человѣческой природы, потребности сообщать другимъ то, во что самъ вѣруешь, могутъ присоединяться иныя мотивы. Такими мотивами могутъ быть, съ одной стороны, социальныя условія, въ которыя поставлена извѣстная секта, а съ другой—воззрѣнія догматическія. Отрицая рѣ принципѣ бракъ, общество скопцовъ очевидно должно существовать и можетъ существовать только на счетъ другихъ обществъ, гдѣ бракъ не отрицается. Въ этомъ случаѣ, какъ само собою понятно, пропаганда скопческаго ученія вытекаетъ изъ социальныхъ условій, въ которыхъ эта секта находится и въ этомъ отношеніи она одинаково вредна для государства, какъ и секта хлыстовъ. Но тогда какъ для хлыстовъ пропаганда ученія не составляетъ догмата, для скопцовъ, напротивъ, она составляетъ почти такой же общеобязательный догматъ, какъ и вѣра въ искупителя и царя Петра III Теодоровича. Скопцы вѣрують, что когда число ихъ будетъ простираться до 144 тысячъ человѣкъ, тогда наступитъ страшный судъ, за которымъ послѣдуетъ торжество ихъ секты. Это вѣрованіе скопцовъ основывается на одномъ мѣстѣ изъ Апокалипсиса, гдѣ говорится объ Агнцѣ, стоящемъ на горѣ Сионской, котораго окружають 144 тысячи праведныхъ, съ именемъ Отца Агнца, написанномъ на челахъ ихъ (XIV. 1—4). Воображая, что тайновидецъ Іоаннъ Богословъ въ этомъ мѣстѣ своего Апокалипсиса разумѣлъ именно ихъ, скопцовъ (¹), они,

(¹) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 4 № 86 стр.

поэтому, съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ и фанатизмомъ стараются, чтобы какъ можно скорѣе осуществилась таинственная цифра 144 тысячи. Поэтому и пропагандисты скопческіе считаются людьми добродѣтельными и близкими къ Богу. По производившемуся въ 1822 г. дѣлу о скопцахъ курской губ. обнаружено, что тамъ „каждый, принимаемый въ общество скопецъ, обязывается страшною клятвою еовращать другихъ и тотъ, кто приобрѣтаетъ десять послѣдователей, почитается святымъ, хотя бы онъ даже не молился Богу“ (').

Способы или приемы, при помощи которыхъ скопцы вербуютъ въ свое общество новыхъ прозелитовъ, весьма многоразличны и разнохарактерны. Первый способъ, менѣе преступный по своему характеру, есть сообщеніе своего физическаго и нравственнаго уродства другимъ *путемъ убѣжденія и примѣромъ видимаго благочестія*. Самъ основатель скопческой секты рекомендовалъ эти способы своимъ дѣтушкамъ, какъ полезные, по его мнѣнію, для приращенія общества скопцовъ; совѣты его относительно этого предмета мы уже имѣли случай приводить въ своемъ сочиненіи. Множество официальныхъ свѣдѣній свидѣлствуютъ, что скопцы, дѣйствительно, не брезгаютъ этими приемами для увеличенія своего общества. Они расточаютъ все свое краснорѣчіе и знаніе съ тѣмъ, чтобы убѣдить другаго въ необходимости принятія „чистоты“. Андреяновъ говоритъ о себѣ: „я вступилъ въ путь по увѣренію божіей дѣвицы Акулины Васильевны и оная меня увѣряла изъ св. писанія; иногда же съ прочими дѣвицами сперва для меня пѣли церковныя пѣсни, и божіи ихъ въ увѣреніе давали мнѣ читать книгу „О должности христіанина“ и уговаривали меня, чтобы я безъ сомнѣнія повѣрилъ пути ихъ; и я увѣрялся слишкомъ полгода и, увидѣвъ воздержное житіе ихъ и плотскую чистоту, увѣрился

(') Сборн. Кельс. Ш. 175 стр. 243 прим.

и вступилъ въ путь ихъ. Божіи изъ св. писанія говорятъ, что Господь нигдѣ такъ любезно обитать не желаетъ, какъ въ чистой плоти человѣческой и что *вы есте храмъ Боги живаго* (¹). Убѣждая другихъ въ необходимости принятія чистоты, скопцы нерѣдко указываютъ на свою воздержную жизнь и противопоставляютъ послѣднюю жизни православныхъ. Скопецъ пономарь Петръ Семеновъ (калужской губ.) о побудительныхъ причинахъ своего обращенія въ общество скопцовъ писалъ въ консисторію слѣдующее: „согласился я быть тоя секты послѣдователемъ для того, что въ ней учатъ вина не пить и съ женою не имѣть плотскаго соитія. Сіе мнѣ полюбилось; ибо я весьма бѣденъ, а воспитаніе дѣтей и употребленіе хмѣльныхъ напитковъ меня совершенно бы раззорило“ (²).

Само собою понятно, увеличеніе секты скопцовъ путемъ убѣжденія и примѣромъ жизни не можетъ быть велико, такъ какъ операція оскотленія, которая неизбѣжно составляетъ удѣлъ каждаго новаго прозелита, по самому своему существу составляетъ предметъ страха и трепета для всѣхъ, дорожащихъ своимъ земнымъ существованіемъ. Поэтому скопцы, не ограничиваясь этими способами, употребляютъ и *другіе*, которые уже носятъ на себѣ *грубый, матеріальный характеръ*. По словамъ г. Бажанова, скопцы употребляютъ *три приѣма* для распространенія своего ученія. Первый—самый простой и несложный состоитъ *въ простомъ разговорѣ къ оскотленію съ обѣщаніемъ за это известной суммы денегъ*. Такъ, говоритъ г. Бажановъ, „арестантъ за буйство, воровство и подобныя преступленія, отправляемый въ ссылку, вдругъ во время пути своего, гдѣ-нибудь на этапѣ или въ острогѣ, до такой степени проникается забо-

(¹) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 103 стр.

(²) Кал. Епарх. Вѣдомости. 1874 г. № 43. 303 стр 8 пр.

тою о спасеніи своей души и вѣрою найти его именно въ оскопленіи, что тутъ же и спѣшить оскопиться. хотя бы для совершенія операциі, за неимѣніемъ инструментовъ, приходилось употреблять кусокъ отточенной жестянки и даже стекла. Очевидно, что представляемое арестантами, въ оправданіе своего поступка, желаніе душевнаго спасенія есть только ширма, закрывающая настоящую причину—подговоръ со стороны скопцовъ; а подговаривать они успѣвали въ то время, когда подъ видомъ благотворителей приходили къ арестантамъ для раздачи милостыни“ (1). Бажановъ указываетъ и еще два примѣра, изъ которыхъ одинъ, касающійся скопцовъ ижевскаго завода, слишкомъ уже возмутителенъ по своему характеру, другой же весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о той дерзости и наглости, какія составляютъ неотъемлемыя свойства скопцовъ-пропагандистовъ. 24 сентября, 1862 г., рассказываетъ Бажановъ, рядовой петербургской пожарной команды, литейной части, Иванъ Ронбейнъ, явивъ въ команду, объяснить, что „медѣли за двѣ до 24 сентября онъ, проходя по знаменской улицѣ, былъ остановленъ двумя неизвѣстными людьми, которые склоняли его къ оскопленію, обѣщая ему за это 150 р. Согласившись на это, онъ далъ обѣщаніе встрѣтиться съ ними 24 сентября. Въ назначенный день, смѣнившись съ часовъ въ 5 часу утра, онъ пришелъ въ условленное мѣсто, гдѣ подговаривавшіе его два лица уже ожидали; съ ними онъ и отправился въ бани купца Леонтьева. Дорогою они дали выпить ему осьмушку водки, по входѣ же въ баню (трехкопѣчную) люди эти—скопцы, поднявъ двѣ доски на полкѣ, предложили ему спуститься подъ полбкѣ, а такъ какъ тамъ было темно, то одинъ изъ нихъ зажегъ принесенный огарокъ свѣчки. Послѣ этого, положили его на землю и одинъ сталъ

(1) Суд.-мед. извѣст. скоп. 73 стр.

держатъ, а другой какимъ-то инструментомъ разрѣзалъ ему scrotum. Отъ сильной боли онъ невольно вскрикнулъ и тутъ же впалъ въ безпамятство. Операция не была докончена и когда Ронбейнъ очнулся—скопцовъ уже не было. Произведенный, по горячимъ слѣдамъ, осмотръ бани подтвердилъ показанія Ронбейна“ (1). Къ этимъ свидѣтельствамъ, уже самимъ по себѣ убѣдительнымъ, мы присоединимъ еще нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ тоже самое. Такъ, въ 1840 г. слѣдствіемъ открыто, что тамбовской губ., моршанскаго уѣзда, скопцы Плотицынъ, Дробышевъ и Загородковъ распространяли скопчество „посредствомъ выкуповъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія и припискою ихъ въ кругъ своихъ семействъ“. Тоже открыто было ранѣе относительно петербургскихъ купцовъ Ненасытьевыхъ, которые въ своихъ письмахъ къ дѣвкѣ Евфросиніи (тамбовской губ., моршанскаго уѣзда) завѣряли послѣднюю, что „кто приметъ скопческую секту, того они могутъ избавить отъ рабства, т. е. выкупить изъ крѣпостнаго состоянія“ (2). Есть нѣсколько и другихъ свидѣтельствъ, также доказывающихъ существованіе у скопцовъ подкуповъ и наградъ съ цѣлю завлеченія бѣдныхъ и нуждающихся людей въ секту. Отсюда, ивѣніе Кельсѣева, что будто бы скопцы не употребляютъ подкуповъ при распространеніи своей секты (3), очевидно невѣрно и противорѣчитъ фактамъ.

Второй приемъ, употребляемый скопцами при распространеніи своего физическаго и нравственнаго уродства, нѣсколько сложнее, требуетъ болѣе долгаго времени: это *незамышленное втягиваніе нуждающагося люда въ долговья обязательства*. „Подъ видомъ христі-

(1) Суд.-мед. извѣст. скопч. 73—74 стр.

(2) Чт. въ общ. ист., 1872 г. 2 № 106—107 стр.

(3) От. Зап. 1867 г. № 10, 600 стр. и Заря 1869 г. № 6, 149 стр.

анскаго благотворенія ближнему, говоритъ Важановъ, скопцы не отказываютъ въ своей помощи просящимъ у нихъ бѣднякамъ, даже иногда сами предлагаютъ ее, не дожидаясь ихъ просьбы...., если только находятъ этихъ бѣдняковъ людьми „подходящими“, выгодными для цѣлей секты. Благотворятъ скопцы или простою ссудою денегъ взаимнообразно или предложениемъ какихъ-либо „выгодныхъ“ торговыхъ сдѣлокъ; и въ томъ и въ другомъ случаѣ они не забываютъ обезпечить себя надлежащими документами. Материальныя средства своего должника скопцы, конечно, знаютъ очень хорошо; поэтому, они обыкновенно бываютъ самыми снисходительными кредиторами, не только не преслѣдующими своего должника за неплату долга въ срокъ, но и одоляющими его новыми ссудами.... доколѣ видятъ, что, въ случаѣ ихъ иска, онъ еще можетъ такъ или иначе уплатить свой долгъ. Но какъ скоро послѣдній дойдетъ, всеми правдами и неправдами, до цифры, превышающей средства уплаты, то благотворительность уже не имѣетъ мѣста, пускаются въ ходъ документы, а должнику предлагается на выборъ одно изъ двухъ: или уплатить долгъ, т. е. окончательно раззориться и пустить семью по міру, или вступить въ секту, т. е. получить прощенье долга и, сверхъ того, обезпечить себѣ постоянное, уже къ настоящему смыслу, пособіе со стороны сектантовъ“ (1). Въ подтвержденіе своихъ мыслей о такомъ способѣ пропаганды скопцами своей секты, Важановъ указываетъ на двухъ скопцовъ—купцовъ: сарapulьскаго Варачева и екатеринославскаго Бровченко. О первомъ изъ нихъ вятскій губернаторъ въ началѣ 50-хъ годовъ сообщалъ: „Варачевъ, владѣя значительнымъ капиталомъ и вводя крестьянъ сарapulьскаго уѣзда въ торговня съ нимъ связи, занутиваетъ ихъ въ дѣлахъ и потомъ увлекаетъ

(1) Пелликанъ, Суд.-мед. извѣст. скоп. 74 стр.

ихъ въ секту чрезъ прощеніе имъ долга и награжденіе ихъ деньгами“. Такъ, „онъ былъ въ короткихъ сношеніяхъ съ крестьяниномъ Кирьяковымъ, снабжалъ его деньгами, о взысканіи коихъ производилось дѣло и, по окончаніи онаго, представлено было Варачеву заключить Кирьякова въ тюрьму, но Варачевъ вдругъ искъ свой прекратилъ“, а Кирьяковъ оказался оскопленнымъ (¹). Съ своей стороны мы можемъ указать еще на два факта, подтверждающіе мысли Бажанова. Такъ, о скопчихъ Невѣровой (тамбовской губ., моршанскаго уѣзда) извѣстно, что она давала въ займы денегъ крестьянкѣ Чурнянской и за проценты у нея работали дочери Чурнянской, которыхъ она совратила въ секту. Далѣе, слѣдствіемъ было открыто, что моршанскіе скопцы: Плотицынъ, Дробышевъ и Загородковъ распространяли скопчество „посредствомъ дачи денегъ въ займы нуждающимся и содержаніемъ ихъ въ своихъ домахъ для отработки оныхъ“ (²).

Третій пріемъ, говоритъ Бажановъ, есть „наемъ (скопцами) въ услуженіе или, говоря точнѣе, покупка дѣтей, преимущественно мальчиковъ“.... „За неизмѣнимъ вѣрныхъ статистическихъ данныхъ, продолжаетъ цитруемый нами авторъ, нельзя дать точнаго отвѣта на вопросъ: многіе ли изъ мальчиковъ, бывшихъ въ услуженіи у скопцовъ, отошли отъ нихъ неоскопленными? Но съ наименьшимъ опасеніемъ погрѣшить противъ истины, можно отвѣтить, что если только таковые были, то число ихъ составляетъ самый ничтожный процентъ... Во 1) почти все извѣстные намъ богатые скопцы—дѣти бѣдныхъ родителей, съ малолѣтства находились въ услуженіи у скопцовъ и оказались, по медицинскому освидѣтельствуванію, оскопленными уже въ отроческомъ или юношескомъ воз-

(¹) Пеликанъ, Суд.-мед. изв. скоп. 74 стр.

(²) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 107 стр.

растахъ. Во 2) скопцы надъ своими дѣтьми и воспитанниками приобрѣтають вліяніе до такой степени сильное, что побывавшій въ рукахъ у скопцовъ ребенокъ—потерянный для общества: онъ быстро и глубоко заражается духомъ секты и уже, подобно настоящему сектанту, отличается смѣлостію и упорствомъ во лжи... Не безынтересны въ этомъ отношеніи показанія двухъ 10-лѣтнихъ дѣвочекъ: одна, еще неоскопленная, объявила на судѣ, что „когда она достигнетъ совершеннолѣтія, то также намѣрена оскопиться, чтобы не разлучиться съ родителями“, которые въ это время содержались въ острогѣ; другая, уже оскопленная, на вопросъ о ея оскопителяхъ „отвѣчала съ довольною стойкостію, что она сама обрѣзала себя соски, единственно для спасенія души своей; къ этому ее никто не соблазнялъ и не научалъ“ (1). Съ мнѣніемъ дочтеннаго автора нельзя не согласиться; оно подтверждается свидѣтельствомъ другаго лица, наблюдавшаго надъ скопцами, именно преосвященнаго румынскаго Мелхиседека. Послѣдній, говоря о причинахъ быстрого возрастанія числа скопцовъ въ Румыніи, между прочимъ, замѣчаетъ: „рѣдко случается, чтобы русскіе, еврейскіе, цыганскіе, а иногда и румынскіе мальчики, брошенные судьбою на услуженіе скопцамъ, вырвались оттуда невредимыми; ихъ господа (хозяева) убѣждены, что они исполняютъ свой духовный долгъ, приманивая ихъ къ своей сектѣ“ (2). Далѣе, взгляды на статистику скопчества по возрастамъ также заставляютъ предполагать, что число несчастныхъ дѣтей, сдѣлавшихся жертвами фанатизма скопцовъ, довольно значительно. Въ періодъ времени отъ 1805 по 1871 г., по вычисленію г. Венюкова, открыто дѣтой и юношей скопцовъ: отъ 5 до 10 лѣтъ — 19 муж. пола и 13 жен-

(1) Суд.-мед. изсл. скопч. 73—76 стр.

(2) Христ. чт. 1879 г. Янв.—Февр. 40 стр.

скаго; отъ 10 до 15 л. 83 м. и 32 ж. пола; отъ 15 до 20 лѣтъ 173 муж. и 111 ж. (¹). Само собою понятно, что если скопцы подвергаютъ физическому и нравственному уродству чужихъ дѣтей, навимаемыхъ ими въ услуженіе себѣ, то о ихъ собственныхъ дѣтяхъ, которыхъ они приживали до своего оскотленія, не можетъ быть и рѣчи, чтобы они оставались внѣ тлетворнаго вліянія родителей-изувѣровъ. Мельниковъ, на основаніи архивныхъ дѣлъ, категорически утверждаетъ, что „родители часто оскотляютъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей въ такомъ особенно возрастѣ, когда они ни сопротивляться, ни жаловаться еще не могутъ“ (²).

Кромѣ указанныхъ г. Бажановымъ трехъ приемовъ, употребляемыхъ скопцами при распространеніи своей секты, въ показаніяхъ скопцовъ можно находить указанія и на другіе приемы, въ которыхъ фигурируетъ уже *насиліе* надъ человекомъ въ противоположность денежному интересу, составляющему сущность первыхъ трехъ приемовъ. Такъ, очень многіе скопцы показывали, что оскотленіе производилось надъ ними во время нахождения ихъ въ безчувственномъ состояніи, произведенномъ какимъ-то одуряющимъ питьемъ, усыпительной водицей или просто виномъ (³). Само собою понятно, что такіа показанія скопцовъ не всегда могутъ заслуживать полной вѣры, такъ какъ во 1-хъ, между находимыми у нихъ снадобьями весьма рѣдко встрѣчались наркотическія травы или составы, и во 2) потому, что дѣйствіе извѣстныхъ наркотическихъ и анестезирующихъ средствъ совершенно не такое, какъ обыкновенно описываютъ скопцы. Далѣе, нѣкоторые скопцы показывали, что, при

(¹) Изв. Импер. рус. геогр. общ. 1873 г. IX. 44 стр.

(²) Чт. въ общ. ист. 1872 г. 2 № 108 стр.

(³) См. напр. показаніе о себѣ Пороховаго и Матусова. Тамъ же, 3 № 254—255.

операциі насильственнаго оскотленія, ихъ связывали полотенцами или возжами (¹). И объ этихъ показаніяхъ скопцовъ должно сказать тоже, что и о первыхъ, т. е. что они не заслуживаютъ полнаго вѣроятія и тѣмъ болѣе, что, какъ свидѣтельствуєтъ Пеликанъ, „ни въ одномъ случаѣ оскотленія ни разу не замѣчено знаковъ на рукахъ или ногахъ, или вообще какихъ либо признаковъ сопротивленія со стороны жертвы оскотленія“ (²); безъ такихъ же признаковъ, очевидно, нельзя и заключать о томъ, что оскотленіе надъ извѣстнымъ субъектомъ совершенно насильственно. Наконецъ, существуетъ нѣсколько официальныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о насиліи, употребляемомъ скопцами—родителями или родственниками надъ своими подчиненными членами семействъ. Такъ, скопецъ Балиновъ (нижегород. уѣзда) „побоями принуждалъ своего сына вступить въ скопческую секту, на что жаловался мѣстному начальству и просилъ защитить“. Крестьянка Емельянова (калуж. губ.) на судебномъ слѣдствіи показывала, что „когда она отказала мужу своему поступить въ скопческую секту, о чемъ онъ ее просилъ, стоя предъ нею на колѣняхъ, то, послѣ многократныхъ побоевъ, согналъ ее со двора“ (³).

Такимъ образомъ, ясно, что скопцы на пути преступной пропаганды скопчества не останавливаются ни предъ какими средствами, только бы послѣднія достигали желаемой цѣли. Но понятно, что если цѣль вообще оправдываетъ средства, то скопцы ни мало не стѣсняются совершать во имя той же цѣли и другія преступленія противъ общества и государства, если только эти преступленія опять помогаютъ до-

(¹) См. напр. показаніе Салтыкова. Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 220 стр.

(²) Суд.-мед. изсл. скопч. 91 стр.

(³) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 107—108 стр.

стиженію намѣченной цѣли. Можно безъ преувеличенія сказать, что скопецъ въ своемъ отношеніи къ обществу не-скопцовъ есть воплощенная ложь и неправда. Послѣднее особенно относится къ показаніямъ скопцовъ о своемъ оскотленіи. Изъ ста случаевъ, можетъ быть, только одинъ заключаетъ въ себѣ истину. И неудивительно. Самъ Селивановъ, по словамъ Андреянова, совѣтовалъ не открывать истинныхъ оскотпителей, но указывать на какихъ либо вымышленныхъ лицъ, говоря, что „не грѣхъ міру солгать, но чтобы вѣрны были Богу до конца“ (1) и ложь скопцовъ въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, иногда достигаетъ до крайнихъ абсурдовъ. Вотъ что, напр., показывалъ о себѣ ссыльно-каторжный Кудрявцевъ: „случилось чтеніе Библии, говорилъ онъ, при которомъ, не помнитъ отъ чего, онъ самъ и всѣ его семейные лишились чувствъ и, прійдя въ себя на второй день, почувствовали боль отъ оскотленія, произведеннаго имъ вѣроятно незнакомымъ человекомъ, читавшимъ Библию и который въ то время исчезъ“ (2). Подобныхъ небылицъ приведено Пеликаномъ 20 случаевъ для мужчинъ и 2 для женщинъ. Около послѣдняго времени ложь скопцовъ въ этомъ направленіи приняла даже видъ нѣкоторой правильной организаціи. По наблюденіямъ судебной практики, въ настоящее время между скопческими „мастерами“ стали появляться такія лица, показаніямъ которыхъ о числѣ оскотленныхъ ими жертвъ нельзя довѣрять; таковы три „мастера“: Бирюковъ — изъ орловской губ., оскотпившій, по его показанію, 43 человекъ; Носенко изъ харьковской, оскотпившій 60 человекъ и Черныхъ изъ курской—106 человекъ. Нельзя не видѣть, что цифры, показанныя „мастерами“, весьма велики и невѣроятны. И дѣйствительно, какъ доказано, по крайней мѣрѣ относительно Бирюкова, не подлежитъ сомнѣ-

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 147стр.

(2) Пеликанъ, Суд.-мед. изсл. скоп. Приложенія 28 стр.

нію, что всѣ подобныя этимъ „мастера“, суть не болѣе, какъ мнимыя „мастера“, подговоренныя скопцами принять на себя роль оскопителей. Вотъ что, между прочимъ, извѣстно о мнимомъ „мастерѣ“ Бирюковѣ: „чѣмъ ты будешь содержаться?“ уговаривалъ скопца Бирюкова коноводъ малоархангельскихъ скопцовъ, совершившій надъ нимъ оскотленіе и потомъ объявившій, что укрывать его очень опасно; „сестеръ ты не набралъ себѣ, стало быть, о тебѣ некому заботиться: Скопцать, ты говоришь, у тебя рука не наляжетъ; стало быть, тебѣ не откуда взять денегъ на содержаніе. А если пойдешь въ батюшкинъ домъ (въ острогъ), къ тебѣ очень многіе придутъ съ покловомъ и безъ зову; стоитъ только братіи провѣдать про тебя, а этому помогу я, объявивъ между братіей о твоей готовности подвизаться за вѣру (т. е. принять на себя роль оскопителя)“ (1). Такимъ образомъ, Бирюковъ, у котораго рука не поднималась на оскотленіе, оказывается, по произведенному слѣдствію, оскопителемъ 43 человекъ! Причины появленія подобныхъ Бирюкову мастеровъ, а равно и слѣдствія, происходяція отъ нихъ для скопчества—понятны. „Скопцы, говоритъ Важановъ, всегда отличались знаніемъ законовъ и умѣньемъ отыскивать въ нихъ лазейки для себя; но никогда еще смѣлость и, можно сказать, наглость ихъ не доходила до такой степени, какъ въ послѣднее время. Теперь оскопленные сами являются въ суды, объявляютъ о своемъ оскотленіи и указываютъ оскопителя, который, съ своей стороны, спѣшитъ сознаться въ изводимомъ на него преступленіи.... Благодаря такому, предварительно обдуманному и согласному обману скопцовъ, настоящіе „дѣльцы“ остаются на свободѣ, а добровольно и сознательно принявшіе оскотленіе освобождаются отъ всякаго наказанія, какъ оскопленные насильственно“ (2).

(1) Суд.-мед. изсл. скопц. 77 стр.

(2) Тамъ же, 77 и 78 стр.

Будучи лжецомъ и обманщикомъ, скопецъ вмѣстѣ съ этимъ есть отъявленный нравственный и гражданскій преступникъ. Для того, напр., чтобы отклонить отъ себя виновность въ оскотленіи другаго лица, онъ даже готовъ отказаться отъ знакомства съ этимъ лицомъ (*). Далѣе, попавшись въ руки правосудія по доносу кого-либо, онъ жестоко мститъ доносчику и нерѣдко доводитъ послѣдняго до нищеты. Примѣры скопческой мстительности надъ Матусовымъ, донесшимъ на московскихъ скопцовъ и надъ Поповымъ, донесшимъ на петербургскихъ скопцовъ могутъ прекрасно характеризовать скопцовъ въ этомъ отношеніи (*). — Наконецъ, гонимый и преслѣдуемый закономъ и обществомъ, скопецъ совершаетъ рядъ гражданскихъ и притомъ уголовныхъ преступленій. Онъ, принужденный вести скитальческую жизнь, въ большинствѣ случаевъ живетъ подъ чужимъ именемъ и фальшивымъ паспортомъ; объ этомъ преступленіи скопцовъ не разъ возникали дѣла (*). Пожираемый страстію къ деньгамъ, которые составляютъ главнѣйшее орудіе пропаганды, скопецъ покушается на вытравливаніе государственной монеты и ея передѣлку, приготовляетъ фальшивыя золотыя и серебряныя деньги и кредитныя билеты, производитъ воспрещенную законами потаенную торговлю золотомъ и проч. (*). Словомъ, преступность скопческой секты и вредное значеніе ея для общества и государства не могутъ подлежать сомнѣнію. Политическій же отбѣнокъ, присущій ей, еще болѣе дѣлаетъ ее опасною для государства.

(*). Чт. въ общ. вст... 1872 г. 4 № 56 стр.

(*). Тамъ же, 3 № 160—162 и 292—294 стр.

(*). См. напр. Чт. въ общ. вст... 1872 г. 4 № 56—60; 60—61 стр.

(*). Тамъ же, 82—84 стр. Показ. Будылина и Сборн. Кельс. Ш. 226 стр.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

КУЛЬТЪ ХЛЫСТОВЪ И СКОПЦОВЪ.

Смѣшеніе небснаго и земнаго, божественнаго и человѣческаго, характеризующее догматическое и нравственное ученіе хлыстовъ и скопцовъ, повидимому, должно было бы привести послѣднихъ къ полному отрицанію всякой богослужебной обрядности, всего что входитъ, какъ составная часть, въ богослужебный культъ. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ думаютъ хлысты и скопцы, Богъ и человѣкъ — одно, если послѣдній при помощи однихъ собственныхъ силъ можетъ достигнуть не только ограниченной святости, но даже абсолютной, такъ что можетъ сдѣлаться носителемъ всей св. Троицы, то, очевидно, всякое вообще посредничество между Богомъ и людьми, особенно же посредничество въ формѣ іерархіи и различныхъ богослужебныхъ дѣйствій, имѣющихъ, какъ извѣстно, свою прямую цѣлю возносить умы вѣрующихъ отъ земнаго къ небесному, способствовать таинственному, духовному единенію человѣка съ Богомъ и Его святыми, должно быть излишнимъ. Однако, хотя строго логически слѣдовало бы быть именно такъ, на практикѣ, въ дѣйствительной жизни хлыстовъ и скопцовъ, мы встрѣчаемъ явленіе совершенно обратное. Ни хлысты, а тѣмъ болѣе скопцы (которые почти нисколько не обнаружили самостоятельности въ сзданіи культа, а всецѣло заимствовали послѣдній отъ первыхъ), не отрицаютъ совершенно необхо-

димости богослужебнаго культа. Какъ у хлыстовъ, такъ равно и у скопцовъ существуетъ своего рода іерархія; у тѣхъ и другихъ, далѣе, существуетъ своеобразное богослуженіе, совершеніе котораго приурочивается къ извѣстному мѣсту и опредѣленному времени, требуетъ даже отъ участвующихъ въ немъ извѣстныхъ внѣшнихъ отличій; тѣ и другіе, наконецъ, допускаютъ совершеніе нѣкоторыхъ таинствъ. Само собою понятно, всѣ названныя нами стороны богослужебнаго культа хлыстовъ и скопцовъ въ высшей степени своеобразны, нисколько не походятъ на истинный христіанскій богослужебный культъ; въ богослужебномъ культѣ хлыстовъ и скопцовъ такъ же, какъ и въ ихъ ученіи, можно находить много чисто языческаго, окрашеннаго только христіанскими именами; въ ихъ богослуженіи встрѣчаются такія же странныя противорѣчія, какъ и въ ученіи: съ одной стороны, въ немъ замѣтно пантеистическое міросозерцаніе хлыстовъ и скопцовъ, но съ другой — нельзя не видѣть здѣсь и грубаго дуализма.

Такъ какъ культъ скопцовъ, какъ замѣчено уже выше, почти ничѣмъ не отличается отъ культа хлыстовъ, то и изложеніе того и другаго мы не имѣемъ въ виду раздѣлять; тамъ, гдѣ встрѣтятся разности между культомъ хлыстовъ и культомъ скопцовъ, эти разности будутъ указаны. Изложеніе же хлыстовско-скопческаго культа мы начнемъ съ обоарвнія тѣхъ частей его, которыя сами по себѣ предшествуютъ совершенію всякаго богослуженія и всякой вѣры. Именно, прежде всего мы разсмотримъ устройство хлыстовско-скопческихъ кораблей (составъ послѣднихъ, права и обязанности членовъ ихъ и проч.); далѣе опредѣлимъ мѣсто богослужебныхъ собраній хлыстовъ и скопцовъ (устройство моленной комнаты—внѣшнее и внутреннее, ея освященіе) и время, въ какое собираются хлысты и скопцы для своихъ богомоленій; наконецъ, обратимъ вниманіе на ту одежду, какую хлысты и скопцы употребляютъ во время своихъ бого-

моленій. Изложивши эти стороны хлыстовско-скопческаго культа, мы обратимся затѣмъ къ подробному разсмотрѣнію самаго богослуженія хлыстовъ и скопцовъ. И во-первыхъ, опредѣлимъ его общій характеръ и подробно разсмотримъ главныя части, его составляющія. Во-вторыхъ, укажемъ виды хлыстовско-скопческаго богослуженія и изложимъ каждое богослуженное дѣйствіе такъ, какъ оно приблизительно совершается у хлыстовъ и скопцовъ. Наконецъ, въ-третьихъ, опредѣливши взглядъ хлыстовъ и скопцовъ на таинства, совершаемыя въ православной церкви, укажемъ примѣры совершенія хлыстами и скопцами нѣкоторыхъ изъ этихъ таинствъ.

І.

1) Устройство хлыстовско-скопческихъ кораблей.

Общество хлыстовъ и скопцовъ, какъ мы замѣчали уже выше, раздѣляется на множество отдѣльныхъ общинъ, называемыхъ „кораблями“⁽¹⁾. Каждый корабль въ управленіи и отправленіи богослуженія совершенно независимъ отъ другихъ. Отрицая въ принципѣ священство въ смыслѣ отдѣльнаго сословія людей, какъ противорѣчащее будто бы идеѣ о всеобщемъ священствѣ, хлысты и скопцы тѣмъ не менѣе на практикѣ не избѣжали того, что обыкновенно соединяется съ именемъ іерархіи. Въ каждомъ кораблѣ, какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ, существуютъ особыя лица, которыя являются какъ бы носителями благодати и совершителями богослуженія и которыя, такимъ образомъ, образуютъ изъ себя нѣчто въ родѣ іерархіи. Первое и самое главное мѣсто въ этой своеобразной іерархіи принадлежитъ „кормщику“ кораб-

⁽¹⁾ Чт. въ общ. ист... 1874 г. 1 № 68 стр. Тул. Епар. Вѣд. 1869 г. № 9. 340 и 1867 г. № 17. 92 стр.

ля (1), иначе называемому „учителем“ (2), „Вогомъ, Иисусомъ Христомъ и Св. Духомъ“ (3), „апостоломъ“ (4), „Ильею пророкомъ“ (5) и многими другими именами. Каждый кормщикъ въ своемъ кораблѣ является лицомъ неограниченнымъ по своей власти; онъ сосредоточиваетъ въ своемъ лицѣ всѣ главнѣйшія обязанности, касающіяся вѣры и нравственности. По словамъ пѣсни, каждому кормщику, съ самаго момента избранія его на эту должность, самъ „батюшка“ даетъ „коня богатырскаго“, „въ сердце вселяетъ онъ Свята Духа“, „въ уста влагаетъ родословъ книгу“ (6). Одаренный такими духовными преимуществами, кормщикъ прежде всего является неусыпнымъ блюстителемъ вѣры: онъ долженъ „по ночамъ всегда и днѣми крѣпко досматривати“, какъ говорится въ одной пѣснѣ. Онъ долженъ, по выраженію той же пѣсни, „садовыя деревья“, т. е. сектантовъ „пересматривати“, вновь посаженныя цвѣтки, т. е. только что обратившихся въ секту, „переправляти“, чтобы они стояли на своемъ мѣстѣ „крѣпко“ и могли бы приносить „плоды духовные своему государю-свѣту“. Цвѣтки и деревья „съ слабымъ кореньемъ, то есть лицъ колеблющихся, нетвердыхъ въ вѣрѣ, „безъ царскаго приказанія за садовую ограду не выбрасывати“, но усиливши свой надзоръ за ними, онъ долженъ тщательно спрашивать „отъ чего вреды бываютъ“ и приглашать всѣхъ и каждого къ оказанію необходимой помощи и поддержки, особенно со стороны „помощничковъ и красныхъ дѣвицъ“. Средства, какія

(1) Чт. въ общ. ист... 1874 г. 1. 68 стр. Тамъ же, 1872 г. 1. 76 стр.

(2) Тамъ же, 1872 г. 3. 301; 251 стр.

(3) Тамъ же, 307 стр. 1873 г. 1. 127 стр.

(4) Тамъ же, 1872 г. 3. 307 стр.

(5) Самар. Ев. Вѣд. 1870 г. № 23 стр. 528. Пѣсня № 5.

(6) Дух. ст. люд. бож. Барсова, № 67, 102 стр.

рекомендуются при этомъ государемъ-батюшкой каждому „садовничку“, состоятъ въ слѣдующемъ: каждый кормщикъ прежде всего долженъ раскрыть предъ колеблющимся „всѣ духовны словеса“, чтобы послѣдній, такимъ образомъ, „позналъ сердцемъ всѣ Христовы чудеса“; далѣе, онъ долженъ утверждать его въ вѣрѣ и примѣромъ жизни: „покаяніемъ, постомъ и цѣломудреннымъ умомъ“⁽¹⁾. Само собою понятно, каждый кормщикъ, заботясь о чистотѣ вѣры между сектантами, долженъ не менѣе заботиться и о приращеніи своего корабля. Каждый кормщикъ считаетъ своимъ особеннымъ долгомъ совращать православныхъ въ ересь, преимущественно мужчинъ, и воспитываетъ одного изъ друкъ мальчиковъ, которые впослѣдствіи могли бы занять его мѣсто. У скопцовъ это правило даже приняло характеръ догмата. У нихъ, по словамъ Надеждина, „ревность и успѣхъ“ наставника корабля „въ окончателномъ, невозвратномъ приобщеніи новыхъ жертвъ къ сектѣ, чрезъ совершеніе надъ ними оскотленія, почитается главнымъ средствомъ къ приобрѣтенію даровъ духовныхъ и благодати божіей“⁽²⁾.

Являясь блюстителемъ вѣры и главнымъ распространителемъ ученія секты въ районѣ своего корабля, каждый кормщикъ есть вмѣстѣ и блюститель нравственности своихъ пасомыхъ. Самъ по возможности отличаясь предъ единомышленниками строгимъ поведеніемъ, крайнимъ воздержаніемъ въ пищѣ и питіи, онъ предписываетъ и имъ вести такую же жизнь. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи обнаруживается цѣлымъ рядомъ мелочныхъ предписаній относительно постовъ, отношенія къ православнымъ и ихъ церкви, относительно одежды и проч. Но особенно рельефно обнаруживается этого рода дѣятельность „на округѣ“ во время радѣній, когда онъ, какъ бы

(1) Дух. ст. люд. бож. № 11. стр. 15—19

(2) Сборн. Кольс. Ш. 175 стр.

вдохновенный свыше, именем Бога порицаетъ различные пороки, замѣчаемые имъ въ жизни своихъ пасомыхъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ самъ кормщикъ нерѣдко подвергается большой опасности. Бѣсѣма обычное явленіе, что кормщикъ, обличивъ въ такъ называемой „частной сущѣ“ братьевъ и сестрицъ во грѣхахъ, тутъ же самъ подвергается грозному обличенію со стороны обидѣвшихся. Въ одной пѣснѣ одинъ изъ такихъ случаевъ представляется такъ. Пророкъ, „завладѣвъ Богомъ“, отправился съ обличительными пророчествами къ братьямъ и сестрамъ. Сестрицы, вѣроятно, оскорбленныя его безцеремонными обличеніями соединились и, по обычаю, положили созвать съ неба „батюшку“. Последній не замедлил явиться и грозный предсталъ предъ пророкомъ съ словами:

„Ужь ты, братецъ, молодець
Ты неправдой, братъ, живешь,
Не порядки, братъ, ведешь;
Божью книгу ты читалъ,
Свою братью величалъ,
Сестерь, братій обличалъ;
Почему же ихъ обличалъ?
Вѣдь падъ ими есть началъ—
Кто имъ ризушки тачалъ
И добру ихъ научалъ“ (1).

Наконецъ, кормщикъ есть управитель и въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершитель богослуженія въ своемъ кораблѣ. Онъ опредѣляетъ время богослужебныхъ собраній и, занимая во время ихъ первенствующее мѣсто, даетъ распоряженіе относительно порядка, въ какомъ должны слѣдовать различные виды богослуженія. Въ качествѣ священнодѣйствователя кормщикъ корабля долженъ, по словамъ пѣсенъ, собирать сектантовъ „во святой кругъ“, читать имъ книгу „Евангелъ“, или что тоже книгу „родословъ“, иначе „божьи

(1) Добротворскій—Люди божіи. Пѣсня № 42. стр. 166.

бумажки“; онъ долженъ прорекать имъ „про житье-бытье про Христово“; трубить „въ золотую трубуш-ку“; „зажигать воскоярые свѣчи“ и „воспѣвать херувимскую пѣснь“ (¹).

Каждый кормщикъ соотвѣтственно своему высокому положенію и той власти, какую онъ соединяетъ въ себѣ по отношенію къ цѣлому кораблю, пользуется громаднѣмъ уваженіемъ со стороны подчиненныхъ. „Невозможно описать, говоритъ г. Добротворскій, степень благоговѣнія еретиковъ мнимо божественной волѣ пророковъ. Ни одинъ корабельщикъ не задумается броситься въ огонь и въ воду, если прикажетъ это кормщикъ корабля; всякій послѣдователь ереси съ благоговѣніемъ сдѣлаетъ самый безнравственный поступокъ, по желанію пророка, въ полной увѣренности, что онъ исполняетъ волю Божию“ (²). Это благоговѣніе и подчиненіе волѣ кормщика сохраняется въ теченіи всего времени его управленія. По словамъ пѣсни, только въ томъ случаѣ, когда самъ кормщикъ потеряетъ „вѣру къ радѣню, кротость и смиренье“, онъ лишается всѣхъ духовныхъ преимуществъ, дарованныхъ ему „государемъ-батюшкою“ (³), а вмѣстѣ съ этимъ, очевидно, лишается и подчиненія со стороны сектантовъ, которое, по убѣжденію послѣднихъ, есть слѣдствіе перваго. Такое высокое положеніе кормщика, сопровождаемое при этомъ весьма значительными матеріальными интересами въ видѣ много-различныхъ приношеній отъ подчиненныхъ (⁴), есте-

(¹) Добротворскій — Люди божіи. Пѣсня № 37. 160—161 стр., 16. 132, 33. 156, 67. 186. Дух. ст. люд. бож. Барсова, № 47, 76.

(²) Люди божіи, 40—41 стр. — Многіе кормщики при этомъ приобрѣтаютъ большую популяриность и любовь въ средѣ своихъ насомыхъ. Таковъ былъ напр. кормщикъ дубово-уметскихъ монганъ Петръ Алексѣевъ. Онъ былъ любимцемъ женщинъ. Послѣднія, желая охарактеризовать всѣ его качества и обаятельность, выражались о немъ: «шална парень!» (Самар. Еп. Вѣд. 1870 г. № 18. 423 стр.).

(³) Духов. ст. люд. бож. Барсова, № 67. 102 стр.

(⁴) Тульск. Еп. Вѣд. 1867 г. № 21, 245 стр.

ственно порождаетъ очень многихъ соискателей этого званія. При отсутствіи же какой либо правильной организаціи выбора на эту должность открывается обширное поле для всякаго рода интригъ. Не рѣдко случается, что на освободившееся мѣсто кормщика въ извѣстномъ кораблѣ вдругъ является нѣсколько претендентовъ. Возникаютъ ссоры и препирательства; корабль раздѣляется на партіи, каждая изъ нихъ старается доставить праздное мѣсто кормщика своему кандидату. Слѣдствіемъ этого бываетъ раздѣленіе корабля на нѣсколько отдѣльныхъ кораблей съ независимыми кормщиками. Такъ было напр. съ хлыстовскимъ кораблемъ, къ которому принадлежалъ Преображенцевъ: изъ этого корабля вслѣдствіе недоразумѣній относительно новаго кормщика образовалось три самостоятельныхъ корабля (¹). Тоже самое происходитъ и у скопцовъ. Крест. Иванъ Андреевичъ передаетъ интересный разсказъ объ одномъ изъ такихъ случаевъ. Онъ говоритъ: „учитель мой (Алексѣй Громовъ), съ двумя дѣвницами пророчицами, возилъ въ Петербургъ къ искупителю крестьянина галицкаго уѣзда, деревни Варюхина, скопца Максима Козмина, и оной Максимъ, чрезъ посредство Божиихъ, отъ искупителя получилъ учительскую честь, и отъ того изъ Петербурга въ обратный путь у нихъ сдѣлалась великая ссора, и такая, что учитель мой съ онымъ и по сіе время не могутъ видѣться, и не видятся; ибо Максимъ получилъ учительскую честь напротивъ воли учителя моего“ и т. д. (²). Можно думать, что безпорядкамъ подобнаго рода отчасти содѣйствуютъ и тѣ требованія, какія предъявляются соискателямъ званія кормщика. Обыкновенно требуется, чтобы кормщикъ былъ человекъ ловкій и смысленный, чтобы онъ, какъ говорится въ одной по-

(¹) Тульск. Ви. Вѣд. 1867 г. № 21. 244 стр.

(²) Чт. въ общ. вст... 1872 г. 2. 90 стр.

хвальной рѣчи въ честь кормщика, „въ трубѣ, т. е. въ словѣ обличительномъ былъ громогласенъ“, въ своихъ пророчествахъ умѣлъ бы кстати „вѣрныхъ увѣрять, малодушныхъ укрѣплять и не забывать унывающихъ“ и чтобы онъ, наконецъ, обладалъ способностію въ свое время „сманивать райскую птицу“, т. е. озарять радѣющихъ мнимою благодатию Св. Духа во время радѣній ⁽¹⁾. Такимъ образомъ, отъ будущаго кормщика требуются такія качества, которыя составляютъ принадлежность людей бывалыхъ, практичныхъ и предприимчивыхъ. Правда, при избраніи кормщика обращаютъ вниманіе и на нравственное достоинство его; но въ этомъ случаѣ будущій кормщикъ отдѣливается свойственною всѣмъ людямъ способностію показывать себя въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ въ какомъ въ самомъ дѣлѣ онъ находится. Относительно же умственнаго развитія претендентовъ на званіе кормщика должно замѣтить, что за весьма немногими исключеніями, къ какимъ безъ сомнѣнія относится и Радаевъ, большинство ихъ не идетъ далѣе простаго книжняго чтенія и писанія. Кормщикъ напр. саратовскаго корабля Василій Поповъ кромѣ книжняго чтенія ничего не зналъ, но это, однако, нія мало не вредило ему; всѣ его подчиненные были убѣждены, что онъ „глаголетъ Духомъ Святымъ“ ⁽²⁾.

Избранный такъ или иначе въ должность кормщика обязанъ, по правиламъ сектантовъ, подвергнуться особому обряду посвященія. Способъ этого посвященія у хлыстовъ и скопцовъ различенъ. По обычаю, существовавшему во времена Селиванова, каждый новоизбранный скопцами кормщикъ прежде вступленія въ отправленіе своихъ обязанностей долженъ былъ явиться въ Петербургъ. Здѣсь самъ лжейскупитель вручалъ новоизбранному „крестъ и платокъ“, говоря:

⁽¹⁾ Дух. ст. люд. бож. Барсова, № 102, 152 стр.

⁽²⁾ Чт. въ общ. ист... 1873 г. 1 № стр. 138—139.

„милость, покровъ“; онъ же давалъ ему не много „малыхъ образовъ и просфоръ“. Вслѣдъ за этимъ слѣдовало благословеніе „объими руками“ новоизбраннаго; послѣдній благоговѣнно принималъ обѣ руки на платокъ, „крестясь прикладываясь и крестясь же кланялся лжеискупителю въ землю“. Тутъ же „искупительвы слуги“ дарили новопоставленному кормицику „волосы съ головы лжеискупителя“ и „Посланіе“ послѣдняго. Утвержденный такимъ образомъ въ своей должности новый кормицикъ возвращался въ свой корабль и здѣсь уже отъ себя „дѣлалъ даннымъ ему крестомъ присягу всему собранію, чтобы ему поклонялись и вѣровали“. Такъ описываетъ этотъ способъ посвященія Андреяновъ (¹). Какъ совершался обрядъ посвященія кормициковъ по смерти Селиванова—намъ неизвѣстно. Впрочемъ, г. Мельниковъ, на основаніи архивныхъ дѣлъ о скопцахъ, говоритъ, что этотъ обрядъ совершался „черезъ благословеніе благословленными прежде самимъ искупителемъ учителями“ и, вѣроятно, въ той же самой формѣ (*). — У хлыстовъ обрядъ посвященія кормицика совершается иначе. Любопытный рассказъ о совершеніи этого обряда мы находимъ въ „исповѣди обратившагося раскольника изъ секты людей Божіихъ“. По его словамъ, тотчасъ же по смерти „восприемницы“ люди божіи собрались на поминную бесѣду. Въ знакъ того, что у нихъ не стало главы корабля, они положили одну верву на лавку въ передній уголъ и на нее большой мѣдный крестъ. Во всѣхъ религіозныхъ случаяхъ, гдѣ слѣдовало подходить къ кресту, прикладывались и полагали земноу поклонъ съ крестнымъ знаменіемъ. Въ то же время при всѣхъ религіозныхъ собраніяхъ они пѣли печальнымъ, заунывнымъ голосомъ особую, составленную примѣнительно къ случаю, пѣсню; въ

(¹) Чт. въ общ. вст.... 1872 г. 3 № стр. 301.

(*) Тамъ же, 2 № стр. 89.

ней они усердно и убѣдительно просили „матушку“, чтобы она „помолилась своему сыну батюшкѣ“ о дарованіи имъ, сирымъ и несчастнымъ, „тихаго пристанища“, „церкви соборной“ и къ ней „учителя—учителя батюшки отца воспріемнаго“. Такъ продолжалось около трехъ лѣтъ. Въ праздникъ Одигитріи Божіей Матери, 28 іюля, у сектантовъ по обычаю происходила бесѣда. Въ пророческомъ дѣлѣ ходила дѣвка Дарья. Когда радѣніе происходило Дарья подошла къ нѣкому Теодору Силантьевичу; вывела его на средину комнаты и стала съ нимъ радѣть въ схватку. Лишь только окончилось это радѣніе, Дарья, какъ бы вдохновенная свыше, объявила всѣмъ присутствовавшимъ, что въ нынѣшній торжественный праздникъ „сама царица небесная“, низшедши къ нимъ „въ соборъ съ седьмаго неба“, „хочетъ“ въ лицѣ Теодора Силантьевича „опредѣлить имъ духовнаго пастыря“. Вслѣдъ за этимъ она взяла Теодора Силантьевича за руку, подвела и поставила его въ переднемъ углу на начальническое мѣсто; крестъ, замѣнявшій отсутствовавшего кормщика, она убрала. Снявъ потомъ икону Одигитріи Божіей Матери, она приказала новоизбранному кормщику положить предъ этою иконою три земныхъ поклона и приложиться, тоже самое должны были сдѣлать и прочіе присутствовавшіе при этомъ, прикладываясь кромѣ того и къ рукѣ новоизбраннаго отца воспріемнаго въ знакъ вѣчной покорности. По окончаніи бесѣды посылались поздравленія новому отцу воспріемному, торжество было окончено общимъ пѣніемъ веселой пѣсни, въ которой выражалось ликованіе людей божіихъ, созерцавшихъ „новую свѣтлую горницу“, наполненную множествомъ „братцевъ и сестрицъ—бѣлыхъ голубушекъ“, а среди ея самого „батюшку—утѣшителя душамъ истиннымъ“, Новый кормщикъ съ братьями подъ пѣніе этой пѣсни радѣли въ расходку (¹).

(¹) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 21. стр. 240—244.

Второе мѣсто въ іерархіи хлыстовъ и скопцовъ принадлежитъ „кормицицѣ“ корабля, называемой также „восприемницей“ (1), пророчицей (2) „богородицей“ и т. д. Значеніе кормицицы въ каждомъ кораблѣ велико: она мать и предводительница цѣлаго корабля; во время богослуженія она занимаетъ первенствующее мѣсто (3); вмѣстѣ съ кормщикомъ она раздѣляетъ трудъ управленія общиною; въ случаѣ смерти перваго она остается единственной неограниченной управительницей всего корабля. Кромѣ этого, ей главнымъ образомъ предоставлено право принятія новыхъ членовъ въ секту; она же болѣе другихъ заботится о томъ, чтобы разженить женатыхъ и укрѣпить въ обычаяхъ холостой жизни холостыхъ (4). Въ соответствіе кормицицѣ, кормицица воспитываетъ у себя нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, которыя могли бы со временемъ пригодиться на служеніе общему дѣлу, могли бы притворяться вдохновенными и ловко и складно пророчествовать, а въ случаѣ смерти ея самой,—которая нибудь изъ нихъ могла бы занять ея мѣсто. Нравственное вліяніе кормицицы на подчиненныхъ необыкновенно сильно и даже неотразимо. Захеръ Мазохъ прекрасно очертилъ эту сторону въ своей повѣсти: „Пророчица“; онъ рельефно изобразилъ то вліяніе и могущество, ту способность привлекать къ себѣ другихъ и вполне подчинять ихъ своему вліянію, какія вообще составляютъ необходимыя качества каждой кормицицы. — Кормицица должна быть красивой наружности и твердаго, яснаго ума. Въ кормицицы обыкновенно выбираютъ дѣвушекъ еще въ молодыхъ лѣтахъ. Способъ посвященія ихъ въ это званіе неизвѣстенъ. Однако, относительно избранія кормицицъ въ хлыстовскіе корабли нужно замѣтить,

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 21. 240 стр.

(2) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3. 313 стр.

(3) Тамъ же, 1. 154 стр.

(4) Тамъ же, 155 стр.

что въ большинствѣ случаевъ это избраніе сопряжено съ потерю невинности для дѣвушки, удостоившейся высокой чести быть правительницей корабля. Известно напр., что всѣ несчастныя дѣвушки, когда либо сдѣлавшіяся орудіями для удовлетворенія необузданнаго желанія хлыстовъ „пріобщиться самаго тѣла пречистой богородицы и ея христосика“, были кормицами кораблей; нѣкоторыя изъ этихъ кормицъ пользовались особенно большею популярностію и уваженіемъ не только въ средѣ своего корабля, но и вообще между всѣми сектантами; такова была напр. „богиня“ Авдотья въ курской губерніи (¹). Наконецъ, по современнымъ газетнымъ извѣстіямъ видно, что у нѣкоторыхъ хлыстовъ лишеніе невинности дѣвушки—будущей „богородицы“ корабля—даже почитается какъ бы священной санкціей. Такъ, по сообщенію „Саратовскаго Листка“, у саратовскихъ монтанъ наблюдается обычай, по которому „деревня, имѣющая достаточное число сектантовъ, но не имѣющая богородицы, заявляетъ о желаніи своемъ имѣть богородицу и указываетъ ту дѣвицу, самую красивую во всей деревнѣ и цѣломудренную, которая предназначена для этой роли. Деревня, получивъ дозволеніе отъ Христа имѣть свою богородицу, приготовляетъ избранную дѣвицу для принятія духа св; этимъ руководитъ одинъ изъ апостоловъ. Въ назначенный день пріѣзжаетъ въ деревню духъ святой. Послѣ ѣды и питья—его оставляютъ на ночь съ futureю богородицею. На утро ее выводятъ въ другую горницу въ бѣломъ одѣяніи, гдѣ встрѣчаетъ ее цѣлый синклитъ, поетъ ей пѣсни и привѣтствуетъ какъ богородицу. Апостолы цѣлуютъ ей руки и лице, а простые сектанты ноги. Могущій быть ребенокъ отъ посѣщенія богородицы духомъ святымъ на шестомъ мѣсяцѣ вытравливается“ (²).

(¹) Заря. 1869 г. № 10. 1 стр.

(²) Перм. Еп. Вѣд. 1876 г. № 8. 103 стр.

По мнѣнію г. Добротворскаго, каждый кормщикъ корабля имѣеть у себя „помощника“, роль котораго, какъ самое названіе показываетъ, вспомогательная ⁽¹⁾. Можно допустить, что и кормщица, въ соотвѣтствіе кормщику, также имѣеть у себя помощницу. Такимъ образомъ, кормщикъ и его помощникъ, кормщица и ея помощница составляютъ іерархію хлыстовъ и скопцовъ. Безъ сомнѣнія, однако, что эти лица далеко не исчерпываютъ всего состава іерахіи. Свящ. Сергѣевъ говоритъ, что „каждый корабль или стругъ имѣеть.... ангеловъ, архангеловъ, апостоловъ, проповѣдниковъ, пророковъ и пророчицъ“ ⁽²⁾. Эти имена съ прибавленіемъ новыхъ мы встрѣчаемъ и въ пѣсняхъ хлыстовъ и скопцевъ; при описаніи различныхъ богослужебныхъ дѣйствій хлыстовъ и скопцовъ мы также встрѣтимся съ именами пророковъ и пророчицъ, которые принимаютъ въ этихъ дѣйствіяхъ особенно дѣятельное участіе, а не пассивное только, но которые, однако, вовсе не кормщики и не кормщицы кораблей, какъ можно было бы предполагать. Къ сожалѣнію, по недостатку данныхъ, мы не имѣемъ возможности представить полнаго перечня всѣхъ этихъ мнимо-священныхъ лицъ хлыстовской и скопческой іерархіи, равно какъ не имѣемъ никакой возможности точно опредѣлить и обязанности каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Замѣтимъ только, что хлысты и скопцы, стремясь пріоручить внѣшнее устройство своихъ кораблей къ устройству церкви первобытной, апостольской, не оставили, кажется, ни одного священнаго библейскаго имени безъ того, чтобы святотатственно и кощунственно не усвоить его какому нибудь грубому, нерѣжественному и къ тому же нерѣдко безнравственному мужику.

Подъ непосредственнымъ управленіемъ кормщика и кормщицы находятся всѣ прочіе члены корабля,

(1) Люди божіи, стр. 39

(2) Чт. въ общ. вѣст.... 1874 г. 4 № стр. 68.

извѣстные подъ общимъ именемъ „братъевъ - корабельщиковъ“ или „гостей корабельщиковъ“ (1). Кроме этого наименованія усвояемаго себѣ сектантами въ соотвѣтствіе названіямъ кормщика и кормицы, они носятъ множество и другихъ названій. Болѣе распространеннымъ можно считать названіе „люди божій“, которое усвояютъ себѣ преимущественно хлысты (2), подобно тому, какъ скопцы болѣе любятъ себя именовать „бѣлыми овцами“ (3), „голубыми“ и „первенцами земли искупленными“ (4). Существуютъ и другія названія, которыя болѣе или менѣе общи какъ хлыстамъ такъ и скопцамъ. Таковы: „народъ божій“ (5), „последніе сироты“ (6), „други милые, братья, сестры духовныя, Богомъ любовныя, Св. Духомъ избранныя, Сыномъ Божиимъ порожденныя“ (7) и прсч. и проч. Въ совершеніи богослуженія корабельщики принимаютъ дѣятельное участіе: они радѣютъ, поютъ распѣвцы и нѣкоторые даже пророчествуютъ. Впрочемъ, это право участія въ совершеніи богослуженія принадлежитъ не всѣмъ въ одинаковой степени. По мнѣнію Добротворскаго, въ этомъ отношеніи можно замѣчать три особыхъ разряда; къ первому—низшему разряду—принадлежатъ тѣ, которые участвуютъ только въ простыхъ бесѣдахъ; ко второму — среднему — тѣ, которые допускаются на обыкновенныя радѣнія и, наконецъ, къ третьему—высшему—тѣ, которые допускаются на всѣ вообще

(1) Добротворскій. Люди божій. Пѣсня № 3. 108 стр.

(2) Дух. ст. люд. бож. Барсова, №№ 29. 47; 42. 68; 7. 10. Люди божій. Пѣсня № 22. 144....

(3) Люди бож. Пѣсня № 20. 138.

(4) Тамъ же. Пѣсня № 26. 146; 19. 138.

(5) Тамъ же. Пѣсня № 65. 184.

(6) Тамъ же, № 34. 35. Сборн. Кельс. Ш. Пѣсня № 24, 47.

(7) Люди божій. Пѣсня №№ 9, 24, 38, 55 и 82. Дух. ст. люд. бож. Барсова, № 43, 69.

богослужебныя собранія (¹). Кромѣ этого дѣленія на классы, опредѣляемаго, очевидно, степенью подготовленности сектантовъ въ вѣрѣ, у послѣднихъ существуютъ и другія дѣленія, опредѣляемыя уже степенью нравственнаго совершенства и приближенія къ Богу. Такъ, самарскія монтанки раздѣлялись на четыре разряда: „богоподобныхъ, ангелоподобныхъ, праведныхъ и надѣющихся“. Каждая изъ этихъ степеней предоставляла своимъ членамъ особаго покроя и цвѣта одежду, какъ внѣшній знакъ, опредѣлявшій принадлежность той или другой монтанки къ извѣстной степени; тогда какъ напр. одна монтанка носила бѣлую рубашку съ подоплѣкою, подшитою по плечамъ крестообразно, другая, хотя носила ту же бѣлую рубаху, но съ подоплѣкою, пришитою клиномъ внизъ, спереди и сзади противъ сердца (²). У скопцовъ также существуютъ особыя степени „пятикрылыхъ и шестикрылыхъ ангеловъ“, только у нихъ принадлежность къ той или другой степени обуславливается физическимъ самоуродованіемъ (³).

2) Мѣсто богослужебныхъ собраній.

„Служать хлысты въ подпольяхъ; для этого они, какъ кроты, изъ-подъ избицы большаго дома вырываютъ большіе покои. Иногда на цѣлую версту длиною тянутся эти покои подъ землею до выхода (гдѣ нибудь въ глухомъ лѣсу), прикрытаго такъ, что и изъ ихнихъ находить можетъ не всякій“ (⁴). Такъ думаетъ и говоритъ простой народъ о мѣстѣ богослужебныхъ собраній хлыстовъ, опредѣляя послѣднее по присущему ему замѣчательному чутью, которое

(¹) Люди божіи, 42 стр.

(²) Эпоха. 1864 г. Іюль. 19 стр.

(³) Суд.-мед. извѣст. скопц. 44 стр. 2 примѣч.

(⁴) Отеч. Зап. 1867 г. № 6, 501 стр.

внимательно прислушивается ко всему таинственному, страшному. Этот народный говоръ о совершеиіи хлыстами, а съ ними и скопцами, своихъ религиозныхъ богомоленій въ какихъ-то подземныхъ покояхъ находить подтвержденіе себѣ и въ нѣкоторыхъ официальныхъ свидѣтельствахъ, заслуживающихъ большаго вѣроятія. Свящ. Сергѣевъ о мѣстѣ богослуженныхъ собраній хлыстовъ говоритъ: „для большей безопасности, чтобы посторонніе не могли слышать стука, производимаго ногами и цѣнія и гоготанья, происходящаго во время скаканья и круженія, хлысты устраиваютъ свои горницы въ подземныхъ потаенныхъ погребахъ или на чердакахъ“ (1). Слѣдствіе о нижегородскихъ скопцахъ открыло, что послѣдніе „для совершенія богослуженія по своимъ обрядамъ, устроили подземныя комнаты“ (2). Такимъ образомъ, тотъ фактъ, что хлысты и скопцы совершаютъ свое богомоленіе въ подземельѣ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Однако, не всѣ хлысты и скопцы и не во всѣхъ мѣстахъ отправляютъ свое богослуженіе въ такомъ таинственномъ уединеніи. Отвергнувъ православные храмы, считая ихъ „мурашинымъ гнѣздомъ“ (3), которые „воры рубили, а волю возили“ (4), полагая, наконецъ, что всякій членъ секты есть „храмъ Бога живаго“ (5) и что „церковь не въ бревнахъ“ (6), хлысты и скопцы тѣмъ не менѣе всегда допускали и допускаютъ существованіе особыхъ домовъ, специально назначенныхъ для богослуженныхъ собраній. Эти молитвенные дома хлысты и скопцы чаще всего пред-

(1) Чт. въ общ. вѣд... 1874 г. 3 № 69 стр.

(2) Тамъ же, 1872 г. 2 № 102 стр.

(3) Тамъ же, 89 стр.

(4) Моск. Вѣд. 1869 г. № 52. Скопч. акт. въ тавр. губ.

(5) Чт. въ общ. вѣд... 1872 г. 3 № 308 стр.

(6) Моск. Вѣд. 1869 г. № 52.

ставляютъ подъ образомъ „церкви соборной, Богомольной“, которая устроена „изъ кипариса, аниса и барбориса“ (1), а также подъ образомъ „новой горенки, новой свѣтлицы, со столами со дубовыми“, находящейся „среди земнаго сада“ (2) — и усвояютъ имъ разныя аллегорическія названія. Такъ, они называютъ ихъ „сіонскими горницами“ или „сіонской горой“ (3) въ ознаменованіе той сіонской горницы, гдѣ апостолы получили Св. Духа; называютъ далѣе, „монастырями“ (4), такъ какъ въ нихъ имѣютъ доступъ одни дѣвственники или отказавшіеся отъ супружества, „соборомъ“ (5), „Іерусалимомъ“, „домомъ Давидовымъ“ (6) и пр.; кромѣ этого, петербургскій домъ, въ которомъ жилъ лжеискупитель, носилъ специальное названіе „святаго храма“, какъ гласила и надпись при входѣ въ него (7).

Устройство молитвенныхъ домовъ у хлыстовъ и скопцовъ имѣетъ нѣкоторыя особенности какъ съ наружной, такъ и съ внутренней стороны (8). Обыкновенно, домъ, специально предназначенный для богослужбныхъ собраній, устраивается или посреди двора и въ такомъ случаѣ около него нерѣдко можно

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 21, 241 стр. Люди божіи, № 35, 158 стр.

(2) Самар. Еп. Вѣд. 1870 г. № 2, 526 стр.

(3) Чт. въ общ. ист., 1874 г. 3 № 68 стр. Люди бож. № 31, 152 стр.

(4) Тамъ же, 1874 г. 3 № 68 стр.

(5) Тамъ же, 1872 г. 3 № 295 стр.

(6) Тамъ же, 300 стр.

(7) Тамъ же. Пѣсця № 17, 130 стр.

(8) Мы говоримъ здѣсь о домахъ, специально назначенныхъ для богослужбныхъ собраній, такъ какъ хлысты и скопцы нерѣдко собираются для своихъ богомоленій и въ обыкновенныя жилища помѣщенія, которыя, очевидно, не могутъ имѣть внѣшнихъ отличій, хотя могутъ имѣть внутреннія, по крайней мѣрѣ, во время совершенія богослуженія. — О собраніяхъ скопцовъ въ обыкновенныхъ домахъ см. Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 93—94 стр.

встрѣтить нѣчто въ родѣ „тайника“, куда можно было бы спастись въ случаѣ опасности ⁽¹⁾, или же гдѣ либо въ огородѣ напр. около гумна ⁽²⁾; или, наконецъ, въ глубинѣ сада ⁽³⁾. Окна такого дома почти постоянно закрыты ставнями, такъ что постороннія лица, сколько бы разъ они не проходили мимо него, никогда не могутъ проникнуть своимъ глазомъ во внутренность ⁽⁴⁾. При совершеніи богомоленій домъ этотъ бываетъ обставленъ строгимъ карауломъ ⁽⁵⁾, который нѣкоторые хлысты наивно объясняютъ изреченіемъ Спасителя, заповѣдавшего творить добрыя дѣла такъ, чтобы „лѣвая не вѣдала, что творитъ правая рука“ ⁽⁶⁾. Внутренность молитвеннаго дома хлыстовъ и скопцовъ поражаетъ перваго посѣтителя его крайнею своего пустотою: весьма обширная комната, вмѣщающая въ себѣ отъ 50 до 100 человѣкъ и болѣе, при томъ такъ, что послѣдніе свободно могутъ предаваться своимъ религіознымъ пляскамъ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько лавочекъ, одиноко стоящихъ вдоль стѣнъ. Другой мебели „въ сіонской горницѣ“ не полагается, кромѣ единственнаго стола посреди комнаты или въ переднемъ углу ея, на которомъ всегда находятся крестъ и евангеліе ⁽⁷⁾. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ особенно богатыхъ и многлюдныхъ корабляхъ кромѣ этой мебели находятся еще кресла, стоящія въ углахъ, на которыхъ возсѣдаютъ кормщикъ, кормщица и другія вліятельныя лица. Такъ было напр. въ кораблѣ Милютина въ

⁽¹⁾ Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 93 стр.

⁽²⁾ Тамъ же, 94 стр.

⁽³⁾ Тамъ же, 1873 г. 4 № 127 стр.

⁽⁴⁾ Тамъ же, 1872 г. 2 № 101—102 стр.

⁽⁵⁾ Тамъ же и Тѣл. Еп. Вѣд. 1867 г. № 18, 118 стр.

⁽⁶⁾ Самар. Еп. Вѣд. 1870 г. № 18, 424 стр.

⁽⁷⁾ Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 92 и 94 стр. 1873 г. 1. 53 стр. и Рус. Вѣстн. 1878 г. № 8, 600 стр. 2 прим.

Алатырь⁽¹⁾. Молитвенная комната у скопцовъ всегда или, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ разделяется перегородкою на двѣ половины: мужскую и женскую⁽²⁾; у хлыстовъ, напротивъ, такой перегородки не существуетъ, такъ какъ у нихъ и мужчины и женщины радѣютъ вмѣстѣ⁽³⁾. Полъ комнаты обыкновенно содержится въ чистотѣ, нерѣдко даже онъ устилается холстомъ⁽⁴⁾. Въ потолокъ комнаты иногда устраиваютъ окно, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ служитъ для вентиляціи, въ другихъ же—удобною лазейкою на чердакъ, если бы грозила опасность собранію со стороны мѣстныхъ властей⁽⁵⁾. Къ потолку же хлысты и скопцы привѣшиваютъ люстру, родъ „паникадила“, служащую для освѣщенія комнаты; кромѣ люстры для той же цѣли употребляютъ лампы и подсвѣчники; вообще, нужно замѣтить, хлысты и скопцы любятъ большое и яркое освѣщеніе.

Изъ стѣнныхъ украшеній въ молебныхъ скопцовъ весьма часто можно находить портретъ лжеискупителя⁽⁶⁾. Послѣдній, какъ описываетъ Надеждинъ, представляется обыкновенно „старикомъ въ темногубомъ или зеленомъ халатѣ съ черною соболіною опушкою, съ бѣлымъ галстухомъ на шеѣ, повязаннымъ большимъ бантомъ; старикъ сидитъ въ креслахъ, положивъ правую руку на красный обѣ одной ножкѣ столъ, на которомъ иногда изображается корзинка съ вѣткою винограда и двумя персиками“⁽⁷⁾. Изображается онъ и въ другихъ положеніяхъ, но

(1) Чт. въ общ. вст... 1873 г. 1 № 63 стр.

(2) Тамъ же, 1872 г. 2 № 92 стр. и 1873 г. 1 № 53 стр.

(3) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 20, 243 стр.

(4) Чт. въ общ. вст... 1872 г. 2 № 92 и 94 стр.

(5) Тамъ же.

(6) Такъ онъ былъ найденъ напр. у кронштадтскихъ скопцовъ. Чт. 1872 г. 2, 170 стр., въ домѣ Милютина—Тамъ же, 1873 г. 1, 62 стр., въ домѣ Плотниковыхъ—Ниж. Еп. Вѣд. 1869 г. № 4, 154 ст. и пр.

(7) Сборн. Кельс. III, 163 стр.

всегда въ образѣ старца (¹). Портретъ лжеискупителя въ моленныхъ скопцовъ всегда занимаетъ почетное мѣсто рядомъ съ иконами. Этому портрету, по словамъ Андреянова, скопцы „молятся, а по окончаніи моленія крестятся и къ оному прикладываются“ (²); нѣкоторые же при этомъ лобызаніи даже ощущаютъ нѣкое „благоуханіе“, исходящее будто бы отъ портрета и чувствуютъ присутствіе на портретѣ нѣкой „тѣлесности“ (³). Неразлучно съ портретомъ лжеискупителя можно часто встрѣчать портреты его „духовной матушки“ Акулины Ивановны, которую скопцы чтутъ въ образѣ императрицы Елизаветы Петровны, а потому они поклоняются и цѣлуютъ полтинники съ изображеніемъ этой императрицы (⁴),—и Александра Шилова—„духовнаго сыночка“ его, которому скопцы также воздаютъ божеское почитаніе (⁵). Въ нѣкоторыхъ частныхъ, провинціальныхъ корабляхъ можно находить еще портреты наставниковъ и наставницъ этихъ кораблей. Такъ, въ кораблѣ Милютинъ въ Алатырѣ вмѣстѣ съ портретами Селиванова и Шилова висѣлъ портретъ и начальника этого корабля Семснъ Милютина (⁶). У Плотичныхъ найденъ былъ портретъ Анны Софоновой, дочери первооскопленнаго Селивановымъ Софона Попова, крестьянина села Сосновки, моршанскаго уѣзда. Анна Софонова изображена въ богатомъ русскомъ кокошникѣ и въ такомъ же сарафанѣ; кромѣ того, на плечахъ у нея—нѣчто въ родѣ архіерейскаго омофора (⁷).

(¹) Сборн. Кельо. Ш. 217 примѣч.

(²) Чт. въ общ. вст... 1872 г. 3 № 309 стр.

(³) Тамъ же, 2 № 171 стр.

(⁴) Тамъ же, 3. 310 стр.

(⁵) Тамъ же, 1873 г. 1. 62—63 стр. Ниж. Ев. Вѣд. 1869 г. № 4, 154 стр.

(⁶) Чт. въ общ. вст... 1872 г. 1. 63 стр.

(⁷) Нижег. Ев. Вѣд. 1869 г. № 4, 154 стр.

Далѣ, какъ у скопцовъ, такъ и у хлыстовъ стѣны моленныхъ комнатъ верѣдко украшаются разными картинами. Эти картины частію общаго религіозно-нравственнаго содержанія, частію же сюжетъ ихъ заимствованъ изъ догматическихъ или нравственныхъ воззрѣній, принадлежащихъ исключительно хлыстамъ и скопцамъ. Къ картинамъ перваго рода можно отнести слѣдующія: 1) „Законнаго живота изображеніе“, извѣстную также и подъ названіями „распятіе плоти“ или „распинающійся монахъ“. На этой печатной картинѣ изображается распятый на крестѣ отшельникъ съ замкомъ на устахъ (положивъ устомъ своимъ хранило), съ свѣтильниками въ рукахъ (свѣтильники горяще въ рукахъ вашихъ), на груди обнаженное сердце (законъ твой поученіе мое есть). Справа плоть въ образѣ дьявола стрѣляетъ въ него изъ лука, и самъ сатанѣ смотритъ на него съ жезломъ въ рукахъ, налѣво міръ въ образѣ вооруженнаго всадника съ турецкой чалмой на головѣ, съ жезломъ въ одной рукѣ, и съ соколомъ въ другой; жезлъ опутанъ свиткомъ съ надписью „сниди со креста“; такіе же свитки—близъ лука и сатанинской хоругви; вверху Спаситель съ двумя ангелами, внизу адъ, наполненный грѣшниками и гробъ—съ львиной головой⁽¹⁾. 2) „Истинное изображеніе покаянія“ или „ликовствованіе“. Изображенъ І. Христосъ въ видѣ добраго пастыря, держащаго въ рукахъ овцу; Его окружаетъ сонмъ ангеловъ, изъ которыхъ одни пляшутъ, другіе плещутъ руками, третьи играютъ на гусляхъ, на свирѣляхъ, на скрипкахъ и проч., внизу царь Давидъ пляшетъ съ арфой въ рукахъ, а пророки и апостолы плещутъ руками; вверху надъ Христомъ надпись: „обрѣтохъ погибшую овцу“, внизу же—„такъ радость будетъ на небеси о единѣмъ грѣшникѣ кающемся,

⁽¹⁾ Прав. Обзор. 1873 г. № 2, 325 стр. Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1. 138 стр. Рус. Вѣстн. 1878 г. № 8, 600 стр. 2 прии.

нежели о девяностидесятихъ и девяти праведникъ; иже не требуютъ покаянія“ (1). 3) „Изліяніе благодати“. Изображенъ отрокъ въ бѣлой рубашкѣ съ поднятыми къ небу руками и очами; на него изливается благодать Св. Духа въ видѣ голубя (2). 4) „Всевидящее око съ парящими окрестъ ангелами въ трехъ кругахъ, а внизу Адамъ и Ева рукоплещущіе“ (3). Къ картинамъ втораго рода, безъ опасенія погрѣшить противъ истины, можно отнести: 1) „изображеніе бездны и ключа ада“ въ такомъ видѣ, что бездну выносятъ на свѣтъ діаволы, а ключъ ада—самъ сатана (4). Въ этой картинѣ не трудно замѣтить выраженіе извѣстныхъ нравственныхъ возрѣній скопцовъ на половыя отношенія людей; скопцы, какъ извѣстно уже намъ, и самыя половыя органы называютъ не иначе, какъ „бездною и ключемъ ада“. 2) Къ этой же категоріи безспорно должно отнести и всѣ тѣ картины, въ которыхъ образно хлысты и скопцы представляютъ превосходство дѣтственной жизни предъ брачною. Таково напр. слѣдующее изображеніе: „архангелъ ведетъ на небо женщину и мужчину—дѣтственниковъ по лѣстницѣ, ихъ встрѣчаетъ благословляющій Спаситель; сзади ангелъ ограждаетъ путь ихъ крестомъ отъ бѣсовъ“. Но тутъ же находится и другое изображеніе, совершенно противоположное первому: „нагая женщина стремглавъ бѣжитъ въ адское жерло и тащитъ за собой своего мужа; ихъ встрѣчаетъ ликующій бѣсъ“. Смыслъ этой послѣдней картины понятенъ: злая судьба постигла ихъ обоихъ „ради нечистоты и ради непотребныхъ украшеній“.

(1) Чт. въ общ. вѣст... 1873 г. 1. 137—138 стр. Рус. Вѣстн. 1878 г. № 8, 600 стр. 2 прим.

(2) Сборн. Кельс. Ш. 162 стр. и Рус. Вѣстн. 1878 г. № 8, стр. 600, 2 пр.

(3) Сборн. Кельс. Ш. 162 стр. и Пенз. Еп. Вѣд. 1877 г. № 1, 13 стр.

(4) Сборн. Кельс. Ш. 162 стр.

которымъ они предавались во время земной жизни (¹).
 3) Наконецъ, сюда же можно присоединить и слѣдующую картину, въ которой довольно замѣтно проводится извѣстное хлыстовско-скопческое ученіе объ отношеніи къ православной церкви. „Изображенъ бѣгущій священникъ во всемъ церковномъ облаченіи; его ведутъ два дьявола, обнаженные люди берутъ камни; другіе же бросаютъ ихъ; священникъ бѣжить, осыпанный камнемъ; еще одинъ шагъ и передъ нимъ—адскій кладьзъ“ (²).

Повидимому, существованіе въ молельняхъ особыхъ священныхъ портретовъ, которымъ скопцы даже молятся и лобызаютъ ихъ, существованіе особыхъ священныхъ картинъ, предъ которыми, по извѣстію нѣкоторыхъ, они возжигаютъ свѣчи и курятъ омміамъ (³), должно исключить присутствіе въ этихъ молельняхъ православныхъ иконъ. Къ этому, какъ представляется съ перваго взгляда, стремится какъ будто и самое ученіе хлыстовъ и скопцовъ. Въ ихъ пѣсняхъ говорится, что иконопочитаніе есть „служеніе Іудѣ и вѣрованіе куміру“, что они сами (хлысты и скопцы)— „писанные образа“, что Акулина Ивановна „стоитъ иконою мѣстною“ и пр. (⁴). Тоже самое выражается и въ показаніяхъ нѣкоторыхъ лицъ, близко знавшихъ хлыстовъ и скопцовъ. Такъ, священникъ Сергѣевъ говоритъ о хлыстахъ, что они „не почитаютъ ни животворящаго креста, ни св. иконъ, но вмѣсто этого молятся сами на себя, (говоря): лучше-де поклоняться живымъ иконамъ, нежели доскамъ неодушевленнымъ, кои ничего не говорятъ и не творятъ“ (⁵). Крестья-

(¹) Прав. Обзор. 1873 г. № 2, 326—327 стр.

(²) Тамъ же. 326 стр.

(³) Пенз. Еп. Вѣд. 1877 г. № 1, 14 стр.

(⁴) Добротворскій—Люди божіи, №№ 17. 135; 25. 145 и Чтен. 1873 г. 1. Пѣсня № 48, 116 стр.

(⁵) Чт. въ общ. вст... 1874 г. 3. 65 стр.

нинъ Андреяновъ о скопцахъ выражается, что они „мало почитаютъ святыя образа, говоря, что у нихъ есть живые“ (¹). При всемъ этомъ, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ моленные комнаты, между прочимъ, украшаются и иконами, почитаемыми православными. Иконы эти по изображаемымъ на нихъ лицамъ весьма разнообразны; между ними можно встрѣчать изображенія— Пресвятой Богородицы — казанской, всѣхъ скорбящихъ (²), одигитрии (³) и пр.; изображеніе свят. Николая (⁴), изображеніе св. живоначальной Троицы (⁵) и т. д. Мѣстонахожденіе этихъ иконъ въ молельняхъ хлыстовъ и скопцовъ тоже, какое и въ домахъ православныхъ христіанъ: иконы ставятся въ переднемъ углу на особую полку, устроенную для этой цѣли и извѣстную въ простонародьи подъ названіемъ „божницы“ и предъ ними такъ же, какъ и предъ портретами, возжигаютъ свѣчи и курятъ еміамъ (⁶). Объяснять это довольно странное и противорѣчащее явленіе однимъ лицемѣріемъ хлыстовъ и скопцовъ, какъ полагаетъ г. Мельниковъ, едвали возможно (⁷). Лицемѣріе хлыстовъ и скопцовъ могло бы имѣть смыслъ въ данномъ случаѣ, если бы не существовало одного факта, доказывающаго искреннее, дѣйствительное, а не лицемѣрное только, почитаніе хлыстами и скопцами православныхъ иконъ. Именно, скопцы и въ особенности хлысты при совершеніи чинопринятія въ свое общество пользуются между другими своими свя-

(¹) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3. 302 стр.

(²) Реутокій, Люди божіи и скопцы, 54 стр.

(³) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 21, 241 стр.

(⁴) Реутскій—54 стр. Чтен. 1872 г. 2. 111 стр.

(⁵) Реутскій—54 стр.

(⁶) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 22, 274 стр. Чтен. 1873 г. 1. 47 стр.

(⁷) Чт. въ общ. ист. 1872 г. 2. 85—87 стр.

щенными предметами и православными иконами: имя святаго, изображаемаго на иконѣ, новичекъ избираетъ и представляетъ обществу въ качествѣ своего поручителя, именемъ этого святаго онъ произноситъ клятву въ своей вѣрности, изображенію этого святаго онъ поклоняется и лобызаетъ его, чему слѣдуютъ и всѣ прочіе сектанты, присутствующіе при этомъ обрядѣ⁽¹⁾. Гораздо легче и удобнѣе, повидимому, объяснять это странное явленіе символизмомъ, по которому хлысты и скопцы, какъ и замѣчаетъ г. Н. Барсовъ, усвояютъ православнымъ иконамъ иное значеніе, чѣмъ какое соединяетъ съ ними православный взглядъ; смотря напр. на иконостасъ въ его полномъ составѣ, они видятъ въ немъ „символическое изображеніе великаго радѣнья, въ полномъ составѣ корабля“⁽²⁾ и пр. Сверхъ сего, хлысты и скопцы въ принципѣ не отвергаютъ иконопочитанія, но они отвергаютъ его въ смыслѣ православнаго иконопочитанія—„идолопоклонническаго“, по ихъ мнѣнію. Иначе сказать: одна и таже икона не заслуживаетъ поклоненія, если она находится въ храмѣ или домѣ православныхъ, но таже самая икона заслуживаетъ поклоненія, если она находится въ моленной хлыстовъ или скопцовъ. Такимъ образомъ, поклоненіе и непоклоненіе иконѣ зависитъ отъ того положенія, въ какомъ находится послѣдняя; здѣсь, очевидно, высказывается тотъ же духъ отчужденія и ненависти, какой вообще характеризуетъ секты хлыстовъ и скопцовъ. Воздавая поклоненіе православнымъ иконамъ, хлысты и скопцы отнюдь не всегда усвояютъ имъ символическое значеніе; напротивъ, съ лицами, изображаемыми на иконахъ, они нерѣдко соединяютъ тѣже представленія, какія привыкъ соединять съ ними вообще необразованный народъ. Это лучше всего дока-

⁽¹⁾ Рус. Вѣстн. 1869 г. 3. 360 стр. Добротв. Люди божіи, 60 стр. Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6, 203—205 стр. Сборн. Кельс. Ш. 138.

⁽²⁾ Христ. Чт. 1869 г. № 9, 445—446 стр.

зываютъ пѣсни хлыстовъ и скопцовъ. Въ послѣднихъ такъ напр. описываются обязанности и значеніе святыхъ, чтимыхъ православною церковію: Борисъ и Глѣбъ—„присылаютъ насущный хлѣбъ“; Илья пророкъ—„по седьмому небу катаетъ, собираетъ грозны тучи и посылаетъ сильныя дожди“; Макарій Желтоводскій—„подаетъ хлѣбушко сиротскій“; Георгій—„воинъ, онъ не велитъ ходить въ лѣса, марать тѣлеса, а пребывать въ садочкѣ“; пѣлитель Пантелеимонъ—„составляетъ лекарства“; Кирикъ и Улита—„приносятъ небесна жита“ и пр. и пр. (').

Извѣстія скопцовъ оставляютъ насъ въ невѣденіи относительно образа освященія домовъ, предназначаемыхъ для богослужебныхъ собраній; нельзя даже опредѣленно сказать—существуетъ ли у нихъ такой обрядъ или же нѣтъ. Судя, однако, по тому, что моленный домъ у скопцовъ почитается мѣстомъ священнымъ, можно допустить существованіе у нихъ этого обряда. Къ этому еще болѣе побуждаетъ и то обстоятельство, что у хлыстовъ такой обрядъ есть и совершеніе его сопровождается особеннымъ торжествомъ, приличнымъ самому событію. Свѣденія о совершеніи этого обряда находятся въ „исповѣди“ Преображенцева. Послѣдній такъ описываетъ освященіе моленного дома, происходившее 6-го декабря—въ день храмоваго праздника. Въ десять часовъ ночи, говорить онъ, всѣ члены корабля собрались во вновь устроенный домъ. Среди комнаты поставили столъ, покрытый бѣлою скатертью; на столѣ крестобразно разостланы двѣ спустившіяся своими концами на полъ вервы, на которыя полжили большою мѣдной крестъ; около послѣдняго поставили чашу съ святою водою; къ чашѣ прильпили три восковыхъ свѣчи. Началась, по обычаю, „святая бесѣда“. Въ то время,

(') Духов. ст. люд. бож. Барсова, № 98, 148—149 ст. Чт. въ общ. вст. 1873 г. 1. Пѣсни № 44, 111—112 стр. См. также Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 20, 212 стр.

когда сектанты пѣли такъ называемую „молитву Иисусову“ въ третій разъ, начальница корабля перевязалась своею вервою, взяла со стола мѣдный крестъ и чашу съ святою водою. При слѣдующемъ четвертомъ пѣніи той же Иисусовой молитвы „ангельскимъ напѣвомъ“, начальница окропила св. водою стѣны новаго „собора“, равно какъ и всѣхъ присутствовавшихъ въ немъ. Вслѣдъ за этимъ, по ея указанію, „четыре неженатыхъ молодца“ взяли за концы лежавшихъ на столѣ вервь и, приподнявъ послѣднія вверхъ, держали ихъ въ такомъ крестообразномъ положеніи надъ головою начальницы, занявшей мѣсто стола, который этимъ временемъ былъ унесенъ изъ комнаты. Вокругъ „молодцевъ“ образовался корабль изъ пророковъ, которыхъ въ свою очередь окружилъ новый корабль, состоявшій изъ простыхъ „людей божіихъ“, еще не удостоившихся пророческаго дара. Устроившись такимъ образомъ, приступили къ радѣніямъ подъ пѣніе пѣсни, составляющей передѣлку 26-го псалма, выражающаго, какъ извѣстно, ликованіе праведника, защищеннаго Господомъ, и его готовность посѣщать домъ Божій и воспѣвать въ немъ Господа. По окончаніи радѣній, продолжавшихся около полутора часа, други разомкнулись, начальница взяла обѣ вервы и, перевязавъ ими двухъ пророковъ, отправила послѣднихъ прорекать „частную судьбу“. Частнымъ пророчествомъ и окончилось освященіе молитвеннаго дома. На другой день устроенъ былъ у начальницы корабля общій обѣдъ въ знакъ торжества; пѣніе духовныхъ распѣвцевъ предваряло каждое новое блюдо (1).

3) Время богослужебныхъ собраній.

Священникъ Сергѣевъ, говоря о времени богослужебныхъ собраній хлыстовъ, замѣчаетъ, что у нихъ

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 20, 208—212 стр.

существуютъ „праздники двухъ родовъ: большіе и малые. Первые имѣютъ опредѣленное время и бывають продолжительные. Эти праздники происходятъ во время храмовыхъ праздниковъ тѣхъ церквей, къ которымъ прихожи тѣ дома, а по городамъ, когда бывають крестные и публичныя ходы со св. иконами. Малые праздники бывають случайно и время имъ назначается большею частію для какихъ либо пріѣзжающихъ гостей“ (¹). На основаніи этого, правда, не совсѣмъ точнаго и яснаго свидѣтельства свящ. Сергѣева и именно первой его половины мы позволяемъ себѣ сдѣлать слѣдующія два справедливыя предположенія: во 1-хъ у хлыстовъ должно существовать и, вѣроятно существуетъ, росписаніе дней, въ которые положено ими совершать богослуженіе, и во 2-хъ это росписаніе праздничныхъ дней имѣетъ въ своемъ основаніи, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, росписаніе такихъ же дней въ Православной Церкви. О первомъ изъ этихъ двухъ предположеній нужно замѣтить, что хотя оно и не имѣетъ въ свою пользу ни одного свидѣтельства въ доселѣ извѣстныхъ матеріалахъ о хлыстахъ, но оно находитъ себѣ подтвержденіе въ литературѣ о скопцахъ. Надеждинъ о хлыстахъ—скопцахъ Фирсовскаго корабля передаетъ, что у нихъ „были росписаны всѣ церковныя праздники, съ назначеніемъ, когда, въ какую деревню и къ какому учителю съѣзжаться на моленье членамъ корабля, разсѣяннымъ по смежнымъ уѣздамъ московской и тульской губерній“ (²).—О второмъ предположеніи должно замѣтить, что оно находитъ себѣ подтвержденіе какъ въ извѣстіяхъ о хлыстахъ, такъ равно въ извѣстіяхъ о скопцахъ. Изъ тѣхъ и другихъ очевидно, что всѣ великіе праздники, общіе всей православной церкви, какъ то:

(¹) Чт. въ общ. вст... 1874 г. 3 № 69 стр.

(²) Сборн. Кельс. III. 142 ст. 183 прим.

Рождество Христово, Богоявленіе, Пасха, Троица и т. д. ⁽¹⁾, храмовые и вообще мѣстные праздники ⁽²⁾ и, наконецъ, воскресные дни ⁽³⁾ служили и служатъ у хлыстовъ и скопцовъ временемъ ихъ богослужебныхъ собраній, но при томъ такъ, что тѣ и другіе отправляютъ свое богомоленіе не въ самый день православнаго праздника, а въ ночь подъ него.

Кромѣ дней, опредѣленныхъ праздниками православной церкви и указанныхъ отчасти въ свидѣтельствѣ свящ. Сергѣева, у хлыстовъ и скопцовъ, безъ сомнѣнія, существуютъ еще особые дни, которые они также посвящаютъ своимъ богослужебнымъ собраніямъ и которые, поэтому, также могутъ быть названы праздниками. Сюда должно быть отнесено такъ называемое „годовое радѣніе“, которое происходитъ въ одинъ изъ должайшихъ іюньскихъ дней. Сюда же, далѣе, нужно отнести и тѣ дни, къ которымъ хлысты и скопцы приурочиваютъ различныя событія своей прошедшей исторіи. Таковы у хлыстовъ дни, въ которые случилось что либо важное въ жизни Данилы Филиппова и Суслова, которые, однако, остаются до сего времени неизвѣстными намъ ⁽⁴⁾ и 26-е іюня, въ которое они празднуютъ память „св. мурносицы Анны, иже въ Нижнемъ Новѣградѣ“, какъ значится въ ихъ рукописныхъ святцахъ; подъ этою „мурносицею Анною“, по словамъ Мельникова, разумѣется Акулина Ивановна, жена Прокопія Лупкина, Христа людей божіихъ ⁽⁵⁾.—У скопцовъ чествуется 15-е число сентября, которое они проводятъ въ строгомъ постѣ; скопцы полагаютъ, что въ этотъ памятный день былъ высѣченъ внутомъ ихъ искупитель

⁽¹⁾ Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2. 99, 100, 101 стр.

⁽²⁾ Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 20, 208 стр. и № 21, 241 стр.

⁽³⁾ Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2. 98, 99, 100 стр.

⁽⁴⁾ Геутскій—82 стр.

⁽⁵⁾ Тайныя секты. Рус. Вѣстн. 1868 г. 5. 65 стр. 2 прил.

и царь Селивановъ (¹). Наконецъ, къ этой же группѣ празднествъ слѣдуетъ причислить и разнообразныя случаи общественной и частной жизни хлыстовъ и скопцовъ, требующіе, по ихъ правиламъ, особеннаго молитвеннаго освященія, какъ-то: избраніе начальника, освященіе моленнаго дома, принятіе новаго члена въ общество, пріѣздъ собратьевъ по вѣрѣ, похороны, поминовенія и пр. и пр.

Въ границахъ суточного времени богомоленія хлыстовъ и скопцовъ совершаются всегда ночью (²). На этотъ хлыстовско-скопческій обычай собираться для богомоленія ночью, кромѣ многочисленныхъ официальныхъ указаній (³), есть указаніе и въ „роспискахъ“. Въ одномъ изъ нихъ такъ говорится объ этомъ:

„На вечерней на зарѣ
А міръ народъ убрались,
А праведны собрались,
Въ соборъ-церкву сошлись;
У нихъ свѣчущи сожглись“ (⁴).

Сами хлысты и скопцы объясняютъ этотъ обычай тѣмъ, что будтобы ночное моленіе учреждено Самимъ Спасителемъ и заповѣдано всѣмъ послѣдователямъ Его; при томъ же, мудрствуютъ нѣкоторые изъ нихъ, „дневныя молитвы людей принимаютъ ангелы, святые или Богородица и приносятъ ихъ къ Богу; ночныя же принимаетъ Самъ Богъ, а потому ночная молитва не въ примѣръ доходитъ до Бога, чѣмъ дневная“ (⁵).

(¹) Чт. въ общ. вѣст... 1872 г. 1. 95 стр.

(²) Исключеніе изъ этого общаго правила составляетъ петербургскій корабль Селиванова, гдѣ, по свидѣтельству Андреянова, собирались на богомоленіе и днемъ съ 7-го часа утра до 1 по полудни (Чт. 1872. 3. 313), а, по словамъ Васильева, съ 9 часовъ до 1 часу (Чт. 2 № 100 стр.).

(³) Чт. въ общ. вѣст... 1872 г. 2. 99, 100, 104 стр.

(⁴) Дух. ст. люд. бож. Барсова, № 4, 4—5 стр.

(⁵) Чт. въ общ. вѣст... 1873 г. 1. 63 стр. 68 прим.

На самомъ же дѣлѣ обычай этотъ есть слѣдствіе необходимости и расчета. Въ ночь напр. православнаго праздника, когда чаще всего происходятъ хлыстовско-скопческія моленія, хлысты и скопцы, вслѣдствіе прекращенія обычныхъ работъ въ слѣдующій день, имѣютъ болѣе свободнаго времени какъ для совершенія своихъ неистовыхъ круженій, такъ равно и для необходимаго физическаго отдохновенія отъ послѣднихъ. Вообще же нужно замѣтить, что, совершая свое богомоленіе въ ночное время, хлысты и скопцы тѣмъ самымъ менѣе рискуютъ быть замѣченными со стороны православныхъ, чѣмъ какъ это послѣднее могло бы случиться во время дня. О началѣ и окончаніи хлыстовско-скопческихъ богомоленій, вслѣдствіе отсутствія единогласія въ показаніяхъ скопцовъ и хлыстовъ по этому предмету, трудно что либо опредѣленное сказать. По показанію напр. Андреянова, петербургскіе скопцы сходились въ соборъ „съ 4-го часу по полудни и пребывали въ немъ до 1 часу за полночь“⁽¹⁾; по другимъ же показаніямъ, тѣже скопцы „начинали моленіе съ 6-ти часовъ вечера и продолжали оное до 6-ти часовъ утра“⁽²⁾. По свидѣтельству Преображенцева, хлысты начали свое богомоленіе по случаю освященія дома въ 10 часовъ вечера и окончили его въ 4 часа утра⁽³⁾; но тѣже хлысты по случаю избранія новаго кормщика начали свое богомоленіе въ 11 часовъ вечера⁽⁴⁾. Очевидно, такимъ образомъ, что начало и окончаніе богомоленія зависятъ отъ различныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Свящ. Сергѣевъ замѣчаетъ, впрочемъ, что продолжительность богомоленій зависитъ много отъ того—„каково хозяину удастся затереть пиво“, т. е., какъ объясняетъ

(1) Чт. въ общ. вѣст... 1872 г. 3. 313 стр.

(2) Тамъ же—2 № 100 стр.

(3) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 20. 208 и 211 стр.

(4) Тамъ же—№ 21. 241 стр.

самъ Сергѣевъ, „какъ будетъ удаченъ и весель праздникъ, и какъ будутъ гости легки и свободны сердцами“. Если эти и подобныя обстоятельства сложатся благоприятно, то богомолніе иногда продолжается, по его же словамъ, полную недѣлю (¹).

4) Одежда и другія богослужебныя принадлежности.

Въ каждомъ болѣе или менѣе благоустроенномъ религіозномъ обществѣ наблюдается, чтобы священныя облаченія, употребляемая при богослуженіи, не только не нарушали самыхъ обыкновенныхъ правилъ приличія, но и, по возможности, содѣйствовали бы достиженію той высокой цѣли таинственнаго единенія съ міромъ сверхчужественнымъ, какую вообще имѣетъ въ виду всякое богослуженіе и всякаго общества. Напрасно, однако, мы стали бы отыскивать такія качества и такую цѣль въ богослужебной одеждѣ, употребляемой хлыстами и скопцами. Ложно воображая себя апокалипсическимъ народомъ, стоявшимъ, по свидѣтельству тайновидца Іоанна, „предъ престоломъ и предъ Агнцемъ въ бѣлыхъ ризахъ и съ финиками въ рукахъ“ (Апок. VII, 9), хлысты и скопцы считаютъ вполне законнымъ и ни мало не оскорбительнымъ для чувства стыдливости имѣть на себѣ во время богослужебныхъ собраній одѣяніе, едва-едва прикрывающее голое тѣло.

Обыкновенно, являясь въ соборъ для совершенія богомоленія, хлысты и скопцы снимаютъ съ себя всю обыкновенную одежду. Въмѣсто послѣдней мужчины надѣваютъ на себя бѣлую коленкоровую или холщевую рубашку съ широкими рукавами, простырающуюся по своей длинѣ до крайнихъ оконечностей ногъ (²). Рубашка эта носитъ специальное названіе „радѣль-

(¹) Чт. въ общ. вѣст... 1874 г. 3. 69 стр.

(²) Тамъ же, 1872 г. 3. 295 стр. 1873 г. 1. 132 стр.

вой“⁽¹⁾, но кромѣ этого она называется еще „мантіею“⁽²⁾, „парусомъ“⁽³⁾, „бѣлыми ризами“⁽⁴⁾ и проч. Бѣлый цвѣтъ ея, какъ и вообще все бѣлое у хлыстовъ и скопцовъ, означаетъ душевную чистоту ихъ⁽⁵⁾. Но помимо этого значенія хлысты усвояютъ ей еще значеніе историческое. Они говорятъ, что „когда содрали съ Ивана Тимоѣевича живаго кожу, то нѣкоторыя дѣвицы обвинили его полотномъ, полотно приросло къ тѣлу его и сдѣлалась опять кожа“⁽⁶⁾. Въ память этого-то событія они, хлысты, и употребляютъ при богослуженіи бѣлыя длинныя рубашки.—Рубашку нѣкоторые, особенно учитель, опоясываютъ такъ называемымъ „золотымъ поясомъ“, который, по замѣчанію Надеждина, у хлыстовъ бываетъ бѣлаго цвѣта, у скопцовъ же пестраго съ примѣсью краснаго и зеленаго⁽⁷⁾. По словамъ Будылина, скопцы, кромѣ бѣлой рубашки, надѣваютъ еще и бѣлые подштанники также, вѣроятно, особаго покроя, приспособительно къ цѣли богослужебныхъ дѣйствій⁽⁸⁾. Женщины съ своей стороны наряжаются въ такую же бѣлую коленкорovou или холщевую рубашку и такой же длины, какъ и у мужчинъ, которая (рубашка) у хлыстовокъ застегивается на лѣвую сторону, у скопчихъ же—на правую; по верхъ рубашки женщины надѣваютъ еще бѣлый сарафанъ или бѣлую юбку; голову свою украшаютъ особымъ колпакомъ, обвязаннымъ бѣлымъ платкомъ, а на шею кладутъ

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 4. 84 стр.

(2) Тамъ же, 2. 176 стр.

(3) Тамъ же, 1864 г. 4. 54 стр.

(4) Добротворскій—№ 17. 134 стр. Барсовъ. Дух. ст. люд. бож. № 94. 144 стр.

(5) Добротворскій—№ 59. 178 стр.

(6) Тамъ же. 44 стр. 2 прим.

(7) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 295 стр. Сборн. Кольс. Ш. 140 стр.

(8) Тамъ же, 4. 34 стр.

бѣлыя косынки (¹). Всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины во все время богомоленій остаются босые, вѣроятно, потому, чтобы не происходило стука отъ ногъ (²); впрочемъ, нѣкоторые сектанты надѣваютъ иногда на ноги нитяныя чулки и даже башмаки (³). Нарядившись такимъ образомъ, каждый сектантъ въ правую руку беретъ восковую зажженную свѣчу — „апокалипсическій финикъ“, въ лѣвую же — бѣлый платокъ, иначе называемый „покровомъ“ или „знаменіемъ“ (⁴). Бѣлый платокъ или покровъ символически обозначаетъ, по толкованію хлыстовъ и скопцовъ, „защиту отъ іудейскихъ рукъ“ и, вообще, „отъ злыхъ злодѣевъ“ (⁵); на самомъ же дѣлѣ онъ имѣетъ ближайшимъ своимъ назначеніемъ то, чтобы имъ обмахиваться и отирать потъ, градомъ льющейся съ лица во время радѣній. Далѣе каждый кормщикъ и каждая кормщица корабля, а также и тѣ изъ сектантовъ, которые удостоились получить пророческій даръ, перевязываются крестообразно „вервой“ (⁶). Верва— это подобіе діаконскаго ораря; символическое ея значеніе неизвѣстно; однако, основываясь на многообразномъ ея употребленіи сектантами и притомъ въ особенно важныхъ случаяхъ (⁷), можно предполагать о высокомъ значеніи ея въ глазахъ сектантовъ. Наконецъ, каждый сектантъ имѣетъ у себя еще бѣлое

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1. 132 стр. 1872 г. 4. 84—85 стр. Сборн. Кельс. Ш. 140 стр. Хр. Чт. 1869 г. № 9. 453 стр.

(²) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 160—161 стр. 1873 г. 1. 132 стр.

(³) Добротворскій—Люди божіи. 45 стр., о чулкахъ см. у архимандр. Доскочев. Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. 151 стр.

(⁴) Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1. 132 стр. 1872 г. 4. 85 стр. Самар. Еп. Вѣд. 1870 г. № 21. 489 стр.

(⁵) Духов. ст. люд. бож. Барсова, №№ 20. 33; 45. 73. Добротворскій—Пѣсни №№ 16. 133; 15. 131; 66. 185...

(⁶) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 94 стр.

(⁷) Тамъ же, № 20. 208 стр. и № 21. 240 стр.

полотенце; мѣстонахождение его неизвѣстно; впрочемъ, изъ одного свидѣтельства видно, что это полотенце полагаютъ на плечи (¹). Употребленіе полотенца при богослуженіи различно: оно употребляется какъ орудіе для устройства „престола“ по окончаніи радѣній, но особенно важное назначеніе его то, что изъ него приготовляются жгуты, употребляемые хлыстами и, быть можетъ, скопцами, во время радѣній (²). Впрочемъ, для послѣдней цѣли вмѣсто полотенца употребляютъ иногда верву, извѣстную также подъ названіемъ „золотой вервы“ (³).

Таковъ богослужебный нарядъ хлыстовъ и скопцовъ въ общемъ его видѣ. Не смотря на крайнюю неудовлетворительность его, граничащую съ грубымъ цинизмомъ, хлысты и скопцы воображаютъ, однако, что этотъ нарядъ есть „нарядъ или уборъ божій“, который кроить и шьетъ сама „богородица“ (⁴); его приносятъ съ неба сами „херувимы и серафимы“ (⁵); въ немъ они уподобляются небожителямъ (⁶) и проч. Поэтому, не удивительно, что хлысты и скопцы придаютъ особенно важное значеніе своей богослужебной одеждѣ. По ихъ мнѣнію, только въ ней одной можно совершать богомоленіе и только при соблюденіи этого условія молитва можетъ быть пріятна и угодна Богу. Насколько, въ самомъ дѣлѣ, обязательно для всѣхъ вообще сектантовъ употребленіе этой одежды, показываетъ то, что, при совершеніи обряда принятія въ секту, кормщикъ или кормица, обращаясь къ новоприняемому, спрашиваетъ: „общаешься ли на

(¹) Чтен. въ общ. ист.... 1872 г. 2. 121 стр.

(²) Самар. Еп. Вѣд. 1875 г. № 15. 332—333 стр. Добротворскій — 61 стр.

(³) Добротворскій — № 44. 168 стр.

(⁴) Тамъ же, №№ 13. 131; 17. 134; 43. 166; 54. 174..

(⁵) Барсовъ—Дух. ст. люд. бож. № 94. 144 стр.

(⁶) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 176 стр.

клятвъ продь богами носить рубашечки бѣленькія, сарафанчики синенькіе, поясочки красненькіе, платочки бѣленькіе? ... И въ отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ слѣдовать такой отвѣтъ: „Ѳй, Воже, обещаюсь отъ самой утробы своей“ (1).

II.

1) Богослуженіе хлыстовъ и скопцовъ: его характеръ и главныя составныя части.

Богослуженіе хлыстовъ и скопцовъ по основной идеѣ, преслѣдуемой имъ, есть нелѣпое и смѣшное подражаніе богослуженію первенствующихъ христіанъ вообще и, въ частности, богослуженію апостольскому. Сами хлысты и скопцы опредѣляютъ эту основную идею своего богослуженія, когда поютъ во время богослуженныхъ собраній:

„Вспомнимъ апостольско время,
Когда Духъ Св. скаталь,
И отъ сильнаго дыханья
Развостился шумный гласъ“ (2)...

Извращенно понимая извѣстное повѣствованіе книги Дѣяній о сошествіи Св. Духа на апостоловъ въ сіонской горницѣ и также не менѣе извращенно толкуя 14-ю гл. 1-го посланія ап. Павла къ Коринтянамъ, хлысты и скопцы полагаютъ, что главными составными частями апостольскаго богослуженія были: круженіе или радѣніе, пророчество и пѣніе пѣсень. Выходя изъ такихъ ложныхъ розрѣній на апостольское богослуженіе, хлысты и скопцы воображаютъ, поэтому, что они поступаютъ по апостольски, когда во время богослуженныхъ собраній предаются неисто-

(1) Самар. Еп. Вѣд. 1870 г. № 21. 491—492 стр. Чтен... 1872 г. 1. 75 стр.

(2) Барсовъ—Духов. ст. люд. бож. № 2. 2 стр.

вому круженію, высказываютъ разнаго рода нелѣпости и поютъ пѣсни. Они думаютъ, что богослуженіе, сходное будто - бы съ богослуженіемъ апостольскимъ съ внѣшней стороны, должно быть тождественно съ послѣднимъ и по своему внутреннему характеру. Эта послѣдняя мысль весьма настойчиво прогонится во многихъ духовныхъ распѣвцахъ хлыстовъ и скопцовъ. Въ одномъ изъ нихъ высказывается, что совершеніе хлыстовско-скопческаго богослуженія сопровождается такимъ же обильнымъ изліяніемъ благодати Божіей, какъ было и во времена апостоловъ.

„Какъ въ прѣшніе вѣки
Шумъ слышенъ былъ съ неба,
Сокатилъ къ избраннымъ
Въ огненныхъ языкахъ“.
Тазъ „всѣмъ слышенъ глаголь твой (Божій)
Отъ тѣхъ поръ до нынѣ“ (1).

Въ другихъ распѣвцахъ говорится, что въ домѣ, гдѣ собираются хлысты и скопцы, присутствуетъ „самъ Спаситель со ангелами, со архангелами, съ херувимами, съ серафимами и со всею силою небесною“ (2), Онъ „всѣмъ кладетъ въ сердца вѣру крѣпости“ (3), „раздастъ себѣ“ (4) и проч.; здѣсь же присутствуетъ „самъ Богъ надъ богами, самъ царь надъ царями“, который „похаживаетъ“ съ сектантами при исполненіи послѣдними своей пляски (5); являетъ свое присутствіе и „самъ Духъ надъ духами“, который также принимаетъ дѣятельное участіе въ круженіи (6); Онъ, какъ говорится въ пѣснѣ, „скативъ на кругъ“, „на округъ разрадѣлся, въ золотую ризу одѣлся“ (7); мож-

(1) Барсовъ. Дух. ст. лют. бож. № 89. 136 стр.

(2) Добротворскій — № 45. 168 стр.

(3) Барсовъ — № 84. 127 стр.

(4) Добротворскій — № 31. 153 стр.

(5) Барсовъ — № 89. 134 стр. Добротворскій — № 31. 153 стр.

(6) Барсовъ — № 89. 135 стр.

(7) Тамъ же — № 50. 79 стр.

но, наконецъ, встрѣтитъ здѣсь „матушку богородицу, катающую“, т. е. кружащую съ ними (¹). Крестителя Іоанна, устанавливающаго ихъ „во единый кругъ—на радѣніе“ (²) и др. угодниковъ божіихъ.

Смотря съ такой высоты величія на свое богослуженіе, хлысты и скопцы, естественно, окружаютъ послѣднее ореоломъ необыкновенной таинственности и святости. Они усвояютъ ему разныя аллегорическія названія, которыя болѣе или менѣе, по ихъ взгляду, выражаютъ самую сущность его. Такъ они называютъ свое богослуженіе „тайною вечерію“ (³), „святой бесѣдою“ (⁴), „духовною бесѣдою“, „христовщиною“ (⁵) и т. д. Они строго, далѣе, опредѣляютъ право входа лицъ на богослуженіе, а равно и поведеніе послѣднихъ во время его. По словамъ пѣсни, на хлыстовско-скопческое богослуженіе можетъ явиться не всякій, но только тотъ, кто „на бѣло умылся—дурной пылью не пылился“ (⁶), т. е. кто чистъ душею и тѣломъ; тѣ же, которые по какимъ либо обстоятельствамъ запылились пылью, должны прежде принести повинную своему батюшкѣ и только послѣ этого, съ разрѣшенія послѣдняго, они могутъ явиться „въ блаженный рай“, т. е. на ихъ богослужебныя собранія (⁷). По предписанію Селиванова, „на бесѣду должно сходитьса со страхомъ и съ благоговѣніемъ и не пивши, да не кушать хлѣбушка лишняго“ (⁸).—Возвышая въ своихъ глазахъ собственное богослуженіе, хлысты и скопцы параллельно съ этимъ стараются, наконецъ, по

(¹) Добротворскій—№ 34. 137 стр.

(²) Тамъ же—№ 34. 153 стр.

(³) Чт. въ общ. вст... 1873 г. 1. 152 стр.

(⁴) Тул. Ев. Вѣд. 1867 г. № 17. 97 стр.

(⁵) Суд.-мед. изслѣд. сконч. 117 стр.

(⁶) Добротворскій—№ 10. 124 стр.

(⁷) Тамъ же—№ 69. 189 стр.

(⁸) Чтен. въ общ. вст... 1872 г. 2. 98 стр.

возможности унижить достоинство и значеніе православнаго богослуженія. Послѣднее, по ихъ мнѣнію, такъ жѣ не истинно, какъ не истинно и ученіе православной церкви; оно исполнено обрядовъ, но „обрядъ, какъ платье, ничего не значитъ“⁽¹⁾; наполненное обрядностію, оно чуждо тѣхъ благотворныхъ дѣйствій, какія будто бы присущи хлыстовско-скопческому богослуженію, а потому оно и недущеспасительно. Впрочемъ, нѣкоторые хлысты и скопцы дѣлаютъ въ этомъ случаѣ уступку; они говорятъ, что хотя православная „церковная служба взята съ ихъ Божьяго дѣла, во попы не такъ ее отправляютъ“, какъ слѣдуетъ⁽²⁾.

Богослуженіе хлыстовъ и скопцовъ по своему составу не сложно. За исключеніемъ нѣкоторыхъ обрядовъ⁽³⁾, не многочисленныхъ по количеству и ничтожныхъ по важности, весь составъ его опредѣляется слѣдующими тремя дѣйствіями: круженіемъ, пророчествомъ и пѣніемъ духовныхъ распѣвцовъ. Такъ какъ круженіе, пророчество и пѣніе духовныхъ распѣвцовъ, по взгляду самихъ хлыстовъ и скопцовъ, суть главнѣйшія и существеннѣйшія части въ составѣ ихъ богослуженія, какъ восходящія по своему происхожденію будто бы ко временамъ апостольскимъ, и такъ какъ эти дѣйствія въ богослуженіи хлыстовъ и скопцовъ, дѣйствительно, играютъ важную роль и входятъ въ каждый видъ богослуженія, какъ необходимыя его части, то предварительнаго изслѣдованія различныхъ формъ хлыстовско-скопческаго богослуженія мы считаемъ необходимымъ рассмотретьъ каждое изъ названныхъ дѣйствій въ отдѣльности.

⁽¹⁾ Отеч. Зап. 1867 г. № 10. 609—610 стр.

⁽²⁾ Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 305 стр.

⁽³⁾ О нихъ мы скажемъ при описаніи различныхъ формъ хлыстовско-скопческаго богослуженія.

а) Круженіе и бѣганье.

Круженіе и бѣганье на хлыстовско - скопческомъ языкѣ носитъ специальное названіе „радѣнія“⁽¹⁾. Такъ называютъ хлысты и скопцы свое круженіе и бѣганье потому, что, они по словамъ свящ. Сергѣева, при исполненіи этихъ дѣйствій „яко бы кружатся, радѣютъ Богу и себѣ, Богу работаютъ и свои грѣхи омываютъ“⁽²⁾. Кромѣ этого наименованія круженіе и бѣганье у хлыстовъ и скопцовъ называются и другими именами, выражающими ту же самую мысль; таковы названія ихъ „дѣломъ Божиимъ“⁽³⁾ и Божіею работою“⁽⁴⁾. Желая выразить внутреннія дѣйствія, происходящія отъ круженія и бѣганья, хлысты и скопцы называютъ послѣднія „пиромъ духовнымъ, чувствительнымъ“ и, восхваляя его, они нерѣдко приговариваютъ: „то - то пивушко то; человекъ - де плотскими устами не пьетъ, а пьянъ живетъ“⁽⁵⁾. Въ этомъ же смыслѣ хлысты и скопцы иногда называютъ свое круженіе и бѣганье „духовною банею“⁽⁶⁾ и „банею пакибытія“⁽⁷⁾. Имѣя въ виду, наконецъ, показать трудность, съ какого производится круженіе и бѣганье, они называютъ ихъ „работою израильскою“⁽⁸⁾.—Круженіе и бѣганье хлыстовъ и скопцовъ по различію формъ, въ какихъ они выражаются, бываютъ различны. Такимъ образомъ, существуетъ круженія и бѣганья:

(1) Добротворскій—№№ 34. 137 стр., 42. 166 стр. Барсовъ— № 102. 152 стр. Чтен. 1873 г. 1. Пѣсня № 49, 118 стр.

(2) Чтен. въ общ. вѣд. 1874 г. 3. 70 стр.

(3) Тамъ же. 1872 г. 3. 305 стр.

(4) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 93 стр.

(5) Чтен. въ общ. вѣд. 1874 г. 3. 70 стр. Барсовъ — № 33. 52—53 стр.

(6) Чтен. въ общ. вѣд. 1872 г. 3. 305 стр.

(7) Тамъ же. 1873 г. 1. 133 стр.

(8) Сбѣрн. Кельс. Ш. 154 стр.

1) *Одиночно*, состоящее въ томъ, что нѣкоторые изъ сектантовъ и, преимущественно изъ пророчествующихъ (¹), начинаютъ, каждый особо, вертѣться на пяткѣ правой ноги, опираясь нѣсколько въ полъ лѣвою (²). При совершеніи этой формы круженія наблюдается, чтобы круженіе совершалось съ лѣва на право, т. е. по солнцу (³), чтобы вертящійся не измѣнялъ своего положенія въ пространствѣ (⁴), чтобы онъ, далѣе, наблюдалъ такъ (⁵), который въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ, даютъ пѣвчіе—и чтобы, наконецъ, скорость оборотовъ, совершаемыхъ вертящимся, возрастала прогрессивно отъ меньшаго количества ихъ до возможно большаго (⁶). По свидѣтельству свящ. Сергѣева, нѣкоторые при исполненіи этой формы радѣнія кружатся такъ быстро, что „и глазъ ихъ невидно: волосы на головѣ поднимаются вверхъ, на мужчинахъ рубахи, на женщинахъ платья раздуваются какъ трубы и происходитъ вихрь“ (⁷), такъ что, по справедливому замѣчанію архимандрита Досиѣея, „машинально вертящійся столбъ“, образующійся при этомъ, „для наблюдательнаго взора представляетъ весьма странное и ужасное зрѣлище“ (⁸). Совершаемое большею частію въ началѣ богослуженія (⁹), одиночное радѣніе бываетъ непродолжительно и имѣетъ значеніе пріуготовительна-

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1874 г. 3. 69 стр.

(²) Сборн. Кельс. Ш. 150 стр. Чтен... 1872 г. 1. 151 стр. Есть, впрочемъ, одно показаніе, изъ котораго видно, что въ иныхъ корабляхъ вертятся на пяткѣ лѣвой ноги (Чт. 1872 г. 2. 127 стр.), но такой образъ совершенія одиночнаго радѣнія, вслѣдствіе физическаго неудобства его, составляетъ рѣдкое исключеніе.

(³) Чтен. въ общ. ист.. 1872 г. 1. 151 стр.

(⁴) Тамъ же. 1874 г. 3. 69 стр.

(⁵) Тамъ же, 1872 г. 1. 152 стр.

(⁶) Сборн. Кельс. Ш. 150 стр.

(⁷) Чтен. въ общ. ист... 1874 г. 3. 69—70 стр.

(⁸) Тамъ же, 1872 г. 1. 151 стр.

(⁹) Сборн. Кельс. Ш. 151 стр.

го дѣйствія къ совершенію другихъ, болѣе сложныхъ, формъ радѣнія. Впрочемъ, кромѣ этого своего употребленія, такъ сказать специфическаго, одиночное радѣніе входитъ, какъ увидимъ, въ „круговое радѣніе“, какъ его составная часть.

2) *Въ схватку*, составляющее отчасти повтореніе одиночнаго радѣнія. Обыкновенно, двое (большею частію мужчина и женщина) обоймутся и начинаютъ кружиться,—только уже не на одномъ мѣстѣ, какъ происходитъ въ одиночномъ радѣніи, а по всему пространству моленной комнаты (¹). Такимъ образомъ, радѣніе „въ схватку“ по образу совершенія нѣсколько походитъ на танецъ обыкновеннаго галопа.

3) *Стѣнкой* или *стѣночной*. Составляется кругъ; каждый членъ послѣдняго долженъ стоять бокомъ по отношенію къ двумъ своимъ противоположнымъ сосѣдямъ. Составленный такимъ образомъ кругъ начинаетъ скорое круговое скаканіе по комнатѣ, строго наблюдая при этомъ, чтобы прыжки дѣлались всѣми, составляющими кругъ, одновременно и при томъ непрерывно обѣими ногами разомъ; маханіе руками должно сопровождать каждый новый прыжекъ (²).

4) *Корабельное* или *Давидово*. Составляется такой же кругъ, но такъ, что каждый членъ его обращается лицомъ къ затылку другаго, стоящаго впереди. Быстрое бѣганье другъ за другомъ къ кругообразномъ посолонномъ направленіи открываетъ совершеніе этой формы радѣнія. Во все время бѣганія сектанты сильно топаютъ ногами въ одинъ шагъ, машутъ руками, стараясь при этомъ дышать по воз-

(¹) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 93 стр.

(²) Чт. въ общ. ист... 1862 г. 3. 296 стр. У свящ. Сергіева «круговое» радѣніе несправедливо названо радѣніемъ «въ стѣнку»; вслѣдствіе этого и описаніе послѣдняго у него представлено иначе, чѣмъ какъ мы описали, основываясь на показаніи Андреянова (Чт. 1874 г. 3. 70 стр.). Тоже самое смѣшеніе двухъ радѣній замѣтно у Мельникова (Чт. 1873 г. 4. 109 стр.) и у Надеждина (Сборн. Кельс. Ш. 150—1 стр.).

возможности сильнѣе и отрывистѣе. Скорость бѣганія усиливается, когда они, по словамъ Андреянова, „почувствуютъ въ себѣ Духъ“; въ это время скорость ихъ бѣганія равняется „скорости коней бѣгушихъ рысью“ (¹). Набѣгавшись другъ за другомъ до совершенной усталости, хлысты и скопцы останавливаются, моментально оборачиваются другъ къ другу лицомъ и начинаютъ прыгать на пальцахъ своихъ ногъ, „приподымаясь“ въ тоже время „немного вверхъ по солнцу“ (²), т. е. вѣроятно по направленію отъ сѣвера къ западу, отъ запада на югъ и т. д., какъ объяснено въ показаніи другаго хлыста (³). Финалъ корабельнаго радѣнія ужасный по своимъ дѣйствіямъ. Иные сектанты въ порывѣ бѣшенства „брали, по показанію Осипова на дѣйствіи 1747 г., обухи, а другіе завернутыя въ тряпицы пушечныя ядра (⁴) и били себя по спинамъ, приговаривая: сокрушайся моя плоть“ (⁵); нѣкоторые же, какъ открыло тоже слѣдствіе, буквально рубились ножами (⁶).

5) *Круговое* или *хороводное*. Становятся въ рядъ отъ передней къ задней стѣнѣ: топая ногами и махая руками, хлысты и скопцы быстро бѣгаютъ другъ за другомъ; поворачиваясь у каждой противоположной стѣны, т. е. передней и задней по солнцу; набѣгавшись такимъ образомъ до усталости, всѣ разомъ останавливаются, отдыхаютъ и приступаютъ затѣмъ къ радѣнію „на кругу“ въ собственномъ смыслѣ. Такъ описываетъ начало круговаго радѣнія Андреяновъ (⁷).

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 296 стр.

(²) Тамъ же, 1. 96 стр.

(³) Добротворскій—48 стр.

(⁴) Въ рукахъ слѣдственной комиссіи находились два такихъ ядра, изъ которыхъ въ одномъ было 8 фун. вѣсу, а въ другомъ—9 фунт. Оба ядра были окровавлены (Суд.-мед. изслѣд. скопч. 115 стр.).

(⁵) Судеб.-мед. изслѣд. скопч. 118 стр.

(⁶) Тамъ же, 115 стр.

(⁷) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 296 стр.

У г. Добротворскаго описаніе его представлено иначе. По словамъ Добротворскаго, „мужчины... составляютъ кругъ, становясь другъ подлѣ друга, подобно хоровамъ престолюдиновъ. Около круга мужчинъ составляетя кругъ женщинъ.... Тѣ и другія ходятъ кругомъ другъ за другомъ.... Набѣгавшись...., круги оставливаются и нѣсколько отдыхаютъ, чтобы съ новой силой начать собственно круговое радѣніе“⁽¹⁾. По отсутствію другихъ источниковъ, на основаніи которыхъ можно было бы провѣрить эти два различныя описанія дѣйствія, предваряющаго круговое радѣніе, мы съ своей стороны не можемъ сказать ничего ни за ни противъ каждаго изъ этихъ описаній, полагая, что въ однихъ корабляхъ означенное дѣйствіе производится по описанію Андреянова, въ другихъ же— по описанію Добротворскаго. — Собственно круговое радѣніе, къ которому хлысты и скопцы предварительно приготовляются такъ или иначе, есть не что иное какъ повтореніе извѣстнаго уже намъ одиночнаго радѣнія съ тѣмъ, однако, громаднымъ различіемъ, что послѣднее производится двумя, тремя человеками, первое же всею массою участвующихъ въ радѣніи, т. е. 10, 15 и 20 человеками въ разъ. Начинается круговое радѣніе такъ: по словамъ Андреянова, всѣ, сдѣлавши въ разъ оборотъ у стѣны по солнцу, начинаютъ кружиться⁽²⁾; по словамъ Добротворскаго, „не разстраивая прежнихъ круговъ, начинаетъ вертѣться каждый по одиночкѣ, мужчины въ правую сторону, а женщины въ лѣвую“⁽³⁾. Зрѣлище, какое представляютъ при круговомъ радѣніи бѣлыя, вертящіяся, какъ жерновъ, фигуры, по свидѣтельству очевидцевъ, въ высшей степени поразительное, даже нѣкоторымъ образомъ страшное. По словамъ свящ. Сергѣева, хлысты при этомъ общемъ круженіи „вся-

⁽¹⁾ Люди божіи—46 стр.

⁽²⁾ Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 296 стр.

⁽³⁾ Люди божіи. 46 стр.

чески дурачатся и бѣсятся: иные изъ нихъ трясутся, кривляются, ломаются какъ бѣсноватые; другіе топаютъ ногами, присѣдаютъ къ землѣ и вдругъ какъ неистовые вскрикиваютъ, вспрыгиваютъ, приходятъ въ энтузіазмъ, нѣчто пересказываютъ и говорятъ иными языками, а какими—татарскими-ли, тарабарскими-ли, думаю, и сами не понимаютъ, колыми паче другіе ни одного слова не знаютъ, да и понимать нечего“ (¹). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Сергѣевъ замѣчаетъ, что хлысты во время этого общаго неистовства, производятъ гоготанье, и какой то необычный тихій свистъ, повторяя безпрестанно: ой духъ! ой духъ! ой духъ! ой духъ! ой Богъ! ой Богъ! ой Богъ! Царь Богъ! Царь Богъ! Царь Богъ! Царь Духъ! Царь Духъ! Царь Духъ! а иные: о Ега! о Ега! о Ега!, чѣмъ наводятъ на слушателей нѣкоторый ужасъ“ (²). Въ такомъ же смыслѣ описываетъ впечатлѣніе свое и Преображенцевъ, имѣвшій возможность наблюдать долгое время совершеніе круговаго радѣнія. По его словамъ, еслибъ можно было постороннимъ людямъ видѣть сіе религіозное богослуженіе (круговое радѣніе) сектантовъ, то каждый съ удивленіемъ и нѣкоторымъ страхомъ сказалъ бы, что происходитъ какая-то странная и нелѣпая комедія дикихъ народовъ, похожая болѣе на бѣшенство, противное благочинію религіи какой бы то ни было вѣры“ (³). По продолжительности круговое радѣніе есть одно изъ длиннѣйшихъ. Оно продолжается до тѣхъ поръ, пока силы работающихъ окончательно не истощатся; обезсиленные они падаютъ на землю, будучи бѣлыми по лицу, какъ полотно. Рубашки взмокаютъ, такъ что ихъ необходимо бываетъ выжимать и нѣкоторые, сдѣлавши эту послѣднюю операцію, снова продолжаютъ

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1874 г. 3. 71 стр.

(²) Тамъ же, 70 стр.

(³) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 20. 211 стр.

неистовое круженіе. Поту въ это время образуется такъ много, что, по замѣчанію Сергѣева, становится необходимымъ подтирать его ветошками“ (¹).

Во всѣхъ описанныхъ нами до сихъ поръ формахъ радѣнія преобладаетъ круженіе въ такомъ или иномъ его видѣ. Въ слѣдующихъ трехъ формахъ радѣнія вмѣсто круженія хлысты и скопцы бѣгаютъ только по прямому направленію.

6) *Въ расходку*, иначе называемое *крестное* или *Петровъ крестъ*. Четыре, шесть, восемь и болѣе человекъ становятся крестообразно и перебѣгаютъ въ противоположныя стороны; перебѣгши съ одной стороны на другую, снова начинаютъ тоже дѣйствіе въ обратномъ порядкѣ (²).

7) *Ткать цвѣты и ленточки*. Три человека становятся противъ другихъ трехъ и перебѣгаютъ промежъ другъ друга съ одной стороны на другую (³). Кажется, имѣя въ виду эту форму радѣнія, архимандритъ Досиѣей далъ ей названіе „экосеза“ — танца, употреблявшагося въ его время (⁴).

и 8) *Уголышкомъ*. Въ каждомъ углу моленной комнаты становятся по одному, по два, по три человека и болѣе: всѣ въ одинъ разъ перебѣгаютъ изъ одного угла въ другой, немного постоятъ, потрясутся и снова бѣгутъ обратно (⁵).

Трудно опредѣлить, исчерпывается ли описанными формами хлыстовско-скопческаго радѣнія все разно-

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1874 г. 3. 70 стр. 1872 г. 1. 152 стр.

(²) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17, 93 стр. Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. 96 стр. Сборн. Кельс. Ш. 151 стр. У Сергѣева эта форма радѣнія представлена своеобразно и къ тому же слишкомъ обще, такъ что и понять ее весьма трудно (Чт. 1874 г. 3. 71 стр.).

(³) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17, 93 стр.

(⁴) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. 152 стр.

(⁵) Тул. Еп. Вѣд. № 17, 93 стр., Добротворскій—48—49 стр., у Андреянова (Чтен. 1872 г. 3. 296 стр.) и др. Это радѣніе хотя описывается также, но оно названо у нихъ «крестнымъ» и, кажется, несправедливо.

образіе послѣдняго. Принимая, однако, во вниманіе то обстоятельство, что всѣ описанные нами формы хлыстовско-скопческаго радѣнія поражаютъ крайнимъ своимъ однообразіемъ, можно съ вѣроятностію предполагать о такомъ же однообразіи и другихъ, неизвѣстныхъ намъ доселѣ, формахъ радѣнія, если бы послѣднія, дѣйствительно, существовали. Порядокъ, въ какомъ слѣдуетъ исполненіе каждой изъ описанныхъ формъ радѣнія, безусловно зависитъ „отъ произвола и распоряженія“ кормщика и кормщицы корабля⁽¹⁾; ими же опредѣляется выборъ той или другой формы радѣнія съ обращеніемъ въ этомъ случаѣ особеннаго вниманія на искусство радѣльщиковъ, ихъ число, а равно и на устройство и пространство моленной комнаты. Если число радѣльщиковъ незначительно или искусство ихъ слабо, то ограничиваются простѣйшими формами радѣнія; напротивъ, если число ихъ слишкомъ велико и всѣ они обладаютъ большимъ искусствомъ, то производятъ всѣ формы радѣнія и притомъ или всѣ разомъ (исключая, конечно, избранныхъ пѣвчихъ), или же раздѣляются на двѣ равныя половины, соображаясь въ томъ и другомъ случаѣ съ пространствомъ моленной комнаты⁽²⁾. Замѣчается, впрочемъ, что хлысты и скопцы особенно уважаютъ два радѣнія: круговое и корабельное⁽³⁾. О первомъ изъ нихъ они говорятъ, что если кто не участвуетъ въ его совершеніи, въ того „и благодать не вселится“⁽⁴⁾. Кромѣ того по свидѣтельству Преображенцева, хлысты и преимущественно молодые мужчины и женщины уважаютъ также радѣніе въ „схватку“, даже добиваются послѣдняго, такъ что въ иныхъ корабляхъ

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. 152 стр. Доброворскій—49 стр.

(2) Тамъ же, 2. 127—128 стр.

(3) Тамъ же, 3. 297 стр.

(4) Тамъ же, 296 стр.

положительно воспрещаютъ эту форму радѣнія справедливо подозрѣвая присутствіе вовсе не религіозно-нравственныхъ мотивовъ у молодыхъ людей, избирающихъ этотъ видъ радѣнія (¹).

Значеніе радѣній въ религіозной жизни хлыстовъ и скопцовъ весьма велико. Они не только составляютъ основу хлыстовско-скопческаго культа, но и вмѣстѣ фундаментъ, на которомъ зиждется все благосостояніе обѣихъ сектъ, ихъ настоящее и будущее процвѣтаніе. Поэтому не удивительно, что хлысты и скопцы замѣчательно упорствуютъ въ отстаиваніи правъ существованія своихъ радѣній, какъ не удивительно и то, что обнаруживаютъ необыкновенную привязанность къ послѣднимъ. По искреннимъ словамъ обратившагося изъ секты хлыстовъ Преображенцева, хлысты, а за ними, конечно, и скопцы. „всему на свѣтѣ предпочитаютъ свою плясовую молитву... Оставить свое радѣніе они ни въ какомъ случаѣ не могутъ; они не могутъ разстаться съ милой своей радостной благодатью, которая возбуждается въ нихъ посредствомъ радѣнія; безъ сей фанатической радости секта ихъ ничтожна, мало бы она имѣла приверженцевъ“ (²).— Необыкновенной привязанности хлыстовъ и скопцовъ къ своимъ радѣніямъ вполне соответствуетъ страстное, неудержимо-порывистое ихъ стремленіе на радѣнія, обнаруживаемое ими каждый разъ, какъ только представится случай присутствовать во время богослужбныхъ собраній. Вотъ какъ описывается сила этого стремленія на радѣнія въ одномъ распѣвцѣ:

„Тошнымъ мнѣ было тошнешенько,
Грустнымъ мнѣ было грустнешенько;
Мое сердце растоскуется,
Мнѣ къ батюшкѣ въ гости хочется.
Пойду млада“....;

(¹) Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 7. 234 стр. и 1869 г. № 20. 246 стр.

(²) Тамъ же. 1869 г. № 20. 244 стр.

но тутъ встрѣчаются неодолимыя препятствія: на пути рѣки быстрья, нѣтъ ни мостовъ, ни перевозчиковъ. Между тѣмъ, „сердце тоскуетъ, сердечный ключъ поднимается“, такъ вотъ и хочется „съ вѣрными повидаться, съ любезными побесѣдовать“⁽¹⁾. Въ такомъ же духѣ описываетъ стремленіе хлыстовъ на радѣнія и упомянутый нами Преображенцевъ. По его словамъ, сектантовъ „не удерживаетъ никакая бурная погода, ѣдутъ за 20, за 30 верстъ и болѣе, радуются, что Богъ послалъ погоду, которая благопріятствуетъ имъ радѣть въ богомольномъ домѣ, сколько душъ угодно“.... Послѣ долгихъ блужданій въ бурную зимнюю ночь „они не о томъ толкуютъ, что могли погибнуть въ полѣ, забитые снѣгомъ, не о томъ тужать, что отъ холода заоченѣли, а о томъ, что не удалось имъ принять участіе въ привольномъ пѣніи и радѣніи“⁽²⁾.

Мы уже отчасти видѣли, что хлысты и скопцы свое круженіе и бѣганье основываютъ на примѣрѣ и заповѣди апостоловъ. Независимо отъ этого основанія тѣ и другіе, въ оправданіе своихъ религіозныхъ неистовствъ, приводятъ нѣсколько и другихъ основаній, вполнѣ доказывающихъ будто бы законность и разумность употребленія при богослуженіи молитвы въ формѣ такого или иного круженія, такого или иного бѣганья. По мнѣнію хлыстовъ и скопцовъ, на небѣ, въ жилищахъ праведныхъ людей—ангеловъ и архангеловъ, существуютъ такія же радѣнія, какія и здѣсь на землѣ; тамъ существуютъ также и радѣльные круги; съ послѣднихъ-то, говорятъ сектанты, и слетѣлъ архангелъ Гавріиль для благовѣщенія Пресвятой Дѣвѣ о зачатіи Ею Иисуса Христа, какъ и поется

(1) Добротворскій—Пѣсн. № 74, 193. См. также № 75, 192;—193, гдѣ препятствіемъ является мѣтель, которая „замяталила все пути дороженьки“, такъ что „нельзя проѣхать къ родичному батюнкѣ, къ небесному царю“, т. е. быть въ соборѣ.

(2) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 20. 244 и 245 стр.

объ этомъ въ одной церковной стихирѣ (¹). Поэтому, продолжаютъ хлысты и скопцы, кружась и бѣгая во время богослужбныхъ собраний, они тѣмъ самымъ уподобляются ангеламъ, „парящимъ вокругъ престола Божія“, а махая руками, они воспроизводятъ въ натурѣ „мановеніе крыль ангельскихъ“ (²). Вообще же, по словамъ одной скопчихи, пляска, которую сопровождаетъ богомоліе скопцовъ, знаменуетъ собою „веселіе ангеловъ и архангеловъ“ (³). Въ частности, относительно происхожденія корабельнаго радѣнія, одни хлысты и скопцы указываютъ на примѣръ царя и пророка Давида, который по выраженію хлыстовско-скопческой пѣсни, „съ ковчегомъ скакаше, играя“ (⁴); другіе ссылаются въ этомъ случаѣ на извѣстное евангельское повѣствованіе о плаваніи Иисуса Христа съ учениками на „кораблѣ“, не объясняя, впрочемъ, этой замѣчательно своеобразной аналогіи между двумя столь разнородными явленіями (⁵). Въ объясненіе же происхожденія круговаго радѣнія тѣ и другіе единогласно указываютъ на извѣстную уже намъ картину „Истинное изображеніе покаянія“, какъ на древѣйшій будто бы письменный памятникъ этого радѣнія (⁶). Само собою очевидно, что всѣ эти и подобныя имъ объясненія хлыстами и скопцами происхожденія своихъ радѣній въ высшей степени неудачны и достойны только смѣха. Сами хлысты и скопцы понимаютъ неудачу своихъ объясненій, а потому не особенно и отстаиваютъ послѣднія. По ихъ мнѣнію, радѣніе имѣетъ болѣе глубокое основаніе для своего существованія; это основаніе таится въ немъ самомъ,

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. 75 стр.

(²) Сборн. Кельс. Ш. 154 стр.

(³) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 158 стр.

(⁴) Рус. Вѣстн. 1869 г. 3. 375 стр. Добротворскій—48 стр.

(⁵) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 158—159 стр.

(⁶) Тамъ же, 1873 г. 1. 137—138 стр. Добротворскій—47 стр.

въ его религіозно-нравственномъ значеніи для чело-
вѣка. Въ одной пѣсни говорится, что совершеніе радѣній есть „исполненіе завета,—закона не простаго, но трудового и слезоваго“. Въ „божій домъ“, говорится далѣе, собираются „друзки во свѣты божіи кружки“ для того, чтобы „Бога пѣть-воспѣвать, грѣшныя плоти умерщвлять и души къ небу обращать“ (¹). Такимъ образомъ, радѣніе, судя по смыслу приведенной нами пѣсни, имѣетъ тройкое религіозно-нравственное значеніе. Радѣніе, во-первыхъ, есть пріятная служба Богу: оно, по словамъ пѣсни, „Христа Бога утѣшаетъ и Матерь Богородицу радуется“ (²). Далѣе, во-вторыхъ, радѣніе весьма важное орудіе противъ тѣла; имъ легче и удобнѣе поразить „злаго змѣя“, таящагося внутри организма (³). Имѣя въ виду эту послѣднюю цѣль, пророкъ въ порывѣ религіозной восторженности, въ самый разгаръ „божіей работы“, обыкновенно призываетъ радѣльщиковъ еще къ большому проявленію фанатизма словами:

„Ужь вы, дѣтушки мои,
Порадѣйте для меня,
Бога ради порадѣйте!
Не жалѣйте вы плотей,
Тѣхъ нечистыхъ свиней!
Ради Бога порадѣйте,
Своимъ потомъ облейте
Матушку сыру землю!...
Вы Марію позовите,
Грѣшну Мароу прогоните“ (⁴)!

Наконецъ, въ-третьихъ, радѣніе особенно плодотворно для внутренняго существа чело-
вѣка, для его души. Во время радѣнія, говорятъ хлысты и скопцы, болѣе, чѣмъ когда либо, представляется чело-
вѣку

(¹) Чтен. въ общ. вѣст... 1873 г. 1. № 25. 97—98 стр.

(²) Добротворскій—Пѣсн. № 35, 159.

(³) Барсовъ. № 102, 152—153.

(⁴) Чтен. въ общ. вѣст... 1873 г. 1. Пѣсн. № 49. 117—118.

возможность „пролить горькія слезы, печали Господу открыть“ (1), „походить, погулять, поуѣшиться и святымъ полнымъ духомъ поуѣриться“ (2). Здѣсь-то, при радѣніи, человекъ какъ бы забываетъ все земное; все его мысли и чувства устремляются къ міру ру горнему; онъ какъ бы желаетъ всей своей „душей въ небо улетѣть“ и оттуда „птицу райскую сманить“ т. е. привлечь къ себѣ благодать Святаго Духа (3).

Тройкое религіозно-нравственное значеніе радѣнія, усвоенное ему хлыстами и скопцами, есть, очевидно, иллюзія или же маска, сознательно выдуманная хлыстами и скопцами для объясненія своихъ религіозныхъ неистовствъ. Правда, радѣніе, какъ всякій вообще сильный физическій моціонъ, можетъ возбуждать въ организмѣ нѣкоторую пріятную усталость, аппетитъ и проч., но отсюда еще далеко до прогнанія изъ него „злаго змѣя“, т. е. грѣховныхъ пожеланій, и, слѣдовательно, далеко вообще отъ религіозно-нравственнаго значенія радѣній. Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, что этотъ „злой змѣй“ не только ни мало не изгоняется изъ человѣческаго организма посредствомъ радѣнія, но послѣднее, благодаря обстановкѣ, среди которой оно совершается, даже еще болѣе возбуждаетъ и усиливаетъ грубыя проявленія „злаго змѣя“. Очевидно, такимъ образомъ, что происхожденіе хлыстовско-скопческаго радѣнія и значеніе послѣдняго въ религіозной жизни сектантовъ остаются неразрѣшенными. Этихъ вопросовъ не объясняютъ и не могутъ объяснить ни историко-догматическія измышленія хлыстовъ и скопцовъ, ни выдуманное ими пресловутое религіозно-нравственное значеніе радѣній. Равнымъ образомъ, эти измышленія хлыстовъ и скопцовъ не объясняютъ и не могутъ объяснить и тѣхъ

(1) Барсовъ. № 6. 8 стр.

(2) Тамъ же. № 7. 9 стр.

(3) Тамъ же. № 21. 34 стр.

страстныхъ порывовъ, съ какими вообще они стремятся на свои радѣнія, какъ не объясняютъ вполне эти измышленія и того, поистинѣ замѣчательнаго и достойнаго удивленія, фанатизма, съ какимъ хлысты и скопцы совергаютъ свое круженіе и бѣганье. Г. Андреевъ, объясняя факты необыкновеннаго стремленія хлыстовъ и скопцовъ на радѣнія и крайнее ихъ увлеченіе послѣдними, полагаетъ „почти несомнѣннымъ“, что въ большинствѣ случаевъ причащеніе разнаго рода калачиками, кусочками бѣлаго и чернаго хлѣба и т. д. служило у хлыстовъ и скопцовъ вмѣстѣ и средствомъ „давать возбуждающія средства“. По его словамъ, „какъ баядеркѣ въ Алжирѣ надобно надыхаться ладана изъ курительницы, чтобы придти въ восторженное настроеніе, такъ радѣніе хлыстовъ и скопцовъ едва ли могло бы совершаться такъ дружно и одновременно безъ приѣма возбуждающихъ средствъ,“ (какими онъ считаетъ названное причащеніе) (1). Намъ кажется, что такое предположеніе г. Андреева, хотя и осторожное по формѣ выраженія, требуетъ, однако, для себя аргументаціи, чтобы оно могло считаться болѣе или менѣе основательнымъ. Кромѣ того, это предположеніе совершенно излишне въ данномъ случаѣ, такъ какъ въ самомъ актѣ хлыстовско-скопческаго радѣнія и обстоятельствахъ его сопровождающихъ заключается достаточное объясненіе его привлекательности для человѣка, а равно и нѣкоторой мапинальности его совершенія, имѣющей мѣсто впоследствии; въ самомъ же актѣ хлыстовско-скопческаго радѣнія, безъ сомнѣнія, нужно искать объясненія и того мнимаго религіозно-нравственнаго его значенія, какое усвояютъ ему хлысты и скопцы.

Хлыстовско-скопческое радѣніе, очевидно, есть такое же искусство, какъ искусство фехтованія, гим-

(1) Расколъ и его значеніе въ народ. русск. исторіи. Сиб. 1870 г. 379 стр.

настилки, танцевъ и т. д. Этому искусству хлысты и скопцы первоначально учатся или, какъ говоритъ Андреяновъ, „ненавыкшаго вертѣтся по кругу навыйшій беретъ подъ руки, и оба вмѣстѣ проворно вертятся на одномъ мѣстѣ, а послѣ ненавыкшій уже и одинъ вертится..... и старается, чтобы также, какъ прочіе, успѣть въ дѣлѣ ономъ“ (¹); тѣхъ же, которые не оказываютъ успѣха въ этомъ искусствѣ, „укоряютъ и понуждаютъ“ (²). По своему характеру искусство радѣнія относится къ разряду усиленныхъ тѣлодвиженій. Но все вообще усиленныя тѣлодвиженія въ формѣ ли верховой ѣзды или фехтованія, гимнастики или танцевъ и пр. свойственны всемъ людямъ и одинаково производятъ почти на всехъ здоровыхъ людей пріятное и благотворное дѣйствіе. Явленіе это, конечно, замѣчательное, но трудно объяснимое. „Во время самаго совершенія этихъ (усиленныхъ) движеній, говоритъ Пеликанъ, вся нервная система находится въ состояніи пріятнаго возбужденія, за которымъ, по окончаніи ихъ, начинается моментъ утомленія, сопряженнаго съ чувствомъ внутренняго благосостоянія въ тѣлѣ“ (³). Понятно, чувство тѣлеснаго благосостоянія и нѣкотораго пріятнаго возбужденія, сопровождающее все вообще усиленныя тѣлодвиженія, должно быть не чуждо и хлыстовско-скопческому радѣнію, какъ одному изъ видовъ этихъ движеній. По сознанію самихъ хлыстовъ и скопцовъ, на первыхъ же порахъ своего круженія и бѣганья они ощущаютъ внутреннюю радость, бываютъ веселы и чувствуютъ въ себѣ непреодолимую охоту продолжать далѣе свое круженіе и бѣганье (⁴). Здѣсь, такимъ

(¹) Чтен. въ общ. ист. 1872 г. 2. 161 стр.

(²) Тамъ же. 159 стр.

(³) Суд.-мед. изслѣд. скопч. 102 стр.

(⁴) Мужчины и женщины, говоритъ Андреяновъ, «имѣютъ къ радѣнію большую охоту и чувствуютъ въ сердцѣ радость». Чт. въ общ. ист. 1872 г. 3. 296 стр. См. также 313 стр. Ист. Мян. внут. дѣл. УШ т. 502 стр.

образомъ, въ этихъ элементарныхъ, такъ сказать, внутреннихъ пріятныхъ ощущеніяхъ, какъ намъ кажется, скрывается зародышъ привлекательности радѣній, который при благопріятныхъ условіяхъ можетъ получить дальнѣйшее развитіе. На сколько, въ самомъ дѣлѣ, эти элементарныя пріятныя ощущенія, получаемыя отъ радѣнія, побуждаютъ человѣка, разъ испытавшаго ихъ, къ новому воспроизведенію ихъ въ себѣ, показываетъ слѣдующій примѣръ. Одинъ помѣщикъ зарайскаго уѣзда, рязанской губерніи, будучи приглашенъ на богослуженіе хлыстовъ, до того пораженъ былъ ихъ радѣніемъ, что едва не впалъ въ обморокъ и оно показалось ему чистымъ съумасшествіемъ. При вторичномъ посѣщеніи богослужебнаго собранія хлыстовъ этотъ помѣщикъ рѣшился самъ испытать на себѣ дѣйствіе „божіей работы“. Съ самаго же начала она произвела на него пріятное дѣйствіе; онъ даже пристрастился къ ней такъ, что „во всю свою жизнь, рассказываетъ Преображенцевъ, ежедневно упражнялся въ мнимой духовной работѣ царя Давида. Любимое его радѣніе было такъ назыв. „въ расходку“; оно замѣняло ему моленіе; онъ вставши отъ сна, пилъ чай, потомъ запирался въ своей верхней свѣтлицѣ, часъ и болѣе упражнялся въ радѣніи, которое знаменовало его утреннюю молитву. Въ лѣтнее время онъ производилъ эту „божію работу“ нерѣдко въ оврагѣ, называемомъ Зудень, въ вершинѣ коего облюбилъ глубокой небольшой овражекъ, гдѣ радѣніемъ его была протоптана дорожка“ (1)....

Пріятное само по себѣ, по своей, такъ сказать, природѣ, и потому совершаемое каждымъ человѣкомъ охотно и безъ принужденія, усиленное тѣлодвиженіе можетъ развиваться въ своей силѣ и подъ вліяніемъ постороннихъ обстоятельствъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ имѣть громадное, неотразимое зна-

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 6, 202 стр. и № 7, 228 стр.

ченію, опредѣляя самый характеръ его. Справедливость послѣдняго положенія становится особенно очевидно при наблюденіи за исполненіемъ разныхъ танцевъ. Каждому извѣстно, что танцы отличаются вялостію, чужды оживленности и быстроты движеній, если во 1-хъ мало танцующихъ, во 2-хъ нѣтъ музыки и въ 3-хъ отсутствуетъ какой либо полъ. Напротивъ, они отличаются оживленностію и совершаются съ необыкновенною стремительностію, если названныя условія обратны; при этомъ, чѣмъ благопріятнѣе для танцующихъ эти условія, тѣмъ танцы оживленнѣе и быстрѣе. Обращаясь теперь къ хлыстовско-скопческимъ радѣніямъ, которыя имѣютъ весьма близкое сходство съ танцами и даже составляютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ простое видоизмѣненіе послѣднихъ, нельзя не замѣтить въ исполненіи ихъ сильнаго и могущественнаго вліянія трехъ названныхъ условій. Радѣнія, какъ и танцы, получаютъ характеръ оживленности, совершаются быстро и неистово, когда собраніе многолюдно, пѣніе распѣвцовъ, замѣняющее музыку, громко и складно и масса присутствующихъ представляетъ двѣ равныя половины мужчинъ и женщинъ или, по крайней мѣрѣ, приблизительно равныя. О вліяніи первыхъ двухъ условій на образъ совершенія хлыстовско-скопческихъ радѣній нечего и говорить, такъ какъ это вліяніе болѣе или менѣе очевидно для cadaго; однако, нельзя сомнѣваться во вліяніи въ этомъ случаѣ и послѣдняго. Преображенцевъ передаетъ въ своей „Исповѣди“ весьма характерный фактъ, вполне подтверждающій, какъ намъ кажется, только что высказанное нами предположеніе. По разсказу Преображенцева, одинъ правитель корабля, желая предохранить своихъ подчиненныхъ отъ соблазновъ, приказалъ собираться въ соборъ для богомоленій каждому полу особо, по очереди. „Вотъ, разсказываетъ Преображенцевъ, и собрались одни братья въ соборъ для совершенія „святой бесѣды“.... Они радѣли пристально, надѣясь посредствомъ этой рабо-

ты божіей получить благодатную милость Св. Духа. Долго они упражнялись въ пѣніи и радѣніи, по лицу ихъ потъ катился градомъ, рубахи ихъ были мокры, хоть выжми; но сердце ихъ было хладно и сухо, духовной радости они не чувствовали, пророкъ пророчилъ вяло и нескладно. Также точно было и съ сестрами, когда онѣ бесѣдовали однѣ безъ братьевъ“.... Обстоятельство это побудило начальника корабля снова соединить братьевъ съ сестрами во время богослужебныхъ собраний и на первомъ же общемъ собраніи „Духъ Св. посѣтилъ общество обильною благодатію: явились радостные восторги, оказалась и теплота сердечная; пророки пророчили въ полной силѣ слова Божія, какъ бывало прежде“ ('). Такимъ образомъ, эротическія возбужденія въ радѣніи хлыстовъ и скопцовъ и особенно первыхъ, играютъ весьма важную, даже преобладающую роль; они придаютъ радѣнію характеръ необыкновенной оживленности, воодушевляютъ радѣющихъ, экзальтируютъ ихъ, а чрезъ это, само собою, усиливаютъ круженіе и бѣганье.— Кромѣ трехъ названныхъ условий, вліяющихъ на характеръ совершенія радѣній, важное значеніе при этомъ имѣетъ и та религіозная идея, которою бываютъ воодушевлены радѣющіе, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ. Ложно убѣжденные въ томъ, что радѣніе пріятно Богу и полезно для души и тѣла, хлысты и скопцы естественно предаются ему со всѣмъ свойственнымъ имъ фанатизмомъ, думая, что чѣмъ быстрее и неистовѣе совершается радѣніе, тѣмъ оно пріятнѣе Богу и полезнѣе для человѣка. „По вступленіи въ божество т. е. въ общество хлыстовъ, говорила о себѣ одна хлыстовка, я старалась исполнять св. ученіе (секты); тогда я была покойна душою; мнѣ всегда было весело на бесѣдахъ, съ восторгомъ радостнымъ предавалась я пѣнію и радѣнію, какое

(') Тул. Еп. Вѣд. 1869 г № 20. 242 и 243 стр.

благодатное блаженство я чувствовала въ своемъ сердцѣ!“ (¹)...

Общій законъ, наблюдаемый при совершеиі всякаго вообще рода тѣлодвиженій, между прочимъ, тотъ, что извѣстное тѣлодвиженіе, много разъ повторяясь, наконецъ, заучивается и обращается въ простое механическое упражненіе, которое мало по малу становится необходимою привычкою субъекта, производившаго это движеніе. Отъ дѣйствія этаго общаго закона не освобождаются и хлыстовско-скопческія радѣнія. „Всего смѣшнѣе, говоритъ архимандритъ Досиѳей, какъ скопецъ и внѣ общаго собранія, напившись въ своей комнатѣ крѣпкаго чаю и почувствовавъ отъ него нѣкоторое услажденіе, какъ обыкновенно услаждаются отъ того женщины (?), вскакиваетъ съ мѣста и, воображая, что онъ воодушевленъ благодатію, прыгаетъ одинъ, припѣвая: „ай у насъ на Дону самъ спаситель во дому“ (²).... Такимъ образомъ, хлыстовско-скопческія радѣнія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ видахъ, въ своемъ крайнемъ развитіи походятъ на тѣ движенія неистовыхъ больныхъ, которыя совершаются послѣдними въ періодъ ихъ выздоровленія совершенно противъ воли и противъ желанія, а по приобрѣтенной ими ранѣ привычкѣ. Различіе въ данномъ случаѣ только то, что тогда какъ вращательныя движенія хлыстовъ и скопцовъ, по замѣчанію Пеликана, „отличаются своимъ образомъ“, движенія неистовыхъ больныхъ, напротивъ, „разнообразны и только при переходѣ неистовства въ неизлѣчимыя формы болѣзни они теряютъ это отличительное свойство“ (³).

Хотя, какъ замѣчено было впереди, хлыстовско-скопческія радѣнія по своему характеру относятся

(¹) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 24. 361 стр.

(²) Чтен. въ общ. вст... 1872 г. 1. 152 стр.

(³) Суд.-мед. изслѣд. скопц. 105 стр.

къ усиленнымъ вообще тѣлодвиженіямъ, но они болѣе подходятъ по своему совершенію къ группѣ вращательныхъ тѣлодвиженій. Всякое же усиленное вращательное телодвиженіе, какъ показываетъ опытъ, сначала совершается болѣе или менѣе спокойно, потомъ этотъ характеръ движенія мало по малу теряется: изъ спокойнаго и медленнаго движенія становится живымъ, совершается съ какою то неудержимою стремительностію и съ необыкновенною быстротою и достигаетъ, наконецъ, наивысшаго предѣла своего развитія. Въ этой фазѣ развитія усиленное вращательное движеніе, если оно не прекращается вслѣдствіе крайняго утомленія организма, совершенно теряетъ характеръ произвольности; оно, какъ говоритъ Пеликанъ, „не возбуждается болѣе ни идею, ни чувствомъ, и составляетъ простой рефлексъ, вызываемый различными ощущеніями, сопровождающими самый актъ вращенія“⁽¹⁾. Душевный міръ вращающагося субъекта совершенно измѣняется. Въ это время, по мнѣнію Пеликана, „психическое состояніе, въ которое приходятъ люди при этихъ движеніяхъ, можно сравнить только съ состояніемъ людей, находящихся подъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ или сильно одуряющихъ наркотическихъ веществъ“⁽²⁾. То радостное и веселое настроеніе души, которое испытывали хлысты и скопцы въ началѣ своихъ радѣній, теперь, естественно, смѣняется полнымъ восторгомъ и совершеннымъ самозабвеніемъ. По словамъ скопческой пророчицы Устиньи, она „долго непрерывно радѣвши, не имѣла усталости и была какъ бы внѣ себя“⁽³⁾. По сознанію хлыстовъ Никифора Майданскаго, Федора Павлова и др., они предъ мнимымъ сошествіемъ Св. Духа испытывали „затмѣніе

(1) Суд.-мед. изслѣд. скопч. 104 стр.

(2) Тамъ же, 102—103 стр.

(3) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 314 стр.

въ умѣ и стѣсненіе въ груди“ (¹). Это паденіе дѣятельности умственной сферы, происходящее, по мнѣнію Пеликана, отъ усиливающагося вслѣдствіе вращеній сотрясенія мозга (²), доходитъ въ своемъ развитіи до совершеннаго умоизступленія, симптомами котораго являются, съ одной стороны, разнаго рода неистовства въ родѣ самобичеванія и бичеванія другихъ обухами, ядрами, цѣпами, кнутами и проч., а съ другой — галлюцинаціи и безсвязное бормотаніе словъ. Процессъ развитія двухъ послѣднихъ явленій (галлюцинацій и безсвязнаго бормотанія словъ), близкихъ по своему характеру къ умопомѣшательству, Пеликанъ описываетъ такъ: „болѣе или менѣе ускоренныя вращательныя движенія производятъ иллюзіи тѣмъ, что по мѣрѣ продолжительности и силы, съ какой совершаются эти движенія, у человѣка теряется постепенно возможность правильно воспринимать впечатлѣнія внѣшнія, самоощущеніе измѣняется и разумъ лишается контроля. Всѣхъ этихъ условій достаточно для того, чтобы подъ вліяніемъ ихъ, при болѣе или менѣе преобладающемъ настроеніи духа сектанта, въ сознаніи его возникли самыя разнообразныя идеи бреда и развились самыя живыя обманы чувствъ“ (³). Галлюцинаціонное состояніе, сопровождающееся при этомъ всевозможнымъ бредомъ, по мнѣнію хлыстовъ и скопцовъ, есть наивысшій и вожделеннѣйшій предѣлъ духовнаго состоянія человѣка; въ это время, по ихъ выраженію, на нихъ „сокачается“ самъ Духъ Святый. Достигши этого состоянія, хлысты и скопцы прекращаютъ свои радѣнія; послѣднія теперь уступаютъ мѣсто другимъ дѣйствіямъ — пророчествамъ.

(¹) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 377 стр. 1 прим.

(²) Суд.-мед. изслѣд. скопч. 104 стр.

(³) Тамъ же.

6) Пророчества.

Именемъ пророчествъ хлысты и скопцы называютъ изреченія своихъ пророковъ, произносимыя послѣдними во время радънй и именно въ то время, когда они отъ долгаго и быстрого круженія и бѣганья приходятъ въ состоянiе совершеннаго умоизступленія. Эти изрѣченія пророковъ или пророчества носятъ на хлыстовско-скопческомъ языкѣ различныя названія. Такъ, они называются у хлыстовъ и скопцовъ „судьбою“ (1), „словомъ“ (2), „лучшими тайнами“—въ противоположность православному ученiю (3), „мягкими пирогами“, вынимаемыми изъ печи, т. е. изъ усть пророка непосредственно (4) и т. д. По своему назначенiю и содержанiю пророчества хлыстовъ и скопцовъ раздѣляются на два вида и извѣстны у нихъ подъ именами „общей судьбы и частной“. Обращаемая ко всѣмъ членамъ корабля, „общая судьба“ содержитъ въ себѣ и истины, общiя всему кораблю. Напротивъ, „частная судьба“, предназначаемая только для извѣстнаго, опредѣленнаго человѣка, и говоритъ только объ обстоятельствахъ жизни этого послѣдняго. При несомнѣнномъ сходствѣ содержанiя общей и частной судьбы хлыстовъ съ содержанiемъ общей и частной судьбы скопцовъ, то и другое имѣетъ, однако, и свое собственное отличiе, обусловливаемое, очевидно, различiемъ самаго ученiя двухъ сектъ. Сходство содержанiя общей судьбы у хлыстовъ и скопцовъ состоитъ въ томъ, что предметами ея какъ у тѣхъ, такъ и другихъ служатъ ученiе о покровительствѣ Бога и Его угодниковъ, обнаруживаемомъ въ сохраненiи какого либо корабля, опре-

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 94 стр. Добротворскiй—Пѣсь. № 68. 188 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 297 стр.

(3) Тамъ же, 304 стр.

(4) Христ. Чт. 1869 г. № 9. 454 стр.

дѣленіе разныхъ невзгодъ, имѣющихъ постигнуть извѣстный корабль, предсказаніе различныхъ метеорологическихъ явленій природы, такъ или иначе вліяющихъ и на благосостояніе членовъ корабля и т. д. Таковы напр. слѣдующія общія пророчества. „Я, возлюбленные, Саваоѣ, вамъ скажу, въ сердца ваши благодать вложу. Покровомъ васъ покрою, и отъ злыхъ звѣрей закрою. Я, Богъ, васъ награжу, и хлѣбушка на весну вамъ урожу. Я, Святой Духъ, васъ защищу, и въ Саратовъ никакихъ Араповъ не пушчу“⁽¹⁾ и т. д. Еще: „молитесь, христіане: то былъ дождь, теперъ я вамъ дамъ погоду, чтобы коноплю помолотить. Не переставайте молиться. Два года былъ неурожай, а теперъ я вамъ дамъ великій урожай хлѣба“. Тотъ же Гробовъ, произносившій только что приведенное пророчество, говоритъ далѣе: „искушайте зеленъ виноградъ: за ваше маловѣріе пошлю сильную тучу и градъ“⁽²⁾. Говоря о покровительствѣ Бога и Его угодниковъ, скопческіе пророки почти всегда упоминаютъ и объ особенномъ покровительствѣ надъ скопцами ихъ искупителя и царя Селиванова, а равно и его ближайшихъ сподвижниковъ—Акулины Ивановны и Александра Шилова; весьма часто приплетаютъ также въ общую судьбу и предсказаніе о „разныхъ великихъ перемѣнахъ“, могущихъ случиться скоро въ этомъ мірѣ, имѣя въ виду, конечно, ожидаемое скопцами воцареніе на русскомъ престолѣ лжецаря Селиванова⁽³⁾. Эти и нѣкоторые другіе предметы общей судьбы скопцовъ составляютъ существенное отличіе ея отъ общей судьбы хлыстовъ. Частная судьба каѣвъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1. 134 стр. Эта общая судьба приведена и въ книгѣ г. Добротворскаго съ тѣмъ, однако, различіемъ, что въ послѣдней слово «Саратовъ» вышучено и замѣнено словомъ «сида» и «вселенная» (Люди божіи—55 стр.).

(²) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2. 134 стр.

(³) Тамъ же. 3. 297 и 298 стр.

имѣть въ виду преимущественно религиозно-нравственную сторону человѣка: его добродѣтели и пороки, награды и наказанія его въ будущей жизни и въ этой, что можно видѣть изъ слѣдующихъ диалоговъ частной судьбы. „Ты душечка моя, скорѣй ступай до рая; дорожка не близка, а у твоего конечка правая ножечка скользка. Ты бы за разъ дошла, да не на ту дорожку зашла“ (1). „Истинно (2), истинно, я, отецъ, тебѣ прорекаю; повѣрь, повѣрь, любезный сирота, что это истинно дѣло Божіе творится, а міръ—народъ сему дивится; истинно, истинно, я, отецъ, тебя не покину, тебѣ милость покажу и от грѣхонъ тебя развяжу, и ты будешь у меня, отца, не пусть, посажу я тебя въ виноградный кустъ; къ тебѣ Духъ Святый будетъ прилетать, и ты изволь его узнать; и я, отецъ, не дамъ тебя въ иудейскія руки и избавлю тебя отъ вѣчныхъ муки, не дамъ напасть на тебя чернымъ вранамъ; ходитъ за тобой змѣя и хочется ей тебя ужалить и твою душу погубить, но я, отецъ, тебя сохраню“ (3).—Такъ какъ пониманіе нравственнаго совершенства у хлыстовъ и скопцовъ различно, то это различіе отражается и въ содержаніи частной судьбы. У скопцовъ напр. часто предметомъ частной судьбы является наставленіе о необходимости оскотленія (4). Кромѣ религиозно-нравственнаго содержанія, входящаго въ составъ частной судьбы, иногда предметами ея какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ служатъ разныя производствія обыкновенной домашней жизни частнаго лица. Такъ напр., одинъ пророкъ предсказывалъ крестьянѣ скорое освобожденіе ея семейства отъ рекрутской

(1) Этн. Сборн. Вып. VI. 1864 г. Смѣсь. 2—3 стр.

(2) Эта частная судьба, по словамъ Андреянова, имѣетъ въ виду человѣка, поколебавшагося въ скопческой вѣрѣ.

(3) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 298 стр.

(4) Тамъ же—1. 84 стр. и 3. 313 стр.

повинности (¹); чухломская же пророчица Устинья предсказывала взятіе трехъ братьевъ подъ судъ и караулъ за оскотленіе себя и другихъ (²).

По мнѣнію хлыстовъ и скопцовъ, происхожденіе общей и частной судьбы—сверхъестественно. Во время радѣній, говорятъ хлысты и скопцы, „Духъ Св. объемлетъ пророка“, человечество послѣдняго „какъ бы умираетъ т. е. находится въ бездѣйственномъ состояніи“, такъ что въ это время пророкъ, самъ собою не можетъ ни дѣйствовать, ни говорить“ и потому все, что онъ ни дѣлаетъ и ни говоритъ, то „дѣлаетъ и вѣщаетъ Духъ Св.“, обитающій въ немъ (³). Въ такомъ именно смыслѣ показывали о своемъ мнимо благодатномъ состояніи всѣ хлыстовско-скопческіе пророки. „Когда, говириль о себѣ Осиповъ на слѣдствіи 1747 г., въ него входилъ Духъ Св., онъ говорилъ странными языки, а какими—не упомянуть. Духа Св. сошествія онъ, Осиповъ, не видѣлъ, но присутствіе его въ себѣ, во время верченія и трясенія, онъ чувствовалъ. Чувство это выражалось трепетаніемъ сердца, аки голубь. Въ эти минуты онъ угадывалъ мысли и чувства другихъ, предугадывалъ счастье, несчастье, пропажи, говорилъ, что согласники его встрѣтятъ бѣду, будутъ они взяты подъ караулъ, будутъ истязаны. Подходя къ согласникамъ, знакомыхъ онъ называлъ по имени, а не знакомыхъ словомъ „вельмушка“. Что значить и какъ по ихъ (хлыстовскому) суевѣрію толкуется это слово, онъ не знаетъ“ (⁴). „Посредствомъ радѣнія, показывалъ о себѣ Евграфовъ въ 1846 году, онъ приходилъ въ непостижимое для него чувство, бывалъ тогда внѣ себя отъ радости и всѣмъ бывшимъ въ собраніи гово-

(¹) Чтен. въ общ. вст... 1872 г. 2. 137 стр.

(²) Тамъ же, 164 стр.

(³) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 9, 339 стр. Чтен... 1872 г. 3. 297—298 стр.

(⁴) Суд.-мед. вѣслѣд. скопч. 118 стр.

риль что-то, но что именно, не помнил" (*). Въ пѣсняхъ хлыстовъ и скопцовъ фактъ мнимаго сошествія Св. Духа на пророковъ передается съ такою же наивною увѣренностію въ его дѣйствительности, какъ и въ вышеприведенныхъ показаніяхъ. Выражая радость по случаю мнимаго озаренія свыше, хлысты и скопцы восторженно восклицаютъ: „эка милость, благодать, стали духомъ обладать“ (**); „пошелъ братецъ порадыль и живымъ богомъ завладѣлъ“ (***) и т. д. Безусловно вѣруя въ сверхъестественное происхожденіе пророчествъ, хлысты и скопцы, поэтому, предъ временемъ произнесенія послѣднихъ всегда обращаются къ Богу съ молитвою, чтобы Онъ „избралъ Себѣ слугу на святомъ божьемъ кругу“ и Самъ „прорекалъ бы“ чрезъ него (*). Поэтому же, наконецъ, они строго ограждаютъ неприкосновенность пророчествъ, такъ что, по словамъ одного хлыста, никто изъ нихъ не рѣшится даже „разсуждать о правильномъ смыслѣ рѣчи“, чего верѣдко не достаетъ въ хлыстовско-скопческихъ пророчествахъ, опасаясь чрезъ это оскорбить Духа Св. (*).

Обстоятельства, предшествующія произнесенію пророчествъ, указываютъ, однако, на иной источникъ ихъ происхожденія, совершенно противоположный указываемому хлыстами и скопцами. Этотъ источникъ, очевидно, прежде всего кроется въ неистовомъ круженіи и бѣганьи, которыя, какъ мы уже замѣчали, производятъ радикальное измѣненіе во всей духовной сферѣ челоѵка, совершенно затемняя послѣднюю и доводя ее до полнаго изступленія. Пророчество хлыстовъ и скопцовъ, такимъ образомъ, въ первоначаль-

(*). Ист. Мин. внут. дѣлъ. VIII т. 502 стр.

(*) Добротворскій—Пѣсн. № 45, 168.

(*) Добротворскій—№ 42. стр. 166.

(*) Чтен. въ общ. вѣст... 1873 г. 1. Пѣсн. № 25, 98 стр.

(*) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. 339—340 стр. 1867 г. № 17. 96 стр.

ной формѣ своего проявленія можетъ быть и есть на самомъ дѣлѣ результатъ крайняго нервнаго возбужденія. Оно есть, какъ говоритъ Преображенцевъ, „вдохновеніе фанатической силы“, такъ что и самъ пророкъ находясь въ этомъ состояніи, „произносимыя слова почитаетъ происходящими отъ вдохновенія Св. Духа“ (1). Выражаемое въ безсвязныхъ и непонятныхъ звукахъ и словахъ, сопровождаемое при этомъ разнаго рода странными конвульсивными тѣлодвиженіями самого пророка, пророчество хлыстовъ и скопцовъ въ этой формѣ проявленія не заключаетъ въ себѣ никакого опредѣленнаго смысла. Послѣдній оно получаетъ только въ субъективномъ толкованіи того лица, къ которому бываетъ обращено и въ этомъ отношеніи, очевидно, смыслъ его также измѣняется, какъ измѣняется вообще настроеніе этого субъекта, его желанія, ожиданія и т. д. Но иногда, въ состояніи нервнаго возбужденія, хлыстовско-скопческіе пророки выражаютъ предшествующее этому состоянію расположеніе своего духа и образа мыслей, подобно тому, какъ въ состояніи сна нерѣдко предносятся чловѣку: разныя событія изъ его прошедшей жизни. Въ этомъ случаѣ изрѣченія хлыстовско-скопческихъ пророковъ отличаются болѣею содержательностію, но произносятся ими также безсознательно и противъ воли, а какъ будто по вдохновенію свыше. Аналогическое явленіе въ этомъ отношеніи представляютъ слѣдующіе два случая. „Дѣвушка, говоритъ Целиканъ, являющаяся на балъ съ цѣлью блеснуть туалетомъ и вскружить кому нибудь голову, придя отъ продолжительнаго вальса въ описанное психическое состояніе (т. е. подобное опьяненію), будетъ видѣть въ каждомъ танцорѣ влюбленнаго въ нее Адониса, а разыгравшееся воображеніе будетъ вращаться сначала около блестящихъ туалетовъ, чувства любви, но мо-

(1) Тамъ же. Вид. 1867 г. № 17. 94 стр.

жетъ дойти наконецъ до самыхъ сильныхъ эротическихъ представлений. Дервишъ, дѣлающій свои тѣлодвиженія подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма и ожидающій, что при посредствѣ ихъ на него сойдетъ вдохновеніе свыше, приходитъ наконецъ въ это восторженное состояніе, слышитъ небесныя звуки и голоса, видитъ себя окруженнымъ ангелами и т. д. Всѣ происходящія около него явленія вызываютъ у него самыя ложныя представленія, какъ у человѣка, находящагося во снѣ, мысли у него ассоціируются въ беспорядкѣ, ускользаютъ отъ контроля со стороны разсудка“ (1). Отсюда ясно, что самообольщеніе, какъ плодъ одного и того же дѣйствія, присуще не однимъ хлыстамъ и скопцамъ, но характеръ его и содержаніе, очевидно, разнообразны и видоизмѣняются, смотря по темпераменту и привычкамъ даннаго субъекта, а главное—смотря по обстановкѣ, при которой совершаются вращательныя движенія, вызывающія самообольщеніе. Такъ какъ нѣкоторые хлысты и скопцы во время совершенія своихъ радѣній ни о чемъ болѣе не думаютъ, какъ только объ овареніи свыше, ничего болѣе не желаютъ, какъ только сверхъестественнаго вдохновенія, такъ какъ, далѣе, мысли и чувства ихъ устремлены на событія, совершающіяся въ ихъ обществѣ и въ неодушевленной природѣ, то и самообольщеніе ихъ развивается именно въ этомъ направленіи: они убѣждаются въ наитіи на нихъ Святаго Духа, вдохновляются и пророчествуютъ, т. е. высказываютъ то самое, о чемъ они думали гораздо ранѣе. Несомнѣнно, впрочемъ, что не всѣ пророчества хлыстовъ и скопцовъ суть плодъ нервнаго возбужденія, не всѣ они могутъ быть названы самообольщеніемъ хлыстовско-скопческихъ пророковъ. Многія пророчества, и даже большая часть, носятъ на себѣ очевидныя признаки сознательнаго составленія ихъ тѣми,

(1) Суд.-мед. изслѣд. скопц. 104 стр.

которые ихъ произносятъ. По сознанию самихъ хлыстовъ и свопцовъ, пророчества ихъ въ большинствѣ случаевъ суть „произведенія собственнаго вымысла ихъ пророковъ“ (1). Этотъ вымыселъ нерѣдко являет-ся въ формѣ импровизаціи, произносимой пророкомъ въ то время, когда по вѣрованію сектантовъ должно изойти на него озареніе Св. Духа. Существуетъ даже особое наставленіе относительно способа импровизаціи пророчествъ. Вотъ какое давалъ наставленію по этому предмету одному хлысту другой, внутренне оставившій секту, но наружно еще державшійся ея. „Когда, говорилъ онъ, на бесѣдѣ будешь упражняться въ радѣннн и какъ взойдешь въ радость мнимаго Духа Св., при семъ обыкновенно все стремятся мыслями къ Богу; въ семъ богомыслии имѣй слѣдующую вѣру псалмопѣвца Давида: *вьрвовахъ, тѣмъ же возславолахъ* (Пс. 115, 1). Съ такою вѣрою начинай пророчить слова свои по своему разумѣнью, сообрази пророчеству нашихъ пророковъ и быстрымъ еоображеніемъ подводи слова въ риѣму. Вѣруй, что сіе твое пророчество происходитъ отъ Духа Св., вотъ и будешь намъ пророкъ“ (2). Упражненія въ импровизаціи пророчествъ обыкновенно начинаются съ „общей судьбы“ и при томъ вначалѣ подъ непосредственнымъ руководствомъ главнаго пророка (3). Само собою понятно, что первые опыты импровизаціи пророчествъ не отличаются достоинствами: они нерѣдко бывають лишены даже смысла и произносятся пророками съ видимою натянутостію и съ опасеніемъ или остановиться на полурѣчи или же сказать какую-нибудь никуда безсмыслицу. Только „слѣпое суевѣріе сектантовъ въ пророчества“, недонускающее критики послѣднихъ (4), ограждаетъ пророковъ отъ опасности

(1) Тул. Еп. вѣд. 1869 г. № 24. 360 стр.

(2) Тамъ же, № 9. 339—340 стр.

(3) Тамъ же. 1867 г. № 17. 94 стр.

(4) Тамъ же, 1869 г. № 9. 340 стр.

уронить себя въ ихъ глазахъ своими нерѣдко бессмысленными и безтолковыми рѣчами; только оно одно открываетъ имъ широкій просторъ говорить все, что въ умъ всбредетъ. И нѣкоторые вполне пользуются этимъ широкимъ правомъ. Созоновичъ такъ напр. показывалъ о своемъ пророческомъ дарѣ. „Изъ своего опыта, говорилъ онъ, я знаю, что когда продолжаешь одну рѣчь, то уже другая въ умъ непосредственно приходитъ, но дѣйствуетъ ли тогда мною какой либо духъ, того знать не могу, но полагаю болѣе, что одному пророчеству я не вдругъ научился, сначала мало по малу, а наконецъ и болѣе, такъ что нынѣ могу я какому угодно числу людей всякихъ сумасбродныхъ наговорить словъ“⁽¹⁾.... Частое упражненіе въ импровизаціи пророчествъ естественно развиваетъ способности пророка говорить и въ тоже время болѣе или менѣе складно. Многие, дѣйствительно, достигаютъ замѣчательнаго совершенства въ этомъ отношеніи. Такова напр. была чухломская пророчица Устинья, которая, по замѣчанію Авдриянова, могла „пророчествовать непрерывно весьма долго“ и „отъ высоты многими и ужасными изрѣченіями“ могла приводить своихъ слушателей „въ умиленіе и слезы“⁽²⁾. Не ограничиваясь импровизаціей, нѣкоторые, по словамъ Преображенцева, „умѣйшіе и способнѣйшіе усвоиваютъ заблаговременно всѣ приемы пророчества на бесѣдахъ мысленно“⁽³⁾. Какъ и слѣдуетъ ожидать, такіе пророки пророчествуютъ гораздо складнѣе и содержательнѣе, чѣмъ обыкновенные импровизаторы. Впечатленіе, производимое ими на слушателей, весьма велико. Для непосвященныхъ въ тайны пророчествъ пророчества такихъ пророковъ кажутся,

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1 97 стр.

(2) Тамъ же, 3. 313 стр. См. также замѣчанія объ этомъ у Преображенцева—Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17, 94 стр.

(3) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 94—95 стр.

по замѣчанію того же Преображенцева, „чѣмъ-то чудеснымъ, непостижимымъ“; въ новичкѣ они даже способны зародить „лестную мысль и желаніе получить въ свое сердце Св. Духа“, чтобы сдѣлаться подобнымъ же пророкомъ ⁽¹⁾.

Догматическое основаніе для употребленія пророчествъ во время богослуженія хлысты и скопцы видятъ въ ученіи ап. Павла, который (1 Кор. XIV гл. 26. 28...) заповѣдуетъ христіанамъ, сходясь на богослуженіе, имѣть каждому псаломъ, ученіе... и сказаніе т. е. пророчество ⁽²⁾. По словамъ одного учителя скопцовъ, самъ ап. Павелъ будто бы сказалъ однажды такое же „слово“ т. е. частное пророчество, какое приносятъ скопцы, равноапостольной Феклѣ и послѣдняя „повѣрила“ этому „слову“ и „спаслася“ ⁽³⁾.—Обрядъ произнесенія пророчествъ какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ одинаковъ ⁽⁴⁾. Обыкновенно, какъ только окончатся радѣнія и умолкнетъ пѣніе распѣвцовъ, всѣ присутствующіе на собраніи благоговѣнно падаютъ на колѣна предъ объявившимся пророкомъ, крестятся, кланяются ему въ землю и усердно просятъ его „сотворить имъ милость“ т. е. просвѣтитъ ихъ Духомъ Св., вселившимся въ него ⁽⁵⁾. Пророкъ перевязывается крестообразно „вервою“ ⁽⁶⁾, беретъ въ руку платокъ и устанавливается на опредѣленномъ мѣстѣ такъ, чтобы могъ видѣть всѣхъ присутствующихъ ⁽⁷⁾. Такъ какъ пророчество, по мнѣнію

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 95 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. 76 стр.

(3) Тамъ же—2. 162—163 стр.

(4) Единственное различіе въ этомъ отношеніи то, что, по замѣчанію Надеждина, скопческія пророчицы пророчествуютъ съ ручнымъ деревяннымъ крестомъ, тогда какъ хлыстовскія—безъ него (Сбор. Кельс. Ш. 140 стр.).

(5) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 297 стр.

(6) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 94 стр.

(7) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 297 стр. и 1872 г. 4. 85 стр.

самого пророка и всѣхъ вообще сектантовъ, происходитъ отъ Бога, то каждый пророкъ считаетъ необходимымъ прежде начатія пророчества обратиться съ молитвеннымъ воззваніемъ къ Виновнику его. Форма этого воззванія какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ различна. Громовъ напр., по свидѣтельству Андреянова дѣлалъ воззваніе такъ: „благослови Отець, Саваоѣ, Богъ изъ рая, Искупитель, Богъ судья, твоимъ духомъ заселися, на округѣ объявися, соколъ съ неба сокатися, духъ небесный встрепенися“ (!) Громовъ же обращался къ Богу съ такими словами: „прости солнце; прости мѣсяць; прости звѣзды; прости матушка сыра земля; Господь благослови мнѣ говорить не своими устами, а всели въ меня Св. Духъ Твой“ (*). Какъ только окончится это предварительное дѣйствіе пророка, онъ, обратившись лицомъ къ собранію и нѣсколько покачиваясь на одномъ мѣстѣ, начинаетъ „скоро и громко выговаривать рѣчи стихами“ т. е. изрекать общую судьбу (*). Всѣ присутствующіе слушаютъ пророка съ глубокимъ вниманіемъ, нѣкоторые даже умиляются и плачутъ (*). По окончаніи пророкомъ общей судьбы, всѣ присутствующіе благодарятъ его никакимъ поклономъ за изрѣченіе воли Божіей и чинно садятся на свои мѣста. Слѣдуетъ изрѣченіе частной судьбы. Тотъ, къ кому обращается „слово“ пророка, также, какъ и прежде, благоговѣнно падаетъ предъ пророкомъ на колѣна, крестится на него, нерѣдко плачетъ и внимательно выслушиваетъ все, что скажетъ мнимый провозвѣстникъ будущихъ судебъ (*). Обошедши всѣхъ присутствующихъ по порядку и сказавши каждому сектанту приличное

(!) Чт. въ общ. вѣст... 1872 г. 2. 131 стр.

(*) Тамъ же.

(*) Тамъ же—3. 297 стр.

(*) Добротворскій—56 стр.

(*) Чтен. въ общ. вѣст... 1872 г. 3. 208 стр.

его состоянію „слово“, пророкъ оканчиваетъ свою пророческую дѣятельность новымъ обращеніемъ къ Богу, благодаря Его за помощь и прося взять обратно Св. Духа, котораго онъ былъ временнымъ носителемъ. Такъ, чухломская пророчица оканчивала свои пророчества такими словами: „прійми, Отець, Духа своего въ небеса, а меня, грѣшную рабу, въ грѣхахъ моихъ прости и не завини“ (¹). По окончаніи пророчества, говоритъ Андреяновъ, „толкують иногда пророчества, кому что вышло въ словѣ“ (²).

По свидѣтельству Андреянова, „пророчество всему собранію продолжается иногда непрерывно до четырехъ часовъ“ (³). Трудно опредѣлить, о какомъ пророчествѣ говоритъ здѣсь Андреяновъ и какъ нужно понимать его свидѣтельство о продолжительности пророчества. Несомнѣнно, однако, что продолжительность общей и особенно частной судьбы весьма велика. Случается, что отъ усиленной болтовни пророкъ утомляется до того, что у рта его появляется пѣна и онъ нерѣдко падаетъ въ обморокъ. Поэтому, въ случаѣ особенно многояднаго собранія обязанность пророческая раздѣляется между нѣсколькими способными на это дѣло сектантами. При этомъ, право пророчества предоставляется какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, — послѣднимъ даже преимущественно (⁴). Существованіе, такъ сказать официальныхъ пророковъ и пророчицъ не исключаетъ возможности появленія „съ словомъ“ лицъ частныхъ, не признанныхъ еще въ этомъ званіи, если на нихъ „накатитъ Духъ Св.“ т. е. если они придутъ въ состояніе восторга. Такимъ образомъ, на ряду съ официальными пророками пророчествуютъ въ одно и тоже время и другіе

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 314 стр.

(²) Тамъ же—299 стр.

(³) Тамъ же—298 стр.

(⁴) Тамъ же—297 стр. и 1. 154 стр. Добротворскій—57 стр.

неофициальные; это придает особенную оживленность и радость всему собранію.

Важное значеніе пророчествъ въ религіозной жизни хлыстовъ и скопцовъ едва ли можно подлежать сомнѣнію. Въ рукахъ опытныхъ и ловкихъ пророковъ, поставившихъ свою цѣлю подчинить и закрѣпить за собою легковѣрныхъ сектантовъ настолько, чтобы послѣдніе были вполне послушны и довѣрчивы, право пророчества является самымъ лучшимъ орудіемъ для достиженія этой цѣли. Съ другой стороны, пророчества служатъ вѣрнымъ проводникомъ ученія секты. Въ этомъ отношеніи особенно опасно вліяніе пророчествъ на людей, еще не присоединившихся къ сектѣ, но уже предрасположенныхъ къ ней. Весьма любопытные факты, характеризующіе зловредность вліянія пророчествъ на новичковъ, сообщаетъ изъ своей жизни Андреяновъ. По его разсказу, онъ неоднократно присутствовалъ во время богослуженныхъ собраній скопцовъ и вмѣстѣ съ прочими ему также бывало „слово“. Цѣль и сущность этого „слова“ всегда сводилась къ одному: присоединить Андреянова къ своему обществу и заставить его „убѣдиться“. Такимъ желаніемъ особенно пламенѣла чухломская пророчица Устинья, — женщина ловкая и опытная. Уже наканунѣ отъѣзда Андреянова изъ Галича въ Петербургъ она, не смотря на прежнія неудачи „привести въ путь“ непокорнаго Андреянова, снова обратилась къ нему съ „словомъ“. Приводимъ послѣднее буквально. „Отъ оной пророчицы (Устиньи), говоритъ Андреяновъ, было мнѣ „слово“, и она прорекла: какъ меня примутъ петербургскіе братья, знающіе меня и незнающіе, и она же пророчица, во время „слова“, иногда обходила кругомъ, и становилась предо мною на колѣна, и выпѣвала, что это дѣлаетъ мнѣ по власти Божіей, а не просто, и прорекала великую отъ Бога милость, и что искупитель хочетъ меня въ садъ посадить, и что Пресвятая Богородица хочетъ обручить меня за нетлѣнную невѣсту; а иногда выпѣвала, что

святой ангелъ Божій, хранитель мой, ходитъ за мною и плачетъ и молится за меня у престола Божія; и прорекала мнѣ часто со слезами, что, если я дѣлу Божію на чисто не повѣрю, и выйду изъ пути, то Богъ не дастъ мнѣ ни въ чемъ счастья и что я родился не міру служить, а Богу, то, чтобы о мірской жизни и помышленій не имѣлъ“ (1).

Другую форму пророчествъ съ примѣсью нѣкоторой кажущейся чудесности составляютъ разнаго рода символическія дѣйствія, совершаемыя хлыстовско-скопческими пророками и имѣющія цѣлю или опредѣлить внутреннее, душевное состояніе извѣстнаго сектанта въ данное время или предсказать какое либо событіе, важное въ томъ или иномъ отношеніи для цѣлаго корабля. По своему характеру эти, такъ сказать, символическія пророчества представляютъ смѣсь грубаго суевѣрія и дѣтской наивности. Таковы напр. слѣдующія символическія пророчества. Пророкъ беретъ у сектантовъ платки, раскладываетъ послѣдніе на полу крестообразно и приказываетъ всѣмъ присутствующимъ идти чрезъ кресты, образовавшіеся изъ платковъ. Если кто либо при переходѣ чрезъ кресты неосторожно зацѣпитъ ногою платокъ и, такимъ образомъ, такъ или иначе нарушитъ фигуру какого либо креста, тотъ, по мнѣнію пророка, „повиненъ грѣху“ и какъ такой подлежитъ публичному покаянiю. Напротивъ, тотъ человекъ „праведной жизни“ и заслуживаетъ публичной благодарности, кто, проходя чрезъ кресты, не повредитъ фигуры ни одного изъ нихъ.—Пророкъ беретъ св. воду и кадильницу съ ладономъ. Если пророкъ кропитъ св. водой всѣхъ присутствующихъ, значить, по мнѣнію сектантовъ, онъ отгоняетъ отъ нихъ невидимаго врага; напротивъ, если онъ кадитъ ладономъ—знакъ, что изъ общества перейдетъ душа въ будущую жизнь.—Пророкъ беретъ

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 136 стр.

икону и прикладываетъ ее одному къ ногамъ, другому къ головѣ, третьему къ сердцу и т. д.; для испытываемыхъ эти различныя способы приложенія иконы означаютъ различныя образы ихъ богопочитанія (¹). Время совершенія символическихъ пророчествъ опредѣленно неизвѣстно; вѣроятно, онѣ совершаются или вмѣстѣ съ произнесеніемъ пророчествъ въ собственномъ смыслѣ или же по окончаніи оныхъ.

в) Пѣніе распѣвцевъ.

Распѣвцы, какъ мы уже замѣчали при обзорѣ литературы, суть произведенія большою частію самихъ хлыстовско-скопческихъ пророковъ и содержатъ въ себѣ разныя истины, относящіяся къ ученію, культу, быту и исторіи хлыстовъ и скопцовъ. По мнѣнію самихъ сектантовъ происхожденіе распѣвцевъ нечеловѣческое. Послѣдніе, по ихъ вѣрованію, „уложены Духомъ Св. чрезъ уста пророковъ“ (²); поэтому же они считаютъ свои распѣвцы какъ бы „спавшими съ неба“. Священникъ калужской губерніи Ивановъ даже въ консисторіи показалъ, что „онъ считаетъ невозможнымъ сочинить ихъ человѣку“ (³). Не удивительно, что хлысты и скопцы, такъ высоко думая о происхожденіи своихъ духовныхъ пѣсенъ или распѣвцевъ, питаютъ къ нимъ глубокое уваженіе. О послѣднемъ могутъ свидѣтельствовать самыя наименованія, усвоенныя ими своимъ распѣвцамъ. Такъ они называются у хлыстовъ и скопцовъ „пѣснями херувимскими и серафимскими“ (⁴), „пѣснями евангельскими“ (⁵).

(¹) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 96—97 стр. Тамб. Еп. Вѣд. 1862 г. № 5. 212 стр. См. еще примѣры подобныхъ же пророчествъ въ Хр. Чт. 1869 г. № 9. 455 стр.

(²) Чтен. въ общ. мол... 1872 г. 2. 156 стр. и—3. 307 стр.

(³) Калуж. Еп. Вѣд. 1871 г. № 17. 396 стр. 2 прим.

(⁴) Добротворскій—Пѣсн. №№ 30. 152 стр., 37. 161 стр.

(⁵) Тамъ же. №№ 16. 132 стр., 33. 158 стр.

„пѣснями дорогими“⁽¹⁾ и т. д. О глубокомъ уваженіи сектантовъ къ роспѣвцамъ, соединенномъ даже съ нѣкоторымъ къ нимъ благоговѣніемъ, говорятъ и Андреевъ. По его словамъ, „они (скопцы) хравятъ ихъ (духовныя пѣсни) въ домахъ и скопичахъ секретно, никому изъ мірскихъ не показываютъ, говоря: какъ они воспоютъ пѣснь Господню на землѣ чужой“⁽²⁾ (такую „чужую землю“ скопцы считаютъ весь православный міръ)⁽³⁾. Тотъ же Андреевъ въ другомъ мѣстѣ своего донесенія рассказываетъ о себѣ, что однажды пророчица Устинья, „давъ мнѣ тетрадку духовныхъ пѣсней, для спасенія, говорила, чтобы я постарался пѣсни ихъ знать на память: ибо у нихъ пѣсни ихъ всякій человекъ старается знать на память“⁽⁴⁾. Особеннымъ благоговѣйнымъ уваженіемъ пользуется у хлыстовъ и скопцовъ такъ назыв. „молитва Иисова“, начинающаяся словами: „Дай намъ, Господи“.... О ея происхожденіи и значеніи даже образовалось въ хлыстовско-скопческомъ мірѣ нѣсколько легендарныхъ сказаній. Такъ, по преданію рязанскихъ хлыстовъ, „Иисусову молитву усвоилъ отъ ангеловъ божіихъ Сергѣй Игнатовъ (начальникъ корабля), когда онъ былъ на гумнѣ“. Эта молитва, по увѣренію тѣхъ же хлыстовъ, „какого бы ни была содержанія и напѣва, силу имѣетъ равную къ низведенію Св. Духа“⁽⁵⁾. Въ литературномъ отношеніи роспѣвцы хлыстовъ и скопцовъ суть римованныя стихотворенія и по своему характеру относятся къ группѣ народныхъ произведеній. Не представляя въ общей совокупности всѣхъ достоинствъ народнаго поэтическаго творчества, многіе роспѣвцы, однако, по справедливости могутъ быть названы „замѣчательными произведеніями“, на-

(1) Добротворскій — Пѣсн. № 47. 169 стр.

(2) Чтен. въ общ. иет... 1862 г. 37307 стр.

(3) Тамъ же, 2. 157 стр.

(4) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 20. 209 и 212 стр.

родной поэзии. Въ большинствѣ ихъ можно находить искусное соединеніе мысли и образа, изліяніе глубокаго лирическаго чувства, доходящаго по мѣстамъ до восторженности, живописность образовъ и стройность картинъ. Такова напр. пѣсня: „Корабль заливаеъ морскими волнами“, (1)... изображающая тяжелое положеніе сектантовъ, которыхъ какъ будто готовы поглотить морскія волны и на головы которыхъ какъ будто готовы обрушиться собравшіяся тучи. Еще болѣе дышитъ поэтическимъ чувствомъ пѣсня: „Ты, душа, душа, ты блаженная“ (2)...., прославляющая божественную любовь къ людямъ. Но, съ другой стороны, рядомъ съ этими и подобными распѣвцами, носящими на себѣ несомнѣнные слѣды такого или иного поэтическаго достоинства, можно встрѣчать и такіе распѣвцы, которые кромѣ жалкой рѣзвы и очевидныхъ нелѣпостей не заключаютъ въ себѣ ничего другаго. Такова пѣсня: „Славенъ Питеръ, славенъ градъ“...., въ которой не только не проводится какой либо опредѣленной идеи, но даже нѣтъ двухъ отдѣльныхъ мыслей болѣе или менѣе дѣльныхъ по содержанию; вся пѣсня представляетъ наборъ пустыхъ, безтолковыхъ рѣзвъ (3). Или вотъ еще пѣсня, замѣчательная по курьезному къ ней припѣву: „На седьмомъ на небеси самъ Спаситель закаталъ...: ай душки, душки, душки! у Христа-то башмачки сафьяненькіе, мелкостроченныя“ (4)....

Вогослужебное употребленіе духовныхъ распѣвцевъ у хлыстовъ и скопцовъ весьма велико. Пѣніемъ распѣвцевъ у нихъ большею частію начинается каждое богослуженіе, пѣніемъ же распѣвцевъ оно всегда сопровождается и имъ же оно у нихъ нерѣдко оканчивается. Основаніе для такого широкаго употребле-

(1) Барсовъ. Дух. ст. люд. бож. № 31, 49—51 стр.

(2) Тамъ же, № 19, 29—31 стр.

(3) Добротворскій—Пѣсн. № 62, 181—182 стр.

(4) Чтен. въ общ. вѣст... 1873 г. № 56. 122—123 стр.

нія распѣвцень во время богослуженія хлысты и скопцы видять въ словахъ псалма (46, 2), гдѣ заповѣдывается вѣрнымъ постоянно „воскликать Богу гласомъ радованія“ (¹). Но еще болѣе такое основаніе они видять въ 5 ст. 14 гл. Апокалипсиса Іоанна Божьего, гдѣ говорится о ста четырнадцати и о четырехъ тысячахъ дѣвственниковъ, „съ женами не осквернившихся“, которые пѣли „яко пѣнь нову предъ престоломъ и предъ четырьмя животными и старцы“; подъ этими дѣвственниками хлысты и скопцы разумѣютъ самихъ себя (²). По различію времени и обстоятельствъ, когда поются у скопцовъ и хлыстовъ духовные распѣвцы, послѣдніе бывають различны. Такъ, въ Милютинскомъ кораблѣ существовали пѣсни, исключительно употреблявшіеся только при радѣніяхъ; по радѣніямъ они носили и названія „круговыхъ“, „корабельныхъ“, „крестныхъ“ и т. д. (³). Изъ описанія Преображенцевымъ нѣкоторыхъ религиозныхъ обрядовъ можно также заключить, что у хлыстовъ при совершеніи различныхъ религиозныхъ празднествъ поются и пѣсни, приспособленныя по содержанію къ характеру этихъ торжествъ. Такъ, извѣстно, что при обрядѣ освященія моленнаго дома въ числѣ другихъ пѣсень употреблялись хлыстами и такія, которыя имѣли отношеніе только къ этому праздничному случаю, подобно тому, какъ при совершеніи молитвъ о здравіи именинника, они пѣли пѣсню, составленную въ честь послѣдняго (⁴). Наконецъ, въ частности, относительно употребленія вышеупомянутой нами такъ называемой „молитвы Іисусовой“ должно замѣтить, что она какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ имѣетъ значеніе сакраментальное: она употребляется въ са-

(¹) Добротворскій, 48 стр.

(²) Чт. въ общ. ист... 1873 г. 1. 135 стр.

(³) Тамъ же, 123 стр.

(⁴) Тул. Ец. Вѣд. 1867 г. № 7, 239 стр., и № 20, 210—212 стр.

мыхъ важныхъ, таинственныхъ, по мнѣнію сектантовъ, случаяхъ и именно тогда, когда, по ихъ вѣрованію, низпосылается на людей или на вещи благословеніе Божіе (¹). Кромѣ этого своего богослужебнаго употребленія молитва Іисусова имѣетъ еще въ большинствѣ случаевъ значеніе начинательнаго распѣвца, пѣніемъ котораго открывается самое богослуженіе.

„Для пѣнія духовныхъ пѣсенъ, говоритъ Кудимовъ, избираются у скопцовъ особыя пѣвцы, кои, сидя за кругомъ, поютъ, а прочіе вкругъ пляшутъ или радѣютъ..., а пѣтъ (вѣроятнo подпѣвать), если кто можетъ, и всѣмъ не воспрещается“ (²). Это извѣстіе Кудимова объ особыхъ пѣвцахъ по его одиночности не можетъ заслуживать безусловнаго вѣроятія. Кажется, гораздо правдоподобнѣе предположеніе, что какъ скопцы, такъ и хлысты во время радѣній радѣляются на двѣ равныя половины, изъ которыхъ одна поетъ распѣвцы, а другая радѣтъ; въ другихъ же случаяхъ, независимо отъ радѣній, право пѣнія пѣсенъ принадлежитъ одинаково всѣмъ сектантамъ, способнымъ пѣтъ. Напѣвы духовныхъ распѣвцевъ, существующіе у хлыстовъ и скопцовъ, различны. Это различіе напѣвовъ обусловливается главнымъ образомъ душевнымъ настроеніемъ сектантовъ, которое въ свою очередь опредѣляется характеромъ событій, правднueмыхъ ими. Веселые по случаю какого либо радостнаго торжества, хлысты и скопцы поютъ и пѣсни свои весьма скоро, весело; напротивъ, печальное настроеніе, вызываемое какимъ либо несчастіемъ, полагаетъ такую же печаль и на самый мотивъ пѣсенъ: онѣ поются протяжно, „какъ бы по нотамъ“, тономъ ровнымъ, плавнымъ, нерѣдко заунывнымъ (³). Иногда,

(¹) См. напр. Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 20. 209 стр. и № 7. 240 стр.

(²) Чтен. въ общ. вст... 1872 г. 1. 76 стр.

(³) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 23. 286 стр., Сборн. Кельс. Ш. 158 стр.

впрочемъ, хлысты и скопцы начинаютъ пѣсно протяжно, заунывно; потомъ мало по малу возвышаютъ свой голосъ, и пѣніе становится скорымъ, веселымъ: „изъ *largo* и *pianissimo*, какъ говоритъ г. Мельниковъ, пѣсня переходитъ въ *vivace allegro* и *fortissimo*“ (1). Само собою понятно, что радѣльныя пѣсни не могутъ подчиняться въ своихъ напѣвахъ такому или иному настроенію сектантовъ. Каждому особому виду радѣній долженъ соответствовать извѣстный, опредѣленный напѣвъ; такъ, радѣніе, совершаемое скоро, быстро, требуетъ, очевидно, и напѣва пѣсни, также скорого, веселаго, какъ, съ другой стороны, радѣніе медленное требуетъ и напѣва пѣсни медленнаго, ровнаго.—Характеръ исполненія хлыстами и скопцами своихъ духовныхъ распѣвцевъ, по свидѣтельству свящ. Сергѣева, не одинаковъ; иногда, говоритъ онъ, сектанты поютъ свои пѣсни „весьма согласно и пріятно“, но иногда „какъ бы единогласно со всхлипываніемъ и съ порывистыми духа трелями“ (2). При этомъ, по замѣчанію другихъ, слышавшихъ пѣніе хлыстовъ и скопцовъ, многіе пѣсни, особенно напѣва скорого, поются „на голосъ разныхъ грубыхъ площадныхъ мірскихъ пѣсенъ“ (3). Не смотря на такую примѣсь чуждаго напѣва, вовсе несообразнаго ни съ духовнымъ содержаніемъ распѣвцевъ, ни съ цѣлію ихъ употребленія, сами хлысты и скопцы высокаго мнѣнія о своемъ пѣніи и даже гордятся имъ. Въ ихъ пѣсняхъ часто можно встрѣчать уподобленія своего пѣнія пѣнію пророкомъ и царемъ Давидомъ своихъ псалмовъ. Такъ, по выраженію пѣсенъ, во время богослужбныхъ собраний „гости—корабельщики“, т. е. сектанты, „въ гусли Давидовы выигрываютъ, глаголы Го-

(1) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 378 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1874 г. 3. 70 стр.

(3) Тул. Еж. Вѣд. 1867 г. № 23. 286 стр. Чтен... 1872 г. 1. 75 стр.

сподни вычитываютъ“ (1); корабельщикамъ подражаетъ даже само „небо золотое“, гдѣ также „въ струночки играютъ“ (2) и самъ Духъ Св., гуляя по садуку т. е. въ собраніи сектантовъ, „въ звончаты гусли играетъ“ (3).

2) Виды хлыстовско - скопческаго богослуженія и совершеніе ихъ.

При крайней ограниченности свѣдѣній, относящихся до богослуженія хлыстовъ и скопцовъ, при сбивчивости и тѣхъ не многихъ извѣстій относительно этого предмета, какія имѣются уже въ печати, раздѣленіе хлыстовско-скопческаго богослуженія на виды представляется довольно затруднительнымъ. Поэтому неудивительно, что въ извѣстныхъ до сего времени опытахъ дѣленія хлыстовско-скопческаго богослуженія на виды замѣчаются, съ одной стороны, разногласія между учеными изслѣдователями въ этомъ отношеніи, а съ другой—или положительное отсутствіе принципіальности въ дѣленіи или же противорѣчіе принятому принципу дѣленія. Наглядное подтвержденіе только что высказаннаго нами замѣчанія представляютъ опыты дѣленія богослуженія хлыстовъ и скопцовъ, сдѣланные гг. Добротворскимъ и Н. Барсовымъ. Первый все богослуженіе хлыстовъ и скопцовъ раздѣляетъ на три вида: простыя бесѣды, обыкновенныя радѣнія и чрезвычайныя (4); второй, напротивъ, видитъ въ богослуженіи хлыстовъ и скопцовъ только два вида: радѣнія, совершаемыя подъ двенадцатые и годовые праздники, и простыя бесѣды, совершаемыя въ прочіе дни года (5). Намъ ка-

(1) Добротворскій—Пѣсн. № 32, 154—156 стр.

(2) Тамъ же. № 55, 175 стр.

(3) Тамъ же. № 54, 174 стр., № 40, 125 стр.

(4) Люди божіи, 42 стр.

(5) Хр. Чт. 1869 г. № 9. 457 стр.

жется, что и то и другое дѣленіе одинаково несо-
стоятельно; первое потому что не выдерживаетъ во
всей строгости намѣченнаго принципа дѣленія, отно-
ся напр. безъ достаточнаго основанія такъ называе-
мое годовое радѣніе, совершающееся въ определенное
время, къ радѣніямъ чрезвычайнымъ т. е. вызывае-
мымъ случайными обстоятельствами и считая простыя
бесѣды, вызываемыя дѣйствительно случайностями,
особымъ видомъ богослуженія (¹); второе потому, что
самое понятіе автора этого дѣленія о простой бесѣдѣ
ложно, ибо то, что онъ называетъ простою бесѣдою,
есть на самомъ дѣлѣ радѣніе (²); кромѣ того, пред-
положеніе автора о различіи характера богослуже-
нія, обусловливаемомъ будто бы праздничными и про-
стыми днями православной церкви, не имѣетъ въ
пользу себя фактическихъ основаній и составляетъ
только догадку самого автора. По нашему мнѣнію,
строго придерживаясь времени и обстоятельствъ, вы-
зывающихъ хлыстовско-скопческое богослуженіе, по-
слѣднее можно раздѣлить только на два вида: на
обыкновенныя радѣнія и случайныя или чрезвычай-
ныя. Къ первому виду слѣдуетъ отнести обыкновен-
ное радѣніе въ собственномъ смыслѣ и радѣніе годо-
вое, которое всегда приурочивается къ одному изъ дол-
жайшихъ дней іюня мѣсяца. Второй видъ хлыстовско-
скопческаго богослуженія будутъ составлять: радѣніе
по случаю несчастія или желанія узнать будущее,
простая бесѣда, чинопринятіе въ секту и обрядъ про-
щенія. Къ этому же виду, безъ сомнѣнія, нужно от-
нести: чинъ освященія моленнаго дома, чинъ посвя-
щенія въ достоинство кормщика корабля (³), молитво-
словіе о здравіи именинника, чинъ погребенія и по-

(¹) Люди божіи, 62 стр. и 42 стр.

(²) См. примѣръ бесѣды, приведенный авторомъ—Хр. Чт. 1869 г.
№ 9. 458—462 стр.

(³) Описаніе этихъ двухъ обрядовъ было представлено ваше.

миновенія умершихъ и водосвятіе. Въ указанномъ нами порядкѣ мы и будемъ излагать образъ совершенія хлыстами и скопцами своего богослуженія. При этомъ считаемъ необходимымъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Совершенное молчаніе всѣхъ скопцовъ, а равно и тѣхъ, которые производили слѣдствіе надъ послѣдними, о годовомъ радѣннѣ, о радѣннѣ, вызываемомъ несчастіями, о молитвословіи въ честь именинника, заставляеть насъ думать, что эти богослуженныя дѣйствія, описанныя г. Добротворскимъ и упоминаемыя въ нѣкоторыхъ другихъ источникахъ, совершаются только у однихъ хлыстовъ и не имѣютъ мѣста у скопцовъ. Поэтому, при описаніи образа совершенія вышеозначенныхъ дѣйствій мы будемъ имѣть въ виду однихъ только хлыстовъ, не рѣшаясь распространять совершенія этихъ дѣйствій на скопцовъ.

Обыкновенное радѣннѣ. Обыкновенное радѣннѣ или богослуженіе какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ совершается одинаково и если существуютъ въ этомъ отношеніи разности между тѣми и другими, то онѣ весьма незначительны и ничтожны. Наканунѣ того дня, въ который назначено совершеніе богослуженія, хлысты и, конечно, скопцы „подъ предлогомъ ярмарки или другой причины уходятъ изъ домовъ, говоритъ свящ. Сергѣевъ, и незамѣтнымъ образомъ собираются въ тотъ домъ, въ которомъ предполагается радѣннѣ. Когда наступитъ ночь, собираются въ одну горницу“ (1). Входя въ послѣднюю, каждый сектантъ осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и полагаетъ три земные поклона. Далѣе, каждый сектантъ съ подобающимъ почтеніемъ подходитъ къ кормицику или кормицицѣ корабля, крестясь кланяется ему или ей до земли и выражаетъ свое привѣтствіе въ родѣ слѣдующихъ: „здравствуй, батюшко, красное солнышко!“ или: „батюшко, нашъ Святъ Духъ, покрой насъ!“ и

(1) Хр. Чт. 1869 г. № 9. 452 стр.

цѣлуетъ въ руку, а иногда и въ уста. Всѣмъ прочимъ братьямъ и сестрамъ, если они уже находятся въ соборѣ, каждый новоприходящій также кланяется въ ноги и ему отвѣчаютъ тѣмъ же ⁽¹⁾. Начинается перекрестное возженіе свѣчей, куреніе омиама и проч., по окончаніи чего слѣдуетъ испрашиваніе прощенія первоначально у кормщика или у кормицы, а потомъ другъ у друга. У хлыстовъ это взаимное прощеніе свидѣтельствуется цѣлованіемъ ⁽²⁾, у скопцовъ же троекратнымъ земнымъ поклономъ ⁽³⁾. При этомъ, говоритъ Андреяновъ, скопческій учитель, поклонившись всему собранію въ знакъ мира, обращается ко всѣмъ присутствующимъ съ просьбой „помолиться за государя батюшку, избранныхъ ихъ, сидящихъ въ темницахъ, сосланныхъ въ ссылку и живущихъ по разнымъ странамъ“ ⁽⁴⁾. Потомъ, продолжаетъ свящ. Сергѣевъ, „учитель беретъ кадильницу, кадитъ иконы и предстоящихъ; отдавши кадильницу, учитель, по образцу нашихъ іерарховъ, кладетъ себѣ на плечи полотенце, подобіе омофора...., беретъ въ одну руку крестъ, въ другую—зажженную свѣчу, и вмѣстѣ со всѣми начинаетъ пѣть: царю небесный...., многое множество моихъ, Богородице, прегрѣшеній“ ⁽⁵⁾.... По свидѣтельству Андреянова и др. скопцовъ, скопцы въ означенное время поютъ молитвы „собственнаго сочиненія“, которыхъ у нихъ извѣстно только три: первая начинается словами: „Все упованіе“...., вторая— „Царство, ты царство, духовное царство“.... и третья— „Дай-ко намъ Господа Иисуса Христа“ ⁽⁶⁾... Осѣнив-

⁽¹⁾ Хр. Чт. 1869 г. № 9. 452 стр. и Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 119 стр.

⁽²⁾ Хр. Чт. 1869 г. № 9. 453 стр.

⁽³⁾ Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 295 стр.

⁽⁴⁾ Тамъ же.

⁽⁵⁾ Хр. Чт. 1869 г. № 9. 453 стр.

⁽⁶⁾ Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 122—124 стр. Тамъ же— 3 № 295 стр.

ши, по окончаніи пѣнія молитвъ, всѣхъ предстоящихъ крестомъ и свѣчею и выразивъ имъ свое радостное привѣтствіе о воскресеніи Христа, учитель, говоритъ Сергѣевъ, „ставитъ крестъ и свѣчу на мѣсто“⁽¹⁾; самъ онъ садится впереди, а прочіе „по достоинствамъ ихъ“⁽²⁾; каждый сектантъ разстилаетъ на колѣнахъ платокъ и полотенце; слѣдуетъ поученіе, въ которомъ кормщикъ или кормица указываютъ на милость Божію и побуждаютъ всѣхъ присутствующихъ къ ревностному пѣнію и радѣнію. Посидѣвши за тѣмъ нѣсколько времени, въ глубокомъ молчаніи, наставникъ обращается къ хозяину дома приблизительно съ такими словами: „ну-ко-сь, господинъ хозяинъ, благоволите-ка намъ съ государемъ батюшкою повеселиться, небесною пищею его насладиться, Богомъ-свѣтомъ завладать и на святомъ кругу его покатать“. Хозяинъ, вставши и поклонившись съ своей стороны, отвѣчаетъ напр. такъ: „родимый ты нашъ батюшка, пить знаешь: народъ Божій собрался не стѣнъ моихъ смотрѣть, а мягкихъ пироговъ (т. е. пророчествъ) твоихъ покушать и слова Божьяго отъ тебя, государя, послушать“. Тогда кормщикъ или кормица и всѣ прочіе, перекрестившись, начинаютъ пѣніе такъ назыв. сакраментальной молитвы: „Дай намъ, Господи, Иисуса Христа“⁽³⁾...., вслѣдъ за которою слѣдуютъ пѣніе прочихъ духовныхъ распѣвцевъ и радѣнія⁽⁴⁾. Доведенные бѣганьемъ и круженіемъ до совершеннаго изнеможенія, хлысты и скопцы прекращаютъ свои радѣнія, разсаживаются по своимъ мѣстамъ и продолжаютъ пѣніе нѣкоторыхъ своихъ распѣвцевъ, по окончаніи которыхъ слѣдуетъ изрѣченіе

(1) Хр. Чт. 1869 г. № 9. 453 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 295 стр.

(3) Хр. Чт. 1869 г. № 9. 453—454 стр. См. также у Андреева—Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 295—296 стр.

(4) Люди божіи, Добротъ 45 стр.

„общей“ и „частной судьбы“ (1). У ерыклинских монтанъ послѣ совершенія пророчествъ устроится „престолъ“ изъ двухъ широкихъ полотенцевъ, растянутыхъ въ плоскомъ видѣ. Этотъ престолъ обыкновенно поддерживаютъ четверо мужчинъ; по угламъ его держатъ четыре вожженныхъ восковыхъ свѣчи. Вокругъ престола становятся всѣ присутствующіе въ соборѣ и начинаютъ пѣть такъ назыв. „божіи суды“ (2). Лишь только окончатъ пѣніе послѣднихъ, „престолъ“ уничтожаютъ, всѣ присутствующіе, безъ различія пола и возраста, берутъ въ руки палки и строятся въ двѣ противоположныя колонны. Начинается кровополит-

(1) Люди божіи, Добротв. 54 стр. и Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3. 297 стр.

(2) Такихъ «божіихъ судовъ» у ерыклинскихъ монтанъ существуетъ девять, какъ они говорятъ, «по числу девяти чиновъ ангельскихъ» (Самар. Еп. Вѣд. 1875 г. № 15. 332 стр.). Текстъ одного изъ этихъ «судовъ» мы приводимъ здѣсь. Въ немъ, въ разговорной формѣ, раскрывается мысль о таинственномъ значеніи богослуженія монтанъ и, въ частности, показывается душеспасительное значеніе радѣній. Вотъ текстъ этого «божіяго суда». «Батюшка, гость богатый дорогой и царь небесный отецъ вмѣстѣ катаются и ликуются въ Іерусалимѣ Господнемъ, и ручка за ручку они схватились, къ устамъ приложились и, какъ надобно, поликовались, покатались они къ Дарьюшкѣ во палатушку. Гдѣ бы намъ Дарьюшка припокоиться?—Припокоился на печкѣ, на колбычкѣ, царь небесный Отецъ, а Сынъ Божій избранный за престоломъ впереди, на лавочкѣ. Вѣрны праведны пришли поприздравать, — Богу помолились, другъ другу поклонились. Гдѣ бы намъ Дарьюшка поприздравать? Подите, въ заднемъ ушочкѣ. Вѣрны праведны разрадовались, палатушка ходенемъ ходитъ; а батюшка Сынъ Божій стрепенулся, пречистую головушку приподнял, сталь на пречистыя ноженьки, подкатился къ печкѣ, колбычкѣ, положилъ свои пречистыя рученьки на печку, на колбычку. Батюшка, гость богатый, дорогой! чьи это утѣхи, чьи это забавы на матушкѣ на сырой землѣ? Эти утѣхи, эти забавы на себя не снимаю и на тебя не кладу. Батюшка, гость богатый, дорогой! чьи это утѣхи, чьи это забавы? Эти утѣхи, эти забавы съ 7-го неба превышняго Бога Саваога, отъ Кго брака Господняго, отъ лица Кго пречистаго, отъ престола Господняго, отъ креста распятаго, отъ трубы живогласныя, — много, много изъ ада душъ выведать» (Сам. Вѣд. 1875 г. № 15. 334 стр.).

ная битва; каждый сектантъ бьетъ другаго и притомъ такъ сильно, что у нѣкоторыхъ остаются всегдашніе знаки отъ побоища. У одного напр. сектанта отъ удара палкою образовалась на головѣ большая шишка, существовавшая нѣсколько лѣтъ. По окончаніи битвы палками, ерыклинскіе монтаны вьютъ изъ полотенцевъ жгуты и начинаютъ ими хлыстать другъ друга; хлыстаніе продолжается до тѣхъ поръ, пока сектанты не обезсилятъ совершенно. „Не повѣрилъ бы я сказанію о такомъ самоистязаніи людей божіихъ, говорить рассказывающій объ этомъ свящ. Вратскій, но въ подлинности сего удостовѣряетъ недавно обратившаяся изъ монтанской секты женщина, бывшая 12-тъ лѣтъ въ монтанствѣ и свидѣтельствующая о семь своею совѣстію. По сказанію ея, таковое жестокое біеніе себя жгутами монтаны употребляютъ для прогнанія изъ плоти бѣса, духа нечистаго, по выходѣ ко-его, будто бы и вселяется Духъ Божій въ душу послѣдователя монтанской секты и обитаетъ въ ней. Кромѣ сего, по мнѣнію монтанъ, біеніе жгутами имѣетъ то значеніе, что спасительные знаки добровольныхъ страданій есть какъ бы перстень обрученія съ Богомъ и будущая слава ихъ во царствіи небесномъ“⁽¹⁾. По словамъ Андреянова, скопцы, по окончаніи пророчествъ и толкованія послѣднихъ, поютъ: „Христосъ воскресъ“ собственнаго уложенія; „потомъ учитель кладетъ на лавку, подъ святыя образа, крестъ Господень и покровы отца-искупителя. Присутствующіе покорно кланяются въ землю и прикладываются къ кресту и къ покрову и кладутъ деньги по усердію, крестятся, попарно кланяются учителю въ землю“⁽²⁾. По свидѣтельству г. Добротворскаго, „всѣ еретики по окончаніи пророчествъ становятся предъ иконами и поютъ заключительную молитву о благополучномъ

(1) Самар. Вѣд. Еп. 1875 г. № 15. 332—333 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3, 298—299 стр.

возвращеніи въ дома: „Царю, свѣтъ небесный, милосердый нашъ Богъ“⁽¹⁾.... Такимъ образомъ, очевидно, что въ разныхъ хлыстовско-скопческихъ корабляхъ дѣйствія, слѣдующія за произнесеніемъ пророчествъ, бываютъ различны. Однако, всѣ хлысты и скопцы, кажется всѣхъ кораблей, сходятся въ одномъ, именно: всякій разъ по окончаніи обыкновеннаго и всякаго другаго радѣнія они всею соборомъ садятся за общій столъ „якобы за Господню трапезу въ царствѣ небесномъ, ликуя всѣ вмѣстѣ подобно ангеламъ и святымъ“. Поэтому, по правиламъ сектантовъ, каждый изъ нихъ, отправляясь въ соборъ, обязанъ нести съ собою и что либо изъ съѣстныхъ припасовъ или изъ напитковъ, въ родѣ чаю. Изъ этихъ-то принесенныхъ сектантами матеріаловъ готовится въ хозяйномъ дома общій обѣдъ или ужинъ и чай. По мнѣнію самихъ сектантовъ, они такую общую трапезу напоминаютъ будто-бы общія трапезы первенствующихъ христіанъ и поэтому усвояютъ ей названіе „тайной вечери“. Во время самой трапезы хлысты и скопцы поютъ приличные случаю распѣвцы и нерѣдко поминаютъ своихъ единовѣрцевъ-умершихъ и живыхъ, но находящихся гдѣ либо въ заключеніи или отлучкѣ⁽²⁾. За общую трапезу радѣніе оканчивается; всѣ скопцы, поэтому, тотчасъ же удаляются изъ собора и отправляются въ свои дома. При этомъ какъ замѣчено у нѣкоторыхъ скопцовъ, каждый выходящій долженъ поклониться всему собранію и сказать: „простите родимые братцы и сестрицы!“ собраніе въ свою очередь должно отвѣчать выходящему: „спаси тебя, Господи“⁽³⁾!

⁽¹⁾ Люди божіи — 57 стр.

⁽²⁾ Самар. Еп. Вѣд. 1873 г. № 15. 333 стр. Добротворскій — 57 стр. Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 138—140 стр. Тамъ же — 1. 156 стр. Сборн. Кельс. III. 159 стр. и т. дал.

⁽³⁾ Этнограф. Сборн. VI вып. 1864 г. Смѣсь. 6 стр.

Намѣченный нами порядокъ совершенія обыкновеннаго радѣнія у хлыстовъ и скопцовъ, само собою, не есть единственный; онъ видоизмѣняется почти въ каждомъ кораблѣ; только одна общая схема этого радѣнія остается, вѣроятно, неизмѣняемою. Съ такимъ именно характеромъ обыкновенное радѣние входитъ и во всѣ другія радѣнія, такъ что эти послѣднія отличаются отъ обыкновеннаго радѣнія только нѣкоторыми дѣйствіями, вызываемыми тѣмъ или другимъ случаемъ. Поэтому, чтобы не повторяться, мы, при изложеніи слѣдующихъ за этимъ радѣній, будемъ указывать только отличительныя ихъ дѣйствія, оставляя безъ вниманія такія дѣйствія, которыя общи съ обыкновеннымъ радѣніемъ.

Годовое радѣніе. Годовое радѣніе совершается въ самый долгій іюньскій день, большею частію около дня Пятидесятницы. Оно отличается отъ другихъ радѣній, между прочимъ, и необыкновенною продолжительностію совершенія: обыкновенно, въ этотъ день хлысты радѣютъ часовъ шесть до полночи и часовъ шесть послѣ полночи. Совершеніе годоваго радѣнія окружено у хлыстовъ необыкновенною таинственностію и невѣроятными видѣніями. „Въ срединѣ моленной комнаты, говоритъ г. Добротворскій, подъ поломъ выкопана большая яма и надъ ней въ полу прикрѣплена рѣшетка; надъ рѣшеткой ставится круглый чанъ, наполненный свѣжей водой и освѣщенный восковыми свѣчами“ (1). Вокругъ этого-то чана хлысты и радѣютъ въ этотъ разъ. „Когда, говорила Анна Скочкова, всколеблется вода (въ чанѣ), то всѣ, ставъ на колѣна, видятъ надъ чаномъ туманъ, а въ туманѣ младенца, сіяющаго свѣтомъ. Въ сію минуту они приходятъ въ ужасный трепетъ, дѣлаются безъ движенія, потомъ опаматовавшись и пришедъ въ себя, кланяясь другъ другу, говорятъ: „поздравляю тебя съ

(1) Люди божіи, 60 стр.

видѣніемъ Христа“ (1). По словамъ Савченковой, хлысты предъ временемъ этого необычайнаго видѣнія дѣлали „гласомъ своимъ вой съ произношеніемъ словъ: „Боже нашъ, выйди до насъ“ и „до таковымъ словамъ“ сдѣлался будто-бы шумъ воды въ чанѣ или паяликѣ, „на подобіе кипячей“; изъ чана будто-бы „вылѣзло что-то похожее на маленькаго ребенка мужеска пола нагое; сѣло на досточкѣ (которая была прикрѣплена вверху чана) и, обратившись ко всему собранію, будто бы говорило: „мнѣ кланяйтесь“ (2). Вслѣдъ за видѣніемъ чудеснаго младенца „пророчица, говоритъ г. Добротворскій, помазываетъ всѣхъ радѣльщиковъ водой изъ чана, приговаривая: „даромъ Св. Духа помазайтесь. Духомъ Св. наслаждайтесь и въ вѣрѣ не поколебайтесь“ (3). Воду изъ чана, по свидѣтельству Скочковой, хлысты „берутъ въ посудѣ по домамъ, какъ святыню“ (4). По словамъ г. Мельникова, въ нѣкоторыхъ корабляхъ въ годовое радѣніе поютъ пѣсни „матушкѣ сырой землѣ“, которую отождествляютъ съ богородицей. Богородица, одѣтая въ цвѣтное платье, выходитъ изъ подполья, вынося на головѣ чашку съ изюмомъ или другими сладкими ягодами и причащаетъ всѣхъ присутствующихъ (5). Впрочемъ, господ. Добротворскій считаетъ этотъ рассказъ Мельникова вымышленнымъ (6).

Радѣніе по случаю несчастія или желанія узнать будущее. — По образу своего совершенія это радѣніе отчасти походитъ на предъидущее. „Собравшіеся люди божіи, говоритъ г. Добротворскій подходятъ къ пророчицѣ, которая сидитъ обыкновенно впереди,

(1) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 381 стр. 2 примѣч.

(2) Правосл. Собесѣд. 1870 г. 1 ч. 23 стр.

(3) Люди божіи, 62—63 стр.

(4) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 381 стр. 2 примѣч.

(5) Тамъ же—381 стр.

(6) Прав. Собесѣд. 1870 г. 1 ч. 24 стр.

прикладываются къ ея колѣну и потомъ становятся около чана въ два круга, мужчины ближе къ чану, а женщины позади ихъ, тѣ и другіе лицомъ къ чану". Начинается радѣніе, сопровождаемое частымъ паденіемъ радѣльщиковъ ницъ предъ чаномъ; пророкъ и пророчица читаютъ въ это время со слезами разныя молитвы. Когда наступитъ полночь, мужчины спускаютъ рубушки по поясъ, женщины же сади по поясъ, а спереди по груди; тѣ и другія опоясываются полотенцами или рукавами рубашекъ. Въ такомъ полуобнаженномъ видѣ подходятъ къ пророчицѣ, которая каждому изъ нихъ вручаетъ жгутъ, свитый изъ полотенцевъ или вмѣсто послѣдняго три вербы, сложенные вмѣстѣ, ударяя предварительно каждого тѣмъ или другимъ по два раза, чрезъ правое и лѣвое плечо; пророкъ съ своей стороны ударяетъ каждого по разу. Заручившись орудіями казни, всѣ хлысты снова установливаются вокругъ чана: мужчины въ одинъ кругъ, женщины въ другой; начинаютъ совершеніе хороводнаго радѣнія, во время котораго задній бьетъ передняго приговаривая:

„Хлыщу, хлыщу, Христа ищу.

Сниди къ намъ Христе, со седмаго небесе,

Походи съ нами Христе, во святомъ во кругу,

Совати съ небесе,

Сударь Духъ Святыи!“

Такъ продолжается весьма долго, но радѣніе непременно прекращается, если только замѣтятъ колыканіе воды въ чанѣ, что, впрочемъ, случается не всякій разъ. Лишь только вода заколышется, всѣ сектанты моментально падаютъ на полъ и слышатъ будто бы изъ-подъ чана какой-то глухой голосъ. Этотъ глухой голосъ пророки и пророчицы внослѣдствіи толкуютъ, примѣняясь при этомъ, конечно, къ обстоятельствамъ, въ которыхъ находятся сами они и прочіе сектанты. Радѣніе оканчивается; воду изъ чана выпускаютъ чрезъ рѣшенку; сжигаютъ при этомъ одинъ пруть вербы на свѣчахъ; зажженныхъ вокругъ

чана, цѣлуютъ у пророчицы колѣно и расходятся. „Если кто изъ людей божіихъ усмотритъ на своей вербѣ кровь, то непременно беретъ этотъ пруть съ собой, называя его „обновленіемъ тѣла кровію“; при болѣзняхъ такой пруть жгутъ и глотаютъ отъ него дымъ“. Даже огарки свѣчей, горѣшикъ на чанѣ, хлысты съ жадностію раскватываютъ и хранятъ ихъ до дня смерти, когда эти огарки зажигаются снова, нѣкоторые же изъ нихъ полагаются вмѣстѣ съ умершимъ во гробъ; въ гробъ же кладутъ и вербу, употреблявшуюся на радѣніи (1).

По поводу моленія хлыстовъ предъ чаномъ и хлыстанія ихъ жгутами или вмѣсто послѣднихъ вербами, между двумя учеными изслѣдователями названной секты, господ. Мельниковымъ и г. Добротворскимъ, возникло разногласіе: первый пришелъ къ отрицанію этихъ фактовъ въ своихъ „Вѣлхъ голубяхъ“, второй, напротивъ, отстаиваетъ существованіе у хлыстовъ и моленія предъ чаномъ и хлыстанія. Въ своемъ изложеніи годоваго радѣнія и вызываемаго несчастіями или желаніемъ проникнуть въ будущее мы придерживались мнѣній г. Добротворскаго. Дѣйствительно, послѣднимъ въ статьѣ, „Къ вопросу о людяхъ ложіихъ“ (2), собрано значительное количество, по видимому, неоспоримыхъ свидѣтельствъ въ пользу того положенія, что хлысты радѣютъ около чана и хлышутся при этомъ. Думаетъ, однако, что и г. Добротворскій не правъ, утверждая, что радѣніе предъ чаномъ съ хлыстаніемъ допускается хлыстами только въ двухъ случаяхъ: во время годоваго радѣнія и радѣнія вызываемаго несчастіями или желаніемъ узнать будущее. Мы уже видѣли, что ерыклинскіе монтаны по окончаніи пророчествъ въ обыкновенномъ радѣніи не только хлышутъ другъ

(1) Добротворскій, Люди божіи, 60—62 стр.

(2) Прав. Соб. 1870 г. 4 ч. 23—25 стр.

друга жгутами, но устроиваютъ между собою настоящую битву. Къ этому присоединимъ еще разсказъ свящ. Павильонова о кавказскихъ „кадушникахъ“. „Религіозныя собранія кадушниковъ, говоритъ свящ. Павильоновъ, проиходятъ обыкновенно ночью; въ домѣ, гдѣ они собираются, ставится кадка, въ которую предварительно и незамѣтно для постороннихъ глазъ усаживается человекъ, слывущій у сектантовъ за Христа, а самая кадушка покрывается бѣлымъ полотномъ или одѣяломъ. Затѣмъ собравшіяся мужчины и женщины начинаютъ вокругъ кадушки ходить, прыгать и пѣть разныя пѣсни. При этомъ они хлыщутъ себя вѣвниками и приговариваютъ: „хлысть хлыщу, Христа ищу; выдь Христось наружу, вынеси денегъ на нужду“ (1)... Такимъ образомъ, можно съ вѣроятностію допустить, что моленіе предъ чаномъ, соединенное при этомъ съ бичеваніемъ другъ друга, употребляется хлыстами и во время обыкновеннаго радѣнія, но сопровождается ли оно такими же странными видѣніями, какія, по суевѣрію хлыстовъ, происходятъ въ годовое радѣніе и въ радѣніе, вызываемое несчастіями или желаніемъ узвать будущее, трудно рѣшить. Однако, судя по употребленію, какое дѣлаютъ хлысты изъ мнимыхъ видѣній, можно предполагать, что такихъ видѣній не можетъ и не должно быть при обыкновенномъ радѣніи.

Къ числу обрядовъ, совершаемыхъ исключительно только одними хлыстами и опредѣленно не приурочиваемыхъ ни къ одному изъ описанныхъ нами выше трехъ видовъ богослуженія, но, какъ намъ кажется, имѣющимъ мѣсто при совершеніи каждаго изъ этихъ трехъ видовъ богослуженія, относятся: свальный грѣхъ, причащеніе грудью дѣвicy и причащеніе тѣломъ и кровью младенцевъ. Свальный грѣхъ есть общій развратъ всего корабля. Такому

(1) Москов. Еп. Вѣд. 1876 г. № 26. 211 стр.

разврату хлысты предаются послѣ долгаго и изнурительнаго бѣганья и круженія, когда они, истомленные до крайности и физически и душевно, падаютъ на полъ и здѣсь, потушивши предварительно огонь, начинаютъ любодѣйствовать, не разбирая при этомъ ни возраста, ни узъ родства. (1) Сами хлысты усвояютъ этому противоестественному разврату какое-то священное значеніе и называютъ свальный грѣхъ не иначе, какъ „христовою любовію“. Они думаютъ, что, предаваясь общему разврату, они тѣмъ самымъ „истребляютъ грѣхъ“, который, по ихъ мудрованію, можетъ быть уничтоженъ только грѣхомъ же. „Христосъ принявъ плоть отъ Адама, говоритъ Радаевъ, чтобы грѣхомъ грѣхъ потребить, а я принявъ плоть и творю плотское, чтобы грѣхомъ грѣхъ истребить“ (2). Впрочемъ, по другимъ извѣстіямъ хлысты практикуютъ свальный грѣхъ, между прочимъ, съ тою цѣлію, чтобы имѣть дѣтей рожденныхъ, какъ говорятъ хлысты, отъ Духа Святаго, такъ назыв. „христосиковъ“. Хлысты богохульствуютъ, что дѣти, зачатыя отъ свальнаго грѣха, происходятъ не отъ крови, не отъ хотѣнія плоти, не отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога. „Такія дѣти, говоритъ г. Добротворскій, воспитываются обыкновенно — мужескій полъ у пророковъ, а жен-

(1) Описаніе подробностей этого противоестественнаго разврата см. у Кельсиева (Заря 1869 г. № 10. 1 отд. 10 и 11 стр.). Одинъ изъ новѣйшихъ писателей — Юзовъ даже сомнѣвается въ существованіи у хлыстовъ свальнаго грѣха (Старовѣры и духъ христіане. Спб. 1884 г. 175 стр.); другіе, напр. г. Добротворскій (Люди бож., 63 стр.), допускаютъ совершеніе этого обряда только на двухъ радѣніяхъ — годовомъ и вызываемомъ несчастіями или желаніемъ узнать будущее. Намъ кажется, что ни послѣднее мнѣніе, ни тѣмъ болѣе первое, не могутъ быть приняты. По искреннему признанію самихъ хлыстовъ, свальный грѣхъ совершается ими не только въ указываемое ученими послѣдovatелами время, но и послѣ совершенія обыкновеннаго радѣнія.

(2) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 383 стр. 1 примѣч.

скій — у пророчиць, и в послѣдствіи заступаютъ ихъ мѣсто въ обществѣ еретиковъ“ (¹).

Извѣстія объ обрядѣ причащенія грудью дѣвщины находятся у г. Кельсіева, барона Гакстгаузена (²) и у г. Мельникова (³). Въ этихъ извѣстіяхъ совершеніе названнаго обряда описывается такъ. Первоначально на одномъ изъ радѣній—обыкновенномъ или случайномъ происходитъ выборъ дѣвушки, долженствующей стать хлыстовской богородицей и сдѣлаться жертвою ужаснаго звѣрства. Избранную дѣвушку, которая должна быть безукоризненна по своей наружности и имѣть не болѣе 15 или 16 лѣтъ отъ рожденія, тутъ же одна изъ пророчиць привѣтствуетъ какъ „богородицу“ и передаетъ ей желаніе всего корабля пріобрѣтаться ея тѣломъ и имѣющимъ произойти отъ нея „христосикомъ“. Понятно, несчастная жертва звѣрскаго фанатизма ничего не возражаетъ противъ этого предложенія. Тотчасъ же старшіе пророчицы снимаютъ съ нея одежду и нагую сажаютъ на возвышенное мѣсто подъ образа. Всѣ присутствующіе сектанты—и мужчины и женщины начинаютъ боготворить объявившуюся „хозяйку“: на нее молятся, ей кланяются, цѣлуютъ ея руки, ноги, колѣнки и пр.; называютъ ее богородицей, царицей небесной, владычицей и т. п. По окончаніи боготверенія происходятъ радѣнія, вслѣдъ за которыми совершается свальный грѣхъ. Этимъ и оканчивается обрядъ избранія богородицы. Черезъ нѣсколько времени, когда приосуживающія новоизбранной богородицѣ пророчицы замѣтятъ ея беременность, хлысты снова собираются въ моленную комнату и въ это-то время совершаютъ

(¹) Люди божіи, 64 стр.

(²) По словамъ Гакстгаузена, этотъ обрядъ совершается ночью на пашѣ (Исклѣд. внутр. отнош. нар. жизни рус. нар. т. 1. 227 стр. 3 стр.).

(³) По Мельникову, причащеніе грудью дѣвушки совершается только въ нѣкоторыхъ корабляхъ—изрѣдка—лѣтъ черезъ десять и болѣе. Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 382 стр.

свой обряд причащенія грудью богородицы. Посреди комнаты ставят большой чанъ, наполненный теплою водою. Послѣ совершенія нѣкоторыхъ видовъ радѣнія, въ чемъ участвуетъ и новоизбранная богородица, послѣднюю вышеозначеннымъ способомъ боготворятъ и потомъ голую ведутъ къ чану и сажаютъ въ него, предварительно связавъ ее. Здѣсь, держа въ рукахъ образъ Перукотвореннаго Спаса или Св. Духа, она сидитъ безъ движеній, сосредоточивъ все свое вниманіе на образѣ. Между тѣмъ, хлысты въ это время исполняютъ свой радѣнны и по временамъ подходятъ къ чану, чтобы поклониться сидящей въ немъ. Наконецъ, когда умолкнутъ пѣсни и прекратятся радѣнія, одна изъ старшихъ, уже бывалыхъ въ этой роли, пророчицъ подходитъ къ чану и, обращаясь къ сидящей въ немъ съ словами: „даждь намъ, мать пресвятая богородица, приобщиться пресвятаго тѣла твоего“, отрѣзываетъ у нея ножомъ лѣвую грудь и прижигаетъ рану раскаленнымъ желѣзомъ. Отрѣзанный членъ тѣла кладутъ на блюдо, разрѣзываютъ на мелкіе куски и раздаютъ всѣмъ присутствующимъ, которые тутъ же и ѣдятъ ихъ. Окончивши страшное причащеніе, изуродованную дѣвушку снова сажаютъ на возвышенное мѣсто подъ образа, повторяется боготвореніе; радѣнны, по Гакстгаузену, снова оканчиваются свальнымъ грѣхомъ ⁽¹⁾.—Съ рожденіемъ отъ изуродованной дѣвушки младенца мужескаго пола ⁽²⁾ наступаетъ еще болѣе страшное событіе. Невиннаго

⁽¹⁾ Заря. 1869 г. № 10. 13, 15—18, 21—22 стр. Исслѣд. внутр. отн. народ. жизни рус. народа. т. 1. Москва. 227 стр. 3 прил. Рус. Вѣсти. 1869 г. № 3. 384—386 стр.

⁽²⁾ Если бы отъ изуродованной дѣвушки родился младенецъ женскаго пола, то въ такомъ случаѣ причащенія не происходитъ и сектанты, вѣроятно, избираютъ невою богородицу. Рожденную же дѣвочку отдаютъ на воспитаніе матери съ тѣмъ, чтобы послѣдняя подготовила ее къ будущей роли богородицы или пророчицы (Рус. Вѣсти. 1869 г. № 3. 387 стр.).

и беззащитнаго младенца на восьмой день отъ его рожденія „закаляютъ въ лѣвый бокъ“, „пронзаютъ ему сердце“ и съ жадностію поглощаютъ теплую кровь, истекающую изъ него. Тѣло младенца сушатъ и превращаютъ въ порошокъ, съ которомъ подѣ пекутъ калачи, коими и причащаются вмѣстѣ съ водой, или же добытый порошокъ раздѣляютъ каждому изъ присутствующихъ по щепоткѣ. Какъ закланіе младенца, такъ равно и причащеніе его кровію и тѣломъ хлысты производятъ во время своихъ богослужебныхъ собраній (¹).

По мнѣнію хлыстовъ, причащеніе грудью дѣвочки и тѣломъ и кровію младенцевъ совершается ими на основаніи писанія. Относительно первую хлыстовская богиня Авдотья говорила: „богородица, сказано въ писаніи, должна быть едино тѣло и единая плоть съ церковію; значить, разсуждала она далѣе, плотию своею надо церковь насытить“; это „дѣлается у божіихъ людей“, которые, такимъ образомъ, только исполняютъ то, что „показано отъ двѣнадцати апостоловъ и отъ семи вселенскихъ соборовъ“ (¹). Относительно втораго таже хлыстовская богиня указывала на примѣръ Пресвятой Дѣвы Маріи, которая рожденнаго ею отъ Св. Духа Иисуса Христа на восьмой день отдала вѣрующимъ на закланіе, которое въ Писаніи обозначено именемъ „обрѣзанія“, но это „обрѣзаніе“, по словамъ Авдотьи, не есть „ни мерзость жидовская, ни мерзость скопическая“, а подѣ нимъ должно разумѣть действительное закланіе, „копьемъ въ бокъ, какъ объ этомъ показано отъ Писанія“ (²). Закланіе Иисуса Христа, по словамъ другихъ хлыстовъ, совершенно было про-

(¹) Заря. 1869 г. № 10. 28—29 стр., Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 387 стр.

(²) Заря. 1869 г. № 10. 4 отд. 21 стр.

(³) Тамъ же, 27 стр.

рокомъ Симеономъ и пророчицею Анною ⁽¹⁾. Чрезъ тридцать лѣтъ послѣ закланія перваго Иисуса Христа, разсуждаютъ хлысты, желая, очевидно, оставаться вѣрными евангельской исторіи, Дѣва Марія родила духовно, т. е. обратила въ вѣру людей божіихъ новаго Иисуса, сына плотника Иосифа, который и сдѣлался Христомъ ⁽²⁾.

Обряды причащенія грудью дѣвицы и тѣломъ и кровію младенцевъ, совершаемые хлыстами, сами по себѣ такъ ужасны и гнусны, что справедливо могли возбудить въ нѣкоторыхъ ученыхъ изслѣдователяхъ сомнѣніе въ дѣйствительномъ ихъ существованіи. „Изъ уваженія къ челоуѣчеству, говоритъ г. Добротворскій, и къ здравому смыслу русскаго народа я желалъ бы отвергнуть.... хлыстовскій обрядъ.... причащенія тѣломъ и кровію... Этотъ разсказъ (т. е. о причащеніи тѣломъ и кровію) слишкомъ напоминаетъ ложные разсказы язычниковъ о яденіи христіанами младенцевъ и такіе же разсказы христіанъ о яденіи „жидами“ христіанскихъ дѣтей. Можно еще допустить причащеніе изувѣрныхъ сектантовъ грудью обожаемой дѣвицы (богородицы, богини); но причащеніе кровію младенца невѣроятно и несогласимо съ извѣстными въ жизни сектантовъ фактами“. Подъ фактами г. Добротворскій разумѣетъ между прочимъ, дѣло о крестьянскомъ мальчикѣ Зюзинѣ, который, будучи зачатъ въ овальномъ грѣхѣ, пользовался особеннымъ уваженіемъ, какъ будущій пророкъ. И, вообще, „если бы дѣйствительно хлысты закаляли младенцевъ мужескаго пола, заключаетъ г. Добротворскій, такого факта между ними не было бы и они не имѣли бы пророковъ отъ чрева матери“ ⁽³⁾. Г. Н. Варсовъ также сомнѣвается въ существованіи у хлыстовъ обрядовъ причащенія

⁽¹⁾ Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 388 стр.

⁽²⁾ Тамъ же и Заря. 1869 г. № 10. 28 стр.

⁽³⁾ Прав. Собесѣд. 1870 г. 4 кн. 25, 27—28 стр.

и грудью дѣвушки и тѣломъ и кровію младенцевъ. Онъ приписываетъ происхожденіе молвы о существованіи у хлыстовъ подобныхъ обрядовъ „суевѣрному взгляду“ православнаго народа на хлыстовщину. Онъ рѣшительно считаетъ невозможнымъ, чтобы „такое ужасающее и омерзительное явленіе, какъ мнимое людоедство, хлыстовъ, осталось неизвѣстнымъ ни одному изъ составителей записокъ и донесеній о хлыстовщинѣ“ (¹).... Намъ кажется, что сомнѣніе двухъ понтенныхъ изслѣдователей хлыстовской секты въ существованіи двухъ означенныхъ обрядовъ у хлыстовъ—не основательно. Извѣстія объ этихъ обрядахъ переданы тремя лицами, которыя въ свою очередь почерпали свѣдѣнія, по собственному ихъ признанію, или отъ самихъ хлыстовъ или же отъ людей близкостоявшихъ къ хлыстамъ и притомъ двое изъ нихъ почерпами свѣдѣнія не отъ одного какого нибудь чело-вѣка, а отъ двухъ, трехъ и болѣе (²). И замѣчательно, передавая рассказъ объ однихъ и тѣхъ же фактахъ, три писателя обнаруживаютъ въ описаніи ихъ замѣчательное согласіе между собою даже въ подробностяхъ. Быть не можетъ, поэтому, чтобы всѣ извѣстія объ этихъ обрядахъ были заведомо ложны въ самомъ своемъ источникѣ. Странно думать также, что будто бы извѣстія объ ужасныхъ обрядахъ причащенія хлыстовъ обязаны своимъ происхожденіемъ суевѣрному взгляду православнаго народа на хлыстовщину, подобно тому, какъ такой же взглядъ древнихъ язычниковъ на христіанъ породилъ извѣстія о

(¹) Христ. Чт. 1869 г. № 9. 464 стр.

(²) В. Кельсиевъ кромѣ богини Авдотьи слышалъ рассказъ объ обрядахъ причащенія еще отъ двухъ лицъ, какъ онъ самъ объ этомъ пишетъ (Заря 1869 г. № 10. 24 стр.); Мельниковъ слышалъ отъ нѣкоторыхъ лицъ (Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 384 стр.); Гакстгаузенъ—отъ своего писаря, который въ свою очередь даже „зналъ нѣсколькихъ дѣвушекъ, подвергавшихся страшной операціи (Ислѣд. внутр. отн. народ. жизни Россіи. т. 1. 227 стр. 3 прилѣт.)“.

существованіи у послѣднихъ дѣтубійства,—странно потому, что слухъ о существованіи этихъ ужасныхъ обрядовъ исходитъ не отъ православныхъ, а отъ самихъ хлыстовъ. Указываемый, далѣе, г. Добротворскимъ прииѣръ Зюзина, который, будучи зачатъ въ свальномъ грѣхѣ, не только не былъ умерщвленъ, но и пользовался уваженіемъ, какъ будущій пророкъ, не имѣеть, по нашему мнѣнію, и не можетъ имѣть опровергающаго значенія въ вопросѣ о существованіи у хлыстовъ причащенія тѣломъ и кровію. Зюзинъ былъ зачатъ въ свальномъ грѣхѣ, но неизвѣстно, происходилъ ли онъ отъ богородицы или пророчицы или же отъ простой хлыстовки, а въ данномъ случаѣ это обстоятельство имѣеть важное значеніе, такъ какъ хлысты причащаются тѣломъ и кровію не всякаго младенца, а только рожденного богородицею. Далѣе, подобныхъ Зюзину, зачатоу въ свальномъ грѣхѣ, въ хлыстовскихъ корабляхъ обрѣтается множество, такъ какъ извѣстно, что свальному грѣху хлысты предаются всѣ безъ исключенія; слѣдовательно, можно даже предполагать объ избыткѣ лицъ, подобныхъ Зюзину. Наконецъ, вовсе несправедливо представляется намъ догадка г. Добротворскаго о томъ, что будто бы хлысты считаютъ обязательнымъ закономъ имѣть въ своихъ корабляхъ пророковъ „отъ чрева матери“. Самъ же г. Добротворскій въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „въ какомъ нибудь кораблѣ или общинѣ людей божіихъ вдругъ ни съ того, ни съ сего является пророкъ—и всѣ члены этой общины, оказываютъ ему безусловную покорность“ (1). Очевидно, такимъ образомъ, что никакого обязательнаго закона, опредѣляемаго рожденіемъ человѣка, хлысты не наблюдаютъ при избраніи себѣ пророковъ и ни въ ученіи, ни въ практикѣ хлыстовъ мы не находимъ этого закона. Притомъ, существуетъ даже

(1) Люди божіи, 24 стр.

извѣстіе, и, какъ намъ кажется, вполне основательное и справедливое, что хлыстовки предпринимаютъ далекія странствованія съ тѣмъ, „чтобы скрыть свой стыдъ—разрѣшиться отъ преступнаго бремени“; иныя же прибѣгаютъ, какъ намъ уже извѣстно, къ вытравливанію младенцевъ или иному средству. Ясно, что такое отношеніе хлыстовокъ—матерей къ своимъ незаконнымъ дѣтямъ нисколько не благопріятствуетъ будущности послѣднихъ, не говоритъ о ихъ будущемъ величій въ званіи пророковъ.

Новымъ и, кажется, вполне убѣдительнымъ доказательствомъ существованія у хлыстовъ обряда причащенія тѣломъ и кровію младенцевъ служитъ напечатанное у Пеликана слѣдственное дѣло „о явившихся въ Переяславлѣ Залѣскомъ квакерской ереси согласникахъ“. Правда, изъ этого въ высшей степени интереснаго и важнаго документа не видно, происходили ли младенцы, употребленные хлыстами для своего причащенія отъ мнимыхъ богородицъ или же отъ простыхъ хлыстовокъ. Правда и то, что подсудимыя лица, сначала признававшіяся въ гнусномъ людоедствѣ, впоследствии отреклись отъ своихъ показаній, какъ вынужденныхъ будто бы отъ нихъ „подъемомъ на дыбу и страхомъ“⁽¹⁾. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Пеликанъ, „не смотря на упорство и отрицанія подъ огнемъ и на дыбѣ нѣкоторыхъ согласниковъ—умерщвленіе младенцевъ и причащеніе ихъ кровію составляютъ религіозно-историческій фактъ“. Измѣнчивость показаній со стороны преступниковъ, по замѣчанію того же писателя, могла произойти или „отъ увѣщанія другихъ товарищей по преступленію, или же отъ ожесточенія, могущаго быть въ челоуѣкѣ, когда его пытаются ради всякаго лишняго слова“⁽²⁾. Въ этомъ, названномъ нами, документѣ указаны четыре случая умерщвленія младенцевъ съ одною и

(1) Суд.-мед. изслѣд. скоч. 120 стр.

(2) Тамъ же, 121 и 122 стр.

тою же цѣлю и притомъ какъ мужескаго пола, такъ и женскаго. Обряды, какими сопровождалось совершение дѣтубійства, равно какъ и обряды причащенія во всѣхъ четырехъ случаяхъ—почти одинаковы. По рожденіи младенца (большою частію перваго) надъ нимъ главный учитель совершалъ обрядъ крещенія, который состоялъ въ томъ, что учитель, взявъ на руки младенца, ходилъ съ нимъ вокругъ стола посолонь и троекратно пѣлъ при этомъ извѣстный распѣвъ: „Дай къ намъ, Господи!“...; по окончаніи хожденія учитель „обводилъ вокругъ головы младенца“ осмиконечнымъ крестомъ, трижды прикладывая послѣдній къ головѣ перваго ⁽¹⁾. Впрочемъ, другой учитель Григорій Артамоновъ не совершалъ круговаго хожденія съ младенцами; онъ производилъ только послѣдній актъ описаннаго обряда крещенія ⁽²⁾. Черезъ недѣлю и даже чрезъ двѣ по рожденіи младенца производили обрядъ его закланія. По словамъ Артамонова, Прокофьевъ (учитель хлыстовъ) „кололъ младенцевъ въ груди и, разрѣзывая брюхо и кровь изъ нихъ испуская въ судно, вынималъ сердца, а тѣла зарывалъ въ кельяхъ и въ сѣняхъ ихъ въ землю“ ⁽³⁾. Осиповъ производилъ это страшное убійство нѣсколько иначе. По сознанію его, онъ, приказавъ „дѣвкѣ“ (своей любовницѣ) взять младенца на руки, прочелъ надъ нимъ стихъ: „Дай къ намъ Господи!“ закололъ того младенца небольшоимъ складнымъ ножикомъ въ гортань, кровь источилъ въ оловянный стаканъ, а по истеченіи крови взрѣзалъ и поднялъ грудь и вынулъ сердце. Когда отъ выпущенной изъ гортани крови отдѣлилась вода, Осиповъ эту воду слилъ въ особенный пузырекъ, а кровь и сердце положилъ на сковороду, отдѣливъ ихъ одно отъ другой, и поста-

⁽¹⁾ Суд.-мед. изслѣд. скопч. 118 стр.

⁽²⁾ Тамъ же, 116 стр.

⁽³⁾ Тамъ же.

вилъ въ топленую печь; когда же кровь и сердце высохли, онъ ихъ истолокъ на столѣ толкушкою мелко, смѣлъ со стола тряплицю, завернулъ въ бѣлую бумагу и хранилъ въ ларцѣ. Тѣло младенца завернули въ бѣлую тряплицу и схоронили съ цѣннѣмъ трисятаго⁽¹⁾. Изъ добытыхъ такимъ образомъ младенческой крови и сердца хлыстовскіе наставники приготовляли причастіе. Способъ этого приготовления, а равно и самаго причащенія, довольно подробно описанъ слѣдственной комиссіей оо словъ хлыста Сергѣя Осипова. „И къ тѣмъ сборищамъ⁽²⁾, говорится въ доношеніи этой комиссіи, Осиповъ цокупалъ пшеничной муки (5 ф.) и, замѣся изъ ней на водѣ и на дрожжахъ фунта съ два и положиа въ тотъ замѣсъ слитую съ крови воду и толченое съ кровію сердце все, и говоря только едину молитву: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій и проч.“, стиралъ то тѣсто и сдѣлалъ изъ него небольшихъ пять хлѣбцевъ, на подобіе булокъ, которые испекъ ночнымъ временемъ. Созвавъ согласниковъ прежнихъ и вновь обученныхъ, Осиповъ вступилъ въ начальство и началъ свои обряды. По окончаніи верченія, трясенія и говоренія рѣчей, взявъ два хлѣбца (изъ 5), изрѣзалъ на небольшіе кусочки, положилъ на блюдо, налилъ въ деревянную кружку воду, куда положилъ крошки отъ рѣзаннаго хлѣба⁽³⁾ и поставилъ на скамейку. И около той чаши и кружки прилѣпилъ зажженныя восковыя свѣчи и, снявъ со стѣны мѣдный осьмиконечный крестъ, погружалъ въ ту воду трижды, говоря „во имя Отца и Сына и Св. Духа“. И потомъ онъ, Осиповъ, раздавалъ каждому по единому кусочку и велѣлъ запивать тою водою, а самъ стоялъ подлѣ скамьи.

(1) Суд.-мед. изсл. скопч. 118 стр.

(2) Т. е. къ сборищамъ, возобновленнымъ въ Москвѣ послѣ страшнаго разгрома хлыстовскихъ кораблей, случившагося въ 1733—1734 гг.

(3) Въ показаніи Артамонова говорится, что «кровь кладъ въ воду и давали запивать» (Суд.-мед. изсл. скопч. 116 стр.).

и говорилъ согласникамъ, чтобы они принимали вмѣсто тѣла и крови Христа Спасителя, ибо въ хлѣбѣ и водѣ имѣется тѣло и кровь рожденнаго и закланнаго отъ него, Осипова, младенца, яко сущаго агнца, и чтобы они принимали со страхомъ. И оное Осиповъ и согласники его поставляли свѣше Св. Евхаристіи“ (1).

Итакъ, фактъ причащенія хлыстами тѣломъ (собственно сердцемъ) и кровію младенцевъ не можетъ подлежать сомнѣнію; его существованіе подтверждается не только разсказами частныхъ лицъ, но даже оффиціальнымъ разслѣдованіемъ. Мы можемъ даже утверждать, что распространеніе этого въ высшей степени звѣрскаго обряда, было весьма значительно. Мы думаемъ даже, что и въ настоящее время этотъ обрядъ не исчезъ совершенно изъ практики хлыстовъ. Къ этому послѣднему предположенію приводятъ насъ нѣкоторыя извѣстія о хлыстахъ, отъ времени до времени встрѣчающіяся въ разныхъ газетахъ. Такъ, по сообщенію „Рус. Правды“ изъ Екатеринбургa, въ Невьянскомъ заводѣ обнаружена въ 1878 г. кража дѣтей послѣдователями „какой-то новой секты“. Уворованныхъ дѣтей „закалали“ и причащались ихъ кровію. Одинъ изъ случаевъ кражи былъ обнаруженъ. Воромъ оказался какой-то проходимецъ, называвшій себя Иисусомъ Христомъ. Онъ, вызвавшись излѣчить младенца у одной женщины, отправился съ послѣднею къ ручью и здѣсь при удобномъ случаѣ убѣжалъ отъ нея, взявши съ собою и ея младенца. По слѣдамъ, полиція отыскала домъ фанатика-изувѣра и здѣсь „подъ печкой“ оказался гротъ, гдѣ, по всѣмъ признакамъ, производилось чудовищное безпримѣрное

(1) Суд.-мед. изв. скопч. 119 стр. Въ другихъ показаніяхъ говорится, что свое причащеніе учителя называли лучше церковнаго, понеже де у нихъ самое тѣло и кровь Христова, и дается де для укрѣпленія и спасенія, чтобъ въ той ихъ вѣрѣ быть имъ крѣпкими (Тамъ же, 116 стр.).

закланіе“⁽¹⁾. Намъ неизвѣстно, производилось ли судебное слѣдствіе по этому весьма важному случаю и если производилось, то каковы были его результаты. Думаемъ, однако, что „подъ новою сектою“ корреспондента должно разумѣть хлыстовщину.

Простая беседа. Составъ простой бесѣды несколько не можетъ изобличить ея происхожденія. Въмѣсто радѣній, пророчествъ и т. п. хлысты и скопцы во время простой бесѣды читаютъ священное писаніе, писанія св. отцовъ, особенно аскетическія, житія святыхъ, разныя богослужебныя книги и это чтеніе, конечно, сопровождають приличными толкованіями. Кромѣ чтенія книгъ во время простой бесѣды упражняются и въ пѣніи; поютъ обыкновенно разныя церковныя пѣсни или псалмы, иногда же и народныя стихи напр. объ Іосифѣ прекрасномъ, объ Іосафѣ царевичѣ и др. Само собою понятнo, не оставляють въ это время и произнесенія поученій, которыя всецѣло направляются къ тому, чтобы заставить слушателей проникнуться мыслями о полномъ самоотверженіи, воздержаніи и цѣломудріи, суетности міра и мірскихъ удовольствій и т. д.⁽²⁾ Такимъ образомъ, въ составѣ простой бесѣды мы тщетно старались бы отыскать что либо еретическое, принадлежащее сектамъ хлыстовъ и скопцовъ. И такой составъ простой бесѣды вполне гармонируетъ съ цѣлію ея совершенія. Цѣль простой бесѣды—двойная. Съ одной стороны, совершители простой бесѣды имѣють въ виду замаскировать себя—и свое богослуженіе и свое ученіе. Поэтому, простая бесѣда совершается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда внезапно, нечаянно постигаетъ хлыстовско-скопческое собраніе какая либо опасность, въ видѣ ли посѣщенія неизвѣстныхъ лицъ или мѣстныхъ властей—свѣтскихъ и духов-

(1) Изъ Москов. Еп. Вѣд. 1879 г. № 6. 49 стр.

(2) Добротворскій, Люди божіи, 43 стр. Нѣкоторыя указанія на составъ простой бесѣды можно найти и у Преображенцева — Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 6. 199—202 стр.

ныхъ (¹). Съ другой—простая бесѣда есть средство для привлеченія въ секту новыхъ прозелитовъ и въ этомъ отношеніи она, очевидно, имѣетъ связь съ прочими видами хлыстовско-скопческой пропаганды. Какъ одно изъ средствъ пропаганды простая бесѣда по достиженію цѣли можетъ быть поставлена, особенно у хлыстовъ, въ числѣ главныхъ. Если вѣрить разсказу Преображенцева, жертвою злонамѣренности хлыстовъ сдѣлался даже одинъ помѣщикъ зарайскаго уѣзда, рязанской губерніи (²). Имѣя въ виду привлеченіе въ свое общество новыхъ членовъ, хлысты и скопцы еовершаютъ простыя бесѣды преимущественно въ праздники православной церкви (³). Въ эти дни, какъ извѣстно, православные поселяне и отчасти горожане прекращаютъ свои обычныя занятія и тогда какъ одни изъ нихъ предаются въ это время безобразіямъ пьянаго разгула, другіе—по самому душевному настроенію люди благочестивые, — напротивъ, ищутъ благочестивыхъ разговоровъ, спасительной бесѣды. Для этихъ-то послѣднихъ лицъ хлысты и скопцы и устраиваютъ западню, носящую названіе „святой бесѣды“; они ищутъ такихъ людей и съ охотою отворяютъ имъ двери своихъ моленныхъ домовъ. И весьма возможно, что многіе изъ простодушныхъ и легковѣрныхъ православныхъ христіанъ дѣлаются жертвами хлыстовско-скопческой пропаганды и переходятъ въ ихъ общество.

Обрядъ принятія въ секту. Обрядъ принятія въ секту называется у хлыстовъ и скопцовъ „приводомъ“ (⁴). Можно думать, что такое наименованіе это-

(¹) Простая бесѣда съ такою цѣлію особенно часто практиковалась напр. скопцами въ то время, когда Селвановъ жилъ въ Петербургѣ.

(²) Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 6. 199—202 стр. и № 7. 227—229 стр.

(³) Добротворскій, Люди божіи, 42 стр.

(⁴) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 22. 271 стр. Барсовъ, Духов. ст. люд. бож. № 46, 74 стр., и 50, 80 стр.

го обряда составлено сектантами на основаніи религиозно-нравственнаго значенія, усвояемаго ими совершенію самаго обряда. По мнѣнію хлыстовъ и скопцовъ, совершеніе обряда принятія въ секту имѣетъ громадное религиозно-нравственное значеніе для вновь поступающаго въ секту; послѣдній, въ глазахъ сектантовъ, какъ бы „рождается во второй разъ“; вся его прежняя жизнь, всѣ его грѣхи уничтожаются, „спадають“, съ совершеніемъ надъ нимъ привода (¹); онъ становится человѣкомъ новымъ, „воинномъ заграничнымъ царя небеснаго“, по выраженію скопцовъ (²). По словамъ пѣсни, хлысты и скопцы по совершеніи надъ ними обряда принятія въ секту

„Во вторые родились,
Злой природы свободились (³).“

Далѣе, каждый подвергшійся обряду привода долженъ считать себя всецѣло преданнымъ тому обществу, въ которое онъ поступилъ; для него не должно существовать того „грѣшнаго міра“, изъ котораго онъ вышелъ; онъ не можетъ или, по крайней мѣрѣ, не долженъ оставлять своего общества. По вѣрованію скопцовъ и, вѣроятно, хлыстовъ во время совершенія привода „сходитъ съ неба ангелъ божій и записываетъ приводимую душу въ томъ, что она обѣщаетъ служить Богу до конца жизни вѣрно“ (⁴). Поэтому, пророки, хлысторъ и скопцовъ считаютъ своею непременною обязанностію по временамъ напоминать своимъ единовѣрцамъ о неуклонномъ исполненіи данной на приводѣ присяги: „не забывать того, кто порукою кого“ (⁵). И сами хлысты и скопцы, воспоми-

(¹) Тул. Ед. Вѣд. 1867 г. № 6. 204 стр. Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 117 стр.

(²) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1 № 75 стр.

(³) Барсовъ. Дух. ст. люд. бож. № 50, 80 стр.

(⁴) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 308 стр.

(⁵) Барсовъ. № 53, 85 стр.

ная время своего привода, часто, обращаясь въ своему Богу, напѣваютъ:

„Мы твои сироты,
Когда общались
При нашемъ *приводѣ*
Идти за тобою
Въ тѣсныя вѣрота, —
Дали въ томъ поруку,
Идти хоть на муку“ (1).

Естественно, придавая такое важное значеніе приводу, считая его рѣшительнымъ моментомъ для всей остальной жизни вновь поступающаго въ секту, хлысты и скопцы окружаютъ совершеніе этого обряда возможною торжественностію, таинственностію и придаютъ ему даже характеръ нѣкоторой юридической законности. Вообще же о приводѣ должно замѣтить, что онъ, не смотря на нѣкоторыя странности своихъ обрядовъ, изобличаетъ въ составителяхъ его несомнѣнное знаніе природы простолюдина, его вѣрованій, характера и практической жизни.

Обрядъ привода совершается хлыстами и скопцами не вдругъ по изъявленіи желанія новымъ прозелитомъ поступить въ ту или другую секту. Выразившаго желаніе сдѣлаться послѣдователемъ той или другой секты какъ хлысты, такъ и скопцы подвергаютъ строгому и довольно продолжительному искусу. По словамъ Преображенцева, онъ, прежде чѣмъ поступить въ общество хлыстовъ, „шесть недѣль ходилъ на ихъ собранія, гдѣ выслушивалъ только по три стиха“ (2). У дубово-уметскихъ монтанъ такое хожденіе на богослужебныя собранія продолжается „около полугода“ (3). У скопцовъ желающій поступить въ секту долженъ прожить „нѣсколько недѣль“ у скоп-

(1) Барсовъ, № 46, 74 стр.

(2) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6, 202, стр.

(3) Сам. Еп. Вѣд. 1870 г. № 21, 488 стр.

ца, которому отдадутъ его въ наученіе (¹). Въ это время искуса новаго прозелита увѣщаютъ мужественно переносить всѣ скорби, которые могутъ встрѣтятся на пути спасенія; часто указываютъ ему на слова Спасителя: *въ мирѣ скорбни будете; мужайтесь, Азъ побѣдихъ миръ* (²)... Съ цѣлю испытанія вѣры и готовности переносить физическія страданія, новаго прозелита подвергаютъ строгому посту и заставляютъ большую часть времени проводить въ молитвѣ и сокрушеніи о своихъ грѣхахъ (³). Само собою понятно, въ это время отчасти сообщаютъ прозелиту и нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся до той или другой секты, но только отчасти. Когда замѣтятъ въ новичкѣ искреннее, нелицемѣрное желаніе сдѣлаться членомъ того или другого общества, ему позволяютъ „слушаніе духовныхъ стиховъ“ въ большемъ количествѣ сравнительно съ прежнимъ и уже послѣ этого ему усвояютъ наименованіе „названника“ (⁴). Приступаютъ къ избранію—„воспріемнаго отца“, если прозелитъ мужескаго пола, или „воспріемной матери“—въ противномъ случаѣ (⁵). Впрочемъ, относительно воспріемника и воспріемницы слѣдуетъ замѣтить, что таковыми въ хлыстовскихъ и скопческихъ корабляхъ бывають большею частію кормщикъ и кормица, такъ что въ тѣхъ корабляхъ, въ которыхъ за смертію или выbytіемъ перваго управляетъ дѣлами общины вторая, нерѣдко случается, что эта послѣдняя исполняетъ обязанности воспріемника даже въ отношеніи мужинъ—прозелитовъ. Такой обычай особенно часто можно встрѣчать у хлыстовъ, отчасти у скопцовъ (⁶). Воспріемникъ или воспріемница въ от-

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 113 стр.

(²) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 22. 271 стр.

(³) Чтен. въ общ. ист.... 1872 г. 2. 113—114 стр.

(⁴) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 22. 271 стр.

(⁵) Ист. мин. внутр. дѣлъ, VIII т. 502 стр.

(⁶) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6. 203 стр., № 7. 239 стр. Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2. 117 стр.

ношеніи къ восприемаемымъ прежде всего являются руководителями послѣднихъ во время совершенія надъ ними обряда прывода, а потому они иногда называются „вводнымъ отцемъ“ или „вводною матерію“; тотъ или другая наставляють своего питомца, что говорить и какъ поступать въ извѣстныхъ случаяхъ и проч. (¹). Далѣе, воспріемникъ или воспріемница суть отвѣтственныя предъ обществомъ лица за своихъ питомцевъ: тотъ или другая должны наблюдать за поведеніемъ своего питомца, за его религіознымъ развитіемъ и степенью привязанности къ сектѣ; въ случаѣ какихъ либо уклоненій или недостатковъ, замѣченныхъ въ жизни питомцевъ, воспріемникъ и воспріемница обязаны исправить ихъ или же сдѣлать извѣстными всему обществу. Поэтому, во время совершенія прывода, съ вновь поступающаго въ секту воспріемникъ или воспріемница беретъ обѣщаніе, чтобы онъ въ случаѣ, если бы „вражіимъ искушеніемъ въ чемъ либо соблазнился и согрѣшилъ...“, всѣ свои соблазны, грѣхи и всякое сомнѣніе“ чистосердечно открывалъ ему или ей (²). Такимъ образомъ, роль воспріемника и воспріемницы въ отношеніи къ восприемаемымъ есть роль отца и матери и даже „духовника“. Сами хлысты и скопцы смотрять на своихъ воспріемныхъ отцевъ и матерей именно съ этой точки зрѣнія. По ихъ словамъ, „не тотъ отецъ, который родилъ плотию, а тотъ, который родилъ по духу“ (³). Они и называютъ своихъ воспріемниковъ не иначе, какъ „духовнымъ отцемъ“ и „духовною матерію“ (⁴) и даже въ знакъ презрѣнія къ плотскимъ родителямъ и глубокаго уваженія къ новымъ-духовнымъ, перемѣняютъ свое отчество. Отсюда, часто

(¹) Ист. мн. внутр. дѣл. VIII т. 502 стр.

(²) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6. 204 стр.

(³) Чтен. въ общ. ист. 1872 г. 3. 309 стр.

(⁴) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6. 204 стр.

можно встрѣчать, что какой нибудь Василій Михвичъ или Илья Силантьевичъ вдругъ обращаются въ Василія Ариновича и Илью Ариновича т. е. перестаютъ величаться по прежнему отчеству и называются по новому, оригинально составленному изъ имени начальницы корабля Арины (¹). Воспріемникъ или воспріемница заранѣе опредѣляютъ день привода новаго члена. Въ послѣднее предъ этимъ днемъ собраніе вновь вступающій въ секту, по наученію своего духовнаго отца или духовной матери, уже не уходитъ изъ моленной комнаты по выслушаніи имъ опредѣленныхъ стиховъ; онъ обращается къ собранію и „слезно, со всѣмъ усердіемъ“ упрашиваетъ его принять въ свое общество „грѣшную, кающуюся душу“. Собраніе послѣ нѣкотораго обычнаго колебанія и сомнѣнія изъявляетъ свое согласіе на пріяніе въ свое общество новаго послѣдователя (²). Въ день привода повторяется таже смѣшная исторія. Едва только „названникъ“ переступитъ порогъ моленной комнаты, тотъ же вводный отецъ или вводная мать, обращаясь къ нему, спрашиваетъ: „за чѣмъ ты пришелъ?“ Названникъ, наученный ранѣе, машинально отвѣчаетъ: „душу спасти“. Начинается обычное дѣтское препирательство. „Нѣтъ, отвѣчаетъ ему отецъ или мать, ты еще годокъ погоди, не спиши вдругъ-то. У насъ вѣдь, не какъ въ вашемъ (православномъ) басурманскомъ быту, жить трудно. У тебя есть товарищи—пріятели, есть куманьки. А у насъ, братъ, ихъ не надо“ и проч. въ этомъ родѣ (³). Само собою, это препирательство оканчивается всегда въ пользу просителя, но подъ необходимымъ условіемъ со стороны послѣдняго представить собранію поручителя. Такимъ, кромѣ вводныхъ отца или матери, каждый вновь всту-

(¹) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 7. 239 стр. и № 18. 418 стр.

(²) Тамъ же, № 6. 203 стр. Чтен. 1872 г. 3. 308 стр.

(³) Чтен. въ общ. вст... 1873 г. 1. 131 стр.; Этн. сборн. 1864 г. VI вып. Смѣсь. 2 стр. Оренб. Еп. Вѣд. 1881 г. № 1. 35 стр.

цающій въ общество долженъ избрать какого либо святаго, чтимаго православною церковію; преимущественно же избирають св. Николая, Матерь Божию и даже самого Христа Спасителя. Обыкновенно, послѣ выраженія согласія на принятіе въ секту, воспріемникъ или воспріемница спрашиваетъ своего питомца: „кого даешь за себя порукою“? Послѣдній называетъ имя святаго, избраннаго имъ. Спрашивающій видимо удовлетворяется отвѣтомъ спрошеннаго и выражаетъ послѣднему только свое отеческое предостереженіе оставаться вѣрнымъ во всю жизнь избранному святому, чтобы ни словомъ, ни дѣломъ не оскорблять святаго имя (¹). Окончивши эти предварительныя дѣйствія, приступаютъ къ совершенію самаго обряда принятія въ секту. Названника одѣваютъ въ такую же бѣлую одежду, какую имѣють на себѣ; его ставятъ среди комнаты; всѣ прочіе сектанты, до сего времени сидѣвшіе на лавкѣ, теперь встаютъ и устроиваются въ ряды. Вводный отецъ или вводная мать беретъ пучекъ свѣчей зажигаетъ ихъ и раздаетъ присутствующимъ (²). Взявъ въ лѣвую руку крестъ или икону того святаго, котораго избралъ вводный въ своего поручителя, а въ правую— свѣчу, вводный отецъ или вводная мать становится въ переднемъ углу комнаты; предъ нимъ или предъ нею съ подобающимъ благоговѣніемъ устанавливается названникъ (³). Наступаетъ важнѣйшій моментъ торжественнаго произнесенія клятвы новичкомъ, которая должна навсегда закрѣпить его въ ряду послѣдователей той или другой секты (⁴). Полнаго тек-

(¹) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6. 203—204 стр. Чтен... 1873 г. т. 131 стр.

(²) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 308 стр. У Преображенцева показано семь свѣчей—Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6. 204 стр.

(³) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 308 стр. Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6. 204 стр.

(⁴) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ корабляхъ предъ этимъ дѣйствіемъ поютъ тропарь: «Благословенъ еси, Христе, Боже нашъ, иже премудры

ста клятвы ни въ одномъ изъ показаній скопцовъ, а тѣмъ болѣе хлыстовъ, у которыхъ встрѣчаются только намѣки, нельзя найти. Изъ сопоставленія, однако, отрывковъ этой клятвы, встрѣчающихся въ разныхъ показаніяхъ, можно замѣтить, что они имѣютъ ближайшую связь между собою и, поэтому, могутъ быть приведены въ нѣкоторую систему. Мы представляемъ здѣсь опытъ такой систематизаціи. По словамъ Андреянова, учитель (т. е. въ данномъ случаѣ воспріемникъ или воспріемница), отдавъ приказаніе названнику: „словами говори за мной“! „самъ, крестясь рукою, начинаетъ, говорить, и тотъ, вмѣстѣ съ нимъ крестясь, говоритъ сперва: „во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь“. А потомъ заповѣдь ихъ, начала которой, замѣчаетъ Андреяновъ, онъ не помнитъ ⁽¹⁾. Кажется, такимъ началомъ этой заповѣди, точнѣе клятвы, можно считать слѣдующія слова, приводимыя Созоновичемъ въ его показаніи и прекрасно дополняемыя калужскими скопцами, которые также произносятся и вводящимъ и вводимымъ: „Пришелъ я къ тебѣ, Господи, на истинный путь спасенія не по неволѣ, но по своему желанію. Приими мя Господи, приими, Сынъ Божій, приими Мать пресвятая Богородица! И обещаюсь тебѣ, Господи, про сіе святое дѣло никому не повѣдать: ни отцу, ни матери, ни роду, ни племени; а буде повѣдаю, не поддержи меня мать сыра земля, не дай матушка, солнце красное, мнѣ свѣта бѣлаго! Дай мнѣ, Богъ, огонь и пламя, и кнутъ и Сибирь претерпѣть, а сіе дѣло не отложить, чтобы ни архіереямъ, ни священникамъ, ни роду, ни племени, ни сырой землѣ не сказать!“ ⁽²⁾... Далѣе

ловцы явлей»...., или же: «Елицы во Христа крестистесе».... «Придите поклонися и припадемъ во Христа»... Чтен. 1873 г. 1. 131 стр. и 1872 г. 1. 84—85 стр.

⁽¹⁾ Чтен. въ общ. ист. 1872 г. 2. 109 стр.

⁽²⁾ Тамъ же, 1. 85 стр.—1873 г. 1. 47 стр.

продолженіемъ клятвы можно считать слова Андреянова: „пива и вина (слѣдуетъ разумѣть: „общаюсь, Господи“)“ (¹) не пить, жить не къ тому убо пристрастно, но безстрастно; на родины, на крестины, на никольщины, на свадьбы и на похороны не ходить. И изъ таковыхъ людей бывають херувимы, серафимы, архангелы и ангелы, апостолы, пророки и учителя. И мнѣ грѣшному, какое дѣло Божіе открывается, чтобы никому не сказывать, и не показывать ни отцу, ни матери, ни роду, ни подроудку, ни попу, отцу духовному, ни другу своему мірскому, хотя огонь принять, хотя кнутъ принять. А если я, грѣшный, сіе дѣло Божіе не сохраню, и на пути Божіемъ не устою, то побѣди меня, Господи, въ семь свѣтѣ и будущемъ вѣкѣ“ (²). За произнесеніемъ этихъ клятвъ слѣдуетъ прощаніе приводимаго въ секту со всею видимою и невидимою природою, которое выражается слѣдующими словами: „Прости меня, Господи, прости меня Пресвятая Богородица, простите меня ангелы, архангелы, херувимы, серафимы и вся небесная сила; прости небо, солнце, мѣсяць, звѣзды, земля, озера, рѣки, горы и вся стихія!“ (³). Въ заключеніе клятвы оба—и вводящій и вводимый—также торжественно, во всеуслышаніе, исповѣдуютъ вѣру, что „въ сіе время (т. е. при произношеніи клятвы) ангель Божій сходилъ съ неба и записадъ сію (т. е. вводимую) душу въ томъ, что она обещается служить Богу до конца жизни вѣрно“ (⁴). Въ знакъ всегдашней своей вѣрности данной клятвѣ вводимый, по приказанію воспріемнаго отца, полагаетъ предъ крестомъ или иконой три земныхъ поклона и цѣлуетъ тотъ или другую; точно также онъ, крестясь, поклоняется са-

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. 85 стр.

(²) Тамъ же.—2. 109—110 стр.

(³) Тамъ же.—1. 85 стр. См. также 1873 г. 1. 47 стр.

(⁴) Тамъ же. 2. 110 стр.

тому духовному отцу и всѣмъ прочимъ сектантамъ⁽¹⁾. Взявъ затѣмъ новоприведеннаго за руку, воспріемникъ обходитъ съ нимъ троекратно вокругъ стола поставленнаго среди комнаты, на которомъ обыкновенно лежитъ въ это время евангеліе. Все собраніе, стоя, поетъ въ это время тропарь богоявленію: „Во Іорданѣ крещающуся“.... или стихъ: „Елицы во Христа крестистесь“⁽²⁾.... У нѣкоторыхъ скопцовъ, по окончаніи круговаго хожденія, читаютъ мѣста изъ евангелія (напр. Матѳ. X гл. 16—22 ст.; У гл. 28—30 стихи и т. д.) и другихъ книги св. писанія и произносятъ родъ ектеньи, въ которой вѣрные и праведные приглашаются помолиться объ Акулинѣ Ивановѣ, Петрѣ Θεодоровичѣ и проч.⁽³⁾. Когда пѣніе и чтеніе умолкнутъ, новоприведеннаго поздравляютъ „съ обновленіемъ души и тѣла“⁽⁴⁾, цѣлуются съ нимъ⁽⁵⁾ и увѣряютъ его, что всѣ грѣхи, содѣянные имъ до этого времени, прощены и что онъ теперь значится „духовнымъ христіаниномъ“, „братомъ духовнымъ обществу по Богѣ“, а самому начальнику или начальницѣ корабля „духовнымъ сыномъ“. Въ удостовѣреніе всецѣлой преданности и любви всего корабля къ новому его члену, послѣдняго, по распоряженію воспріемника или воспріемницы, иногда ставятъ въ переднемъ углу, давъ ему въ руки икону и свѣчу. При пѣніи церковной пѣсни: „Упованіе наше, Матерь Божія, на тебя возлагаемъ“.... сначала самъ духовный отецъ, а потомъ и все собраніе прикладывается къ иконѣ и свѣчѣ, находящимся въ рукахъ

(1) Чтен. въ общ. ист.. 1872 г. 2. 110 стр. и Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6. 204 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист.. 1872 г. 2. 111 стр. Тамъ же, 1873 г. 1. 132 стр. Добротворскій, 59 стр.

(3) Сборт. Кельс. III. 140 стр.

(4) Чтен. въ общ. ист.. 1872 г. 3. 308 стр.

(5) Тамъ же, 2. 112 стр.

новопросвѣщеннаго ⁽¹⁾. Этимъ и оканчивается совершение обряда принятія въ секту; иногда, впрочемъ, по окончаніи его слѣдуетъ совершение обыкновеннаго радѣнія ⁽²⁾. Само собою понятно, радостнымъ чувствамъ по случаю привода новаго члена въ секту нельзя положить и предѣла; всѣ сектанты ликуютъ и радуются. Андреяновъ, говоря о своемъ приводѣ, замѣчаетъ, что „божіи“ по окончаніи этого обряда, постоянно обращались къ нему съ вопросомъ: „что у Господа какой великій праздникъ бываетъ“? Такъ какъ самъ Андреяновъ не въ состояніи былъ отвѣтить на предлагаемый вопросъ, то они ему „изъ священнаго писанія“ доказывали, что „у Господа тогда великъ праздникъ бываетъ, когда грѣшная душа обратится на покаяніе, и ангели божіи на небеси радуются объ душѣ оной“ ⁽³⁾. Въ одномъ изъ своихъ духовныхъ роспѣвцевъ хлысты и скопцы, между прочимъ, такъ выражаютъ свои радостныя чувства по случаю совершившагося привода въ секту новой жертвы:

„Возрадуется земля,
Беселятся небеса,
Вкупѣ чловѣки,
Всегда жъ и во вѣки
Со ангелы и архангелы,
Со всѣми святыми —
Апостолы, пророки, мученики божіи.
Избранная дѣвица чиста,

⁽¹⁾ Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6. 203 стр.

⁽²⁾ Тамъ же; Ист. Мин. внут. дѣлъ VIII т. 503—504 стр. Чтен... 1872 г. 2. 141 стр. — У ерыклинскихъ монтанъ велѣдъ за окончаніемъ обряда принятія въ секту совершаются «просвѣщеніе грѣшной души и освященіе благаго тѣла»—дѣйствія весьма нецѣломудреннаго свойства и т. наз. «почелобитствованіе», состоящее въ томъ, что вводимый или вводимаая даетъ своему духовному отцу или духовной матери какой либо вещественный подарокъ (Самар. Еп. Вѣд. 1870 г. № 21. 493—494 стр.).

⁽³⁾ Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 140 стр.

Дѣвственна душа,
Котора на свѣтѣ грѣхи тяжки обошла,
Безъ всякаго порока
Къ Создателю пришла“ (¹)....

Обрядъ прощенія. По словамъ скопца, если заподозрятъ кого нибудь въ отступленіи отъ сектаторскихъ правилъ, то виновнаго, передъ совершеніемъ богомоленія, требуютъ въ соборъ, гдѣ и заставляютъ его просить у собравшейся братіи прощенія. Обрядъ прощенія совершается такъ. Когда всѣ собравшіеся въ моленную комнату сядутъ вокругъ стѣнъ по лавкамъ,—входитъ тотъ, кто приговоренъ просить прощеніе. Сдѣлавъ три земныхъ поклона на портретъ Селиванова, виновный становится на колѣна и, оставаясь въ такомъ положеніи, говоритъ: „простите меня, братцы родимые, Христа ради“. Скопцы въ это время сидятъ, не двигаясь съ мѣстъ. Между тѣмъ, старшій пророкъ обращается къ виновному напр. съ такою рѣчью: „вотъ, Иванушко, видишь, надо помнитъ и впредь не забываться, потому, значитъ“ и проч. За тѣмъ, по окончаніи рѣчи, всѣ разомъ, со всѣхъ четырехъ лавокъ кланяются виновному съ причитаніемъ: „спаси, батюшка родимый“ и проч. Онъ встаетъ, раскланивается на всѣ четыре стороны, и за тѣмъ уже начинается обычное моленіе (²).

Молитвословіе о здравіи именинника. По словамъ Преображенцева, каждый сектантъ въ день своихъ именинъ собираетъ своихъ единовѣрцевъ въ моленную комнату, приноситъ съ собою въ послѣднюю пирогъ, восковую свѣчу и деньги. Собравшіеся хлысты совершаютъ „бесѣду“, но въ чемъ она состоитъ и какъ совершается — не извѣстно. По окончаніи бесѣды, въ честь именинника поютъ скорымъ напѣвомъ духов-

(¹) Добротворскій, Пѣсн. № 84. 198 стр.

(²) Журн. роман. и повѣстей, изд. «Недѣля» 1881 г., № 1. 63—64 стр.

ный распѣвецъ, въ которомъ, подь образомъ пташекъ, сидящихъ на кипарисовомъ деревцѣ, среди двора, хлысты приглашаютъ самихъ себя воспѣть именинника, воздать ему должную честь. Подь пѣніе этого распѣвца именинникъ неистово вертится на одной ногѣ. Окончивъ пѣніе распѣвца, всѣ присутствующіе кланяются имениннику; съ своей стороны и онъ также кланяется собранію и благодаритъ за оказанную честь. Слѣдуетъ угощеніе: столъ накрываютъ бѣлою скатертью, ставятъ на немъ принесенный пирогъ и, помолвившись, садятся на лавки. Пропѣвъ стишокъ:

„Съ неба къ намъ скатилъ,
Намъ трапезу благословилъ!
Извольте вы кушать,
Словъ Божіихъ слушать!“

пирогъ разрѣзываютъ и каждый сектантъ беретъ свою часть, именинникъ же каждому берущему кланяется и проситъ о молитвѣ за него. Когда съѣдятъ пирогъ, всѣ сектанты поднимаются съ своихъ мѣстъ, снова молятся, прощаются другъ съ другомъ и расходятся (').

Погребеніе и поминовеніе умершихъ. По словамъ того же Преображенцева, въ то время, когда замѣтятъ, что какой либо сектантъ находится при послѣднемъ издыханіи, всѣ хлысты извѣстнаго корабля собираются въ моленную горницу и здѣсь „весьма протяжнымъ и печальнымъ голосомъ“ поютъ молитву Іисусову: „Дай намъ, Господи“....., какъ бы напутствуя отходящую душу въ жизнь будущую. Въ домѣ умершаго, надъ послѣднимъ молитву Іисусову читаютъ шопотомъ, „дабы мірскіе люди (которые, очевидно, всегда могутъ быть въ это время) не могли слышать“. Похоронивъ умершаго, конечно по православному обряду, хлысты собираются въ моленную комнату; сюда родственники умершаго, если они сектанты, приносятъ блины или бѣлый хлѣбъ, восковую

(') Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 7. 239—240 стр.

свѣчу и деньги: Совершаютъ „святу ю бесѣду“ по умершемъ. Во время бесѣды пророкъ, какъ бы вдохновенный свыше, рассказываетъ собранію о томъ, „въ какомъ состояніи находится душа умершаго“; впрочемъ, онъ всегда побуждаетъ родственниковъ къ поминновенію и подаванію милостыни за отшедшую душу. По окончаніи бесѣды, принесенные блины или хлѣбъ ставятъ на столъ, покрытый бѣлою скатертью или полотенцемъ, разводятъ въ чашѣ канунъ, надъ кануномъ зажигаютъ восковую свѣчу. Всѣ присутствующіе въ моленной, обратившись лицомъ къ столу, поютъ печальнымъ голосомъ ту же Іисусову молитву, по окончаніи которой, каждый изъ нихъ по порядку, подходитъ къ столу и здѣсь первоначально поминваетъ усопшаго кануномъ, а потомъ беретъ блинъ или часть хлѣба; родственники умершаго каждому подошедшему къ столу кланяются въ ноги и просятъ о поминѣ души усопшаго. Когда все принесенное съѣдятъ, хлысты снова творятъ молитву объ умершемъ и расходятся по домамъ (¹).—У закавказскихъ скопцовъ умершаго одѣваютъ въ „парусъ“ т. е. въ радѣльную рубаху и кладутъ по преимуществу во гробъ. Тѣлу не оказываютъ никакого уваженія, исключая тѣло, отъ рожденія оставшееся дѣвственнымъ (²).

Водосвятіе. У закавказскихъ скопцовъ чинъ водосвященія совершается такъ: старшій, т. е. корипикъ корабля, поставивъ въ передній уголь, подъ образами, сосудъ съ водою, по своему произволу, на память, читаетъ разныя молитвы; затѣмъ произноситъ нѣкоторыя мѣста изъ „Страдъ“, иногда тропарь: „во Іорданѣ крещающуся“... и погружаетъ въ воду животворящій крестъ. Освященную такимъ образомъ воду даютъ пить, а иногда и кропятъ ею (³).

(¹) Тул. Вѣд. 1867 г. № 7. 240—241 стр.

(²) Чтен. въ общ. собр. 1864 г. IV. 58 стр.

(³) Такъ же.

3) Совершенство таинствъ у хлыстовъ и скопцовъ.

Изъ обозрѣнія догматическаго ученія хлыстовъ и скопцовъ намъ извѣстно, что какъ тѣ, такъ и другіе отрицаютъ таинства православной церкви и въ томъ своемъ отрицаніи они руководятся тѣмъ, что послѣднія, кромѣ внѣшней обрядовой стороны, не имѣютъ будто бы ничего болѣе, совершеніе ихъ не сообщаетъ человѣку даровъ благодати, не дѣлаетъ его святымъ; Отрицая на такихъ основаніяхъ необходимость таинствъ, совершаемыхъ въ православной церкви, хлысты и скопцы вмѣсто нихъ выдумали свои. Мы уже замѣтили, что сектанты разнымъ своимъ богослужебнымъ дѣйствіямъ усвояютъ значеніе различныхъ таинствъ православной церкви. Такъ, по ихъ мнѣнію, таинству крещенія, совершаемому въ православной церкви, соответствуетъ у нихъ обрядъ „привода“, которому долженъ подвергаться каждый вновь поступающій въ ту или другую секту; кромѣ того, у скопцовъ существуетъ еще крещеніе огнемъ, т. е. оскопленіе; таинству покаянія соответствуетъ „частное слово“ или пророчество, въ которомъ пророкъ, предрекая судьбу того или другаго члена корабля, въ тоже время обличаетъ его во грѣхахъ, побуждаетъ къ покаянію и разрѣшаетъ; вмѣсто таинства причащенія они постоянно, въ каждомъ собраніи, слушаютъ изрѣченія своихъ пророковъ—эти „мягкіе и горячіе пироги, вынимаемые прямо изъ печи“, по выраженію хлыстовъ и т. д. Само собою понятно, подобное пониманіе таинствъ равносильно полному отрицанію ихъ, какъ особаго вида богослужебныхъ дѣйствій. Но кромѣ этихъ, такъ сказать, аллегорическихъ таинствъ, у хлыстовъ, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ, существуютъ еще другія формы совершенія трехъ таинствъ: крещенія, покаянія и причащенія, у скопцовъ же—только одного послѣдняго. Такъ, у тамбовскихъ хлыстовъ таинство крещенія совершалось только надъ совершеннолѣтними и состояло въ возложе-

ни образа на голову крещающагося и поливаній послѣдняго водою⁽¹⁾. Тѣ же хлысты таинство покаянія совершали предъ своими христами, богородицами и пророками. На основаніи повелѣнія: „первенствующему христіанину надлежитъ приносить покаяніе еженедѣльно, а мірянину хотя съ принужденіемъ одинъ разъ въ годъ“, они совершали покаяніе нѣсколько разъ въ годъ. Въ случаѣ смерти; когда по близости не находилось челобѣка, одареннаго особою благодатію, они обращались и къ обыкновенному члену союза, который и разрѣшалъ грѣхи кающагося⁽²⁾. У другихъ хлыстовъ покаяніе совершалось нѣсколько иначе. По словамъ г. Добротворскаго, для исполненія таинства исповѣди, хлысты „предварительно молятся нѣсколько дней, но не иначе какъ въ лѣтнее время; потомъ всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, во грѣхахъ каются богородицѣ; послѣ, каждый изъ нихъ по одиночкѣ ходитъ одинъ для исповѣди въ лѣсъ или степь, по своему желанію, и не иначе какъ въ полночь. Наконецъ, предъ причащеніемъ, вышедъ всѣ изъ моленной, входятъ въ оную по одному и тамъ, ставши на колѣна, каются еще предъ чаномъ, наполненнымъ водою, во грѣхахъ духовно“⁽³⁾.—Наконецъ, кромѣ причащенія грудью дѣвicy и тѣломъ и кровію младенцевъ, у хлыстовъ существуютъ еще другія формы причащенія. Изъ послѣднихъ самую распространенною и употребительною формою причащенія можно считать причащеніе хлѣбомъ и водою, иногда вмѣсто послѣдней квасомъ. Такое причащеніе совершалось еще во времена Сулова⁽⁴⁾. Способъ совершенія этой формы причащенія приблизительно можно описать такъ. Во время богослуженныхъ со-

(1) Тамб. Еп. Вѣд. 1862 г. № 5, 241 стр.

(2) Тамъ же.

(3) Люди божіи, 186—187 стр.

(4) Геутскій, Люди божіи и скопцы, 28 стр.

браній, и именно послѣ произнесенія пророчествъ, кормщикъ или кормщица корабля, подошедши къ столу, рѣжетъ лежащій на немъ хлѣбъ на части, а въ воду, находящуюся въ особой кружкѣ, троекратно погружаетъ осьмиконечный крестъ. Всѣ присутствующіе по порядку подходятъ къ столу; кормщикъ или кормщица, произнося слова: „пріимите, ядите“... и „пійти отъ нея вси“..., каждому подошедшему даетъ часть хлѣба, которую послѣдній тутъ же съѣдаетъ, запивая изъ кружки водою (¹). По показанію табовскихъ хлыстовъ, хлѣбъ, употребляемый ими для причащенія, изображаетъ „слово божіе“ а вода — „слезы кающагося грѣшника“ (²). У другихъ хлыстовъ вмѣсто хлѣба употребляются для причащенія „растертая пишечка годовой вербы“, кромѣ того у нихъ употребляется не обыкновенная вода, а непременно „годовая“ (³). У ерыклинскихъ монтанъ были въ употребленіи особыя пряники, по виду желтоватыя, которыми они причащались, положивъ ихъ предварительно во щи. Пряники эти привозились изъ Москвы (⁴).—У скопцовъ веществомъ для причащенія служитъ преимущественно хлѣбъ—въ видѣ ли крендельковъ, баранокъ, сухариковъ и т. д. или же въ видѣ разрѣзанныхъ кусочковъ обыкновеннаго хлѣба. Долгое время скопцы получали подобное причащеніе отчасти изъ Суздаля и Петербурга, но главнымъ образомъ изъ Шлиссельбурга и получали его уже освященнымъ, готовымъ къ употребленію. Въ Суздаль и Петербургъ оно освящалось самимъ Селивановымъ, въ Шлиссельбургѣ же — чрезъ опущеніе въ особыя отверстія, находившіяся въ плитѣ надгробнаго памятника Александра Шилова (⁵). Кромѣ хлѣба въ

(¹) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 382 стр., Реутскій—28—29 стр.

(²) Тамб. Еп. Вѣд. 1862 г. № 5. 311 стр.

(³) Добротворскій—187 стр.

(⁴) Сам. Еп. Вѣд. 1875 г. № 15. 334—335 стр.

(⁵) Чтен. въ общ. ист. 1872 г. 2. 168—170 стр.

разныхъ его видахъ скопцы иногда употребляютъ для причащенія „порошокъ изъ сушеной рубы и сахара въ соединеніи съ водою“, нѣкоторые же скопцы удовлетворяются даже водою, предварительно, впрочемъ, освященною по особому чину ⁽¹⁾. Въ кораблѣ Милютина причащеніе совершалось такъ. Настасья Семеновна, кормица корабля, брала серебряную вызолоченную тарелку, сдѣланную въ родѣ церковнаго дискаса на высокомъ поддонѣ, на которой находились кубическіе кусочки сухарей изъ бѣлаго хлѣба съ нарѣзанными на нихъ изображеніями креста. Эти кусочки она раздавала всѣмъ присутствовавшимъ, которые принимали ихъ съ величайшимъ благоговѣніемъ, какъ бы даръ Вожій ⁽²⁾. Какимъ образомъ совершалось причащеніе въ другихъ корабляхъ—неизвѣстно.

Намъ теперь остается сказать послѣднее слово о скопческой сектѣ въ ея отношеніи къ сродной съ нею сектѣ хлыстовъ. Мы считаемъ излишнимъ входить здѣсь въ полемику съ писателями о скопческой сектѣ, которые полагаютъ, что скопческая секта тождественна съ сектою хлыстовъ и отличается только однимъ внѣшнимъ признакомъ,—считаемъ излишнимъ потому, что писатели съ такимъ мнѣніемъ не представляютъ никакихъ доказательствъ въ пользу своего положенія. Мы обратимъ здѣсь вниманіе только на мнѣніе г. Е. Барсова, который полагаетъ, что „скопчество не есть самостоятельная секта, а скорѣе хлыстовскій монашескій орденъ“ ⁽³⁾. Свое мнѣніе Барсовъ подтверждаетъ тѣмъ, что самъ основатель скопческой секты смотрѣлъ на своихъ послѣдователей, какъ на монаховъ. Обозрѣвая доказательства, при-

⁽¹⁾ Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 168 стр.

⁽²⁾ Тамъ же, 1873. 1. 124 стр.

⁽³⁾ Прав. Обзор. 1873 г. № 2, 311 стр.

видимыя скопцами въ защиту ученія о необходимости для человѣка оскотленія, мы, между прочимъ, видѣли, что скопцы, желая оправдать свое преступленіе предъ обществомъ и государствомъ; дѣйствительно, приравниваютъ свое положеніе къ монашескому, смотря на себя, какъ на монаховъ. Изъ этого послѣдняго воззрѣнія на себя, какъ на монашествующее сословіе, ясно открывается, изъ какихъ источниковъ происходитъ такое воззрѣніе скопцовъ на себя. Очевидно, что скопцы смотрятъ на себя, какъ на монаховъ не въ отношеніи къ хлыстамъ, но смотрятъ на себя такъ потому, что видятъ въ господствующей церкви нѣчто, по ихъ мнѣнію, подобное ихъ состоянію. Отсюда само собою разрѣшается и предположеніе г. Барсова, о скопческой сектѣ, какъ о хлыстовскомъ монашескомъ орденомъ. Ясно, что скопчество не можетъ быть монашескимъ орденомъ хлыстовъ уже потому, что скопцы считаютъ себя монахами отнюдь не въ отношеніи къ хлыстамъ. Если присоединить къ этому еще то обстоятельство, что самъ основатель скопческой секты считалъ себя и свое общество выше хлыстовскаго общества, то мнѣніе г. Барсова падаетъ, такъ какъ съ понятіемъ ордена всегда соединяется понятіе о подчиненности тому обществу, котораго извѣстное общество составляетъ орденъ.

Не составляя хлыстовскаго монашескаго ордена, *секта скопцовъ есть отдѣльная, отличная отъ секты хлыстовъ.* Въ самомъ дѣлѣ, мы уже видѣли, что въ ученіи догматическомъ скопчество существенно отличается отъ хлыстовщины. Въ ученіи нравственномъ скопцы, правда, сходятся съ хлыстами, но сходство это только видимое, кажущееся; на самомъ же дѣлѣ нравственное ученіе скопцовъ отличается отъ ученія хлыстовъ и по цѣли, къ которой должна быть направлена нравственная дѣятельность человѣка и по средствамъ, какія служатъ для достиженія этой цѣли и, наконецъ, по самому понятію о нравственности. Отличаясь въ религиозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ,

хлысты и скопцы отличаются между собою и какъ общество гражданское; вредъ первыхъ, очевидно, не такъ значителенъ для государства, какъ вредъ послѣднихъ. Остается сказать о богослужебномъ культѣ. Правда, какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ культъ, какъ мы уже видѣли, съ весьма немногими разностями — одинъ и тотъ же. Но очевидно, ради этого одного сходства никто не станетъ утверждать, что секта скопцовъ тождественна съ сектою хлыстовъ. Культъ имѣетъ второстепенное значеніе; онъ можетъ быть одинъ и тотъ же въ двухъ обществахъ, но въ тоже время эти общества, однако, будутъ отличны между собою. Если, такимъ образомъ, секта скопцовъ отличается отъ сродной съ нею секты хлыстовъ съ трехъ сторонъ и если эти отличія касаются существенно важныхъ пунктовъ ученія, то, само собою понятно, для признанія ея сектою отдѣльною, отличною отъ хлыстовщины не можетъ быть никакихъ препятствій.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стран.</i>
ОБЗОРЪ ЛИТЕРАТУРЫ	
а) по предмету хлыстовской секты	3.
б) по предмету скопческой секты	17.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

А.

Исторія секты хлыстовъ	39.
Періодъ первый. 1631—1734 гг.	40.
Періодъ второй. 1734—1752 гг.	67.
Періодъ третій. 1752—1880 гг.	89.

Б.

Исторія секты скопцовъ.	
1) Исторія скопчества вообще	97.
2) Появленіе скопчества на Руси въ XVIII столѣтій, причина его возникновенія и отличіе его отъ древняго скопчества .	106.
3) Личность основателя скопческой секты: его происхожденіе и имя; его внѣшній видъ и характеръ	113.
4) Начало исторіи скопческой секты, общій взглядъ на нее и раздѣленіе ея	122.
Первый періодъ исторіи скопчества 1772—1775	126.
Второй періодъ 1775—1802	147.
Третій періодъ 1802—1820	172.
Четвертый періодъ 1820—1832	218.
Пятый періодъ 1832—1880	234.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

А.

Ученіе секты хлыстовъ.	269.
1) Догматическіе ученіе	274.
2) Нравственное ученіе.	306.
3) Бытъ хлыстовъ	323.

II

Стран.

В.

Учение секты скопцовъ	345.
1) Догматическое учение	347.
2) Нравственное учение	381.
3) Физиология оскотления	394.
4) Бытъ скопцовъ	416.

ТРЕТИЙ ОТДѢЛЪ.

Культъ хлыстовъ и скопцовъ	450.
--------------------------------------	------

I.

1) Устройство хлыстовско-скопческихъ кораблей	452.
2) Мѣсто богослуженныхъ собраній	465.
3) Время богослуженныхъ собраній	477.
4) Одежда и другія богослуженныя принадлежности	482.

II.

1) Богослуженіе хлыстовъ и скопцовъ: его характеръ и главныя составныя части	486.
а) Круженіе и бѣганье	490.
б) Пророчества	511.
в) Иѣніе распѣвцевъ	525.
2) Виды хлыстовско-скопческаго богослуженія и соверше ніе ихъ	531.
3) Совершеніе таинствъ у хлыстовъ и скопцовъ	570.
Заключеніе	573.